

В.Л. Янин

НОВГОРОДСКИЕ ПОСАДНИКИ

STUDIA HISTORICA

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	7
Глава 1. Летописные списки новгородских посадников	23
Первый извод списка посадников	25
Второй извод списка посадников	32
Сравнительное изучение двух изводов посадничьих списков	38
История посадничьих списков в связи с историей летописания	54
Предварительная характеристика посадничьих списков	62
Глава 2. Посадники древнейшей поры и восстание 1136 г.	64
Новгородское посадничество до конца XI в.	65
Время Мстислава Владимировича и первые преобразования в новгородском посадничестве	78
Посадники времени Всеволода Мстиславича и восстание 1136 г.	88
Печати новгородских посадников времени Всеволода Мстиславича	106
К вопросу о хронологии «Уставов Всеволода»	121
Глава 3. Внутрибоярская борьба за посадничество в XII — начале XIII в. (1136—1207 гг.)	136
От восстания 1136 г. до смерти Андрея Боголюбского (1174 г.).....	138
Возобновление антикняжеской борьбы боярства в конце XII в.	151
Восстание 1207 г.	162
Боярские группировки второй половины XII в.	166
«А без посадника ти, княже, суда не судити...»	174
Глава 4. Посадничество в XIII в.	183
Посадничество при Твердиславе Михалковиче	183
Внутрибоярская и антикняжеская борьба в 1220-х и начале 1230-х гг.	193
Посадничество в середине XIII в.	201
Посадники 1260—1280-х гг.	212
Вопрос о республиканских печатях XIII в.	228

Глава 5. Коренные преобразования республиканского управления в конце XIII в. и возникновение кончанского представительства в посадничестве	236
Возникновение годичного срока посадничества	236
Общие преобразования государственной власти в конце XIII в.	244
Глава 6. Посадники XIV — начала XV в. и оформление коллективного посадничества	251
Посадники 1316—1346 гг.	253
Обострение кризиса и реформа Онцифора Лукича	262
Посадники 1380-х гг.	287
Посадники 1390-х гг.	293
Посадники начала XV в.	298
Печати новгородских посадников XIV — начала XV в.	303
Глава 7. Посадники первой четверти XV в. и реформа 1410-х гг.	317
Реформа посадничества в 1410-х гг.	317
Восстание Степанки в 1418 г.	332
Сфрагистические свидетельства реформ 1410-х гг.	345
Глава 8. Степенные посадники последнего периода Новгородской республики	355
Посадники 1430-х гг.	357
Посадники 1440-х гг.	364
Посадники 1450-х гг.	371
Посадники 1460-х и 1470-х гг.	376
Глава 9. Олигархическое посадничество XV в. и его структура	390
Структура посадничества в последний период независимости	390
Посадничество XV в. как орган боярской олигархии	411
«Печати Великого Новгорода»	447
Заключение	490
Алфавитный указатель посадников	501
Список сокращений	512

ВВЕДЕНИЕ

В истории средневековой Руси Новгороду принадлежит значительное и своеобразное место. Это своеобразие, обусловленное неповторимыми особенностями новгородского государственного строя, никогда не перестанет привлекать внимание исследователей. Биение пульса общественной жизни в Новгороде было более частым, чем во многих других современных ему русских государствах. Более высокой была в нем и политическая активность всех слоев общества, степень воздействия которых на формирование новгородских государственных институтов определялась их прямым или косвенным участием в политической жизни города и государства.

Своеобразие новгородской государственности таково, что ставит в тупик любого исследователя, поставившего целью определить в простейших формулах ее характер. Новгородский «вечевой строй» привычно называют республикой. Однако на протяжении всего периода независимости структура новгородского государства неизменно включала княжеский стол. Неверно было бы включать Новгород и в число древнерусских княжеств, как это не так давно было сделано, например, в одном из коллективных сборников ¹. Договорные грамоты Новгорода с князьями демонстрируют столь высокую степень ограничения княжеской власти органами боярской государственности, что князь в Новгороде предстает лишь одним из правящих органов властной системы. В эпоху расцвета новгородской государственности в XIII—XIV вв. он не имеет права собирать государственные доходы «своими людьми», владеть землей в новгородских пределах и «кончать суд без посадника» в совместном с посадником суде; новгородцы же вольны пригласить князя и изгнать его по своему желанию. Новгородская государственность, следовательно, предстает перед нами как сложный симбиоз органов республиканской и княжеской власти, соотношение которых отнюдь не неизменно.

---

¹ Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975.

Отличаясь своеобразием, новгородская средневековая государственность была в то же время чисто русским явлением — одним из вариантов феодального государства, вызванного к жизни теми же общеисторическими закономерностями, которые действовали повсюду на территории раздробленной Русской земли. Причины, породившие новгородскую государственность и определившие ее многочисленные позднейшие преобразования, заслуживают самого пристального внимания. Наиболее важен вопрос о формах развития в Новгороде социальной борьбы, который невозможно рассматривать, обособившись от истории его государственных институтов.

Этот вопрос не только важен, но и сложен. Все те явления новгородской государственной жизни, которые в своей совокупности кратко называются «вечевым строем», постоянно вели к представлению о существовании в Новгороде народоправства. В русской литературе первой половины XIX в. прочно утвердилась мысль о Новгороде как символе вольности и народной свободы:

Глас любезнейший народу,
Гнусна рабства грозный враг!
Глас, вещающий свободу
И тиранам гордый страх!
Век по стогнам раздавайся,
И свободу здесь тверди,
В сердце вольном отзывайся,
И блаженства нам блюди! ²

Эти строки Ф. Ф. Иванова прекрасно характеризуют популярное представление старой русской исторической литературы о вечевом строе Новгорода, сыгравшее роль в формировании демократических взглядов А. Н. Радищева, декабристов и А. И. Герцена, но неверное по своему существу.

Вечевой строй сравнительно с организацией управления в княжествах в самом деле отличался видимыми чертами демократизма в его средневековых формах, но этот демократизм иллюзорен. Новгородский вечевой строй является образцом демократии в ее боярском варианте. Власть в Новгородском государстве принадлежала не какому-то идеальному межклассовому сообществу, а богатейшим землевладельцам, на что, в частности, указывает численность общегородского веча, которое в немецком источнике 1331 г. носит название «300 золотых поясов». По-видимому, этот термин к XIV в. был реликтом, отражая бывшее равное представительство трех древнейших концов. Когда концов стало пять, число вечников могло возрасти до пятисот, а это примерное число крупных городских усадеб Новгорода и, следовательно, коли-

² Иванов Ф. Ф. Марфа Посадница. М., 1824.

чество богатейших дворовладельцев. Представления Н. М. Карамзина о десяти тысячах вечников никак не вписываются в топографию вечевой площади, вместимость которой соответствует нескольким сотням, но никак не тысячам участников.

В нашу задачу входит рассмотрение главной проблемы — вопроса о связи развития новгородских государственных институтов с историей политической борьбы, прежде всего с историей борьбы внутри главного правящего сословия — боярства.

Еще в исследованиях В. В. Пассека, С. М. Соловьева, В. О. Ключевского, Н. А. Рожкова было обращено внимание на обычное противопоставление летописцем Софийской стороны Новгорода — Торговой стороне. Это противопоставление приобретает тем большую конкретность, что на протяжении XII—XV вв. стороны неоднократно выступают одна против другой с оружием в руках, а Великий мост, соединяющий обе половины Новгорода, служит привычным местом схватки или разбирается для укрепления обороны.

Противопоставление сторон летописцем породило чрезвычайно распространенный в старой литературе вывод о том, что Волхов был не только административной, но и классовой границей внутри города. В. В. Пассек приходил к заключению, что Софийская сторона была заселена боярами-землевладельцами, тогда как основное население Торговой стороны составляли ремесленники и купцы: «Все без исключения данные говорят, что Софийская сторона была стороною боярскою, а Торговая сторона — стороною купеческого или черного народа»³. В. В. Пассек не допускал даже мысли, что кто-либо из бояр мог жить на Торговой стороне. Обратив внимание на возникновение время от времени коалиции Торговой стороны и Неревского конца, он писал по этому поводу: «Козни и соперничества между боярскими семьями уже в XIII столетии раскрывали возможность для Торговой стороны найти между боярами таких лиц, которые готовы были вести ее или идти с ней против своих же братьев бояр, против главы боярства и всего Новгорода — против посадника, мало того, давали возможность Торговой стороне найти себе естественную опору в целой толпе бояр — в целом конце»⁴.

Подобный взгляд продемонстрирован и в работах В. О. Ключевского: «Когда народ подозревал или видел со стороны выборных властей либо всего правящего класса замыслы или действия, казавшиеся ему преступными или опасными, тогда вече, преобразуясь в верховное судилище, получало не всенародный, а престолярный состав, становилось односторонним, представляя одну

³ Пассек В. Новгород сам в себе // Чтения в Обществе истории и древностей Российских. 1869. Кн. 4. С. 115.

⁴ Там же.

лишь Торговую, черную сторону во главе с боярами демократической партии»⁵.

Причудливая трансформация тех же взглядов присуща известной работе Н. А. Рожкова о новгородских политических партиях⁶. Н. А. Рожков утверждал, что Торговая, а не Софийская сторона была оплотом боярства, а Софийская, напротив, оказывается демократической. Однако, по Н. А. Рожкову, боярами были равно и «аристократы», и «демократы», возглавлявшие каждую свою сторону.

М. Н. Покровский, бывший последним сторонником классово-территориального деления Новгорода, вновь оперировал распространенными со времен В. В. Пассека представлениями, населяя Торговую сторону купечеством, а Софийскую — боярами. Правда, в полном соответствии со своими методологическими установками, М. Н. Покровский видел в политической борьбе иные закономерности и иные причины. По его мнению, боярство вообще не играло никакой роли в государственном управлении Новгородом: «Новгород дает нам полную картину той эволюции, первые этапы которой мы могли изучать в истории Киева. Патриархальную аристократию сменила не олигархия крупных собственников, а демократия „купцов“ и „черных людей“ — мелких торговцев и ремесленников, „плебеев“»⁷. Поэтому городские восстания в Новгороде, по М. Н. Покровскому, принимали форму борьбы должников с кредиторами. Признавая классово-территориальный характер административного деления Новгорода, М. Н. Покровский не придавал ему сколько-нибудь существенного значения: мелкие купцы боролись с крупными купцами на своей Торговой стороне, где против купцов выступали также и ремесленники.

Критика теории М. Н. Покровского, предпринятая в 1930-е гг., привела к правильному пониманию социальной сущности новгородской олигархии, связь которой с крупным и крупнейшим землевладением была доказана многочисленными документальными данными⁸.

Широко распространенный в прошлом взгляд на классовый антагонизм сторон Новгорода полностью отвергнут исследованием фактов, говорящих о равномерном заселении Новгорода представителями всех слоев общества. Нема-

⁵ *Ключевский В. О.* Курс русской истории. Ч. 2. М., 1912. С. 114 и сл.

⁶ *Рожков Н.* Политические партии в Великом Новгороде XIII—XV вв. // Журнал Министерства народного просвещения. 1901, март. С. 241—286.

⁷ *Покровский М. Н.* Русская история с древнейших времен. Т. 1. М., 1920. С. 112.

⁸ *Арциховский А. В.* К истории Новгорода // Исторические записки. 1938. № 2; *Тараканова-Белкина С. А.* Боярское и монастырское землевладение в новгородских пятинах в домосковское время. М., 1939; *Бернадский В. Н.* Новгород и Новгородская земля в XV в. М.; Л., 1961.

ловажную роль в преодолении этих представлений сыграли еще на рубеже XIX и XX вв. работы А. Г. Ильинского, В. В. Майкова и А. М. Гневушева⁹, в которых впервые были изучены данные писцовых и разметных книг XVI в., сохранивших массу реликтовых сведений о местожительстве новгородцев последнего этапа независимости. Статистически обработанные, эти данные позволили предпринять подсчет населения различных районов Новгорода и даже отдельных его улиц по социальным группам и обосновать бесспорный вывод о том, что «торгово-промышленное» население, равно как и другие сословия Новгорода, жило и на Торговой, и на Софийской сторонах города.

Для более раннего времени, недостаточно освещенного письменными источниками, решающее слово было сказано археологическими исследованиями. Раскопки, произведенные в разных районах Новгорода, показали повсеместную распространенность ремесленных мастерских, а следовательно, и отсутствие каких-либо замкнутых районов, заселенных исключительно черным людом. О том же говорят и данные микротопонимики, отразившей в названиях концов и улиц существование ремесленного населения во всех районах Новгорода (Плотницкий конец, Щитная улица на Торговой стороне; Гончарский конец, Кожевники, Холопья улица на Софийской стороне).

Более того, раскопками была открыта и изучена структура городского боярского землевладения. Был выяснен его клановый характер. Разветвленная боярская семья, ведущая происхождение от общего предка, владела группой компактно расположенных усадеб, на территории которых кроме господского дома находились хозяйственные помещения, жилища челяди и ремесленные мастерские. Набор таких мастерских разного профиля в пределах клана создавал одну из основ экономической устойчивости хозяйства в целом: на протяжении столетий линии частоколов таких усадеб, переходивших от поколения к поколению, возобновлялись на прежнем месте¹⁰. Каждый конец Новгорода был совокупностью боярских кланов, в отличие от территорий, входивших в систему сотен, которые были населены жителями людьми, торговым людом и свободными ремесленниками, первоначально подчиненных не республиканскому, а княжескому управлению. Заметим, что исследованные к настоящему времени многочисленные ремесленные мастерские Новгорода расположены на боярских усадьбах и, следо-

---

⁹ *Ильинский А. Г.* Городское население Новгородской области // Историческое обозрение. 1897. Т. 11; *Майков В. В.* Книга писцовая по Новгороду Великому конца XVI в. СПб., 1911; *Гневушев А. М.* Экономическое положение Великого Новгорода во второй половине XVI в. // Сборник Новгородского общества любителей древности. Вып. 11. Новгород, 1912.

¹⁰ *Янин В. Л.* Новгородская феодальная вотчина (Историко-генеалогическое исследование). М., 1981. С. 7—57.

вательно, контингент работавших в них мастеров принадлежит к категории вотчинных ремесленников, материально и духовно зависимых от владельцев усадеб.

Это обстоятельство, в частности, позволяет понять причину отсутствия в средневековом Новгороде ремесленных цехов, столь характерных для Западной Европы того же времени. Недостаточно аргументированные предположения о существовании в Новгороде ремесленных цехов высказывались в литературе ¹¹. Между тем ремесленники одной и той же специальности были разобщены самой структурой кланового боярского землевладения, которое, естественно, сближало общими интересами ремесленников разных профилей, живших в пределах одного боярского клана.

Материалы, изменившие самую основу представлений о социальной топографии Новгорода, привели к созданию новых концепций, нуждающихся в более подробном рассмотрении. Остановимся на взглядах А. А. Строкова, смысл которых сводится к следующему.

Поскольку классово-территориальное деление в Новгороде отсутствовало, летописным свидетельствам о борьбе сторон не следует доверять безоговорочно. Таких свидетельств очень мало; в большинстве случаев летопись рассказывает о движениях против князя, посадника, отдельных боярских семей, архиепископа, не связывая эту борьбу с делением города на Софийскую и Торговую стороны. В тех случаях, когда борьба сторон все же отмечена, она объясняется вполне конкретными причинами. На Софийской стороне находился Кремль — резиденция крупнейшего новгородского землевладельца — владыки, и бояре, почувствовав опасность, укрывались в Кремле, тогда как восставшие начинали свои действия с захвата Вечевой площади на Торговой стороне, в силу чего все восстания вообще начинались на вече ¹².

Восстания в Новгороде носили исключительно классовый характер. В ходе их на одной стороне оказывался восставший народ, а на другой — все бояре. «Рассуждая формально, сражаются две „стороны“, но по существу идет борьба не между сторонами, а между классами» ¹³.

Между боярскими фамилиями, несомненно, имели место отдельные «распри», например из-за интересов в колониях, в пригородах, в Совете господ, при приглашении князей и т. д., но серьезных выводов из этого делать не следует. Сама внутривотчинная борьба по своим масштабам и следствиям не идет ни в какое срав-

---

¹¹ Рыбаков Б. А. Ремесло древней Руси. М., 1948. Гл. 10. С. 729—776; Тихомиров М. Н. Городские и крестьянские восстания на Руси XI—XIII вв. М., 1955.

¹² Строков А. Некоторые вопросы из истории Великого Новгорода. Новгород, 1939. С. 14 и сл.; перепечатано в кн.: Строков А., Богусевич В. Новгород Великий. Новгород, 1939. С. 14 и сл.

¹³ Там же. С. 15.

нение с классовой борьбой. Более того, подчеркивание внутрифеодальной борьбы является одним из средств в арсенале дворянско-буржуазной историографии для принижения роли классовой борьбы, попыткой растворить борьбу классов в борьбе между «партиями» в среде господствующего класса¹⁴.

Мне кажется, однако, что изложенные построения А. А. Строкова столь решительно противостоят построениям историков «дворянско-буржуазной школы» скорее по форме, чем по существу. Вопреки А. А. Строкову эти историки настаивали именно на классовом характере политической борьбы в Новгороде. Такая роль органически вытекает из самого представления о классово-территориальном делении города. При всей принципиальной неверности их методологической схемы этим работам присуще стремление осмыслить имеющиеся в летописи многочисленные сообщения о территориальных столкновениях в Новгороде и понять действительно существовавшее дробление боярства на различные соперничавшие между собой группировки. Остроту этих двух вопросов А. А. Строков попытался свести до минимума, однако они настойчиво возникают всякий раз, когда исследователь касается подробностей политической борьбы. Отказаться от рассмотрения этих проблем вовсе не значит сделать шаг вперед в методике исследования или в борьбе с «дворянско-буржуазной историографией».

Между тем можно ли вообще, занимаясь анализом общественных и политических отношений в средние века, сбрасывать со счета несомненное существование противоречий внутри самого боярства? История русского средневековья, будучи историей феодальной раздробленности, постоянно включает в себя элемент внутрифеодальной борьбы. Этот период окрашен в зловещие тона огнем пожаров княжеских и боярских «катор», и нет оснований выделять Новгород, ставя его вне общерусских закономерностей борьбы внутри самого класса феодалов.

В самом деле, как только речь заходит о внутрифеодальных отношениях в Новгороде, А. А. Строков рисует идиллическую картину монолитности новгородского боярства, в среде которого могут возникать лишь отдельные распри по отдельным поводам, которое не расколото на соперничающие группы, не борется постоянно за доходы, влияние и власть. Получается, что на протяжении всей истории независимого Новгорода монолитному черному люду противостоит монолитное боярство, в ходе борьбы сталкивается не только оружие антагонистических классов, но и два вполне оформившихся классовых самосознания. Стихийности и неорганизованности классовых движений черного люда противостоит четкая государственная организация боярства, и только в

---

¹⁴ Там же. С. 15; *Строков А.* Восстание Степанки в 1418 г. // Новгородский исторический сборник. Вып. 3—4. Новгород, 1938. С. 106.

этом, по-видимому, с точки зрения А. А. Строкова, состоит причина неуспеха народных движений.

Рассуждая о неорганизованности народных движений, об их стихийности, А. А. Строков вовсе пренебрег тем обстоятельством, что в конечном счете восстания, вспыхивавшие в Новгороде, почти всегда побеждали, поскольку их конкретные цели бывали выполнены. Однако эти цели и эти победы оказывались полезными не для черного люда, а в каждом случае для определенных кругов боярства. В подавляющем большинстве случаев новгородские восстания, направленные против того или иного посадника, тысяцкого, боярина, приводили к свержению, а иногда казни или изгнанию посадника, тысяцкого или боярина, а на их месте появлялся новый посадник или тысяцкий из соперничающей боярской группировки. Восставшие выступали против «плохого» посадника — за «хорошего». Само это деление бояр на «плохих» и «хороших», очевидно, предполагает существование в среде боярства заметных противоречий, а следовательно, и группировок. Более того, «плохой» боярин в иных случаях оказывается «хорошим» для жителей одного конца и «плохим» — для другого конца. Хорошо известен случай, когда посадник Есиф Захарьинич, вызвавший возмущение Софийской стороны, нашел защиту у жителей Плотницкого конца и всей Торговой стороны, когда тысяцкий Есиф укрылся в Плотницком конце от жителей Славна и т. д.

Мне кажется весьма значительным наблюдение В. Н. Бернадского о связи новгородских восстаний с вечевой законностью¹⁵. Действия восставших развиваются обычно как выполнение государственной воли. Восстания начинаются с принятия вечевого решения; иными словами, боярское государство само выступает против находящихся у власти бояр, что свидетельствует о существовании борьбы за высшие государственные должности внутри самой правящей верхушки.

В отличие от А. А. Строкова я не могу во всех случаях новгородских восстаний видеть возмущение всего черного люда против всех бояр. Напротив, знакомство с ходом событий всякий раз возвращает нас к признанному устаревшим положению об особой роли определенных территорий города в политической борьбе.

Если действительно в Новгороде происходила постоянная борьба боярских группировок за власть, вопрос об ее территориальных оплотах вполне закономерен. Летописец достаточно четко проводит границы этих территориальных оплотов. Это не только Волхов, который делит город на Торговую и Софийскую стороны. Это и Рогатица, отделяющая Славенский конец от Плотницкого. Это

---

¹⁵ *Бернадский В. Н.* Указ. соч. С. 190 и далее. Говоря о вече, я так же, как и В. Н. Бернадский, имею в виду вече, руководимое должностными лицами, а не самостоятельное народное собрание.

и Загородье, отделяющее неревлян от пруссов. Иными словами, рубежи политической розни новгородского боярства проходили по границам концов. Один конец мог противостоять остальным, он мог блокироваться с другими концами против конкретного конца или такого же блока других концов, но во многих случаях конец в глазах летописца является не только административной, но и политической единицей. В самой кончанской организации заложена основа группового сплочения бояр-соседей. Поэтому достаточно реалистично представление о возможности существования боярских группировок, связанных с определенными районами Новгорода.

Такое представление находит сильнейшую поддержку в той исходной картине новгородской топографии, полученной на основании археологических данных, согласно которой на месте будущего Новгорода («Нового города») первоначально существовали возникшие на рубеже IX—X вв. три древнейших поселка Неревский, Людин и Славенский, соответствующие трем изначальным концам, объединение которых и породило феномен Новгорода ¹⁶.

В послевоенной исторической литературе проблема кончанской организации Новгорода привлекала внимание исследователей ¹⁷. А. В. Арциховский исследовал ее наиболее подробно и, касаясь вопроса об ее первоначальном характере, присоединился к основательному предположению Б. Д. Грекова о том, что кончанское деление могло быть не только исконным, но и догородским. Б. Д. Греков сопоставлял кончанское деление Новгорода с кончанским делением новгородских волостей, в системе которых концами обозначались совокупности деревень ¹⁸. Если это сопоставление правильно, можно предполагать, что Новгород, возникший как город в результате сплочения нескольких до того замкнутых в своих территориальных границах поселков, своей основой имел то, что каждый из этих поселков был совокупностью отдельных поселений. В дальнейшем эти поселки сохранили заметные элементы своей обособленности, культивируя их в поддержании кончанской административной системы на протяжении всей самостоятельной истории Новгорода.

---

¹⁶ Впервые это наблюдение, подтвержденное в дальнейшем многолетними раскопками в разных районах Новгорода, было изложено в статье: *Янин В. Л., Алешковский М. Х.* Происхождение Новгорода (к постановке проблемы) // *История СССР*. 1971. № 2. С. 32—61.

¹⁷ *Арциховский А. В.* Городские концы в древней Руси // *Исторические записки*. 1945. № 16; *Рабинович М. Г.* Военная организация городских полков в Новгороде Великом в XII—XV вв. // *Краткие сообщения Института истории материальной культуры*. 1949. Вып. 30.

¹⁸ *Греков Б. Д.* Новгородский дом Святой Софии. Ч. 1. СПб., 1914. С. 291.

Изложенные свыше сорока лет тому назад, эти соображения подкрепляются общими наблюдениями над процессом возникновения поселений на месте будущего Новгорода. После кончины Рюрика, призванного союзом новгородских словен, кривичей и чуди и обосновавшегося на Городище, изначальный договор с приглашенным князем был нарушен его преемниками Олегом и Игорем, ушедшими на юг в поисках более привлекательных столов. Возникший в результате политический вакуум был заполнен сселением на место будущего Новгорода на пересечении важнейших торговых путей протобоярства — племенной знати, которая и освоила территории будущих трех древнейших концов, каждый из которых, следовательно, обладал внутренней сплоченностью, унаследованной от внутриплеменных связей.

Таким образом, сами кончанские границы являются незатянувшимися швами, по которым в древности было сшито городское тело Новгорода. Эти швы могли бы сгладиться только в том случае, если бы древнее кончанское деление проявило тенденцию к отмиранию, превратилось бы в пережиток и наконец уничтожилось. Однако оно существует не как пережиток, а как конструктивная основа государственного управления, государственного представительства и военной организации. Его могло поддерживать лишь соперничество концов, противопоставление каждого конца всем остальным. Поиски причин такого соперничества возвращают нас к вопросу о существовании в Новгороде территориальных боярских группировок, боровшихся за власть.

М. Н. Тихомиров сравнил подобную борьбу в Новгороде с борьбой гвельфов и гибеллинов во Флоренции¹⁹. Эта параллель достаточно убедительна. И во Флоренции, и в Ферраре, и в других итальянских средневековых городах борьба аристократических родов за власть составляла существенную часть политической жизни и также втягивала в свою орбиту массу городского населения — ремесленников и торговцев. Городской плебс, пытаясь удовлетворить свои чаяния, выступал против части господствующего класса в поддержку другой части того же класса. Однако его борьба, заключенная в рамки внутрифеодальных столкновений, не могла увенчаться серьезными успехами, так как цели борьбы каждый раз определялись самой аристократией.

Феодальная борьба в Новгороде постоянно включала в себя политический элемент. Она происходила не только в форме боярских схваток, но и на вечевых собраниях всех уровней, вовлекая широкие массы населения Новгорода. Что касается классовой борьбы, то одной из основных ее особенностей в Новгороде было постоянное смыкание с внутрифеодальной борьбой за власть. Более того, в ходе восстаний та часть боярства, которая находилась в оппозиции наличным властям, охотно становилась во главе восстания, направляя его в своих

¹⁹ Тихомиров М. Н. Указ. соч. С. 239.

интересах. Отсюда и конечная ничтожность тех результатов, к которым приводили усилия восставших, и постоянный успех оппозиционного боярства, победа которого обеспечивалась союзом с восставшим «черным людом».

Таким образом, в исходном пункте исследования мы расходимся с А. А. Строковым, который, противопоставляя черный люд боярству, видел обе силы последовательно выступавшими одна против другой. Не менее серьезны наши расхождения, например, с Н. А. Рожковым, который настолько преувеличивал успехи народных масс, что предполагал, будто их борьба раскалывала боярство и приводила часть его на сторону черного люда. Очевидно, что оба класса развивались в процессе борьбы, и это развитие шло по пути консолидации каждого класса, по пути развития его самосознания. В начале этой борьбы черный люд разобщен и организационно, и идейно. Боярство же располагает формами организации в виде государства, но его раздражает соперничество группировок в их стремлении к власти. Здесь не только сила противостоит силе, но и слабость противостоит слабости. Консолидация черного люда развивается по пути осознания своей противоположности боярству, ярко проявившегося во время восстания 1418 г. («зде житнице боярьскыи», они «нам супостаты суть»²⁰). Консолидация боярства направлялась по пути преодоления собственной внутренней розни и совершенствования государственного аппарата.

Высказывая такие предположения об общем направлении консолидации новгородского боярства, я вижу только одну возможность проверить и подтвердить их. Эта возможность заключается в подробном исследовании боярской государственности на разных этапах ее развития.

Сосредоточивая внимание на посадничестве, настоящее исследование не ставит целью изучить эту государственность во всем ее многообразии. Многие важные вопросы не затронуты в нем вообще. Такие проблемы, как организация тысяцких, место в республиканских органах владычного управления, роль купеческих старост, состав Совета господ, роль организации черного духовенства, детали устройства княжеского аппарата управления и т. д., без решения которых невозможны окончательные суждения об устройстве Новгородского государства, могут быть изучены лишь как отдельные самостоятельные темы, нуждающиеся в детальном и пристальном исследовании. Однако посадничество на всем протяжении периода новгородской независимости было наиболее заметным государственным органом, его судьбы стояли в центре внимания рассказов о политической борьбе. В развитии посадничества отразились основные закономерности формирования новгородской государственности, и его изучение позволит в дальнейшем методически правильно исследовать другие важные стороны республиканского управления.

²⁰ НПЛ. С. 409.

Единственное систематическое исследование истории новгородских посадников принадлежит перу историка начала XIX в. И. И. Григоровича и появилось в 1821 г.²¹ Позднейшая работа Д. И. Прозоровского²², к сожалению, отличается исключительной путаницей в построениях, многочисленными неоправданными натяжками и злоупотреблением категорической формой утверждений при отсутствии элементарной аргументации. Особенно тягостное впечатление оставляют генеалогические экскурсы Д. И. Прозоровского. В своей бесспорной части его работа дает мало нового сравнительно со старой книгой И. И. Григоровича, а основной целью последнего была систематизация источников проблемы.

К числу специальных небольших исследований о новгородских посадниках должны быть отнесены также упомянутая выше работа Н. А. Рожкова о политических партиях в Новгороде, которая наряду с попыткой разобраться в политической принадлежности посадников содержит ряд интересных хронологических наблюдений, и экскурс В. Н. Бернадского «Новгородские посадники середины XV в.»²³, исследовавшего списки посадников указанного в названии экскурса времени.

Общие сведения о посадничестве содержатся также почти во всех исследованиях по истории Новгорода, однако самое элементарное их сравнение наглядно показывает, что проблема на протяжении длительного времени оставалась неразработанной. Исследователи чрезвычайно бегло и не вдаваясь в вопросы хронологии говорили о существовании в Новгороде степенного посадника, осуществлявшего главную роль во внутреннем управлении и внешней политике, и о «старых посадниках», которые якобы когда-то были степенными, а затем вошли в состав Совета господ на правах его полномочных членов. Неясен вопрос о сложении такого порядка. Вовсе не понятно, чем действительно определялся переход посадников в «старые» и выборы нового степенного посадника. В ряде случаев признается, что выборы посадников осуществлялись на неопределенный срок. Это весьма противоречивое представление. В самом деле, если степенный посадник становился «старым» в результате неспособности или лишения степени под давлением оппозиции, Совет господ окажется собранием дискредитированных политических деятелей. Если он добровольно уходил со своего поста, уступая место новому посаднику, такая идиллическая

---

²¹ (Григорович И. И.) Исторический и хронологический опыт о посадниках новгородских. М., 1821 (далее — Опыт). Труд И. И. Григоровича был издан анонимно и иногда, с легкой руки Д. И. Прозоровского, неосновательно приписывается автору дополнений к нему — К. Ф. Калайдовичу.

²² Прозоровский Д. И. Новые разыскания о новгородских посадниках // Вестник археологии и истории. СПб., 1892. Вып. 9.

²³ Бернадский В. Н. Указ. соч. Приложение. С. 357—362.

картина нуждается в чрезвычайно веских обоснованиях, которых, по-видимому, не существует. К тому же добровольные отречения никак не могут быть признаны характерной основой смены посадников. Предположение Н. И. Костомарова о том, что своим возникновением институт «старых посадников» обязан необходимости личного завершения бывшими степенными посадниками дел, начатых в момент их пребывания на степени²⁴, противоречиво по существу, так как возможность участия в управлении лишь до завершения этих дел должна была становиться главным стимулом к бесконечному их затягиванию. Мало проясняют вопрос и ссылки на известное сообщение Гильбера де Ланнуа о ежегодном обновлении посадничества, если периодически выбирались только степенные посадники. Теоретически количество «старых» посадников при всех предлагавшихся решениях вопроса остается неограниченным²⁵.

Перед нами встает, таким образом, как первоочередная проблема — вопрос об организации посадничества. Этот вопрос вовсе не частного значения. Если существовали боярские группировки и если они боролись между собой за власть, организация власти не может возникнуть вне такой борьбы. Если само посадничество как наиболее существенная часть государственного аппарата действительно было орудием классового принуждения, то это орудие не могло не совершенствоваться в процессе социальной борьбы. Поэтому, изучая организацию посадничества, мы должны исследовать ее и как результат действия социальных и политических причин, которые определили ее возникновение и развитие.

Основная группа сведений о посадниках содержится главным образом в летописях новгородского круга. Эти сведения снабжены указанием дат и описанием важнейших событий, связанных с деятельностью отдельных посадников. Однако для некоторых периодов ощущаются заметные пробелы. Такие пробелы особенно ощутимы для середины XIII в., середины XIV в. и XV в., кроме двух его первых десятилетий.

Другая группа сведений может быть извлечена из актов. Сравнительно с летописями акты дают весьма фрагментарную картину, а в ряде случаев утрачивают датирующий характер, когда сами они могут быть датированы лишь по

---

²⁴ Костомаров Н. И. Северно-русские народоправства во времена удельно-вечевого уклада. II. СПб., 1863. С. 50.

²⁵ В. О. Ключевский, придерживаясь общепринятой точки зрения о том, что старыми посадниками были бывшие степенные, писал: «Трудно угадать побуждения, заставлявшие удерживать правительственный авторитет за бывшими высшими чиновниками» (Ключевский В. О. Боярская дума древней Руси. Изд. 3. М., 1902. С. 192). Отметим, однако, что В. О. Ключевским были высказаны весьма ценные предположения о какой-то связи института старых посадников с кончанской административной системой (Там же. С. 204 и сл.).

упоминанию в них посадничьего имени. Кроме того, акты освещают поздний период истории боярской республики начиная с 60-х гг. XIII в. В этом, впрочем, заключается и их относительное преимущество, поскольку ранний период деятельности посадников сравнительно подробно освещен в летописях.

К третьему виду источников относятся археологические предметы, несущие на себе посадничьи имена, в том числе сравнительно немногочисленные берестяные грамоты, но прежде всего — печати, исчисляемые уже сотнями. Хронологическое значение печатей для точных датировок в большинстве случаев невелико, когда они обнаружены отдельно от документов и сами нуждаются в датировании. Это, однако, не касается печатей, сохранившихся при грамотах. В таких случаях они для хронологических выводов могут иной раз играть не меньшую роль, нежели тексты самих актов. Печати имеют и еще одно важное свойство. Будучи реалиями государственных институтов, они в своем развитии отражают развитие этих институтов. Их тип воспринимает наиболее характерные изменения в состоянии тех государственных учреждений, которые обладают юрисдикцией. Поэтому мы полагаем, что конечной целью сфрагистики должно быть изучение булл как источника по истории государственных институтов.

Наконец, четвертым видом источников являются летописные списки посадников. Эти документы настолько значительны, что должны быть поставлены на первое место среди других. Они названы в конце этого краткого обзора лишь в силу их очевидной специфики, требующей особых приемов исследовательского анализа, который может быть выполнен только сравнением показаний списков с данными прочих источников. Списки посадников не содержат самостоятельных хронологических указаний. Знакомясь с ними впервые, мы не знаем, расположены ли в них имена посадников в хронологическом или каком-либо ином порядке. У нас не может быть ясного представления о степени полноты этих списков и времени их составления. Мы не знаем, являются ли они вполне самостоятельными документами или экстрактом из общедоступных летописных сведений.

Важность всех этих вопросов заставляет начать исследование истории новгородского посадничества с источниковедческой характеристики летописных списков посадников.

* * *

Со времени первого издания этого исследования в 1962 г. прошло четыре десятилетия, которые обогатили науку громадным числом новых источников, происходящих главным образом из недр культурного слоя Новгорода. Систематическими раскопками, начатыми в нем еще в 1932 г., вскрыты десятки средневековых усадеб, имена владельцев и жителей которых сообщены сохранившимися в них берестяными грамотами. В числе этих усадеб, история которых про-

слежена с середины X в. до конца XV в., изучены клановые городские владения Мишиничей-Онцифоровичей XIV—XV вв. — боярского рода Неревского конца, шесть поколений которого представлены в новгородском посадничестве. В Людином конце исследованы усадьбы клана Мирошки Несдинича и Мирошкиничей XII — начала XIII вв. И в том и другом случае на этих усадьбах найдены адресованные членам названных семей или написанные ими берестяные грамоты. В их числе автографы знаменитых посадников Онцифора Лукича и Мирошки Несдинича.

На протяжении этих четырех десятилетий продолжалась работа по уточнению дат новгородских актов, содержащих имена посадников, рассматривались более убедительные версии кончанской локализации посадников, изучались материалы посадничьих генеалогий²⁶. Резко увеличился объем зафиксированного материала новгородской сфрагистики²⁷.

Многие выводы, предложенные в первом издании «Новгородских посадников», были пересмотрены или уточнены. В то же время не все предлагавшиеся уточнения сегодня представляются удовлетворительными. Важность темы, а также существенное расширение источниковой основы ее изучения побудили автора предложить второе, существенно пересмотренное и дополненное издание этой монографии.

Выражаю сердечную признательность Л. А. Бассалыго, авторитетная критика которого помогла устранить многие дефекты исследования.

* * *

Настоящая книга была подготовлена в год, когда отмечалось столетие со дня рождения моего учителя Артемия Владимировича Арциховского (1902—1978), светлой памяти которого автор посвящает это издание.

---

²⁶ Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина (Историко-генеалогическое исследование). М., 1981; *Он же*. Новгородские акты XII—XV вв.: Хронологический комментарий. М., 1991.

²⁷ Янин В. Л. Актовые печати древней Руси. Т. 1, 2. М., 1970; Янин В. Л., Гайдук П. Г. Актовые печати древней Руси. Т. 3. М., 1998. В настоящем издании все ссылки, касающиеся печатей, даны только на эту публикацию (АПДР), в которой читатель найдет полную библиографическую информацию о каждой булле.

Глава 1

ЛЕТОПИСНЫЕ СПИСКИ НОВГОРОДСКИХ ПОСАДНИКОВ

Русские средневековые хронографы наряду с жанром летописного рассказа культивировали еще одну форму исторического повествования, которая в литературе еще не исследована в должной степени. Имею в виду жанр лаконичного, сжатого до предела списка, перечисляющего основные факты перехода столов, кафедр и высших государственных должностей от одних лиц к другим. Иногда такие списки приобретают генеалогический характер, иногда их основой становится относительная хронология, исчисление продолжительности правления тех или иных лиц, чаще всего это сухое перечисление очередности правлений.

Существуют основания полагать, что этот жанр возникает в очень раннее время, еще до составления древнейших протографов известных нам летописных сводов. «Возможно, — писал Д. С. Лихачев, — что первые печерские летописцы знали лишь, что Игорь княжил 23 года, Святослав — 28 лет, Ярополк — 9 лет и т. д. Лишь Нестором была сделана попытка вычислить точные хронологические данные русских княжений на основании различных источников»¹.

В последующие столетия, когда летописный рассказ в том виде, как мы его понимаем сейчас, стал главной формой исторического повествования, краткие списки продолжали существовать как справочные таблицы, сжатое изложение главнейших сведений по истории и генеалогии правлений. Оба жанра развивались параллельно и, несмотря на взаимопроникновение, в известном смысле независимо, поскольку ставили перед собой несходные задачи. Летописный рассказ не задается целью сообщить все подробности смены князей, владык, посадников и тысяцких. Сообщив о приглашении того или иного князя, о выборе того или иного посадника, летописец во многих случаях не возвращается к ним, и мы читаем под следующим годом или под следующими годами о деятельности иного князя, иного посадника. Для ряда периодов вообще существу-

---

¹ Повесть временных лет. Ч. 2: Приложения / Ст. и коммент. Д. С. Лихачева. М.; Л., 1950. С. 111.

ют пробелы, не заполненные княжением или посадничеством определенных лиц. Если бы мы попытались на основании летописного рассказа составить хронологические списки различных должностных лиц Новгорода, нас постигло бы большое разочарование, так как таблицы, полученные таким путем, отличались бы фрагментарностью и были испещрены многочисленными знаками вопроса.

Список, напротив, стремится к полноте отражения тех явлений, которые в нем обобщены². В руках составителей списков находились более полные материалы. Составители знали по именам большее число политических деятелей, им было известно о родственных связях должностных лиц больше, чем дает чтение тех летописных текстов, которые сохранились до настоящего времени. Современный исследователь, располагающий большим комплексом не только летописных, но и актов сведений, не смог бы создать таких списков во всей их полноте.

И в то же время у нас нет оснований предполагать полную независимость списков от летописного рассказа. Напротив, летописный рассказ, несомненно, был одним из главных источников для составителей списков в ту эпоху, когда жанр обычного рассказа господствовал в летописании. Важно, что этот источник не был единственным. Другим источником для позднейших списков могли служить такие же, но более древние списки. С другой стороны, исключительная редкость памятников такого рода говорит о том, что составление списков носило эпизодический характер. Поэтому в составлении тех перечислений, которые дошли до нас, и тех, которые могли ложиться в их основу, большую роль должен был играть еще один чрезвычайно важный источник — личные знания составителей списков. Такие знания наиболее бесспорны в тех частях списков, которые отражают время, наиболее близкое к дате их составления. Вполне очевидно, что при источниковедческой критике списков следует обращать особое внимание на степень независимости от летописного рассказа не списка в целом, а отдельных мест перечисления, выделение которых может дать важные сведения о литературной истории нашего источника.

В соответствии с поставленной задачей предметом рассмотрения в настоящей работе должны стать только списки новгородских посадников, которые существуют в двух вариантах, в двух изводах. Первый извод содержится в Комиссионном, Академическом и Толстовском списках Новгородской Первой летописи младшего извода. Второй извод — в той же рукописи Археографиче-

---

² Можно высказать предположение, что на формирование этого жанра оказали влияние библейские хронологические и генеалогические исчисления, тем более что в летописи были попытки сомкнуть библейские списки с русскими княжескими списками. См., например, «Повесть временных лет» под 6360 (852) г.

ской комиссии, которая включает Комиссионный список Новгородской Первой летописи (в статьях, предшествующих своду), в Новороссийском списке Новгородской Четвертой летописи и в Ермолинском летописце.

ПЕРВЫЙ ИЗВОД СПИСКА ПОСАДНИКОВ (Список А и дополнения к нему)

Несмотря на то что первый извод списка новгородских посадников существует в трех рукописях, нам практически придется иметь дело лишь с двумя документами — Комиссионным и Академическим списками, сохранившимися в рукописях XV в. Толстовский список — копия середины XVIII в. с Академического списка и привлекается исследователями только потому, что начало Академической рукописи было утрачено после снятия с нее Толстовской копии. То место Толстовского списка, в котором помещено перечисление посадников, существует в Академическом оригинале.

Список посадников помещен в Новгородской Первой летописи младшего извода под 6497 (989) г. после перечисления киевских князей, новгородских князей, русских митрополитов, новгородских владык и исчисления русских епископий. В нем содержатся имена 89 посадников, которые ниже для удобства дальнейших сопоставлений пронумерованы в той последовательности, в какой они изложены в самом списке. Курсивом выделены имена, вообще отсутствующие в летописном рассказе, разрядкой — имена, известные летописцу, но без связи их носителей с посадничеством. Текст цитируется по Комиссионному списку.

«А се посадницѣ новгородчѣскии: (1) прѣвыи Гостомыслѣ, (2) Коснятинѣ, (3) Остромирѣ, (4) *Завидѣ*, (5) *Петрѣята*, (6) *Костянтинѣ*, (7) *Миронѣгѣ*, (8) *Сава*, (9) *Улѣбѣ*, (10) *Гюрѣята*, (11) *Микула*, (12) Добрыня, (13) Дмитрѣ, (14) Костянтинѣ, (15) Борисѣ, (16) *Завидѣ*, (17) Данило, (18) *Петрѣята*, (19) Иванко, (20) Мирославѣ, (21) Костянтинѣ, (22) Якунѣ, (23) Судило, (24) Нѣжатинѣ³, (25) Захариа, (26) Якунѣ, (27) Жирославѣ, (28) Иванко, (29) *Завидѣ*, (30) Михалко, (31) Мирошка, (32) сынѣ его Дмитрѣ, (33) Твердиславѣ, (34) Дмитрѣ, (35) Гюрги, (36) Сменѣ, (37) Иванко, (38) Внѣздѣ Водовикѣ, (39) Степанѣ, (40) С б ы с л а в ѣ, (41) Онанѣя, (42) Михалко, (43) Михаилѣ, (44) Павша, (45) Михайло, (46) Семеонѣ, (47) Андрѣико, (48) Юрьѣ, (49) Семеонѣ, (50) Вальфромѣи, (51) Федорѣ Ахмылѣ, (52) Захарѣя, (53) Матфѣи Коска, (54) Федорѣ, (55) Остафѣя, (56) брат его Александрѣ, (57) Онцифорѣ, (58) *Федорѣ*, (59) Яковѣ, (60) *Иванѣ Муторица*, (61) *брат его Александрѣ*, (62) Селивестрѣ, (63) *Иванѣ*

³ В Академическом списке: Нѣжата.

Смятанка, (64) Ондръянъ, (65) Юрьи, (66) Михаило, (67) Григории, (68) Микита, (69) Василии Федорович, (70) Василии, (71) Федоръ, (72) Еска, (73) Богданъ, (74) Тимофѣи, (75) Есифъ, (76) Юрьи, (77) Олександръ, (78) Кюриль, (79) Иванъ, (80) *Фома*, (81) Юрьи Онцифоровиць, (82) Фома Есифовиць, (83) Григории Богдановиць, (84) Кюрила Дмитриевиць, (85) И в а н ъ Д а н и л о в и ц ъ, (86) Андрѣи Иванович, (87) Иванъ Богданович, (88) Семеонъ Васильевич, (89) брат его Тимофѣи Васильевич»⁴.

В общей сложности двенадцать имен списка отсутствуют в летописных текстах. Кроме того, два имени в летописях указаны без обозначения посадничьей должности и в таких контекстах, которые вовсе не говорят об их принадлежности посадникам. Наконец, одного из посадников Александров (№ 61) список называет братом другого посадника — Ивана Муторицы. Ни это родство, ни сам Иван Муторица летописцу не известны вовсе. Следует обратить внимание на то, что избыточные сравнительно с летописью сведения концентрируются главным образом в двух местах списка: в его начале (№ 4—11) и в середине (№ 60—63).

Для выводов о времени создания окончательной редакции этого списка, казалось бы, немалую пользу должно принести его рассмотрение совместно со списками князей, митрополитов и новгородских владык, в сообществе которых он был включен в летописный свод. В своей совокупности все эти списки производят впечатление единовременно сведенных фактов, накопившихся к моменту создания той летописной редакции, которая позднее была использована при составлении Новгородской Первой летописи младшего извода. Если это так, все списки должны оказаться доведенными до одной и той же даты. Однако в действительности в конечных датах отдельных списков наблюдается некоторый разноречивый. Если список новгородских князей⁵ заканчивается именем Василия Васильевича (1425—1462 гг.), а список русских митрополитов⁶ — именем Герасима (1433—1434 гг.), то в списке новгородских архиепископов⁷ последним показан Евфимий Брадатый (1423—1429 гг.). Впрочем, избранный в 1429 г. на владычную кафедру Евфимий Лисицкий был хиротонисан только в 1434 г.⁸, поэтому не исключено, что три этих списка приобрели окончательный вид около 1433 г. Посмотрим, как выглядит заключительная дата интересующего нас посадничьего списка.

⁴ Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950 (далее — НПЛ). С. 164.

⁵ НПЛ. С. 161—163.

⁶ Там же. С. 163.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 417.

Уже при первом знакомстве с ним бросается в глаза некоторая его разностильность, характерная для заключительной части. Монолитным по стилю кажется перечисление первых 80 посадников кончая Фомой. Здесь названы только имена, отчества отсутствуют. Единственное исключение, сделанное для Василия Федоровича (№ 69), вполне понятно: в списке следуют один за другим два Василия, и необходимо было как-то различить их. Начиная с Юрия Онцифоровича (№ 81) имена во всех случаях снабжены отчеством, что говорит об ином авторстве заключительной части.

Более того, заключительная часть была составлена в два приема и разными авторами, так как отчества посадников № 81—85 имеют характерное окончание на «иць», а отчества посадников № 86—89 оканчиваются на «ич». В дальнейшем я буду называть основную часть списка (с именами № 1—80) «Списком А», а оба дополнения к нему — соответственно «1-м дополнением к Списку А» (имена № 81—85) и «2-м дополнением к Списку А» (имена № 86—89).

Отчество Василия Федоровича (№ 69) так же, как последние имена списка (№ 86—89), оканчивается на «ич», что дает основание думать о включении его автором 2-го дополнения.

В разностильности документа заключена возможность датировать этапы составления записи. Из названных последними в Списке А посадник Фома летописцам не известен вовсе, не знают его и акты. Что же касается предпоследних Кирилла (№ 78) и Ивана (№ 79), то под ними возможно понимать только Кирилла Андреяновича, впервые названного в летописи с титулом посадника под 1402 г.⁹ и Ивана Александровича, в первый раз упомянутого в качестве посадника в 1411 г.¹⁰ С другой стороны, посадник Юрий Онцифорович (№ 81), впервые упомянутый в этой должности в 1411 г.¹¹, и посадник Фома Есифович (№ 82), известный в этом звании в 1412 г.¹², оказываются не в основном тексте списка, а уже в дополнении к нему. Однако Григорий Богданович (№ 83), помещенный в дополнении третьим, был посадником уже в 1410 г. Следовательно, 1411 г. не может быть датой составления основной части Списка А. Внимательный просмотр всей этой части не обнаруживает в ней ни одного посадничьего имени из числа несомненно появившихся после 1409 г. Позднее этой даты из названных в Списке А посадников были живы Александр Фоминич (№ 77) и

⁹ НПЛ. С. 397; Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). Т. 4. СПб., 1848. С. 105, 144.

¹⁰ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949 (далее — ГВНП). С. 88, № 50.

¹¹ НПЛ. С. 402

¹² Там же. С. 86 и сл., № 49. В этом издании документ датирован 1409 г. Обоснование его датировки 1412 г. см.: Янин В. Л. Новгородские акты XII—XV вв.: Хронологический комментарий. М., 1991. С. 101—102.

Федор Тимофеевич (№ 71), умершие в 1421 г.¹³, однако первый из них был посадником уже в 1402 г.¹⁴, а второй — даже в 1384 г.¹⁵ Что касается Ивана Александровича (№ 79), о деятельности которого до 1411 г. нам ничего не известно, то указанная дата почерпнута из акта и вовсе не дает оснований для вывода о том, что до 1411 г. он не мог быть посадником. В данном случае, когда мы не располагаем начальными датами каждого посадничества, более важны умолчания списка. На основании всех этих наблюдений я решаюсь датировать Список А временем около 1409 г.

Дата 1-го дополнения к Списку А достаточно легко устанавливается при обращении к актовым и летописным свидетельствам. Если замыкающий 1-е дополнение Иван Данилович известен только по актам 1415—1417 гг.¹⁶, то о его предшественнике по списку Кирилле Дмитриевиче (№ 84) летопись сообщает, что он умер в конце 1414 г.¹⁷ Хронологический рубеж составления этой части списка может быть точно определен при рассмотрении первых имен 2-го дополнения. Андрей Иванович (86) назван посадником под 1415 г.¹⁸, Иван Богданович (№ 87) — под 1416 г.¹⁹, Семен Васильевич (№ 88) — в акте 1417 г.²⁰, Тимофей Васильевич (№ 89) — под 1421 г.²¹ Сочетание всех этих дат заставляет отнести составление 1-го дополнения ко времени не позднее 1414 г.

2-е дополнение, несмотря на то что в нем назван посадник, известный по летописному рассказу 1421 г., должно быть датировано несколько более ранним временем. В нем отсутствуют посадник 1418 г. Василий Есифович²², посадник 1420 г. Василий Никитич²³, посадник 1421 г. и предшественник Тимофея Васильевича (№ 89) на степени Михаил Иванович²⁴. Отсутствие всех этих имен датирует 2-е дополнение временем не позднее 1418 г.

¹³ НПЛ. С. 413; ПСРЛ. Т. 4. С. 120.

¹⁴ ПСРЛ. Т. 4. С. 107, 145.

¹⁵ Там же. С. 91.

¹⁶ ГВНП. С. 184—187, № 127, 130. Обоснование даты см.: Янин В. Л. Указ. соч. С. 300—302.

¹⁷ НПЛ. С. 405.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 406.

²⁰ ГВНП. С. 93, № 55.

²¹ НПЛ. С. 414.

²² Там же. С. 408.

²³ ГВНП. С. 96 и сл., № 59.

²⁴ Там же. С. 100, № 61. Михаил Иванович назван в акте, составленном в марте-апреле 1421 г., а Тимофей Васильевич 1 сентября того же года участвует в избрании владыки (НПЛ. С. 414).

Мы видим, что на протяжении первых двух десятилетий XV в. велась активная работа по совершенствованию списка посадников. Редакция списка, возникшая в начале XV в., дважды дополнялась именами посадников, избранных в последующие годы. Эти наблюдения, разумеется, не дают основания утверждать, что и в более раннее время формирование Списка А осуществлялось таким же способом. Напротив, ошутимая монолитность Списка А как будто говорит о том, что он целиком был составлен в начале XV в. Вопрос о его источниках может быть поставлен только после внимательного его сопоставления с летописными и актовыми материалами. Отмеченная выше избыточность сведений в двух местах Списка А сравнительно с летописными сведениями только подводит исследователя к проблеме его происхождения. В какой мере летописный рассказ послужил источником Списка А и для каких его частей он мог быть единственным источником, этот вопрос возможно решать, только обнаруживая дублирование ошибок летописного рассказа в списке посадников. В ходе исследования нам придется неоднократно возвращаться к этой проблеме. Здесь же отмечу лишь разный характер Списка А и двух дополнений к нему.

В Академическом списке перечисление посадников вполне идентично их перечислению в Комиссионном списке. Отличны лишь орфографические детали. В частности, разностильность заключительной части здесь полностью стерта. Следовательно, вариант Академического списка является копией варианта Комиссионного списка. Однако Академический список содержит интереснейшие дополнения, написанные иными чернилами и иным почерком. Эти дополнения начинаются сразу же после имени Тимофея Васильевича, заполняют весь остаток листа, а их конец вынесен за недостатком места на поля рукописи.

В дополнения Академического списка включено еще 39 имен. Снова выделяю курсивом имена и сведения, отсутствующие в летописных текстах, а разрядкой — имена, упоминаемые летописью без связи с посадничеством.

«(90) *О н а н ь я С е м е н о в и ч*, (91) *О л е к с а н д р ь И г н а т ь е в и ч*, (92) *Борисъ Юрьевич*, (93) *Григорьи Юрьевич*, (94) *Григорей Кюрилович*, (95) *Григорей Данилович*, (96) Самсонъ Иванович, (97) *Федоръ Данилович*, (98) Есифъ Григорьевич, (99) Есифъ Ондрьянович, (100) *Смене Пѣздья*, (101) Федоръ Яколич, (102) братъ его Есифъ, (103) Иванъ Васильевич, (104) *Иванъ Иванович*, (105) *братъ его* Яковъ Селезневич, (106) *Микифоръ Борисович*, (107) *И в а н ь М а к с и м о в и ч*, (108) Иванъ Лаврентьевич, (109) Исакъ Ондрѣевич, (110) Дритрии [так! — *В. Я.*] Васильевич, (111) *Михаила Онаньинич*, (112) *Олександръ Кавъскый*, (113) Василей Степанович, (114) Михаил Туча Голый, (115) Иванъ Офоносовъ, (116) (Офо)нось Грузь, (117) Иванъ Лукинъ, (118) Василей Есифов, (119) *братъ его* Свекла Офон(ось), (120) Василей Каримиръ [так! — *В. Я.*], (121) *Кирила Голый*, (122) Яко(въ), (123) Захарья Григорьевъ Отвине, (124) *Филатъ Скупои Порочка*, (125) Кузма

Семеновичь, (126) Федоръ Глазоемечь, (127) Михаила Чапинога, (128) (Бог)данъ Микитиничь»²⁵.

В дальнейшем это дополнение я буду называть «3-м дополнением к Списку А». Независимость его от летописного рассказа достаточно очевидна. Из 39 содержащихся в нем имен 14 не встречаются в летописи вообще, три имени встречены в контекстах, не сообщающих о посадничестве их носителей, в двух случаях в нем указываются не зафиксированные летописцем родственные связи.

Датировать эту запись возможно при сопоставлении ее данных с летописными и актовými сведениями. Снова следует оговориться, что в данном случае более важным является не включение посадников в запись, а отсутствие в ней тех или иных известных и хорошо датированных имен. Зная из документов дату посадничества какого-либо боярина, никогда нельзя быть уверенным в том, что именно эта дата является начальным годом его посадничества, тогда как отсутствие в списке отдельных имен должно указывать на то, что список составлен до начала посадничества носителей этих имен. Разумеется, относительная полнота списка играет при этом решающую роль.

Рассмотрим прежде всего те имена, которые включены в 3-е дополнение, группируя их по датам первого летописного или актового упоминания этих лиц на посадничестве.

Василий Есифович (№ 118) известен как посадник уже в 1418 г.²⁶, Афанасий Есифович (№ 119) — в 1420 г.²⁷, Александр Игнатьевич (№ 91) — около 1418—1420 гг.²⁸, Григорий Кириллович (№ 94) — в 1428 г.²⁹, Самсон Иванович (№ 96) — в 1434 г.³⁰, Иван Васильевич (№ 103) — в 1435 г.³¹, Борис Юрьевич (№ 92) — в 1436 г.³², Федор Данилович (№ 97) — около 1436—1438 гг.³³, Исаак Андреевич (№ 109) — в 1439 г.³⁴

Федор Яковлевич (№ 101) и Василий Степанович (№ 113) были посадниками в 1447 г.³⁵, Есиф Григорьевич (№ 98) — в 1448 г.³⁶, Есиф Андреянович (№ 99), Дмит-

²⁵ НПЛ. С. 164—165, примеч.

²⁶ ПСРЛ. Т. 4. С. 117; НПЛ. С. 410.

²⁷ ПСРЛ. Т. 4. С. 119.

²⁸ ГВНП. С. 96, № 58.

²⁹ ПСРЛ. Т. 8. СПб., 1859. С. 94.

³⁰ ГВНП. С. 106 и сл., № 64.

³¹ НПЛ. С. 417; ПСРЛ. Т. 4. С. 121.

³² ГВНП. С. 109, № 66.

³³ Там же. С. 114, № 69; Янин В. Л. Указ. соч. С. 112.

³⁴ Там же. С. 113, № 68.

³⁵ ПСРЛ. Т. 4. С. 126.

³⁶ ГВНП. С. 117 и сл., № 72.

рий Васильевич (№ 110), Офонос Груз (№ 116) и Иван Лукинич (№ 117) — в 1448 г.³⁷, Григорий Данилович (№ 95) — в 1456 г.³⁸, Михаил Туча (№ 114) — в 1456 г.³⁹, Иван Офоносевич (№ 115) — в 1459 г.⁴⁰, Иван Лаврентьевич (№ 108) — в 1461 г.⁴¹

Наконец, Василий Казимир (№ 120) был посадником в 1471 г.⁴², а Яков Селезнев (№ 105), Захарья Григорьевич Отвин (№ 123) и Федор Глазоемцев (№ 126) — в 1475 г.⁴³ Даты посадничества остальных неизвестны.

Наблюдения над датированными именами показывают, что в 3-м дополнении посадничьи имена как бы расслаиваются на отдельные хронологические группы, причем это расслоение почти не выражено в последовательности имен. Поздние посадники в нем могут предшествовать ранним. Очевидно также, что в списке имеются значительные пробелы. В нем почти нет посадников 1420-х гг., зато избылуют посадники 1430-х гг.; почти нет имен 1460-х гг., но встречаются имена 1470-х гг. Для датировки 3-го дополнения важны позднейшие имена списка.

Эти имена — их четыре — зафиксированы главным образом летописным рассказом о встрече Ивана III новгородцами в 1475 г. Однако летописный рассказ о событиях 1470-х гг. и особенно та его часть, которая относится к изложению обстоятельств церемониальной встречи великого князя в 1475 г., весьма специфичны по своему характеру. В нем перечисляются все посадники этого времени, в числе которых, несомненно, было немало лиц, длительно занимавших эту должность. В частности, в 1475 г. еще был жив Офонос Груз, впервые ставший известным с посадничьим титулом еще в 1440-х гг. Нечего и говорить, что в числе посадников 1470-х гг. встречались лица, избранные за 10—15 лет до их упоминания в рассказе 1470-х гг.⁴⁴

Для датировки записи нужно снова обратиться и к умолчаниям списка. Мы не встретим в нем большинства посадников 1470-х г., таких как известный под 1470 г. Дмитрий Исаакович Борецкий⁴⁵, известные под 1471 г. Феофилат Захарьинич, Лука Федорович и Тимофей Остафьевич⁴⁶. Это обстоятельство ото-

³⁷ ГВНП. С. 119 и сл. № 73.

³⁸ Там же. С. 39, № 22—23.

³⁹ ПСРЛ. Т. 4. С. 216; Т. 5. СПб., 1851. С. 31; Т. 8. С. 146.

⁴⁰ ПСРЛ. Т. 16. СПб., 1889. Стб. 198.

⁴¹ Там же. Стб. 204.

⁴² ПСРЛ. Т. 4. С. 241; Т. 5. С. 36; Т. 8. С. 165.

⁴³ ПСРЛ. Т. 6. СПб., 1853. С. 200—204.

⁴⁴ Отмечу, что летописный рассказ о событиях 1460-х гг. почти не содержит посадничьих имен.

⁴⁵ ГВНП. С. 129 и сл., № 77.

⁴⁶ ГВНП. С. 44 и сл., № 25—27. Впрочем, Феофилат Захарьинич может быть отождествлен с упомянутым в списке Филатом Скупым Порочкой (№ 124).

двигает время составления документа на 1460-е гг. Датировать его концом 1450-х гг. вряд ли возможно, поскольку включенный в список Василий Казимир (№ 120) в 1459 г. был еще только тысяцким ⁴⁷.

Более полная характеристика 3-го дополнения может быть сделана только после сравнения его показаний с показаниями второго извода новгородских посадничьих списков.

ВТОРОЙ ИЗВОД СПИСКА ПОСАДНИКОВ

(Список Б и дополнение к нему)

Второй извод списка новгородских посадников содержится в статьях, предшествующих Комиссионному списку Новгородской Первой летописи младшего извода ⁴⁸, в Новороссийском списке Новгородской Четвертой летописи ⁴⁹ и в Уваровском списке Ермолинского летописца ⁵⁰. Списки посадников в Комиссионной и Новороссийской рукописях заканчиваются именем Захарии Кирилловича. В Ермолинском летописце это перечисление продолжено еще 33 именами. Текст списка ниже приводится по Ермолинскому летописцу с указанием принципиальных разночтений с другими его вариантами. Имена, отсутствующие в летописях, выделены курсивом, так же как и генеалогические факты, не отмеченные в летописном рассказе. Имена, не связанные в летописных текстах с посадничеством, даются разрядкой.

«А се посадници новгородстии: (1) Гостомысль, (2) Коснятинъ, (3) Остромиръ, (4) *Завидъ*, (5) *сынъ его* Дмитръ, (6) *Петрята*, (7) *Коснятинъ*, (8) *Нинонигъ*, (9) *Сава*, (10) *Улебъ*, (11) *Гюрята*, (12) *сынъ его* Мирославъ, (13) *Микула*, (14) *сыны его два*: Петръ, (15) Коснятинъ, (16) Добрыня ⁵¹, (17) Костянтинъ ⁵² Мосеевичъ, (18) Борисъ, (19) Завидъ Дмитровичъ, (20) Даниль ис Киева, (21) Иванко Павлович, (22) *сынъ его* Судило, (23) Якунъ Мирославичъ, (24) Нижата Твердятичъ, (25) Озариа *Фефилактовичъ*, (26) Захариа, (27) *сынъ его* Иванко, (28) Якунъ, (29) *сынъ его* Дмитръ, (30) Жирославъ ⁵³, (31) Завидъ Невероничъ (32) Михалко Степаничъ, (33) два сына его: Твердиславъ, (34) *Ф е о д о р ь*, (35) Мирошка Незнаничъ, (36) сынъ его Дмитръ, (37) Юрьи Ивановичъ, (38) Се-

⁴⁷ ПСРЛ. Т. 16. Стб. 198.

⁴⁸ НПЛ. С. 471—472.

⁴⁹ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 3. Л., 1929. С. 626.

⁵⁰ ПСРЛ. Т. 23. СПб., 1910. С. 165—166.

⁵¹ В Новороссийском нет.

⁵² В Новороссийском нет.

⁵³ В Новороссийском приписано позже.

мень Борисовичъ, (39) Иванко Дмитровичъ, (40) Внездъ Водовикъ, (41) Степанъ Твердиславичъ, (42) сынъ его Михалко, (43) С б ы с л а в ъ Я к у н к о в и ч ъ, (44) Ананиа Феофилатовичъ, (45) Михайль Федоровичъ, (46) сынъ его Семеонъ, (47) Павша Ананьиничъ, (48) *Микита Григорьевичъ*, (49) Михайло Мишиничъ, (50) братъ его Георгии, (51) Андреико Климовичъ, (52) братъ его Семень, (53) Варфоломеи Юрьевичъ, (54) Феодоръ Ахмыль, (55) Михайло Павшиничъ, (56) сынъ его Захариа, (57) Онцифоръ Лукиничъ, (58) сынъ его Юрьи, (59) Матфеи Валфромеевичъ, (60) *сынъ его* Микита, (61) *Федоръ Юрьевичъ*, (62) *сынъ его* Василии, (63) Яковъ Хотовъ, (64) Еустафеи Дворяничъ, (65) братъ его Александръ, (66) *Иоанъ Семеновичъ*, (67) *братъ его* Александръ, (68) *Иванъ Федоровичъ*, (69) Федоръ Даниловичъ, (70) братъ его Михайло, (71) Юрьи Ивановичъ, (72) *братъ его* Василии, (73) Андреянъ Захарьиничъ, (74) *братъ* Есипъ, (75) Селивестръ Леонтеевичъ, (76) Григорей Якуновъ, (77) Федоръ ⁵⁴ Тимофеевичъ ⁵⁵, (78) Богданъ ⁵⁶ Обакуновъ ⁵⁷, (79) *сынъ его* Григорей, (80) Тимофеи Юрьевичъ, (81) *братанъ его* Александръ Фоминичъ, (82) Есифъ Фалелеевичъ, (83) Юрьи Дмитриевичъ, (84) Иванъ Александровичъ, (85) *братанъ* ⁵⁸ *его* *Фома Ивановичъ*, (86) Кюриль Ондрияновичъ, (87) Фома Есифовичъ, (88) Кюриль Дмитриевичъ, (89) И в а н ъ Д а н и л о в и ч ъ, (90) Андреи ⁵⁹ Ивановичъ ⁶⁰, (91) Иванъ Богдановичъ, (92) Борисъ Васильевичъ, (93) Семеонъ Васильевичъ, (94) Василии Есифовичъ, (95) А л е к с а н д р ъ И г н а т ъ е в и ч ъ, (96) *Яковъ Федоровъ*, (97) *братъ его* Иванъ, (98) Афанасеи, (99) Михайль Мотуричинъ, (100) Василии Микитинъ, (101) Афанасеи Есифовъ, (102) Тимофеи Васильевъ, (103) *братъ его* Василии, (104) И в а н ъ И е в л и ч ъ, (105) Кузьма Терентьевичъ, (106) Федоръ Гавриловичъ, (107) Иванъ Даниловичъ, (108) Семеонъ Васильевичъ, (109) Иванъ ⁶¹ Васильевичъ ⁶², (110) Иванъ Яковличъ, (111) А в р а м ъ С т е ф а н о в и ч ъ, (112) Михайль Ананьиничъ, (113) Василии Фоминъ, (114) Григорей Даниловичъ, (115) Филипъ Фоминъ, (116) Ортемии Петровичъ, (117) Захариа Кюриловичъ».

Здесь заканчивается сопоставимая часть всех трех списков. В. Н. Бернадским была высказана уверенность в самостоятельном происхождении ермолин-

⁵⁴ В Новороссийском нет.

⁵⁵ В Новороссийском нет.

⁵⁶ В Новороссийском нет.

⁵⁷ В Новороссийском нет.

⁵⁸ В Новороссийском: братъ.

⁵⁹ В Комиссионном нет.

⁶⁰ В Комиссионном нет.

⁶¹ В Новороссийском и Комиссионном нет.

⁶² В Новороссийском и Комиссионном нет.

ского варианта⁶³. Однако приведенное сравнение вариантов наглядно демонстрирует наличие у всех этих списков общего протографа. На всем своем протяжении они сохраняют полную идентичность как в составе, так и в очередности имен. Выявленные разночтения легко объяснимы. Так, отсутствие в Новороссийском списке Добрыни (№ 16) и присоединение отчества «Мосеевич» (№ 17) к имени Коснятина (№ 15) вызвано элементарной гаплографической ошибкой. Отсутствие в том же списке Федора Тимофеевича и Богдана Обакуновича (№ 77 и 78) вызвано также гаплографией — близостью написаний «Якуновъ» и «Обакуновъ». И в Новороссийском, и в Комиссионном списке пропущено имя Ивана Васильевича (№ 109); следовательно, оно отсутствовало в общем протографе этих двух вариантов.

Вполне самостоятельным является лишь продолжение списка посадников в Ермолинском летописце:

«(118) Григорей Кириловичь, (119) *Григорей Юрьевичь*, (120) Самсонъ Ивановичь, (121) *Ондрей Ивановичь*, (122) *Федоръ Даниловичь*, (123) *Борисъ Юрьевичь*, (124) Иванъ Васильевичь, (125) *Федоръ Олисеичь*, (126) *Онаниа Семеновичь*, (127) Дмитрей Васильевичь, (128) Иванъ Лукиничь, (129) Исакъ Андреевичь, (130) Федоръ Яковличь, (131) *Богданъ Микитиничь*, (132) Есиф Ондрьяновичь, (133) Есифъ Григорьевичь, (134) Есифъ Яковличь, (135) *Иванъ Максимовичь*, (136) Иванъ Лаврентьевичь, (137) Богданъ Есифовичь, (138) Захария Григорьевичь, (139) Василей Степановичь, (140) *Михаило Ивановичь*, (141) Офонасъ Остафьевичь, (142) *Александръ Васильевичь*, (143) Василей Александровичь, (144) братъ его Яковъ Коробъ, (145) Иван *Немиръ*, (146) *Василей Глазочовъ*, (147) *Козма Григорьевичь*, (148) *Михаило Семеновъ*, (149) Александръ Самсоновъ, (150) *Федоръ Самсоновъ*».

Для правильной датировки этого извода представляется важным выяснить следующие обстоятельства. Как уже отмечено, сравнение списков в Ермолинском летописце, с одной стороны, и в Комиссионной и Новороссийской рукописях — с другой, не подтверждает предположения В. Н. Бернадского о происхождении этих двух вариантов от разных источников. Однако текст Ермолинского летописца содержит только что приведенную дополнительную часть, что и составляет главную его особенность. Очевидно, что теоретически возможны два совершенно противоположных решения относительно общего протографа всех трех списков. Список первоначально мог существовать в ермолинском варианте, включая в свой состав все 150 имен, а в Комиссионной и Новороссийской рукописях он по каким-то причинам не был переписан полностью. Но первоначальным вариантом может оказаться и оканчивающийся именем Захарии

⁶³ Бернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля в XV в. М.; Л., 1961. С. 360.

Кирилловича более краткий список, неисправная копия которого была использована в Комиссионной и Новороссийской рукописях, а исправная — дополнена в позднейшее время и использована в Ермолинском летописце.

Для решения этого вопроса следует выяснить две детали. Важно установить, во-первых, до какого хронологического рубежа доведено перечисление посадничьих имен в полном списке Ермолинского летописца и, во-вторых, в каком хронологическом контексте находится список в Комиссионной рукописи. Ясно, что, если этот контекст относится ко времени более раннему, чем дата ермолинского варианта, вопрос о первоначальном виде списка решится в пользу комиссионного варианта, поскольку тем самым будет засвидетельствовано его существование в тот момент, когда завершающей части списка, известной по Ермолинскому летописцу, еще не могло существовать.

Завершающая часть Ермолинского списка была исследована В. Н. Бернадским, который предложил датировать ее временем около 1460 г.⁶⁴ Основанием для такой датировки, которая представляется убедительной, послужило отсутствие в списке посадников начала 1470-х гг. и включение в него Василия Александровича (Казимира) (№ 143), бывшего в 1459 г. еще только тысяцким.

Хронологический рубеж, ограничивающий ту часть списка, которая совпадает во всех трех рукописях, В. Н. Бернадский определял 1430-ми гг. Основанием такой даты послужил сам факт включения списка в Новгородские Первую и Четвертую летописи, восходящие к своду, составленному, как это признавал А. А. Шахматов, около 1432 г. Матвеем Михайловым («Софийский временник»)⁶⁵. Это соображение подкреплено и ссылкой на посадничество Григория Кирилловича Посахно (№ 118), именем которого открывается дополнение по Ермолинскому летописцу. Достоверное посадничество Григория Кирилловича, по В. Н. Бернадскому, зафиксировано летописным рассказом 1434, 1435 и 1436 гг.⁶⁶ Однако Григорий Посахно был посадником и в 1428 г., во время осады Порхова Витовтом⁶⁷. Толкуя это последнее сообщение, В. Н. Бернадский сомневался в том, что Григорий в 1428 г. был новгородским посадником, и полагал, что он тогда с большей вероятностью мог быть порховским посадником, поскольку оказался в осажденном Порхове.

В конечном счете вопрос о времени начала новгородского посадничества Григория Кирилловича вовсе не так важен, как казалось В. Н. Бернадскому, поскольку послужившее основанием для его постановки мнение исследователя о связи

⁶⁴ Бернадский В. Н. Указ. соч. С. 360.

⁶⁵ Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.; Л., 1938. С. 366.

⁶⁶ НПЛ. С. 417—418; ПСРЛ. Т. 4. СПб., 1848. С. 121.

⁶⁷ ПСРЛ. Т. 8. С. 94.

основной части списка с предполагаемым сводом 1432 г. не может быть признаком решающим при датировке. Наличие списков единого происхождения в составе Новгородской Первой, Новгородской Четвертой и Ермолинской летописей действительно указывает на существование их оригинала в составе «Софийского временника». Однако сам «Софийский временник» в редакции Матвея Михайлова в качестве своих источников использовал разнообразные материалы, в том числе новгородскую владычную летопись, редактировавшуюся неоднократно ⁶⁸. Замечу, что во всех трех известных нам случаях посадничий список второго извода находится не в составе собственно сводов, а в составе особых сборников, приложенных к сводам. Посадничьи списки дошли до нас в окружении сходных по своему характеру списков, изложение которых во всех трех рукописях или предшествует летописному рассказу, или заключает его. Эта особенность делает неизбежным вывод о том, что и в «Софийском временнике» собрание таких списков составляло особую часть летописи и находилось вне погодного изложения. Однако нам неизвестно, был ли этот обзор составлен специально для «Софийского временника», или он имелся уже в числе источников этого свода.

Попытаемся решить вопрос о датировке посадничьего списка второго извода иначе. Сам факт включения совпадающей части списка в Комиссионную рукопись, все материалы которой датируются временем до 1447 г., очевиден. В какое же время до 1447 г. была составлена эта часть списка? Обратимся к тому контексту, в котором список находится в Комиссионной рукописи.

Как уже отмечено, список посадников в этом сборнике составляет часть большого однородного обзора, предшествующего изложению собственно летописного рассказа. Этот обзор складывается из следующих рубрик: «Сие родословятся велицей князи Русьстии», «Родословие тех же князей», «Кто колико княжил», «А се князи Русьстии», «А се по святем крещении, о княжении Киевьстемь», «А се князи Великого Новагорода», «А се посадници Новгородьстии», «А се тысяцьскыи Новгородскыи», «А се Русьстии митрополити», «А се новгородскыи епископы», «А се архиепископи», «А се архимандриты новгородскыи», «А се имена всем градом Рускым, далним и ближним» ⁶⁹. Предполагая одновременное составление всего этого обзора и сопоставляя даты, до которых доведено изложение в каждой рубрике, попытаемся установить время этого капитального предприятия.

Раздел «Сие родословятся велицей князи Русьстии» доведен до Василия Васильевича. Формально мы должны были бы датировать эту запись временем не ранее 1425 г., когда началось московское княжение Василия II. Однако со-

⁶⁸ Шахматов А. А. Указ. соч. С. 366; Лихачев Д. С. «Софийский временник» и новгородский политический переворот 1136 года // Исторические записки. 1948. № 25.

⁶⁹ НПЛ. С. 465—477.

гласное показание всех остальных разделов свидетельствует о том, что имя Василия Васильевича было добавлено при оформлении Комиссионной рукописи в середине XV в.⁷⁰ Следующий раздел «Родословие тех же князей» завершается перечислением сыновей Василия Дмитриевича, младший из которых Василий родился в 1415 г. В разделе «Кто колико княжил» последним назван Дмитрий Иванович (умерший в 1389 г.); исчисление лет княжения Василия Дмитриевича отсутствует, что свидетельствует о составлении раздела до 1425 г. В рубрике «А се князи Русьстии» позднейшим показано имя Василия Дмитриевича, что также свидетельствует о составлении этого раздела до 1425 г. В разделе о киевском княжении имеются только древние даты, и он для нас бесполезен. В разделе «А се князи Великого Новгорода» последним назван Василий Дмитриевич, что также дает дату до 1425 г. Список новгородских тысяцких доведен до начала 1420-х гг.⁷¹ Раздел о новгородских архимандритах завершается именами, в других источниках не известными. Зато весьма важен раздел о новгородских владыках, перечисление которых завершается сведениями о смерти и погребении архиепископа Симеона (умершего 15 июня 1421 г.). Сменивший его владыка Феодосий (1421 — сентябрь 1423 г.) не назван; следовательно, раздел составлен до сентября 1423 г.

Эту согласную картину нарушает только один раздел обзора «А се Русьстии митрополиты», в котором последним назван не Фотий (1410—1431 гг.), а Герасим (1433—1434 гг.). Однако это единственное противопоставление может быть отвергнуто следующим обстоятельством. В Новороссийском списке Новгородской Четвертой летописи, где объем списков посадников и тысяцких совпадает с их объемом в Комиссионном списке, перечисление митрополитов заканчивается именем Фотия, что позволяет ограничивать этим именем и список митрополитов в общем источнике этих двух летописей. Таким образом, для всех рубрик обзора может быть указана чрезвычайно точная дата составления: июнь 1421 г. — сентябрь 1423 г., которую дают год смерти архиепископа Симеона и год низложения Феодосия. Большему уточнению этой даты, по-видимому, способствует указание в статье «Кто колико княжил» на то, что от Турлаковы рати минуло 97 лет. Турлакова рать была в 1327 г.; 97-й год после нее пошел в 1423 г.⁷²

---

⁷⁰ В первом издании настоящего исследования было предположено, что Василий II стал титуловаться великим князем еще при жизни отца, а известное dokonчание его с Новгородом (ГВНП, № 19) связано с именем Евфимия I, бывшего «чернецом на сеньях» в 1423 г. Л. А. Бассальго обратил внимание на невозможность такого решения, так как до этого хиротописания в 1424 г. Евфимий I носил имя Емельян.

⁷¹ Янин В. Л. Указ. соч. С. 48—49.

⁷² Шахматов А. А. Указ. соч. С. 171. Тот же хронологический момент может быть извлечен из указания статьи «А се князи Русьстии» о том, что с начала княжения Ивана

Помня, что основной нашей целью должна быть датировка посадничьего, а не прочих списков, следовало бы проверить предположенную дату изучением летописных дат посадников, перечисленных в конце этого списка и в начале дополнений по Ермолинскому летописцу. Однако такая работа оказывается выполнимой только в процессе перекрестного изучения всех относящихся к делу фактов. Большинство посадничьих имен этого места списка в других источниках не встречается, а отдельные имена, отмеченные другими источниками, имеются лишь в исключительно плохо датированных документах. Поэтому нам предстоит вернуться к вопросу о датировке основной части списка в разделе работы, посвященном посадникам 1420-х и 1430-х гг.

В дальнейшем я буду называть основную часть списка второго извода до имени Захарии Кирилловича включительно (№ 117) «Списком Б», а его заключительную часть, имеющуюся в Ермолинском летописце, — «Дополнением к Списку Б».

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ДВУХ ИЗВODOВ ПОСАДНИЧЬИХ СПИСКОВ

Даже самое беглое сопоставление обоих изводов списка новгородских посадников обнаруживает существенные различия между ними. Для Списка А характерна исключительная лапидарность. Это сухой перечень имен без отчеств, напоминающий заурядный синодик. Лишь в дополнениях к нему появляются отчества посадников.

Список Б значительно пространнее. Большинство посадников в нем названо не только по имени, но и по отчеству. Составитель Списка Б вообще не чужд генеалогических интересов, обозначая принадлежность многих посадников к одной семье. В списке постоянно фигурируют сыновья и братья (в одном случае даже братан — двоюродный брат) посадников, сами занимавшие эту должность. Однако нетрудно заметить, что все эти указания, за исключением того, где говорится о братане, сводятся лишь к иной форме изображения отчества. Вместо обычного написания отчества составитель указывает: «сын такого-то» или «брат такого-то», уже названного с отчеством. Его «генеалогические построения» не распространяются на внуков и правнуков посадников. Так, например, в Списке Б порознь стоят две пары посадников: Михалко Степанич и сын его Твердислав (№ 32, 33), Степан Твердиславич и сын его Михалко (№ 41, 42). Между тем известно, что Сте-

---

Даниловича, которое составитель относит к 6824 г., прошло 108 лет. Восприятие этой статьи затруднено путаницей, допущенной ее составителем, который в одном месте поименовал Ивана Калиту Иваном Васильевичем.

пан Твердиславич был сыном именно Твердислава Михалковича, а обе эти группы в действительности образуют одну посадничью династию, представители которой приходили к власти на протяжении четырех поколений. Другой пример: в прямом восходящем родстве находились Варфоломей Юрьевич (№ 53) и Юрий Мишинич (№ 50), даже похороненные в одном гробу, однако в Списке Б они обособлены один от другого, так как Юрий объединен в одну группу со своим братом Михайло (№ 49), при имени которого помещено и их общее отчество.

Потребностям обозначения отчества составитель Списка Б подчиняет и очередность изложения имен. Можно привести много примеров перестановок такого характера, в качестве иллюстрации воспользуемся одним. Известно, что Онцифор Лукич (№ 57) был посадником середины XIV в., его сын Юрий (№ 58) посадничал в начале XV в., а между ними было немало других посадников. Однако, несмотря на полувековой промежуток, Юрий Онцифорович помещен в Списке Б сразу же вслед за своим отцом.

Предпринимаемое ниже сравнение Списков А и Б и дополнений к ним преследует несколько целей. Оно должно дать представление о сравнительной полноте списков и установить, какая их редакция является наиболее достоверной. Оно также должно выяснить характер очередности имен и определить, нарушена ли их хронологическая последовательность в Списке Б только ради обозначения отчеств, или же ее принципы более сложны. Такое сравнение может сообщить и новые данные для проверки и уточнения дат составления списков. Наконец, основная цель сводится к отысканию в обоих списках общей основы и решению вопроса об их взаимоотношении.

Мы подвергнем сравнению два ряда имен: приведенный в Списке А с тремя дополнениями к нему и изложенный в Списке Б с дополнением Ермолинского летописца. Поскольку заранее известно, что хронологическая очередность в Списке Б нарушена, за основу принят Список А. Имена Списка Б распределены по трем группам. В одну из них входят те посадники, чье место в Списке Б определено их отчеством, т. е. явные перестановки. В другую — имена, место которых в Списке Б без видимых причин не соответствует их месту в Списке А, т. е. перестановки, не оправданные потребностью обозначения отчества. Наконец, в третью группу входят все прочие имена, порядок которых вполне совпадает с их порядком в Списке А. Курсивом обозначены имена и другие сведения, отсутствующие в летописях, разрядкой — имена, известные летописцу без связи с посадничеством (см. табл. 1 и с. 45—48).

Сравнение основных посадничьих списков позволяет сделать несколько важных наблюдений. Прежде всего обращает на себя внимание принципиальное совпадение очередности имен в обоих списках. Порядок их изложения практически идентичен и нарушается в Списке Б только для указания отчеств. Исключо-

чив из Списка Б все случаи генеалогических перестановок, мы получаем ту же очередность, какой подчинено изложение имен в Списке А.

Правда, существуют два нарушения, не оправданные генеалогическими интересами составителя Списка Б. Не на месте в нем оказался Кирилл Андреевич (№ 86), стоящий в Списке Б после Ивана Александровича и Фомы Ивановича, тогда как в Списке А он предшествует Ивану и Фоме. Другое нарушение более существенно: резко отлична в обоих списках очередность посадников, осуществлявших свою деятельность между Матвеем Варфоломеевичем Коской (№ 53 в Списке А, № 59 в Списке Б) и Григорием Якуновичем (№ 67 в Списке А, № 76 в Списке Б).

Как ни важны эти расхождения, но их только два. В остальных частях очередность имен совпадает идеально. Второй важной особенностью, общей для обоих списков, является несомненное использование в них какого-то внелетописного источника. На этот источник указывает повторение в обоих списках целого ряда сведений, не известных летописцам. Так, списки в начальной части перечисляют имена Завида, Петряты, Костянтина, Миронег, Саввы, Улеба, Гюряты, Микулы, не зафиксированные ни в одной летописи. К числу подобных явлений принадлежит включение в число посадников в обоих списках Сбыслава Якуновича, известного летописцам, но без какой-либо связи с посадничеством. Не известны летописцам имеющиеся в обоих списках имена посадников Ивана Семеновича Муторицы, Ивана Федоровича Смятанки и Фомы Ивановича.

Отмеченные совпадения Списков могут быть объяснены тремя способами. Во-первых, Списки А и Б могут иметь независимое друг от друга происхождение и восходить к разным источникам, которые содержали сведения более подробные, чем в дошедших до нас летописях. В таком случае, взаимоподтверждая друг друга, они отражают действительный состав и очередность посадников вплоть до начала XV в. Во-вторых, оба списка могут восходить к единому источнику — более раннему списку посадников, в котором содержались и хронологические, и генеалогические сведения. В этом случае Списки А и Б, являясь разными формами обработки такого списка, отражают лишь особенности своего общего источника. Наконец, третье возможное объяснение исходит из того, что составитель Списка Б положил в основу своей работы Список А, используя для его обработки дополнительные источники⁷³.

Для проверки этих предположений наиболее существенный материал дают те сведения, которые в Списке Б являются избыточными сравнительно со Списком А, — разумеется, в сопоставимой части. Список Б дошел до нас в более поздней редакции, чем Список А, и содержит ряд позднейших имен.

---

⁷³ Напротив, Список А не может восходить к протографу Списка Б, поскольку в нем не отразилась ни одна из генеалогических перестановок Списка Б.

Таблица 1

Сравнение списка А и его двух дополнений со списком Б

Список А	Список Б		
	Генеалогические перестановки	Неоправданные перестановки	Прочие имена
1. Гостомысл			1. Гостомысл
2. Коснятин			2. Коснятин
3. Остромир			3. Остромир
4. Завид			4. Завид
5. Петрята			6. Петрята
6. Костянтин			7. Коснятин
7. Миронег			8. Нинониг
8. Сава			9. Сава
9. Улеб			10. Улеб
10. Гюрята			11. Гюрята
11. Микула			13. Микула
12. Добрыня			16. Добрыня
13. Дмитр	5. Дмитр, сын 4		
14. Костянтин			17. Костянтин Моисеевич
15. Борис			18. Борис
16. Завид			19. Завид Дмитриевич
17. Данило			20. Данило из Киева
18. Петрята	14. Петр, сын 13		

Продолжение табл. 1

19. Иванко			21. Иванко Павлович
20. Мирослав	12. Мирослав, <i>сын 11</i>		
21. Костянтин	15. Костянтин, <i>сын 13</i>		
22. Якун			23. Якун Мирославич
23. Судило	22. Судило, <i>сын 21</i>		
24. Нежата			24. Нежата Твердятич
			25. Озария <i>Феофилактович</i>
25. Захария			26. Захария
26. Якун			28. Якун
27. Жирослав			30. Жирослав
28. Иванко	27. Иванко, <i>сын 26</i>		
29. Завид			31. Завид Неверонич
30. Михалко			32. Михалко Степанич
31. Мирошка			35. Мирошка Незнанич
32. Сын его Дмитр			36. Сын его Дмитр
33. Твердислав	Твердислав, <i>сын 32</i>		
	34. Ф е д о р, <i>сын 32</i>		
34. Дмитр	29. Дмитр, <i>сын 28</i>		
35. Гюрги			37. Юрий Иванович
36. Семен			38. Семен Борисович
37. Иванко			39. Иванко Дмитриович
38. Внезд Водовик			40. Внезд Водовик
39. Степан			41. Степан Твердиславич

Продолжение табл. 1

40. С бы с л а в			43. С бы с л а в Я к у н о в и ч
41. Онанья			44. Онанья Феофилактович
42. Михалко	42. Михалко, сын 41		
43. Михаил			45. Михаил Федорович
44. Павша			47. Павша Онаньевич
			48. <i>Никита Григорьевич</i>
45. Михайло			49. Михайло Мишинич
46. Семен	46. Семен, сын 45		
47. Андрейко			51. Андрейко Климович
48. Юрий	50. Георгий, брат 49		
49. Семен			52. Семен, брат 51
50. Варфоломей			53. Варфоломей Юрьевич
51. Федор Ахмыл			54. Федор Ахмыл
			55. Михайло Павшинич
52. Захарья			56. Захарья, сын 55
53. Матвей Коска			59. Матвей Варфоломеевич
54. Федор		69. Федор Данилович	
55. Остафья			64. Евстафий Дворянинец
56. Брат его Александр			65. Брат его Александр
57. Онцифор		57. Онцифор Лукич	

Продолжение табл. 1

58. Федор		61. Федор Юрьевич	
59. Яков		63. Яков Хотов	
60. Иван Муторица			66. Иоанн Семенович
61. Брат его Александр			67. Брат его Александр
62. Селивестр		75. Селивестр Лентеев	
63. Иван Смятанка			68. Иван Федорович
64. Ондрейн			73. Андрейн Захарьинич
65. Юрий		71. Юрий Иванкович	
66. Михайло	70. Михайло, брат 69		
67. Григорий			76. Григорий Якунов
68. Никита	60. Никита, сын 59		
69. Василий Федорович	62. Василий, сын 61		
70. Василий	72. Василий, брат 71		
71. Федор			77. Федор Тимофеевич
72. Еска	74. Есиф, брат 73		
73. Богдан			78. Богдан Обакунович
74. Тимофей			80. Тимофей Юрьевич
75. Есиф			82. Есиф Фалелеевич
76. Юрий			83. Юрий Дмитриевич

Продолжение табл. 1

77. Александр	81. Александр Фоминич, братан 80		
78. Кирилл		86. Кирилл Андреянович	
79. Иван			84. Иван Александрович
80. Фома			85. Фома Иванович, братан 84
1-е дополнение Списка А			
81. Юрий Онцифорович	58. Юрий, сын 57		
82. Фома Есифович			87. Фома Есифович
83. Григорий Богданович	79. Григорий, сын 78		
84. Кирилл Дмитриевич			88. Кирилл Дмитриевич
85. Иван Данилович			89. Иоанн Данилович
2-е дополнение Списка А			
86. Андрей Иванович			90. Андрей Иванович
87. Иван Богданович			91. Иван Богданович
			92. Борис Васильевич
88. Семен Васильевич			93. Семен Васильевич
			94. Василий Есифович
			95. Александр Игнатьевич
			96. Яков Федоров
			97. Брат его Иван

Продолжение табл. 1

			98. Афанасий, брат 96 и 97
			99. <i>Михаил Мотуричин</i>
			100. <i>Василий Микитин</i>
			101. Афанасий Есифов
89. Тимофей Васильевич			102. Тимофей Васильевич
			103. <i>Брат его Василий</i>
			104. <i>Иван Евлич</i>
			105. Кузьма Терентьевич
			106. <i>Федор Гаврилович</i>
			107. <i>Иван Данилович</i>
			108. <i>Семен Васильевич</i>
			109. <i>Иван Васильевич</i>
			110. <i>Иван Яковлевич</i>
			111. Аврам Стефанович
			112. <i>Михаил Ананьич</i>
			113. <i>Василий Фомин</i>
			114. <i>Григорий Данилович</i>
			115. <i>Филипп Фомин</i>
			116. <i>Артемий Петрович</i>
			117. <i>Захария Кириллович</i>

Такие избыточные сведения группируются в три категории. Во-первых, в Списке Б имеется несколько имен, отсутствующих в Списке А: Озария Феофилактович (№ 25), брат Твердислава Михалковича — Федор (№ 34), Никита Григорьевич (№ 48), Михайло Павшинич (№ 55). Во-вторых, в Списке Б почти все имена снабжены отчествами, исключение составляют первые 16 посадников, а также Борис (№ 18), Данило из Киева (№ 20), Захария (№ 26), Якун (№ 28), Жирослав (№ 30), Внезд Водовик (№ 40), Федор Ахмыл (№ 54), Евстафий Дворянинец (№ 64). В-третьих, для значительного числа посадников указываются конкретные родственные связи, названо не только отчество, но в списке показано, чьим именно сыном является носитель этого отчества.

Попытаемся проследить источники этих избыточных сведений. Озария Феофилактович в Списке Б помещен между Нежатой Твердычем и Захарией. В Новгородской Первой летописи старшего извода нет имени Озарии; напротив, там утверждается непосредственный переход посадничества от Нежаты к Захарии, который произошел в 6669 г.: «Тыгда же отяша посадництво у Нежате, а Захарии даша»⁷⁴. Имя Озарии появляется в Новгородской Первой летописи младшего извода и имеется во всех списках этого свода в приведенном контексте 6669 г. на месте Захарии, но как результат ошибки переписчика или редактора, поскольку в последующем летописном рассказе речь снова идет о Захарии.

Включение в Список Б Федора Михалковича также объясняется недоразумением и связано с невнятистью летописного известия в том же своде. Федор Михалкович упоминается в Новгородской Первой летописи под 6727 и 6732 г. в связи с постройкой церкви, которая была предпринята им вместе с братом Твердиславом⁷⁵. В промежутке между этими известиями летописец упоминает Федора посадника, но не новгородского, а русского (в Русе)⁷⁶. В Новгороде в это время посадничали сначала Твердислав (до 6727 г.), потом Семен Борисович (6727 г.), снова Твердислав (6727—6728 гг., наконец, Иванко Дмитрович (6728—6737 гг.). Нет места для посадничества Федора Михалковича и в более позднее время.

Из летописного рассказа заимствовано и имя Михаила Павшинича, отсутствующее в Списке А. В данном случае ошибки нет, так как такой посадник действительно существовал в 6817—6819 гг. (убит в 6823 г.)⁷⁷, но его имя, имеющееся в Новгородской Первой летописи старшего извода, отсутствует в той же летописи младшего извода, и составитель Списка Б, зная о его существовании, помещает его не на место, а перед упоминанием его сына Захарии, посад-

⁷⁴ НПЛ. С. 31.

⁷⁵ Там же. С. 59, 63, 260, 267.

⁷⁶ Там же. С. 51, 264.

⁷⁷ Там же. С. 92—94.

ничавшего в 6840 г., позднее названных перед ним Варфоломея Юрьевича и Федора Ахмыла.

Ни в летописях, ни в других источниках не встречается имени Никиты Григорьевича, однако вероятность его посадничества в высшей степени сомнительна, так как в Списке Б он упомянут в таком хронологическом контексте, какой не оставляет места для этого посадничества.

Эти наблюдения над первой группой избыточных сведений Списка Б указывают, что при его составлении в качестве дополнительного источника был использован один из летописных сводов. Этот свод, составленный до 1423 г., в дальнейшем был привлечен сводчиком на одном из этапов подготовки Новгородской Первой летописи младшего извода, в котором отразились отмеченные выше детали. Поэтому, проверяя остальные избыточные сведения Списка Б, следует сопоставлять их с показаниями именно этой летописи.

Ко второй группе избыточных сведений мы отнесли отчества посадников, отсутствующие в Списке А. Просматривая летопись, легко убедиться, что между ее показаниями и показаниями Списка Б относительно отчеств посадников существует полная гармония. Подавляющее большинство посадников в Новгородской Первой летописи названо с отчествами. Но есть и такие, отчества которых неизвестны. Перечислим их: Борис, Данила, Захария, Якун, Жирослав, Внезд Водовик, Онанья, Федор Ахмыл, Евстафий Дворянинец. Это те самые лица, которые и в Списке Б не обрели своих отчеств. Единственным исключением является Онания, который в Списке Б назван Феофилатовичем, однако вряд ли можно сомневаться, что здесь мы наблюдаем результат свободного творчества составителя, который, возможно, зная о действительном существовании посадника с такими именем и отчеством и не найдя его в летописи, не может придумать, кому это отчество присвоить, и помещает его около имени летописного Онании и мифического Озарии⁷⁸. Трогательное использование летописных показаний наглядно видно в наименовании «Данил ис Киева» (ср.: «Прииде ис Киева Данила посадничать Новугороду»⁷⁹).

Наконец, третья группа избыточных сведений Списка Б — указание конкретных родственных связей для целого ряда посадников — внешне не может быть возведена к летописным показаниям. В летописном рассказе происхождение того или иного посадника описывается в редчайших случаях. Однако вряд ли будет правильным предполагать существование еще одного источника для этих сведений. Напротив, их появление в Списке Б могло быть результатом некоторых выводов составителя этого списка, сделанных при наблюдении над летописным рассказом. Зная о древности многих посадничьих династий в Нов-

⁷⁸ Анания и Азария — имена библейских отроков, празднуемых совместно.

⁷⁹ НПЛ. С. 22, 206.

городе, составитель Списка Б не мог не обратить внимание на многочисленные случаи совпадения отчеств посадников с именами других посадников, более ранних, но действовавших в пределах одного-двух поколений. Проводя между такими парами посадников линии родственных связей, он действует вполне последовательно и убежденно, но основывается на фактах формального соответствия. Если бы в его распоряжении находились дополнительные источники типа семейных синодиков или, что менее вероятно, генеалогические росписи, — линии родственных связей посадников не дробились бы на те пары, которые показаны в Списке Б, а были более продолжительными, что привело бы к иной группировке имен в списке.

С другой стороны, использование дополнительных внелетописных источников должно было бы заполнить отмеченные выше пробелы в отчествах некоторых посадников, известных летописцу только по именам.

Все это заставляет скептически относиться к показаниям, содержащимся в третьей группе избыточных сведений Списка Б. Будучи результатом собственных реконструкций составителя, они в отдельных случаях могут быть ошибочными, поскольку их достоверность не обеспечена использованием каких-либо дополнительных документов.

Изложенные наблюдения показывают, что все избыточные сведения Списка Б могут быть возведены к летописному тексту. Они заимствованы из летописи типа Новгородской Первой младшего извода и имелись в одном из источников, легших в основу этой летописи. Иными словами, Список Б представляет собой компиляцию из Списка А и летописного рассказа, составленную около 1423 г. В силу такого происхождения историческое содержание избыточных сведений в Списке Б в значительной степени обесценивается, теряя свою исключительность. Однако избыточные сведения Списка Б не теряют своей исключительной ценности в тех случаях, когда речь идет о посадниках, живших в близкие к дате составления документа времена. Здесь действительно использован дополнительный источник, и этим источником являются личные знания составителя. Отмечу сведения о братах-посадниках, которые не могли быть реконструированы чисто механическим путем.

Большую ценность имеет также заключительная часть Списка Б, содержащая сведения о посадниках, избранных после составления 2-го дополнения к Списку А. Здесь перечислено 24 новых посадничьих имени, которые принадлежали лицам, избранным не позднее 1423 г., но и не раньше 1418 г., т. е. буквально на глазах составителя Списка Б.

Переходя к сравнению заключительной части Списка Б и его дополнения по Ермолинскому летописцу с 3-м дополнением к Списку А, мы с полной уверенностью можем говорить о независимом друг от друга происхождении этих документов. При сравнении мы за основу принимаем Список Б с дополнением по

Ермолинскому летописцу как документ, составленный и квалифицированно отредактированный летописцем-сводчиком. Напротив, 3-е дополнение к Списку А по существу является владельческой записью на полях книги; оно производит впечатление позднейшего дописка к Списку А, тем более что дата этой приписки отстоит во времени от даты изготовления Комиссионной рукописи. Обратив внимание на заметную неполноту 2-го дополнения к Списку А сравнительно с сопоставимым местом в Списке Б (см. табл. 1), мы в предлагаемом ниже сравнении используем также и материалы 2-го дополнения к Списку А.

Заключительная часть Списка Б   3-е дополнение к Списку А

... 90. Андрей Иванович	(86. Андрей Иванович) ⁸⁰
91. Иван Богданович	(87. Иван Богданович)
92. Борис Васильевич	
93. Семен Васильевич	(88. Семен Васильевич)
94. Василий Есифович	118. Василий Есифович
95. Александр Игнатъевич	91. Александр Игнатъевич
96. Яков Федоров	
97. Иван Федоров	
98. Афанасий, брат 96 и 97	
99. Михаил Мотуричин	
100. Василий Микитин	
101. Афанасий Есифов	119. Свекла Офонос, брат 118
102. Тимофей Васильевич	(89. Тимофей Васильевич)
103. брат его Василий	
104. Иван Иевлич	
105. Кузьма Терентьевич	
106. Федор Гаврилович	
107. Иван Данилович	
108. Семен Васильевич	100. Смене Пездья
109. Иван Васильевич	
110. Иван Яковлевич	
111. Аврам Стефанович	
112. Михайла Ананъич	111. Михайла Ананъинич
113. Василий Фомин	
114. Григорий Данилович	95. Григорий Данилович
115. Филипп Фомин	
116. Артемий Петрович	
117. Захария Кириллович	

⁸⁰ В скобках даны имена из 2-го дополнения к Списку А.

Дополнение к Списку Б

118. Григорий Кириллович	94. Григорий Кириллович
119. Григорий Юрьевич	93. Григорий Юрьевич
120. Самсон Иванович	96. Самсон Иванович
121. Андрей Иванович	
122. Федор Данилович	97. Федор Данилович
123. Борис Юрьевич	92. Борис Юрьевич
124. Иван Васильевич	103. Иван Васильевич
125. Федор Олисиевич	
126. Ананья Семенович	90. Ананья Семенович
127. Дмитрий Васильевич	110. Дмитрий Васильевич
128. Иван Лукинич	117. Иван Лукин
129. Исаак Андреевич	109. Исак Андреевич
130. Федор Яковлевич	101. Федор Яколич
131. Богдан Микитинич	128. Богдан Микитинич
132. Есиф Андреянович	99. Есиф Андреянович
133. Есиф Григорьевич	98. Есиф Григорьевич
134. Есиф Яковлевич	102. Есиф Яковлевич
135. Иван Максимович	107. Иван Максимович
136. Иван Лаврентьевич	108. Иван Лаврентьевич
137. Богдан Есифович	
138. Захарья Григорьевич	123. Захарья Григорьев Отвине
139. Василий Степанович	113. Василий Степанович
140. Михайло Иванович	114. Михаил Туча Голый
141. Афанас Остафьевич	116. Офонос Груз
142. Александр Васильевич	112. Александр Кавский
143. Василий Александрович	120. Василий Казимер
144. брат его Яков Короб	122. Яков
145. Иван Немир	115. Иван Офоносов
146. Василий Глазоемцев	
147. Кузьма Григорьевич	
148. Михаил Семенов	129. Михайла Чапинога?
149. Александр Самсонов	
150. Федор Самсонов	
	104. Иван Иванович ⁸¹
	105. брат его Яков Селезневич

⁸¹ Не может быть сопоставлен с Иваном Иевличем (№ 104 в Списке Б), так как брат Ивана Ивановича Яков Селезневич известен в очень позднее время — под 1476 г. (ПСРЛ. Т. 6. С. 201—202).

- 106. Микифор Борисович
- 121. Кирилла Гольй
- 124. Филат Скупой Порочка
- 125. Кузьма Семенович
- 126. Федор Глазоемец ⁸².

Последовательное сравнение этих двух списков достаточно полно характеризует состояние 3-го дополнения к Списку А. Оно изобилует многочисленными пробелами, особенно заметными в той части, которая перечисляет посадников конца 1410-х и начала 1420-х гг. 24 посадникам заключительной части Списка Б, которая охватывает имена бояр, получивших посадничество между 1417 и 1423 г., в 3-м дополнении к Списку А соответствует только шесть имен, причем тождественность одного из них сомнительна. Следовательно, по крайней мере в этой части можно отметить не менее 18 пропусков. Напротив, между позднейшей частью 3-го дополнения к Списку А и дополнением к Списку Б соответствие имен почти полное, хотя их очередность совершенно отлична. В этой части в 3-м дополнении отсутствует лишь несколько имен, сравнительно с данными Ермолинского летописца, однако у нас не может быть полной уверенности в том, что они действительно пропущены, поскольку лист Академической рукописи, содержащей 3-е дополнение к Списку А, дефектен и ряд посадничьих имен на нем не сохранился. Более интересны избыточные сведения 3-го дополнения, которые свидетельствуют о несколько более поздней дате этого текста. Выше дополнение Ермолинского летописца отнесено ко времени около 1460 г., а составление 3-го дополнения к Списку А — к 1460-м гг. Существование этой небольшой хронологической разницы подтвердилось.

Наблюдения над 3-м дополнением к Списку А позволяют прийти к выводу, что, в отличие от уже рассмотренных выше текстов, это дополнение не является систематическим. Это результат беспорядочного припоминания. Человек, владевший Академической рукописью в 1460-х гг., задался целью пополнить включенный в нее список посадников новыми именами и смог припомнить большинство посадников, избравшихся в последние 30—35 лет, т. е. на протяжении его сознательной жизни. Однако имена посадников, существовавших в более раннее время, он знал плохо, что и отразилось в его записи. Поскольку эта запись случайна и бессистемна, она не может иметь для исследователя такого же значения, как систематические тексты.

Иной характер имеет дополнение к Списку Б, к которому следует отнести с полным доверием. Очень интересные наблюдения в этой связи были сделаны

---

⁸² Не может быть отождествлен с Федором Олисиевичем (№ 125 в дополнении к Списку Б), так как Федора Глазоемца звали Окинфиевичем (ПСРЛ. Т. 6. С. 201).

В. Н. Бернадским. Оказывается, что перечисление посадников в начальных формулах грамот и в летописных описаниях новгородских посольств точно соответствует той их очередности, которой придерживается дополнение по Ермолинскому летописцу⁸³. В. Н. Бернадский привел следующие убедительные факты:

1. Состав посольства, утвердившего Наровский договор 1448 г.⁸⁴:

Самсон Иванович	—	№ 120
Дмитрий Васильевич	—	№ 127
Иван Лукинич	—	№ 128
Есиф Андреевич	—	№ 132
Богдан Есифович	—	№ 137.

2. Посольство к Дмитрию Шемяке в 1446 г.⁸⁵:

Федор Яковлевич	—	№ 130
Василий Степанович	—	№ 139

3. Докончальная грамота Славенского конца 1460-х гг.⁸⁶:

Иван Васильевич	—	№ 124
Василий Степанович	—	№ 139.

4. Яжелбицкий договор 1456 г.⁸⁷:

Григорий Данилович	—	№ 114
Федор Яковлевич	—	№ 130
Василий Степанович	—	№ 139.

5. Посольство в Москву владыки Ионы в 1463 г.⁸⁸:

Иван Лукинич	—	№ 128
Захарья Григорьевич	—	№ 138
Офонас Остафьевич	—	№ 141.

6. Коростынский договор 1471 г.⁸⁹:

Иван Лукинич	—	№ 128
Яков Александрович	—	№ 144.

Кроме возможности сделать значительный вывод о торжестве принципа «старшинства» в середине XV в., приведенные сопоставления дают право характеризовать дополнение к Списку Б как ценнейший документ, в котором достоверно излагается хронологическая очередность большой группы посадников.

⁸³ Бернадский В. Н. Указ. соч. С. 358 и сл.

⁸⁴ ГВНП. С. 119 и сл., № 73.

⁸⁵ ПСРЛ. Т. 4. СПб., 1848. С. 443; Т. 16. Стб. 189.

⁸⁶ ГВНП. С. 172, № 112.

⁸⁷ Там же. С. 39—44, № 22—24.

⁸⁸ ПСРЛ. Т. 16. Стб. 211.

⁸⁹ ГВНП. С. 44—51, № 25—27.

ИСТОРИЯ ПОСАДНИЧЬИХ СПИСКОВ В СВЯЗИ С ИСТОРИЕЙ ЛЕТОПИСАНИЯ

Наблюдения над посадничьими списками обнаруживают в них некоторые важные особенности, которые должны стать темой самостоятельного анализа. Можно заметить, что дополнение и обновление этих списков происходит не в результате их постепенного пополнения новыми именами, не после каждого избрания новых посадников, а спорадически. Оно находится в связи с общими задачами развития самого жанра списков и отражает этапы развития этого жанра.

С другой стороны, все известные нам посадничьи списки извлечены из летописных сборников, где они находились в составе особых специальных обзоров, вмонтированных в текст летописного рассказа или же вошедших в приложение к собственно летописному рассказу. Это постоянное соединение списков с летописью при сохранении заметной их обособленности делает возможным два существенных вывода. Во-первых, развитие жанра списка находилось в теснейшей связи с развитием летописания. Потребность в дополнении и редактировании списков возникала особенно остро всякий раз, когда начиналась работа по составлению нового свода. Во-вторых, сама обособленность и своеобразие этого жанра, выталкивающие списки из общей канвы летописного рассказа, должны были приводить сводчиков к восприятию списков как самостоятельных документов. Иными словами, возникнув первоначально в составе того или иного свода, они в дальнейшем могли использоваться и вне прямой связи с этим сводом.

Эти особенности использования списков наглядно можно проследить на примере Уваровской рукописи. Составленный в XVI в. Уваровский список летописи оканчивается изложением событий 1518 г. и включает в свой состав в виде приложения собрание списков, складывающееся из следующих рубрик: «А се имена градом Руским, и далним и ближним», «А се рустии митрополиты» (листы с текстом этой рубрики не сохранились, так же как и листы следующей за ней рубрики «А се епископы Новгородстии»), «А се архиепископы» (оканчивающийся сообщением о кончине Давида — умер 5.П.1325 г.), «А се посадници новгородстии» (заканчивается именем Федора Самсонова), «А се тысяцкие Новгородстии» (заканчивается именем Константина Федоровича), «А се архимандриты Новгородстии» (последним названо имя Феодосия — упоминаемого в летописи под 1478 г.⁹⁰), «От летописца вкратце, князи Рустии» (заканчивается именами сыновей Ивана Васильевича: Ивана, Василия — род. в 1479 г., Юрия — род. в 1480 г., Дмитрия — род. в 1482 г., Семена — род. в 1487 г.,

⁹⁰ ПСРЛ. Т. 6. С. 201.

Андрея — род. в 1490 г. и сына Ивана Ивановича — Дмитрия, род. в 1484 г.), «От великого князя Всеволода Володимерского Ростовстии князи» (оканчивается именами сыновей князя Владимира Андреевича, продавшего в 1474 г. свою половину Ростова Москве). Далее следуют рубрики о тверских князьях (заканчиваются именем Михаила Борисовича, последнего тверского князя — 1461—1486 гг.), о белозерских князьях, смоленских князьях (здесь имеются только древние имена, однако исчерпывающие списки княжений). Следующая рубрика, перечисляющая ярославских князей, заканчивается именем Александра Федоровича, включая сообщение о продаже им Ярославля (ум. в 1471 г.). Из остальных рубрик хронологическое значение имеет перечисление «Царей Ардинских», оканчивающееся именем Зеде-салтана, т. е. Джелал-ад-дина, занимавшего ханский престол с 1411 по 1412 г.

Этот пестрый состав обзора характеризует его как компиляцию из разновременных обзоров. Отмечу несколько деталей и дат. Большинство составляющих обзор рубрик отражает успешное собирание Русской земли при Иване III и сохранилось в редакциях конца XV в., после 1490 г. Все эти рубрики имеют общерусский характер и восходят, таким образом, к какому-то обзору при общерусском или, точнее, московском своде конца XV в. Наличие такого свода в числе источников Уваровского списка предположено А. А. Шахматовым⁹¹. Однако наряду с этим обзором Уваровский список использует и некоторые другие. Как уже показано выше, перечисление новгородских посадников останавливается в нем на дате, близкой к 1460 г. Перечисление золотоордынских ханов доведено только до 1411 г. Список новгородских владык обрывается на 1325 г. Здесь необходимо отбросить возможное предположение о том, что этот список не дописан сводчиком: как раз именем Давида оканчивается перечисление владык и в Новороссийском списке Новгородской Четвертой летописи.

Сосредоточивая свое внимание на списке новгородских посадников, мы должны остановиться на одной чрезвычайно важной детали. Анализируя состав Уваровского списка, А. А. Шахматов установил, что одним из его источников был ростовский владычный свод, составленный во времена архиепископа Трифона (1462—1467 гг.). Другие источники этого списка относятся к более позднему времени. На время Трифона указывает, в частности, помещенный в Уваровской рукописи список ростовских владык (под 1396 г.), который заканчивается этим именем. Трифоновскую редакцию А. А. Шахматов датировал временем не ранее 1464 г.⁹² Принципиальное совпадение даты трифоновской редакции с датой посадничьего списка делает более чем вероятным предположение, что список посадников сводчиком Уваровской рукописи был извлечен из рос-

⁹¹ Шахматов А. А. Указ. соч. С. 148.

⁹² Там же. С. 148 и сл.

товского владычного свода 1460-х гг. Между тем использование трифоновского свода в собственно летописном рассказе Уваровской рукописи прослеживается только до 1417 г. Для более позднего времени основой этой рукописи стал один из московских сводов. Это особенно подчеркивает независимость использования сводчиком собственно летописного рассказа и приложенного к нему систематического обзора.

С другой стороны, мы не можем предполагать, что список посадников в трифоновской редакции был оригинальным. Он не имеет никакого отношения к Ростову, будучи по своему происхождению новгородским. Следовательно, и его дата должна несколько отставать от даты составления трифоновского свода, не выходя, однако, за пределы 1460-х гг. В этой связи следует отметить, что в 1461 г. в Новгороде была произведена обработка владычного свода. Несомненные следы такой работы прослеживаются в Летописце епископа Павла, одним из источников которого был новгородский свод, доведенный до 1461 г.⁹³ Вполне закономерно предположение, что дополнение к Списку Б по Ермолинскому летописцу было составлено в связи с этой обработкой владычного свода около 1461 г.

Достаточно определенные выводы о причинах составления Списка Б также могут быть сделаны на основе наблюдений над отражением этого списка в летописных сводах. Список Б известен в связи с Новгородской Первой летописью младшего извода, с Новгородской Четвертой летописью и упомянутым выше Летописцем 1461 г. (в последнем случае ему сопутствует позднейшее дополнение. Вполне очевидно, что во всех этих летописях Список Б заимствован из общего источника. А. А. Шахматов не сомневался в наличии такого общего источника для всех перечисленных здесь летописей. Он колебался только в определении этого источника, называя его первоначально «Новгородским сводом 1448 г.»⁹⁴, а затем «Новгородско-софийским сводом 1430-х годов»⁹⁵. В обоих случаях исследователь делил родственные рукописи на две семьи, к одной из которых он относил Новгородскую Первую летопись младшего извода, а к другой — все остальные.

Нашей задачей не может стать подробная критика построений А. А. Шахматова и реконструкции им новгородских сводов. Ограничиваясь наблюдениями над списками, мы должны обратить внимание на одно существенное обстоятельство. Сборник хронологических и генеалогических списков, использованный в Новгородской Первой летописи, восходя во всех своих рубриках к редакции 1423 г., несет на себе следы незначительной обработки, произведенной в

⁹³ Там же. С. 308—310, 368.

⁹⁴ Там же. Главы X—XVIII, XXIII; *Лихачев Д. С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М., 1947. С. 447—449.

⁹⁵ *Шахматов А. А.* Указ. соч. С. 366—368.

1433 или 1434 г. (включение имени Герасима в список митрополитов). Такой обработке вовсе не подвергся аналогичный обзор в Новороссийской рукописи Новгородской Четвертой летописи, где изложение во всех рубриках не переступает за рубеж 1423 г. Если отмеченная обработка связана с составлением «Новгородско-софийского свода», то общий источник для обеих семей летописей можно искать лишь в более ранних сводах, в источнике самого «Новгородско-софийского свода».

В системе построений А. А. Шахматова с таким источником мог бы быть отождествлен реконструированный им «Софийский временник 1432 г.», который с интересующей нас точки зрения представлял, таким образом, механическое соединение в одном сборнике летописного свода 1432 г. и собрания хронологических и генеалогических списков 1423 г. Однако так ли уж прочно установлена А. А. Шахматовым дата редактирования «Софийского временника» Матвеем Михайловым? Сравнивая между собой позднейшие своды, А. А. Шахматов неоднократно отмечал существование для многих новгородских летописей общего хронологического момента, совпадающего с началом 1420-х гг. На 1422 г. прекращается сходство летописного рассказа в Софийской Первой и Новгородской Четвертой летописях. Та же дата как граница использования разных источников названа А. А. Шахматовым и для Новгородской Первой летописи младшего извода. А. А. Шахматов не связывал указанную дату непосредственно с историей новгородского летописания, предполагая, что она выделяется в результате позднейшего соединения новгородских летописей с московским «Полихроном 1423 г.» на базе «Полихрона». Однако мы не можем возводить к московскому своду ни посадничий Список Б, ни окружающие его списки новгородских князей, новгородских владык, тысяцких и архимандритов. Все эти списки, отредактированные в 1423 г., имеют новгородское происхождение. 1423 г. оказывается этапной датой новгородского летописания, а исключительная связь этой даты с Новгородом особенно подчеркивается теми наблюдениями, которые были сделаны М. Д. Приселковым. Он доказательно установил, что составление фотиевского «Полихрона» надлежит относить не к 1423 г., а к 1418 г.⁹⁶ Если это так, то рассматриваемые списки возникают вне связи с общерусским летописанием, что, в частности, подтверждается и их включением в своды, использовавшие в числе своих источников «Новгородско-софийский свод».

Это обстоятельство заставляет вернуться к первоначальной точке зрения А. А. Шахматова, согласно которой «Софийский временник» Матвея Михай-

⁹⁶ Приселков М. Д. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940. С. 113 и сл. С. 142—149; Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. С. 305 и сл.

лова был составлен в начале 1420-х гг., а не в 1432 г.⁹⁷ Принятие этой точки зрения не противоречит летописным показаниям о Матвее Михайлове: «домашние известия» Матвея Михайлова, имеющиеся в Новгородской Четвертой летописи, помещены под 1375 г. (рождение), 1382 г. (смерть отца), 1405 г. (смерть матери), 1406 г. (женитьба) и 1411 г. (рождение сына).

Мы уже установили, что Список Б возник в результате компиляции Списка А с данными летописного рассказа, совпадающего с повествованием Новгородской Первой летописи младшего извода. Поскольку главнейшим источником этой летописи был «Софийский временник» в редакции Матвея Михайлова, возможно думать, что Список Б был компиляцией Списка А именно с этой редакцией. Иными словами, сам факт компиляции может указывать на существование названной редакции «Софийского временника» в момент составления Списка Б, т. е. в 1423 г.

Переходя к истории Списка А, следует прежде всего отметить его возможную связь с задачами общерусского летописания. Рассмотрение заключительной части Списка А обнаружило, что он составлен около 1409 г. В истории новгородского летописания эта дата не выделяется совершенно, однако в истории московского летописания она известна как дата составления киприановского общерусского свода. До 1409 г. был доведен Троицкий список Московской летописи, сгоревший в 1812 г. и реконструированный М. Д. Приселковым⁹⁸. Киприановский свод использовал многочисленные местные летописцы, в том числе и новгородские. Можно предполагать, что составление Списка А было одной из форм новгородского участия в подготовке этого общерусского свода. Другую связанную с общерусским летописанием дату дает момент окончания 2-го дополнения к Списку А, хронологически совпадающий с моментом подготовки фотиевского свода 1418 г. Отмечу, что М. Д. Приселков допускал возможность составления «Софийского временника» Матвея Михайлова в 1418 г. Для выбора наиболее предпочтительной даты из двух возможных (1423 и 1418 г.) следует рассмотреть вопрос об источниках Списка А.

Важность рассмотрения этого вопроса очевидна. В силу того, что Список А лег в основу позднейшей редакции посадничьего списка, от его характеристики зависит и наше отношение к содержанию основной части всех

---

⁹⁷ Шахматов А. А. Общерусские летописные своды XIV и XV вв. // Журнал министерства народного просвещения. 1900. № 9. С. 114; *Он же*. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. С. 155 и сл.

⁹⁸ Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. С. 38, 366; Приселков М. Д. Указ. соч. С. 128—142; Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. С. 296—305; Приселков М. Д. Троицкая летопись: Реконструкция текста. М.; Л., 1950.

посадничьих списков. Степень его достоверности в конечном счете определяется характером его источников. Будучи составлен или отредактирован в начале XV в., он может отражать весьма спорные представления новгородца XV в. о посадниках, живших за 200—300 лет до него. Но он также может восходить к более ранним спискам, степень достоверности которых тем выше, чем ближе время их составления к времени содержащихся в них обозрений.

Для решения этого вопроса любопытные материалы дает сопоставление Списка А с показаниями новгородских летописей. К такому сопоставлению нам придется постоянно обращаться на протяжении всего исследования, однако главные наблюдения необходимо и уместно изложить здесь.

Сопоставление Списка А с летописными показаниями обнаруживает наличие в нем четырех частей различного происхождения. Первая, начальная, часть включает три имени, которыми открывается Список А. Эта часть имеет явное летописное происхождение, поскольку она отражает лишь те имена, которые названы в летописи в весьма случайных контекстах.

Вторая часть обнимает значительную часть Списка А от имени Завида (№ 4) до имени Семена (№ 49). Отличительной особенностью этой части являются ее полнота и точность. Посадники перечисляются здесь в строго хронологическом порядке, без каких-либо пробелов. Напротив, такие пробелы имеются в летописи, которая не знает, например, кто был посадником после смерти в 1243 г. Степана Твердиславича и до избрания Онаньи, фигурирующего в рассказе 1255 г. Список А помещает между Степаном и Онаньей Сбыслава (№ 40). Еще более интересны имена восьми посадников, стоящих во главе этой части списка: Завид, Петрята, Костянтин, Миронег, Сава, Улеб, Гюрята, Микула, вообще не известные летописцу. Можно было бы предполагать, например, что эти имена искусственно реконструированы составителем списка на основании отчеств следующих за ними достоверных посадников, среди которых, как это показывает обращение к летописному рассказу, имеются Дмитр Завидич, Мирослав Гюрятинич, Петрило и Костянтин Микульчичи. Однако такое предположение не выдерживает критики. Мы с его помощью не сможем объяснить наличие в списке имен Петряты, Костянтина, Миронег, Савы и Улеба. С другой стороны, в числе ранних достоверных посадников имеются Костянтин Моисеевич, Иванко Павлович, Нежата Твердятич, но ни Моисея, ни Павла, ни Твердяты нет в Списке А. Более правильным в этой связи является предположение, что в основе этой части Списка А лежат внелетописные источники, отличающиеся точностью и полнотой.

Я ограничиваю вторую часть Списка А именем Семена, так как в следующей части начинаются существенные пробелы, вполне соответствующие пробелам летописного рассказа. Посадничество Семена (Климовича) впервые за-

фиксировано документами под 1292 г.⁹⁹ Следующим в Списке А назван Варфоломей Юрьевич (№ 50), о посадничестве которого источники впервые говорят только под 1323 г.¹⁰⁰ В списке отсутствует Михаил Павшинич, избранный посадником в 1310 г. и лишенный посадничества в 1312 г.¹⁰¹ Весьма интересно, что эти сведения имеются только в Новгородской Первой летописи старшего извода и отсутствуют во всех остальных летописях. Отсюда проистекает вывод, что, работая над этой частью списка, его составитель пользовался не Синодальным списком, а новгородским владычным сводом, т. е. одной из редакций «Софийского временника», в котором это имя отсутствовало. Показательно, что имя Михаила Павшинича, которое затем появляется в Списке Б, опирающемся на еще более позднюю редакцию «Софийского временника», оказывается там не на месте, а около имени сына Михаила Павшинича — Захарии, т. е. явно реконструировано. Фрагментарность третьей части Списка А и его зависимость от летописного рассказа подтверждается еще одним фактом. К 1327 и 1329 гг. относится не зафиксированное летописью посадничество Даниила¹⁰². Это имя отсутствует в списке, поскольку оно отсутствует и в летописи.

Наконец, эта зависимость обнаруживается путем простейшего сопоставления третьей части Списка А с датами первого упоминания посадников в соответствующей части летописного рассказа:

Варфоломей (№ 50) — Варфоломей Юрьевич, 6839 г. НПЛ. С. 344.

Федор Ахмыл (№ 51) — Федор Ахмыл, 6840 г. НПЛ. С. 344.

Захарья (№ 52) — Захарья Михайлович, 6840 г. НПЛ. С. 344

Матфей Коска (№ 53) — Матфей Коска, 6840 г. НПЛ. С. 345.

Федор (№ 54) — Федор Данилович, 6843 г. НПЛ. С. 346.

Остафья (№ 55) — Остафья Дворянинец, 6853 г. НПЛ. С. 358.

На имени Остафьи Дворянинца это соответствие прекращается. Последняя часть Списка А (№ 56—80) содержит ряд имен, избыточных сравнительно с летописным рассказом, а очередность имен в этой части не совпадает с их очередностью в летописном рассказе, упоминающем посадников в случайных контекстах. Из этого следует, что четвертая часть Списка А так же, как и его вторая часть, имеет внелетописное происхождение.

---

⁹⁹ Liv-, Est- und Curlandisches Urkundenbuch nebst Regesten / Hrsg. von Dr. Fridrich Georg von Bunge. Bd. 1. Reval, 1855. S. 682—685 (далее — LUB), № DXLVI.

¹⁰⁰ ГВНП. С. 65, № 37.

¹⁰¹ НПЛ. С. 92—93.

¹⁰² ГВНП. С. 27, № 14; *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV—XV вв. Ч. 1. М.; Л., 1948. С. 301; *Зимин А. А.* О хронологии договорных грамот Великого Новгорода с князьями XIII—XIV вв. // Проблемы источниковедения. V. М., 1956. С. 313; ГВНП. С. 142, № 85 (о дате этого акта см.: *Янин В. Л.* Указ. соч. С. 163).

Изложенные наблюдения показывают, что в распоряжении составителя Списка А в 1409 г. или около этой даты находились два отдельных посадничьих списка, один из которых начинался именем Завида и оканчивался именем Семена, охватывая период до конца XIII или начала XIV в., а другой содержал имена посадников от середины XIV до начала XV в. Оба эти списка имели независимое от летописного рассказа происхождение. Работа составителя Списка А свелась к компиляции обоих оригиналов с летописными данными, позволившими сделать весьма рыхлые в хронологическом отношении вставки в начало списка и в ту его часть, которая оказалась промежуточной между двумя оригиналами.

Используя для вставок владычную летопись, составитель Списка А имел дело с повествованием, свободным от тех ошибок, которые позднее отразились в Списке Б (включение имени Озари). Следовательно, к 1409 г. еще не существовало той редакции «Софийского временника», в которой эти ошибки были допущены.

Связывая составление Списка А с новгородским участием в подготовке киприановского свода 1409 г., мы, по-видимому, имеем основания приписывать авторство четвертой части списка самому составителю Списка А. Большинство перечисленных в ней посадников были современниками составителя Списка А, а остальные их непосредственными предшественниками, что придает показаниям этой части особую достоверность.

Что касается более древнего оригинала, доведившего исчисление посадников до рубежа XIII—XIV вв., его первоначальное редактирование, возможно, связывается с новгородским участием в подготовке общерусского свода 1305 г., который М. Д. Приселков трактовал как великокняжеское предприятие. Сам факт новгородского участия в этом своде не подлежит сомнению¹⁰³.

Возвращаясь к вопросу о предпочтительной дате редактирования «Софийского временника» Матвеем Михайловым, мы с большей уверенностью остаемся на 1423 г. Действительно, работа по составлению обоих главных посадничьих списков, как уже показано, шла по линии компиляции внелетописных списков с показаниями летописи. Составители Списка А и Списка Б обращаются за дополнительными данными к владычному своду. При этом выяснилось, что между 1409 и 1423 гг. этот свод подвергается существенному редактированию, результаты которого были учтены в Списке Б, т. е. в 1423 г. Если связывать с этим редактированием окончательное формирование Списка А около 1418 г., вряд ли можно найти убедительное объяснение тому обстоятельству, что Список А полностью игнорирует поправки к летописному расска-

¹⁰³ Шахматов А. А. Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв. С. 19—20, 365; Приселков М. Д. История русского летописания XI—XV вв. С. 113—128.

зу, сделанные редактором «Софийского временника». Напротив, само редактирование летописи должно было дать исходный толчок для редактирования всего хронологического и генеалогического обзора и появления в результате этой работы Списка Б.

Особого внимания заслуживает вопрос об отношении этого обзора 1423 г. к «Новгородско-софийскому своду» 1430-х гг. Присутствие этого обзора в летописях, восходящих к «Новгородско-софийскому своду», как будто указывает на то, что свод 1430-х гг. включал в свой состав списки князей, митрополитов посадников и т. д. Однако это предположение опровергается целым рядом обстоятельств. Во-первых, Новороссийская рукопись доводит перечисление митрополитов до Фотия, а в списках Новгородской Первой летописи младшего извода имеется еще и Герасим. Во-вторых, Уваровская и Новороссийская рукописи при перечислении новгородских владык останавливаются на кончине Давида, тогда как в Новгородской Первой летописи это перечисление простирается до 1423 г. По-видимому, следует предположить, что включение обзоров в перечисленные летописи было сделано в результате сверки «Новгородско-софийского свода» с «Софийским временником», обращавшимся в разных копиях. Одна из этих копий, не дополненная изложением событий следующих за 1423 г. лет, была использована в Новгородской Четвертой летописи и в протографе Летописца епископа Павла, другая, продолженная до 1432—1433 гг., отразилась в Новгородской Первой летописи младшего извода.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОСАДНИЧЬИХ СПИСКОВ

Наблюдения над посадничьими списками, их сопоставление между собой и с летописными текстами, рассмотрение списков в связи с историей летописания характеризуют их как чрезвычайно сложный по своему составу, содержанию и значению исторический источник.

Отдельные части списков возникали в разное время. Одни из них имели внелетописное происхождение, другие целиком основывались на летописном рассказе, повторяя его упущения и ошибки. Оригинальные части списков в процессе редактирования компилировались с летописными известиями и собственными умозаключениями редакторов. Однако при всей сложности литературной истории посадничьих списков они могут и должны стать одним из важнейших источников нашей темы, поскольку содержащиеся в них сведения внелетописного характера нельзя реконструировать при помощи других документов.

Для ранних периодов новгородского посадничества наибольшее значение имеет Список А как самый древний из имеющихся в нашем распоряжении спис-

ков. Однако первостепенное значение он сохраняет не на всем своем протяжении. Исторически значительны в нем две части, имеющие внелетописное происхождение. Первая часть с именами № 4—49 включает целый ряд посадников, не известных летописцу, и важна для реконструкции хронологии новгородских посадников до конца XIII в. Другая часть с именами № 56—80 составлена современником перечисленных в ней посадников. Здесь также имеется ряд избыточных сравнительно с летописью имен и не зависящая от случайных контекстов летописного рассказа очередность посадников.

Значение первостепенных источников имеют также первые два дополнения к Списку А, которые по своему содержанию являются обзорами только что произошедших изменений в посадничестве.

Что касается Списка Б, его достоинства несомненны только на первый взгляд. Будучи компиляцией из Списка А и летописных сообщений, он включает некоторые ошибочные сведения, а также отражает собственные представления его составителя относительно родственных связей посадников XII—XIII вв. С другой стороны, Список Б сохраняет значение для истории посадничества второй половины XIV — первой четверти XV в., поскольку он содержит генеалогические сведения, находящиеся в поле зрения составителя как современника названных им в этой части списка посадников. Заключительная часть Списка Б, охватывающая период после 1409 г., имеет к тому же и большое значение для хронологии, будучи обзором самых последних изменений в посадничестве.

Несомненна также важность дополнений к Списку Б про Ермолинскому летописцу, систематический характер которого подтверждается наблюдениями над документами второй четверти и середины XV в. Наконец, 3-е дополнение к Списку А не может идти ни в какое сравнение с остальными списками, так как содержит беспорядочное припоминание посадничьих имен. Некоторый интерес в нем представляют лишь избыточные сравнительно с дополнением к Списку Б имена, включение которых в список датируется 1460-ми гг.

Глава 2

ПОСАДНИКИ ДРЕВНЕЙШЕЙ ПОРЫ И ВОССТАНИЕ 1136 г.

В сложной истории преобразования новгородского посадничества одно из центральных мест занимает вопрос о времени превращения посадников в представителей боярской власти. «Когда и как посадник из чиновника княжеского стал городовым?» — эта проблема, интересовавшая еще С. М. Соловьева ¹, долгое время оставалась не решенной в конкретностях потому, что и ее постановка, и предлагаемые решения не выходили, как правило, за рамки общих сопоставлений. Предполагалось, что это превращение осуществилось однажды в результате решительного акта борьбы новгородского боярства с князем. Признавалось, что временем этого акта был 1126 г., когда летопись впервые дает возможность говорить о выборе посадника на вече. Наконец, посадники второй половины 1130-х гг. прямо противопоставлялись посадникам первой половины того же или предшествующего десятилетия как носители иных политических и административных функций ².

Тем самым ранняя история новгородского посадничества рубежом 1126 или 1136 г. оказывается подразделенной на два этапа — княжеский и республиканский. Если республиканский этап объединяет в себе всю эволюцию новгородского государственного управления вплоть до падения боярского Новгорода, то княжеским этапом оказываются объединены все ранние посадники, отправлявшие свою должность то ли до 1126 г., то ли до 1136 г. Вопрос о развитии этого института в так называемый «княжеский период» как-то не находил исследова-

---

¹ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 1. 3-е изд. Т. 1—5. СПб., б. г. С. 697.

² Ср., например, мнение Б. Д. Грекова: «Во второй половине 30-х годов XII в. Новгород пережил настоящую революцию, в результате которой явились новые формы политического строя (республика), уцелевшие, по крайней мере внешне, до самого конца самостоятельности Новгорода, и новое положение общественных классов, принимавших активное участие в этом движении» (Греков Б. Д. Революция в Новгороде Великом в XII в. // Ученые записки РАНИОН. М., 1929. Т. 4. С. 21).

теля, а само раннее посадничество на страницах исторических сочинений представляло чрезвычайно неподвижным явлением. Обычное представление сводилось к тому, что посадники ранней поры — это наместники, заместители, помощники, советники князей. Такое состояние одинаково характерно и для времени Ярослава Мудрого, и для времени Мстислава Великого, и для первых лет княжения Всеволода Мстиславича.

Между тем источники не оставляют сомнений в том, что новгородское посадничество еще до 1126 г. претерпело существенные изменения, сам характер которых связан с последующими событиями княжения Всеволода Мстиславича. Только сравнение посадничества первой четверти XII в. и более ранней поры способствует правильному освещению роли событий 20-х и 30-х гг. XII в. в развитии этого института.

НОВГОРОДСКОЕ ПОСАДНИЧЕСТВО ДО КОНЦА XI в.

Обращаясь к летописным свидетельствам о древнейшем периоде новгородской истории, мы имеем дело с разрозненными сообщениями, которые не дают сколько-нибудь цельной картины. Список А и вслед за ним Список Б называют первым новгородским посадником Гостомысла. В летописном рассказе это имя встречается в связи с легендой о первоначальном призвании князей, красочные подробности которой восходят к исключительно позднему документу — «Сказанию о князьях Владимирских»³.

В летописных сводах XV в. краткое известие о Гостомысле («и посадиша старейшину Гостомысла») оказывается позднейшей вставкой в рассказ «Повести временных лет» о расселении славян и основании Новгорода. Эта вставка имеется в большинстве летописей XV в., восходящих к «Новгородско-софийскому своду», заимствована последним из фотиевского «Полихрона» 1418 г. и наверняка отсутствовала в «Софийском временнике» 1423 г., поскольку не отразилась в Новгородской Первой летописи младшего извода, наиболее полно использовавшей «Софийский временник». Д. С. Лихачев связывал проникновение упоминания о Гостомысле в «Полихрон» 1418 г. с широким использованием этим сводом устной традиции⁴, допуская, впрочем, его проникновение в своды XV в. из каких-то не дошедших до нас древних новгородских летописей⁵. Более вероятно предполо-

³ Дмитриева Р. П. Сказание о князьях Владимирских. М.; Л., 1955. С. 129.

⁴ Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 306.

⁵ Повесть временных лет. Ч. 2: Приложения / Ст. и коммент. Д. С. Лихачева. М.; Л., 1950. С. 214; ср.: Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 233.

жение о том, что эта вставка была сделана в «Полихроне» на основании Списка А, а упоминание Гостомысла в Списке А основывалось на местной устной традиции.

Несмотря на легендарный характер событий, связывавшихся с именем Гостомысла, включение этого имени в список посадников само по себе является исторически значительным фактом. На наш взгляд, помещение его во главе Списка А сообщает важные сведения, характеризующие концепцию составителя списка. Связывая возникновение посадничества как важнейшего института государственной власти в Новгороде с именем Гостомысла, составитель списка тем самым возводит историю посадничества к древнейшей поре новгородской истории. Посадничество в глазах составителя старше княжеской власти. Оно является как бы исконной формой новгородской государственности, возникшей в самый момент основания Новгорода.

Этот взгляд составляет лишь часть общей новгородской политической концепции, отразившейся в разных источниках. Летописец склонен возводить происхождение новгородской аристократии к Рюрику («и суть новгородстии людие до днешняго дня от рода варяжска») ⁶, освящая тем самым ее права на власть. Популярность в Новгороде рассказа о призвании князей хорошо объясняется активным характером этого рассказа, обосновывающего исконное право новгородцев «поискать князя там, где им любо». Тот же рассказ обнажает причину сохранения княжеской власти в Новгороде XV в., кроющуюся в остроте внутренних противоречий Новгорода.

Использование политической легенды составителем Списка А — это результат опрокинутых в прошлое раздумий о «веке нынешнем». Включение Гостомысла в список посадников выражает общую концепцию составителя, но оно основано исключительно на осмыслении легенды. Власть «старейшины Гостомысла», разумеется, ничего общего не имеет с посадничеством, и легенда о ней должна изучаться в связи с историей древнейших форм новгородской государственности.

«Повесть временных лет» так трактует события, предшествовавшие призванию варяжского князя. Под 859 г. она рассказывает: «Имаху дань Варязи из заморья на Чюди и на Словене, на Мери, и на всех Кривичех». Спустя три года, в 862 г., «изъгнаша Варязи за море и не даша им дани, и почаша сами в себе володети, и не бе в них правды, и вѣста род на род, и быша в них усобице, и воевати почаша сами на ся, и реша сами в себе: поищем собе князя, иже бы володел нами и судил по праву, и идоша за море к Варягом к Руси» ⁷. Археоло-

---

⁶ Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950 (далее — НПЛ). С. 106.

⁷ Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). Т. 1. Вып. 1. Л., 1926. Стб. 19; Т. 2. СПб., 1908. Стб. 13—14. Вариант того же рассказа — в Новгородской Первой летописи младшего извода (НПЛ. С. 106).

логическое подтверждение этого рассказа получено раскопками Е. Н. Носова на Новгородском (Рюриковом) городище, где именно в слоях начала второй половины IX в. фиксируется возникновение княжеской резиденции, комплекс находок в которой имеет ярко выраженную скандинавскую окраску⁸. В этот момент Новгорода еще не существовало, и, следовательно, решение о призвании князя как некоего третейского судьи было достигнуто тогда, когда племена новгородских словен, кривичей и аборигенных финно-угров, образовавшие политический союз, жили дисперсно, владея каждое племя своей территорией: «Словене свою волость имели, а Кривици свою, а Мере свою; каждо своим родом владаше, а Чюдь своим родом»⁹.

Между тем анализ совокупности археологических материалов позволяет утверждать, что даже в момент призвания Рюрика, несмотря на внутренние противоречия, союз пригласивших князя племен был достаточно властен, и само приглашение князя состоялось в виде договора, одним из главнейших пунктов которого стало решительное ограничение княжеской власти — запрещение князю самому собирать государственные доходы с подвластной союзу территории: ее собирали представители пригласивших князя племен, передавая князю лишь «дар», т. е. некое жалование¹⁰. По существу это договорное условие стало краеугольным камнем всей последующей новгородской государственности. Но наличие такого краеугольного камня свидетельствует о том, что сама эта государственность возникла до призвания князя, и фигура, тождественная или адекватная Гостомыслу, неизбежна во главе подобного раннегосударственного образования. Иное дело — та конкретная ситуация, которая стала причиной приглашения князя: не желая в ходе возникшей усобицы отдавать столь важный пост одному из членов существующей триады, союзное вече предпочло призвать нейтрального «третейского судью».

Полагаю, что именно обусловленное договором ограничение княжеской власти в столь жизненно важной сфере стало главной причиной ухода ближайших преемников Рюрика — Олега и Игоря — на юг в поисках безграничной власти, которую они находят в Киеве, где правят уже как завоеватели, пользуясь всей ее полнотой, включая княжеское полюдь. С уходом Олега, когда в городищенской резиденции вместо князя остается его безымянная дружина, возникает вакуум политической власти, который привел к сселению на место будущего Новгорода элиты тех племен, соединенными усилиями которых был приглашен Рюрик.

⁸ Носов Е. Н. Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990.

⁹ НПЛ. С. 106.

¹⁰ Янин В. Л. У истоков новгородской государственности. Великий Новгород, 2001. С. 31—65.

Деятельность следующего в списках за Гостомыслом посадника относится к периоду на полтора-два года более позднему. Этим посадником является Коснятин Добрынич, который в 1018 г. вместе с новгородцами рассек ладьи князя Ярослава Владимировича, чтобы предотвратить его побег за море после поражения от Болеслава и Святополка¹¹. В тексте летописи Коснятин — первый, чье имя соединено со званием посадника, и именно это обстоятельство особенно наглядно демонстрирует производность начальной части Списка А от летописного рассказа. В самом деле, обращение к летописи показывает, что между легендарным Гостомыслом и Коснятином существовали и другие посадники. В частности, их существование зафиксировано текстами 977 и 980 г. В 977 г. Ярополк Святославич захватил киевский стол и «посадники своя посади в Новгороде». В 980 г. Владимир Святославич, водворившись в Новгороде, отправил Ярополковых посадников обратно в Киев вместе с объявлением своему брату войны¹². Но летописец не знает этих посадников по именам, и их нет в списке.

Значительный интерес для понимания раннего посадничества в Новгороде представляет летописный текст 1014 г. об отказе Ярослава Владимировича платить дань в Киев. Сообщая об этом отказе, летописец говорит: «И тако даяху вси посадници новгородьстии, а Ярослав сего не даяше к Киеву, отцю своему»¹³. Этот текст практически ставит знак равенства между посадниками ранней поры и князьями, получавшими власть над Новгородом из рук киевского князя. Между понятиями «новгородский князь» и «новгородский посадник» была незначительная разница, которая вызывалась разной емкостью понятий. Все новгородские князья раннего времени были посадниками, но не все новгородские посадники были князьями, так как термин «князь» определяет не только характер власти, но и принадлежность к потомству Рюрика.

Мы вправе предполагать, что первые носители такой формы посадничества появились в Новгороде уже в первой половине X в., хотя каких-либо определенных сведений на этот счет летописец не сообщает. Ясно, однако, что при равенстве понятий «посадник» и «князь» возможность одновременного существования в Новгороде «посадника» и «князя» исключена. Действительно, получив в 970 г. Новгород, Владимир Святославич отправляется туда с Добрыней, но Добрыня в этом случае не именуется посадником. Лишь уходя в 980 г. из Новгорода на киевский стол, Владимир «посади Добрыню в Новгороде, уя своего»¹⁴. Ярополковы посадники оказываются в Новгороде в тот момент, ког-

¹¹ Повесть временных лет. Ч. I. М.; Л., 1950. С. 97.

¹² Там же. С. 54.

¹³ Там же. С. 89.

¹⁴ НПЛ. С. 128.

да сам Ярополк сидит в Киеве. Однако наиболее подробно эта взаимоисключаемость прослеживается в рассказе о Коснятине Добрыниче¹⁵.

Под 1019 г. некоторые поздние летописи (Софийская Первая, Московский свод конца XV в. и др.) помещают известие о том, что Коснятин был заточен Ярославом Владимировичем в Ростове, а на третье лето убит в Муроме по приказанию Ярослава¹⁶. В списках князей, помещенных в Новгородской Первой летописи младшего извода, это событие изложено с интересными хронологическими подробностями и с видимым указанием причин опалы Коснятина: Ярослав, «идя к Киеву, и посади в Новегороде Коснятина Добрыница. И родися у Ярослава сын Илья, и посади в Новегороде, и умре. И потом разгневался Ярослав на Коснятина, и заточи и; а сына своего Владимира посади в Новегороде»¹⁷. Очевидно, что сама необходимость в посаднике была вызвана отсутствием князя. Уходя из Новгорода, Ярослав оставляет там своего наместника, заместителя, и этот заместитель именуется посадником. Ярослав ушел к Киеву воевать против Святополка в 1016 г. и занял киевский стол в 1017 г. Следовательно, и посадничество Коснятина началось в 1016 г. Как мы уже видели, это посадничество продолжалось и в 1018 г. Однако вряд ли его окончание возможно относить к 1019 г. Список князей связывает воедино два события: опалу Коснятина и вокняжение в Новгороде Владимира Ярославича. Поскольку князь Владимир утвердился в Новгороде в 1034 или 1036 г., относя опалу Коснятина к 1019 г., мы должны были бы предполагать существование длительного периода, вообще не заполненного посадничеством, что представляется невозможным.

Недостоверность даты 1019 г. уже отмечалась в литературе¹⁸. Источником летописного сообщения об опале Коснятина является список новгородских князей. Используя этот источник, летописцы XV в. по-разному датируют изложенное в нем событие, что приводит к дублированию под 1016, 1019 и 1035 гг., в частности, такого важного сообщения, как рассказ о даровании Ярославом «грамоты и устава» новгородцам. В первоисточнике все эти события привязаны к моменту вокняжения Владимира Ярославича, т. е. к 1034—1036 гг. Показательно, что, перенося рассказ об опале Коснятина или о даровании «грамоты» на 1016 или 1019 г., летописцы исключают из него упоминание об Илье и

¹⁵ Летописный контекст связывает Коснятина с дядей Владимира Святославича — Добрыней: «...посадник Коснятин, сын Добрынь» (ПСРЛ. Т. 1. Вып. 1. Л., 1926. Стб. 62 и др.). Это было родство по женской линии, Ярослав приходился Коснятину двоюродным племянником. См.: *Лихачев Д. С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. С. 103—107.

¹⁶ ПСРЛ. Т. 5. СПб., 1851. С. 134; Т. 7. СПб., 1856. С. 328; Т. 25. М.; Л., 1949. С. 374.

¹⁷ НПЛ. С. 161, 470.

¹⁸ *Тихомиров М. Н.* Исследование о Русской Правде. М.; Л., 1941. С. 35—40.

ставят, таким образом, эти события в непосредственную связь с участием новгородцев в борьбе Ярослава за киевский стол в 1016—1019 гг.

Возможны некоторые предположения относительно времени вокняжения Ильи и окончания посадничества Коснятина. Различные летописные тексты согласны в том, что следующий сын Ярослава — Владимир — родился в 1020 г.¹⁹ Существует, однако, и противоречивое сообщение о том, что в Новгороде Владимир был посажен в 1030 г., когда ему было 14 лет (!)²⁰. Это противоречие может быть объяснено тем, что летописец в указанном случае знал о вокняжении в Новгороде в 1030 г. какого-то сына Ярослава, но, не будучи осведомлен о существовании Ильи, которого знает лишь список новгородских князей, связал с этой датой вокняжение Владимира, действительно занявшего новгородский стол в 14 лет. Таким образом, посадничество Коснятина возможно относить к 1016—1030 гг., а княжение Ильи — к 1030—1034 гг.²¹ Характерно, что, сообщая о переходе власти над Новгородом от Ярослава к Коснятину, от Коснятина к Илье, а затем к Владимиру, составитель списка князей во всех случаях пользуется одним и тем же термином «посади», хотя этот термин прилагается к лицам и княжеского, и не княжеского происхождения. Сведения о Коснятине запечатлелись не только в списке посадников, но и в списке новгородских князей, отражая отмеченную тождественность форм посаднической и княжеской власти в X — первой половине XI в.

Следующий деятель новгородской истории, известный летописцу со званием посадника и включенный в посадничьи списки, упоминается только под 1054 г. Это Остромир, посаженный в указанном году в Новгороде великим князем Изяславом Ярославичем. В том же году, согласно летописному рассказу, Остромир потерпел поражение в походе на чудь и был убит²². Сообщение летописи в своей хронологической части не может быть признано достоверным, так как ему противоречит свидетельство известного «Остромирова Евангелия». Евангелие было переписано для посадника Остромира, носившего христиан-

---

¹⁹ ПСРЛ. Т. 1. Вып. 1. Л., 1926. Стб. 146; Т. 2. СПб., 1908. Стб. 133; Т. 5. С. 134; Т. 7. С. 328; НПЛ. С. 15, 180.

²⁰ ПСРЛ. Т. 3. СПб., 1841. С. 210.

²¹ Замечу, что рассказ об опале Коснятина Добрынича содержит важные материалы для выводов о дате основания Ярославля. «Сказание о построении града Ярославля», сохранившееся в записи XVIII в. (см.: *Воронин Н. Н.* Медвежий культ в Верхнем Поволжье в XI в. // Краеведческие записки. Вып. 4. Ярославль, 1960) связывает основание Ярославля с пребыванием Ярослава в Ростове и построением им церкви св. Илии как первого городского храма. Обе эти детали связываются с событиями 1034 г.: смерть Ильи Ярославича и заточение Коснятина в Ростов.

²² ПСРЛ. Т. 5. С. 139; Т. 7. С. 333.

ское имя Иосиф, дьяконом Григорием спустя три года после летописной смерти Остромира, в 6565 (1056—1057) г.²³

Деятельность Остромира относится к периоду новгородской истории, чрезвычайно скупо освещенному источниками. Однако, несмотря на фрагментарность сведений, можно уверенно говорить о том, что Остромир как наместник в Новгороде киевского князя не был непосредственным преемником Владимира Ярославича.

Новгородский князь Владимир умер в 1052 г. Летописец так изображает дальнейшую судьбу новгородского стола: «По преставлении Володимере в Новегороде Изяслав посади сына своего Мстислава, и победиша на Черехи, бежа Киеву, и по взятии града преста рать. И посади Святослав сына своего Глеба, и выгнаша из града, и бежа за Волок, и убиша и чудь»²⁴. В этом небольшом сообщении немало противоречий. Прежде всего, Изяслав Ярославич не мог посадить в Новгороде своего сына сразу же после смерти Владимира в 1052 г. Тогда он еще не был великим князем и, следовательно, забота о новгородском столе оставалась вне его компетенции. Получив в 1054 г. киевский стол, Изяслав в том же году посылает в Новгород не своего сына Мстислава, а Остромира²⁵. Мстислав мог стать новгородским князем не ранее 1057 г. Между 1052 и 1054 гг. судьба новгородского стола остается неясной.

В дальнейшем, однако, перерывов в новгородском княжении не наблюдается. Конец княжения Мстислава датируется 1067 г. Д. С. Лихачев связывает битву на Черехе, положившую конец новгородскому княжению Мстислава Изяславича, с походом полоцкого князя Всеслава на Новгород в 1067 г.²⁶ В следующем году Мстислав был уже на юге и вскоре умер. Его преемник Глеб Святославич, напротив, зимой 1067/1068 г., как это явствует из надписи на Тмутараканском камне, княжил в Тмутаракани, но под следующим, 1069 г. летописец уже называет его новгородским князем²⁷. По-видимому, он действительно получил новгородский стол от Святослава, хотя Святослав в 1068 г. и не был киевским князем. Это могло произойти во время семимесячного киевского княжения Всеслава, когда великий князь Изяслав Ярославич вынужден был бежать в Польшу.

²³ Остромирово Евангелие 1056—1057 гг. СПб., 1883.

²⁴ НПЛ. С. 161, 470.

²⁵ Ср. с наиболее достоверным показанием современника в «Остромировом Евангелии»: «Изяславу же князю тогда предръжящу обе власти: и отца своего Ярослава и брата своего Володимера. Сам же Изяслав князь, правляше стол отца своего Ярослава в Киеве. А брата своего стол поручи правити близоку своему Остромиру Новегороде».

²⁶ Повесть временных лет. Ч. 2. С. 396 и сл.

²⁷ НПЛ. С. 17.

В 1078 г. Глеб Святославич был убит за Волоком, а новгородский стол перешел к Святополку Изяславичу²⁸. Далее составитель списка новгородских князей продолжает свой рассказ следующим образом: «А Святополк седе на столе сын Изяславль, иде Киеву. И присла Всеволод внука своего Мстислава, сына Володимеря; и княжив 5 лет, иде Ростову; а Давыд приде Новугороду княжить и по двою лету выгнаша и. И приде Мстислав опять, и седе в Новегороде 20 лет»²⁹.

Этот рассказ в сочетании с другими известиями позволяет достаточно четко провести рубежи княжений. Святополк Изяславич, посаженный на новгородский стол в 1078 г., в 1088 г. ушел из Новгорода на юг, правда, не на киевский стол, как сказано в цитированном тексте, а на туровский³⁰; великокняжеский стол он получил в 1093 г. Князь Давид Святославич получил новгородский стол от Святополка в 1095 г., о чем согласно сообщают все летописи, но новгородцы «не взлюби его», и под тем же годом в источниках сообщается об его изгнании и возвращении в Смоленск³¹. После ухода Давида начинается многолетнее второе княжение в Новгороде Мстислава Владимировича, закончившееся в 1117 г. его уходом на южные столы.

Рассмотрим некоторые противоречия в приведенных сообщениях. Главное из них — бросающееся в глаза несоответствие двухлетнего срока новгородского княжения Давида, показанного в княжеском списке, летописному сообщению, связывающему княжение Давида только с одним годом. В этой связи очень важно, что древнейшие летописные своды не объединяют известий о новгородском вокняжении Давида и его изгнании в связном изложении. Рассказ о вокняжении Давида под 6603 г. помещен в новгородских летописях, тогда как о его изгнании в 6603 г. сообщает «Повесть временных лет». Изгнание Давида в «Повести временных лет» датировано «летом исходящим» 6603, т. е. началом 1096 г., что совпадает с датой избиения Итларевой чади, о котором рассказано здесь же. Итларева чадь была избита 24 февраля в неделю сыропустную, что соответствует 24 февраля 1096 г. В Федорову субботу 1096 г., т. е. 1 марта, новгородским князем был уже Мстислав Владимирович, вместе с новгородцами разбивший Олега на Колокше³². Новгородская летопись относит избиение Иль-

²⁸ ПСРЛ. Т. 1. Вып. 1. Л., 1926. Стб. 199—200; Т. 2. СПб., 1908. Стб. 190—191; Т. 5. С. 148; Т. 7. С. 2.

²⁹ НПЛ. С. 161, 470.

³⁰ ПСРЛ. Т. 1. Вып. 1. Л., 1926. Стб. 207; Т. 2. СПб., 1908. Стб. 199; Т. 7. С. 4.

³¹ НПЛ. С. 19, 202; ПСРЛ. Т. 1. Вып. 1. Л., 1926. Стб. 229; Т. 2. СПб., 1908. Стб. 219; Т. 5. С. 150; Т. 7. С. 8.

³² Повесть временных лет. Ч. 1. С. 148—151, 169—170; НПЛ. С. 19, 202. Победа над Олегом произошла в Федорову субботу «исходящу лету 6604, индикта 4 на полы»,

киной чади и победу на Колокше к 6605 г., а начало княжения Давида к 6603 г., объединив это известие с рассказом о приходе «прузов» на Русь 28 августа. Между тем в «Повести временных лет» о приходе «прузов» рассказывается дважды, под 28 августа 6603 г. и под 26 августа 6602 г.³³ Сочетание всех этих известий определяет начальную дату княжения Давида в Новгороде 1094 г., а его конец — началом 1096 г., что подтверждает общий расчет составителя списка новгородских князей, указавшего пятилетний срок первого княжения Мстислава (конец 1088 — начало 1094 г.) и двухлетний срок княжения Давида (начало 1094 — начало 1096 гг.).

Другое противоречие обнаруживается в исчислении второго княжения Мстислава Владимировича. Это княжение окончилось 17 марта 1117 г.³⁴, и, поскольку оно началось не позднее февраля 1096 г., обнимает период в 21 год, тогда как составитель списка князей называет его двадцатилетним. Противоречие, по-видимому, объясняется тем, что в 1102 г. Мстислав в силу договоренности с великим князем уехал из Новгорода в Киев, уступив стол сыну Святополка Изяславича, и оставался в Киеве, пока конфликт между Святополком и новгородцами не был решен в его пользу. Если составитель списка не округлил своей цифры, разницу можно объяснять только вычитанием этого года.

Обобщая сведения о переходе в XI в. высшей власти над Новгородом из одних рук в другие, мы должны еще раз подтвердить вывод о тождестве посадника и князя в это время. Посадники занимают место в общей системе перехода новгородского стола. Коснятин и Остромир в общей цепи перемен на новгородском столе являются такими же звеньями, какими были Ярослав, Илья, Владимир, Мстислав Изяславич, Глеб, Святополк, Мстислав Владимирович и Давид. И те и другие были наместниками великого князя, несущими одни и те же функции. Великий князь мог посадить на вакантный стол подвластного ему княжества своего сына или другого ближайшего родственника, но он мог доверить это княжество и лицу не княжеского происхождения. Летописец, рассказывая о посылке в тот или иной город наместника великого князя, пользуется одним и тем же термином «посади», применяя его и к князю, и к боярину. В прямой связи с этим термином, на мой взгляд, находится и происхождение самого термина «посадник», без всяких на то оснований связанного Д. И. Прозоровским с понятием «посад»³⁵.

т. е. когда заканчивалась первая половина четвертого индикта, что соответствует началу 1096 г. (Повесть временных лет. Ч. 1. С. 170). Новгородская Первая летопись говорит о том, что эта победа была достигнута Мстиславом «с новгородци».

³³ Повесть временных лет. Ч. 1. С. 48, 150.

³⁴ НПЛ. С. 20, 204.

³⁵ Прозоровский Д. И. Новые разыскания о новгородских посадниках // Вестник археологии и истории. СПб., 1892. Вып. 9. С. 99.

Новгородские посадники X—XI вв. по своему характеру не отличались от посадников других русских городов, бывших центрами крупных областей; такие посадники неоднократно упоминаются в летописи. В 1079 г. Всеволод Ярославич посылает своего боярина Ратибора посадничать в Тмутаракань³⁶, где так же, как и в Новгороде, существовал особый княжеский стол. В 1116 г. Владимир Мономах отправляет воеводу Ивана Воитишича сажать великокняжеских посадников в дунайские города³⁷. Эта система организуется не только киевскими князьями, но и подвластными им князьями — посадниками отдельных земель. В «Поучении Мономаха» рассказывается о том, как Олег Святославич «переезжал всю землю Муромску и Ростовську, и посажа посадники по городам, и дани почта брати»³⁸, а летописец дополняет этот рассказ сообщением о захвате Олегова посадника в Муроме, когда туда пришел Изяслав Владимирович³⁹. В 1097 г. князь Давид Игоревич выгнал из Владимира-Волынского посадника князя Василька⁴⁰. Под 1114 г. рядом с новгородским князем Мстиславом, приехавшим в Ладогу, оказывается ладожский посадник Павел⁴¹. В 1121 г. в Червене был киевский посадник Фома Ратиборич⁴². Под 1127 г. летопись рассказывает о посадниках князя Ярополка на Сейме и князя Изяслава Мстиславича в Курске⁴³. В 1146 г. Изяслав Мстиславич заковывает Жирослава, который был посадником князя Вячеслава в Турове⁴⁴. Под 1147 г. упоминаются посадники князей Владимира и Изяслава в Вятичах, Брянске, Мценске и в Облове⁴⁵. В 1148 г. князь Глеб Юрьевич сажает своих посадников в Курске и по Сейму⁴⁶, а князь Ростислав по пути в Городец сажает своих посадников «по городам»⁴⁷. Под 1161 г. в летописи упоминается Вышко, посадник князя Мстислава в Торческе⁴⁸. Князь Святослав Всеволодович в 1164 г. рассылает своих посадников по городам⁴⁹. Под 1170 г. известен посадник князя Владимира Андреевича в

³⁶ Повесть временных лет. Ч. 1. С. 135.

³⁷ Там же. С. 201.

³⁸ Там же. С. 168 и сл.

³⁹ Там же. С. 150.

⁴⁰ Там же. С. 180.

⁴¹ Там же. С. 197.

⁴² ПСРЛ. Т. 2. СПб., 1908. Стб. 286; Т. 7. С. 25; Т. 25. С. 28.

⁴³ ПСРЛ. Т. 25. С. 30.

⁴⁴ Там же. С. 38.

⁴⁵ Там же. С. 40.

⁴⁶ Там же. С. 43.

⁴⁷ Там же. С. 44.

⁴⁸ Там же. С. 71.

⁴⁹ Там же. С. 72.

Шумске по имени Пук⁵⁰. В 1175 г., после убийства Андрея Боголюбского, «в власти его» избивают посадников убитого князя⁵¹. В ходе последовавших затем событий владимирцы боятся, что ростовцы посадят у них своих посадников⁵². Наконец, в 1196 г. великий князь Всеволод дает Торческ зятю своему Ростиславу Рюриковичу, «а в прочие грады посла посадники свое»⁵³. В позднейших текстах понятие «посадник» заменяется равнозначным ему понятием «наместник»⁵⁴.

По своему существу система посадничества, отраженная в перечисленных выше фактах, является системой организации административного централизма. Это тот механизм, работой которого обеспечивалось подчинение центральной власти многочисленных местных центров. Понятие «посадник» включает в себя идею подчиненности носителя этого титула тому, кто его «посадил». В этой связи любопытны два текста из «Повести временных лет». Рассказывая о посылке Ярополком посадников в Новгород в 977 г., летописец заканчивает свое сообщение словами: «И бе володея един в Руси»⁵⁵. Владимир Мономах в своем «Поучении» также отмечает: «На посадники не глядя, ни на биричи, сам творил, что было надобе»⁵⁶.

Будучи системой организации Киевского государства, посадничество в его формах X—XI вв. должно было отмереть с утратой Киевом его главенствующей роли. Во второй половине XI в. посадничеству как системе противостоит идея княжеских отчин, идея независимости столов в княжеских отчинах от воли киевского князя. Закрепившись на наследственных столах, князья перестают быть посадниками, сохраняя низшие ступени института посадничества для

⁵⁰ ПСРЛ. С. 82.

⁵¹ Там же. Т. 25. С. 84.

⁵² Там же. С. 85.

⁵³ Там же. С. 96.

⁵⁴ Ср., например, тексты 1206 г. (Всеволод Святославич «вниде в Киев... и розосла наместники своя по всем градом Киевьским». — ПСРЛ. Т. 25. С. 105), 1215 г. (Мстислав Мстиславич в Новгороде «изнима наместника Ярославля Хота Григорьевича» — Там же. С. 11) и многие другие. Подмена терминов может быть отмечена и для ранних сообщений. Так, иногда Ратибор называется не посадником, а наместником Тмутараканским (Там же. С. 12). Наместниками называются и посадники Олега в Муромской и Ростовской землях под 1096 г. (Там же. С. 18).

Употребление термина «посадник» в значении «наместник» сохраняется и в позднейшем Новгороде, на что, в частности, указывает один из пунктов Ореховецкого соглашения Новгорода с Псковом в 1347 г.: «...посадником Новгородским в Пскове не седети» (Там же. С. 177). Тот же характер, по-видимому, имели и новгородские посадники в Торжке, Ладоге и Русе, которые избирались не на месте своей деятельности, а в Новгороде, т. е. были фактически назначаемы на новгородском вече.

⁵⁵ Повесть временных лет. Ч. 1. С. 54.

⁵⁶ Там же. С. 163.

управления более мелкими членениями своих отчин. Но этот процесс во второй половине XI в. не затрагивает Новгорода, поскольку Новгород и в этот период продолжал оставаться частью отчины киевского князя. Перемены в новгородском княжении определяются только вмешательством Киева. Поэтому характер посадничества в Новгороде сохраняется неизменным, посадничество продолжает совпадать с княжением и оставаться высшей формой местной власти. Вероятно именно поэтому термин «посадник» сделался обозначением высшей государственной должности в Новгороде XII в.

Говоря о связи новгородского посадничества XI в. с системой киевского управления, мы должны особенно подчеркнуть неновгородское происхождение посадников этого периода. Посадников присылают из Киева, и это касается не только членов княжеской семьи. Уже известный нам посадник Остромир является ярким представителем системы великокняжеского управления Новгородом. Летописец не говорит, был ли Остромир новгородцем, или он прислан из Киева, однако наблюдения над деятельностью его потомков показывают, что его род связан с южной Русью. Сыном Остромира был известный воевода Вышата («Вышата, сын Остромир, воеводы новгородского»⁵⁷). Внуком Остромира был не менее известный Ян Вышатич: воевода Вышата назван в летописи «отцом Яневым»⁵⁸. Деятельность Вышаты целиком связана с южнорусскими областями. В 1043 г., т. е. еще до назначения Остромира посадником в Новгород, Вышата возглавляет поход на Царьград. В 1064 г. он бежит с Ростиславом Владимировичем в Тмутаракань. Ян Вышатич в 1071 г. собирает дани в Заволочье, посланный туда Святославом, т. е. киевским князем. Здесь снова, как и в случае с Остромиром, летопись явно смещает события, так как в 1071 г. великим князем был Изяслав. В 1089 г. Ян был киевским тысяцким. Под 1091 г. в «Повести временных лет» рассказывается о посещениях его дома киевским игуменом Феодосием. В 1093 г. он участвует в походе на Стугну⁵⁹. В 1106 г. Ян умер в Киеве и был погребен в Печерском монастыре. Летописец отмечает, что он дожил до 90 лет⁶⁰.

⁵⁷ Повесть временных лет. Ч. 1. С. 110.

⁵⁸ Там же. С. 103.

⁵⁹ Там же. С. 103, 110, 117 и сл., 137, 139, 144.

⁶⁰ Там же. С. 186. Сообщение о столь преклонном возрасте Яна казалось сомнительным еще М. Д. Приселкову (*Приселков М. Д.* История русского летописания XI—XV вв. С. 18). Если ок. 1106 г. Яну было 90 лет, то он должен был родиться в 1016 г., а к 1054 г., когда Остромир получил посадничество в Новгороде, его внуку было бы 38 лет. Из этого можно заключить, что самому Остромиру в 1054 г. не могло быть меньше, по крайней мере, 80 лет. В 1093 г. Яну оказывается 77 лет, а он в это время участвует в военном походе. Д. С. Лихачев предположил, что число 90 лет употреблено здесь в качестве эпического определения возраста, подтвердив это предположение аналогиями (*Лихачев Д. С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. С. 102 и сл.).

Неновгородское происхождение имеют также и посадничавшие в более раннее время Добрыня и Коснятин. А. А. Шахматов подробно исследовал генеалогию Добрыни и доказал, что дедом Коснятина был древлянский князь Мстиша — Лют Свенельдич, а прадедом — знаменитый воевода русских летописей Свенельд⁶¹. И Свенельд, и Мстиша, и сам Добрыня в своей деятельности связаны с главными предприятиями киевских князей, не имевших прямого отношения к Новгороду.

Все эти имена от Свенельда до Яна Вышатича связаны Д. С. Лихачевым в единую цепь, основанием чему послужило предположение Д. И. Прозоровского о происхождении Остромира от Коснятина Добрынича. Это предположение основывается на указании «Остромирова Евангелия», называющего Остромира «близоком», т. е. родственником Изяслава Ярославича, сопоставленном с указанием летописи о родстве Добрыни и Владимира Святославича. Оно подкрепляется несомненным существованием единой устной легенды, отразившейся в «Повести временных лет» и включающей в число своих героев всех упомянутых выше лиц⁶². Авторство этой легенды Д. С. Лихачев приписывает Вышате и его сыну Яну и полагает, что в своем содержании легенда отразила претензии Яна и Вышаты на особую роль при дворе киевских князей, обоснованную их родством с княжеским домом. Следует отметить некоторую слабость этой концепции в ее среднем звене: родство Остромира и Коснятина устанавливается весьма косвенным путем на основании очень неконкретного указания «Остромирова Евангелия»; в «Повести временных лет» связь Свенельда — Коснятина, с одной стороны, и Остромира — Яна — с другой, совершенно не ощущается, что, однако, может быть объяснено желанием обойти не совсем ясную роль Коснятина в событиях 1034 г. «Повесть временных лет» вовсе не упоминает ни о смерти Ильи, ни об опале Коснятина.

Даже в том случае, если происхождение Яна Вышатича восходит к Добрыне и Свенельду, мы не можем представить себе новгородских посадников не княжеского происхождения — Добрыню, Коснятина, Остромира — представителями некой посадничьей династии, сама принадлежность к которой предопределяла их место в новгородском управлении. Указание «Остромирова Евангелия» позволяет говорить о том, что Остромир стал новгородским посадником не потому, что он был сыном Коснятина и внуком Добрыни, а потому, что он был родственником киевского князя Изяслава, лицом близким к нему, способным выполнить ту роль, которую обычно доверяли детям или ближайшим

⁶¹ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. Гл. XIV.

⁶² Лихачев Д. С. «Устные летописи» в составе Повести временных лет // Исторические записки. 1945. № 17; Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. С. 100—114.

родственникам киевских князей. Он принадлежал к той же категории ближайших к киевскому князю лиц, к какой принадлежал, например, Ратибор, посланный в 1079 г. посадничать в Тмутаракань, которая, как и Новгород, составляла часть киевской отчины и управлялась обычно посадниками княжеского происхождения.

ВРЕМЯ МСТИСЛАВА ВЛАДИМИРОВИЧА И ПЕРВЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В НОВГОРОДСКОМ ПОСАДНИЧЕСТВЕ

Список А вслед за Остромиром называет восемь имен, вовсе не встречающихся в других источниках: Завид, Петрята, Костянтин, Миронег, Сава, Улеб, Гюрята, Микула. Лишь следующий за ними посадник Добрыня известен летописцу, который сообщает о его смерти под 1117 г.⁶³ Наличие в списке этих имен вызывает к жизни целый ряд проблем, среди которых первое место занимает проблема достоверности самого сообщения.

Мы уже отмечали, что эти имена не могут быть реконструированы на основании отчеств следующих за ними посадников. Лишь имена Завида, Гюряты и Микулы соответствуют отчествам некоторых их преемников, остальные имена вполне независимы. В Списке А нам удалось проследить компиляцию из более древнего списка и летописных сообщений. Граница использования летописных данных и древнего оригинала в Списке А проходит между именами Остромира и Завида. Если включение Остромира могло быть подсказано чтением летописи, то уже имя Завида не может восходить к этому источнику. Вопрос о достоверности или фиктивности рассматриваемой части внелетописного оригинала Списка А должен решаться, на наш взгляд, поисками побудительных причин возможной мистификации. Таких причин, по-видимому, не существует. Древний оригинал Списка А начинается перечислением имен абсолютно не известных лиц, существование которых не отражено ни летописями, ни эпосом. Их включение в список не преследует каких-либо политических задач и не связано с общей концепцией летописца, как это было в случае с Гостомыслом. Эти имена принадлежали лицам, самое воспоминание о деятельности которых полностью стерлось к моменту составления древнего списка, отразившего лишь их принадлежность к посадничеству. Вряд ли можно отрицать их достоверность только на том основании, что показания списка в этой его части не дублируются другими источниками.

Другая важная проблема касается хронологического места перечисленных имен. Поскольку эти имена помещены в промежутке от Остромира до Добры-

⁶³ НПЛ. С. 20, 204.

ни, хронологические рамки деятельности их носителей замыкаются между 1057 г., когда в Новгороде еще посадничал Остромир, и 1117 г. — временем посадничества Добрыни. Это весьма длительный промежуток времени, в котором с успехом могли бы разместиться все восемь указанных посадников, но для того, чтобы они смогли разместиться в нем, необходимо одно условие, которого, однако, не существует. Нужно, чтобы в этот период существовали заметные отрезки времени, когда новгородский стол оставался вакантным. Действительно, мы уже видели, что на протяжении XI в., когда Новгород составлял часть киевской отчины, понятия «посадник» и «князь» тождественны. Коснятин и Остромир, которых составитель Списка А отличает от князей, посадничали не вместе с князьями, а тогда, когда князя на новгородском столе не было. Периоды их деятельности соответствуют лакунам в хронологической таблице новгородских княжений. Между тем на протяжении 1057—1117 гг. существовала только одна такая лакуна, причем ее наличие вызывает серьезные сомнения. Имеется в виду промежуток от 1057 до 1067 г. В 1057 г. еще был жив Остромир, а в 1067 г. окончилось новгородское княжение Мстислава Изяславича. Нам неизвестны ни год смерти Остромира, ни начальная дата княжения Мстислава. Однако список князей новгородских, ошибочно относя начало княжения Мстислава ко времени, непосредственно следующему за кончиной Владимира Ярославича (1052 г.)⁶⁴, тем самым отражает известную продолжительность княжения Мстислава Изяславича. Во всяком случае, если между Остромиром и Мстиславом и существовал какой-то промежуток, он, несомненно, был меньше десяти лет.

В более позднее время даже таких сомнительных промежутков нет. Князья следуют один за другим без перерыва. Это обстоятельство не оставляет возможности для датировки восьми загадочных посадников XI веком. Мы не можем поместить их всех в кратковременный промежуток, теоретически возможный на грани 50-х и 60-х гг. XI в., а помещая в этот промежуток какую-то часть посадников из этого числа⁶⁵, не получим принципиального решения проблемы для остальных посадников из этой части списка.

Однако именно эти противоречия подсказывают иное решение вопроса. До сих пор мы подходили к датировке рассматриваемых имен исходя из общей характеристики новгородского посадничества в XI в. Эта характеристика пре-

⁶⁴ НПЛ. С. 161, 470.

⁶⁵ К этому периоду было отнесено посадничество Завида О. В. Кудрявцевым: «Посадничество первого Завида должно падать на время между 1057 и 1117 гг. и при этом ближе к началу этого периода» (*Кудрявцев О. В.* Сколько было новгородских посадников с именем «Завид»? // Исследования по истории Балкано-Дунайских областей и статьи по общим проблемам древней истории. М., 1957. С. 142).

дусматривала тождество функций «князя» и «посадника» и отрицала возможность сосуществования новгородского князя и какого-то лица при нем, которому мог бы принадлежать посадничий титул. Если мы теперь обратимся к порядкам более позднего времени, то увидим, что уже Добрыня, посадник 1117 г., следующий в Списке А непосредственно за нашими восемью загадочными посадниками, осуществляет свою деятельность в иных условиях. Он, видимо, так же как и его преемники, сосуществует с князем, что свидетельствует об изменении к этому времени самой сущности новгородского посадничества, о приобретении им тех особенностей, которые составляют неотъемлемую часть общей характеристики новгородского посадничества XII—XV вв. как явления, не известного в русских княжествах.

Это наблюдение позволяет понять, почему древний оригинал Списка А не включал в свой состав имен Коснятина и Остромира, а открывался именем Завида. Составитель этого оригинала описывал однородные факты. История новгородского посадничества для него начиналась с момента возникновения этого института, к которому не имели отношения ни Коснятин, ни Остромир. Отличительной особенностью этого института, как можно судить на основании всех последующих фактов, была противоположность князя и посадника, тогда как Коснятин и Остромир воплощали идею тождества посадника и князя. Историческая значительность этого рубежа очевидна, но очевидно также, что посадничество Завида и его преемников не могло иметь корней в раннем посадничестве Коснятина и Остромира. Раннее посадничество X—XI вв. в дальнейшем развивается в институт княжеской власти в Новгороде, тогда как собственно новгородское посадничество, противостоящее князю, могло родиться только в процессе борьбы с князем, т. е. с ранним посадничеством.

В этой связи я не могу согласиться с М. Н. Тихомировым, который, основываясь на столкновении в 1019 г. Ярослава и Коснятина, полагал, что «уже в XI столетии новгородские князья вступают в конфликт с посадниками»⁶⁶. Столкновение Коснятина и Ярослава в лучшем случае возможно трактовать как внутрисемейный конфликт, но не как борьбу города и князя. Несомненно, начало борьбы Новгорода за городские вольности восходит к глубокой древности, однако следует соблюдать большую осторожность, характеризуя ранние успехи этой борьбы.

---

⁶⁶ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956. С. 204. О противоположности в первой половине и середине XI в. новгородских посадников и князей писали также Д. С. Лихачев и Б. А. Рыбаков. См., например: Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. С. 103; Рыбаков Б. А. Остромирова летопись // Вопросы истории. 1956. № 10.

В самом предварительном порядке, предполагая в дальнейшем вернуться к этой проблеме, необходимо затронуть в высшей степени дискуссионный вопрос о так называемых «грамотах Ярослава», которым посвящена значительная литература⁶⁷. Новгородские летописи XV в. внесли в летописный текст 1016 и 1035 гг. сообщения о «грамотах» или «правде и уставе», пожалованных Ярославом Владимировичем новгородцам. Это сообщение сопровождается включением в летописный текст одного из вариантов Русской Правды в качестве «правды и устава», полученных новгородцами от Ярослава. Работами русских историков — главным образом М. Н. Тихомирова — обоснован вывод о синхронности древнейшей редакции Русской Правды указанному в летописи времени и наличию в ней ряда элементов, действительно говорящих о новгородском характере этого документа. В исторической литературе выработана и политическая характеристика Древнейшей Правды, рассматриваемой как акт, в котором гарантируется юридическая защита «новгородских мужей» от произвола княжеской дружины. Совершение этого акта исследователи справедливо связывают с обострением политической борьбы в Новгороде в момент, политически сложный для самого Ярослава.

Однако составной частью той же проблемы является и до сих пор не решенный вопрос о степени полноты дошедших до нас «пожалований» Ярослава. Внесение в летопись сведений о «грамотах» Ярослава отражает тенденцию летописца возводить древность позднейших новгородских порядков к самым отдаленным временам. Эта тенденция существовала и была хорошо известна на Руси еще в XII в., что следует из рассуждений владими́ро-суздальского летописца, записанных им под 1169 г.: «Не глаголем же: прави суть новгородци, яко издавна суть свобожени новгородци прадеды князь наших; но аще бы тако было, то велели ли им предние князи крест преступати, или внуки, или правнуки соромляти»⁶⁸. Уже А. А. Шахматов предполагал существование какого-то акта, данного Ярославом и не сохранившегося в составе позднейших сводов⁶⁹. Наиболее четко представление об этой несохранившейся грамоте формулирует Б. А. Рыбаков: «Быть может, одной „Правдой“ не ограничивались „конститу-

⁶⁷ См.: *Костомаров Н. И.* Северно-русские народоправства во времена удельно-вещевого уклада. Исторические монографии и исследования. Кн. 3. СПб., 1904. С. 37 и сл.; *Соловьев С. М.* История России. Кн. 1. Т. 3. С. 698 и сл.; *Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 507 и сл.; *Тихомиров М. Н.* Исследование о Русской Правде. М.; Л., 1941. С. 36—39; *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV—XV вв. Ч. 1. М.; Л., 1948. С. 245 и сл.; *Пауто В. Т., Зимин А. А.* Рецензия на книгу Л. В. Черепнина // Вопросы истории. 1949. № 9. С. 119 и сл.

⁶⁸ ПСРЛ. Т. 1. Вып. 2. Л., 1927. Стб. 362.

⁶⁹ *Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 215 и сл., 507 и сл.

ционные“ трофеи новгородцев: ведь упомянут еще и „Устав“, который мог определять нормы взаимоотношений Новгорода и Киева»⁷⁰.

Несомненно, что вопрос о том, существовала или нет эта предполагаемая грамота и — если существовала, — какие льготы для новгородцев она содержала, можно решать только путем сравнения взаимоотношений Новгорода и Киева до 1016—1035 гг. и после этой даты. Если предполагаемая грамота существовала и действительно имела тот характер, который ей приписывается, мы должны ко времени Ярослава относить первоначальное формирование «новгородских свобод», о которых говорится в Лаврентьевской летописи. Между тем никаких признаков изменения первоначальной схемы взаимоотношений Новгорода и Киева в этот период не наблюдается. Новгород во всей полноте сохраняет свое подчиненное Киеву положение и управляется посадниками, назначение и смена которых зависят только от воли киевского князя, рассматривающего Новгородскую землю как часть своих основных владений. Льготы, данные новгородцам, адекватны Древнейшей Правде, которая уже в XI в. приобрела общерусский характер и потеряла свою новгородскую исключительность. Но само воспоминание об этих льготах в дальнейшем вполне могло стать одной из основ новгородской политической концепции происхождения «новгородских свобод».

Первые политические успехи борьбы новгородцев за городские вольности прослеживаются на рубеже XI—XII вв. и отражены в беспрецедентном факте изгнания князя Давыда Святославича в 1096 г. Летописец не обозначил непосредственных причин изгнания Давыда, отметив только, что новгородцы «не взлюби его»⁷¹. Однако эти причины становятся очевидными при рассмотрении событий 1102 г. В указанном году между Владимиром Мономахом и великим князем Святополком Изяславичем было достигнуто соглашение, по которому новгородский стол должен был занять сын Святополка (по-видимому, Изяслав), а Мстиславу предназначался Владимир-Волынский. Этот ряд встретил возражения новгородцев, заявивших: «Не хотим Святополка, ни сына его. Аще ли две главы имеет сын твои, то пошли и; а сего ны дал Всеволод, а вскормили есмы собе князь; а ты еси шел от нас»⁷². После продолжительных прений новгородцы настояли на возвращении Мстислава Владимировича.

Оба отмеченных события по своему характеру вполне аналогичны. И в 1096 г., и в 1102 г. новгородцы выступают против вмешательства великого князя Святополка в устройство своего стола, защищая право на этот стол князя Мстислава Владимировича. Правовой принцип, положенный ими в основу защиты Мстис-

⁷⁰ Рыбаков Б. А. Остромирова летопись. С. 56.

⁷¹ Повесть временных лет. Ч. 1. С. 150; ПСРЛ. Т. 2. СПб., 1908. Стб. 219; Т. 5. С. 150; Т. 7. С. 8.

⁷² Повесть временных лет. Ч. 1. С. 182.

лава, сводится к тому, что великий князь в своих действиях не может игнорировать распоряжений своего предшественника. Новгородское княжение, таким образом, рассматривается вне зависимости от династических судеб киевского стола. Нетрудно заметить, что этим принципом формулируется идея независимости Новгорода, но сама эта идея еще не обрела завершающей полноты. Это как бы начальный шаг в ее формировании.

С другой стороны, защита новгородцами Мстислава не носит личного характера. Новгородцы выступают не только против Святополка Изяславича, но и против отца Мстислава — Владимира Мономаха — с его идеей последовательного, «лествичного» старшинства. Владимир Мономах признает Новгород отчиной великого князя, считает, что великий князь так же волен в новгородском княжении, как и в киевском. Владимир Мономах осуществляет ряд мероприятий, прямо направленных против новгородских притязаний на независимость. Он дает согласие на замену своего сына Давыдом Святославичем в 1094 г. Он заключает со Святополком договор 1102 г., антиновгородская сущность которого очевидна, поскольку этот договор породил описанный выше конфликт. Такой же характер имеют и его действия 1117 и 1120 гг., о которых речь впереди. Политика Мономаха в отношении к Новгороду неотличима от политики Святополка. Он готов жертвовать своим личным влиянием в Новгороде, осуществлявшимся пока там княжил Мстислав, во имя торжества оспариваемой новгородцами идеи.

Сама острота столкновения 1102 г. свидетельствует о том, что, отстаивая Мстислава, новгородцы защищают вполне определенные формы новых взаимоотношений с Киевом, складывание которых имеет непосредственное отношение к личности Мстислава. Рассматривая уже цитированный летописный текст 1102 г., мы найдем в нем массу подтверждений высказанным предположениям.

Прежде всего обращает на себя внимание тот пункт возражений Святополку, в котором последний попрекается уходом от новгородцев. Имеется в виду переход Святополка Изяславича из Новгорода на туровский стол в 1088 г. Однако этот переход совершился еще во времена великого князя Всеволода Ярославича и по своему характеру не отличается от многочисленных перемен на новгородском столе в более раннее время, когда тезис о пожизненности новгородского княжения еще не мог возникнуть. Следовательно, противопоставление Святополку Мстислава должно свидетельствовать о том, что передача новгородского стола Мстиславу в конце 1080-х гг. сопровождалась заключением между новгородцами и Всеволодом Ярославичем условий, которыми обеспечивалось преимущественное право внука этого великого князя на Новгород.

Это наблюдение подтверждается и прямым заявлением новгородцев: «въскормили есмы собе князь». В указанной связи необходимо отметить следующее

обстоятельство. Мстислав Владимирович родился в 1076 г.⁷³ Следовательно, в момент первого получения им новгородского стола ему было 12 лет. Такой возраст несовместим с представлениями о том, что Мстислав мог быть самостоятельным представителем великого князя с самого начала своего новгородского княжения. Организация власти в Новгороде могла быть обеспечена в этот период только путем разделения функций представительства, осуществляемых самим Мстиславом, и функций контроля, осуществляемых каким-то другим лицом или другими лицами. Иными словами, княжение Мстислава в Новгороде на первых порах должно было только подтверждать незыблемость великокняжеского суверенитета над Новгородом, тогда как в практическом управлении Новгородом князь был неспособен играть самостоятельную роль. Мы видим, что, с одной стороны, новгородцы подчеркивают свое участие в «воскормлении себе князя», а с другой стороны, Список А прямо относит возникновение посадничества нового типа к рассматриваемому периоду. Признавая достоверность восьми загадочных имен Списка А, мы не сможем указать более подходящую дату возникновения посадничества нового типа, чем конец 1080-х гг.

По-видимому, условия, заключенные между Новгородом и Всеволодом Ярославичем в 1088 г., существование которых мы выше предположили, предусматривали, во-первых, поддержку Мстислава новгородцами, обеспечивающую в дальнейшем укрепление Новгорода за потомством Всеволода; во-вторых, участие самих новгородцев в государственном управлении, создание в Новгороде рядом с киевским посадничеством Мстислава новгородского посадничества Завида и его преемников. Если эти наблюдения правильны, заявление 1102 г. обретает особую конкретность в той его части, которая говорит о «двух головах» сына Святополка. Замена Мстислава сыном Святополка для новгородцев была равнозначна ликвидации их завоеваний, связанных с «воскормлением» Мстислава, отсечению новгородской головы в управлении, сосредоточению всей власти в руках киевского наместника.

Отметим, что именно ко времени Всеволода Ярославича относится время «прадедов князей наших» для автора цитированной статьи 1169 г., поскольку современный летописцу князь Андрей Боголюбский приходился правнуком Всеволоду Ярославичу. Впрочем, это указание может быть и не конкретным, лишь возводящим «новгородские свободы» к туманным временам «прадедов».

Обосновывая предположение о том, что новая форма взаимоотношений Новгорода и Киева, важнейшей составной частью которых было возникновение посадничества нового типа, устанавливается с началом первого новгородского княжения Мстислава Владимировича (1088—1094 гг.), мы располагаем существенными доказательствами, которые дает анализ сфрагистических материалов эпохи.

⁷³ ПСРЛ. Т. 2. СПб., 1908. Стб. 190.

Русские вислые печати в XI — начале XII в. были регалией самой высшей государственной и церковной власти. Круг их владельцев резко ограничен. В церковной области он включает только митрополитов и епископов, а в области светской власти — великих князей киевских и князей, сидевших на самостоятельных столах, а также посадников, управлявших от имени киевского князя крупнейшими членениями Киевского государства. К последней группе владельцев вислых печатей в равной степени относятся и лица, носившие княжеский титул, и лица не княжеского происхождения. В частности, в сфрагистике второй половины XI — начала XII в. хорошо известны буллы Ратибора, бывшего посадником Всеволода Ярославича в Тмутаракани ⁷⁴.

Эта принципиальная характеристика вислых печатей XI в. подтверждается каждой очередной находкой; новые экземпляры оставляют неизменным очерченный выше круг возможных владельцев булл. Однако в древнейшей русской сфрагистике имеется одна группа печатей, долгое время не получавшая даже самой общей атрибуции. Имеются в виду печати протопроедра Евстафия, известные уже в количестве 37 экземпляров, происходящих от двух пар матриц. Из них 27 экземпляров происходят из находок в Новгороде, один — из Пскова, один — из Старой Ладogi, два — из Белоозера, один — из Московской области, один — из Волковыска, три — из Киевской области, место находки одной неизвестно ⁷⁵. На одной стороне эти печати несут изображение св. Феодора, на другой — пятистрочную греческую надпись: «Воззри на меня, протопроедра Евстафия» (рис. 1).

Греческий титул «протопроедр» встречается иногда на древнейших русских печатях и означает советника, помощника. Печати Евстафия самым местом находки связываются с Новгородом и несут на себе признаки сложного характера административных функций их владельца. Соединение на этих печатях двух

⁷⁴ Янин В. Л. Актовые печати древней Руси. Т. 1. М., 1970. С. 60—64, 180—181, 367—370; Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Актовые печати древней Руси. Т. 3. М., 1998. С. 39, 121, № 68—716.

⁷⁵ Янин В. Л. Актовые печати древней Руси. Т. 1. М., 1970. С. 182, № 72—73. Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Актовые печати древней Руси. Т. 3. М., 1998. С. 122, № 72—73; Они же. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 1997 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 1998. Вып. 12. С. 341, № 72. Они же. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 1998—1999 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород, 2000. Вып. 14. С. 288, № 73; Они же. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 2000 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород, 2001. Вып. 15. С. 183, № 72. Они же. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 2001 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород, 2002. Вып. 16. С. 159, № 72—33.

христианских имен, которые не могут принадлежать одному и тому же лицу, показывает, что Евстафий пользовался правом утверждения документов как советник или представитель какого-то Феодора, входившего в число тех немногочисленных деятелей, каким в Новгороде рассматриваемого времени принадлежало право высшей юрисдикции. Такими деятелями в XI в. могли быть только князь и епископ. Среди епископов Новгорода XI—XII вв. мы знаем только одного Феодора (хиротонисан в 1069 г., умер в 1077 г.). Среди новгородских князей XI — начала XII в. имеется также только один Феодор — Мстислав Владимирович, христианское имя которого названо в «Мстиславовом Евангелии»⁷⁶. Связывая печати Евстафия с периодом княжения Мстислава Владимировича, мы не можем искать их владельца среди лиц церковного круга: епископскую кафедру в Новгороде при Мстиславе последовательно занимали Герман (1078—1095 гг.), Никита (1096—1108 гг.), Иоанн (1110—1130 гг.). Следовательно, само соединение на булле имен Феодора и Евстафия должно свидетельствовать о существовании в Новгороде конца XI — начала XII в. еще одного института власти, пользовавшегося правом утверждения документов.

Рис. 1. Печати протопроедра Евстафия

Сопоставляя этот факт с уже изложенными наблюдениями, мы должны искать владельца рассматриваемых печатей среди тех загадочных посадников начальной части Списка А, деятельность которых мы относим ко времени Мстислава Владимировича. Обратимся к именам этих посадников. Печати Евстафия не могут принадлежать ни Петряте, ни Костянтину, ни Саве, ни Гюряте, ни Микуле. Имена всех этих посадников христианские, хотя и выраженные в народной форме. На печатях этих лиц изображение св. Феодора должно было бы сочетаться с именем Петр, или Константин, или Савва, или Георгий, или Николай. Возможными владельцами этих булл могут быть или Завид, или Миронег, или Улеб, христианские имена которых нам не известны.

С другой стороны, необходимо учитывать два весьма важных обстоятельства. Во-первых, печати Евстафия принадлежат одному лицу и не имеют аналогий в других группах сфрагистических памятников. Следовательно, связывая

⁷⁶ Мстиславово Евангелие начала XII века в археологическом и палеографическом отношениях. СПб., 1904; См. также: Путешествие игумена Даниила по Святой земле в начале XII в. СПб., 1864. С. 162 и сл.

их с начальной историей посадничества нового типа, мы должны предполагать известную кратковременность употребления буллы этим институтом в начальный период его существования. Во-вторых, в сфрагистике Мстислава Владимировича известны и личные печати этого князя, которые, однако, не могут быть связаны с его первым новгородским княжением. Первый тип таких печатей (с надписью «Днѣслово») датируется временем великого княжения Святополка Изяславича (1093—1113 гг.), второй тип (с надписью «Господи, помози рабу своему Феодору» или «Господи, спаси раба своего Феодора» — временем киевского княжения Владимира Мономаха (1113—1125 гг.)⁷⁷. Таким образом, печати Евстафия и личные печати Мстислава Владимировича не синхронны. Буллы Евстафия могут быть отнесены к периоду первого княжения Мстислава (1088—1094 гг.). Эта датировка подтверждается и особенностями их типа. Бытование печатей греко-русского типа, к которому принадлежат и буллы Евстафия, в киевско-новгородской светской сфрагистике прекращается с утверждением на киевском столе Святополка Изяславича. Этот тип характерен для времени Всеволода Ярославича, с которым совпадает и первое новгородское княжение Мстислава Владимировича.

Эти наблюдения отвечают нашему главному выводу. Если посадничество нового типа возникло в тот период, когда княжение Мстислава не могло иметь самостоятельного характера, в этот период оно и должно было играть наиболее активную роль. Напротив, с возмужанием Мстислава эта роль уменьшается, приводя к перераспределению функций управления между князем и посадником.

Очевидно, что печати Евстафия следует связывать с теми посадниками, которыми открывается список восьми загадочных имен, отдавая предпочтение Завиду, поскольку во времена следующих за ним Петряты и Костянтина печать протопроедра уже прекращает свое существование. В истории раннего новгородского посадничества времени Мстислава Владимировича, таким образом, возможно различать два этапа. На первом этапе (Завид — Евстафий) новый государственный институт осуществляет наиболее активную деятельность, по существу возглавляя систему управления Новгородом. Этот период охватывает первое княжение Мстислава. На втором этапе (остальные семь посадников) князь укрепляет свое положение в Новгороде (время Давыда Святославича, второе княжение Мстислава), но не имеет сил ликвидировать возникшую там систему двоевластия. Вмешательство Киева в новгородское управление в 1094 и 1102 гг. имеет целью ликвидацию института посадничества и восстановление старой системы взаимоотношений с Новгородом.

⁷⁷ См., например: Янин В. Л. Актовые печати древней Руси. Т. 1. С. 184, № 80—83; С. 190, № 117—121.

Следует отметить, что в 1999 г. при раскопках в Людином конце в слое самого начала XII в. была найдена берестяная грамота № 907, адресованная Гюряте и содержащая отчет некоего Тука о порученном ему расследовании двух краж, жертвой одной из которых оказался князь. Документ происходит из комплекса материалов, связанных с распределением государственных доходов⁷⁸. Контекст грамоты не оставляет сомнений в том, что ее адресат Гюрята был посадником. Вполне вероятно его тождество с Гюрятой Роговичем, который около 1092 г. был одним из информаторов составителя «Повести временных лет»⁷⁹.

Отмечу весьма интересное наблюдение И. М. Троцкого, который также относил возникновение посадничества нового типа к рубежу XI—XII вв. Им была предложена следующая гипотеза: «Посадники появились в Новгороде тогда, когда князь перестал жить на территории города и тем самым лишился возможности творить суд и расправу»⁸⁰. Не имея возможности признать справедливой заключительную часть цитаты, я хочу особо подчеркнуть отмеченный И. М. Троцким факт возобновления княжеской резиденции на Городище не в 1136 г., как это обычно признавалось, а в более раннюю эпоху: еще в 1103 г. Мстислав Владимирович поставил на Городище церковь Благовещения (По-видимому, по случаю рождения сына Всеволода—Гавриила⁸¹). Если даже и не делать из этого факта далеко идущего вывода о переселении князя на Городище в конце XI в.⁸², известное противопоставление Городища Новгороду остается несомненным. Мысль И. М. Троцкого кажется наиболее правильной в такой редакции: Городище приобретает особый характер в системе управления Новгородом тогда, когда в Новгороде возникло посадничество нового типа.

ПОСАДНИКИ ВРЕМЕНИ ВСЕВОЛОДА МСТИСЛАВИЧА И ВОССТАНИЕ 1136 г.

Время новгородского княжения Всеволода Мстиславича (1117—1136 гг.) характеризуется дальнейшим развитием тех процессов, первые результаты которых сказались в конце XI в. Это время насыщено событиями, определившими дальнейший ход новгородской истории. Новгородская политическая инициатива нашла свое главное выражение в восстании 1136 г., но это восстание под-

⁷⁸ Янин В. Л. У истоков новгородской государственности. Великий Новгород, 2001. С. 59.

⁷⁹ ПСРЛ. Т. 1. Вып. 1. Л., 1926. Стб. 234—235.

⁸⁰ Троцкий И. М. Возникновение Новгородской республики // Известия АН СССР. VII серия. Отд. обществ. наук. Л., 1932. № 5. С. 363.

⁸¹ НПЛ. С. 19, 203. Дата рождения Всеволода летописцем не сообщена.

⁸² Обращу внимание на то, что древнейшие печати, происходящие из княжеского городищенского архива, относятся к последнему десятилетию XI в.

вело итог не только росту тенденции к самостоятельности, но и ряду других явлений, порожденных той же тенденцией.

Восстанию 1136 г. в литературе уделяется достаточно много внимания. Тем не менее и в его общей оценке, и в оценке связанных с восстанием явлений до сих пор имеется немало неточностей. Весьма популярно представление о том, что именно в ходе восстания сформировались окончательно те развитые формы новгородской государственности, которые известны, например, для Новгорода XIII в. По-видимому, не существует ни одного литературного изложения событий 1136 г., в котором не устанавливалась бы непосредственная связь с этим восстанием таких институтов, как выборность республиканских властей, «вольность в князьях», низведение княжеской власти на роль второстепенного государственного органа и т. п. Большинство исследователей, правда, убеждено в том, что посадники стали выборными еще в 1126 г., но и этот факт настолько объединяется с самим восстанием 1136 г., что создает впечатление необычайной стремительности формирования органов республиканского управления в Новгороде. Корни событий 1136 г. в этих изложениях не простираются вглубь далее 1126 и 1132 гг. Само восстание поэтому представляется в виде некой революции, приступив к которой, новгородцы не располагали никакими формами участия в государственном управлении, а добившись победы, сразу создали у себя боярскую республику. Весьма характерно, что исследование Б. Д. Грекова, посвященное событиям 1136 г., было им озаглавлено «Революция в Новгороде Великом в XII в.».

Между тем в детальном изучении нуждаются все обстоятельства княжения Всеволода Мстиславича. Рассматривая их, мы сможем обнаружить немало явлений, противоречащих такой оценке восстания.

Первая группа важных событий относится к 1117—1118 гг. и непосредственно связана с вокняжением Всеволода Мстиславича в Новгороде. Мы уже видели, что задолго до вокняжения Всеволода, еще в 1102 г., новгородцы настаивают на своем праве не отпускать своего князя по требованию великого князя. Однако, когда в 1117 г. Мстислав был отозван Владимиром Мономахом на белгородское княжение, его уход не вызвал видимого противодействия новгородцев. Желание Мстислава быть ближе к великокняжескому столу, на который он имел право после смерти Владимира, совпало с желанием новгородцев получить себе в князья Всеволода Мстиславича, хотя спустя пятнадцать лет подобное желание, высказанное Всеволодом, привело к его изгнанию из Новгорода. Чем может быть объяснено это странное на первый взгляд изменение новгородской политики в 1117 г.?

Ответ на этот вопрос содержится в некоторых обстоятельствах событий 1132 г. В указанном году Всеволод после смерти своего отца и освобождения киевского стола был признан наследником нового великого князя Ярополка Владимировича и впервые устремился к югу. В том же году он был изгнан с юга другим претендентом на киевский стол Юрием Долгоруким и вернулся в

Новгород. Однако новгородцы отказали ему в княжении, ссылаясь на нарушение им клятвы «хощю у вас умерети»⁸³. Следовательно, вокняжение Всеволода в 1117 г. уже сопровождалось заключением ряда между князем и городом о пожизненном княжении на новгородском столе. Такого ряда не заключал Мстислав и был волен в своих действиях, что и проявилось, например, в 1117 г. Но и Мстислав вынужден был пойти на компромисс с новгородцами, согласившись ради киевского стола на ограничение власти своего сына и преемника в Новгороде. Заключение ряда 1117 г. является порождением тенденций, проявившихся еще в 1088, 1096 и 1102 гг., и явным завоеванием новгородцев. Уже с 1117 г., а не с 1136 г. новгородцы стали «вольны в князьях» и в случае нарушения князем договора имели возможность прогнать его вне зависимости от воли Киева. Как увидим, этим правом Новгород воспользовался даже ранее 1132 г.

Летописный рассказ содержит некоторые существенные указания на действительное изменение положения новгородского князя с момента вокняжения Всеволода Мстиславича. Мстислав передал новгородский стол своему сыну и ушел из Новгорода на юг 17 марта 1117 г.⁸⁴ 6 декабря того же года умер новгородский посадник Добрыня⁸⁵. О смерти следующего посадника Дмитра Завидича в 1118 г. летопись говорит в таких выражениях: «Преставися Дмитр Завидович, посадник новгородчкыи, иуны в 9, посадницав 7 месяць одну»⁸⁶. Действительно, между 6 декабря 1117 г. и 9 июня 1118 г. — ровно семь месяцев. Однако что должно означать выражение «посадницав одну»? Эти слова дали Д. И. Прозоровскому повод утверждать, что начало посадничества Дмитра относится по крайней мере еще к тому времени, когда был жив Добрыня, а следовательно, в Новгороде первой четверти XII в. было два одновременно действующих посадника⁸⁷. Н. А. Рожков, развивая эту мысль, говорил о двух линиях посадничества: посадники республиканские и посадники княжеские; последние с течением времени превратились в наместников⁸⁸. На основании приведенного допущения Н. А. Рожков даже исключал так называемых «княжеских» посадников (Бориса, Данилу) из общего хронологического ряда новгородских посадников. Однако в действительности существуют единые списки и единый последовательный хронологический ряд новгородских посадников. Исключив отдельных посадников из этого ряда, Н. А. Рожков смог заменить их только вопросительными знаками. Наместники князя — явление более позднее и не

⁸³ НПЛ. С. 207.

⁸⁴ НПЛ. С. 20, 204.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Прозоровский Д. И. Указ. соч. С. 101.

⁸⁸ Рожков Н. Указ. соч. С. 244 и сл.

уходящее корнями в какие-либо другие древние институты Новгорода, кроме самого института княжеской власти. Они закономерно появляются с того момента, когда перестает существовать особый новгородский князь — эпизодически в XIII в. и постоянно с первой половины XIV в.⁸⁹

Как же все-таки объясняется странное сообщение о посадничестве Дмитра «одину»? Вряд ли следует сомневаться в том, что оно связано со следующей фразой летописного рассказа о событиях того же 1118 г.: «Того же лета приведе Володимирь с Мьстиславом вся бояре новгородскыя к Киеву, и заводи я к честному кресту, и пусти их домов, а иныя у себе остави; и разгнеवासя на ты, оже грабиле Даньслава и Ноздрючу, и на сочьскаго на Ставра, и заточи и вся»⁹⁰. В связи с этим рассказом, сообщающим об очень серьезном внутриновгородском конфликте, мы полагаем, что Дмитр Завидич все семь месяцев своего посадничества правил в Новгороде один, без князя, т. е. понимаем летописное сообщение буквально⁹¹. Конфликт новгородцев перерос в открытое столкновение с Киевом сразу же после вокняжения Всеволода, что является закономерным после заключения ряда, который ограничивал степень вмешательства киевского князя в новгородские дела.

Однако не дошедший до нас договор 1117 г. не сводился к вопросу об ограничении права новгородского князя искать себе другие столы. Вторым его важным условием был вопрос о посаднике. Сопоставление некоторых фактов, относящихся ко времени Всеволода Мстиславича, позволяет утверждать, что договор не только конституировал двоевластие посадника и князя, но и определял посадничество как представительный орган местного новгородского боярства, что было не менее существенным ограничением прав великого князя.

---

⁸⁹ Между прочим, смерть Дмитра Завидича датирована 9 июня только в Новгородской Первой летописи младшего извода. Остальные тексты относят ее к 9 июля 1118 г., сохраняя в то же время и сообщение о семимесячном посадничестве «одину». Если бы мы могли быть твердо уверенными в правильности более поздней даты, предположения Д. И. Прозоровского вообще оказались бы беспочвенными, так как эта дата позволила бы утверждать, что посадничество Дмитра «одину» началось только спустя месяц после смерти посадника Добрыни. К сожалению, отдать предпочтение какой-либо из двух названных дат затруднительно.

⁹⁰ НПЛ. С. 21, 204.

⁹¹ Выражение «сидети одину» в отмеченном значении употребляется летописцем и позднее. Под 1197 г., в частности, сообщается: «Прииде от Чернигова к Новугороду князь Ярополк Ярославичъ...; и севеши ему одину 6 месяц, и выгнаша его из Нова города» (Там же. С. 43, 236). Здесь говорится о шестимесячном правлении князя без посадника: Ярополк был призван новгородцами в тот период, когда посадник Мирошка находился в заточении у Всеволода Юрьевича.

Прежде чем перейти к рассмотрению этих фактов, нужно отметить, что именно с вокняжением Всеволода Мстиславича просыпается активный интерес летописца к посадникам. Если ни один из посадников времени Мстислава в летописи не назван вообще, то стоило только сесть на новгородском столе Всеволоду, как сведения о посадниках приобретают систематический характер.

В самом деле, Мстислав ушел из Новгорода 17 марта 1117 г., а уже под тем же годом мы читаем в летописи о смерти 6 декабря посадника Добрыни⁹². 9 июня (или 9 июля) 1118 г. умер посадник Дмитр Завидич⁹³. В 1119 г. умирает посадник Костянтин Мосеевич, а под следующим годом летописец сообщает, что в Новгород пришел из Киева посадничать Борис. О дальнейшей деятельности Бориса нет сведений. Следующее сообщение относится к 1126 г., когда посадничество получил Мирослав Гюрятинич. Под 1128 г. содержится известие о предоставлении посадничества Завиду Дмитровичу, скончавшемуся в том же году, а после него Даниле, пришедшему из Киева в 1129 г.⁹⁴ В начале 1131 г. новгородское посадничество получил Петрила Микульнич, оставшийся у власти до осени 1134 г., когда во время неудачного похода на Суздаль посадничество было у него отобрано и передано Иванке Павловичу. 26 января 1135 г. и Иванко, и Петрила погибают в битве у Ждановой горы, и в феврале 1135 г. посадничество снова переходит к Мирославу Гюрятиничу⁹⁵. 28 января 1136 г. Мирослав умер, и на посадничестве оказался Костянтин Микульнич⁹⁶.

---

⁹² Его вспоминает летописец под 1184 г., когда, рассказывая о построении «немецкой ропаты» на месте перенесенной церкви Иоанна Предтечи, говорит, что «о том бысть чудо о посадники Добрыни» (ПСРЛ. Т. 3. СПб., 1841. С. 216). И. И. Григорович (Опыт о посадниках новгородских. М., 1821. С. 70 и сл.) сближает посадника Добрыню с воеводой Мстислава Владимировича — Добрыней Рагуиловичем, бывшим «в стороже» во время похода на Олега Святославича в 1096 г. (ПСРЛ. Т. 1. Вып. 1. Л., 1926. Стб. 238; Т. 7. С. 11). Однако такое сопоставление может быть только очень предположительным, так как оба свидетельства (1096 и 1117 гг.) разделены двадцатилетним промежутком.

⁹³ НПЛ. С. 21, 204. В 1122 г. на дочери Дмитра Завидича женился великий князь Мстислав Владимирович после смерти своей первой жены Христины (Там же. С. 21, 205).

⁹⁴ НПЛ. С. 21, 22, 205, 206.

⁹⁵ НПЛ. С. 22, 23, 207, 208. Иванко Павлович известен также по надписи на Стерженском кресте, поставленном в 1133 г. в верховьях Волги за год до получения Иванкой посадничества: «В лето 6641 месяца июля 14 день почых рыти реку сю яз Иванко Павловиць и крест съ поставх» (Орлов А. С. Библиография русских надписей XI—XV вв. М.; Л., 1952. С. 24, № 15).

⁹⁶ НПЛ. С. 23—24, 208—209. И. И. Григорович (Указ. соч. С. 79) говорит о смерти в 1135 г. посадника Мирослава Микульнич, явно объединяя сведения о смерти Петрилы Микульнич и Мирослава Гюрятинича, неправильным оказывается и включение И. И. Григоровичем (Там же. С. 79) в число посадников Якуна Михайловича, убитого в 1135 г.

Несмотря на некоторые пробелы, не позволяющие в отдельных случаях точно датировать смену посадников, мы имеем право говорить о том, что интерес летописца к посадникам стал действительно постоянным, а изложение судеб посадничества регулярным. В этом изложении нет ни пропусков, ни нарушения очередности, в чем легко убедиться, сравнивая летописные сведения с показаниями Списка А:

<i>Летопись</i>		<i>Список А</i>	
—1117 г.	Добрыня	(12)	Добрыня
1117—1118 гг.	Дмитр Завидич	(13)	Дмитр
? —1119 гг.	Костянтин Мосеевич	(14)	Костянтин
1120— ? гг.	Борис	(15)	Борис
1127— ? гг.	Мирослав Гюрятинич		
1128 г.	Завид Дмитрович	(16)	Завид
1129— ? гг.	Данила	(17)	Данило
1131—1134 гг.	Петрила Микульчич	(18)	Петрята
1134—1135 гг.	Иванко Павлович	(19)	Иванко
1135—1136 гг.	Мирослав Гюрятинич	(20)	Мирослав
1136—1137 гг.	Костянтин Микульчич	(21)	Костянтин

Неизвестно, почему Мирослав в очередности посадников помещен в Списке А там, где он посаждал не в первый, а во второй раз. Но это нарушение не принадлежит к числу бессмысленных ошибок и оказывается важным свидетельством независимости этой части списка от летописного текста. На наш взгляд, вполне возможна недостоверность летописного сообщения о посадничестве в 1126 г. Мирослава Гюрятинича. Как увидим далее, при повторных посадничествах одних и тех же лиц место таких посадников в Списке А определяется первым посадничеством, а не повторными избраниями. Поэтому возможно, что в 1126 г. был избран не Мирослав, а один из посадников, уже избиравшихся в более раннее время, например Гюрята, имя которого могло быть передано в форме «Гюрятин», что должно было ввести в заблуждение позднейших сведчиков⁹⁷. На независимость рассматриваемой части Списка А от летописного рассказа указывает, между прочим, наименование восемнадцатого посадника Петрятой, тогда как летописцу он известен под именем Петрила. Точность в полноте имен и их очередности позволяет думать, что и в той части списка, где речь шла о посадниках времени Мстислава Владимировича, соблюдена такая же аккуратность.

Итак, с вокняжением Всеволода Мстиславича судьбы посадников прочно входят в круг основных интересов летописца. Этого, конечно, мало для того,

⁹⁷ Ср., например, употребление форм «Нежата» и «Нежатин», примененных летописцем к одному лицу.

чтобы говорить о существовании особого условия, касающегося посадников, в договоре 1117 г., тем более что среди посадников времени Всеволода мы видим двух, присланных из Киева великим князем. Между тем несомненное наличие такого условия, передающего в руки новгородских посадников больший, нежели прежде, объем власти, демонстрируют материалы сфрагистики.

Как уже показано выше, в годы новгородского княжения Мстислава Владимировича боярский посадник только в малолетство князя пользовался правом скрепления документов привешиванием к ним своей печати. До 1117 г. лишь «протопроедр Евстафий», отождествляемый с первым посадником нового типа Завидом, имел собственную буллу. С возмужанием князя единственно возможным удостоверением документа становится княжеская печать двух хронологически различающихся типов — с надписью «Дньсеслово» и изображением св. Феодора в 1093—1113 гг. и надписью «Господи, помози рабу своему Феодору» (или «Спаси, Господи, раба своего Феодора») в 1113—1117 гг.; второй тип сохраняется Мстиславом Владимировичем и позднее, вплоть до смерти в 1132 г., когда он занимал южные столы.

Однако уже с 1117 г. в Новгороде возникает категория посадничьих печатей, внешне повторяющих тип княжеской буллы с благопожелательной надписью. К настоящему времени известны: одна булла Добрыни (умер 6 декабря 1117 г.), четыре — Дмитра Завидовича (1117—1118 гг.), две — Костянтина Моисеевича (1118—1119 гг.), одна — Бориса (1120—1125 гг.), одиннадцать — Мирослава Гюрятинича (1126—1128 гг., 1135—1136 гг.), четыре — Завида Дмитровича (1128 г.), одна — Данилы (1129 г.), четыре — Петрилы Микульича (1131—1134 гг.), одна — Иванки Павловича (1134—1135 гг.)⁹⁸.

---

⁹⁸ Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси. Т. 1. М., 1970. С. 191—192, № 123—132; С. 234, № 129; Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Актовые печати Древней Руси. Т. 3. М., 1998. С. 127—128, № 124—132; *Они же*. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 1997 г. // Новгород и Новгородская земля. Новгород, 1998. Вып. 12. С. 344, № 131; *Они же*. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 1998—1999 гг. // Новгород и Новгородская земля. Великий Новгород, 2000. Вып. 14. С. 290, № 129; *Они же*. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 2000 г. // Новгород и Новгородская земля. Великий Новгород, 2001. Вып. 15. С. 184, № 131. Три печати, найденные в 2001 г., пока не изданы.

⁹⁹ Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси. Т. 1. С. 193—194, № 133—137; С. 235, № 136; Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Актовые печати Древней Руси. Т. 3. С. 129—130, № 133—137а; *Они же*. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 1997 г. С. 344, № 134; *Они же*. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 1998—1999 гг. С. 290—291, № 133, 134, 137, 137б; *Они же*. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 2000 г. С. 184, № 133, 137. Шесть печатей, найденных в 2001 г., пока не изданы.

Хорошо известны многочисленные печати князя Всеволода Мстиславича, отнюдь не копирующие тип булл его отца. На одной стороне печатей Всеволода помещено изображение его небесного патрона — архангела Гавриила в композиции «Благовещение», а на другой изображение небесного патрона Мстислава Владимировича — св. Феодора. К настоящему времени зарегистрировано 96 таких булл, принадлежащих к семи разновидностям⁹⁹. Это самый ранний тип княжеской печати, передающий своими изображениями крестильные имя и отчество ее владельца. Утвердившись при Всеволоде Мстиславиче, такой тип печати безраздельно господствует на протяжении многих последующих десятилетий, вплоть до начала XIII в.

Существование посадничьей буллы, унаследовавшей принцип оформления прежней княжеской печати, и княжеской буллы, противопоставившей ей новый принцип оформления, как казалось, началось в 1117 г. и продолжалось до конца княжения Всеволода Мстиславича в 1136 г. Такое представление привело к формулированию вывода о том, что при Всеволоде в Новгороде возникло двоевластие князя и посадника, при котором обе власти располагали правом утверждения судебных документов. Естественно, такой порядок возводился к договору 1117 г.¹⁰⁰

Между тем новая находка, обнаруженная в 1999 г. на Городище, существенно подтвердила и уточнила создавшееся прежде представление. Речь идет о неизвестной ранее свинцовой печати, которая на одной стороне содержит изображение Благовещения, а на другой шестистрочную благопожелательную надпись: +СПСИ/ГИ КЪН/-ЗІ ИВЕ/РА ВСЕВО/ЛО-ВИ/..., т. е. «Спаси, Господи, кнзя Ивора Всеволодовича» (рис. 2)¹⁰¹. Как уже отмечено, благовещенская композиция постоянно присутствует на печатях Всеволода Мстиславича, который в крещении носил имя Гавриил (а архангел Гавриил — участник этой композиции). Князь Ивор Всеволодович в источниках не известен, но сам тип буллы с русской благопожелательной надписью существует лишь во времена Владимира Мономаха и его ближайших наследников (не позднее второй четверти XII в.). Поскольку другого князя с крестильным именем Гавриил в указанное время не было, атрибуция рассматриваемой печати может быть решена только одним способом: Ивором звали сына князя Всеволода — Гавриила Мстиславича. Возможно ли такое решение?

Летопись сообщает о женитьбе Всеволода Мстиславича под 6631 (1123) г.: «Оженися Всеволод, сын Мстиславль, Новегороде»¹⁰². Под 6635 (1127) г. она знает о

¹⁰⁰ Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962. С. 80—81.

¹⁰¹ Новгородский музей, инв. № КП 41024; Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 1998—1999 гг. С. 289, 309, № 113 в, рис. 8; Янин В. Л. У истоков новгородской государственности. Великий Новгород, 2001. С. 25, рис. 10.

¹⁰² НПЛ. С. 21, 205.

существовании у него сына Ивана: «В лето 6635. Заложил церковь камяну святого Иоанна Всеволод Новгороде, на Петрятине дворе, в имя сына своего»¹⁰³. В 1128 г. этот его сын умер: «В лето 6636... Томь же лете преставися Иоанн, сын Всеволожь, внук Мьстиславль, априля в 16»¹⁰⁴. Церковь св. Иоанна на Петрятине дворе (знаменитый храм Иоанна на Опоках) посвящена Рождеству Иоанна Предтечи¹⁰⁵. Следовательно, Иван Всеволодович был крещен во имя Предтечи. В момент закладки храма ему было не более четырех лет. Летопись называет его крестильным именем, но ведь у него было и мирское имя. Приведенное сфрагистическое свидетельство дает возможность догадаться, что он именовался Ивором.

Рис. 2. Печать Ивора Всеволодовича

Более того, существует значительная серия новгородских княжеских печатей с изображением на одной стороне св. Иоанна Предтечи, а на другой — композиции «Благовещение», которые могут принадлежать только Иоанну-Ивору Всеволодовичу. К настоящему времени известно 29 таких булл¹⁰⁶. До находки в 1999 г. буллы с именем Ивора Всеволодовича эта группа ошибочно была определена принадлежавшей малолетнему князю Владимиру, второму сыну Всеволода Мстиславича, который после изгнания Всеволода в 1136 г. «княжил» в Новгороде пять дней, с 15 по 19 июля, или — в лучшем случае — полтора месяца, если новгородцы «прияша» его не после изгнания отца, а после его ареста 28 мая¹⁰⁷. Находка 1999 г., в надписи которой Ивор титулуется князем, позволила понять, что и буллы с изображением Предтечи и Благовещения принадлежали именно Ивору-Иоанну Всеволодовичу. Каким же образом этот младенец, умерший в 1128 г. в возрасте не более четырех лет, мог стать новгородским князем?

¹⁰³ НПЛ. С. 21, 205.

¹⁰⁴ Там же. С. 22, 206.

¹⁰⁵ Макарий. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. Ч. 1. М., 1860. С. 285—300.

¹⁰⁶ Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси. Т. 1. С. 194, № 138, 139; Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Актовые печати Древней Руси. Т. 3. С. 130—131, № 138; Они же. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 1997 г. С. 344, № 138; Они же. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 1998—1999 гг. С. 291, № 138; Они же. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 2000 г. С. 184, № 138.

¹⁰⁷ НПЛ. С. 24, 209.

Поставив этот вопрос, мы должны по-новому присмотреться к событиям середины 20-х гг. XII в. Некоторой загадочностью отличается сообщение Новгородской Первой летописи о событиях 1125 (6633) г. После рассказа о том, что «преставися Володимир великий Киеве, сын Всеволожь; а сына его Мьстислава посадиша на столе отци», о буре с громом и градом в Новгороде и расписывании церкви в Антониевом монастыре сообщается: «В то же лето посадиша на столе Всеволода новгородци»¹⁰⁸. Последняя фраза вызывает естественное недоумение: ведь Всеволод Мстиславич был посажен на новгородский стол еще в 1117 г., о чем рассказала та же летопись: «В лето 6625. Иде Мьстислав Киеву на стол из Новагорода марта в 17; а сын посади Новегороде Всеволода на столе»¹⁰⁹. Коль скоро какого-либо сообщения о лишении Всеволода новгородского стола перед 6633 г. нет, закономерной представляется мысль о заключении в 1125 г. нового договора между новгородцами и князем — договора, содержащего иные, нежели прежде, условия княжения¹¹⁰. Эта мысль как будто подкрепляется самим изменившимся положением новгородского князя: умер могущественный Владимир Мономах, на киевском столе утвердился его сын, отец Всеволода — Мстислав, «вскормленный себе»¹¹¹ новгородцами.

Однако такая мысль сразу же наталкивается на противоречие во фразе, следующей сразу же за сообщением о предоставлении Всеволоду новгородского стола в 6633 г.: «В лето 6634. Ходи Всеволод к отцю Киеву, и приде опять Новгороду на стол месяца февраля в 28»¹¹². Этого противоречия можно было бы не заметить: посаженный новгородцами на стол в 1125 г. Всеволод на следующий год отправился в Киев к своему отцу Мстиславу и вернулся обратно 28 февраля. Если бы не любопытный нюанс рассматриваемого сообщения в Тверской летописи. Тверской свод под 6633 г. сообщает о кончине Владимира Мономаха 19 мая 1125 г. и поездке Всеволода тогда же в Киев («а Всеволод Мьстиславичъ прииде из Новагорода къ отцю в Киев»), после чего рассказывает о буре в Новгороде и «исписании» церкви Богородицы в Антониевом монастыре, но ни словом не упоминает о новом предоставлении Всеволоду новгородского стола¹¹³. Зато рассказ этой летописи под 6634 г. заслуживает его полного воспроизведения: «преставися Никита митрополит, быв на митрополии 4 лета. Того же лета ходи князь Всеволод Мьстиславичъ к отцу в Киевъ, и (о)пять прииде от отца ис

¹⁰⁸ НПЛ. С. 21, 205.

¹⁰⁹ Там же. С. 20, 204.

¹¹⁰ Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962. С. 67—68.

¹¹¹ ПСРЛ. Т. 1. Вып. 1. Л., 1926. Стб. 276.

¹¹² НПЛ. С. 21, 205.

¹¹³ ПСРЛ. Т. 15. СПб., 1863. Стб. 194.

¹¹⁴ Там же.

Киева (в) Новгород на стол свой, и посадиша его Новгородци на столе 28 февраля»¹¹⁴. Единство фразеологии указывает на общий источник Новгородской и Тверской летописей, по-разному обработанный в обоих сводах. Его логическая реконструкция приводит к выводу, что были две поездки Всеволода в Киев на протяжении 6633 и 6634 гг. — одна на похороны Владимира Мономаха и киевское вокняжение Мстислава Владимировича в конце мая 1125 г., а другая — в 1126 г. Вторая поездка завершилась 28 февраля 1127 г.: коль скоро обе летописи используют мартовское счисление, февральское число относится к концу мартовского года. В этом убеждает и упоминание в начале рассказа 6634 г. Тверской летописи о кончине митрополита Никиты, который, заняв кафедру в 1122 г., умер через четыре года — 9 марта 1126 г.¹¹⁵

Оставалась непонятной констатация Новгородской летописью двойного утверждения Всеволода на новгородском столе, сначала в 6633 г. («посадиша на столе Всеволода новгородци»), а затем в 6634 г. («приде опять Новугороду на стол»). Находка печати «князя Ивора», как мне кажется, проясняет проблему. Не имеем ли мы в статье 6633 г. в Новгородской летописи искажения первоначального текста «В то же лето посадиша на столе Всеволодовича новгородци», а «Всеволодович» в результате искажения превратился во «Всеволода»? Именования только по отчеству не чужды летописи. Ср., например, в Лаврентьевской летописи под 6625 (1117) г.: «Володимер приведе Мстислава, сына своего, из Новагорода, а Новегороде седе Мстиславичь»¹¹⁶. Коль скоро Ивор на печати титулован князем, ход событий 1125—1127 гг. представляется следующим. 19 мая 1125 г. умирает Владимир Мономах. Получив известие об этом, Всеволод Мстиславич отправляется в Киев на похороны деда и интронизацию отца, оставляя вместо себя младенца Ивора-Иоанна (по изображению Благовещения на его печати он представляет личность Всеволода-Гавриила). В отсутствие Всеволода новгородцы провозглашают Ивора своим князем. Возвратившись в Новгород, Всеволод застаёт там эту изменившуюся ситуацию и снова спешит в Киев. Только по урегулировании конфликта Всеволод в конце февраля 1127 г. возвращает себе новгородский стол и сооружает храм во имя небесного патрона своего сына.

Таким образом, княжение Ивора-Иоанна продолжалось около двух лет, чему соответствует заметное обилие его печатей с изображением Предтечи и Благовещения. Вместе с тем очевидно, что противостоящая этому обилию уникальность буллы Ивора с благопожелательной надписью свидетельствует о чрезвычайно коротком периоде, когда после первого отъезда отца он представлял его личность, что выражено изображением на булле не Иоанна Предтечи, а Благовещения, совмеща это представительство с посаднической функцией, поскольку

¹¹⁵ ПСРЛ. Т. 1. Вып. 2. Л., 1927. Стб. 292, 296.

¹¹⁶ ПСРЛ. Т. 1. Вып. 2. Стб. 291.

наличие благопожелательной формулы вводит его буллу в круг печатей новгородских посадников.

Вместе с тем изображение Благовещения и способ оформления последующей серии печатей Ивора-Иоанна свидетельствуют о том, что оформленные тем же способом печати Всеволода Мстиславича действительно употреблялись с самого начала его княжения, т. е. с 1117 г., а то, что выше названо двоевластием князя и посадника, сложилось, как это и предполагалось прежде, в результате договора новгородцев с князем в 1117 г. Значительность посадника в этой системе двоевластия наглядно демонстрируется весьма любопытным фактом. В 1926 г. в Новгороде была найдена печать посадника Дмитра Завидича (1117—1118 гг.), штемпели которой были оттиснуты поверх печати Владимира Мономаха¹¹⁷, как бы провозглашая преимущество права новгородского посадника в утверждении документа, ранее скрепленного буллой даже не новгородского, а киевского князя.

Понятны поэтому попытки Киева подменить боярского посадника Новгорода киевским чиновником. Летопись отмечает факт двукратного вмешательства киевских князей в новгородские порядки именно при Всеволоде Мстиславиче.

Первый из этих посадников — Борис — прибыл в Новгород в 1120 г., будучи прислан Владимиром Мономахом. Мономах, таким образом, настаивает на праве своего вмешательства в новгородское управление, на полной подчиненности Новгорода великим князьям вопреки установившимся ограничениям княжеской власти. Борис, по-видимому, остается посадником до смерти Владимира Мономаха, а самое его утверждение в Новгороде может быть объяснено тем, что в памяти новгородских бояр еще свежи были воспоминания о крестоцеловании 1118 г. Заметим, что после описанных выше событий 1125 — начала 1127 г., в которых нет места киевлянину Борису, и рассказа о возвращении Всеволода Мстиславича на новгородский стол 28 февраля 1127 г. летопись сразу же сообщает о том, что «вдаша посадничество Мирославу Гюрятиницю»¹¹⁸, новгородскому боярину, сыну Гюряты, посадничавшего еще при Мстиславе Владимировиче.

В 1129—1130 гг. события повторяются в той же последовательности и с тем же результатом, но в менее острых формах. Вслед за приходом на посадничество Даниила из Киева, присланного великим князем Мстиславом Владимировичем, Всеволод в 1130 г. снова отправляется в Киев, а сразу же по его возвращении посадничество получает новгородский боярин Петрила Микульчич¹¹⁹.

---

¹¹⁷ Лихачев Н. П. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. Вып. 1. Л., 1928. С. 112—113, рис. 58; Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси. Т. 1. С. 187—188, № 101-3; С. 191, № 124-2.

¹¹⁸ НПЛ. С. 205.

¹¹⁹ Там же.

В обоих случаях назначение посадника из Киева порождает конфликт между новгородцами и княжеской властью, грозящий Всеволоду потерей новгородского стола. События 1129—1130 гг. объясняют ту легкость, с которой в 1117 г. новгородцы расстались с Мстиславом. С тех пор как на киевском столе утвердился Владимир Мономах, Мстислав — сторонник удержания Новгорода в орбите киевского политического влияния, тогда как в 1102 г. он не мог быть действительным сторонником такой политики. Киев тогда находился в руках Святополка Изяславича. Сам сделавшись великим князем, Мстислав продолжает политику своего отца и не признает завоеваний новгородцев, ставя в затруднительное положение и своего сына Всеволода, которому, чтобы не потерять новгородский стол, приходится ездить в Киев и добиваться отмены великокняжеских распоряжений. Между Всеволодом и Новгородом, таким образом, существует принудительный союз. Всеволод Мстиславич вынужден подчиняться новгородцам в вопросе о посадничестве, и только эти поездки в Киев, по-видимому, помешали в дальнейшем включить в список его преступлений против Новгорода нарушения договора о посадниках.

Смысл соглашения 1117 г. о посадниках ясно определяется изложенными фактами. Усвоение термина «посадник» для обозначения новых форм государственной власти свидетельствует о том, что новгородское посадничество было представительством. Однако оно не было представительством от киевского князя, поскольку присвоение Киевом права назначать посадников ведет к острым конфликтам с новгородцами. Оно не было представительством и от новгородского князя, так как противостоит княжеской власти. Мы увидим далее, что свержение и изгнание князя не мешает посаднику продолжать свою деятельность. Следовательно, в системе государственного управления времени Всеволода посадники могли осуществлять представительство только от самого Новгорода, будучи органом республиканской власти.

Возводя первые практические шаги в формировании этого органа к рубежу XI—XII вв., мы должны отметить, что процесс образования боярского землевладения, являющийся главной основой антикняжеской борьбы новгородского боярства, достаточно проявился уже в первой трети XII в. Формирование посадничества нового типа, успешная борьба с киевскими князьями в 1096, 1102, 1125—1127 и 1130 гг. отражают не только становление боярского самосознания, но и являются первыми политическими результатами укрепления в Новгороде сословия местных бояр-землевладельцев. На протяжении длительного периода Новгород и его область не привлекали к себе серьезного внимания киевских князей и их дружинников. Их дружинники также не оседают в Новгороде, примером чему может служить потомство Остромира. Поэтому на новгородских землях не образуется княжеский домен, а общинная земельная собственность постепенно экспроприируется не князем и не пришлой дружиной, а

местной родоплеменной знатью. В нашу задачу не входит специальное исследование этого процесса, который не раз обсуждался в исторической литературе. Отсылая читателя к некоторым собственным исследованиям, касающимся проблемы возникновения и развития вотчинной системы и природы княжеского землевладения в Новгороде ¹²⁰, здесь я обращаю внимание лишь на некоторые политические результаты формирования в Новгороде класса местных феодалов, сказавшиеся на развитии государственности.

В связи с республиканской сущностью новгородского посадничества не кажется сколько-нибудь доказанным популярный в литературе вывод о том, что выборными посадники становятся только с 1126 г. Это мнение основывается на том, что именно под 1126 (правильнее — под 1127) годом летописец, говоря о предоставлении посадничества Мирославу, впервые употребляет термин «въдаша», подразумевающий подлежащее «новгородцы» ¹²¹. Однако нам неизвестна терминология предоставления посадничества в более раннее время. Предполагая, что до избрания Мирослава Гюрятинича посадники не избирались на вече, а назначались князем, следовало бы проверить это предположение поисками таких аргументов, которые могли бы подтвердить существование указанной разницы между Добрыней, Дмитрием Завидичем и Костянтином Моисеевичем, с одной стороны, и Завидом Дмитриевичем, Петрилой Микульичем, Иванкой Павловичем, Мирославом Гюрятиничем и Костянтином Микульичем — с другой. К такому сравнению мы обратимся при анализе сфрагистических памятников этих посадников, здесь же, предвосхищая его результаты, отметим, что существующие материалы не обнаруживают принципиальной разницы между посадниками 1117—1119 гг. и посадниками более позднего времени.

Борьба новгородских бояр вокруг посадничества не сводится к противодействию великому князю в его стремлении удержать Новгород во власти Киева. Посадничество теряют не только киевляне Борис и Данила, оно является объектом борьбы и внутри самого новгородского боярства. Если чаще всего конец посадничества вызывается смертью посадника (Добрыни в 1117 г., Дмитра в 1118 г., Костянтина в 1119 г., Завида в 1128 г., Иванки в 1135 г., Мирослава в 1136 г.), то посадничество Петрилы Микульича прервалось иначе, когда после четырехлетнего пребывания у власти он был заменен Иванкой Павловичем.

Эта замена произошла во время особенно резкого обострения внутренней обстановки в Новгороде. В начале 1134 г. Всеволод Мстиславич начинает готовиться к походу на Суздаль, где он намеревался посадить князем своего брата

¹²⁰ Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина: Историко-генеалогическое исследование. М., 1981; *Он же*. Новгород и Литва. Пограничные ситуации XIII—XV вв. М., 1998.

¹²¹ См.: Тихомиров М. Н. Древнерусские города. С. 205.

Изяслава. Отношение новгородцев к этому походу не было единодушным. Летописец сообщает: «Почаша молвите о сужальстеи воине новгородци и убиша муж свои и вергоша с мосту в субботу пнятикосьтнюю» (канун Троицы, 2 июня). Эта борьба продолжалась и во время похода, «и на том же пути отъяша посадничество у Петриле и даша Иванкове Павловичю», что заставило Всеволода вернуться с полдороги в Новгород¹²². Обстоятельства переворота показывают, что внутри новгородского боярства не существовало единства, однако вряд ли камнем преткновения было отношение к князю.

Уже под 1118 г., как отмечено выше, летопись фиксирует внутрибоярское столкновение, рассказывая об ограблении Даньслава и Ноздрычи, в котором Владимир Мономах обвинил соцкого Ставра. Скорее всего, это было столкновение территориальных боярских группировок. Жертвами нападения были бояре, жившие в Неревском конце, где существовала Даньславля улица с церковью св. Димитрия на ней. Между тем эта церковь при ее раннем упоминании XII в. именуется «Ноздрычиной»: в 1195 г. после пожара, опустошившего Неревский конец, «срубиха церковь... святого Дмитрия Ноздрычину»¹²³. События 1134 г. возвращают к той же ситуации. Боярское гнездо, в которое входят Микула с сыновьями Петрилой и Костянтином, также находится в Неревском конце, проявляясь в именах адресатов, обнаруженных на Неревском раскопе берестяных грамот¹²⁴. Иванко Павлович, сменивший на посадничестве свергнутого неревлянина Петрилу Миккульича, был жителем Людина конца. Он и его отец Павел фигурируют в берестяных грамотах № 586, 633, 736, 745, найденных в разные годы на Троицком раскопе в напластованиях первой трети XII в.¹²⁵ Внутрибоярская борьба достигает наибольшей остроты в 1132 и 1136 гг.

Восстание 1132 г. было вызвано попыткой Всеволода нарушить ряд с новгородцами и утвердиться в Переяславле Русском, поближе к великокняжескому столу. Потерпев поражение от Юрия Долгорукого, Всеволод вернулся в Новгород, но новгородцы не пожелали принять его. «Бысть встань велика в людех, — сообщает летописец, — и приидоша плесковичи и ладожане Новугороду, и выгнаша князя Всеволода из города». Однако этот решительный акт не

¹²² НПЛ. С. 23, 208; ПСРЛ. Т. 4. С. 4; Т. 5. С. 157; Т. 7. С. 30.

¹²³ НПЛ. С. 42.

¹²⁴ См.: Буров В. А. О родословной новгородских бояр Мишиничей-Онцифоровичей (по материалам Неревского раскопа 1951—1962 гг.) // Древности славян и Руси. М., 1988. С. 119—125.

¹²⁵ Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977—1983 гг.). М., 1986. С. 47—48; *Они же*. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984—1989 гг.). С. 34—35; *Они же*. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990—1996 гг.). М., 2000. С. 35—36, 40—41.

был доведен до конца. Решение об изгнании князя послужило предметом ожесточенной борьбы на вече, закончившейся возвращением Всеволода на стол ¹²⁶.

М. Н. Тихомиров склонен был рассматривать конечный результат этих событий как победу новгородцев. «Результатом восстания, — пишет он, — было изгнание Всеволода из Новгорода и смена посадников. Посадник Мирослав был отослан посадничать в Псков, возможно, по соглашению с псковичами. Всеволод почти тотчас же после своего изгнания возвратился на новгородский стол, но волнения в Новгороде не утихли» ¹²⁷. Между тем летописец излагает события в несколько иной последовательности: «И паки, сдумавше, въспятиша и (Всеволода. — В. Я.) опять в Устьях»; а Мирославу «даша посадничать в Плескове, а Рагуилове в Ладозе» ¹²⁸. Все три названных в цитированном рассказе действия являются результатом второго вечевого обсуждения, благоприятного для Всеволода. В действительности никакой смены посадников в Новгороде в 1132 г. не происходит. На новгородском посадничестве находился сторонник Всеволода Петрила Микульчич, избранный еще в 1131 г. и оставшийся у власти до 1134 г. В этой связи особое значение приобретает вопрос о политической характеристике нового псковского посадника 1132 г. Мирослава Гюрятинича.

Исследователи по-разному оценивают деятельность Мирослава. Если Д. А. Введенский был склонен видеть в Мирославе лицо, находившееся в решительной оппозиции к Всеволоду ¹²⁹, то М. Н. Тихомиров решительно признает его деятелем, принадлежавшим к числу сторонников Всеволода. Однако эти противоположные взгляды слабо аргументированы. Д. А. Введенский исходил из самого факта избрания Мирослава на вече, т. е. обстоятельства, не имеющего отношения к политической характеристике посадника. М. Н. Тихомиров отождествляет Мирослава с биричем Мирошкой, упомянутым в «Уставе Всеволода», и вводит его, таким образом, в состав ближайшего окружения князя ¹³⁰.

Политическая характеристика Мирослава, на мой взгляд, должна исходить из того обстоятельства, что его возвышение в 1132 г. стало возможным в результате компромисса между крайними силами антикняжеской борьбы. И

¹²⁶ НПЛ. С. 207.

¹²⁷ Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские восстания на Руси. С. 189 и сл.

¹²⁸ НПЛ. С. 207. И. И. Григорович (Опыт. С. 70) ошибочно включает Рагуила в число посадников Новгорода.

¹²⁹ Введенский Д. А. К истории образования Новгородской республики // Учен. зап. Харьковского гос. университета. № 15. Труды Исторического факультета. № 1. Харьков, 1939.

¹³⁰ Ниже мы постараемся показать, что «Устав Всеволода» вообще не может быть привлечен в число источников рассматриваемой темы.

дальнейшая его политическая карьера определяется столкновением внутренних новгородских сил и компромиссом между ними. Мирослав Гюратинич избран вторично на новгородское посадничество в начале 1135 г. в весьма сложной обстановке. Только что закончился неудачный поход под Жданову Гору. Позднее новгородцы вспомнят этот поход, предъявляя обвинения Всеволоду. Однако на первых порах неудача похода, как это ни парадоксально, должна была несколько укрепить позиции князя. В самом деле, подготовка похода и сам поход происходили в обстановке нового усиления антикняжеской борьбы. Новгородцы лишили посадничества активного сторонника Всеволода — Петрилу Микульича — и избрали Иванку Павловича, «мужа храбра зело». Поражение при Ждановой Горе неизбежно должно было вести и к некоторому ослаблению основных группировок антикняжеской борьбы, к выдвигению на первый план идей компромисса между князем и городом. Одновременная гибель Петрилы Микульича и Иванки Павловича как бы символизирует то кратковременное политическое равновесие, которое установилось в начале 1135 г. Компромиссный характер посадничества Мирослава продемонстрирован и его действиями в 1135 г., когда он ходил мирить киевлян с черниговцами, «не успев ничто же» и так и не решившись присоединиться ни к одной из борющихся сторон¹³¹. Напомним, что колебания князя Всеволода в этой борьбе в дальнейшем были включены в предъявленные ему обвинительные пункты.

Борьба внутри новгородского общества отражена и событиями 1136 г. 28 мая 1136 г., после того как новгородцы снова призвали псковичей и ладожан, Всеволод был схвачен вместе с детьми и тещей и посажен под стражу на владычном дворе, где его стерегли в течение месяца «30 муж с оружием». Князю было предъявлено четыре обвинения: «неблюдение смердов», нарушение клятвы пожизненно княжить в Новгороде, совершенное им в 1132 г. («чему еси хотел сести в Переяславли»), трусость и плохое руководство войском в 1134—1135 гг. («ехал еси с полку преде всех») и поддержка им великого князя в 1135—1136 гг. («велел ны ко Всеволодку приступити, а паки отступити велит»)¹³². Всеволод был изгнан из Новгорода 15 июля, а уже 19 июля на новгородский стол пришел приглашенный брат черниговского князя — главного противника киевского князя — Святослав Ольгович. В течение четырех дней до прихода Святослава на новгородском столе сидел младенец, сын изгнанного Всеволода — Владимир. Эти четыре дня свидетельствуют все о том же отсутствии единодушия в среде новгородского боярства, часть которого продолжает поддерживать изгнанного князя уже в лице его наследника.

¹³¹ НПЛ. С. 23, 208.

¹³² Там же. С. 24, 209.

Летопись прямо сообщает о существовании такой провсеговолодовской группировки, к которой принадлежал и избранный после смерти Мирослава Гюрятинича в начале 1136 г. посадник Костянтин Микульчич. Удержавшись на посадничестве во время восстания, Костянтин уже 7 марта 1137 г. перебежал к Всеволоду, а на его место был избран Якун Мирославич¹³³. Внутренняя борьба в Новгороде не затихает вплоть до смерти Всеволода Мстиславича 11 февраля 1138 г. В начале 1137 г. «милостынице Всеволожи» покушаются на жизнь нового князя Святослава. Особой остроты эта борьба достигает в 1137 г., когда Всеволод Мстиславич появился в Пскове и вновь предъявил претензии на новгородский стол. В Новгороде снова «мятеж бысть велик», отдельные бояре из числа приверженцев изгнанного князя потянулись в Псков, были разграблены дома Костянтина, Нежаты «и еще же ищуще то, кто Всеволоду приятель бояр, ть имаша на них не с полуторы тысяче гривен, и даша купцем крутитися на воину»¹³⁴.

События времени княжения Всеволода Мстиславича демонстрируют наличие трех тенденций во взаимоотношениях новгородского боярства и князя: борьбы за ликвидацию остатков великокняжеского суверенитета и торжество принципа «вольности в князьях», позволяющей поставить княжеское управление под контроль боярских республиканских органов, борьбы за поддержание существующей системы взаимоотношений и, наконец, укрепления боярских позиций путем поддержки князя и в обмен на эту поддержку.

Непростая система взаимоотношений с князем усугубляется внутрибоярским соперничеством, которое демонстрируют события 1118 и 1134 гг. Противоречивость боярской позиции особенно подчеркивается тем обстоятельством, что в момент наивысших успехов антикняжеского движения в 1132 и 1136 гг. посадничество как орган боярской власти оказывается в конечном счете на стороне Всеволода Мстиславича.

Подводя итоги тем результатам, к которым привели события княжения Всеволода, мы на первом месте должны назвать торжество принципа «вольности в князьях». В 1136 г. новгородцы впервые получили князя не из Киева, а по своей инициативе пригласив противника Мономаховичей. Однако нельзя говорить, что этот принцип родился только в ходе восстания. Он сложился за много лет до 1136 г. и уже с конца XI в. существовал в несколько иной форме — в виде требования новгородцев постоянно удерживать князя на своем столе. Этот принцип был оформлен договором 1117 г., осуществлен в 1125 и 1132 гг., но окончательно восторжествовал в 1136 г.

¹³³ НПЛ. С. 24, 209. И. И. Григорович (Опыт. С. 81), ссылаясь на Татищева, говорит об уходе из Новгорода в 1137 г. «посадника Федора Дашкова», но сам признает это сообщение ошибочным.

¹³⁴ НПЛ. С. 24—25, 210.

Восстание 1136 г. вовсе не порождает тех норм республиканской жизни, возникновение которых обычно связывалось с ним. Их сложение начинается в более раннее время. Посадничество нового типа, этот главный орган боярской власти, впервые возникает еще в конце XI в. и, по-видимому, с самого начала является выборным. Что касается выборности князей, вопрос о принадлежности новгородского стола решался на вече еще в 1125 и 1132 гг. Наконец, невозможно говорить и о том, что выборность прочих новгородских властей была непосредственным порождением восстания 1136 г. Первые выборы епископа относятся к 1156 г., когда владыкой избрали Аркадия. Первым республиканским тысяцким был Миронег — деятель конца XII в. Это весьма отдаленные результаты событий бурного княжения Всеволода Мстиславича.

В то же время восстание 1136 г. является главным и итоговым результатом длительной борьбы, наполнявшей политическую жизнь Новгорода на протяжении всего княжения Мстислава и всего княжения Всеволода, а не стремительной вспышкой внезапно пробудившегося политического самосознания новгородцев. Начало формирования органов республиканского управления Новгорода датируется временем княжения Мстислава Владимировича, а окончательное их сложение происходит долгое время спустя после восстания 1136 г.

Однако в развитии новгородской государственности, и в частности в развитии посадничества, княжение Всеволода и восстание 1136 г. занимает особое место, которое может быть определено более подробным изучением сфрагистических памятников эпохи.

ПЕЧАТИ НОВГОРОДСКИХ ПОСАДНИКОВ ВРЕМЕНИ ВСЕВОЛОДА МСТИСЛАВИЧА

Называя новые формы новгородского посадничества ограничением княжеской власти, мы вовсе не касались вопроса о сущности этого ограничения. Любое ограничение власти есть в то же время и ее разграничение, если только функции власти не дублируются, когда возникает двоевластие. С чем же мы имеем дело в Новгороде времени Мстислава и Всеволода? Было ли посадничество государственным органом, осуществлявшим функции частичной власти, изъятой из компетенции князя? Или это был орган боярского контроля над деятельностью князя, вторгавшийся во все княжеские мероприятия? Или же, наконец, это был орган, существующий рядом с княжеской властью и осуществлявший те же самые функции? Вполне очевидно, что речь идет о распределении юрисдикции между князем и посадником в это раннее время.

Существует возможность исследовать эту проблему с помощью материалов сфрагистики. Действительно, любое важное государственное решение немыс-

лимо без надлежащим образом оформленного документа. Если такие документы не сохранились в архивах, то земля уберегла их следы в виде многочисленных вислых печатей, которые в своей совокупности отражают всю историю развития средневековых государственных учреждений Новгорода.

Таким образом, первостепенную важность приобретает вопрос о времени возникновения посадничьей печати и ее месте среди других новгородских булл. Мы не придаем в этой связи существенного значения печатям с именем Евстафия, который выше был отождествлен с первым посадником нового типа — Завидом. Печати Евстафия хронологически изолированы от всех позднейших посадничьих булл, и самое их существование, нужно думать, было вызвано сосредоточением в руках Завида всех государственных функций в период малолетства князя Мстислава Владимировича. Отсутствие аналогичных печатей с именами более поздних посадников времени Мстислава — Саввы, Георгия (Гюраты), Николая — говорит о том, что постоянный институт посадничьей печати во времена Мстислава Владимировича еще не сложился.

К решению вопроса о времени появления таких печатей могут быть привлечены многочисленные найденные в Новгороде печати с русской надписью «Господи, помози рабу своему...». Печати этого типа анализировались в труде Н. П. Лихачева и в моих ранних статьях¹³⁵, где признавалась их княжеская принадлежность. Накопление новых материалов позволяет теперь признать, что этот вывод не только не аргументирован в должной степени, но и противоречив.

Признание княжеской принадлежности всех подобных печатей заставляет датировать их только в пределах чрезвычайно длительного периода. Если одни печати с такой формулой датируются началом XII в., то другие приходится относить к первой четверти XIII в., чему противоречит исключительная компактность этой сфрагистической группы. Близкое родство основных признаков этого типа, техническое и стилистическое сходство заставляют настаивать на том, что все такие печати относятся к одному периоду, ограниченному весьма узкими хронологическими рамками. Признавая их исключительно княжескую принадлежность, мы остановимся перед целой серией недоуменных вопросов.

Во-первых, хорошо известно, что княжеская сфрагистика XII—XIII вв. обильно представлена буллами совершенно иного типа, обозначающего христианские имя и отчество князя патрональными изображениями его самого и его отца, самые ранние примеры такого оформления мы уже видели в печатях Всеволода Мстиславича и Иоанна-Ивора Всеволодовича. В конце концов это про-

---

¹³⁵ Лихачев Н. П. Указ. соч., раздел «Печати с формулой „Господи, помози“». С. 103—134; Янин В. Л. Печати из новгородских раскопок 1951 г. // Советская археология. 1953. Вып. 18. С. 376—379; Он же. Вислые печати из новгородских раскопок 1951—1954 гг. // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1956. № 55. С. 153 и сл.

тиворечие в какой-то степени могло бы быть устранено предположением об особом функциональном назначении печатей с формулой «Господи, помози». Однако такое предположение ставит перед исследователем второй недоуменный вопрос. Нам хорошо известны христианские имена некоторых князей, подолгу правивших в Новгороде. Назовем Всеволода-Гавриила Мстиславича (1117—1136 гг.), Святослава-Николая Ольговича (1136—1138, 1139—1140 гг.), Юрия-Георгия Андреевича (1172—1175 гг.). Тем не менее не существует печатей с благопожелательной формулой и именами Гавриил, Николай, Георгий. Имеющиеся на печатях имена в редких случаях могут быть сопоставлены с возможными христианскими именами некоторых князей, правления которых значительно отстоят одно от другого. Большинство же печатей так и остается загадкой, заставляющей предполагать какое угодно решение.

Между тем признание печатей с надписью «Господи, помози» типом, существовавшим непродолжительное время, позволяет дать им атрибуцию, лишенную противоречий. Прежде всего следует отметить, что предполагавшаяся ранее их княжеская принадлежность основывалась лишь на сравнении русской благопожелательной формулы с греческой благопожелательной формулой печатей XI в. Считалось, что, поскольку печати XII в. с русской надписью «Господи, помози» прямо продолжают линию развития булл XI в. с греческой надписью «ΚΥΡΙΕ ΒΟΗΘΕΙ», зафиксированной на различных княжеских печатях, они и в своем русском варианте должны обязательно связываться с княжеской сфрагистикой. Однако благопожелательная формула в XI в. присуща не только княжеским печатям, но и целому ряду владычных булл. Как мы уже видели, она имеется и на печатях «протопроедра Евстафия».

С другой стороны, само понятие типа в русской сфрагистике вислых печатей в позднейшее время, несомненно, связано с принадлежностью булл. Знакомство с наиболее разработанными разделами русской сфрагистики второй половины XII — XIII вв. и более позднего времени позволило утверждать, что сосуществование печатей разных должностных лиц предполагает обязательные различия в оформлении их типа. Печати князей оформлены иначе, чем печати митрополитов и епископов, посадников или тысяцких. Этой особенности еще не знала сфрагистика XI в. Следовательно, правильность общего истолкования печатей с надписью «Господи, помози» во многом зависит от их хронологического определения. Они могут относиться к тому периоду, когда тип уже стал признаком принадлежности к институту государственной власти; в этом случае вся группа однотипных печатей должна быть единой по своей принадлежности. Но они могут относиться и к более раннему периоду и принадлежать разным институтам.

Таким образом, атрибуция этих печатей не может быть построена на отвлеченных представлениях. Она должна основываться на четком решении хроно-

логической проблемы. В этом отношении наиболее существенным обстоятельством является несомненная преемственность печатей с надписью «Господи, помози» от печатей с надписью «KVPIE BOHΘEI», которая прослеживается не только в смысловом тождестве их легенд, но и в приемах оформления печатей (в частности, на буллах с русской надписью преобладают поясные изображения святых, что характерно для русской сфрагистики XI — первой трети XII в.).

Греко-русский тип буллы, сохраняющийся во владычной сфрагистике на протяжении всего XII в., в светской сфрагистике отмирает на рубеже XI—XII вв. Последние княжеские печати, несущие на себе греческую благопожелательную надпись, датируются временем Всеволода Ярославича (1078—1093 гг.), Святополка Изяславича (новгородское княжение, 1078—1088 гг.), Давыда Игоревича (1081—1112 гг.), Владимира Мономаха (докиевский период его княжения, до 1113 г.), Ярослава Святославича (1097—1129 гг.)¹³⁶. В киевско-новгородской сфрагистике этот тип с вокняжением Святополка Изяславича (1093—1113 гг.) сменяется типом печатей с надписью «Дьнѣслово», который, однако, прекращает свое существование в 1113 г., не оказав никакого влияния на русскую сфрагистику за пределами киевской отчины¹³⁷. Эти ранние типы уже не употребляются во времена великого княжения Владимира Всеволодовича Мономаха (1113—1125 гг.). Выясняя состав русской сфрагистики времени этого княжения, мы должны учитывать, что в ранний период своей деятельности Мономах употреблял буллы с греческой благопожелательной надписью и что еще в начале XII в. тип печати не определял ее принадлежности к определенному институту государственной власти: печати «Дьнѣслово» принадлежали и князьям, и митрополитам, и епископам.

В этой связи весьма важно то обстоятельство, что некоторым из наследующих греко-русскому типу печатям с надписью «Господи, помози» свойствен чрезвычайно широкий ареал распространения, тогда как другие местом своей находки связываются исключительно с Новгородом.

Наиболее многочисленна и территориально распространена группа печатей с надписью «Господи, помози рабу своему Василию» и поясным изображением св. Василия Кесарийского на обороте. Из 46 зафиксированных к настоящему времени таких печатей 17 найдены в Киеве и его окрестностях, 13 в других областях Украины, 12 в Новгороде, по одной — в Смоленске, в Брянской обл., в Ростове Ярославском и на Белоозере¹³⁸. Для определения принадлежности этой группы чрезвычай-

¹³⁶ Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси. Т. 1. С. 168—173; Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Актовые печати Древней Руси. Т. 3. С. 114—117.

¹³⁷ Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси. Т. 1. С. 75—86.

¹³⁸ Там же. С. 187—189, 234; Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Актовые печати Древней Руси. Т. 3. С. 125—126; Они же. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 1997 г. С. 340; Они же. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 1998—

но важна киевская находка 1909 г., на которой имеется более распространенная легенда «Господи, помози рабу своему Василию, князю русскому»¹³⁹. Эта легенда так же, как и исключительная распространенность данного типа, позволяет отнести его великому князю Владимиру-Василию Всеволодовичу Мономаху.

Определение печатей Василия способствует правильному пониманию еще нескольких групп булл с надписью «Господи, помози». В сфрагистике новгородского князя Мстислава-Феодора Владимировича до 1113 г. бытовала печать с изображением св. Феодора и надписью «Дьнѣслово», употребление которой отражает существование киевского суверенитета над Новгородом при Святополке Изяславиче. Однако смена типа великокняжеской печати с вокняжением в Киеве Владимира Мономаха не остается без последствий и в Новгороде. С последним периодом новгородского княжения Мстислава и его дальнейшей деятельностью на южных столах возможно связывать буллы, несущие изображение св. Феодора и надписью «Господи, помози рабу своему Феодору» или «Спаси, Господи, раба своего Феодора», известные к настоящему времени в 10 экземплярах, пять из которых найдены в Новгороде, две в Киеве и Киевской обл., по одной в Смоленске, Витебске и в Московской обл.¹⁴⁰

С княжеской сфрагистикой связываются и печати с изображением св. Кирилла и надписью «Господи, помози рабу своему Кириллу», известные в пяти экземплярах, четыре из которых найдены в Киевской обл., а одна в Новгороде¹⁴¹. Кириллом в крещении звали Всеволода Ольговича, княжившего в Чернигове в 1126—1139 гг. и в Киеве в 1139—1146 гг. На 10 буллах изображению св. Иоанна Предтечи сопутствует надпись «Господи, помози рабу своему Ивану». Четыре таких печати найдены на Украине, две в Новгороде, четыре на Белоозере¹⁴². По прав-

---

1999 г. С. 288—289; *Они же*. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 2000 г. С. 183—184; *Они же*. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 2001 г. С. 159—160; четыре печати, найденных в 2002 г., пока не изданы.

¹³⁹ Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси. Т. 1. С. 187, № 97.

¹⁴⁰ Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси. Т. 1. С. 190, № 117—121; Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Актовые печати Древней Руси. Т. 3. С. 126, № 118, 121; *Они же*. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 1997 г. С. 343, № 118; *Они же*. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 2001 г. С. 160, № 117-2.

¹⁴¹ Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси. Т. 1. С. 189, № 114, 115; Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Актовые печати Древней Руси. Т. 3. С. 126, № 114а; *Они же*. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 1997 г. С. 343, № 114, 114а.

¹⁴² Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси. Т. 1. С. 189, № 110; Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Актовые печати Древней Руси. Т. 3. С. 126—127, № 121а, 121б, 121в, 121г; *Они же*. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 1997 г. С. 343, № 121г; *Они же*. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 1998—1999 гг. С. 289, № 121б; *Они же*. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 2000 г. С. 184, № 121в.

доподобному предположению А. А. Купраниса, эти буллы принадлежат князю Ярополку Владимировичу, крестильное имя которого источники не сохранили. Ярополк княжил в Переяславле в 1114—1132 гг. и в Киеве в 1132—1139 гг.

Сложной является атрибуция уникамов рассматриваемого типа. В Новгороде была найдена печать с изображением св. Давида; вероятно ее принадлежность князю Давыду Святославичу (уп. с 1104 г., ум. в 1123 г.). Из киевских находок происходят буллы, на одной из которых изображен св. Димитрий, а на другой — архангел Михаил (еще одна печать с таким изображением найдена в Новгороде). На Белоозере обнаружена булла с изображением св. Дамиана. В Курской обл. найдена печать с поясным изображением св. Николая Мирликийского и надпись «Господи, помози рабу своему Святославу», которая, несомненно, принадлежала черниговскому князю Святославу Ольговичу. Не касаемся здесь булл с женскими именами, которые могут быть только печатями княгинь¹⁴³.

Приведенными материалами исчерпывается тот комплекс булл, который может быть связан с княжеской сфрагистикой. В Новгороде преемниками Мстислава-Феодора Владимировича были Всеволод-Гавриил Мстиславич и затем Святослав-Николай Ольгович. Среди булл с надписью «Господи, помози» нет печатей с именем Гавриил, а с именем Николая имеется единственная булла, естественно связываемая с доновгородским периодом деятельности Святослава Ольговича. Всеволоду, как показано выше, принадлежали многочисленные печати с изображением Благовещения и св. Феодора, а новгородскому княжеству Святослава-Николая Ольговича-Михайловича соответствуют печати с изображением св. Николая и архангела Михаила. Сходная картина наблюдается и в княжеской сфрагистике Киева, где преемником Всеволода-Кирилла Ольговича был Изяслав-Пантелеймон Мстиславич-Феодорович (1146—1154 гг.); печатей с надписью «Господи, помози рабу своему Пантелеймону» не существует, но хорошо известны буллы с изображением святых Пантелеймона и Феодора.

Рассмотрим теперь группу печатей с надписью «Господи, помози», не укладывающихся в рамки княжеской принадлежности (рис. 3).

1. Печати с изображением св. Димитрия

Л. с. Поясное изображение св. Димитрия.

По сторонам колончатая надпись:

Вокруг точечный ободок.

¹⁴³ Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси. Т. 1. С. 189—191, 234, № 113, 116, 121а, 123; Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Актовые печати Древней Руси. Т. 3. С. 127, № 121д, 121е, 121ж, 121з; Они же. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 1997 г. С. 343, № 113а; Они же. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 1998—1999 гг. С. 289—290, № 113б, 121и.

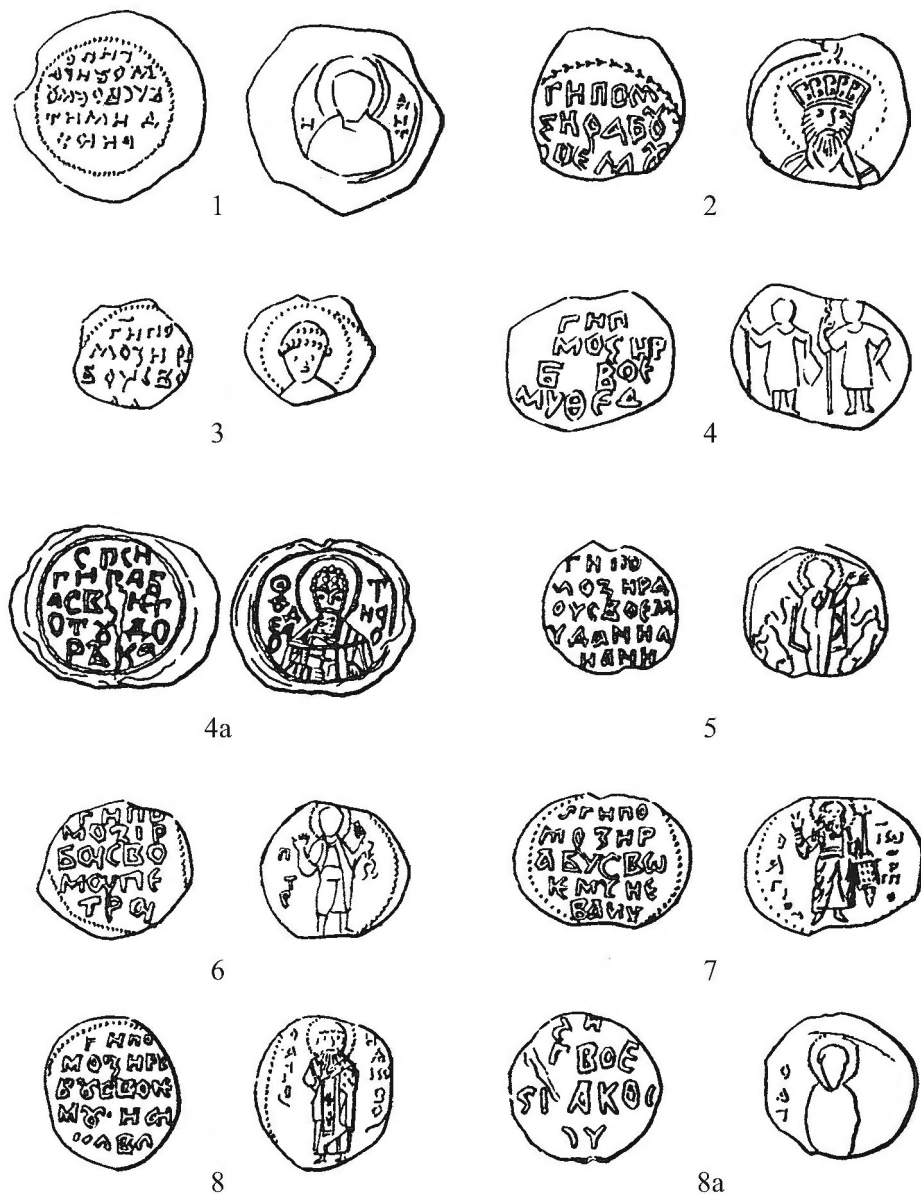

Рис. 3. Печати новгородских посадников 1117—1136 гг.

О. с. Зеркальная надпись в пять строк:

Вокруг точечный ободок.

ол нт
а ч н з о м
о м з о б н з
т н м н а
о ч н а

4 экземпляра

1. Д. — 22 мм. М. н. — Смоленск, до 1894 г., западная часть города развалины церкви Козмы и Дамиана. Хр. — Смоленский музей, № 895. Изд. — АПДР. Т. 1. С. 191, № 124-1.

2. Д. — 26 мм. М. н. — Новгород, 1926 г., «Веселая горка» в конце Дмитриевской ул. Хр. — не разыскана. Изд. — АПДР. Т. 1. С. 191, № 124-2. Оттиснута поверх буллы Владимира Мономаха (АПДР. Т. 1, № 101-3).

3. Д. — 22—24 мм. М. н. — г. Новгород Северский Черниговской обл., 1960 г. Хр. — Черниговский музей. Изд. — АПДР. Т. 3. С. 127, № 124-3.

4. Д. — 23—25 мм. М. н. — Новгород, Городище, раскопки 2001 г. Хр. — НЭ. Изд. — ННЗ. Вып. 16. С. 160, № 124-4.

2. Печати с изображением св. Константина

Л. с. Погрудное изображение св. Константина в короне, без нимба. Вокруг ободок.

О. с. Надпись в четыре или пять строк:

Вокруг точечный ободок.

г н п о м
з н р а б о
з о с м о

4 экземпляра

1. Д. — 22 мм. М. н. — Новгород, Городище, 1950 г. Хр. — Новгородский музей, № 4087. Изд. — АПДР. Т. 1. С. 191, № 125-1.

2. Д. — 18 мм (обл.). М. н. — Новгород, Городище, 1966 г. Хр. — Новгородский музей, № 17732-24. Изд. — АПДР. Т. 1. С. 191, № 125-2.

3. Д. — 18—23 мм. М. н. — Черниговская обл., 1979 г. Хр. — неизвестно. Изд. — АПДР. Т. 3. С. 127, № 125-3.

4. Д. — 20—24 мм. М. н. — Новгород, Городище, 2001 г. Хр. — частная коллекция (Москва). Изд. — ННЗ. Вып. 16. С. 161, № 125-4.

3. Печать с изображением св. Бориса

Л. с. Погрудное изображение св. Бориса в княжеской шапке.

Вокруг точечный ободок.

О. с. Надпись в пять строк:

Вокруг точечный ободок.

г н п о
м о з н р
б о р и с

2 экземпляра

1. Д. — 16—18 мм. М. н. — Новгород, Городище, 1958 г. Хр. — Новгородский музей, № 12411. Изд. — АПДР. Т. 1. С. 191, № 126.

2. Д. — 20 мм. М. н. — Гочево (Курганская обл.), 2002 г. Хр. — частная коллекция. Не издана.

4. Печать с изображением св. св. Феодора и Димитрия

Л. с. Изображение двух святых воинов в полный рост; правый с копьем и щитом, левый с мечом. Между фигурами и по сторонам колончатые надписи.

Вокруг ободок.

О. с. Надпись в пять строк:

Вокруг ободок.

ГНН
МОГНР
Б ВОС
ИУОСА

3 экземпляра

1. *Д.* — 19—25 мм. *М. н.* — Новгород, до 1917 г. *Хр.* — Отдел нумизматики Эрмитажа, № 64. *Изд.* — АПДР. Т. 1. С. 191, № 127.

2. *Д.* — 22—25 мм. *М. н.* — Новгород, Городище, 1977 г. *Хр.* — Новгородский музей, № 33657-2. *Изд.* — АПДР. Т. 3. С. 127, № 127-2.

3. *Д.* — 21—23 мм. *М. н.* — Белоозеро, 2000—2002 гг. *Хр.* — частная коллекция (Вологда).

Л. с. Поясное изображение св. Феодора Тирона.

По сторонам:

О
СА
СТ

Т
Н
О

Вокруг точечный ободок.

О. с. Надпись в пять строк:

Вокруг точечный ободок.

С РСН
ГН ПАБ
АСВ. КТ
ОТ Х ДО
РХ КА

2 экземпляра

1. *Д.* — 22 мм. *М. н.* — Новгород, до 1906 г. *Хр.* — Отдел нумизматики Эрмитажа, № 62. *Изд.* — АПДР. Т. 1. С. 191, № 122.

2. *Д.* — 22—26 мм. *М. н.* — Новгород, Городище, 1983 г. *Хр.* — Новгородский музей, № 33656-14. *Изд.* — АПДР. Т. 3. С. 127—128, № 127a-2.

5. Печать с изображением св. Даниила

Л. с. Изображение св. Даниила во рву львином; пророк во весь рост, львы по сторонам его.

О. с. Надпись в пять строк:

ГННО
И ОЗНРА
ОУСКОЕМ
УДАНИИ
НАНН

Д. — 17—20 мм. *М. н.* — Новгород, Городище, 1928 г. *Хр.* — Отдел нумизматики Эрмитажа, № 65. *Изд.* — АПДР. Т. 1. С. 191—192, № 128.

6. Печати с изображением апостола Петра

Л. с. Изображение апостола Петра в полный рост; правая рука в благословляющем жесте, в левой ключи.

По сторонам:

п а

Вокруг ободок.

т

О. с. Надпись в пять строк:

гнпг
мозир
буксво
мупе
трф

Вокруг ободок.

4 экземпляра

1. *Д.* — 18—20 мм. *М. н.* — Старая Ладога, 1912 г. *Хр.* — Отдел нумизматики Эрмитажа, № 65. *Изд.* — АПДР. Т. 1. С. 192, № 129-1.

2. *Д.* — 21 мм. *М. н.* — Новгород, Городище, 1964 г. *Хр.* — не разыскана. *Изд.* — АПДР. Т. 1. С. 192, № 129-2.

3. Обломок. *М. н.* — Новгород, Городище, 1968 г. *Хр.* — Новгородский музей, № 25290-58. *Изд.* — АПДР. Т. 1. С. 234, № 129-3.

4. *Д.* — 20 мм (обл.). *М. н.* — Новгород, Городище, 1998 г. *Хр.* — частная коллекция (Новгород). *Изд.* — ННЗ. Вып. 14. С. 290, № 129-4.

7. Печать с изображением св. Иоанна Предтечи

Л. с. Изображение св. Иоанна Предтечи в полный рост; правая рука в благословляющем жесте, в левой свиток и крест.

По сторонам:

и
з
в
е
с
т
о

О. с. Надпись в пять строк:

гнпг
мозир
буксво
мупе
трф

Вокруг точечный ободок.

2 экземпляра

1. *Д.* — 20—25 мм. *М. н.* — Новгород, 1951 г., раскопки на Неревском конце, пл. 22, кв. 12, ярус 17. *Хр.* — Отдел нумизматики ГИМ, № 24. *Изд.* — АПДР. Т. 1. С. 192, № 130.

2. *Д.* — 23—26 мм. *М. н.* — Передольский погост (Новгородская обл.), конец 1990-х гг. *Хр.* — частная коллекция (СПб.). *Изд.* — Алексашин С. С., Белецкий С. В. Сфрагические памятники Передольского погоста // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб., 2002. С. 204—207.

8. Печати с изображением св. Иакова

Л. с. Изображение св. Иакова в

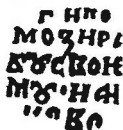
полный рост

в святительских ризах. По сторонам:

Вокруг точечный ободок.

О. с. Надпись в пять строк:

Вокруг точечный ободок.

8 экземпляров

1. *Д.* — 17—18 мм. *М. н.* — Новгород, 1915 г. *Хр.* — Отдел нумизматики Эрмитажа, № 67. *Изд.* — АПДР. Т. 1. С. 192, № 131-1.

2. *Д.* — 19—21 мм. *М. н.* — Новгород, Городище, 1922 г. *Хр.* — Новгородский музей, № 4086. *Изд.* — АПДР. Т. 1. С. 192, № 131-2.

3. *Д.* — 18 мм. *М. н.* — Новгород, Городище, 1970 г. *Хр.* — Новгородский музей, № 33656-16. *Изд.* — АПДР. Т. 3. С. 128, № 131-3.

4. *Д.* — 16 мм (обл.). *М. н.* — г. Городец Нижегородской обл., начало 1980-х гг. *Хр.* — частная коллекция. *Изд.* — АПДР. Т. 3. С. 128, № 131-4.

5. *Д.* — 16—18 мм. *М. н.* — Новгород, Городище, 1994 г. *Хр.* — частная коллекция (СПб). *Изд.* — АПДР. Т. 3. С. 128, № 131-5.

6. *Д.* — 16—19 мм. *М. н.* — с. Старая Рязань Спасского р-на Рязанской обл., 1995 г, раскопки на валу. *Хр.* — Рязанский музей. *Изд.* — АПДР. Т. 3. С. 128, № 131-6.

7. *Д.* — 20 мм. *М. н.* — Белоозеро, 1997 г. *Хр.* — Институт археологии РАН. *Изд.* — ННЗ. Вып. 12. С. 3 44, № 131-7.

8. *Д.* — 21—24 мм. *М. н.* — Владимирская обл., Муромский р-н, селище у д. Совково, 2000 г. *Хр.* — частная коллекция (Москва). *Изд.* — ННЗ. Вып. 15. С. 184, № 131-8.

Л. с. Изображение св. Иакова в полный рост.

По сторонам:

О. с. Надпись в пять строк:

2 экземпляра

1. *Д.* — 20 мм. *М. н.* — Новгород, Городище, 1966 г. *Хр.* — Новгородский музей, № 17732-23. *Изд.* — АПДР. Т. 1. С. 192, № 132.

2. *Д.* — 18—19 мм. *М. н.* — г. Городец Нижегородской обл., 1970 г. *Хр.* — не сохранилась. *Изд.* — АПДР. Т. 3. С. 128, № 132-2.

Таким образом, перед нами целая группа из 32 булл с именами Дмитрия, Константина, Бориса, Федора, Даниила, Петра, Ивана, Якова, княжеская принадлежность которых не подтверждается. О них мы уже знаем несколько весьма важных вещей. Во-первых, все эти буллы местом находки связываются с Новгородом. Во-вторых, дата рассматриваемых памятников не выходит за пределы первой половины XII в., так как все существующие аналогии датируются первой третью XII в. В-третьих, они должны принадлежать представителям высшей государственной администрации, поскольку и в XII в. число возможных владельцев булл резко ограничено.

Последовательно используя эти наблюдения, мы неизбежно придем к предположению о посаднической принадлежности тех печатей с русской благопожелательной формулой, которые не умещаются в рамках княжеской сфрагистики. Попытаемся проверить этот вывод, сопоставляя имена на печатях с именами новгородских посадников времени Всеволода Мстиславича.

Посадники

Печати

—1117 Добрыня
1117—1118 Дмитр Завидич
1118—1119 Костянтин Моисеевич
1120—1125 Борис
1126—1128 Мирослав Гюрятинич
1128 Завид Дмитрович
1129— Данила
1131—1134 Петрила Микульчич
1134—1135 Иванко Павлович
1135—1136 Мирослав Гюрятинич
1136—1137 Костянтин Микульчич

Димитрий (1)
Константин (2)
Борис (3)

Даниил (5)
Петр (6)
Иоанн (7)

Иаков (8)
Феодор (с Димитрием) (4)

Мы видим, что загадочные имена этой группы печатей находят соответствие в именах посадников времени Всеволода. В правой колонке нашей таблички разместились все загадочные печати, за исключением булл с именами Иакова и Феодора (в сочетании с Димитрием). С другой стороны, в левой колонке имеются посадники, для которых в печатях и не могло найтись соответствия, поскольку эти посадники известны нам не под христианскими, а под мирскими именами. Каждый из них мог называться Яковом или Федором. Мы можем в предположительной форме приписать им определенные разновидности печатей, определив тем самым их христианские имена. Печать с надписью, призывающей благословение на имя Феодора, несет изображение двух святых — Феодора и Димитрия. Это редчайший в русской сфрагистике случай, когда на-

званные святыне совмещены на одной стороне буллы. То, что один из этих святыне оказался Феодором, указывает на патрональный характер всего изображения и позволяет заключить, что владельца печати звали Феодором Димитриевичем. Между тем отчество Димитрович носил посадник Завид, которому мы и относим эту печать.

Печати с именем и изображением Иакова, представленные большим числом экземпляров (их 10) и двумя вариантами матриц, надежнее всего связать с именем Мирослава Гюрятинича, который не только дважды был новгородским посадником, но, как мы уже знаем, посадничал и в Пскове. То, что посадники новгородских пригородов в рассматриваемое время пользовались печатями с русской благожелательной формулой, очевидно: в 1978 г. в Новгороде на Городище была найдена булла с поясным изображением апостола Павла на одной стороне и пятистрочной надписью «Господи, помози рабу своему Павлу» на другой¹⁴⁴. Ладожский посадник Павел упомянут в Новгородской Первой летописи под 1116 г.

Пользуюсь случаем внести поправку в предложенную ранее атрибуцию. В свое время найденный еще в 1906 г. в Новгороде обломок печати с русской благожелательной надписью и изображением архангела Михаила в полный рост был предположительно отнесен посаднику 1117 г. Добрыне¹⁴⁵. Находка в 1997 г. в Киевской обл. однотипной печати¹⁴⁶ позволила с большим основанием связать эту буллу с княжеской сфрагистикой и переатрибуировать ее смоленскому князю Ростиславу Мстиславичу.

Так, на мой взгляд, решается вопрос о принадлежности печатей с формулой «Господи, помози». Посадничья печать в Новгороде возникает как устойчивый сфрагистический тип в самом начале княжения Всеволода Мстиславича, т. е. непосредственно после заключения им ряда с новгородцами в 1117 г. Возникновение посадничьей печати в это время указывает на существенное преобразование посадничества и подтверждает нашу мысль о том, что в договоре 1117 г. действительно имелись особые условия, касающиеся взаимоотношений княжеской власти и посадничества. В самом деле, до 1117 г. посадничеству нового типа еще не принадлежит право утверждения документов. Ранняя печать Евстафия-Завида имела временный характер и сама необходимость в ней определялась обстоятельствами, имевшими временный характер. Однако печать Евстафия-Завида сообщает немаловажные сведения относительно схемы взаимоотношения посадника и князя при Мстиславе Владимировиче. Евстафий-

¹⁴⁴ Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Актовые печати Древней Руси. Т. 3. С. 128, № 132а.

¹⁴⁵ Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси. Т. 1. С. 191, № 123.

¹⁴⁶ Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 1997 г. С. 343, № 113а.

Завид, представляя перед князем интересы Новгорода, титуловался протопроедром, советником князя Мстислава, что позволяет говорить о посадничестве рубежа XI—XII вв. как о совещательном органе. Напротив, все печати посадников времени Всеволода не содержат каких-либо признаков подчиненности посадничества княжескому управлению. Тип посадничьей печати резко отличается от типа современной ей новгородской княжеской буллы. Само по себе возникновение постоянного института посадничьей печати говорит об отвоевании боярским органом заметной части государственной юрисдикции, безраздельно сосредоточенной до тех пор в руках княжеского управления.

Осмысливая тип посадничьей печати, еще раз обратим внимание на странность в оформлении уникальной буллы «князя Ивора». Бросается в глаза ее «гибридность». Подобно печати Евстафия-Завида, она отражает подчиненность Ивора Всеволоду Мстиславичу, поскольку на ней изображен патрональный сюжет Всеволода — Благовещение. Вместе с тем она оформлена по уже сложившемуся типу посадничьей печати, противостоящей также уже сложившемуся типу новгородской княжеской печати. Не свидетельствуют ли эти странности о перерыве в посадничестве. Очевидно, что в 1125 г. киевлянин Борис уже не был посадником, но заметное изобилие булл Ивора-Иоанна княжеского типа демонстрирует интенсивность их употребления в 1125 — начале 1127 гг. Может быть, в это время выдача документов от имени князя-младенца осуществлялась некой боярской коллегией, выполнявшей посадничьи функции?

Рассмотренный тип посадничьей печати существует на протяжении всего княжения Всеволода Мстиславича, весьма интересны некоторые цифры. Выше мы насчитали 29 посадничьих булл 1117—1136 гг. Практически боярскую, а не княжескую юрисдикцию отражают еще 29 булл Ивора-Иоанна Всеволодовича княжеского типа и его же булла посадничьего типа. В сумме это составляет 59 печатей. Им противостоит 77 известных к настоящему времени булл Всеволода Мстиславича, что свидетельствует о сравнительно значительной интенсивности посадничества в осуществлении им государственной юрисдикции. Однако с изгнанием Всеволода в 1136 г. прекращает существование и описанный сфрагистический тип, причем на смену ему не приходит практически какого-либо нового типа посадничьей печати. Если в 1117—1136 гг. княжеская печать в Новгороде сосуществует с посадничьей, то длительный последующий период является временем безраздельного господства в новгородской сфрагистике княжеской печати. С другой стороны, именно с этого времени княжеская печать деградирует на территории остальных русских областей, и расцвет княжеской сфрагистики в XII в. предстает чисто новгородским явлением. В руках новгородского князя сосредоточивается полнота исполнительной власти. Поскольку основой государственной деятельности теперь признается вечевое решение, посадничество превратилось в средство

контроля за княжеской деятельностью, а печать перестала быть регалией авторитарной власти. Добавим к этому, что исчезновение посадничьей печати после 1136 г. свидетельствует о новом существенном разграничении юрисдикции между посадником и князем, которое в формуляре позднейших докончаний четко сформулировано: «А бес посадника ти, княже, суда не судити, ни волости раздавати, ни грамот ти даяти»¹⁴⁷.

В заключение сфрагистического экскурса еще раз обратим внимание на одну печать, которая весьма красноречиво отражает новую роль посадника в государственном управлении между 1117 и 1136 гг. Замечательной особенностью новгородского экземпляра печати с надписью «Господи, помози рабу своему Дмитрию», которая отнесена ко времени посадничества Дмитра Завидича (1117—1118 гг.), является ее использование на другой более ранней печати. Остатки этой предшествующей печати хорошо видны на тех местах кружка, которые оказались не затронутыми новыми матрицами, поскольку эта более ранняя печать использовала заготовку, которая была массивнее заготовок, применявшихся в Новгороде при Всеволоде. Вторичное использование буллы возможно лишь при условии, что матрицами печати Дмитрия был переутвержден акт с уже привешенной к нему более ранней печатью. Печать, оторванная от акта, уже не может быть использована вторично, поскольку канал для продевания шнура в ней уничтожается при первом сдавливании.

В этой связи большой интерес представляет определение принадлежности первоначальной печати. Н. П. Лихачев отметил, что она принадлежит также к типу булл с русской благопожелательной надписью¹⁴⁸. Это наблюдение может быть значительно уточнено, так как остатки старого штемпеля вполне передают своеобразие размещения надписи по строкам, очертания букв и форму ободка. Теми же матрицами, что и уничтоженная при вторичном использовании кружка печать, оттиснуты буллы, несущие на себе изображение св. Василия и надпись «Господи, помози рабу своему Василию»¹⁴⁹. Эти буллы принадлежат киевскому князю Владимиру-Василию Мономаху. Иными словами, печатью посадника Дмитра Завидича переутвержден документ, снабженный до того печатью великого князя. Если учесть, что во время посадничества Дмитра Завидича документу с печатью Владимира Всеволодовича могло быть никак не больше четырех-пяти лет и что был жив сам великий князь, смысл переутверждения приобретает в известной степени символический и политический характер.

¹⁴⁷ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949 (далее — ГВНП). С. 9—10, № 1; С. 12, № 3.

¹⁴⁸ Лихачев Н. П. Указ. соч. С. 113.

¹⁴⁹ Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси. Т. 1. С. 187—188, № 101.

К ВОПРОСУ О ХРОНОЛОГИИ «УСТАВОВ ВСЕВОЛОДА»

Важнейшими памятниками новгородской истории, мимо которых не может пройти ни один исследователь политического строя Новгорода, являются две грамоты, авторство которых долгое время привычно приписывалось в той или иной степени князю Всеволоду Мстиславичу. Речь идет о так называемой Уставной грамоте князя Всеволода Мстиславича церкви Ивана Предтечи на Опоках, которую в дальнейшем мы будем для краткости называть «Рукописанием Всеволода», и о «Церковном уставе князя Всеволода».

Обоим документам, древнейшие сохранившиеся списки которых относятся к XV в., присущи бросающиеся в глаза анахронизмы, препятствующие прямому их использованию как целостных памятников эпохи. Вопрос об их составе и датировке остается дискуссионным. Крайние точки зрения противостоят друг другу следующим образом. А. А. Зимин, предпринявший специальное источниковедческое исследование «Рукописания», признавал этот документ, а вместе с ним и «Церковный устав Всеволода», целиком фальсифицированным в конце XIV в. «Весь памятник настолько пронизан чертами исторической действительности XIV — начала XV в., — пишет А. А. Зимин, — что говорить о подлинной грамоте кн. Всеволода, положенной в его основу, не приходится»¹⁵⁰. М. Н. Тихомиров, соглашаясь с А. А. Зиминим в том, что «Рукописание» дошло до нас не в первоначальном виде, считал, что переделки не существенны для понимания первоначальной версии подлинного «Устава Всеволода», и широко привлекал оба документа для характеристики обстановки 1130-х гг.¹⁵¹

Рассмотрим обе точки зрения, сосредоточив внимание в первую очередь на «Рукописании Всеволода». Классифицируя списки «Рукописания», А. А. Зимин отмечает существование двух редакций памятника, одна из которых представлена единственным текстом в Троицком списке Новгородской Первой летописи¹⁵², а другая — тремя изводами (Житийным, Псковским и Археографическим), почти не отличающимися между собой и восходящими к Археографическому изводу, который сохранился в Комиссионном списке Новгородской Первой летописи¹⁵³. Сравнение текстов обеих редакций позволило А. А. Зимину говорить о несомненном

¹⁵⁰ Зимин А. А. Уставная грамота князя Всеволода Мстиславича // Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия: Сборник статей. М., 1952. С. 130.

¹⁵¹ Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские восстания на Руси. С. 181—188; *Он же*. Древнерусские города. С. 114—117.

¹⁵² НПЛ. С. 558—560.

¹⁵³ Там же. С. 508—509.

предшествовании Троицкой редакции¹⁵⁴. Далее, исследуя «Рукописание» в связи с общим составом тех юридических сборников, в которых сохранились Троицкая и Археографическая редакции «Рукописания», А. А. Зимин фиксирует бытование Троицкой, более ранней, редакции в 30-х гг. XV в., поскольку следующий за ней список князей в Троицкой летописи заканчивается именем Юрия Дмитриевича (1433—1434 гг.), а возникновение Археографической редакции, хотя она и сохранилась в составе юридического сборника начала 1420-х гг., в отдельных частях поновленного в 1430-х гг., относит к более позднему времени, связывая ее с протографом Археографического списка Новгородской Первой летописи¹⁵⁵.

Изложенное построение нельзя признать безупречным. Оно вполне допускает иное решение вопроса о времени происхождения второй редакции «Рукописания». Нахождение ее в составе сборника, который практически не редактировался после 1423 г., говорит скорее о том, что вторая редакция уже существовала к концу первой четверти XV в. и бытовала в дальнейшем в Новгороде рядом с более ранним Троицким вариантом. Связывая составление второй редакции «Рукописания» с потребностями изменившейся обстановки, следовало бы охарактеризовать различия обеих редакций с точки зрения этой предполагаемой связи.

Сравнение Троицкой и Археографической редакций «Рукописания» показывает, что текст в обоих случаях совпадает детально, различаясь лишь незначительными отменами орфографического и стилистического характера. Только два места при составлении Археографической редакции подверглись более существенной редакторской правке:

Троицкая редакция

...И язъ князь великий Всеволодъ поставилъ есми святому Ивану три старосты от житьих людей, и от черныхъ тысяцкого, а от купцевъ два старосты, управливати имъ всякие дела Иванская, и торговая, и гостиная, и суд торговли...

...А праздникъ Рожество святого великого Ивана почестъ створити и празновати старостамъ купецкимъ и купцамъ. А имати старостамъ купецкимъ и купьцемъ из весу из вошаного на полътретьяцать гривень серебра, на

Археографическая редакция

И язъ князь великий Всеволодъ поставилъ есмь святому Ивану 3 старосты от житьихъ людии и от черныхъ тысяцкого, а от купьцевъ 2 старосте, управливати имъ всякаа дела торговаа Иваньскаа и гостиная...

...А праздникъ рожество святого великого Ивана почестъ творить и празновати старостамъ иваньскимъ купцамъ; а петь въ праздникъ обедняа владыце, а на завьтрее архимандриту святого Георгия, а на 3 день игумену

¹⁵⁴ Зимин А. А. Указ. соч. С. 127.

¹⁵⁵ Там же. С. 125—128.

всякий праздник святого Ивана и в векъ, а старостамъ купецкимъ святого великого Ивана ставити на праздникъ святого Ивана семьдесятъ свечъ и темьянъ и ладанъ. А пети в праздникъ владыще. А старостамъ купецкимъ и купцамъ дати владыще гривна серебра да сукно ипское. А на завтра пети анхимандриту святого Егоргия, а взять ему польг гривне серебра; а на третей день пети игумену святей богородици из Онътонова монастыря, взять ему польг гривне серебра.

И язъ, князь великий Всеволодъ, далъ есми пошлины попомъ святого великого Ивана Петрятино дворище с купецъ в Руси, на память княземъ великимъ дедомъ моимъ и прадедомъ имати с купецъ тая старина и в веки: съ тверского гостя, и с новгородского, и с бежицкого, и з деревьского, и съ всего Помостья. А буевище Петрятино дворище...

святей богородици изъ Онтонова монастыря. А взяти владыще дару рубль; а князя великого наместникомъ дару по сукну ипскому, а дати имъ 20 пудовъ меду на подсласту чистого пошлыны по старине; а тиуну дару сукно тумаское, а дати ему 5 пудовъ меду на подсласту чистого пошлыны по старине; архимандриту взяти дару сукно ипское; а игумену Онтоновскому взяти дару полтина, а пошлыны от него идеть колачевъ да сорок хлебовъ да капуста и уксус. А буевище Петрятино дворище...

Сопоставление редакций позволило отметить несколько существенных отличий. Во-первых, Археографическая редакция не упоминает торгового суда. А. А. Зимин, ссылаясь на М. Н. Тихомирова, признает такое обстоятельство показателем позднейшего происхождения этой редакции ¹⁵⁶. Однако М. Н. Тихомиров отмеченную особенность второй редакции объяснял ее исключительно поздним происхождением, датируя ее временем, когда торговый суд был ликвидирован с потерей новгородской самостоятельности. Невозможность такого решения была разъяснена самим А. А. Зиминим, отметившим, что Археографический список относится еще ко времени независимости ¹⁵⁷. Следовательно, пропуск упоминания о торговом суде в Археографической редакции случаен и не может лечь в основу хронологических наблюдений.

Во-вторых, в Археографической редакции упоминаются некоторые термины, не употребляемые в первой редакции. Имею в виду упоминание рубля и кня-

¹⁵⁶ Зимин А. А. Указ. соч. С. 127.

¹⁵⁷ Там же. С. 127, примеч. 32.

жеских наместников. Оба этих термина действительно отражают сравнительно поздние явления, но не могут быть использованы для каких-либо узких датировок в рамках XV в. Рубль становится основой новгородского денежного счета уже в первой половине XIV в. Тогда же окончательно складывается и институт княжеских наместников. Отметим, что употребление во второй редакции термина «рубль» не вызвано намерением редактора обновить денежную терминологию документа: в остальных его частях она остается неизменной.

Третьей важной особенностью Археографической редакции является фиксирование иного, нежели в первой редакции, порядка участия в расходах по организации престольного праздника в Ивановском соборе. Если, согласно Троицкой редакции, первоначально все расходы ложились на купеческую организацию («старосты купецкие и купцы»), то теперь в них принимают обязательное участие княжеские наместники и тиуны. Я не могу согласиться с М. Н. Тихомировым, который полагал, что дары назначаются наместникам, а не получают с них, и использовал это предположение как аргумент в пользу позднейшего происхождения второй редакции после потери Новгородом самостоятельности¹⁵⁸. Документ последовательно оперирует терминами «взяти» и «дати» и включает в число берущих владыку, юрьевского архимандрита и антониевского игумена, а в число дающих — княжеских наместников и тиуна. Рассмотренная особенность позволяет утверждать, что вторая редакция возникла в результате существенных успехов антикняжеской борьбы в Новгороде, но и это обстоятельство не дает точного хронологического указания. О подобных успехах можно говорить и в связи с событиями XV в., и в связи с событиями XIV в.

Наконец, четвертая существенная особенность Археографической редакции заключается в отмене того места первой редакции, в котором говорится о доходах с тверского, новгородского, бежецкого, деревского гостя и с Помостья. Как кажется, эта отмена не имеет принципиального характера, поскольку в указанном месте фактически повторяется уже изложенное в «Рукописании» условие о доходах с низовского и новгородского гостя.

Таким образом, признавая Археографическую редакцию позднейшей сравнительно с Троицкой, мы можем датировать ее только в весьма широких хронологических рамках XIV — первой четверти XV в.

Более важен для нас вопрос о времени составления первоначальной — Троицкой — редакции. Как уже отмечено, А. А. Зимин датирует ее концом XIV в., ставя ее возникновение в связь с антимосковской реформой суда в Новгороде в 1385 г. Рассмотрим его аргументы в пользу этой даты. Всеволод Мстиславич в «Рукописании» называется великим князем, хотя он никогда в жизни не занимал великого стола. Этот анахронизм А. А. Зимин убедительно

¹⁵⁸ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. С. 114.

объясняет тем, что «на титуле в данном случае сказалось позднейшее представление о том, что новгородским князем должен быть великий князь»¹⁵⁹. Вполне очевидно, что этот аргумент может быть привлечен только для самых общих наблюдений, поскольку указанный порядок замещения новгородского стола складывается еще в XIII в. «Рукописание» далее упоминает Спасский собор в Торжке, который, по мнению А. А. Зимина, воздвигнут только в 1364 г.¹⁶⁰, что отодвигает дату первой редакции в последнюю треть XIV в.¹⁶¹ Возражая А. А. Зимину, М. Н. Тихомиров отмечал, что под 1364 г. летопись говорит о первой каменной постройке Спасского собора, который в одном из летописных отрывков упомянут еще под 1329 г.¹⁶² Добавим, что Спас в Торжке известен и в более раннее время. О нем говорится в договорных грамотах Новгорода с Михаилом Ярославичем, заключенных в 1305—1307 гг. и в 1318 г.¹⁶³

Признаком возникновения «Рукописания» в конце XIV в. А. А. Зимин считает упоминание в «Рукописании» житых людей, отмечая, что жити впервые названы в актах в 1372 г., а в Новгородской Первой летописи под 1398 г.¹⁶⁴ Внешне это очень сильный аргумент. Однако необходимо учитывать, что в Новгородской Первой летописи жити люди упоминаются только два раза — под 1398 и 1441 г., причем характер их упоминания в обоих случаях связан с представительством в критические периоды дипломатической истории Новгорода: в первый раз они названы в связи с выступлением Новгорода против Москвы, во второй — в связи с заключением Демонского мира. В актах этого периода они упоминаются также редко, в случаях когда характер акта требует дифференцированного представительства от всех слоев новгородского населения. Они упомянуты в Наказе послам к тверскому князю Михаилу об условиях мира 1372 г., а затем только в середине XV в. в грамоте о предоставлении «черного бора» великому князю Василию Темному¹⁶⁵. Обычно новгородские акты исходили «от всего Новгорода» или «от всех старейших и от всех меньших и от всего Новгорода», причем в последней формулировке, употребляемой уже в

¹⁵⁹ Зимин А. А. Указ. соч. С. 128.

¹⁶⁰ «В лето 6872. Поставиша в Торжку церковь камену в имя святого и боголепного Преображения господа бога спаса нашего Иуса Христа, замышлением богобоязныых купець новгородчких...» (НПЛ. С. 368—369).

¹⁶¹ Зимин А. А. Указ. соч. С. 128.

¹⁶² Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские восстания на Руси. С. 182.

¹⁶³ ГВНП. С. 18, № 7; С. 25, № 13. «А кто живеть в Торьжку на Новотързькой земли, а к святому Спасу не тягнеть к Торьжку...». Обоснование актовых датировок см.: Янин В. Л. Новгородские акты XII—XV вв. М., 1991. С. 152—155, 161.

¹⁶⁴ ГВНП, № 17; НПЛ. С. 391.

¹⁶⁵ Там же. С. 38, № 21.

60-х гг. XIII в., «меньшим» соответствует совокупность житейх и черных людей в более дифференцированном представительстве. Таким образом, редкость упоминания житейх объясняется отсутствием постоянного представительства от этой социальной группы и не позволяет основывать на единичных упоминаниях термина каких-либо точных хронологических выводов.

Упоминание в «Рукописании» ипского сукна, которое для XII в., по-видимому, действительно было анахронизмом, не может быть привлечено для обоснования датировки концом XIV в., так как в документах, связанных с новгородской торговлей, ипские сукна упоминаются и в более раннее время, в частности в донесении Немецкого двора от 1327 г.¹⁶⁶ Их широкое проникновение на новгородский рынок, видимо, возможно относить к XIII в.¹⁶⁷

А. А. Зимин отмечает, что анахронизмами для XII в. являются упоминания тверского гостя и юрьевского архимандрита, поскольку Тверь в источниках упоминается только с начала XIII в., а архимандриты в Юрьевом монастыре на страницах летописи появляются между 1297 и 1324 гг.¹⁶⁸ Однако очевидно, что эти анахронизмы не содержат указания на конец XIV в., допуская для «Рукописания» и более раннюю дату.

Наконец, для обоснования датировки «Рукописания» концом XIV в. А. А. Зимин привлекает еще один аргумент, который им использован для окончательного уточнения предложенной им даты. Имеется в виду «мордка», выступающая в «Рукописании» в качестве денежной единицы. А. А. Зимин отмечает, что мордки впервые упоминаются в источниках под 1396 г.¹⁶⁹, а конец их обращению в Новгороде был положен реформой 1410 г.¹⁷⁰ Это хронологическое ограничение, однако, не может быть признано правильным. Мордка, или «морд куний», известна в источниках в гораздо более раннее время. Она фигурирует в немецком проекте

---

¹⁶⁶ Никитский А. И. История экономического быта Великого Новгорода. М., 1892. С. 160, примеч. 3.

¹⁶⁷ Хорошкевич А. Л. Торговля иностранными тканями в Новгороде в XIV—XV вв. // Исторические записки. М., 1958. № 63. С. 218 и сл.

¹⁶⁸ Если под 1297 г. юрьевский настоятель Кирилл еще называется игуменом (НПЛ. С. 328), то архимандритом летописец именует его уже под 1299 и 1310 гг. (Там же. С. 90, 93, 330, 333). Однако вероятное преобразование юрьевского игуменства в новгородскую архимандритию происходит в период настоятельства Савватия (1194—1226 гг.). См.: Янин В. Л. Из истории высших государственных должностей в Новгороде // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963. С. 118—127.

¹⁶⁹ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV и XV вв. М.; Л., 1950. № 15.

¹⁷⁰ ПСРЛ. Т. 11. СПб., 1897. С. 236; Черепнин Л. В. Русская метрология. М., 1944. С. 49—51.

договора 1269 г. под латинским наименованием *capita martarorum*, которое является дословным переводом понятия «морд куний»¹⁷¹. Денежный термин «мордка» встречен в двух берестяных грамотах последней четверти XIII в.¹⁷² Еще в 1954 г. этот термин зафиксирован в берестяной грамоте № 108, обнаруженной в напластованиях конца XII — первой четверти XIII в. Неревского раскопа¹⁷³.

Отвергая аргументы в пользу датировки первой редакции «Рукописания Всеволода» концом XIV в., мы располагаем данными, которые не позволяют датировать эту редакцию временем позднее рубежа XIII—XIV вв. Эти данные содержатся в денежной терминологии «Рукописания», пользующегося на всем своем протяжении термином «гривна серебра». В истории новгородской денежной системы хорошо прослеживается непосредственная преемственность позднейшего «рубля» от более ранней «гривны серебра». В датированных памятниках гривна серебра упоминается неоднократно, причем бытование этого термина заключено в весьма определенные хронологические рамки. В новгородских документах она впервые названа в конце XII в.¹⁷⁴, но ее возникновение относится к более раннему времени, возможно еще к XI в.¹⁷⁵ В дальнейшем употребление термина в Новгороде отмечено под 1230 г.¹⁷⁶, в середине 1250-х гг.¹⁷⁷, в начале 1260-х гг.¹⁷⁸, в 1269 г.¹⁷⁹, в 60—70-х гг. XIII в.¹⁸⁰, в самом конце XIII в.¹⁸¹ и, наконец, под 1316 г.¹⁸²

¹⁷¹ Памятники истории Великого Новгорода / Под ред. С. В. Бахрушина. М., 1909. С. 65—68; *Бауер Н. П.* Денежный счет в духовной новгородца Климента и денежное обращение в северо-западной Руси в XIII в. // Проблемы источниковедения. Сб. 3. М.; Л., 1940. С. 197 и сл.

¹⁷² *Янин В. Л., Зализняк А. А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990—1996 гг.). М., 2000. С. 56, № 758; С. 67—69, № 775.

¹⁷³ *Арциховский А. В., Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953—1954 гг.). М., 1958. С. 37—38.

¹⁷⁴ ГВНП. С. 55, № 28.

¹⁷⁵ ПСРЛ. Т. 1. С. 312 (под 1144 г.); *Янин В. Л.* Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956. С. 46.

¹⁷⁶ НПЛ. С. 71.

¹⁷⁷ ГВНП. С. 162—163, № 105. Обоснование приведенной датировки см.: *Янин В. Л.* Новгородские акты XII—XV вв. М., 1991. С. 211—212.

¹⁷⁸ ГВНП. С. 57, № 29.

¹⁷⁹ Там же. С. 59, 61, № 31 (*marc silveres*; рублю в позднейших документах соответствовал термин *stuke silvers*).

¹⁸⁰ *Арциховский А. В.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.). М., 1954. С. 62—63, № 61.

¹⁸¹ *Арциховский А. В., Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.). М., 1958. С. 27, № 148.

¹⁸² НПЛ. С. 336.

Сменивший гривну серебра рубль вместе со своей фракцией полтиной впервые назван в берестяной грамоте, относящейся к первому десятилетию XIV в.¹⁸³ В 1318 г. его впервые упоминает договорной акт¹⁸⁴. С этого момента, когда гривна серебра перестает упоминаться совершенно, рубль безраздельно господствует в новгородской денежной системе. По меньшей мере странным должно казаться составление в конце XIV в. такого документа, в котором употреблена терминология, оставленная почти сто лет тому назад.

С другой стороны, подавляющее большинство отмеченных А. А. Зиминим анахронизмов решительно противоречит датировке документа XII веком. В самом деле, в подлинном документе XII в. Всеволод Мстиславич не мог называться великим князем¹⁸⁵. Титулование великим князем, как это правильно объяснено А. А. Зиминим, отражает возникшие в XIII в. представления о тождестве понятий «великий князь» и «новгородский князь». Несовместимыми с реалиями XII в. являются упоминания житых людей, ипских сукон, тверского гостя, юрьевского архимандрита, мордки, пронизывающие документ такими терминами, которые отражают явления XIII—XIV вв. Следует отметить еще два важных анахронизма, не рассмотренные А. А. Зиминим.

В «Рукописании» одним из распорядителей торгового суда и торгового управления назван тысяцкий, который представляет интересы житых и черных людей. Между тем тысяцкие появляются в Новгороде не ранее конца XII в. Первым тысяцким и в летописи, и в летописном списке тысяцких назван Миронег (иначе Милонег), действующий под 1185—1191 гг.¹⁸⁶ Другой анахронизм — именование церкви Ивана на Петрятином дворище — собором («зборная великая церковь»). Церковь Ивана Предтечи на Опоках действительно входила в число семи новгородских соборов позднейшего времени¹⁸⁷, однако превращение построен-

¹⁸³ *Арциховский А. В., Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.). С. 11—15, № 138.

¹⁸⁴ ГВНП. С. 26, № 13.

¹⁸⁵ М. Н. Тихомиров в словах «Рукописания»: «А по моем животе, великого князя Всеволода, стояти за дом святого великого Ивана брату моему великому князю всея Руси...» — усматривал указание на Изяслава Мстиславича (*Тихомиров М. Н.* Крестьянские и городские восстания на Руси. С. 186 и сл.). Такое толкование порождало бы еще один анахронизм, так как Изяслав стал великим князем в 1146 г., т. е. через восемь лет после смерти Всеволода.

¹⁸⁶ НПЛ. С. 38—39, 228, 230, 472.

¹⁸⁷ *Макарий.* Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. Ч. 1. С. 34 и сл.; *Никольский А.* Описание семи новгородских соборов по списку XVI в. в С.-Петербургской библиотеке св. Синода // Вестник археологии и истории. СПб., 1898. Вып. 10. С. 79—81; *Янин В. Л.* «Семисоборная роспись» Новгорода // Средневековая Русь. М., 1976. С. 108—117.

ной Всеволодом Мстиславичем церкви в собор произошло после ее перестройки, предпринятой архиепископом Илией-Иоанном в 1184 г.¹⁸⁸

Учитывая все эти анахронизмы, мы должны относить время составления «Рукописания Всеволода» к XIII в. Этой датировкой еще не решается вопрос о степени достоверности тех отсылок «Рукописания», которыми привилегии церкви Ивана на Петрятинном дворе связаны с именем и инициативой Всеволода Мстиславича. Документ мог быть полностью фальсифицирован его составителем, знавшим из летописного рассказа, что эта церковь была построена Всеволодом и что посадником в это время был Мирослав («А Мирославу посаднику в то не вступатися, ни иным посадникам...»). Составитель вполне мог не сделать ошибки и в христианском имени Всеволода, которое в XIII в. уже сделалось достоянием агиографии¹⁸⁹. Однако составитель документа мог исходить и из действительной древности привилегий церкви Ивана Предтечи, зная об их изначальной связи с инициативой князя Всеволода Мстиславича.

В этом плане важен вопрос о датировке и составе другого памятника, авторство которого приписывается князю Всеволоду, — «Церковного устава Всеволода». «Церковный устав» был подробно исследован С. В. Юшковым, который пришел к выводу о том, что этот документ представляет позднейшую компиляцию, составленную из разнообразных источников, причем одним из этих источников является «Устав Владимира» в так называемой 3-й редакции, сложившейся примерно в третьей четверти XIII в.¹⁹⁰ А. А. Зимин и эту «грамоту» склонен датировать концом XIV в., основываясь на упоминании в ней церкви Бориса и Глеба, которую он отождествляет с одноименной церковью на Торговой стороне, горевшей в 1311 и 1340 г. и выстроенной в камне в 1377 г.¹⁹¹ Вряд ли можно принять этот аргумент. Церковь Бориса и Глеба в «Церковном уставе» упоминается в следующей связи: «...а попу Иваньскому рускаа пись с Борисоглебьским напол, а сторожою Иваньскому рускои порочици пятно да десять конюхов соли»¹⁹². В цитированном месте речь идет о доходах с Русы (нынешней Старой Руссы), знаменитой своими соляными варницами¹⁹³, и о

¹⁸⁸ ПСРЛ. Т. 3. С. 216; ср.: НПЛ. С. 37, 228.

¹⁸⁹ *Филарет, епископ черниговский*. Русские святые, чтимые всею церковью или местно. Т. 1. СПб., 1882. С. 214.

¹⁹⁰ *Юшков С. В.* Устав князя Всеволода // Юбилейний збірник на пошану акад. Д. И. Багалея. Киев, 1927. С. 408—417; *Он же*. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949. С. 216—221.

¹⁹¹ *Зимин А. А.* Указ. соч. С. 124.

¹⁹² НПЛ. С. 486.

¹⁹³ Об интенсивной добыче соли и о солеварении в Русе см.: *Строков А. А.* Земельные владения и соляные варницы новгородского Юрьева монастыря в Старой Руссе // Новгородский исторический сборник. Новгород, 1940. Вып. 8.

церкви Бориса и Глеба в Русе, а не в Новгороде. Связь этого храма с купеческими объединениями подчеркнута летописным рассказом 1403 г.: «Поставиша купце новгородския прасоле в Русе церковь камену святыи Борис и Глеб»¹⁹⁴. Поскольку год первоначальной постройки этой церкви неизвестен, ее упоминание в «Церковном уставе» ничего не дает для его датировки.

Относя компиляцию источников «Церковного устава» ко времени не ранее последней четверти XIII в., С. В. Юшков, однако, признает, что в числе этих источников имелся и подлинный документ времени Всеволода Мстиславича. Если «Рукописание» представляется цельным документом, не содержащим в своем тексте внутренних противоречий, то в «Церковном уставе» сталкиваются противоречивые источники, одним из которых является «Устав Владимира» в его поздней редакции, трактующий об общецерковных постановлениях, а другим — собственно «Устав Всеволода», устанавливающий пожалования новгородской церкви, смысл которых заметно отличен от общецерковных пожалований. И в этой части документа заметен налет позднейшего времени, порядков конца XIII в. (упоминание княжеских и владычных наместников, рублевой гривенки, титулование Всеволода великим князем), однако отмеченные анахронизмы легко объясняются редактированием источника в момент его компиляции с «Уставом Всеволода».

Подлинность использованного в «Церковном уставе Всеволода» древнего документа подчеркивается несколькими его особенностями, которые не могут быть реконструированы на основе летописного рассказа. Так, участниками совещания при князе Всеволоде названы староста Болеслав, бирич Мирошка и иванский староста Васята, имена которых в летописи не встречаются. Этот документ предусматривает передачу торгового суда и контроля над мерами от князя городу¹⁹⁵. Поскольку и «Рукописание Всеволода» трактует организацию торгового суда, оба памятника могут быть сопоставлены. Такое сравнение обнаруживает несомненную древность «Устава Всеволода» сравнительно с «Рукописанием». Если в «Уставе» носителями юрисдикции в торговом суде названы новгородский владыка, иванский староста и «весь Новгород», то в «Рукописании» отражена более законченная организация торгового суда, который возглавляют три старосты: тысяцкий от житых и черных людей и двое купеческих старост. Последние хорошо известны в актах XIV—XV вв.¹⁹⁶ Это заставляет

---

¹⁹⁴ НПЛ. С. 397. Разделение доходов между новгородской и русской церквами аналогично разделению доходов между новгородской и новоторжской церквами в «Рукописании Всеволода».

¹⁹⁵ НПЛ. С. 486—487.

¹⁹⁶ ГВНП. С. 73, № 41; С. 74, № 42; С. 76, № 43; С. 87, № 49; С. 107, № 64; С. 110, № 67; С. 113, № 68; С. 120, № 73; С. 152, № 74; С. 127—129, № 76.

относить к более раннему времени ту систему торгового суда, которая установлена в «Уставе Всеволода».

Отмеченная разница в содержании обоих документов не отменяет того несомненного обстоятельства, что в Новгороде в позднейшее время существовала традиция, возводящая первоначальную организацию торгового суда ко времени князя Всеволода, которого называют своим автором и «Рукописание», и «Устав». Тождество князя Всеволода в «Рукописании» и «Уставе» очевидно и не нуждается в особых обоснованиях.

Однако изобилие в обоих памятниках деталей, анахронистических для XII в., ставит перед нами новую проблему. Имеются ли сколько-нибудь достаточные основания для того, чтобы связывать действительное или фиктивное авторство именно с Всеволодом Мстиславичем XII в., а не с каким-либо другим одноименным князем?

Имя Всеволода Мстиславича полностью названо в «Рукописании»: «Се аз князь великий Гавриль, нареченный Всеволод, самодръжець Мьстиславичь внук Володимир...»¹⁹⁷. Это имя не вызывает сомнений. Всеволод назван Мстиславичем, он действительно был внуком Владимира Мономаха и в крещении назывался Гавриилом. Посмотрим теперь, как обозначено это имя в «Уставе Всеволода», достоверность использования в котором древнего подлинного документа уже отмечена. Имя автора документа изображено здесь следующим образом: «Се аз князь великий Всеволод, нареченный в святем крещении Игѣшь, правнук Игорев и блаженныя прабабы Олгы, нареченныя в святем крещении Елена, и матери Володимеровы, нареченнааго в святем крещении Василие...»¹⁹⁸. Здесь нет отчества князя, его христианское имя обозначено криптограммой, а указание прадедов не содержит хронологического момента, так как правнуки Игоря и Ольги жили в XI в.

Единственный возможный путь определения авторства «Устава» заключается в чтении криптограммы, которое, как это ни странно, никогда не предпринималось. Написание криптограммы в различных списках «Устава» несколько варьируется. Она изображена в форме «Игѣшь» в Археографическом списке Новгородской Первой летописи¹⁹⁹ и в летописи Авраамки²⁰⁰. В макариевских списках «Устава» она передана в форме «Игафшь»²⁰¹. Наконец, в позднейшем Соловецком списке имя заменено произвольной дешифровкой «Василий»²⁰².

¹⁹⁷ НПЛ. С. 508, 558.

¹⁹⁸ Там же. С. 485.

¹⁹⁹ Там же.

²⁰⁰ ПСРЛ. Т. 16. С. 272.

²⁰¹ Макарий. История русской церкви. Т. 2. СПб., 1868. Примеч. 467.

²⁰² Православный собеседник. 1861, октябрь; Памятники русского права. Вып. 2: Памятники права феодально-раздробленной Руси, XII—XV вв. М., 1953. С. 160—173.

Самым ранним списком «Устава Всеволода» является Археографический, сохранившийся в рукописи середины XV в., и поэтому за основу дешифровки мы принимаем имеющуюся в нем форму «Игѣшь». Еще до дешифровки можно утверждать, что предположение Макария, видевшего здесь зашифрованное имя «Гаврииль», неверно. Криптограмма содержит только пять букв, тогда как имя Гавриил в зависимости от варианта написания (Гавріиль, Гавріил, Гаврилъ, Гаврил) насчитывает от шести до восьми букв. Тем самым предполагаемое первоначальное авторство Всеволода-Гавриила Мстиславича оказывается сомнительным.

Поскольку мы имеем дело с криптограммой из пяти букв, ей должно соответствовать какое-то пятибуквенное христианское имя. Количество таких имен возможно резко ограничить, так как в число княжеских крестильных имен входили далеко не все имена, имеющиеся в православных святцах. Например, такие имена, как Авидъ, Амосъ, Наумъ, Фотій и т. п., никогда не давались князьям. Список возможных княжеских пятибуквенных имен устанавливается при обращении к княжеским печатям, на которых христианские княжеские имена выражены при помощи патрональных изображений. Просмотр всех относящихся к делу сфрагистических материалов позволяет составить следующий список таких имен: Глебъ, Иванъ ²⁰³, Козма, Лавръ, Петръ, Флоръ, Яковъ.

Совершенно очевидно, что мы имеем дело с одним из вариантов литореи, а не цифровой системы шифра, так как «ш» и «ъ» не имеют цифрового значения. Также очевидно, что здесь применен один из видов мудрой литореи, т. е. такой системы буквенной взаимозамены, в которой участвуют все буквы азбуки, а не только согласные. При всем многообразии систем литореи, применявшихся в древней Руси, всем им присущи закономерности, исключаящие самую возможность беспорядочной, хаотической взаимозамены букв. Между тем сравнение криптограммы с допустимыми вариантами ее дешифровки всякий раз обнаруживает отсутствие таких закономерностей. Это позволяет предполагать, что уже в Археографическом списке криптограмма сохранилась в искаженном виде, что допустимо при переписывании тарабарских надписей.

Наблюдения над палеографией Археографической рукописи (полуустав середины XV в.) показывают, что в ней близкое начертание имеют буквы И и Н, а также буквы Ш и Т. Поэтому возможно допускать, что в протографе Археографического списка криптограмма была изображена в форме «Нгѣть». Если это предположение правильно — а ниже мы постараемся его подтвердить, — криптограмма вступает в весьма закономерное соотношение с дешифровкой «Петръ». Ниже показано это соотношение, обозначенное расстоянием между буквами в дешифровке и в криптограмме:

²⁰³ Возможна форма «Евань», но более вероятно «Іоаннь».

П Е Т Р Ъ
 -2 -2 +2 +2 =2
 Н Г Θ Т Ъ

Иными словами, слово «Петръ» зашифровано здесь таким образом, что буквы заменяются через одну, но для первой половины азбуки при взаимозамене используются буквы стоящие ранее шифруемой, а для второй половины азбуки — буквы, стоящие позднее шифруемой. Ключ выглядит следующим образом:

<i>шифровка</i>	<i>дешифровка</i>
$\leftarrow$ А В Д Ж З І Л Н П Б Г Е С И К М О $\rightarrow$	$\rightarrow$ С У Х Ц Ш Ъ Ъ Ю Р Т Θ W Ч Щ Ы Ъ А $\leftarrow$

В каждой строке буквы заменяются соседними в том порядке, как это показано стрелками, причем, по-видимому, крайние буквы шифруются так: буква А при шифровке заменялась буквой П, буква Б — буквой О, буква Ю — буквой С, а буква А — буквой Р.

Предложенная дешифровка показывает, что князь Всеволод, выступающий как автор «Устава», не имеет отношения к Всеволоду-Гавриилу Мстиславичу. Это какой-то одноименный князь, которого в крещении звали Петром. Среди новгородских князей на протяжении XI—XV вв. было только три князя с именем Всеволод: Всеволод Мстиславич (1117—1136 гг.), которого звали Гавриилом, Всеволод Юрьевич (1222, 1223—1224 гг.), которого в крещении звали Дмитрием²⁰⁴, и Всеволод Мстиславич-Борисович (1219—1221 гг.), христианское имя которого летописи не сохранили.

Для установления крестильного имени Всеволода Мстиславича-Борисовича существенно то, что мы уже знаем христианское имя его отца. Нам заранее известно, что на его печатах изображение отыскиваемого святого патрона Всеволода должно сочетаться с изображением св. Бориса. Среди новгородских князей XII—XIII вв. имеются следующие лица, на буллах которых должно быть изображение Бориса, Глеба или обоих святых братьев: 1) Давыд Ростиславич, в крещении Глеб Михайлович (в Новгороде — 1154 г., в Новом Торге — 1158—1160 гг.); 2) его брат Роман Ростиславич, в крещении Борис Михайлович (1179 г.); 3) Роман Мстиславич, в крещении Борис, христианское имя отца неизвестно (1168—1170 гг.); 4) Мстислав-Борис Романович (1178 г.); 5) Мстислав-Феодор Давыдович-Глебович (1184—1187 гг.); 6) Святослав Мстиславич-Борисович (1218—1219 гг.); 7) Всеволод Мстиславич-Борисович (1219—1221 гг.).

²⁰⁴ ПСРЛ. Т. 1. С. 438.

С другой стороны, новгородская княжеская сфрагистика знает шесть типов булл с рассматриваемым изображением: 1) с изображением св. Бориса и архангела²⁰⁵, которая принадлежала Роману Ростиславичу; 2) с изображением Бориса и Глеба и архангела²⁰⁶, которая относится к Давыду Ростиславичу; 3) печати с изображением св. Феодора и св. Глеба-Давида²⁰⁷, относимые Мстиславу Давыдовичу; 4) печати с изображением святых Бориса и Глеба и св. Феодора²⁰⁸, в силу их многочисленности и безусловной принадлежности к XII в. они датируются временем Романа Мстиславича, которого, таким образом, звали Феодоровичем; 5) печать с изображением св. Симеона Богоприимца и святых Бориса и Глеба²⁰⁹; 6) печать с изображением святых Петра и Павла и святых Бориса и Глеба.²¹⁰ Последние две печати (рис. 4, а, б) исключительно близки между собой и датируются в рамках одного и того же небольшого периода, что связывает их со временем Святослава и Всеволода Мстиславичей (1218—1221 гг.). Таким образом, выясняется, что Всеволод Мстиславич-Борисович должен был называться в крещении или Симеоном, или Петром, или Павлом. Совпадение имени, дешифрованного в «Уставе Всеволода», с одним из этих трех имен позволяет признать, что Всеволод Мстиславич носил христианское имя Петр Борисович²¹¹.

Из этих наблюдений следует, что источник, лежащий в основе «Церковного устава Всеволода», не имеет никакого отношения ко времени Всеволода-Гавриила. Конституирование торгового суда было предпринято впервые в конце первой четверти XIII в. при князе Всеволоде-Петре Мстиславиче. Признанием этого факта устраняется значительное число анахронизмов, неизбежных при датировке этой реформы XII веком. Дальнейшая история рассмотренных выше документов представляется следующим образом. В конце XIII в. в Новгороде

²⁰⁵ 4 экземпляра: Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси. Т. 1. С. 202—203, № 182; Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Актовые печати Древней Руси. Т. 3. С. 137, № 182.

²⁰⁶ Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси. Т. 1. С. 197—198, № 156.

²⁰⁷ 16 экземпляров: Там же. С. 204—205, № 193, 194; Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Актовые печати Древней Руси. Т. 3. С. 138, № 193.

²⁰⁸ 9 экземпляров: Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси. Т. 1. С. 200, № 167; Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Актовые печати Древней Руси. Т. 3. С. 135, № 167; Они же. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 1997 г. С. 345, № 167.

²⁰⁹ Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси. Т. 1. С. 207, № 207.

²¹⁰ Там же. С. 207—208, № 208.

²¹¹ В связи с этим нуждается в уточнении датировка «экземпляра К Смоленской правды», который приписывают тому же князю (Голубовский П. В. История Смоленской земли до начала XV в. Киев, 1895; Памятники русского права. Вып. 2. С. 87). При «экземпляре К» сохранилась печать с изображением святых Бориса и Глеба, т. е. принадлежащая не Всеволоду Мстиславичу, а какому-то другому князю.

была предпринята компиляция первоначального «Устава Всеволода Мстиславича-Борисовича» с «Уставом Владимира». Около этого времени тот же устав послужил основой для составления «Рукописания Всеволода», в котором первоначальная идея об организации торгового суда была приведена в соответствие с действительным устройством этого института на рубеже XIII—XIV вв. Тождество имен автора первоначального устава и знаменитого Всеволода, известного по летописи в качестве строителя церкви Ивана на Петрятином дворе, дало возможность составителю «Рукописания» придать своему произведению большую импозантность. Впрочем, подменяя одного Всеволода другим, он мог быть и вполне искренним в своей фальсификации: тарабарская форма имени Всеволода в подлинном «Уставе» давала простор для такого осмысления.

Глава 3

ВНУТРИБОЯРСКАЯ БОРЬБА ЗА ПОСАДНИЧЕСТВО В XII — НАЧАЛЕ XIII в. (1136—1207 гг.)

Политическая разобщенность новгородского боярства явственно наблюдается во времена Всеволода Мстиславича, когда отношение к князю и к вопросу о мере ограничения его власти является главным рубежом, разделяющим боярские группы. Условия, которые возникли после изгнания Всеволода в 1136 г., в сильнейшей степени способствовали углублению политических противоречий внутри новгородского боярства. Теперь, когда «вольность в князьях» стала главным знаменем политической борьбы, эта борьба внешне разворачивается вокруг вопроса о приглашении князей, о союзе с разными княжескими группировками. Новгородские бояре в борьбе между собой ищут союзников в различных группировках князей, также враждующих друг с другом.

В 30-х гг. XII в. на Руси складываются три основные группы враждующих князей: старшие Мономаховичи (Мстиславичи), связанные главным образом со Смоленском, младшие Мономаховичи (Юрьевичи) суздальской линии и черниговские князья из потомства Олега Святославича. Изгнание Всеволода и призвание в Новгород в 1136 г. Святослава Ольговича означали разрыв победившей части боярства со старшими Мономаховичами и союз с черниговскими князьями. Первым результатом этого союза, сказавшимся на посадничестве, было бегство 7 марта 1137 г. сторонника Всеволода Мстиславича — посадника Костянтина Микульчича — и избрание на его место Якуна Мирославича¹.

Прежде чем перейти к подробному изложению истории новгородских посадников с этого момента, следует остановиться на одном важном вопросе, без рассмотрения которого вряд ли возможно правильное понимание характера политической борьбы вокруг посадничества. Восстание 1136 г. не могло не наложить существенного отпечатка на отношение всех групп новгородского боярства к князю. Изгнание Всеволода и торжество принципа «вольности в князьях» значительно выдвинули фигуру посадника. Князь из верховного главы

---

¹ НПЛ. С. 24, 209.

государства превратился в должностное лицо, судьба которого была поставлена в зависимость от вечевого решения. С этого момента борьба между боярством в целом и князем, прокладывая свое главное русло, постоянно исходит из тех особенностей обстановки, которые сложились в 1136 г.: князья стремятся к восстановлению прежнего статуса, боярство отстаивает свои завоевания, стремясь к новому расширению своей власти.

Однако в том же 1136 г. возникает и другая форма отношений между боярством и князем. Внутрибоярская борьба за власть, смыкаясь с борьбой русских княжеских группировок, превращала князя в союзника той или иной боярской группировки. Если приглашение князя определялось победой одних боярских группировок над другими, то сама эта победа в значительной степени бывала обеспечена поддержкой князя, претендующего на новгородский стол. Поэтому каждый государственный переворот в Новгороде содержит элементы внутренней противоречивости, известного компромисса, дававшего князю некоторые преимущества. Внутрибоярская борьба и укрепление боярского государства — это процессы, развивающиеся в противоположных направлениях. Усиление внутрибоярской борьбы не могло не вести к укреплению княжеских позиций.

Основываясь на этой мысли, мы должны были бы наблюдать неуклонную реставрацию княжеского суверенитета в Новгороде на протяжении XII — первой трети XIII в., когда внутренняя борьба боярства достигает сильнейшего накала. В действительности такой реставрации не наблюдается. Антикняжеская борьба в Новгороде вовсе не была только формой столкновения между боярством и князем. Сохраняя княжеский стол, бояре сохраняли союзника в борьбе против черного населения, участие которого в антикняжеской борьбе было основой успеха 1136 г. Вспомним, что первым обвинением, предъявленным князю Всеволоду, был упрек в «неблюдении смердов».

Следует заранее оговориться, что, характеризуя политическую деятельность того или иного посадника, мы вовсе не будем вступать в полемику с Н. А. Рожковым как автором исследования на ту же тему², хотя в большинстве оценок наше мнение противоположно мнению этого исследователя. Н. А. Рожков, разделяя посадников на представителей «демократической» и «аристократической» партий, тем самым реконструировал некие группы, члены которых едины в своих политических симпатиях и устремлениях. Если отвлечься от его концепции о партийности этих групп, казалось бы, его формальные реконструкции могли бы дать основу и для наших наблюдений. Однако исследованию Н. А. Рожкова в целом присущ серьезный методический порок, который заключается в том, что исследователь исходил главным образом не из конкретного анализа поли-

² Рожков Н. А. Политические партии в Великом Новгороде XIII—XV вв. // Журнал министерства народного просвещения. 1901. Март. С. 241—286.

тической деятельности каждого посадника, а из самого факта сосуществования посадника с князем из суздальской или черниговской линии. По Н. А. Рожкову, получалось, что не только бояре в Новгороде, но и князья делились на «аристократов» (Юрьевичи) и «демократов» (Ольговичи). Даже Мирошка, которого Всеволод Юрьевич два года продержал в плену, у Н. А. Рожкова превратился в яркого приверженца суздальских князей-аристократов. Между тем, как увидим далее, иногда бывали случаи, когда враждующие князь и посадник как бы уравнивали друг друга.

ОТ ВОССТАНИЯ 1136 г. ДО СМЕРТИ АНДРЕЯ БОГОЛЮБСКОГО (1174 г.)

Вернемся, однако, к Якуну Мирославичу, избранному на посадничество весной 1137 г. Получивший власть после падения князя Всеволода и бегства посадника Костянтина Микульича, Якун был представителем той части новгородского боярства, которая вступила в союз с черниговскими князьями.

Якун остается посадником не только на протяжении всего правления Святослава Ольговича, но и в дальнейшем разделяет его судьбу. В 1141 г., когда Святослав, связанный клятвой о пожизненном княжении в Новгороде, «бежа, отай, ночью, и Якун с ним бежа», Якуна вместе с его братом Прокопием новгородцы изловили, избили «мало не до смерти», «обнаживше, яко мати родила», и сбросили с моста, но «бог избави, и прибреде к берегу». Потом у Якуна взяли 1000, а у его брата 100 гривен и «заточиша Якуна в Чудь с братом, оковавше руце к шию». Впоследствии Юрий Долгорукий держал его у себя из милости³.

Весь период посадничества Якуна Мирославича протекает в обстановке ожесточенной политической борьбы между сторонниками изгнанного Всеволода и нового князя Святослава. Уже в сентябре 1136 г. новгородцы расправляются с неким Гюргием Жирославичем, а в самом начале 1137 г. «милостьници Всеволожи» совершают покушение на Святослава Ольговича. В марте 1137 г. к Всеволоду перебегают посадник Костянтин и «инех добрых мужь неколико» и снова зовут его на новгородский стол, что вызвало в Новгороде «мятежь велик». Новгородцы грабят дома приверженцев Всеволода, облагают их штрафами, которые были использованы для подготовки сопротивления Всеволоду. Новгородское войско выступает на Псков, где обосновался изгнанный новгородский князь, но возвращается с половины пути. После этого в Новгороде происходит ряд событий, характер которых на первый взгляд кажется не совсем последовательным. 17 апреля 1138 г. новгородцы изгоняют князя Святослава

³ НПЛ. С. 26, 211 и сл.; ПСРЛ. Т. 4. С. 7; Т. 5. С. 159.

Ольговича и приглашают на его место сына Юрия Долгорукого — Ростислава Юрьевича. Казалось бы, этот переворот должен свидетельствовать о победе провсволодовской группировки, поскольку Юрий Долгорукий в указанное время поддерживал тесный античерниговский союз с Мстиславичами. Однако оказывается, что и после переворота Мстиславичи не получают в Новгороде решительной поддержки. Уже 23 апреля 1138 г. новгородцы демонстрируют свою решимость не пускать Мстиславичей в Новгород, а летом 1139 г. отказываются помочь Юрию Долгорукому в его борьбе против Чернигова. 1 сентября 1139 г. Ростислав Юрьевич бежал из Новгорода, куда после нового мятежа был снова приглашен Святослав Ольгович ⁴.

Эта непоследовательность находит объяснение в позиции черного населения Новгорода. Выступление против Мстиславичей и поддержка черниговских князей поставили Новгород перед лицом чрезвычайно сложной общерусской политической ситуации. «И не бе мира с ними (псковичами. — В. Я.), ни с суждальци, ни с смолянны, ни с полоцканы, ни с кияны, — сообщает летописец. — И стоя все лето осмьнька великая по 7 резан» ⁵. Новгород переживает голодную блокаду, резко ухудшившую положение всего населения. Проблема снабжения Новгорода могла быть решена главным образом союзом с Суздалем, значение хлебного производства которого в критические для Новгорода годы хорошо известно. В этой связи понятно и активное участие в событиях 1136—1138 гг. новгородского купечества, заинтересованного в расширении новгородско-суздальской торговли. С политической точки зрения союз с Суздалем означает компромисс между сторонниками Чернигова и сторонниками Мстиславичей. Отражением этого компромисса, между прочим, является сохранение посадничества за Якуном Мирославичем в период изгнания Святослава Ольговича, а также уже отмеченная политическая непоследовательность в этот период.

М. Н. Тихомиров именно с ухудшением положения смердов в результате голодной блокады 1136—1138 гг. почему-то связывал появление в 1137 г. известного устава князя Святослава Ольговича о регулировании доходов новгородской епископии ⁶. Причины возникновения этого документа в действительности иные. Устав 1137 г. возник в результате изменившегося в 1136 г. порядка финансового обеспечения новгородского князя и его двора. В 1117 или 1127 г. волей великого князя из состава Смоленского княжества была выделена и передана Новгороду значительная территория, образовавшая княжеский домен с условием получения доходов с него Всеволоду Мстиславичу, а после него — пригла-

⁴ НПЛ. С. 24 и сл., 209—211.

⁵ Там же. С. 25, 210.

⁶ Тихомиров М. Н., Щепкина М. В. Два памятника новгородской письменности. М., 1952. С. 21; Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские восстания на Руси. С. 196.

шаемым в Новгород князьям только из потомства Мстислава Владимировича. С занятием новгородского стола Святославом Ольговичем он лишился обеспечения из доходов с этого домена, и новгородцы вынуждены были выделить для князя заволоцкие земли, подробно описанные в Уставе 1137 г.⁷

Победа Всеволода Ольговича и занятие им великокняжеского стола в 1139 г. ведет к ликвидации упомянутого выше компромисса. 25 декабря 1139 г. на новгородский стол снова садится Святослав Ольгович, а в Новгороде начинаются гонения на бояр античерниговской ориентации. Константина Микульича и еще шесть мужей новгородцы выдают Всеволоду Ольговичу. Судила, Нежата и Страшко бегут в Суздаль «Святослава деля и Якуна»⁸.

Вместе с тем в Новгороде создается весьма двусмысленная ситуация. Спустя каких-нибудь три года после восстания 1136 г. практически возрождается старая схема взаимоотношений с великокняжеской властью: новгородский князь Святослав — родной брат киевского князя и его ближайший союзник. Эта ситуация создает условия для активного вмешательства великого князя в новгородские дела, но она также ведет и к обострению антикняжеской борьбы. Оба указанных следствия хорошо видны в событиях 1141 г., когда Всеволод Ольгович отзывает Святослава из Новгорода и пытается вместо него навязать своего сына. Святослав бежит из Новгорода, а новгородцы жестоко расправляются с его сторонником посадником Якуном Мирославичем. Руководящее положение в Новгороде захватывает античерниговская группа, которая, включая в свой состав суздальских сторонников и сторонников Мстиславичей, была весьма пестрой. По-видимому, именно это обстоятельство послужило главной причиной затяжных споров о преемнике Святослава Ольговича на новгородском столе: «Седеша новгородци бес князя 9 месяц; и призваша из Суздаля Судилу, Нежату, Страшка, оже бяху бежале из Новагорода Святослава деля и Якуна, и даша посадничество Судиле в Новегороде»⁹.

Наиболее желательным претендентом на новгородский стол, иными словами, претендентом, пользовавшимся наиболее сильной поддержкой в Новгороде, был родной брат изгнанного в 1136 г. Всеволода Святополк Мстиславич, преимуществом которого было его изгойство. В случае его призвания на новгородский стол он мог бы стать князем, независимым ни от Киева, ни от сильного Суздаля. Однако эта кандидатура вызвала сильнейшее противодействие киевского князя, и в Новгород был приглашен сын Юрия Долгорукого — Ростислав. Лаврентьевская летопись дает представление об экономических причинах это-

⁷ Подробную аргументацию проблемы см. в книге: Янин В. Л. Новгород и Литва: Пограничные ситуации XIII—XV вв. М., 1998.

⁸ НПЛ. С. 26, 211—212; ПСРЛ. Т. 4. С. 7.

⁹ НПЛ. С. 26, 212.

го выбора: «Новгородци не стерпяче безо князя сeditи, ни жито к ним не идяше ни откуду же»¹⁰. Новый князь, уже хорошо известный новгородцам, прибыл на стол 26 ноября 1141 г. Эта дата позволяет уточнить время расправы над Якуном. Она произошла за девять месяцев до прибытия Ростислава, т. е. в феврале 1141 г., что согласуется с показаниями списка новгородских князей о том, что княжение Святослава Ольговича, начавшись 25 декабря 1139 г., продолжалось около года¹¹.

Рассказ о событиях 1141 г. весьма знаменателен для характеристики нового положения посадника. Судила был первым посадником, избранным в отсутствие князя. До приглашения князя ему принадлежали обе власти — посадничья и княжеская.

Ко времени посадничества Судилы относятся резкие перемены в политической картине княжеских взаимоотношений. Если до 1142 г. Юрий Долгорукий выступал против черниговских князей и был союзником Мстиславичей, то теперь он, «не уладившись» с Изяславом Мстиславичем заключает договор со Святославом Ольговичем против Изяслава. Новгородская античерниговская группировка бояр в этот период ведет себя достаточно самостоятельно. В марте 1142 г. новгородцы взяли под стражу князя Ростислава Юрьевича, а 19 апреля того же года его сменил главный ставленник этой группировки Святополк Мстиславич. Очевидно, что Судило был сторонником или инициатором этого политического курса, так как перемены на новгородском столе его не коснулись и он остался посадником до 1144 г., когда его сменил Нежата Твердятич¹². Это, несомненно, тот самый Нежата, который в 1137 г. был разграблен за поддержку Всеволода, а в 1139 г. бежал в Суздаль.

Святополк Мстиславич оставался на новгородском столе до 1150 г., когда великий князь Изяслав позвал его в Киев¹³. Во времена Святополка посадники в Новгороде сменились несколько раз. После Нежаты в 1146 г. был избран Костянтин Микульчич, бежавший некогда из Новгорода после изгнания Всеволода Мстиславича: «Даша посадничество Костянтину Микульчицю, а у Нежате оты-маша»¹⁴. В следующем году, когда Костянтин умер, посадничество вернулось к

¹⁰ ПСРЛ. Т. 1. С. 309.

¹¹ НПЛ. С. 161, 370.

¹² НПЛ. С. 27, 213; ПСРЛ. Т. 4. С. 7. И. И. Григорович (Опыт. С. 80, 82) называет двух Якунов — Мирославича под 1137 г. и Иванкова под 1140 г. Однако это разделение не согласуется с показаниями списков посадников и не обосновано документально. Судилу Иванковича И. И. Григорович (Там же. С. 83) называет «Судилой Иванковичем или Нежатицем». Последнее недоразумение вызвано неясностью показаний списка посадников в Комиссионной рукописи, где Нежата назван «Нежатиным», а так как это имя следует за именем Судилы, то вместо «Судила, Нежата» там читается «Судила Нежатин».

¹³ НПЛ. С. 28, 214; ПСРЛ. Т. 4. С. 8; Т. 5. С. 159; Т. 7. С. 45.

¹⁴ НПЛ. С. 27, 213.

Судиле Ивановичу¹⁵. Причины перемен в посадничестве не ясны, так как посадничество всякий раз переходит к кандидатам одной и той же античерниговской группировки. Более вероятно, что перечисленные посадники в действительности и не составляли единой группировки, а лишь внешне были объединены совместной борьбой против сторонников черниговской ориентации. Существование временной античерниговской коалиции разнородных боярских групп как бы отражено в судьбе Нежаты Твердятича. В его пользу отнято посадничество у Судилы, но сам он теряет власть в пользу Костянтина Микульчича. Между тем на протяжении своей политической карьеры он дважды подвергался расправе со стороны новгородцев — в 1137 г. вместе с Костянтином и в 1139 г. вместе с Судилой. Наличие известных нюансов в отношении всех этих посадников к правящему князю подчеркивается обновлением посадничества в 1146 г., когда был избран Костянтин Микульчич, политическое лицо которого наиболее ясно. Он вторично приходит к власти в тот момент, когда на великокняжеском столе оказался Изяслав Мстиславич, брат новгородского князя, т. е. во время главного триумфа Мстиславичей. Вполне очевидно, что в рассматриваемый период Мстиславичи поддерживаны представителями нескольких групп новгородского боярства, исключая группу, выдвинувшую в свое время Якуна Мирославича. Однако это объединение не было настолько тесным, чтобы ликвидировать внутренние противоречия образовавшегося союза.

Мстиславичи остаются на новгородском столе до 1155 г. После ухода из Новгорода Святополка в 1148 г. его место занял Ярослав Изяславич, сын великого князя и племянник Святополка Мстиславича. Его водворение в Новгороде не сопровождалось политической борьбой, а осуществилось по договоренности с великим князем¹⁶. В 1154 г. Ярослав был изгнан, но на его место новгородцы приняли Ростислава Мстиславича, брата Святополка. Ростислав пришел в Новгород 26 марта 1154 г., а в ноябре того же года, узнав о смерти великого князя Изяслава, покинул Новгород и оставил вместо себя своего сына Давыда¹⁷.

Весь период правления Мстиславичей производит впечатление реставрации старых порядков, конец которым, казалось, был положен восстанием 1136 г. Князья уходят из Новгорода по своему желанию или по желанию великого князя. Договор с Новгородом как будто не имеет для них значения. Поддерживающие Мстиславичей круги новгородского боярства, таким образом, борются за власть не с помощью постоянного контроля за князем и поддержания ряда, а с помощью услужливого союза с князем, прощая ему нарушения договора. Напомним, однако, что и Якун Мирославич, представлявший инте-

¹⁵ НПЛ. С. 27, 214.

¹⁶ НПЛ. С. 28, 214; ПСРЛ. Т. 4. С. 8; Т. 5. С. 159; Т. 7. С. 45.

¹⁷ НПЛ. С. 29, 215; ПСРЛ. Т. 1. С. 147; Т. 2. С. 77; Т. 4. С. 8; Т. 5. С. 160; Т. 7. С. 62.

ресы той группы, которая выражала иные симпатии, проводил такую же политику и даже сам вынужден был бежать, поддержав князя в его намерении нарушить ряд с Новгородом.

Стремление новгородского боярства к власти должно было во всех боярских группировках порождать антикняжеские тенденции, однако эти тенденции не могли заслонить внутренних противоречий боярства в его борьбе за власть. Знакомая с историей посадничества и княжеского стола в Новгороде середины XII в., мы снова возвращаемся к уже изложенному тезису. Стремясь к господству, ни одна из боярских группировок не была в силах удержать власть без союза с князем, а этот союз находился в противоречии с завоеваниями 1117—1136 гг. Отсюда в значительной степени проистекает та двойственность форм государственной жизни, которая присуща Новгороду на протяжении длительного периода. В XII—XIII вв. Новгород не был аристократической республикой в полном смысле слова, однако он не был и монархией. С течением времени последняя постепенно теряла позиции, но до конца XIII в. она всегда могла находить опору в любой части боярства. Развитие республиканских органов нельзя представить себе в виде постоянно и неуклонно прогрессирующего процесса. Напротив, сама расстановка политических сил в Новгороде XII в. превращала этот процесс в колебательный, приводя подчас к временным усилениям княжеской власти.

С другой стороны, двусмысленная политика, которой следуют все группировки новгородского боярства, неизбежно ведет к дискредитации тех политических лозунгов, которыми боярство обеспечивало себе широкую поддержку горожан в антикняжеской борьбе. Принципы «свободы» и «вольности в князьях» подменяются принципом союза с князем для обеспечения победы во внутрибоярской борьбе за власть. Можно думать, что изгнание князя Ярослава Изяславича в 1154 г., а до того замена Ярославом Святополка Мстиславича в 1148 г. произошли в результате общего недовольства горожан, поскольку эти перевороты не сопровождаются борьбой боярских групп. Показательно, что Святополк Мстиславич был выведен из Новгорода «злости ради его»¹⁸.

События 1154—1155 гг., отдавшие великокняжеский стол в руки Юрия Долгорукого, привели к падению Мстиславичей и поддерживавших их боярских групп в Новгороде. 30 января 1155 г. был изгнан Давыд Ростиславич, а на его место приглашен сын Юрия Долгорукого Мстислав, остававшийся в Новгороде до 1157 г.¹⁹ Вскоре после вокняжения Мстислава «согнаша новгородци Судила с посадничества, и по изгнании 5 день умре; и по том даша посадничество Якуну Мирославичу»²⁰.

¹⁸ НПЛ. С. 28, 214.

¹⁹ Там же. С. 30, 217; ПСРЛ. Т. 1. С. 149; Т. 2. С. 82, 305; Т. 4. С. 10; Т. 7. С. 66.

²⁰ Там же.

На первый взгляд это весьма неожиданное сочетание: сын Юрия Долгорукого оказывается в союзе с врагом Юрия — Якуном, подвергшимся за 15 лет до того публичному позору, избитым, закованным в цепи и жившим из милости при дворе суздальских князей. Однако мы уже видели, что за прошедшее с тех пор время политические привязанности враждующих боярских группировок заметно изменились. Судила, в 1141 г. выступавший на стороне суздальского князя, уже в 1142 г. поддерживает Мстиславичей, когда их союз с Суздалем прекратил существование. Такую же эволюцию пережил и Нежата, вместе с Судилой стоявший на стороне Юрия Долгорукого, когда тот выступал против черниговских князей, и порвавший с ним, когда Юрий стал поддерживать черниговцев. Коль скоро обстоятельства привели к падению в Новгороде Мстиславичей, вместе с ними должны были утратить власть и все группы боярства, выступавшие в их поддержку, а к власти должен был прийти тот круг, с которым связан Якун Мирославич.

В то же время приход Якуна к власти может быть результатом и более глубоких причин. Его выдвижением посадничеству придавался тот закономерный характер, который лежит в основе этого института, — характер боярской власти, противостоящей власти князя.

Отсутствие непосредственной приверженности Якуна Мирославича к Юрию Долгорукому наглядно показывают последующие события. В 1157 г., когда Юрий Долгорукий умер, на великокняжеском столе оказался черниговский князь Изяслав Давыдович, которому была оказана поддержка Мстиславичами. Еще до смерти Юрия этот новый союз определился достаточно четко. Его задачей была война с Юрием, не состоявшаяся только из-за смерти последнего. Хорошо известны слова Изяслава Давыдовича, произнесенные им в момент получения известия о кончине Юрия: «Благословен еси Господь, оже мя розсудил с ним смертию, а не кровопролитием»²¹. Все эти события происходят в одно время с очередным новгородским переворотом, возглавленным Якуном Мирославичем. В Новгороде начинается «котора зла в людех, и всташа на князя Мстислава на Юрьевича, и начаша изгонити из Новгорода, торговы же послаша в оружьи по нем; и свадиша братиа, и мост переимаша на Волхове, и сташа сторожи у городских ворот, а друзии на оном полу, мало же крови не пролиаша межи собою»²². Столкновение закончилось вступлением в город сначала Святослава и Давыда, а затем и их отца Ростислава Мстиславича. Мстислав Юрьевич ночью бежал из Новгорода. При расколе Новгорода в ходе столкновения посадник и князь оказываются в противоположных лагерях, так как посадничество Якуна продолжается до 1160 г.

²¹ ПСРЛ. Т. 2. С. 81, 304; Т. 7. С. 66.

²² НПЛ. С. 30, 217; ПСРЛ. Т. 1. С. 149; Т. 2. С. 82; Т. 4. С. 10; Т. 7. С. 66.

Политика союзов боярских групп с разными князьями в конечном счете вращается вокруг отношения к черниговским князьям, и ее начало, таким образом, восходит к борьбе 1136 г. В ходе столкновений 1136—1157 гг. четко определяются две основные группы новгородского боярства. Одна, которую представляет Якун Мирославич, стремится к союзу с черниговскими князьями, заключая для поддержания этого союза соглашения с Суздалем и Мстиславичами. Другая — с Судилой, Нежатой и Костянтином Микульичем — является античерниговской группировкой и так же последовательно вступает в соглашения с Суздалем и Мстиславичами. Между собой обе группы непримиримы, и в действительности противоречия между ними определяют выбор союзов с определенными князьями. Однако вторая группировка не кажется целостной, внутри нее самой идет борьба за посадничество.

В цитированном сообщении 1157 г. обращает на себя внимание одно весьма важное обстоятельство. Сторонниками Якуна Мирославича в Новгороде оказываются жители Софийской стороны. Это первое прямое летописное указание на территориальную принадлежность одной из боярских группировок.

В 1159 г. приходит конец союзу смоленских Мономаховичей с Черниговом. Ростислав Мстиславич занимает великокняжеский стол, и на Руси практически остаются лишь две старые княжеские группировки, имевшие силу и выступавшие в разных лагерях: смоленские Ростиславичи и суздальские князья.

Новгородский посадник Якун Мирославич остается на стороне Ростиславичей. Эта связь становится особенно наглядной в 1160 г., когда в Новгороде победила враждебная Якуну боярская группа во главе с Нежатой. Святослав Ростиславич был выслан в Ладогу, его княгиня «впущена» в монастырь, а дружина «всажена в погреб». 21 июня 1160 г. на новгородский стол пришел внук Юрия Долгорукого и сын изгнанного в 1142 г. Ростислава — Мстислав. Но еще до этого, «той же зиме», посадничество было отобрано у Якуна Мирославича и передано Нежате. Продолжительная карьера Нежаты закончилась в следующем, 1161 г., когда в Новгороде, по договоренности великого князя Ростислава Мстиславича с Андреем Боголюбским, вновь водворился Святослав Ростиславич, а Мстислав был выведен: «отъяша посадничество у Нежате, а Захарии даша»²³.

Выступление 1160 г. содержит очевидный протест против возрождения прокиевской схемы взаимоотношения Новгорода с князем. Будучи сыном великого князя, Святослав Ростиславич своим княжением воплощал старую идею зависимости Новгорода от Киева. Весьма показательно, что в выступлении против него наиболее активную силу составляло черное население Новгорода. В. Н. Татищев, рассказывая о ходе переговоров между Новгородом и Рос-

²³ НПЛ. С. 30—31, 218; ПСРЛ. Т. 4. С. 11; Т. 5. С. 162; Т. 7. С. 75.

тиславом Мстиславичем в 1161 г., когда Нежата потерпел поражение, сообщает, что новгородское посольство было отправлено в Киев «просить прощения о учиненном сыну его Святославу бещестии и разорении, полагая вину ту на смердь»²⁴.

Избранный в 1161 г. посадник Захария в приведенном выше контексте упоминается в Новгородской Первой летописи старшего извода, тогда как в списках младшего извода он именуется Озарией. В первой главе настоящего исследования уже отмечено, что эта путаница является следствием недоразумения, основанного на близости имен, и нашла отражение также и в Списке Б. Ко времени посадничества Захарии относится любопытное сообщение о судьбе Нежаты. В 1164 г. он оказывается ладожским посадником²⁵, т. е. сидит именно там, куда новгородцами по его инициативе в 1160 г. был выслан теперешний новгородский князь Святослав Ростиславич.

Захария, избранный на вече в связи с победой Святослава, остается его единомышленником до конца своего посадничества. Княжение Святослава оканчивается в 1167 г. гибелью посадника, павшего жертвой политических привязанностей своей группы. В 1164 г. Захария вместе с князем руководит ратью, отбившей нападение шведов на Ладогу. В 1165 г. вместе с князем он встречает вновь поставленного архиепископа Илию²⁶. В 1167 г. Святослав, рассорившись с новгородцами, ушел в Луки и оттуда заявил Новгороду: «Не хоцю у вас княжити, не любо ми есть». Пожелание князя вопреки его расчетам встретило полное сочувствие у новгородцев, которые ответили: «Не хотим его». Началась война, в ходе которой Святослав Ростиславич ушел из Лук в Торопец, а затем на Волгу, где получил помощь от Андрея Боголюбского. Новгородцы, выступая против этого союза, делают ставку на нового великого князя Мстислава Изяславича. Война приобретает широкий характер. Были сожжены Новый Торг и Луки. На помощь Святославу приходят смоляне и полочане, перерезавшие пути от Новгорода к Киеву. В этой обстановке были убиты посадник Захария, Неревин и бирич Несда, державшие перевет к Святославу, а посадничество получил Якун²⁷.

Сама политическая обстановка, при которой посадником мог быть избран только противник Ростиславичей, не позволяет отождествить этого Якуна с действовавшим до 1160 г. Якуном Мирославичем. Здесь мы имеем дело с простым совпадением весьма распространенного в Новгороде имени. Действительно, Список А в соответствующем месте называет не одного, а двух Якунов: «Кос-

²⁴ *Татищев В. Н.* История Российская с самых древнейших времен. Кн. 3. М., 1774. С. 135.

²⁵ НПЛ. С. 31, 218.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. С. 32, 219—220.

тянтин, Якун, Судило, Нежата, Захария, Якун»²⁸. Если посадник Захария по своим политическим симпатиям может быть отнесен к той части новгородского боярства, к какой принадлежал Якун Мирославич, то второго Якуна следует связывать с группировками Судилы, Нежаты и Костянтина Микульчича.

Избрание Якуна произошло в 1167 г. при обстоятельствах, подобных тем, какие мы уже наблюдали при избрании Судилы в 1141 г. Якун стал посадником в тот момент, когда место князя пустовало: «Даша посадничество Якуну; и сеша новгородци без князя от Смена дня до Велика дня о Якуне, ожидающе от Мстислава сына». Семенов день бывает 1 сентября, а новый князь Роман Мстиславич пришел в Новгород на пасху 14 апреля 1168 г.²⁹. Следовательно, единовластие посадника продолжалось не менее семи месяцев. Посадник Якун в дальнейшем упоминается вместе с князем Романом под 1170 г. в рассказе об известной битве новгородцев с суздальцами и о чуде от иконы «Знамение»³⁰. Это последнее сообщение о нем. Под 1171 г. рассказывается уже о том, как князь Рюрик Ростиславич отнял посадничество у Жирослава³¹.

В летописи отсутствует указание на хронологический рубеж между посадничествами Якуна и Жирослава. По-видимому, этот рубеж вообще невозможно установить даже обращением к анализу политических событий 1170—1171 гг. Существует одна формальная возможность назвать подходящую дату, но при ближайшем рассмотрении использование этой возможности оказывается неверным. В 1170 г. новгородцы «сдумавше» показали путь князю Роману и обратились к Андрею Боголюбскому, прося у него мира «на всей воли нашей и даи же нам князь»³². Происходит резкий поворот в политических связях, в силу которого между Ростиславичами, союзными Андрею Боголюбскому, и Новгородом восстанавливается мир. 4 октября 1170 г. на новгородский стол садится Рюрик Ростиславич, и, казалось бы, смену посадников следует связывать именно с этой датой. Однако первые же действия нового князя опровергают такое предположение. В 1171 г. «отьяше князь Рюрик посадничество у Жирослава и выгнаша его из Новагорода, и он поидяше к Суздалью к князю Андрею, и даша тогда посадничество Иванкови Захарыиницу»³³.

²⁸ И. И. Григорович (Опыт. С. 88) называет этого Якуна — Андреевичем. М. Щербатов (История Российская от древнейших времен. Т. 2. СПб., 1774. С. 308) именует его Станиславичем. Ни то, ни другое положение не подкреплено документально.

²⁹ НПЛ. С. 32, 220; ПСРЛ. Т. 4. С. 12.

³⁰ НПЛ. С. 33, 221; ПСРЛ. Т. 4. С. 12, 177; Т. 5. С. 164.

³¹ НПЛ. С. 34, 222; ПСРЛ. Т. 4. С. 13.

³² НПЛ. С. 33, 221; ПСРЛ. Т. 4. С. 12, 177; Т. 5. С. 164.

³³ НПЛ. С. 34, 222; ПСРЛ. Т. 4. С. 13. И. И. Григорович (Опыт. С. 91) относит к числу новгородских посадников Ваську Буслаева, скончавшегося в 1171 г. Это предположение достаточно противоречиво и не подтверждается источниками. Его недосто-

По-видимому, политический переворот 1170 г. произошел в Новгороде вопреки Жирославу, а сам Жирослав пришел на посадничество в 1170 г. в порядке простой преемственности после смерти Якуна, бесследно исчезнувшего из летописного рассказа.

Особо отметим, что после смерти Мирослава Гюрятинича в 1136 г. это второй случай, когда переход посадничества осуществляется не насильственным путем (первый — смерть Костянтина Микульчича в 1147 г.). На протяжении 1136—1171 гг., за какие-нибудь 35 лет, в истории новгородского посадничества было не менее десяти переворотов, что говорит о сильнейшем накале внутрибоярской розни в борьбе за власть.

Несколько месяцев Жирослав сосуществует с князем Рюриком Ростиславичем, пока Рюрик еще поддерживает видимость союза с Андреем Боголюбским. Однако окончательный разрыв Рюрика с Андреем в начале 1171 г. настолько изменил политическую ситуацию, что фигура Жирослава на месте посадника оказалась совершенно неприемлемой для победившей вместе с Рюриком Ростиславичем группы бояр. Зимой того же 1171 г. Рюрик Ростиславич оставил новгородский стол, и новгородцы вновь послали «к Андрееви по сын». Это событие вернуло посадничество Жирославу: «И присла Жирослава посадничати с мужи своими»³⁴. Жирослав во второй раз водворяется в Новгороде еще до решения судьбы княжеского стола: сообщение о прибытии князя Юрия Андреевича относится уже к следующему, 1172 г. В течение нескольких месяцев Жирослав правит единовластно.

Вскоре после начала княжения Юрия Андреевича между ним и новгородцами возникает конфликт, серьезность которого подчеркивает летописный рассказ. В развитие этого конфликта «ходи архиепископ новгородцкый Илья ко Андрееви в Володимир, ходил бяше на всю правду», а посадничество «тогда же» было возвращено стороннику Ростиславичей и противнику Суздаля Иванке Захарьиничу³⁵.

Собственно с этого момента в политической истории новгородского боярства начинается новый период, характеристика которого будет дана в следующем разделе исследования. Здесь же пора подвести некоторые итоги уже изложенным наблюдениям.

Ставя перед собой цель установить связи различных боровшихся между собой боярских группировок с определенными территориями Новгорода, мы хорошо представляем себе те опасности, к которым может привести увлечение некоторыми косвенными показаниями источников. К таким указаниям отно-

---

верность уже отмечалась в литературе. См.: *Шамбинаго С.* Песни времени царя Ивана Грозного. Сергиев Посад, 1914. С. 147 и сл.

³⁴ НПЛ. С. 34, 222; ПСРЛ. Т. 4. С. 13.

³⁵ Там же.

ся аналогии в политических привязанностях и констатация родственных связей. Вполне очевидно, что политические привязанности отдельных боярских групп могли резко меняться. Что касается родственных связей, то в результате браков сыновья посадников в иных случаях могли оказаться не в тех концах, в которых жили их отцы. Следует учитывать и возможность политических противоречий внутри боярства одних и тех же территорий. Необходимы независимые от приведенных выше сообщений показания источников, чтобы иметь возможность говорить о территориальной принадлежности уже известных нам посадников.

Весь рассмотренный период с 1136 г. до середины 1170-х гг. наполнен постоянной и незатихающей борьбой различных групп новгородского боярства за власть. Рассматривая ход и обстоятельства этой борьбы, можно говорить о существовании нескольких группировок, каждая из которых не обладает решительными преимуществами в борьбе. Эти группировки блокируются друг с другом и с разными князьями так, что главными противниками оказываются, с одной стороны, группа, которую представляют Якун Мирославич, Захария и Иванко Захарынич, а с другой — группа с посадниками Судилой, Нежтой, Костянтином Микульичем, Якуном и Жирославом.

Первая группа в своей политике связана первоначально с черниговскими князьями Святославом Ольговичем и Изяславом Давыдовичем, а затем с Ростиславом Мстиславичем и Ростиславичами. Политические связи второй группы характеризуются полной противоположностью связям первой группы: союз с Суздалем, когда Суздаль выступает против черниговских князей, и борьба против Суздаля, когда черниговцы выступают вместе с суздальцами; союз с Суздалем, когда Суздаль выступает против Ростиславичей, и война с Суздалем, когда Суздаль находится в союзе с Ростиславичами.

Союз с князьями в этот период становится важнейшим элементом внутрибоярской борьбы. Поэтому антикняжеская борьба боярства отодвигается на второй план. Более того, она практически неосуществима, так как в собственном соперничестве, в стремлении к власти боярство может идти только по пути уступок князьям. В то время как вопрос о личности князя оказывается в зависимости от успеха или неуспеха союзных ему группировок внутри Новгорода, сама княжеская власть как государственный институт приобретает более независимый характер. Князья отказываются от новгородского стола по собственной инициативе. Иногда вопрос о князе решается не в Новгороде, а за его пределами. Так, в 1148 г. отозван в Киев Святополк Мстиславич и заменен по воле великого князя Ярославом Изяславичем. Так, в 1154 г. из Новгорода уходит Ростислав Мстиславич, оставляя вместо себя своего сына Давыда. Так, в 1161 г. вторичное водворение в Новгороде Святослава Ростиславича основывается на договоре великого князя и Андрея Боголюбского.

Можно отметить также тенденцию к восстановлению старой схемы взаимоотношения Новгорода с великими князьями: новгородский князь — союзник и фактический ставленник Киева.

Усиление княжеской власти прослеживается и при наблюдениях над отношениями князя и посадника. В 1171 г. посадничество у Жирослава отнимает не Новгород, а князь Рюрик, даже изгоняющий неугодного ему посадника из Новгорода. Тот же Жирослав получает вторичное посадничество по желанию Андрея Боголюбского, который присылает его посадничать «с мужи своими». Взаимная поддержка князя и союзной ему группы боярства, стоявшей у власти, приобретает постоянный характер, удобный для обоих союзников.

Таким образом, внутрибоярская борьба в Новгороде постоянно включала в себя элемент предательства интересов боярской республики. Дальнейшее развитие республиканских органов могло быть обеспечено только сплочением новгородского боярства против князя. Но коль скоро борьба боярских группировок продолжалась и расширялась, новая государственность оставалась в шатком положении.

Пора также подвести и хронологические итоги. Очередность посадников, прослеженная по сообщениям летописи, продолжает последовательно совпадать с показаниями Списка А:

Летопись

Список А

1137—1141 Якун Мирославич	(22) Якун
1141—1144 Судила Иванкович	(23) Судило
1144—1146 Нежата Твердятич	(24) Нежата
1146—1147 Костянтин Микульич (2-й раз)	
1147—1156 Судила Иванкович (2-й раз)	
1156—1160 Якун Мирославич (2-й раз)	
1160—1161 Нежата Твердятич (2-й раз)	
1161—1167 Захария	(25) Захария
1167—1170 Якун	(26) Якун
1170—1171 Жирослав	(27) Жирослав
1171 Иванко Захарьинич	(28) Иванко
1171—1172 Жирослав (2-й раз)	
1172—1175 Иванко Захарьинич (2-й раз)	

Мы еще раз убеждаемся в хорошей осведомленности Списка А, не допускающего ни пропусков, ни нарушения очередности имен. Независимость этой части списка от летописных источников, в частности, подтверждается наличием в ней двух Якунов, действовавших в близкое время, вопреки неясности летописного рассказа, лаконичность которого могла бы дать основание для их ошибочного отождествления.

ВОЗОБНОВЛЕНИЕ АНТИКНЯЖЕСКОЙ БОРЬБЫ БОЯРСТВА В КОНЦЕ XII в.

На период второго посадничества Иванки Захарьинича, продолжавшегося до его смерти в 1175 г.³⁶, падает новая резкая перемена политической ситуации на Руси. В 1174 г. был убит Андрей Боголюбский и началась борьба за его наследство. Отражение этой борьбы в Новгороде в 1175 г. наблюдается и в судьбах княжеского стола, и в судьбах посадничества. Сначала новгородцы прогоняют князя Юрия Андреевича, не имевшего шансов на победу, и сажают у себя малолетнего Святослава Мстиславича, правнука Юрия Долгорукого и сына одного из сильнейших претендентов на суздальское наследство. Затем на новгородском столе появляется сам этот претендент Мстислав Ростиславич, потерпевший поражение от своего дяди Михалки, утвердившегося во Владимире.

В начале года умер посадник Иванко Захарьинич и посадничество вернулось к Жирославу. Однако очень скоро, в том же 1175 г., Жирослав вновь потерял власть, которая была дана Завиду Невероничу³⁷. Падение Жирослава станет понятным, если обратиться к фактам, последовавшим за избранием Завида Неверонича. Весной 1176 г. князь Мстислав Ростиславич женится в Новгороде на дочери бывшего посадника Якуна Мирославича, заключив тем самым союз с иной боярской группировкой, враждебной Жирославу. Эта группа, к которой принадлежит и Завид Неверонич, становится на сторону Мстислава и с ним выступает сначала против Михалки, а затем против Всеволода Юрьевича.

Принадлежность Завида Неверонича к группе Якуна Мирославича, Захарии и Иванки Захарьинича в какой-то степени может быть обоснована не только наблюдениями над общим ходом событий 1175—1176 гг. «Невероничем» Завида называют только Новгородская Первая летопись младшего извода и вслед за ней Список Б, тогда как во всех остальных многочисленных текстах он именуется «Неревиничем», что позволяет предполагать в нем сына боярина Неревина, убитого вместе с Захарией в 1167 г.

---

³⁶ И. И. Григорович (Опыт. С. 93) говорит о посадничестве в 1174 г. Бориса Жидиславича. Однако Борис, судя по всем летописным сообщениям о нем, был княжеским воеводой. В 1169 г. он послан Андреем Боголюбским в поход на киевского князя Мстислава Изяславича (ПСРЛ. Т. 2. С. 99, 310; Т. 7. С. 84); в 1173 г. отправлен Андреем к Новгороду на Романа Мстиславича (ПСРЛ. Т. 2. С. 105, 312); в том же году участвует в походе Мстислава Андреевича на Булгар (ПСРЛ. Т. 1. С. 155; Т. 2. С. 106; Т. 7. С. 88); в 1174 г. послан Андреем на Ростиславичей (ПСРЛ. Т. 1. С. 155—156; Т. 2. С. 109, 315; Т. 4. С. 13; Т. 5. С. 164); в 1177 г. взят в плен Всеволодом III на Колокше (ПСРД. Т. 1. С. 162; Т. 4. С. 14; Т. 5. С. 167; Т. 7. С. 94). Это даже не новгородский, а суздальский боярин.

³⁷ НПЛ. С. 35, 224; ПСРЛ. Т. 4. С. 13.

Дальнейшие события складываются неблагоприятно для нового посадника Завида. В 1176 г. умер князь Михалко, и Мстислав Ростиславич после неудачной попытки овладеть владимирским столом вынужден был уступить его Всеволоду. После этого поражения новгородцы показали путь и Мстиславу, и его сыну Святославу. В Новгород был приглашен князь Ярослав Мстиславич, присланный Всеволодом ³⁸.

В 1177 г., однако, положение меняется. Мстислав Ростиславич, изгнанный из Новгорода, и его брат Ярополк пускаются в политическую спекуляцию, объявив, что Всеволод лишил их зрения. В очень скором времени оба брата чудесным образом «прозрели» в церкви Бориса и Глеба на Смядыни в Смоленске и снискали к себе всеобщие симпатии своим «мученичеством». Показательно, что новоявленных «Бориса и Глеба» поддерживали смоленские Ростиславовичи, на которых долгое время опиралась группа новгородского боярства, включавшая Завида Неревинича. Зимой 1177 г. оба брата приходят в Новгород, и Мстислав возвращает себе утраченный было стол. После его смерти в 1178 г. новгородское княжение переходит к другому участнику «чуда» — Ярополку. В ответ на действия новгородцев Всеволод Юрьевич начинает против них войну. Примирению не способствовало даже изгнание из Новгорода Ярополка, и новгородцы заключают союз со смоленскими Ростиславичами, пригласив на стол сначала Бориса Романовича (1178 г.) и, наконец, Мстислава Ростиславича Храброго (1179 г.). 14 июня 1180 г. Мстислав Храбрый умер, а 17 августа на новгородском столе появляется сын киевского великого князя из черниговской линии Владимир Святославич, деятельность которого до этого времени протекала в явном контакте с Всеволодом III. Это изменение ориентации вызывает перемену в посадничестве: «Тогда же отъяша посадничество у Завида и вдаша Михалку Степановичу» ³⁹.

Основываясь на летописном рассказе, мы должны были бы датировать посадничество Завида Неревинича 1175—1180 годами. Однако непрерывности его правления противоречит княжение Ярослава Мстиславича, приходящееся на 1176—1177 гг. Если в 1175—1176 и в 1177—1180 гг. Завид осуществляет свою деятельность в такой ситуации, которая первоначально способствовала его избранию, т. е. с князьями антивсеговолодовской коалиции, то в 1176—1177 гг. создались условия, несовместимые с его посадничеством. Изгнание Мстислава в 1176 г. произошло в результате временной победы боярской группировки, враждебной Завиду, и трудно представить себе, что, расправившись с князем, она остановилась на половине дороги к власти. Летопись в текстах, относящихся к этому времени, ничего не говорит об изменении в посадничестве, однако обра-

³⁸ НПЛ. С. 35, 224; ПСРЛ. Т. 1. С. 162; Т. 4. С. 14; Т. 5. С. 166—167; Т. 7. С. 93.

³⁹ НПЛ. С. 36, 226.

пает на себя внимание одно как будто незначительное сообщение о сооружении зимой 1176/1177 г. новой церкви св. Михаила Михалкой Степановичем⁴⁰. Этот тот самый Михалко, который сменил Завида в 1180 г. при новом изменении политической ситуации. Мы можем высказать предположение о том, что в 1175—1180 гг. в действительности было не одно посадничество Завида Неревинича, а два — в 1175—1176 и в 1177—1180 гг. — и что промежуток между ними заполнен деятельностью Михалки.

Политическое лицо Михалки Степановича проявляется в его посадничьей деятельности. Летописец не указывает причин его падения. Мы не узнаем из летописи даты окончания его посадничества, начавшегося в 1180 г., но под 1186 г. неожиданно читаем: «Иде Завид к Давыду к Смоленску, и вдаша посадничество Михалкови Степаницю»⁴¹. Следовательно, между 1180 и 1186 гг. Михалко снова вынужден был уступить свое место Завиду. Рассмотрим события этих лет.

В течение некоторого времени новгородский стол остается за черниговскими князьями Владимиром (1180 г.), его отцом Святославом (1180—1181 гг.), снова Владимиром (1181 г.). Эти князья прекращают союз с Всеволодом Юрьевичем и на всем протяжении своей новгородской деятельности воюют с ним. Зимой 1181/1182 г. новгородцы показали путь Владимиру Святославичу и «послашася ко Всеволоду, и вдасть им свояка своего» Ярослава Владимировича. В 1184 г. «прислав Всеволод, выведе свояка своего из Новгорода Ярослава Владимировича: негодовахуть бо ему новгородцы, зане много творяще пакости волости новгородцкои. И послаша к Смоленску к Давидови по сын; и вда им Мстислава, и ведоша и к Новгороду и посадиша и на столе»⁴².

Мы видели, что Завид Неревинич был связан со смоленскими Ростиславичами, и имеем основание полагать, что именно с приглашением Мстислава в 1184 г. было связано новое возвышение Завида.

В 1186 г. политическая борьба в Новгороде достигает значительной остроты. Посадник Завид был вынужден уйти в Смоленск к князю Давыду, а посадничество снова оказалось в руках Михалки Степановича⁴³. Эта перемена была следствием вооруженного столкновения. Зимой 1186 г. новгородцы убили Гав-

⁴⁰ НПЛ. С. 35, 224; ПСРЛ. Т. 4. С. 13.

⁴¹ НПЛ. С. 38, 228.

⁴² НПЛ. С. 37, 228; ПСРЛ. Т. 4. С. 16; Т. 5. С. 168; Т. 7. С. 97.

⁴³ НПЛ. С. 38, 228; ПСРЛ. Т. 4. С. 17. И. И. Григорович (Опыт. С. 97) сообщает о построении в 1185 г. церкви Вознесения на Прусской улице «посадником» Милонегом, или Миронегом. Однако летописи в этом сообщении не титулуют Миронегу, а спустя шесть лет в рассказе об освящении этой церкви он называется тысяцким (НПЛ. С. 39, 230). Кроме того, отсутствующий в списках посадников Миронег назван в списке тысяцких (НПЛ. С. 472).

рилу Неревинича и Вача Свиновича, сбросив их с моста. То, что Гаврила был родным братом посадника, кажется несомненным, поскольку убийство Гаврилы и побег Завида происходят в процессе развития одних и тех же событий.

Совмещение у власти Михалки Степановича и его политического противника князя Мстислава Давыдовича было временным. В 1187 г. «выгнаша новгородцы князя Мстислава Давыдовича, и послаша ко Всеволоду в Володимир по Ярослава по Володимирица, и вниде в Новгород и седе на столе ноября в 20»⁴⁴. Тем самым восстановилось положение 1182—1184 гг. с Ярославом на столе и Михалкой на посадничестве.

Второе княжение Ярослава Владимировича продолжалось до 26 ноября 1196 г., и этот период характеризуется возобновлением всех тех противоречий, какие существовали в его первое княжение. Первая вспышка политической борьбы относится к 1189 г. и приводит к падению Михалки Степановича и его группировки, поддерживавшей суздальского ставленника. Посадничество переходит к Мирошке Несдиничу⁴⁵, отчество которого как будто указывает на его связь с группировкой Завида Неревинича: напомним, что среди бояр, убитых в 1167 г. вместе с посадником Захарией, были Неревин и Несда. Сосуществование Мирошки и Ярослава Владимировича, является ярким примером политического двоевластия в Новгороде. Ярослав с устранением Михалки лишился своей главной поддержки внутри Новгорода. Мирошка принадлежит к группировке, враждебной Ярославу, но, по-видимому, не имеющей сил заменить его своим ставленником.

Если до 1189 г. основной политической чертой новгородского посадничества был активный союз с князем, взаимная поддержка князя и посадника, в силу чего княжение получало преимущество перед боярской властью, теперь посадничество противостоит князю, возвращает себе характер антикняжеской организации. Формирование республиканской государственности Новгорода вступает в новую фазу. Следует отметить, что начало активной борьбы боярства с князем относится к 1189 г. Успехи княжеской власти, ее расширение за счет новгородских «свобод» порождают противодействие уже в начале 1170-х гг. В 1172 г. архиепископ Илия ходил во Владимир к Андрею Боголюбскому «на всю правду», когда на новгородском столе сидел сын Андрея Юрий. В 1184 г. Всеволод III был вынужден вывести из Новгорода своего сваяка Ярослава Владимировича, «творившего много пакости волости новгородской». Заметим, что оба этих случая связаны с инициативой той группировки, к которой мы отнесли Мирошку Несдинича. Поездка Илии «на всю правду» в 1172 г. совпала с переворотом в посадничестве, вернувшим власть Иванке Захарьиичу, а в ходе конфликта 1184 г. посадничество получил Завид Неревинич.

⁴⁴ НПЛ. С. 39, 229; ПСРЛ. Т. 4. С. 17; Т. 5. С. 169.

⁴⁵ Там же.

Переход Мирошки Несдиниича к активной антикняжеской борьбе открывал перед ним возможности широкой консолидации антикняжеских сил. Ставя перед собой цель укрепить боярскую власть за счет княжеской, Мирошка получал возможность привлечь на свою сторону значительные круги боярства, в том числе и из традиционно враждебных ему группировок. Сами лозунги борьбы с княжеской властью и возвращения новгородских «свобод» были способны привлечь на сторону посадника широкие слои черного населения. В этой связи мы считаем одним из главных событий посадничества Мирошки Несдиниича дальнейшее укрепление республиканской государственности созданием нового органа республиканского управления — института тысяцких.

Первым новгородским тысяцким летописный список тысяцких называет Миронег, или Милонег⁴⁶. В летописном рассказе Милонег фигурирует дважды как строитель церкви Вознесения на Прусской улице. В 1185 г. на его средства закладывается эта церковь, причем под этой датой он еще не был тысяцким, так как в текстах указанного года Милонег не титулуется вовсе. В 1191 г. церковь была закончена и освящена, при этом Милонег впервые поименован тысяцким⁴⁷.

Чтобы оценить важность государственного нововведения Мирошки, следует остановиться на достаточно сложном вопросе о содержании власти тысяцкого в первый период существования нового института, а этот вопрос не может быть решен до тех пор, пока не будет определено общее содержание княжеской власти в Новгороде XII в. Обращаясь к литературным оценкам этих институтов, мы, к сожалению, в начале 1960-х гг. не могли отметить сколько-нибудь аргументированных характеристик, хотя сами эти характеристики были весьма распространены и повторялись постоянно.

Общее представление о роли князя в Новгороде наиболее сжато сформулировано в коллективных «Очерках истории СССР», откуда и заимствуется следующая оценка: «Новгородцы не устранили князя. Князь приглашался в республику, но его роль была сведена к роли военачальника, вооруженные силы которого использовались боярством для внутри- и внешнеполитических задач. Князь был ограничен в суде и управлении, не имел права приобретать земли в новгородских владениях»⁴⁸. Продолжим цитирование, чтобы уяснить, какой представлялась вся система государственного управления в Новгороде XII в.

«Среди выборных должностных лиц Новгорода первое место занял новгородский епископ. Он был хранителем новгородской государственной казны и владельцем обширных государственных земель, основной фонд которых со-

⁴⁶ НПЛ. С. 472.

⁴⁷ Там же. С. 38—39, 228, 230; ПСРЛ. Т. 4. С. 16.

⁴⁸ Очерки истории СССР. Период феодализма. IX—XV вв. Ч. 1. М., 1953. С. 351.

ставился из конфискованных владений князя, переданных Софийскому собору. Ему принадлежало право церковного суда и наблюдения над торговыми мерами. Вместе с боярской знатью он ведал внешней политикой республики, при его дворе велась новгородская летопись. Новгородский епископ («владыка»), получивший в 1165 г. сан архиепископа, председательствовал в «Совете господ» — правительственном органе боярской олигархии. Политическая роль архиепископа определялась прежде всего тем, что он был крупнейшим из новгородских феодалов.

Посадник и тысяцкий являлись представителями исполнительной власти веча. Им были вверены важнейшие дела внутреннего управления и внешней политики Новгорода. В руках посадника находились верховный суд республики, право назначения и смещения должностных лиц, контроль за деятельностью князя. Вместе с князем посадник выступал в походах во главе новгородского войска. Тысяцкий был первым помощником посадника. Он предводительствовал городским ополчением. В качестве одного из купеческих старост он имел право торгового суда»⁴⁹.

В свете всех этих характеристик роль князя в государственном управлении представляется мизерной, а успехи республики настолько последовательными и решительными, что, оценивая в дальнейшем новгородскую государственность XIV—XV вв., авторы «Очерков» не смогли сказать ничего существенного о результатах ее развития за двести лет, отделяющие середину XII в. от середины XIV в.⁵⁰

Рассмотрим основные тезисы этих характеристик. Даже в позднейший период существования независимого Новгородского государства функции княжеского аппарата вовсе не сводятся к руководству войсками. Как это явствует из Новгородской Судной грамоты XV в., княжеская власть наравне с посадничеством даже в последний период новгородской независимости была одним из важнейших государственных органов, носителем юрисдикции, в применении которой в XV в. существует принцип взаимозависимости князя и посадника в судебной деятельности. Князь вершит суд, скрепляет своей печатью судебные решения и земельные пожалования, получает причитающуюся ему печатную пошлину, но не имеет права «кончать суд без посадника». До нас дошло несколько сот новгородских княжеских печатей второй трети XII — XV вв., каждая из которых является остатком навсегда утраченного акта, решение об утверждении которого было принято князем, но с санкции посадника.

Нам, к сожалению, ничего не известно о конфискациях княжеских земель в пользу епископа в ходе борьбы Новгорода с Всеволодом Мстиславичем или в

⁴⁹ Очерки истории СССР: Период феодализма: IX—XV вв. Ч. 1. М., 1953. С. 350 и сл.

⁵⁰ Там же. Ч. 2. С. 177—179.

какое-либо более позднее время. Оставляем этот тезис на совести авторов цитированного очерка, которые, вероятно, были введены в заблуждение фиксированным в новгородско-княжеских докончаниях формулярным требованием Новгорода о запрещении князю приобретать земли в «новгородской волости». Однако вопрос о земельной собственности князя в новгородских владениях, сам по себе чрезвычайно важный для понимания положения князя, решается несколько иначе.

К тому моменту, когда в Новгороде начинается складывание вотчинной системы, что произошло не ранее рубежа XI—XII вв.⁵¹, новгородский князь располагал лишь землями своих резиденций (Городище, Ракомо) и пастбищами для содержания коней («Княжеская рель»⁵²). Содержание приглашенного князя и его двора обеспечивалось «даром» — обусловленными отчислениями государственных доходов, собираемых не княжескими людьми, а самими новгородцами. Уход из Новгорода Мстислава Владимировича и передача стола на условиях пожизненного княжения его сыну Всеволоду сопровождался организацией княжеского домена, но не из состава новгородских земель, а путем передачи Новгороду ряда принадлежавших Мстиславу смоленских волостей, находившихся на пограничье с Новгородом. Эта передача была обусловлена важным ограничением: домениальными доходами обеспечивались только приглашаемые в Новгород князья, являющиеся прямыми потомками Мстислава. В случае приглашения князя из других княжеских линий домениальные доходы считались принадлежащими Смоленску⁵³. Именно из этого массива совершили земельные пожалования Юрьеву монастырю Мстислав Владимирович и Всеволод на волость Буйцы и Всеволод на погост Ляховичи⁵⁴. Приглашение в Новгород в 1136 г. князя Святослава Ольговича из черниговской линии Рюриковичей, не имевшего права на такие доходы, потребовало от Новгорода передачи князю ряда заволоцких погостов, перечисленных в Уставе 1137 г. о церковной десятине.

Невозможно придавать слишком серьезное и даже исключительное значение военной роли князя. Мы уже видели, что в XII в. на новгородский стол мог быть принят младенец. Целая серия младенцев окажется в числе новгородских князей и в XIII в. Требование князю водить войска не было решающим. Сущность его деятельности состояла в обладании государственной властью.

В оценке республиканских органов Новгорода XII в. авторами цитированного очерка мы видим не только идеализацию успехов антикняжеской борьбы, но

⁵¹ Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина: Историко-генеалогическое исследование. М., 1981.

⁵² ГВНП. С. 139, № 79.

⁵³ Янин В. Л. Новгород и Литва: Пограничные ситуации XIII—XV вв.

⁵⁴ ГВНП. С. 139—141, № 80, 81.

и идеализацию самой республиканской организации, представленной в приведенных характеристиках как политически цельный организм, существование которого для XII в. совершенно недостоверно. Проскользнувшая в этой характеристике фраза о «Совете господ» — правительственном органе боярской олигархии, общее представление об особой роли архиепископа в структуре республиканской организации свидетельствуют о том, что в XII в. попросту перенесены представления о Новгороде XIV—XV вв. Цельной республиканской организации в условиях ожесточенной внутрибоярской борьбы, постоянного союза посадника с князем в это время и не могло возникнуть.

Какое же место в государственном управлении конца XII в. занимал тысяцкий? Обращение к летописным текстам и актам показывает, что ответ на этот вопрос следует искать в сопоставлении должности тысяцкого с должностью сотских. Интересующей нас проблеме посвящены специальные исследования М. Ф. Владимирского-Буданова, А. Е. Преснякова и С. В. Юшкова⁵⁵. В работе последнего изложены серьезные аргументы в пользу исконной связи сотенной и десятичной системы управления с организацией княжеской власти. В Новгороде организация сотских, упоминаемых еще с 1118 г., является аппаратом административного управления, связанного с делением города на сотни, которые перечислены в интерполяции к известному «Уставу о мостех». В подтверждение выводов С. В. Юшкова следует отметить искусственность в Новгороде сотенного деления. Здесь ясно прослеживается существование двух административно-территориальных систем, одна из которых — деление города на концы и улицы — уходит корнями в историческую топографию Новгорода и искони подчинена боярскому управлению. Другая — сотенная — совпадает с обычной организацией княжеского управления в других городах.

Предполагая исконную связь децимарной (десятичной и сотенной) системы с княжеским управлением, мы должны в учреждении должности тысяцкого видеть новый шаг в развитии республиканских органов, организацию местного управления, подчиненного не князю, а непосредственно вечу. Можно думать, что это не захват Новгородом существующей, а создание новой системы управления, которая некоторое время существует параллельно с княжеской. На это обстоятельство указывает упоминание княжеского тысяцкого еще в начале XIII в.⁵⁶

Свидетельства позднейших «уставов Всеволода», с одной стороны, и согласные показания памятников XIII—XV вв. — с другой, связывают деятельность тысяцких с представительством от житейх и черных людей. В XIII в. в функции

⁵⁵ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. 7-е изд. Пг.; Киев, 1915; Пресняков А. Е. Княжое право в древней Руси. СПб., 1909; Юшков С. В. Указ. соч. С. 104—108, 364—368.

⁵⁶ «Князь же Святослав присла свои тысяцъскыи на вече» (НПЛ. С. 59, 260 — под 1219 г.).

тысяцкого входят торговый суд и организация наблюдения над торговыми мерами. Тысяцкий является непременным участником торговых договоров Новгорода. Если содержание деятельности ранних сотских и позднейших тысяцких совпадает в основных чертах, то политический характер этого института со времени Мирошки Несдинича принципиально меняется. До конца XII в. аппарат сотенной системы подчинен князю и является в его руках орудием антибоярской борьбы. Недаром в трудных условиях своего княжения Всеволод Мстиславич особое внимание уделял Торгу и купечеству, воздвигая на торговой площади храмы Успения и Ивана Предтечи. Избрание тысяцким Миронег, принадлежащего к числу богатейших новгородцев (о чем говорит его строительная деятельность), отдаст в руки республиканской администрации контроль над купцами, ремесленниками и землевладельцами не боярского происхождения.

Республиканская реформа местного управления, предпринятая в конце XII в., укрепляет позиции боярства, которое теперь располагает органами непосредственного контроля не только над деятельностью князя, но и над всеми слоями новгородского общества. Если принять во внимание, что всякая административная система существует в интересах фиска, можно утверждать, что под республиканский контроль была поставлена налоговая система Новгорода. Учреждение должности тысяцкого вело и к некоторой консолидации территориальных боярских группировок. В самом деле, Мирошка получил посадничество в результате успешной борьбы с Михалкой Степановичем, принадлежавшим к боярству Прусской улицы, где его род возводил храмы (об этом подробнее ниже). Между тем тысяцкий Миронег принадлежит к тем же кругам, что и Михалко, на что указывает его церковное строительство. Как уже отмечено выше, именно на Прусской улице находилась выстроенная им церковь Вознесения. Таким образом, в республиканском управлении времени Мирошки представлены две враждующие группировки. Одной из них принадлежит посадничество, другой — тысяцкое. Основной целью сплочения группировок оказывается борьба с князем, которая с 1195 г. особенно обостряется.

В указанном году Мирошка возглавляет новгородское посольство к Всеволоду III с жалобой на Ярослава Владимировича и просьбой заменить его на новгородском столе: «Послаша новгородцы к нему Мирошку посадника и Бориса Жиросланица и Микифора соцкаго, просяще сына, а Ярослава негодующе»⁵⁷. Далее летопись называет в составе посольства также Иванка и Фому.

Формально оценивая цели этого посольства, мы могли бы предполагать в нем дружественный Всеволоду акт: новгородцы хотят видеть на своем столе сына Всеволода, а не его свояка. Однако реакция Всеволода опровергает такое предположение. Всеволод был заинтересован именно в княжении Ярослава

⁵⁷ НПЛ. С. 42, 234—235; ПСРЛ. Т. 4. С. 18; Т. 5. С. 170; Т. 7. С. 102; Т. 2. С. 152, 326.

Владимировича⁵⁸, и новгородцы хорошо знали это. Посольство было задержано Всеволодом на долгий срок. В конце лета 1196 г. «сосылахуся новгородцы к Всеволоду, посадника деля Мирошки и Иванка и Фоме, пустил бо бяше Бориса и иней мужи с ним», но эта просьба успеха не возымела. Всеволод, отправившись в поход на Чернигов, везет с собой всю плененную новгородскую делегацию. В дальнейшем дело едва не доходит до войны, причем новгородцы настаивают на своем праве «вольности в князьях»: «Выложиша вси князю в свободу: кде им любо, ту собе князя поимают». Всеволод отпустил в Новгород Фому, но остальных бояр продолжал держать у себя, и новгородцы, «сдумавше», выгнали князя Ярослава из Новгорода. На его место был приглашен политический противник Всеволода черниговский князь Ярополк Ярославич, сидевший в Новгороде с конца марта 1197 г. до конца сентября того же года⁵⁹, но его княжение не облегчило судьбу Мирошки. Новгородцы прогоняют Ярополка и снова берут у Всеволода Ярослава Владимировича «со всею правдою и честию». Только тогда посольство было отпущено Всеволодом. Ярослав возвращается в Новгород зимой 1197 г., за неделю до Крещения, и привозит с собой Мирошку: «И Мирошку посадника приведе, сидевша 2 лет за Новгород; и вси приидоша здрави, неврежени ничим же; и рада быша вси от мала и до велика»⁶⁰.

В этом рассказе мы хорошо ощущаем, как антикняжеская борьба ведет к действительному сближению боярских группировок. В глазах летописца, Мирошка пленен в течение двух лет «за Новгород», его возвращению радуются все «от мала и до велика». В составе посольства к Всеволоду мы видим рядом с посадником и представителя тысяцкого — сотского Никифора. Причиной устойчивого положения Мирошки и его популярности был несомненный союз всего боярства против князя, опиравшийся на широкую поддержку других слоев Новгорода.

⁵⁸ У Всеволода Юрьевича в 1195 г. было четыре сына: старшему Константину было 9 лет (род. в 1186 г.), Юрию — 8 лет (род. в 1187 г.), Ярославу — 5 лет (род. в 1190 г.), Владимиру — 3 года (род. в 1192 г.). Расчет новгородцев достаточно ясен.

⁵⁹ Ярослав пришел в Новгород на Вербницу 1197 г., а Пасха в этом году была 6 апреля; стол он занимал шесть месяцев. НПЛ. С. 43, 236; ПСРЛ. Т. 4. С. 18; Т. 5. С. 170; Т. 7. С. 106.

⁶⁰ НПЛ. С. 42—43, 235—237; ПСРЛ. Т. 4. С. 18; Т. 5. С. 170; Т. 7. С. 102. И. И. Григорович (Опыт. С. 103) включает в число новгородских посадников Константина Кровяковича и его брата Дмитрия, которых он относит к 1196 г., т. е. к тому времени, когда Мирошка был задержан Всеволодом. Вопреки этому утверждению летописец не называет Константина и Дмитрия посадниками, а их небывалое отчество является плодом недоразумения. Летописный рассказ сообщает следующее: «Заложиста церковь камену святого Кирила в монастыре в Нелезене Костянтин и Дмитр, братеника, а мастер бяше Коров Якович с Лубянеи улице». В Комиссионном списке НПЛ слова «а мастер бяше» пропущены, и И. И. Григорович превратил имя мастера в отчество братьев, придав ему более звучную форму.

Л. В. Черепнин в своем исследовании о возникновении формуляра докончальных грамот Новгорода с князьями XIII—XV вв. приходил к выводу о том, что именно во времена Ярослава Владимировича оформляются те взаимоотношения Новгорода и князя, к которым в позднейшее время возводится «старина и пошлина» этих докончаний, и что под «Уставами Ярослава», на соблюдении которых настаивают новгородцы в XIII в., следует якобы понимать какие-то недошедшие до нас соглашения времени Ярослава Владимировича (1182—1199 гг.), склоняясь к их датировке 1197 годом⁶¹. Такой вывод мог бы существенно подтвердить изложенные выше наблюдения над успехами антикняжеской борьбы в конце XII в. Однако вряд ли возможно переоценивать эти успехи. В посадничество Мирошки, когда боярская консолидация сделала только первые шаги, могли создаться лишь предпосылки к борьбе за новую схему взаимоотношений. Схема взаимоотношений республиканской и княжеской власти в конце XII в. пока остается неизменной сравнительно с серединой XII в. и подчиняется формуляру, выработанному в период борьбы с Всеволодом Мстиславичем. На существование договоров или условий, формулирующих новгородские «свободы», в XII в. летопись указывает неоднократно. К числу таких указаний, на наш взгляд, относятся упоминания «всей правды» под 1172 и 1197 гг. Что касается «грамот Ярослава», то уже во второй половине XII в. традиция возводила новгородские «свободы» ко временам прадедов.

Летом 1199 г. Всеволод вывел Ярослава Владимировича из Новгорода и позвал владыку вместе с посадником и «вячими мужи» «по сын». На новгородском столе сел Святослав Всеволодович, которому было 3 года. Княжение Святослава продолжалось до 1205 г. В 1204 г. умер Мирошка, приняв схиму, и был погребен с почетом в Георгиевском соборе Юрьева монастыря после непрерывного пятнадцатилетнего посадничества. Освободившееся место снова перешло к Михалке Степановичу. Мирный переход посадничества к другой боярской группировке кажется следствием той же политики сплочения.

Однако уже в марте 1205 г. Михалко лишился власти, когда Всеволод заменил Святослава девятнадцатилетним Константином⁶². Поводом для замены было малолетство Святослава и желание Всеволода видеть на новгородском столе более независимого от новгородцев ставленника⁶³. Смена посадников — явный

⁶¹ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV вв. Ч. 1. М.; Л., 1948. С. 239—254.

⁶² НПЛ. С. 50, 246. Константин пришел в Новгород 20 марта в конце 6713 г. В НПЛ рассказом об этом годе начинается значительная часть с ультрамартовским счислением дат и некоторой хронологической путаницей. Лаврентьевская летопись называет 20 марта в рассказе о приходе Константина в Новгород «днем недельным», что соответствует 1205 г.

⁶³ «Того же лета присла великий князь Всеволод в Новьгород, река тако: „в земли вашей рать ходит, а князь вашъ, сын мой Святослав, мал; а даю вы сын свои старейшии Костянтин“» (НПЛ. С. 49—50; ПСРЛ. Т. 4. С. 19).

защитительный акт новгородцев, так как на место старого союзника Всеволода — Михалки Степановича — избирается сын популярного своей антивсеволодовской политикой Мирошки — Дмитрий Мирошкинич. Снова в Новгороде устанавливается политическое двоевластие князя и посадника, приведшее к событиям 1207 г., которые занимают в истории Новгорода значительное место ⁶⁴.

ВОССТАНИЕ 1207 г.

Восстание 1207 г. неоднократно привлекало внимание исследователей, давая яркий материал для представлений об остроте политических и социальных противоречий в Новгороде начала XIII в. Однако не все важные аспекты изучения этого восстания нашли должное развитие. Политические противоречия новгородского боярства, сыгравшие немаловажную роль в разрешении событий, как правило, выпадают из общего анализа причин и хода восстания. Так же мало внимания уделяется роли князя в развитии событий, а как мы уже видели, отношения между князем и посадником в начале XIII в. складываются неблагоприятно для князя.

Приход к власти Дмитра Мирошкинича совершился в условиях укрепления всего боярского лагеря в его борьбе с князем. Популярность Мирошки, усиление авторитета посадничьей власти с началом посадничества Дмитра Мирошкинича привели к фактическому возникновению семейной олигархии. Дмитрий Мирошкинич на первых порах получил в Новгороде настолько сильную поддержку, что в своей дальнейшей деятельности он не останавливается перед применением деспотических приемов. Во время своего посадничества Дмитрий проводит ряд финансовых мероприятий, легших тяжелым бременем на плечи всего населения Новгорода и обогативших семью Мирошкиничей. В 1207 г.

---

⁶⁴ 18 мая 1205 г. Михалко умер, приняв схиму и имя Митрофан, и был погребен в Аркажском монастыре (НПЛ. С. 50, 246; ПСРЛ. Т. 4. С. 19). И. И. Григорович (Опыт. С. 96, 103) превратил Михалку Степановича в двух посадников. Первого он называет Михаилом Степановичем, посадничавшим в 1180—1189 гг., второго — просто Михаилом, посадничавшим в 1199—1205 гг. Это противоречит всем летописным текстам и показаниям Списка А. Под 1199 г. действительно упомянут Михалко, но не как посадник, а в следующем рассказе: «Идоша мужи с посадником и с Михалком ко Всеволоду» (НПЛ. С. 44, 238), а под 1204 г. Михалко прямо назван Михалкой Степановичем. Под 1207 г. И. И. Григорович (Опыт. С. 104 и сл.) называет еще двух «посадников»: Юрия Мирославича и Федора Пиминова Титиница. В первом случае речь идет о Дмитре Мирошкиниче, который в Никоновской летописи ошибочно назван Юрием, во втором — о Федоре Пинешинице, которого летописи и списки посадником не называют. «Посадник Андрей» (Опыт. С. 109), раненный под Пронском в 1208 г., также отождествляется с Дмитрием.

брат Дмитра Борис приказал убить на вече Олексу Сбыславича, «и убиша без вины в субботу, марта в 17»⁶⁵. Вполне понятно, что этот произвол не только обостряет социальный антагонизм, но и укрепляет позиции враждебных Дмитру боярских группировок. Дмитрий стремится к неограниченной автократии, опираясь при этом не на действительную расстановку политических сил, а на иллюзорный авторитет своей должности. Прежние успехи консолидации ведут при Дмитре к разрушению консолидации. Если Мирошка Несдинич с его политикой сплочения боярства против князя был выразителем интересов боярства в целом, то живущий на проценты с авторитета своего отца Дмитрий Мирошкинич был выразителем интересов только своего семейства.

В 1207 г. новгородцы вместе с Дмитрием идут в поход на Рязань в помощь Всеволоду III, и это их участие в походе было использовано владимирским великим князем для подготовки расправы над Дмитрием Мирошкиничем. Опираясь на недовольство Дмитрием в Новгороде, Всеволод фактически подстрекает новгородцев на расправу с посадником: «А новгородцев пусти с Коломна к Новугороду, одаривши бесчисла, и вда им волю свою и уставы старых князей его же хотеху новгородцы, и рече им: „кто вы добр, того любите, злых казните“»⁶⁶. Эти слова обычно объясняются лишь как уступка новгородцам Всеволода, отказавшегося, наконец, оспаривать их право быть вольными в князьях. Однако Всеволод вовсе не отказывается от Новгорода, и прямой смысл рассказа не сводится к этому «пожалованию», хотя оно и подтверждает наш вывод об усилении княжеской власти на протяжении XII в. за счет новгородских «свобод». Фраза Всеволода, приведенная здесь, имеет самое непосредственное отношение к последующим событиям и прямо касается Дмитрия Мирошкинича, обнажая заинтересованность Всеволода в устранении этого посадника. Всеволод не только санкционирует расправу над ним, но и провоцирует, и покупает ее, одаривая новгородцев и подстрекая их к казни «злых». Отметим, что связь восстания со всем комплексом взаимоотношений Новгорода и князя подчеркивается и тем обстоятельством, что убийство Олексы перед восстанием произошло в какой-то связи с прибытием в Новгород из Владимира «Всеволожа мужа» Лазаря.

Сразу же по возвращении из похода новгородцы собрали вече «на посадника Дмитра и на братью его, яко те повелеша на новгородцех серебро имати, а по волости куны брати, по купцем веру дикую, и повозы возити, и иное все зло; и поидоша на дворы их грабежом, а Мирошин двор Дмитров зажгоша, а житье их поимаша, а сел их распродаша и челядь, а избыток разделиша по зубу, по 3 гривны по всему граду и на щит; а что кто похватал, а того един бог весть, и от того

⁶⁵ НПЛ. С. 50, 247; ПСРЛ. Т. 1. С. 210; Т. 4. С. 19; Т. 5. С. 172. 6716 ультрамартовский год; суббота 17 марта соответствует 1207 г.

⁶⁶ НПЛ. С. 50, 247; ПСРЛ. Т. 1. С. 210; Т. 4. С. 19; Т. 5. С. 172; Т. 7. С. 115.

многе разбогатеша; а что на досках, а то князю оставиша»⁶⁷. Перечисление преступлений Мирошкиничей указывает на глубокий социальный смысл восстания. Однако тот же отрывок ясно говорит и о связи инициаторов восстания с князем. Используя социальное недовольство, Всеволод и поддерживавшая его в Новгороде боярская группа избавилась от неугодного и враждебного им посадника, на место которого был избран Твердислав Михалкович, сын хорошо известного нам сторонника Всеволода — Михалки Степановича.

Социальное недовольство было умело направлено Твердиславом. Восстание не вылилось в борьбу против всех бояр. Оно имело цель лишь в свержении Дмитра и его семьи. В ходе восстания группировка Твердислава широко пользуется и подкупом за счет противников, вознаграждая своих сторонников имуществом Мирошкиничей.

Сам Дмитр не подвергся казни. Он был смертельно ранен под Пронском и умер во Владимире. Однако восставшие новгородцы попытались посмертно казнить его: «того же лета привезоша Дмитра мертвого Мирошкинича из Володимеря и погребоша и у святого Георгия в монастыре, подле отца; а новгородцы хотяху с моста сверечи, но возбрани им архиепископ Митрофан»⁶⁸.

В феврале 1208 г.⁶⁹ в Новгород пришел новый князь, уже знакомый новгородцам Святослав Всеволодович, которому теперь было 13 лет. Ему были вручены дмитровы доски, «а бе на них писано бечисла»⁷⁰. Ему же были переданы для заточения у Всеволода все родственники Дмитра. Примечательна следующая деталь. Новгородцы целуют Всеволоду крест в том, что они не хотят держать у себя детей Дмитра и прочих его родственников. Крестоцелование указывает еще раз на Всеволода как на одного из главных инициаторов свержения Дмитра Мирошкинича. Всеволод отводит от себя обвинения в этой инициативе, которые могут возникнуть в будущем.

⁶⁷ НПЛ. С. 50, 247.

⁶⁸ Там же. С. 51, 248; ПСРЛ. Т. 1. С. 210; Т. 4. С. 19; Т. 5. С. 172; Т. 7. С. 115.

⁶⁹ Святослав пришел в Новгород в «неделю мясопустную» 6717 ультрамартовского года, что должно было бы соответствовать 1209 г. (НПЛ. С. 51, 248). Однако Лаврентьевская летопись в том же рассказе сообщает о лунном затмении 3 февраля, которое было в 1208 г. Отсюда приход Святослава должен быть датирован 4—10 февраля 1208 г. (мясопустная неделя). Это показание важно для датировки восстания, которое иногда из-за путаницы летосчисления неверно относят к 1209 г.

⁷⁰ Вряд ли возможно согласиться с распространенным мнением о том, что «доски» были связаны с ростовщическими операциями Мирошкиничей. Если бы это было так, то они скорее были бы уничтожены, чем переданы князю для взыскания долгов с должников Дмитра. Вероятнее всего это были записи взымания серебра, кун и дикой виры, т. е. документы, подтверждающие факт широких финансовых злоупотреблений Мирошкиничей.

Еще одно указание на эту связь содержится в событиях следующего, 1209 г. Зимой этого года Мстислав, сын Мстислава Храброго, т. е. князь из линии Ростиславичей, захватил Торжок и обратился к новгородцам со следующей декларацией: «Пришел есмь к вам, слышав насилие от князь, и жаль ми своя отчины»⁷¹. По-видимому, это не просто демагогическое заявление, как полагал М. Н. Тихомиров⁷², а основанное на хорошем знакомстве с обстановкой в Новгороде хорошо рассчитанное обращение Мстислава Мстиславича к приверженцам Мирошкиничей. Разумеется, не сторонники Твердислава в ответ на обращение Мстислава Удалого «послаша по него с великою честью: „пойди, княже, на стол“, а Святослава посади на владычном дворе и с мужи его, дондеже будет управление с отцом». По существу события 1209 г. — это для Всеволода III ликвидация политических результатов восстания 1207 г. Мстислав задержал Святослава в Новгороде и отпустил только в обмен на признание Всеволодом прав Мстислава, полученное в том же году⁷³.

Хронологические итоги изучения этого периода истории новгородского посадничества и сравнение их с показаниями Списка А изложены в следующей таблице:

<i>Летопись</i>	<i>Список А</i>
1175 Жирослав (3-й раз)	
1175—1176 Завид Неревинич	(29) Завид
1176—1177 Михалко Степанович	(30) Михалко
1177—1180 Завид Неревинич (2-й раз)	
1180—1184 Михалко Степанович (2-й раз)	
1184—1186 Завид Неревинич (3-й раз)	
1186—1189 Михалко Степанович (3-й раз)	
1189—1204 Мирошка Несдинич	(31) Мирошка
1204—1205 Михалко Степанович (4-й раз)	
1205—1207 Дмитрий Мирошкинич	(32) сын его Дмитрий
1207— Твердислав Михалкович	(33) Твердислав

В этой части Список А продолжает оставаться полным, а перечисление в нем имен лишено каких-либо нарушений хронологической очередности.

⁷¹ НПЛ. С. 51, 248; ПСРЛ. Т. 4. С. 19.

⁷² Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские восстания на Руси. С. 248.

⁷³ НПЛ. С. 52, 249; ПСРЛ. Т. 4. С. 19. И. И. Григорович (Опыт. С. 118 и сл.), ссылаясь на В. Н. Татищеву, утверждает, что приглашение Мстислава было осуществлено по инициативе Ждана Иванковича, которого он тут же называет посадником. В том же году над Жданом была учинена расправа сторонниками Святослава Всеволодовича. За исключением утверждения о посадничестве Ждана все остальное кажется вполне возможным.

БОЯРСКИЕ ГРУППИРОВКИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XII в. (по берестяным грамотам и археологическим материалам)

Рассматривая список новгородских посадников второй половины XII — начала XIII в., мы видим, что в подавляющем большинстве случаев изменения в посадничестве связаны с вечевыми столкновениями. В 1161 г. «отъяша посадничество у Нежате, а Захарии даша». В 1167 г. «убиша Захарию посадника... Тъгда же даша посадничество Якунови». В 1171 г. «отя князь Рюрик посадничество у Жирослава Новегороде... и даша посадничество Иванку Захарииницю». В том же году «иде, на зиму, Рюрик из Новагорода, и послаша новъгородци к Ондрею по князь; и присла Жирослава посадничить с мужи своими». В 1172 г. «ходи архиепископ новгородскый Илия к Ондрееви, Володимирю, на всю правду. Тъгда же и даша опять посадничество Иванъкови Захарииницю». В 1175 г. «преставися посадник Новегороде Иванко Захарииниць, и даша Жирославу опять; и концяющюся лету тому, выгнаша Жирослава ис посадничества и даша Завиду Неревиницю». В 1180 г. «отяша посадничество у Завида и въдаша Михалеви Степаницю». В 1186 г. «иде Завид к Давыду Смольнску; и вдаша посадничество Михалеви Степаницю». В 1189 г. «отяша посадничество у Михаля и вдаша Мирошки Нездиницю». В 1205 г. «отяша посадничество у Михалка и даша Дмитру Мирошкиницю».

Основываясь исключительно на сведениях о вечевых столкновениях перечисленных здесь лиц, возможно реконструировать три боярские группы, внутри каждой из которых столкновений не было:

<i>1-я группа</i>	<i>2-я группа</i>	<i>3-я группа</i>
Захария	Якун Мирославич	Нежата Твердятич
Иванко Захарынич	Якун	Жирослав
Завид Неревинич	Михалко Степанович	Мирошка Несдинич
		Дмитр Мирошкинич

Первая группа включает в себя, прежде всего, имена Захарии и его сына Иванки. Последнему посвящено специальное исследование А. А. Зализняка⁷⁴ обосновавшего связь с ним берестяных грамот № 80, 117 и 226, которые были найдены на Неревском раскопе в слоях середины 70-х гг. XII в. Этот вывод максимально подкреплен тем, что на том же раскопе, но в слоях последней четверти XII — начала XIII в. обнаружены четыре грамоты (№ 165, 222, 225, 239), связанные с Юрием, а Юрием Иванковичем звали посадничавшего в 1215—

⁷⁴ Зализняк А. А. О вероятной связи ряда берестяных грамот с несколькими историческими лицами XII и начала XIII в. // Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984—1989 гг.). М., 1993. С. 182—185.

1216 гг. сына Иванки Захарьинича. Дополнительным указанием на жительство Иванки Захарьинича в Неревском конце является сообщение летописи о том, что в 1177 г. «погоре Неревьскыи коньць от Иванъковее»⁷⁵, т. е. от двора умершего в 1175 г. Иванка. Что касается Завида Неревинича, то его отец Неревин, имя которого столь красноречиво свидетельствует о связи его носителя с Неревским концом, был убит в 1167 г. вместе с посадником Захарией в столкновении, принесшем власть Якуну Мирославичу, т. е. входил в одну с Захарией политическую группировку бояр. Однако связь Завида Неревинича с Неревским концом обозначена и находкой на Неревском раскопе в слоях середины — второй половины XII в. берестяных грамот № 103, 156, 228; две из них написаны от имени Завида, в одной это имя упомянуто.

Существует возможность установить принадлежность сторонников Мстиславичей, в том числе двух посадников 30-х гг. XII в. Летописный перечень новгородских посадников указывает следующее родство: «Микула, сына его два: Петр, Костянтин»⁷⁶. Посадник Микула в самом летописном рассказе не упомянут, поскольку его деятельность относится ко времени до 1117 г., т. е. даты, ранее которой сведения о новгородских посадниках в летописи отсутствуют. Петрила Микульчич посадничал в 1131—1134 гг., Костянтин Микульчич — в 1136—1137 и в 1146—1147 гг. Это боярское гнездо проявляется в серии берестяных грамот Неревского раскопа⁷⁷. На неревской усадьбе Д в слое, датируемом концом XI — серединой 10-х гг. XII в., была найдена грамота № 109, адресованная Микуле. В ней некий Жизномир сообщает, что купленная при его содействии в Пскове рабыня, уже перепроданная Микулой кому-то, оказалась украденной у княгини, по поводу чего Жизномир начинает следствие. На той же усадьбе в слоях середины 10-х — середины 30-х гг. XII в. обнаружена грамота № 336, написанная Петром и адресованная Вльчку; упоминаемый в ней Рожнет фигурирует в летописи под 1135 г. как инициатор строительства церкви Николы на Яковлевой улице Неревского конца⁷⁸. К тому же стратиграфическому уровню (конец XI — середина 1130-х гг.) относится найденная на усадьбе И грамота № 241, написанная Коснятином и адресованная Ждану. Обе последние грамоты имеют характер денежных внутривладельческих распоряжений; ины-

⁷⁵ НПЛ. С. 35, 225.

⁷⁶ Там же. С. 472.

⁷⁷ Буров В. А. О родословии новгородских бояр Мишиничей-Онцифоровичей (по материалам Неревского раскопа 1951—1962 гг.) // Древности славян и Руси. М., 1988. С. 119—125.

⁷⁸ НПЛ. С. 23, 208; Зализняк А. А. Указ. соч. С. 181—182. Упомянутого в той же грамоте Даньшу возможно отождествить с неревлянином Даньславом, которого новгородцы грабили в 1118 г.

ми словами, их авторы обладали правом давать указания жившим на неревских усадьбах Д и И адресатам.

Вторая группа включает имена Михалки Степановича и Якуна Мирославиича. О Михалке Степановиче летопись сообщает, что он жил на Прусской улице, где в 1176 г. после пожара «постави церковь нову святого Михаила» взамен сгоревшей⁷⁹. В 1219 г. сыновья Михалки Степановича Твердислав и Федор положили «церковь камяну святого Михаила, а другую святых 3 отрок посторонь малу, съвершиша ю в 4 дни»⁸⁰. Заметим, что в 1990 г. при раскопках на Прусской улице была найдена берестяная грамота № 724, датируемая зимними месяцами 1166/1167 г. и содержащая жалобу некоего Савы, сборщика дани на новгородском севере, на Захарию. Распоряжением Захарии деятельность Савы была остановлена в сложной ситуации, когда тот столкнулся с людьми Андрея Боголюбского, перехватившего предназначенную Новгороду дань⁸¹. Адресатами жалобы были «братия и дружина» Савы, находившиеся, как свидетельствует место ее находки, на Прусской улице. Захария был убит в 1167 г., что позволило Якуну Мирославиичу стать посадником. То, что он оказался в одной группе с Михалкой Степановичем, представляется вполне закономерным.

Принадлежность второго Якуна к боярству Прусской улицы подтверждается, на наш взгляд, летописным свидетельством 1210 г.: «прииде Дмитр Якуницъ из Руси, и съступися Твьрдислав посадничества по своей воли стареишу себе: тъгда же даша посадничество Дьмитру Якуничю»⁸². Ссылка на старшинство может здесь иметь только один смысл: Дмитр был сыном Якуна (в Списке Б — «Якун, сын его Дмитр»⁸³), посадничавшего уже в 1167 г., тогда как отец Твердислава Михалко Степанович впервые стал посадником в 1176 г. Основанный на таких принципах столь мирный отказ Твердислава от посадничества возможен, по-видимому, лишь внутри единой боярской группировки. Косвенным образом территориальная принадлежность второго Якуна подтверждается и обстоятельствами его прихода к власти в 1167 г. Приведший его на посадничество переворот сопровождался убийством посадника Захарии, боярина Неревина и бирича Несды, Первые две жертвы принадлежали, как мы уже знаем, к боярству Неревского конца, а Несда, как будет показано ниже, связан с Людиным концом; следовательно, Якун противоположен и неревской, и людинской группировкам.

⁷⁹ Там же. С. 35, 224.

⁸⁰ Там же. С. 59, 260.

⁸¹ Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990—1996 гг.). М., 2000. С. 22—25.

⁸² НПЛ. С. 52, 249.

⁸³ Там же. С. 472.

Третья группа. Соперником неревлянина Костянтина Микульчича оказывается Иванко Павлович, сын которого Судила враждебен также и прусскому боярину Якуну Мирославичу, но состоит в политическом единстве с Нежтой. Очевидно, что эта группа не принадлежит ни к Неревскому концу, ни к Прусской улице. В развитие такого наблюдения следует обратиться к комплексу берестяных грамот Троицкого раскопа, т. е. к документам Людина конца.

В грамоте № 586, найденной на усадьбе Г в напластованиях 80-х гг. XI — 20-х гг. XII в., оба упоминаемых в ее тексте имени вполне соответствуют ожиданиям: «Отъ Нежате вишнь, и вина, и гароусъ, и моукоу, кожоухъ Ивань, и сковородоу»⁸⁴. В грамоте № 633, найденной на усадьбе Ж в слое 10-х — начала 40-х гг. XII в., снова фигурирует Иван в весьма определенном, вопреки фрагментарности документа, контексте: «...берьковъскъ, ськыроу Городкоу. А Иване въде»⁸⁵. Трудно отделаться от впечатления, что обе эти грамоты касаются сборов снаряжения для военного похода, в котором требуется и провизия, и медикаменты (вишня, уксус — «гарус»), и соль (измеряемая берковцами), и сковорода, и шуба, и, разумеется, топор («ськыра»). Но если «Иване въде», то предводитель военного похода стратиграфически обозначенного времени хорошо известен: посадник Иванко Павлович возглавлял вместе с князем Всеволодом Мстиславичем роковой для него поход на Суздаль в январе 1135 г.

Найденная в 1992 г. на усадьбе И в напластованиях 10—30-х гг. XII в. грамота № 736 написана Иваном, озабоченным получением процентов с денег, отданных в рост Павлом⁸⁶. Сочетание имен вполне может быть трактовано как сыновняя забота Иванки Павловича. В том же стратиграфическом уровне, в шести метрах от этого документа, найдена грамота № 745, присланная из Ростова Павлом, который просит сообщить князю, если придет ожидаемая из Киева ладья⁸⁷. Автор письма, идентифицируемый с отцом Иванки Павловича, вероятно, отождествляется с ладожским посадником 1116 г. Павлом⁸⁸. Известно, что в этот период посадниками в новгородских пригородах бывали бояре-новгородцы. Так, в 1132 г. новгородцы назначили псковским посадником Мирослава, а ладожским — Рагуила⁸⁹.

⁸⁴ Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977—1983 гг.). С. 47—48.

⁸⁵ Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984—1989 гг.). С. 34—35.

⁸⁶ Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990—1996 г.). С. 35—36.

⁸⁷ Там же. С. 40—41.

⁸⁸ НПЛ. С. 20, 204. Известна его свинцовая вислая печать. См.: Янин В. Л., Гайдук П. Г. Актовые печати Древней Руси. Т. 3. С. 128, № 132а.

⁸⁹ НПЛ. С. 23, 207.

Нежата представлен не только грамотой № 586. Это имя фигурирует еще в трех текстах Троицкого раскопа. Один из них (грамота № 644) обнаружен в слое 10—20-х гг. XII в., другой (грамота № 635) — в слое конца 20-х — середины 40-х гг. XII в.⁹⁰, третий (грамота № 742) — в слое первой трети XII в. Грамота № 644 написана Нежкой и адресована Завиду, которого она осыпает упреками, заявляя, что не будет считать себя сестрой ему и Нежате, если не будет наконец выполнен ее драгоценный ювелирный заказ. На первый взгляд Завида и Нежату можно было бы принять за мастеров-ювелиров, однако более основательным представляется предположение, что Завид как господин над вотчинными ремесленниками лишь принимает поручение своей сестры для исполнения подчиненными ему людьми.

Проявляется в комплексе берестяных грамот Троицкого раскопа и имя Жирослава. Оно фигурирует в грамоте № 657, найденной в слое второй половины XII в.⁹¹, и в грамоте № 573 из слоя 60—70-х гг. XII в.⁹² В последней упоминается «Имоволоже» — погост, находившийся под особым контролем новгородской администрации, как это следует из формулы более поздних dokonчаний Новгорода с князьями: «А на Имоволозьском погосте куны ти имати и на Вазаньском»⁹³.

Присутствуют в троицком комплексе и документы, связанные с Мирошкой Несдиничем. Грамота № 502, найденная на усадьбе А в слое середины 70—90-х гг. XII в., написана Мирославом и адресована Олисею-Гречину как участнику сместного суда князя и посадника⁹⁴. Грамота № 603, происходящая из тех же слоев той же усадьбы, написана Смолигом и адресована Гречину и Мирославу, выступающим в той же роли вершителей суда⁹⁵. Упомянутый в этом документе князь Давыд (Ростиславич) умер в 1197 г. Еще два документа, на наш взгляд, имеют прямое отношение к Мирошке Несдиничу, хотя и не называют его по имени.

Из слоев рубежа XII—XIII вв. извлечены грамоты № 601 и 609, посвященные необычному сюжету — расчету князя и княгини с посадником за расходы

---

⁹⁰ Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984—1989 гг.). С. 35—36, № 635; С. 41—43, № 644.

⁹¹ Там же. С. 50—51.

⁹² Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977—1983 гг.). С. 40, № 573.

⁹³ ГВНП. С. 13, № 3; С. 36, № 19; С. 40, № 22; С. 47, № 26.

⁹⁴ Арциховский А. В., Янин В. Л. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962—1976 гг.). М., 1978. С. 96—99.

⁹⁵ Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977—1983 гг.). С. 66—67.

на двойные похороны⁹⁶. Отраженное в этих документах событие идентифицируется с похоронами в 1198 г. сыновей новгородского князя Ярослава Владимировича — Изяслава и Ростислава⁹⁷. Посадником в это время был Мирошка Несдинич.

Таким образом, связь троицкого комплекса с высшими руководителями боярства из числа посадников людинской принадлежности наблюдается на протяжении столетия. Общая характеристика этого комплекса распространяется на все раскопанные в нем усадьбы, образующие цельную систему взаимосвязей. Вместе с тем у нас нет ни доказательств, ни уверенности в том, что эти усадьбы включают собственно посадничьи жилые дворы. Найденные здесь грамоты только упоминают посадничьи имена. В этой связи особенно показательна усадьба А, на которой в конце XII — начале XIII в. жил священник и художник Олисей-Гречин⁹⁸; ему адресованы обе грамоты, называющие Мирослава; здесь же найдена одна из грамот, касающаяся погребения княжичей. Однако основу гречиновского фонда составляют два десятка документов, содержащих заказы на изготовление икон. Найденная на той же усадьбе грамота № 548 адресована Моиславу и Миките⁹⁹; она заставляет вспомнить летописное известие 1194 г. о расправе участников неудачного югорского похода над заподозренными в измене Сбышкой Волосовичем, Завидом Негочевичем и Моиславом Поповичем¹⁰⁰. На той же усадьбе в слоях 60—70-х гг. XII в. обнаружена грамота № 604, написанная Петром и адресованная Волосу¹⁰¹. Сбыслав фигурирует в грамоте № 550 последней трети XII в. из усадьбы В¹⁰², а Завид — адресат грамоты № 665 с той же датой из усадьбы З¹⁰³.

Большое значение для понимания конкретной принадлежности усадеб Троицкого раскопа имеет предложенное А. А. Зализняком толкование грамоты № 671, обнаруженной в напластованиях 1180-х — начала 1210-х гг. усадьбы Г, как списка доставки меда на соседскую братчину: «У Фо(ме) (...) лукон. У Климять лукно. У Тор(ъ)къ 3 лукн. У Бориса лук. У Твьрыши лукон. У Стыпана 3 лукон. У попа

⁹⁶ Там же. С. 63—65, № 601; С. 71—72, № 609.

⁹⁷ НПЛ. С. 44, 237.

⁹⁸ Колчин Б. А., Хоросhev А. С., Янин В. Л. Усадьба новгородского художника XII в. М., 1981.

⁹⁹ Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977—1983 гг.). С. 18—20.

¹⁰⁰ НПЛ. С. 41, 234.

¹⁰¹ Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977—1983 гг.). С. 67—68.

¹⁰² Там же. С. 23—24.

¹⁰³ Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984—1989 гг.). С. 55—56.

2 лукна. У Чъръмна лукна. У Събыслава лукно»¹⁰⁴. На усадьбе 3 в предшествующих напластованиях были найдены две грамоты, исходящие от Доброшки; между тем летопись под 1215 г. упоминает некоего Фому Доброщинича, который был тогда новоторжским посадником¹⁰⁵; он, по расчету времени, может быть сыном Доброшки и жителем усадьбы 3. Заметим также, что некий Фома был задержан вместе с Мирошкой Несдиничем князем Всеволодом Юрьевичем в 1195—1196 гг. Климяте адресовано знаменитое письмо его сестры Анны (грамота № 531 из усадьбы Б конца XII — начала XIII в.)¹⁰⁶. Борисом звали адресата грамоты № 581 (из усадьбы Е того же времени)¹⁰⁷; им мог быть или Борис Жирославич, который вместе с Мирошкой был задержан Всеволодом в 1195 г., или же сын Мирошки — Борис Мирошкинич¹⁰⁸. Сбыслав, как уже отмечено, фигурирует в грамоте № 550 из усадьбы В, а его вероятный отец Волос — в грамоте № 604 из усадьбы А. Твьрыша, возможно, идентифицируется с Твьрдятой грамоты № 672 из усадьбы И второй половины XII в.¹⁰⁹, но не исключено, что это Твердислав Станилович, которого в 1207 г. новгородцы изгнали вместе с другими Мирошкиничами и их главными приверженцами¹¹⁰. Наконец, попом в указанное время был Олисей-Гречин (усадьба А), но какой-то другой священник тогда же жил на усадьбе И (см. ниже).

Добавим к этому, что в группе задержанных в 1195 г. вместе с Мирошкой лиц кроме Бориса Жирославича и Фомы летопись называет также Иванка. Но от имени Иванка написана грамота № 667, найденная в слоях второй половины XII в. на усадьбе И. Эта грамота адресована Ортемью (фигурирующему также в грамоте № 638 из той же усадьбы) и упоминает Гаврилу¹¹¹. Под 1216 г. в летописи известен Гаврила Милитинич¹¹², а Миляте адресована грамота № 675 из усадьбы 3 середины XII в.¹¹³

¹⁰⁴ Там же. С. 60.

¹⁰⁵ НПЛ. С. 53, 252, 446.

¹⁰⁶ *Арциховский А. В., Янин В. Л.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962—1976 гг.). С. 130—134.

¹⁰⁷ *Янин В. Л., Зализняк А. А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977—1983 гг.). С. 45.

¹⁰⁸ НПЛ. С. 50—51, 247—248.

¹⁰⁹ *Янин В. Л., Зализняк А. А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984—1989 гг.). С. 60—61.

¹¹⁰ НПЛ. С. 51, 248.

¹¹¹ *Янин В. Л., Зализняк А. А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984—1989 гг.). С. 38—39, № 638; С. 57, № 667.

¹¹² НПЛ. С. 55, 255.

¹¹³ *Янин В. Л., Зализняк А. А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984—1989 гг.). С. 62—63.

Все эти наблюдения квалифицируют изученные на Троицком раскопе усадьбы XII — начала XIII в. как периферийные дворы мощного боярского клана, поставлявшего Новгороду знаменитых посадников. На окраинность этого массива указывает и наличие на усадьбе А священнического комплекса. Другой священнический комплекс, несомненно, связан во второй половине XII в. с усадьбой И, где в слоях этого времени найдены тексты молитв (грамоты № 652, 653), списки предметов церковного обихода (грамоты № 648, 660), документы, относящиеся к организации монашеского погребения (грамоты № 681, 682). Вероятно, эти комплексы связаны с построенной в 1151 г. у перекрестка Пробойной и Черницыной улиц церковью Василия Парийского¹¹⁴. Надо полагать, что жилые усадьбы наиболее значительных бояр Людина конца располагались чуть севернее, тяготея к Волосовой и Добрыне улицам, где уже в первой половине XII в. существовали церкви Власия, Якова и Нерукотворенного Образа. Инициатором очередного возобновления церкви Образа на Добрыне улице в 1191 г. был Внезд Несдинич¹¹⁵, в котором логично видеть родного брата Мирошки Несдинича. К сожалению, прилегающий к Троицкому раскопу район Волосовой и Добрыни улицы безнадежно испорчен вырытым здесь в 1582 г. рвом Земляного города.

Переломным в судьбе усадебных комплексов Троицкого раскопа оказался 1207 г., когда в Новгороде произошло восстание против Мирошкиничей и их дворы были разграблены и сожжены. Спустя три года, в 1211 г., вся территория Людина конца была выжжена пожаром: «Новегороде бысть пожар велик: загореся на Радятине улице и съгоре дворов 4000 и 300, а церкви 15»¹¹⁶.

Изгнание клана Мирошкиничей в 1208 г. не было окончательным. В 1215 г. «убиша пруси Овьстрата на збор и сына его Луготу, и въвьргоша и в греблю мьртв»¹¹⁷. Как представляется, к числу сторонников Мирошкиничей следует отнести лиц, названных в сообщении 1216 г., предшествующем рассказу о Липицкой битве: «побегоша к Ярославу преступници кресту: целовали бо бяху крест честьнии ко Мьстиславу со всеми новгородци, яко всем одинакым быти, Володислав Завидиць, Гаврила Игоревиць, Гюрги Олексиниць, Гаврила Милятиниць, и с женами и с детьми»¹¹⁸. Напомним требование восставших в 1208 г.: «не хотим у себе държати дѣтии Дмитровых, ни Володислава, ни Бориса, ни Твьрдислава Станиловиця и Овьстрата Домажировиця». Предположения о принадлежности Гаврильца Милятинича выше уже высказаны. Что касается Владислава Завидовича, то он, надо полагать, идентифицируется с Владисла-

¹¹⁴ НПЛ. С. 29, 215.

¹¹⁵ Там же. С. 39, 230.

¹¹⁶ Там же. С. 52, 250.

¹¹⁷ Там же. С. 54, 253.

¹¹⁸ Там же. С. 55, 254—255.

вом, изгонявшимся в 1208 г. вместе с прочими Мирошкиничами, а Завид известен по грамоте № 665 Троицкого раскопа.

Показателем сокрушительных перемен, связанных с событиями 1207—1216 гг., на Троицком раскопе является катастрофическое уменьшение числа берестяных грамот, что само по себе является свидетельством изменения социальной структуры комплекса. Другим признаком того же процесса оказывается резкое изменение содержательной стороны берестяных текстов после 1210-х гг. Сопоставление их с текстами XII — начала XIII в. позволяет утверждать, что после выдворения Мирошкиничей с их усадеб принадлежащие этому боярскому клану дворы не были освоены другими боярами, а использовались как общественная территория для размещения на ней разного рода административных институтов. Известно, что, например, в середине XV в. некоторые боярские дворы располагались севернее на Волосове и Добрыне улицах ¹¹⁹.

* * *

Обратим внимание на весьма любопытный факт. Как это следует из рассмотренных материалов, начиная со времени Всеволода Мстиславича и, по крайней мере, до начала XIII в. в борьбе за посадничество участвуют только три боярские группировки — Неревского конца, Прусской улицы и Людина конца. Все эти группировки связаны исключительно с Софийской стороной Новгорода. Боярство Славенского конца никак в этой борьбе не проявляется.

«А БЕЗ ПОСАДНИКА ТИ, КНЯЖЕ, СУДА НЕ СУДИТЕ...»

В 1998 г. на Троицком раскопе исследовались напластования XII в. усадьбы Е, отдельные участки которой вскрывались в предшествующие сезоны. Эта усадьба оказалась совершенно необычной.

Во-первых, она громадна. Ее площадь близка 1400 кв. м, тогда как соседние усадьбы имеют размер в 400—600 кв. м.

Во-вторых, она не может быть охарактеризована как жилая. Признаки жилой усадьбы — изобилие женских украшений, различного рода бытовой инвентарь, хозяйственные постройки, помещения для содержания животных, зачастую следы вотчинного ремесленного производства. Ничего этого здесь практически нет. Постройки усадьбы Е характеризуются как административные. Такому заключению соответствует и невиданный в прежних раскопках дворовый настил из 8-метровых сосновых плах, общая площадь которого достигает почти 130 кв. м. Настил несет следы неоднократного возобновления. В нем вырублены отверстия для столбов, в свое время поддерживавших навес. Следовательно,

¹¹⁹ ПСРЛ. Т. 16. СПб., 1889. Стб. 211.

это сооружение предполагает, что здесь в любую погоду могли собираться люди для обсуждения каких-то дел. Один из элементов административного ансамбля украшен тщательно вырезанной княжеской эмблемой.

В-третьих, на усадьбе Е, в слоях, относящихся к 20—70-м гг. XII в., в сезон 1998 г. найдены 92 берестяные грамоты — рекордное число за все время новгородских раскопок. Вместе с находками прежних лет на той же усадьбе и в тех же слоях количество берестяных грамот превышает сотню.

В-четвертых, подавляющее большинство этих документов дошло до нас безжалостно изуродованными, в виде больших или малых фрагментов. Из 92 грамот, обнаруженных в 1998 г., только девять оказались целыми. Зачем их рвали, очевидно из свидетельства грамоты № 881 (тоже обрывок), в которой адресату указано: грамоту «пощепать», т. е. разодрать на полосы, чтобы содержание письма не стало достоянием чьего-либо досужего любопытства.

Что же это за комплекс? Ответ получим, если обратимся к тому берестяному «архиву», который здесь обнаружен. Прочитаем наугад несколько писем (они даны здесь с переводом А. А. Зализняка).

№ 819. «От Боряте къ Борису. Емли за свои отрокъ колико ти годно: правъ ти есть. Съли же на съводъ къ селяномъ: правъ ти есть, и сочиль есмь. И те же 2 гривне на Святате възми» — «От Боряты к Борису. Доверий своему судебному исполнителю собирать сколько необходимо (денег): он прав. Шли же его на очную ставку к селянам: он прав — я это расследовал. А те же две гривны възми со Святаты»¹²⁰.

№ 834. «+Се Илько поклепале ти мя. А входить мя погосте роте. А не виновате есмь ни векъшею. А посъли отрокъ на погостъ...» — «Вот, Илька, меня обвинили. А погост заставил меня принести клятву. А я не должен ни векши. Пошли же судебного исполнителя на погост...»¹²¹

№ 855. «...ныне въ городъ, но не легот дѣа. А зѡубъ выбить. А Нежатиинци отроки били шѣсть ихъ. А доужебоу а испрало имъ» — «...(следовало бы ехать) ныне в город, но не позволяет дьяк. А выбит зуб. Отроки Нежатииничей били их шестерых. А (что касается денег на) лечение, то я выплачу им...»¹²² Следует вспомнить соответствующее место «Русской правды»: «Если выбьют зуб, а кровь увидят у него во рту, а будут на то свидетели, то 12 гривен штрафа, а за выбитый зуб потерпевшему гривна»¹²³.

¹²⁰ Янин В. Л., Зализняк А. А. Берестяные грамоты из новгородских раскопок 1998 г. // Вопросы языкознания. 1999. № 4. С. 6.

¹²¹ Там же. С. 10—11.

¹²² Там же. С. 16—17.

¹²³ Российское законодательство X—XX вв. Т. 1: Законодательство Древней Руси. С. 69: Пространная редакция Русской Правды. Ст. 68.

Можно было бы продолжать цитирование, однако и этих примеров достаточно, чтобы сделать вывод о характере открытого комплекса. Он связан с отправлением судебной процедуры, т. е. усадьба Е в середине XII в. служила местопребыванием суда.

Представление об организации суда в средневековом Новгороде уже давно сформировалось на основе традиционных источников. Разветвленная система судов, включающая торговый, епископский и другие суды, сложилась к концу XIII в., а в интересующее нас время существовал единый (как предполагалось, возникший в результате восстания 1136 г.) «сместной» суд князя и посадника. Этому суду были подведомственны все дела — гражданские, уголовные, имущественные, торговые, поземельные, в том числе утверждение землевладельцев в правах собственности на вотчины и т. д. Очевидно, что повседневная деятельность этого суда не предусматривала участия в рутинном делопроизводстве самого князя, жившего в трех верстах от Новгорода на Городище. Его заменял полномочный представитель из числа знатных новгородцев. Участие же боярского посадника было обязательным: князь, согласно непреложной формуле договора с Новгородом, не имел права «кончать суд без посадника».

Кто же были действующими вершителями сместного суда в середине XII в.? Обратимся вновь к берестяным грамотам усадьбы Е.

№ 821. «Отъ Негъла къ Петръкоу и къ Якъши. Съняле землоу на 5 летъ. А ныне въкоупьнике пришь и съгониле. И соуди староста и Неслоуе — «От Негла к Петроку и Якше. Взял в совместную аренду землю на 5 лет, а теперь соарендаторы пришли и согнали. Пусть же судит староста и Неслуй»¹²⁴.

№ 812. «...(Петрок)оу и ко Якоше. Не дають вирьних...» — «(к Петрок)у и Якше. Не дают штрафных (денег)...»¹²⁵

№ 850. «Покланынъ от Бъръза и отъ Поутеши и отъ въхое дружине къ Петръкоу. Се еси въдале землю намъ ... и Святоплькъ, а ныне...» — «Поклон от Борза, Путши и всей дружины Петроку. Вот ты дал нам землю... [далее упомянут князь Святополк Мстиславич, княживший в Новгороде в 1142—1148 гг.], а теперь...»¹²⁶

№ 870. «Покланынъ отъ въсехъ лоудье къ Петръви и къ Якъше. Се есме слышали, оже грамъте...» — «Покланынъ отъ всехъ людей к Петру и Якше. Мы слышали, что грамота...»¹²⁷

---

¹²⁴ Янин В. Л., Зализняк А. А. Берестяные грамоты из новгородских раскопок 1998 г. С. 7—9.

¹²⁵ Там же. С. 5.

¹²⁶ Там же. С. 13—14.

¹²⁷ Там же. С. 19.

№ 877. «От ... къ Петръкоу. Велель ми еси оу Розвадица възяти ... Я съ тобою купль деяль. То дикати людье, а за ними скоть. А я къ людъмь ходиль, а людье ... не въдадя. А Славънь не ходи роте ни ... еси велель въдати ... възми грамотоу...» — «От ... к Петроку. Ты мне велел възять у Розвадича... (Сколько) я с тобой совершал торговых операций — это ведь множество людей, а за ними деньги. Я к людям ходил, а люди денег не дают. А Словен не приносит клятвы ... А теперь ты велел дать ... возми грамоту...»¹²⁸

Обрывок грамоты № 885 сохранил только адресную формулу и невразумительное начало содержательной части письма: «Отъ имоволожанъ и отъ жяблянъ къ Петру и къ Якъше. Шъли мы на Мълевъ, а Иване къ намъ не съ...» — «От имоволожан и от жаблян к Петру и к Якше. Шли мы на Млево, а иван с нами не...»¹²⁹. Зачем шли на Млево? Что за Иван и чего он не сделал? Этого мы уже не узнаем. И тем не менее грамота ответила на вопрос, решение которого исследователи искали два столетия.

В договорах Новгорода с князем, сохранившихся от второй половины XIII — XV вв., предусмотрен порядок финансового обеспечения приглашаемого на новгородский стол князя. Государственные подати собирают сами новгородцы, передавая князю их малую часть в виде «дара». Но с двух податных единиц — погостов Важанского и Имоволожского — весь доход поступает в личную казну князя. Местоположение Важанского погоста известно: он находился на реке Свирь, соединяющей Онежское озеро с Ладожским, т. е. на главном пути из Новгорода в его северные земли. Местоположение Имоволожского погоста оставалось неразрешимой загадкой, поскольку административное устройство Новгородской земли, зафиксированное писцовыми книгами конца XV в., такого погоста не знает. Совместное упоминание «имоволожан», «жаблян» и «Млева» как кучно расположенных топонимов эту загадку разрешило. Млѣво (центр Млевского погоста) находится в верховьях реки Мсты в 18 км от ее истока. «Жябляне» — жители Жабенского погоста, расположенного к востоку от северных плесов Селигера. Между двумя этими пунктами на современной карте легко обнаружить озеро Имоложье, как бы маркирующее местоположение бывшего погоста. Не существовавший к концу XV в. Имоволожский погост находился в верховьях Мсты, контролируя волок из Тверцы в Мсту на главном пути из Новгорода в среднерусские земли.

Вернемся к адресатам берестяных грамот. Имя Петра встречено в 17 грамотах. В одних он адресат, в других — автор текстов. Впервые его имя стало известно из берестяной грамоты № 550, позволившей высказать предположение о том, что он был отцом Олисея-Гречина Петровича — художника и священника

¹²⁸ Там же. С. 19—20.

¹²⁹ Там же. С. 22—23.

высокого ранга (в 1193 г. он даже домогался избрания в епископы Новгорода), усадьба которого была изучена на Троицком раскопе в слое рубежа XII/XIII вв.¹³⁰ Это мнение находит убедительное подтверждение. Мы знаем, что многие должности и обязанности в Новгороде бывали наследственными, и не удивимся теперь тому, что и сын Петра Олисей был полномочным лицом сместного суда. В разные годы были найдены две грамоты, свидетельствующие об этом:

№ 502. «От Мирслава к Олисьеви ко Грициноу. А тоу ти вънидѣте Гавько полоцанино. Прашаи его, кодь ти на господь витаеть. Ать ти видело, како ти было и я Ивана яль, постави и пьредь людьми, како ти взмоловить» — «От Мирослава к Олисею-Гречину. Тут войдет Гавко полочанин [житель Полоцка]. Спрашивай у него, где он стоит на постое. Если он видел, как я Ивана арестовал, поставь его перед свидетелями (соответственно тому), как он ответит»¹³¹. Это записка посадника Мирошки Несединича, написанная во время судебного заседания.

№ 603. «От Смолигу къ Гречинову и к Мирославоу. Вы ведаета, оже я тяже не добыле. Тяжя ваша. Нынеча жена моя заплатила 20 гривнѣ, оже есть посуулили Давыдьви князю» — «От Смолига к Гречину и к Мирославу. Вы оба знаете, что я тяжбы не выиграл. Тяжба ваша. Теперь жена моя заплатила 20 гривен, которые посулили князю Давыду»¹³².

Заметив, что посадник в адресной формуле стоит на втором месте, мы получаем право утверждать, что и в середине XII в. вторым адресатом в том случае, когда грамота направлена полномочным вершителям суда, был посадник. И действительно, если Петра среди посадников этого времени не было, то Якша был, коль скоро Якша — это уменьшительная форма имени Яков или Якун, а посадник Якун Мирославич отправлял свою должность в интересующий нас период дважды — в 1137—1141 и 1156—1160 гг. Помещение имени посадника на второе место закономерно: формально приоритет в сместном суде принадлежал князю, который скреплял судебные акты своей печатью и получал за это печатную пошлину.

Дендрохронологическим анализом остатков настила «судебного присутствия» на усадьбе Е, произведенным О. А. Тарабардиной, было установлено, что первоначально настил был сооружен из плах рубки 1126 г., т. е., скорее всего, в 1127 г., а в дальнейшем ремонтировался в 1132 и 1146 гг.

Следует вспомнить, что именно в начале 1127 г. на посадничество был избран Якун Мирославич.

¹³⁰ Янин В. Л. Я послал тебе бересту... 3-е изд. М., 1998. С. 324.

¹³¹ Арциховский А. В., Янин В. Л. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962—1976 гг.). С. 96—99.

¹³² Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977—1983 гг.). С. 66—67.

В берестяных грамотах рассматриваемого комплекса существует еще один сюжет, достойный самого пристального внимания. В найденной на усадьбе Е грамоте № 794 сохранилось начало: «+Отъ Петра къ Марене. Ци ти пѣцне князь купце наделивати, аци ти присъле къ тѣбе, а ты ему мѣлви: Ты, княже, ведаешъ, цѣтъ мужъ мѣре зимуси възяле...» — «Отъ Петра к Марене. Если начнет князь наделять купцов и если (с этим) придет к тебе, то ты ему скажи: Ты, князь, ведаешъ, сколько людей прошлой зимой унес мор...»¹³³. Полномочный княжеский представитель Петр дает некой Марене наставления на тот случай, если в его отсутствие к ней обратится за советом князь. Кто эта женщина, с которой князь может счесть необходимым советоваться?

Она весьма влиятельна. Об этом свидетельствует еще одно письмо Петра — грамота № 849: «Цельвь отъ Петра къ Дѣмше. Даи Микоуле Кышке гривнь 6, възмя оу Марене. Самъ же привед(я) его даи же передъ Мареною. Ци ти Ярѣко възпроситъ, а томоу не даи. И целоую тя. Добре же створя исправи же самъ» — «Приветствие отъ Петра к Демше. Дай Микуле Кишке гривен шесть, взявши у Марены. Приведи его сам, дай в присутствии Марены. А если попросит Ярѣко, то тому не давай. Приветствую тебя. Сделай же милость, исполни сам»¹³⁴.

Еще один документ — грамота № 798 — отражает особое положение Марены: «Поклѣние отъ Завида къ тетѣке. Оу котораго ти сыноу вѣрьшь, повели, оти отѣдадѣ дать Марене. Оже я придоу, ти вѣдажъ опять вѣрьшыю же. И поклѣнюю ти ся» — «Поклон отъ Завида к тетке. Тому из твоихъ сыновей, у котораго есть зерно, прикажи, чтобы отдали дань Марене, поскольку я приду и ты тогда отдашь (своему сыну) назад зерномъ же. Кланяюсь тебе»¹³⁵.

Кто же эта столь влиятельная Марена? Весьма убедительную версию высказал по ее поводу А. А. Гиппиус¹³⁶.

В 1155 г., по выражению летописца, «бысть тишина в Русьстей земли»¹³⁷. Эта «тишина» установилась, когда Юрий Долгорукий, замирившись наконец со своими соперниками, утвердился на киевском великокняжеском столе. В числе предпринятых Юрием действий было и прекращение многолетней вражды с

¹³³ Янин В. Л., Зализняк А. А. Берестяные грамоты из новгородских раскопок 1997 г. // Вопросы языкознания. 1998. № 3. С. 36.

¹³⁴ Там же. С. 13.

¹³⁵ Там же. С. 37—38.

¹³⁶ Гиппиус А. «Повелел Юрий сыну своему Мстиславу жениться в Новгороде...» // Знание — сила. 1999. № 2—3. С. 30—37; Он же. К идентификации персонажей берестяных грамот середины XII в. усадьбы «Е» Троицкого раскопа // Новгород и Новгородская земля. Вып. 13. Новгород, 1999. С. 366—379; Он же. К атрибуции новгородских кратиров и иконы «Богоматерь Знамение» // Там же. С. 379—394.

¹³⁷ НПЛ. С. 29, 216.

Новгородом путем заключения политического брака. Ипатьевская летопись под 1155 г. сообщает: «Тои же зиме повеле Дюрги Мстиславу сынови своему Нове-городе женитися Петровною Михалковича, и оженися»¹³⁸. Время действия, высокий должностной ранг нашего Петра, свидетельствующий о принадлежности к новгородской боярской элите, не противоречит его отождествлению с летописным Петром Михалковичем. Если эта гипотеза верна, то кем же Петру могла приходиться Марена?

На первый взгляд — дочерью, сестрой Олисея-Гречина. Однако такое предположение следует тут же отбросить. Князь Мстислав Юрьевич через два года после женитьбы был изгнан новгородцами: «В лето 6665. Бысть котора зла въ людехъ, и всташа на князя Мъстислава на Гюргевиця, и начяша изгонити из Новагорода... И тгда внидоста Ростиславиця, Святослав и Давыдъ; и на ту ношь бежа Мъстислав из города»¹³⁹. А в 1162 г. его изгнал из Руси в Византию его родной брат Андрей Боголюбский: «Том же лете выгна Андреи епископа Леона ись Суждаля и братью свою погна Мъстислава и Василка и два Ростиславича, сыновца своя, мужи отца своего переднии; се же сотвори, хотя самовластець быти всеи Суждальской земли... Том же лете идоста Гюргевица Царюгороду Мъстиславъ и Василко съ матерью и Всеволода молодого пояша со собою, третьего брата, и дасть царь Василкови в Дунаи 4 гор(од)ы, а Мъстиславу дасть волость Оскалона»¹⁴⁰. Надо полагать, что дочь Петра Михалковича делила судьбу своего мужа, как и ее брат Олисей (может быть, именно поэтому он получил прозвище «Гречин»?). Между тем среди берестяных текстов, связанных с Мареной, имеются и датированные временем после изгнания Мстислава из Новгорода.

Тогда, может быть, Марена — жена Петра? Подтверждение этому А. А. Гиппиус нашел в материалах, не имеющих отношения ни к летописи, ни к берестяным грамотам. Дело в том, что «петровская» тема давно занимает археологов и искусствоведов. В комплексе ризницы новгородского Софийского собора хранятся две знаменитые серебряные причастные чаши — шедевры прикладного искусства XII в., запечатлевшие в надписях имена создавших их мастеров и заказчиков.

Одна из них, изготовленная мастером Братилой, содержит надпись: «Се сосуд Петров и жены его Варвары». На стенках сосуда изображены Христос, Богоматерь, апостол Петр и св. Варвара. Очевидно, что последние два изображения соответствуют именам заказчиков сосуда, предназначенного ими для причащения новгородцев в главном городском храме. Существует единодушное мнение, что эту чашу мастер Братила сделал по заказу новгородского посадника Петрилы Микульича, погибшего в битве 1134 г.

¹³⁸ ПСРЛ. Т. 2. СПб., 1908. Стб. 482.

¹³⁹ НПЛ. С. 30, 217.

¹⁴⁰ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 520—521.

Другой сосуд, изготовленный мастером Костой, подобен первому, но по ряду признаков подражателен ему. Его надпись гласит: «Се сосуд Петров и жены его Марье». На стенках чаши изображены Христос, Богоматерь, апостол Петр и св. Анастасия. Присутствие последнего изображения становится понятным, если Анастасией звали дочь Петра и Марены, а причастная чаша была заказана и преподнесена в дар Софийскому собору ее родителями в связи с бракосочетанием сына Юрия Долгорукого и дочери Петра Михалковича. Но если это так, то можно ли установить тождество имен «Мария» и «Марена»? Могут ли эти имена относиться к одной женщине? Безусловно. И дело здесь не просто в созвучии имен. Ведь Мария — имя христианское, а Марена — языческое, имеющее глубокие мифологические и фольклорные корни. В календарной русской обрядности так называлась деревянная или соломенная кукла, которую сжигали либо топили в воде во время купальских игрищ как символ умирания и воскресения природы. В народном сознании образ Купалы слился с фигурой Иоанна Крестителя, а Марены — с Девой Марией. Эта параллель наглядно выступает в названии купальского цветка «Иван-да-Марья».

Вспомним также, что центральным произведением новгородской живописи середины XII в. является чудотворная икона «Знамение», которую в 1170 г. выносили на стену Новгорода, осажденного войсками Андрея Боголюбского. Икона была ранена суздальской стрелой, плакала и обратила в бегство осаждавших, став на века главной святыней Новгорода¹⁴¹. Она сохранилась в многократно записанном виде. На одной ее стороне изображена Богоматерь Оранта, а на другой апостол Петр и св. Наталья. Последнее изображение, сохранившееся в записи XVII в., является, как это установили И. А. Стерлигова и Э. А. Гордиенко¹⁴², искажением первоначального образа св. Анастасии. Повторный набор на иконе тех же, что и на причастной чаше, сюжетов связывает изготовление и этой реликвии с событием бракосочетания дочери Петра и Марии. К этому сле-

¹⁴¹ Янин В. Л. Некрополь новгородского Софийского собора. М., 1988. Приложение 6: «Знаменская легенда» в Древней Руси. С. 224—238.

¹⁴² Стерлигова И. А. Новгородские кратиры и икона «Богоматерь Знамение». Некоторые проблемы иконографии // Древнерусское искусство: Балканы. Древняя Русь. СПб., 1995. С. 311—322; Она же. Памятники серебряного и золотого дела в Новгороде XI—XII вв. (Каталожные описания кратилов) // Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода. Художественный металл XI—XV вв. М., 1996. С. 26—28, 108—116; Смирнова Э. С. Новгородская икона «Богоматерь Знамение». Некоторые вопросы богородичной иконографии XII в. // Древнерусское искусство: Балканы. Древняя Русь. С. 301. О том, что Анастасия была дочерью Петра Михалковича см. также: Диакон А. Мусин. 1165 год. Архиепископ Илья-Иоанн и комплекс церковных древностей с Федоровского раскопа // Новгород и Новгородская земля. Вып. 10. Новгород, 1996. С. 155.

дует добавить, что битва новгородцев с суздальцами в 1170 г. произошла в непосредственной близости к месту Троицкого раскопа.

Можно предположить также, что более древний кратир, изготовленный мастером Братилой по заказу Петра Микульича и жены его Варвары, вероятно, связан с бракосочетанием, если именно к их дочери относится летописное сообщение 1123 г.: «Оженися Всеволодъ, сынъ Мстиславль, Новегороде»¹⁴³. И не этим ли свойством вызвана особая приверженность Микульичей к князю Всеволоду Мстиславичу? Если это так, то подражательность сосуда Косты более раннему образцу находит убедительное объяснение.

Установив, что в середине XII в. главными функционерами сместного суда были представлявший персону князя новгородский боярин Петр Михалкович и посадник Якун Мирославич, а в конце XII в. — сын Петра Михалковича Олисей-Гречин и посадник Мирошка (Мирослав) Несдинич, мы, однако, не имеем возможности считать усадьбу Е с ее помостом «судебного присутствия» неким навсегда в 1127 г. конституированным общегородским местом отправления сместного суда. Надо полагать, что подобная площадка могла существовать, например, в Неревском конце или на Прусской улице. Активизация ее в Людином конце связана с конкретными успехами местного боярства в середине XII в. и на рубеже XII/XIII вв. Впрочем, сам ее выбор в 1127 г., как кажется, был определен тем, что и до указанной даты усадьба Е имела административный характер, будучи в XI — первой четверти XII в. местом распределения «по статьям бюджета» ценностей, собранных новгородскими сборщиками дани¹⁴⁴.

Вполне вероятно, что и преобразование усадеб боярского клана Мирошкиничей после восстания 1207 г. в систему дворов административного назначения опиралось на эту древнюю традицию.

¹⁴³ НПЛ. С. 21, 205.

¹⁴⁴ См.: Янин В. Л. У истоков новгородской государственности. С. 31—65.

Глава 4

ПОСАДНИЧЕСТВО В XIII в.

ПОСАДНИЧЕСТВО ПРИ ТВЕРДИСЛАВЕ МИХАЛКОВИЧЕ

Избранный на посадничество в 1207 г. в результате разгрома клана Мирошкиничей Твердислав Михалкович сохранил свой пост и в 1209 г., когда новгородским князем стал Мстислав Удалой. Однако в 1211 г. он лишился посадничества по причине, до того в Новгороде неслыханной: «Прииде Дмитр Якуниц из Русе, и соступися Твердислав с посадничества по своей воли стареишу себе: тогда же даша посадничество Дмитру Якуницу»¹. Выше этот эпизод был рассмотрен и объяснен принадлежностью Твердислава Михалковича и Дмитра Якунича к одной и той же, прусской боярской группировке.

Упоминание посадников в летописи не встречается затем вплоть до июня 1214 г., когда в рассказе о походе Мстислава Удалого на Киев к новгородцам обращается с речью посадник Твердислав². Поскольку имя Дмитра Якунича в летописи больше не появляется, мы вправе предположить, что он умер между 1211 и 1214 гг., снова освободив место посадника для Твердислава Михалковича.

Под 1215 г. в летописи упоминается уже другой посадник — Юрий Иванкович. Об обстоятельствах его избрания на место Твердислава источники умалчивают. Нам же уже известно, что Юрий был сыном посадника Иванки Захарьинича и принадлежал к боярству Неревского конца. Отметим также единство политической направленности Юрия и его отца. Иванко Захарьинич опирался на Ростиславичей, а Юрий в своей деятельности проявляет себя настолько по-

---

¹ НПЛ. С. 52, 249; ПСРЛ. Т. 4. С. 19. 6719 ультрамартовский год. Поскольку в предшествующем разделе летописного рассказа применено ультрамартовское счисление, отметим, что в конце 6719 г. говорится об избрании архиепископом Антония (НПЛ. С. 52, 250), который занимал кафедру 8 лет (Там же. С. 473—474) и был изгнан в начале 1220 г. (Там же. С. 60, 261). Расчет показывает, что избрание Антония состоялось в конце мартовского 6719 г., соответствующего 1211—1212 гг.

² НПЛ. С. 53, 251—252; ПСРЛ. Т. 4. С. 20.

следовательным сторонником Ростиславича Мстислава Удалого, что даже покидает Новгород и уходит в Киев, когда в 1217 г. туда ушел князь Мстислав ³.

В 1215 г. Мстислав в первый раз «пойде по своей воли Киеву», предоставив новгородцам полную свободу решать вопрос о своем преемнике ⁴. Проблема приглашения нового князя встала перед новгородцами в самый разгар борьбы за наследство Всеволода III, умершего в 1212 г. Вече, которым руководил Юрий Иванович, «много гадавшие», останавливается на кандидатуре князя Ярослава Всеволодовича. Однако этим выбором посадник Юрий подготовил собственное падение.

Утвердившись в Новгороде, князь Ярослав следует старой суздальской политике и стремится вбить клин между боярскими группировками, активизируя внутреннюю борьбу боярства. Летом 1215 г. он производит расправу над Якуном Зуболомичем, новоторжским посадником Фомой Доброщиничем, тысяцким Якуном Намнежичем. У последнего по приказу князя разграблен двор и схвачена семья. Одновременно «прусе» убивают Острата ⁵ и его сына Луготу, «князь же о том пожалел на новгородци». Отметим, что в ходе этого конфликта посадник Юрий Иванович и Твердислав Михалкович оказываются в разных лагерях. Посадник пытается, правда неудачно, защитить тысяцкого Якуна. Твердислав же называется в числе «прусов», поддержанных Ярославом: «Того же лета пойде князь Ярослав на Торжок, понявши с собою Твердислава Михалковича, Микифора, Полюда, Сбыслава, Семеона, Олексу и много бояр и, одарив, присла в Новъгород» ⁶.

Из Торжка Ярослав Всеволодович начинает длительные переговоры, а затем войну с Новгородом, на помощь которому снова пришел Мстислав Мстиславич. В Новгороде начинается сильнейший голод и эпидемия. Отвергая все предложения новгородцев, Ярослав тем самым содействует новому сплочению боярства. На это, в частности, указывает состав арестованного им в Торжке новгородского посольства: посадник Юрий Иванович, Степан Твердиславич, Семен Борисович, Вячеслав Климятич, Зубец Якун, Мануил Яголчевич ⁷. Среди членов посольства кроме неревского боярина Юрия Ивановича, оказывается сын прусского боярина Твердислава, а также Семен Борисович, принадлежность которого к славенскому боярству четко обозначена его строительной деятельностью. Семен Борисович в 1224 г. поставил церкви во имя св. Павла, св. Симеона Богоприимца

³ НПЛ. С. 57, 257.

⁴ НПЛ. С. 53, 252.

⁵ По-видимому, тождествен Овьстрату Домажировичу, который в 1208 г. был выдан Всеволоду III вместе с Мирошкиничем (НПЛ. С. 51, 249).

⁶ НПЛ. С. 54, 253; ПСРЛ. Т. 4. С. 20.

⁷ ПСРЛ. Т. 23. С. 185—186.

и святых Константина и Елены⁸. Все три церкви находились в Славенском конце, между Павловой и Варяжской улицами в Павловом монастыре⁹.

Наконец, в Липицкой битве 1216 г. Ярослав терпит поражение в борьбе за Владимир, а на новгородском столе к этому времени снова оказывается Мстислав Удалой. Юрий Иванович после Липицкой битвы окончательно потерял посадничество, вернувшееся к Твердиславу. Процесс возвращения Твердислава к власти был результатом весьма тонкого политического расчета. Юрий Иванович остался сторонником Мстислава, но править вместе с Мстиславом ему уже больше не пришлось, поскольку он был скомпрометирован предпринятым по его инициативе временным союзом с Ярославом Всеволодовичем. В то же время видимый разрыв Твердислава с Ярославом укрепил позиции посадника даже в этой сложной для него обстановке.

Говоря о возникновении во время борьбы с Ярославом Всеволодовичем боярского союза всех новгородских группировок, мы имеем прямое свидетельство того, что это сплочение было вполне официальным и даже сопровождалось крестоцелованием. Летописный рассказ 1216 г. начат изложением следующего сюжета: «Месяца марта в 1 день. На память святыя Марьи Египтяныне, вторник по чистой недели, поиде князь Мстислав на зять свои, на Ярослава с новгородци, а в четверток побегоша к Ярославу преступници кресту: целовали бяху крест честный ко Мстиславу со всеми новгородци, всем одинако быти»¹⁰.

Вся предшествующая политика Твердислава и приход его к власти в результате нового сплочения бояр указывают на него как на главного инициатора такого сплочения. Мы должны придавать этой консолидации большое значение, но не переоценивать ее успехов. Противоречия внутри боярства, противоположность группировок остаются и в новой ситуации. Более того, как увидим далее, новый порядок поддерживается в значительной степени авторитетом его инициатора Твердислава. Однако любое сплочение боярства должно было привести к одному неизбежному результату — ослаблению позиций княжеской власти.

Утеря князем значительной доли влияния наблюдается и в деятельности Ярослава Всеволодовича, и в деятельности Мстислава Удалого. Эти князья резко различны в их отношении к Новгороду. Ярослав является идейным наследником своего отца с его политикой «разделяй и властвуй». Пытаясь укрепить

⁸ НПЛ. С. 63, 267.

⁹ Никольский А. Описание семи новгородских соборов по списку XVI в. // Вестник археологии и истории. СПб., 1898. Вып. 10. С. 81; Янин В. Л. «Семисоборная роспись» Новгорода // Средневековая Русь. М., 1976. С. 114; (Евгений). Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода. М., 1808. С. 87.

¹⁰ НПЛ. С. 55, 254—255; ПСРЛ. Т. 1. С. 211; Т. 4. С. 21; Т. 5. С. 172; Т. 7. С. 120.

положение княжеской власти, он стремится активизировать борьбу между боярскими группировками, с тем чтобы опереться на поддержку части боярства, но после ряда просчетов терпит неудачу и наталкивается на союз боярства против князя. Мстислав умеет ладить с представителями разных боярских групп, мирясь с обстановкой в Новгороде и, не имея сил решительно противопоставлять свою власть республиканской власти, не цепляется за новгородский стол и оставляет Новгород, как только для него возникает более заманчивая перспектива неограниченной власти вне Новгорода.

В 1218 г. Мстислав Мстиславич окончательно уходит из Новгорода и на его место садится приглашенный из Смоленска князь Святослав Мстиславич. Последующие события характеризуют Твердислава все с той же стороны и бросают свет на его прежнее поведение. Твердислав с самого начала своей деятельности пытается смягчить борьбу группировок компромиссами. Оставление им посадничества во имя принципа старшинства, длительное сосуществование с князьями противоположных устремлений — очевидные элементы его политической характеристики. В особо острых случаях Твердислав держится независимо, и его политическим противникам приходится прибегать к изощренным приемам в попытках подорвать его влияние. В излагаемых ниже событиях ясно чувствуется не только конфликт внутри новгородского общества, но и конфликт между Новгородом и князем.

Зимой 1219 г. из Новгорода бежал житель Торговой стороны Матвей Душиловец, связавший перед побегом «Моисеица, бирица ябетниц». Он был изловлен и выдан князю на Городище. В этой выдаче был клеветнически обвинен Твердислав. На Торговой стороне и в Неревском конце собрались вече, началось восстание. Наутро князь отпустил Матвея, боясь дальнейших осложнений. Однако события продолжают разворачиваться. За Твердислава вступились Людин конец и Прусская улица, а загородцы остались в стороне. Восставшие вышли в бронях. Схватка у городских ворот закончилась поражением восставших, которое было довершено уже на Торговой стороне, куда победители переплыли в ладьях. С 17 января в течение целой недели в Новгороде бушевало вече, стоявшее за Твердислава.

Восстание 1219 г. имело ярко выраженный антикняжеский характер, начавшись из-за предполагаемого сговора Твердислава с князем. Действительная позиция посадника, однако, не совпадает с позицией князя. Святослав Мстиславич прислал на вече своего тысяцкого с заявлением: «„Не могу быти с Твердиславом, отымаю посадничество у него“. Новгородцы же ркоша: „есть ли вина его“. Он же рече: „без вины“. Рече же Твердислав: „тому есмь рад, яко вины моя нету; а вы, братье, в посадничестве и во князех вольне есть“. Новгородцы же ответ даша князю: „аще вины его нету, и ты к нам крест целовал без вины мужа не лишати; тебе ся кланяем, а се есть наш посадник, и в то ся не вда-

дим“»¹¹. Твердислав, таким образом, не только не стоит на стороне князя, но подчеркивает значение посадника, противопоставляет себя князю, весьма откровенно предлагая выбрать между ним и князем.

В том же 1219 г. против Твердислава было выдвинуто новое обвинение, на этот раз более продуманное и решительное. Новгородский воевода Семен Емин с 400 новгородцами отправился в поход на Таймокары, но Юрий и Ярослав Всеволодовичи не пропустили его через свои владения. Вернувшись, Семен объявил, что вина в этом лежит на Твердиславе, который якобы вступил в тайные сношения с суздальскими князьями. Посадничество, отобранное у Твердислава, получил теперь Семен Борисович¹². Его возвышение — прямой результат столкновения внутри боярства и победы той группировки, которая была связана с Торговой стороной. Напомним, что Семен Борисович строил церкви в Славенском конце.

Избранием Семена Борисовича группировки Торговой стороны и Неревско-го конца добились победы. Однако эта победа оказалась весьма непрочной. В конце 1219 г. Твердислав Михалкович снова получает посадничество¹³. Избранный в четвертый раз, он продолжает придерживаться своей независимой линии. В 1220 г. эта политика снова приводит к открытому столкновению посадника с князем Всеволодом Мстиславичем, занявшим за год до того место своего брата Святослава.

«Вложи диавол князю грех в сердце, гнев до Твердислава без вины, — пишет летописец, — и прииде в Новгород и возвади весь город, хотя убити Твердислава; а Твердислав бяше болен». Всеволод пришел с Городища со всем своим двором «в броне, аки на бои» на Ярославово дворище, где вокруг него собрались новгородцы в том же составе, что и при столкновении 1219 г., т. е. Торговая сторона и Неревский конец. Больного Твердислава привезли на санях к церкви Бориса и Глеба, где его окружили сторонники с Прусской улицы, Людина конца и загородцы. Видя, что вооруженное столкновение неизбежно, князь отправил к Твердиславу архиепископа Митрофана, добившегося примирения. Твердислав, «сшьдъся с князьмъ в любовь», отказался от посадничества, «немощен бо бяше», и постригся в монастырь, а посадником избрали Иванку Дмитровича¹⁴. «Любовь с князем» в этом контексте означает компромисс: новый посадник принадлежит к тому же прусскому боярству, что и Твердислав, будучи сыном Дмитра Якуновича.

Рассказ о восстаниях 1219 и 1220 гг. очень четко изображает территориальное разделение Новгорода на приверженцев различных группировок. Твердислав и

¹¹ НПЛ. С. 59, 260; ПСРЛ. Т. 4. С. 26.

¹² Там же.

¹³ НПЛ. С. 60, 261; ПСРЛ. Т. 4. С. 26.

¹⁴ НПЛ. С. 60, 262; ПСРЛ. Т. 4. С. 27.

все его окружение прочно связаны с Прусской улицей. Они опираются на Людин конец (бесповоротно побежденный ими в 1207 г.) и загородцев, которые в одном случае предпочли соблности нейтралитет. Принадлежность Твердислава Михалковича к боярству Прусской улицы прослеживается и другими способами. В 1219 г. Твердислав вместе со своим братом Федором закладывает, а в 1224 г. заканчивает церковь св. Михаила и другую — во имя Трех святых отроков¹⁵. Относительно церкви Михаила в литературе существует некоторый разнобой мнений. В частности, И. П. Доронин, составивший указатели к изданию 1950 г. Новгородской Первой летописи, полагал, что это церковь св. Михаила на Михайловой улице и в Витковом переулке, т. е. на Торговой стороне Новгорода¹⁶. Однако и на Прусской улице существует церковь Михаила-архангела, известная летописцу уже в XII в., возобновленная после пожара в 1176 г. отцом Твердислава Михалкой Степановичем¹⁷ и сохранившаяся в варианте XIX в. до сегодняшнего дня. По-видимому, Твердиславу и Федору принадлежит первая каменная постройка этой церкви. Что касается другой постройки братьев Михалковичей — церкви во имя Трех святых отроков, то под этим названием в позднейшем Новгороде известен только придел к церкви Михаила на Прусской улице. Время превращения особой церкви в придельную в источниках не зафиксировано, однако известно, что новые приделы сооружались обычно при ликвидации близлежащих церквей.

Враждебные Твердиславу группировки территориально связаны с Торговой стороной и Неревским концом. Принадлежность к Торговой стороне Семена Борисовича уже рассмотрена выше. Что касается Неревского конца, то его активная борьба с прусским боярством прослеживается еще во времена Захарии и второго Якуна.

Пытаясь локализовать основные боярские группировки на карте Новгорода, мы отнюдь не намереваемся настаивать на том, что уже в рассматриваемый период они полностью совпадали с теми основными административными членениями Новгорода, которые хорошо известны в позднейшее время. Если летописец и называет неревлян как единую в политическом смысле территорию, то

---

¹⁵ НПЛ. С. 59, 63, 260, 267.

¹⁶ Там же. С. 621.

¹⁷ Относительно постройки Михалки Степановича существует противоречивое показание Новгородской Третьей летописи, согласно которому церковь св. Михаила в 1176 г. была будто бы построена на Михайловой улице. Однако это строительство стоит в непосредственной связи с пожаром 1175 г., начавшимся у Деигуниц и уничтожившим церкви св. Михаила, Вознесения и св. Якова. Все три церкви находятся в одном районе: первые две — на Прусской улице, последняя — на Добрыне; возобновлены они соответственно в 1176, 1185 и 1181 гг. (НПЛ. С. 34—35, 37—38, 223—224, 227—228).

на Торговой стороне он вовсе не проводит каких-либо территориально-политических границ. У нас есть также весьма существенные основания говорить о том, что административные членения Новгорода в XII—XIII вв. несколько отличались от членений XIV—XV вв. В частности, Загородье в XIII в. нигде в летописи не именуется концом, чему соответствует самый смысл названия этой территории. Подтверждения позднейшего превращения Загородья в особый конец будут изложены ниже. Вне кончанского деления находится и оплот «прусского» боярства — Прусская улица, на что указывают некоторые особенности фразеологии летописного рассказа о событиях 1219 г. Летописец говорит, что «поиде (Твердислав) с прусы и с Людиным концом»; исчисляя убитых во время восстания, он также противопоставляет Прусскую улицу Людину концу: «И убиша прус муж един, а концан другыи, а онех половиць Иоанна Душильцева, брата Матвеева, а в Неревъском конци Костянтина Прокшиница, а иных 6 муж, а раненых много обоих». Мы увидим далее, как позднейшая административная система формируется вместе с развитием боярского государства.

С другой стороны, говоря о боярских группировках, мы должны иметь в виду их значительную территориальную разобщенность в это раннее время. В XII—XIII вв. Новгород представлял собой систему изолированных поселков, на что указывают особенности его исторической топографии. Между древними Людиным и Неревским концами лежала территория в основном пустоποрожнего Загородья; ее лишь оконтуривают Прусская и Чудинцева улицы, а пространство между ними лишено уличного деления. Подобным образом в древности были разделены также Славенский и Плотницкий концы Торговой стороны. Находившаяся на их стыке обширная территория Рогатицы и Лубяницы даже в начале XV в. находилась вне кончанского деления, на что указывает, например, описание пожара 1403 г.: «Погоре Плотничьскый конецъ до Славкове улицы, а Рогатица до Еупатия святого, а Лубяница до святого Лукуы, а Славенскый весь конецъ»¹⁸.

Политические итоги периода, связанного с именем Твердислава, можно формулировать в следующих положениях. После восстания 1207 г. посадничество снова укрепляет свою независимость от князя. Однако политика Твердислава не устраняет противоречий боярских группировок в их борьбе за власть. Выступая единым фронтом против князя, группировки продолжают бороться между собой, стремясь овладеть посадничеством.

Говоря о политических итогах развития Новгородского государства в начале XIII в., нельзя пройти мимо некоторых оценок, предложенных В. Н. Бернадским. По его мнению, политическая линия старших Михалковичей «характеризуется прежде всего отстаиванием новгородской самостоятельности и прав

¹⁸ НПЛ. С. 397.

новгородского веча от всяких покушений на них со стороны князей»¹⁹. В связи с этим тезисом В. Н. Бернадский сочувственно цитирует статью о Твердиславе Михалковиче в «Русском биографическом словаре», находя, что она написана «не без основания»: «Едва ли кто-нибудь из бывших до и после него посадников отличался такой преданностью к себе низших слоев новгородского населения и едва ли кого-либо последние защищали так, как Т. М., когда весы бурной и изменчивой политической истории Великого Новгорода склонялись не в его пользу»²⁰. Изложенная оценка не только не имеет оснований, она является примером идеализации Новгородской республики. Новгородская республиканская государственность была государственностью боярской. Она так же мало защищала интересы городского плебса, как и княжеская власть. Представлять Твердислава и других посадников в виде благодетелей и друзей народа — значит растворять сословный характер этой государственности в бесформенном представлении о никогда не существовавшем демократизме республиканского управления.

Смысл взаимоотношений республики и веча так был сформулирован Б. Д. Грековым: «Феодальная знать, захватившая в свои руки власть и ограничившая в своих интересах власть князей, не была в силах уничтожить народного собрания, но была достаточно сильна, чтобы превратить его в орудие своих интересов»²¹. Этот тезис представляется не менее спорным. Новгородское вече, как показывает знакомство с материалами XIV в., которые будут подробно приведены в соответствующем месте настоящего исследования, вовсе не было народным собранием в обычном понимании этого термина. Это был узко сословный орган, состоящий из крупнейших дворовладельцев (бояр и житейх людей) и организованный путем равномерного кончанского представительства. Немецкий источник называет вече «тремястами золотых поясов», что отражает элитарность его состава.

Разумеется, простой люд Новгорода активно участвовал в восстаниях, будучи вовлечен во внутрибоярскую борьбу. Механизм его вовлечения очевиден. Коль скоро, как это показывают раскопки, основная часть непривилегированного населения жила на усадьбах бояр, купцов и житейх людей (челядь, вотчинные ремесленники и т. д.), она активно использовалась в постоянных противопоставлениях в ходе территориальных столкновений. Лозунги инициаторов борьбы, надо полагать, были достаточно просты: «Вам будет лучше, если на место посадника из кругов боярства другого конца будет избран ваш господин!» Эти слои, от которых зависело направление не только внутрибоярской борьбы, но и борьбы меж-

¹⁹ Бернадский В. Н. Новгородский посадник Степан Твердиславич. С. 31.

²⁰ РБС. Т. 17. 1912. С. 377.

²¹ Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1949. С. 364.

ду князем и республикой, использовались и княжеской властью, стремившейся противопоставить их боярству. Мы уже видели пример такого использования в 1207 г. Еще одна такая попытка относится к 1220 г.

Выше мы пытались связать один из источников «Устава Всеволода» с именем и княжением Всеволода Мстиславича, занимавшего новгородский стол в конце первой четверти XIII в. Княжение Всеволода Мстиславича началось весной 1219 г. и окончилось в 1221 г. Важнейшим событием его недолгого правления была успешная для князя борьба с посадником Твердиславом, закончившаяся в самом конце 1220 г.²² Связывая возникновение первоначального «Устава» с указанным временем, мы получаем возможность рассматривать его и как результат столкновения между князем и посадником. Попытаемся выяснить теперь, имеются ли у нас основания для такого вывода.

Признав, что сохранившийся до нас «Устав Всеволода» является компиляцией «Устава Владимира» с подлинным новгородским документом, мы, вслед за С. В. Юшковым, относим к этому документу три фрагмента «Устава Всеволода», остающиеся в нем за вычетом материала, заимствованного из «Устава Владимира»²³.

Отличительной особенностью всех трех фрагментов является их очевидная независимость от остального текста «Устава Всеволода». Если в материалах, заимствованных из «Устава Владимира», говорится об организации и границах юрисдикции церковного суда, то все три независимых фрагмента, лишь однажды коснувшись проблематики церковного суда, трактуют главным образом о порядке наблюдения над мерилами, торговыми конфликтами, распределением доходов с торгового суда и т. п. применительно к новгородской действительности. Позднейшая компиляция, таким образом, объединяет документы не только разного времени, но и весьма отличные по своему характеру.

Политическое содержание сохранившегося в трех фрагментах «Торгового устава Всеволода» сводится к одному главному положению. Контроль над торговыми делами и торговым судом, бывший до тех пор в распоряжении князя, переходит в руки епископа, иваньского старосты и «всего Новгорода»; под последним понимается организация сотских²⁴. Обращает на себя внимание не-

²² Твердислав постригся 8 февраля 1221 г., проболев после отречения от посадничества 7 недель (НПЛ. С. 60, 262).

²³ Юшков С. В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949. С. 218.

²⁴ «Даль есмь суд и мерила, иже на торгу, святеи Богородици в Киеве и митрополиту; а в Новгороде святеи Софии и епископу и старосте Иваньскому и всему Новугороду мерила торговаа, скалвы воцаныи, пуд медовыйи и гривенку рублевою, и локоть Еваньскийи, и свои оброк» (НПЛ. С. 486); «...а скривится, а кому приказано, а того казнити близко смерти, а живот его на трое: треть живота святеи Софии, а другаа треть святому Ивану, а третьяа треть сочьским и Новугороду» (Там же. С. 487).

сомненная антибоярская направленность «Устава», в котором не только особо отмечается независимость торгового суда от боярского управления, но и прямо говорится: «А о всех, что преди писано, дръжах за своими бояры, аже они обидять гости, а где жить, тым наровять, а княжую душу топать»²⁵. Не случайным, по-видимому, является и отсутствие посадника в перечислении авторов «Устава», участвовавших в подготовившем его совещании.

В этой связи мы склонны связывать возникновение новгородского документа, лежащего в основе «Устава Всеволода», с попыткой князя Всеволода Мстиславича привлечь на свою сторону владыку и новгородское купечество и противопоставить их боярскому управлению. Новая организация торгового управления отражает не только успехи новгородского общества в антикняжеской борьбе, но и существование противоречий между боярством и непривилегированными слоями Новгорода, на которые князь пытается опереться в борьбе с боярством.

Датируя возникновение «Торгового устава Всеволода» временем около 1220 г., мы признаем наличие в сохранившихся его фрагментах позднейшей правки, в результате которой возникли такие анахронизмы, как «гривенка рублевая», «княжеские и владычные наместники». Однако, на наш взгляд, к числу анахронизмов, которые могли бы быть использованы для более ранней датировки документа, не могут относиться упоминания епископа. Исследователи подразделяют историю новгородской кафедры на два этапа: до 28 марта 1165 г., когда в Новгороде была епископия, и после этой даты, когда новгородские владыки стали называться архиепископами. Это подразделение, прослеживаемое при чтении летописного текста, как будто подтверждается и списком новгородских владык, подразделенным на две рубрики «А се новгородскыи епископы» и «А се архиепископы», рубеж между которыми падает на 1165 г.²⁶ Однако в действительности употребление владычных титулов в рассматриваемое время не было выдержанным и не может служить основанием для хронологических наблюдений. В летописных текстах архиепископами постоянно именуются и владыки XI — первой половины XII в., что не всегда правильным было бы объяснять позднейшим редактированием текста, поскольку, например, Нифонт титулован архиепископом и в современном ему памятнике — в надписи известного антиминос 1148 г.²⁷ С другой стороны, — и это для нас более важно, — титулование новгородских владык епископами сохраняется в официальных документах и долгое время после 1165 г. Епископский титул имеет Илия (1165—1186 гг.) на его вислой печати²⁸. Епископом на печатях поименован Мартирий

²⁵ НПЛ. С. 487.

²⁶ Там же. С. 473.

²⁷ Орлов А. С. Библиография русских надписей XI—XV вв. М., 1952. С. 25, № 16.

²⁸ Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси. Т. 1. С. 177, № 57; впрочем, эта булла

(1193—1199 гг.)²⁹. Очевидно, что титулованию владыки в рассматриваемое время не придавалось того значения, которое можно было бы предполагать теперь. Или же поставление в архиепископы продолжало иметь личный характер, а не отражало предполагаемого общего преобразования новгородской кафедры из епископии в архиепископию.

ВНУТРИБОЯРСКАЯ И АНТИКНЯЖЕСКАЯ БОРЬБА В 1220-х И НАЧАЛЕ 1230-х гг.

Переход посадничества от Твердислава Михалковича к Иванке Дмитровичу осуществился в результате новой вспышки внутрибоярской борьбы, разгоревшейся в последние годы деятельности Твердислава.

Обстоятельства переворота в посадничестве в 1220 г. таковы, что как будто дают возможность говорить о возвращении победившей части боярства к старой политике активного союза с князем. Свержение Твердислава происходит по инициативе князя силами боярского союза Торговой стороны и Неревского конца. Однако рассмотрение последующих событий показывает, что в действительности боярская политика 1220-х гг. продолжает политику Твердислава. Общее укрепление республиканской власти оказывается сильнее внутрибоярского соперничества, и существование сколько-нибудь сильного князя на новгородском столе так же мало желательно для противников Твердислава, как и для самого Твердислава.

Первые шаги нового посадника Иванки Дмитровича весьма напоминают тактические приемы Мирошки Несдинича. В 1221 г. новгородцы прогоняют своего бывшего союзника князя Всеволода Мстиславича и на его место приглашают сына владимирского князя — Всеволода Юрьевича: «Послаша владыку Митрофана и посадника Иванка и старейшии мужи в Володимир к Юрью ко Всеволодицю, и дасть им сына своего Всеволода по всеи воли новгородчкои. И по сих прииде князь Всеволод в Новьгород, и владыка и вси мужи одарены бецисла; и ради быша новгородци, и бысть мирно»³⁰. Это «бысть мирно» кажется достаточно многозначительным, так как все предшествующие и последующие события говорят о сильнейшем напряжении антикняжеской борьбы.

Общий смысл перемены в княжении станет очевидным, если обратиться к возрасту нового князя: Всеволоду Юрьевичу в момент приглашения на новгород-

---

может относиться к первым месяцам после его избрания во владыки, до поставления в архиепископы: известна и его печать с архиепископским титулом (Там же. № 58).

²⁹ Там же. С. 177—178, № 60. Эта булла известна в трех экземплярах; печатей Мартирия с титулом архиепископа не зарегистрировано.

³⁰ НПЛ. С. 60, 262.

ский стол было всего семь лет. После нескольких месяцев княжения семилетний князь бежал из Новгорода тайно, ночью, со всем своим двором. Новгородцы снова отправились во Владимир и получили там в князья на этот раз брата владимирского князя, уже знакомого им по княжению 1215 г., Ярослава Всеволодовича. Новому князю было уже за тридцать, но он оставался в Новгороде не дольше своего малолетнего племянника. В 1223 г. он ушел в Переяславль. На его место снова приглашен Всеволод Юрьевич. И снова в 1224 г. «пойде князь Всеволод другое из Новагорода ношью, утаився, со всем двором своим»³¹.

Следует отметить несколько важных обстоятельств. Прежде всего, постоянные отказы князей от новгородского стола совершаются не в результате прямых конфликтов между республиканской и княжеской властью. Напротив, летописец постоянно подчеркивает удовлетворенность новгородцев своими князьями. В 1222 г. новгородцы «ради быша» приходу Всеволода Юрьевича и «печални быша» после его побега. Сам побег Всеволода связывается с инициативой великого князя: «Аще ти есть не угодно держати Новаграда сыном, и ты, княже, даи нам брата». В 1223 г. перед уходом из Новгорода Ярослава новгородцы «кланяхутся ему: „не ходи, княже“; он же пойде по своей воле». В 1224 г. после вторичного побега Всеволода новгородцы просят его отца отправить князя обратно в Новгород. Иными словами, в Новгороде складывается такая обстановка, которой не удовлетворены сами князья, вынужденные опираться не на какие-то боярские группы внутри Новгорода, а главным образом на поддержку великого князя. Эта обстановка заключается в новом сплочении боярства, которое засвидетельствовано и длительным посадничеством Иванки Дмитриевича.

Этот посадник упоминается еще под 1222, 1224, 1226, 1228 и 1229 гг. Под последней датой рассказывается о свержении Иванки Дмитриевича³². Список Б в близкое время называет еще одного посадника — брата Твердислава Федора Михалковича. Однако это имя помещено вопреки показаниям Списка А и в результате явного недоразумения, вызванного неясностями использованного в Списке Б летописного рассказа. Посадничество Иванки Дмитриевича продолжалось непрерывно на протяжении девяти лет.

Продолжавшееся сплочение боярства продемонстрировано с особой силой событиями 1224 г. После вторичного побега из Новгорода князь Всеволод Юрьевич останавливается в Торжке, где его окружают пришедшие к нему на помощь с полками князья Юрий Всеволодович, Ярослав Всеволодович, Василько Константинович, Михаил Всеволодович. Обязательным условием возвращения Всеволода на стол Юрий Всеволодович поставил перед новгородцами требование выдать ему целую группу бояр: Якима Иванковича, Микифора Тудоровича,

³¹ НПЛ. С. 63—64, 267.

³² Там же. С. 6—68, 262—274.

Иванку Тимошинича, Судилу Савинича, Вячка, Иваца, Рядка, пригрозив: «Не выдадите ли, а я поил есмь конь Тферыю, а еще к тому хочу Волховом напоити». В ответ новгородцы выражают желание «умрети за святую Софею о посадники Иоанке о Дмитровицы», а «братьи своеи не выдадим». Конфликт заканчивается тем, что новгородцы, отделавшись от владимирского князя крупным выкупом, приняли на стол черниговского князя Михаила Всеволодовича. Это приглашение осуществилось по рекомендации самого Юрия, и его смысл, нужно думать, сводился к взаимным уступкам враждующих сторон ³³.

Открытое столкновение новгородцев с владимирским князем и последовавший за ним компромисс не привели к принципиальному изменению новгородской политики. Князь Михаил Всеволодович оставался в Новгороде всего лишь несколько месяцев, после чего заявил: «Не хочу у вас княжити, иду к Чернигову; а вы ко мне гость пускайте, а яко земля моя, якоже земля ваша, а ваша земля, якоже земля моя». В связи с уходом Михаила летописец снова рисует картину единодушия новгородцев в их расположении к князю и недовольства князя своим положением в Новгороде. После ухода Михаила новгородцы опять обращаются к Ярославу Всеволодовичу с приглашением на стол ³⁴.

Рассматривая подробности взаимоотношений Новгорода и князя в 20-х гг. XIII в., мы решаемся высказать общие соображения о принципах, лежащих в основе боярской политики этого времени. Именно в 1220-х гг. впервые отчетливо возникает та форма ограничения княжеской власти, которая сыграла решающую роль в развитии позднейшей республиканской государственности Новгорода. Такой формой является признание суверенитета над Новгородом суздальской княжеской династии, возникновение таких союзнических отношений, при которых существование особого новгородского князя перестает быть обязательным условием государственного устройства. Могло ли иметь другое значение, кроме чисто символического, княжение в Новгороде семилетнего Всеволода Юрьевича в 1221 г. или того же князя в 1223 г., когда ему исполнилось восемь лет? Успехи антикняжеской борьбы приводят к резкому умалению авторитета новгородского князя, и сам новгородский стол перестает быть приманкой в глазах князей. Отсюда, надо полагать, и проистекает та бросающаяся в глаза противоречивость в отношении князей к Новгороду. С одной стороны, владимирские великие князья стремятся удержать Новгород в сфере своего политического влияния, заявляя права на новгородский стол. С другой стороны, очутившись на новгородском столе, ставленники владимирских князей стремятся вырваться из Новгорода.

Новая основа отношений Новгорода с князем весьма заметна уже в середине 1220-х гг. Приглашенный на новгородский стол Ярослав Всеволодович не

³³ НПЛ. С. 64, 268.

³⁴ Там же.

порывает со своей отчиной. Став князем в Новгороде, он остается князем и в Переяславле, посещая Новгород лишь в связи с военными операциями. В 1225 г. он воюет с Литвой под Торжком, в 1226 г. приходит в Новгород, чтобы в следующем году идти с новгородцами на Емь. В 1228 г. новгородцы организуют вместе с Ярославом новый поход на Емь, после которого Ярослав возвращается в Переяславль, оставив на новгородском столе своих сыновей Федора и Александра. Старшему из них, Федору, в 1228 г. было 9 лет, что позволяет видеть в обоих княжичах не самостоятельных деятелей, а лишь материализованную идею суверенитета Ярослава над Новгородом.

Вполне понятно, что создание новой схемы взаимоотношений Новгорода и князя требует новой формы союзного договора. Л. В. Черепнин, исследовавший историю формуляра докончальных грамот Новгорода с князьями, пришел к выводу, который согласуется и с нашими наблюдениями. Он обратил внимание на то, что отсылки договоров второй половины XIII в. на прецедентные крестоцелования при заключении докончаний с князьями не распространяются на время ранее княжения Ярослава Всеволодовича. Если для позднейших договоров Ярослава Ярославича характерна схематизированная формула «Целуй крест к всему Новугороду, на цемь то целовали деди (и отцы) и отец твои Ярослав», то аналогичное место самого раннего договора Новгорода с Ярославом Ярославичем сформулировано несколько иначе: «...на цемь то целовал хрест отец твои Ярослав». «Эта ссылка, — пишет Л. В. Черепнин, — говорит об интересе, проявленном в Новгороде в первой половине XIII в. в княжение именно Ярослава Всеволодовича, к договорному формуляру, который в основном сложился в конце XII в., при Ярославе Владимировиче. Действительно, раз наиболее ранняя из дошедших до нас новгородских грамот времени великого князя Ярослава Ярославича отмечает, что изложенные в ней условия были закреплены крестоцелованием отца Ярослава — великого князя Ярослава Всеволодовича, но не называет, как это стали делать позднейшие грамоты, княжеских „дедов“, значит до Ярослава Всеволодовича договорный формуляр еще не отличался устойчивостью и в первой половине XIII в. только разрабатывался. Поэтому как раз в княжение Ярослава Всеволодовича и появляются на сцене „грамоты Ярослава“ (Владимировича, конца XII в.) как основа договорных отношений Новгорода с князьями, текст которых требовал развития и уточнения»³⁵.

Возражая против предложенной Л. В. Черепниным трактовки «грамот Ярослава» и датировки одного из этапов развития формуляра концом XII в., мы должны признать, что возобновление интереса к формуляру докончаний в

³⁵ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV веков. Ч. 1. М.; Л., 1948. С. 253 и сл.

1220-х гг. оказывается вполне закономерным. Создание нового формуляра, как увидим далее, возможно относить к 1230 г., когда летописец рассказывает о крестоцеловании Ярослава Всеволодовича. Однако обстановка, вызвавшая интерес к договорному формуляру, существует уже в середине 1220-х гг.

По существу Новгород в конце первой четверти XIII в. стоит перед видимой перспективой ликвидации княжеской власти, поскольку проблема новгородского стола превращается главным образом в проблему государственного союза Новгорода с соседними русскими областями. В союзнических отношениях Новгород мог признавать суверенитет князей, но он мог также настаивать и на полном равенстве отношений. Необходимо, однако, вспомнить международную обстановку первой половины XIII в., чтобы понять ограниченность устремлений боярства в его антикняжеской борьбе.

С самого конца XII в. на западных рубежах Новгородской земли возникает постоянная опасность немецкого нападения. Захват крестоносцами земель ливов, латгалов и эстов уже к 1209 г. привел Новгород в непосредственное военное столкновение с немцами. Походы новгородцев в Прибалтику с этого времени возобновляются почти ежегодно. В 1223 г. начинается татаро-монгольское нашествие на русские земли. В сложнейшей обстановке двойной военной опасности перед Новгородом было только два пути — путь разрыва традиционных связей с русскими княжествами и изоляции, грозившей смертельной опасностью, и путь укрепления союза с княжествами, организации совместной защиты русских земель от нападения извне. Вполне очевидно, что союзнические отношения в этой сложной обстановке требовали взаимных уступок. Новгород был заинтересован в военной поддержке со стороны княжеских полков в не меньшей степени, нежели князья в поддержке новгородскими военными силами. Самая идея княжеского суверенитета над Новгородом при одновременном резком ограничении княжеской власти внутри Новгорода находится в прямой зависимости от общей политической и военной ситуации на Руси первой половины XIII в.

Следует, однако, отметить, что внутри новгородского боярства в рассматриваемое время еще не возникло единства в выборе наиболее действенного союза. Часть боярства стремится к разрыву с владимирскими князьями. Вспышка активной борьбы вокруг вопроса о князе и посаднике начинается в 1228 г., когда во время похода на Емь новгородцы «створиша вече и хотеша убити Судимира, и скры князь в носаде у себя». В следующем году начинается одно из сильнейших восстаний, в ходе которого был лишен кафедры Арсений, обвиненный в незаконном избрании и сговоре с князем, а также были разграблены дворы тысяцкого Вячеслава, его брата Богуслава, владычного стольника Андрейца, Давыдка «Софейского» и липинского старосты Душильца. Последний, которого восставшие намеревались повесить, нашел защиту у князя. Тогда же был избран новый тысяцкий Борис Негочевич.

Восстание 1229 г. своим острием было направлено против той части новгородского боярства, на которую опирался князь Ярослав. Действия восставших определяются в первую очередь ненавистью «простой чади» к предрержащим власть. Эти действия подготовлены затянувшейся дороговизной на торгу, причину которой новгородцы видят в размещении по Новгороду переяславских полков князя, в неурожае 1228 г., когда «великий дождь» не прекращался днем и ночью от Госпожина до Николина дня, в общем оскудении по волостям, отмеченным в их требованиях к князю: «Поиде к нам, забожничье отложи, а судии ти по волости не слати; и на всеи воли нашей и на всех грамотах Ярославлих ты наш князь; или того не хощець, ты себе, а мы себе»³⁶. Летописец особо отмечает действия «простой чади» против архиепископа. Главную же причину зла восставшие видят в союзных с князем боярах, говоря «ти князя на зло подводят», «мы братью свою есмя казнили, а князю есмя зла не створиле». Восстание завершается побегом из Новгорода обоих княжичей вместе с приставленными к ним боярами и приглашением из Чернигова на новгородский стол Михаила Всеволодовича.

Восстание 1229 г. приводит к победе ту часть боярства, которая находилась в оппозиции владимирским князьям. С приходом в Новгород князя Михаила посадничество передается славенскому боярину Внезду Водовику. Прежний посадник Иванко Дмитрович получает Торжок, но новоторжцы не приняли его, и он укрывается у Ярослава Всеволодовича. Вокняжение Михаила Всеволодовича сопровождается актом, завершившим восстание: «И целова крест на всех грамотах Ярославлих; и власть свободу смердом на 5 лет дани не платити, кто сбежал на чюжую землю, а сим повеле, хто zde живеть, како уставили преднии князи, тако платите дань». «А на Ярославлих любовницех, — добавляет летописец, — поимаша новгородци кун много и на городищинах, дворов их не грабче, а даша то на Великий мост»³⁷.

Очевидный успех «простой чади» противостоит другому результату восстания — разрыву военного союза с Владимиром, разрушению наиболее действенных сил, способных возглавить борьбу с экспансией извне. Союз Новгорода с Черниговом в обстановке того времени не мог стать даже слабой тенью союза Новгорода с Владимиром. Между тем союзное Чернигову боярство с Внездом Водовиком во главе строит свои отношения с князем по той же схеме княжеского суверенитета над Новгородом.

Михаил Всеволодович, приняв новгородский стол, остается черниговским вотчинником. Он возвращается в Чернигов в том же 1229 г., оставив в Новгороде своего несовершеннолетнего сына, и из Чернигова руководит новгородской

³⁶ НПЛ. С. 67, 273.

³⁷ Там же. С. 68, 274.

политикой. В 1230 г. Михаил ненадолго появляется в Новгороде, чтобы совершить постриги своему сыну Ростиславу и официально провозгласить его новгородским князем, и снова возвращается в Чернигов. Эта ситуация в значительной степени способствует возобновлению борьбы в Новгороде.

Снова, как и в 1229 г., боярская борьба совмещается с движением «простой чади», положение которой еще больше ухудшается в результате нового неурожая и голодного мора. Инициатором борьбы с посадником Внездом Водовиком теперь выступает сын бывшего посадника Твердислава — Степан, к которому присоединяется с самого начала Иванко Тимошнич. После того как они «распрелись» с посадником, Иванко был избит «посадничьими паробцами» и на другой день созвал вече на Водовика. Последний в союзе с бывшим посадником Семеном Борисовичем сумел одержать верх. По его приказу тут же на вече был убит один из его противников Волос Блудкинич, обвиненный в покушении на поджог посадничьего дома. Вскоре был убит и брошен в Волхов Иванко Тимошнич, а один из заговорщиков Яким убежал к князю Ярославу Всеволодовичу, что раскрывает политические связи Степана Твердиславича и его единомышленников.

Борьба с Водовиком продолжалась в конце 1230 г. и на этот раз увенчалась успехом. 9 декабря, после того как Водовик уехал с молодым князем в Торжок, новгородцы убивают Семена Борисовича, грабят двор и села Внезда Водовика и его сторонников и дают посадничество Степану Твердиславичу, «а добыток Сменов и Водовиков разделиша по стом»³⁸. Избрание Степана Твердиславича сопровождается приглашением на новгородский стол Ярослава Всеволодовича, создавшего вече на Ярославовом дворище и целовавшего крест «на всех грамотах Ярославлих и на всеи воли новгородчкои». Под 1231 г. летопись содержит сообщение о смерти Внезда Водовика в Чернигове³⁹.

Весьма показательны обвинения, которые были предъявлены княжичу Ростиславу при его изгнании из Новгорода перед приходом Ярослава Всеволодовича: «Како отец твой рекл был всести на конь на воину с Въздвигения и крест целовал, а се уже Микулинь день, с нас крестное целование; а ты поиди прочь, а мы собе князя промыслим»⁴⁰. Если раньше молодость князя признавалась особым преимуществом, теперь интересы военного союза выступают на первый план.

Политическое лицо сторонников черниговской ориентации наглядно проявляется в событиях последующих лет. Вместе с Водовиком в Чернигов бежали многие бояре из числа его родственников и сторонников: сын Водовика Петр, брат Семена Борисовича Глеб, Михаил с братом, Миша, а также тысяцкий Борис Негочевич. Все эти лица, которых летописец именует «Борисова чадь», в

³⁸ НПЛ. С. 69—70, 276—277; ПСРЛ. Т. 4. С. 29.

³⁹ НПЛ. С. 71, 280; ПСРЛ. Т. 4. С. 29.

⁴⁰ НПЛ. С. 70, 274.

1232 г. приходят к Новгороду и приводят с собой своего ставленника на новгородский стол трубчевского князя Святослава. Еще не дойдя до Новгорода, Святослав убедился, что никаких видов на княжение у него быть не может, «уразумев, яко сии солгаша», и вернулся в Трубчевск, а заговорщики утвердились в Пскове и избили там бывшего новгородского тысяцкого и Ярославова сторонника Вячеслава, передав его в Новгород только в обмен на своих жен, которых они побросали во время бегства в 1230 г. Вызвав противодействие псковичей, «Борисова чадь» удалась в Медвежью Голову, а результаты широко задуманного ими предприятия свелись к семейному празднику. Их действия можно было бы признать лишь недалекой авантюрой, если бы, находясь в Медвежьей Голове, они не заключили союза с немцами против Изборска и Пскова ⁴¹.

Таким образом, выступая первоначально против союза Новгорода с Владимиром, направленного к защите новгородских рубежей, сторонники Водовика в конечном счете оказываются в числе наиболее активных врагов Новгорода.

Переходя к вопросу о принадлежности группировок Степана Твердиславича и Вnezда Водовика, мы очень легко могли бы быть увлечены на путь их территориального противопоставления. Действительно, Степан Твердиславич легко связывается с боярством Прусской улицы, где жили его отец, дядя и дед. Один из сторонников Водовика Семен Борисович уже известен нам как славенский боярин. Однако наблюдения над другими именами говорят, что вывод, который мог бы быть сделан на основании указанного сопоставления, неправомерен. Если к славенскому боярству принадлежал Семен Борисович, то та же принадлежность может быть указана и для сторонника Ярослава Всеволодовича — Судимира, которого летопись называет «Судимиром в Славне» ⁴². Если в 1224 г. Иванко Тимошинич был в числе бояр, выдачи которых домогается владимирский князь, то в 1230 г. тот же Иванко Тимошинич погибает как сторонник Ярослава Всеволодовича. Проблема военного и политического союза Новгорода в сложной обстановке первой половины XIII в. перерастает проблему территориального соперничества боярских группировок, и линии политического размежевания в 1220-х и 1230-х гг. прошли не по границам традиционных сообществ, а по частотам усадеб одной и той же улицы. Показательно, что в своем рассказе о событиях рассмотренного периода летописец не дает никаких территориальных примет. Их и не могло быть, поскольку политические корни этой борьбы необычны и глубоки, хотя они и не уходят в освященную традициями борьбу старых боярских группировок. Тем решительнее должна была оказаться победа Степана Твердиславича.

⁴¹ НПЛ. С. 71—72, 280—281.

⁴² Там же. С. 74, 285.

ПОСАДНИЧЕСТВО В СЕРЕДИНЕ XIII в.

Победа Степана Твердиславича оказалась столь решительной, что за все время его правления была лишь единственная попытка возродить внутрибоярскую борьбу — авантюра «Борисовой чади» в 1232 г. Посадничество Степана Твердиславича стало первым продолжительным и прерванным только смертью посадника правлением со времени Мирошки Несдинича. Заняв эту должность в декабре 1230 г., Степан остается посадником до смерти 16 августа 1243 г. Летописец точно исчисляет время его правления: «Посадничество держав 13 лет без 3 месяц». Местом погребения Степана Твердиславича стал Софийский собор, где его похоронили с почетом рядом с архиепископами Аркадием и Мартирием ⁴³.

Длительность посадничества Степана Твердиславича и его почетное погребение — несомненные знаки торжества той новой боярской политики, возникновение которой мы пытались проследить, рассматривая обстоятельства посадничества Иванки Дмитриевича. С вокняжением Ярослава Всеволодовича число свидетельств новой формы союзнических отношений Новгорода с владимирскими князьями множится.

Приняв новгородский стол в 1230 г., Ярослав всего лишь две недели спустя, в середине января 1231 г., возвращается в Переяславль и оставляет в Новгороде своих сыновей Федора и Александра. Описывая этот акт, летописец сообщает: Ярослав «два сына своя посади в Новегороде» ⁴⁴. Это, однако, не означает перемены в княжении. И в 1231 г. Ярослав Всеволодович остается новгородским князем, а пребывание в Новгороде его сыновей лишь выражает идею его суверенитета. В 1232 г. Ярослав идет в поход на Чернигов с «новгородци и с всею властью своею» ⁴⁵, а под 1233 г., сообщая о нападении немцев на новгородские земли, летописец замечает: «Князю же Ярославу не сущу в Новеграде, нъ в Переялавле бе» ⁴⁶. Тогда же и Псков впервые строит свои отношения с князем по новой новгородской схеме. Рассказывая о переговорах псковичей с Ярославом Всеволодовичем в 1232 г., летописец изображает классическую форму суверенитета князя над городом: «Приидоша плесковици, и поклонишася князю и ркоша: „ты нашъ князь“; и испросиша у Ярослава сына Федора; и не дасть им сына, и рече им: „се даю вы шюрин свои Юрья, и то вашъ князь“» ⁴⁷.

⁴³ НПЛ. С. 79, 297—298; ПСРЛ. Т. 4. С. 37.

⁴⁴ Там же. С. 70, 278.

⁴⁵ Там же. С. 71, 280.

⁴⁶ Там же. С. 72, 282.

⁴⁷ Там же. С. 72, 281.

Сравнивая внешние признаки отношений Новгорода и великого князя в XI в. и отношений Новгорода и Ярослава Всеволодовича во второй четверти XIII в., мы как будто обнаруживаем сходные положения. Если в XI в. на Новгород распространялся суверенитет киевского великого князя, из рук которого новгородцы получали своих князей, то теперь новгородцы признают над собой суверенитет Ярослава Всеволодовича, который сам решает, кого из своих родственников отправить в Новгород. Если учесть при этом, что «вольность в князьях» была главным лозунгом антикняжеской борьбы на протяжении XII в., то можно было бы говорить о том, что круг антикняжеской борьбы замкнулся возвращением обеих сторон на исходные рубежи.

Однако это лишь внешнее сходство. В XI в. великий князь был полным хозяином Новгорода, составлявшего лишь часть его отчины. Теперь Ярослав — лишь один из участников государственного управления, его власть в Новгороде решительно ограничена, а суверенитет оказывается лишь формой союза, не затрагивающей внутренних порядков республики. Более того, сама форма отношений Новгорода с Ярославом Всеволодовичем принципиально отлична от формы отношений Новгорода с киевскими князьями XI в. Ярослав Всеволодович занимал новгородский стол по избранию. Он приносил присягу «на всей правде новгородской», т. е. гарантировал свое невмешательство в республиканские порядки. Новгородцы были «вольны» в этом избрании. Что же касается княжичей, которым Ярослав поручил новгородский стол, то их положение не имеет ничего общего с положением князей-наместников XI в. Они являются личными представителями Ярослава и по своей природе близки княжеским наместникам в Новгороде XIV—XV вв. Показательно, что составитель летописного списка «А се князи Великого Новагорода» не включает княжичей Федора и Александра в число новгородских князей. В его изложении история новгородского стола в рассматриваемый период выглядит так: «...и опять Михаилу Всеволодович; и посадиша сына своего Ростислава на столе, а сам Чернигову; и опять Ярослав Всеволодич; и по нем сын его Александр Храбрыи; и по нем брат его Андреи; и опять Александр...»⁴⁸ Можно было бы думать о случайном пропуске имени Федора, но такому предположению противоречит последующее перечисление князей.

Начало действительного княжения Александра относится не к 1230 г., когда он был оставлен в Новгороде отцом, а к 1236 г., когда Ярослав Всеволодович стал киевским князем и союз Новгорода с ним утратил первоначальный смысл. Действенная защита Новгородской земли от нападений с запада могла быть обеспечена только союзом Новгорода с соседними княжествами Северо-Восточной Руси и личным участием князей в обороне новгородских границ. По-

⁴⁸ НПЛ. С. 471.

этому Ярославом и новгородцами княжение в Новгороде передано Александру Ярославичу (Федор умер еще в 1233 г.): «Поиде князь Ярослав из Новаграда к Киеву на стол, понявши с собою новгородцов болших муж: Судислава в Славне, Якима Влунковица, Костя Вячеслалица, а новоторжець 100 муж; а в Новеграде посади сына своего Александра; и пришедши, седе в Киеве на столе; и держав новгородцов и новоторжан одну неделю и, одарив, отпусти прочь, и приидоша вси здрави»⁴⁹.

Начало княжения Александра Ярославича в Новгороде совпало с особым усилением военной опасности. В 1237 г. в Прибалтике объединяются Ливонский и Тевтонский ордены, а в Ригу прибывают многочисленные немецкие пополнения. Активизирует свою агрессию против русских земель объединяющаяся Литва, от которой в 1237 г. сильнейшее поражение потерпел Псков со своими союзниками. В 1238 г. русской земле нанесен страшный удар вторым нашествием татаро-монголов, полчища которых вторглись и в Новгородскую землю, сожгли и разграбили Торжок и только сто верст не дошли до Новгорода.

В этой обстановке значение союза Новгорода с князем должно было возрасти неизмеримо. В летописном рассказе о событиях этих лет фигура князя Александра занимает центральное место. Летописец сообщает о мерах по укреплению обороны Новгородской земли (постройка городков на Шелони), женитьбе Александра на дочери полоцкого князя, укрепившей военный союз территорий, находившихся в наиболее угрожаемом положении. В 1240 г. Александр возглавляет поход новгородцев на Неву и прославляет свое имя в победоносной Невской битве.

Можно предполагать, что усиление роли князя сопровождалось уже в это время и более активным вмешательством в новгородские республиканские порядки. Во всяком случае летопись, не объясняя причин ссоры, рассказывает, что сразу же после Невской битвы Александр «роспревся с новгородци» и ушел со своим двором в Переяславль⁵⁰.

Разрыв новгородцев с Александром не повлиял, однако, на союзнические отношения Новгорода с Ярославом и Ярославичами. Нового князя новгородские послы просят в Переяславле у Ярослава Всеволодовича и получают Андрея Ярославича, военные способности которого, по-видимому, не удовлетворили новгородцев, оказавшихся под угрозой нового натиска немцев. В том же году они примиряются с Александром, который в 1241 г. снова садится в Новгороде и начинает серию походов на немцев, добившись в 1242 г. решительной победы на льду Чудского озера.

Летописец ничего не сообщает о деятельности посадника Степана Твердиславича, умершего в следующем году. Личность Александра Невского целиком

⁴⁹ НПЛ. С. 74, 285.

⁵⁰ Там же. С. 78, 294—295.

заслонила другие, менее значительные фигуры новгородской истории того времени. Однако, несомненно, его деятельность сыграла не последнюю роль в общем направлении новгородской политики.

Перед посадником 1230-х гг. стояла серьезнейшая политическая задача сплочения всех сил для защиты Новгорода от иноземной агрессии. Эта задача требовала выдающихся дипломатических талантов. Необходимо было преодолеть соперничество боярских группировок и повысить авторитет посадничества в глазах самого боярства. Нужно было поддерживать военный союз с князем, защищая в то же время завоевания боярской государственности. Наконец, посадничество Степана Твердиславича началось в сложной социальной обстановке — после двух сильнейших антикняжеских и антибоярских восстаний и трех неурожайных лет, приведших к голодному мору в 1231 г. Успех политики Степана Твердиславича свидетельствует о серьезном сплочении боярства перед лицом военной опасности и возросшего недовольства «простой чади».

После смерти Степана летописец не упоминает посадников в течение двенадцати лет, что можно объяснить все той же определенностью политической обстановки внутри Новгорода. Посадник для летописца перестает быть выразителем основных противоречий в политической борьбе, и летописец утратил интерес к нему. Это тем более показательно, что оба летописных списка посадников называют преемником Степана Твердиславича Сбыслава Якуновича, о посадничестве которого летописи умалчивают, хотя он и был одним из главных героев Невской битвы⁵¹.

Впервые после долгого перерыва посадник упомянут в летописном рассказе о событиях 1255 г. Сами эти события весьма значительны и позволяют поставить вопрос о новых изменениях в отношениях боярства и князя. Весь промежуток от 1243 до 1255 г. заполнен в Новгороде княжением Александра Ярославича, место которого в русской княжеской иерархии постепенно изменяется.

В 1243 г. Батый, приступив к фискальной организации русских территорий, впервые официально провозглашает свой суверенитет над Русью и присваивает себе право утверждать великого князя. Ярлык на право старшинства над русскими князьями был им вручен Ярославу Всеволодовичу. К этому времени Ярослав был великим князем владимирским, которым он стал после смерти Юрия в 1238 г. Несомненно, обладание владимирским столом в первой половине XIII в.

---

⁵¹ И. И. Григорович (Опыт. С. 136 и сл.) говорит об убийстве татарами в Торжке в 1237 г. новгородского посадника Иванки. В действительности летопись сообщает об убийстве в 1238 г. новоторжского посадника Иванки, который, возможно, отождествляется с бывшим новгородским посадником Иванкой Дмитриевичем. Неправоммерно и утверждение И. И. Григоровича (Опыт. С. 131 и сл.) о посадничестве в 1228 г. Судимира, или Станимира, которого источники никак не титулуют.

уже стало синонимом наиболее сильной на Руси княжеской власти. Однако целиком утративший свое влияние Киев в это время еще оставался юридическим, номинальным центром Русской земли. В нем сохранялись митрополия и великое «русское» княжение. Поэтому право старшинства над русскими князьями для Ярослава было подтверждено передачей ему Киева, куда был отправлен его воевода Дмитрий Ейкович⁵².

30 сентября 1246 г. Ярослав Всеволодович был отравлен татарами, и в этом же году его сыновья Александр и Андрей отосланы Батыем в Монголию, где удерживались великим кааном до 1249 г. Каан Гуюк предпринял политический шаг, которому нельзя отказать в дальновидности. Он вручил Александру Киев и «всю Русскую землю», а Андрею — Владимир. Тем самым великое «русское» княжение, которое при Ярославе сочетало в себе и фактическую, и юридическую власть, теперь было разделено. Александр Ярославич стал старейшим среди русских князей, но реальная сила фактической власти оказалась в руках его брата. В 1252 г., после смерти Батыя, Александр предпринимает решительные шаги к ликвидации этого двусмысленного положения. Силами «Неврюевой рати» он вынуждает Андрея Ярославича бежать за пределы русских земель и садится на владимирское княжение.

С этого момента юридический центр «русского княжения» навсегда переносится в Северо-Восточную Русь. Деятельность Александра по объединению обеих властей несла в себе патриотическую идею единства Русской земли в эпоху ее величайших испытаний. Что касается Новгорода, то там эта деятельность приводит к закреплению новых форм отношения республиканской и княжеской власти.

Со времени возникновения союзнических отношений Новгорода и Ярослава Всеволодовича суверенитет князя над Новгородом носил личный характер. В основе этих отношений лежал традиционный принцип «вольности в князьях». Приглашение князя не связывалось с его положением в княжеской иерархии. Ярослав в 1225 г., когда новгородцы позвали его на стол, был переяславским князем так же, как и в 1230 г., когда он сменил на новгородском столе Ростислава Михайловича. Напротив, когда Ярослав в 1236 г. занял киевский стол и тем самым приобрел номинальные права великого князя «русского», новгородское княжение переходит к его сыну, который в этот момент вообще не владел каким-либо уделом.

Иерархическая эволюция Александра Ярославича меняет схему взаимоотношений коренным образом. С 1252 г. на Новгород распространяется не только личный суверенитет Александра как участника союзнического договора с Новгородом, но и суверенитет Александра как великого князя, официального главы русских князей. Вопрос о принадлежности новгородского стола встал в связь

⁵² ПСРЛ. Т. 2. С. 340.

с вопросом о принадлежности великого княжения. Мы увидим далее, как последовательно осуществляется в Новгороде принцип поддержания суверенитета великого князя.

Однако немаловажное значение имеет и другое обстоятельство. Возникновение суверенитета великого князя над Новгородом произошло в ходе событий, не имеющих прямого отношения к новгородской политике. Оно было связано с личной карьерой Александра, получившего новгородский стол в тот момент, когда был лишь безземельным князем. Проблема признания или неприятия великокняжеского суверенитета поэтому могла возникнуть только в 1252 г., когда перед новгородским боярством четко обозначились два возможных пути развития его государственности: путь признания суверенитета великого князя, преимущества которого для боярства заключались в общей слабости, практической номинальности великокняжеской власти в эпоху еще не начавшегося собирания русских земель и удаленности Новгорода от великого князя⁵³, и сепаратистский путь неприятия этого суверенитета, «вскармливания» и поддержки собственного князя, который был бы обязан своим положением новгородскому боярству.

Поскольку эта проблема не только возникла, но и породила в Новгороде внутреннюю борьбу, можно полагать, что сама острота ситуации вызвана тем, что великокняжеская власть и новгородское княжение совместились именно в руках Александра, личный авторитет которого особенно усиливал позиции княжеской власти в Новгороде.

Став в 1252 г. великим князем, Александр оставляет на новгородском столе своего сына Василия, с которым в 1253 г. новгородцы совершают поход к Торопцу на Литву⁵⁴. Список новгородских князей не упоминает Василия Александровича, который был только наместником Александра; ряд Александра с новгородцами сохраняет свою силу и после 1252 г.

В 1255 г. новгородцы изгоняют Василия и приглашают на его место из Пскова брата Александра Невского и союзника изгнанного Андрея — Ярослава Ярославича. Эти перемены вызвали поход Александра на Новгород и события, в изложении которых летописец впервые достаточно определенно противопоставляет «менших» и «вятших» людей. Вполне очевидно, что изгнание Василия в действительности было разрывом с Александром, выступлением против суверенитета великого князя над Новгородом и выбором сепаратистского пути.

---

⁵³ Вспомним слова А. С. Пушкина: «Новгород на краю России и соседний ему Псков были истинные республики, а не общины (communes), удаленные от Великокняжества и обязанные своим бытием сперва хитрой своей покорности, а потом слабости враждующих князей» (*Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 7. М., 1958. С. 621*).

⁵⁴ НПЛ. С. 80, 307.

В ответ на требование Александра выдать ему виновников изгнания его сына «меншии» собрались на вече у св. Николы, т. е. на Ярославовом дворище, и дали клятву «како встати всем, любо живот, любо смерть за правду новгородскую, за свою отчину». У «вятших» «бысть совет зол, како победити меншии, а князя ввести по своей воле». Внук Твердислава Михалко Степанович, который был намечен «вятшими» в посадники, попытался напасть на «менших», что едва не привело к компромиссу между «вятшими» и посадником Онанией, стоявшим на стороне «менших». Онания — сторонник Ярослава Ярославича и один из вдохновителей борьбы с Александром, поскольку великий князь в обмен на прощение требует от новгородцев только лишения его посадничества и избрания посадником Михалки Степановича. Новгородский стол он оставляет за собой и, уходя из Новгорода, не сажает на нем наместника ⁵⁵.

Противопоставление «менших» «вятшим», совпадающее с политическим размежеванием новгородцев, часть которых сплотилась вокруг Александра Невского и идеи суверенитета великого князя, а другая часть — вокруг Ярослава и сепаратистской идеи независимого новгородского княжения, нуждается в социальной характеристике. С какими слоями новгородского общества отождествляются «меншии» и «вятшие»? М. Н. Тихомиров, подробно исследовавший восстание 1255 г., приходил к безоговорочному отождествлению «менших» и «черных» людей и характеризовал восстание как классовое столкновение черного люда с боярством, в котором классы последовательно противостоят один другому. «Историк классовой борьбы в древней Руси, — писал М. Н. Тихомиров, — в первую очередь должен отметить необыкновенно четкое деление Новгорода на две враждующие стороны: с одной стороны — „меншии“, с другой — „вятшие“ люди, замышляющие против „менших“, „совет зол“, враждебный заговор. В этом делении нет и намека на борьбу концов или сторон Торговой и Софийской, это деление чисто классовое: „меншии“ и „вятшие“. При этом летопись отождествляет „менших людей“ с „черными людьми“, следовательно, с основной массой трудящегося новгородского люда» ⁵⁶.

Этот вывод, однако, весьма противоречив. Во-первых, летописец достаточно ясно изображает территориальное противопоставление сторон Новгорода в ходе борьбы. «Меншии» связаны с Торговой стороной, здесь они собираются на вече; с защитой Торговой стороны связана и система обороны «менших», которые выставляют полк у церкви Рождества на Поле и у церкви св. Ильи против Городища; наконец, летописец прямо говорит о том, что Михалко Степанович со своим полком собирался от Юрьева монастыря напасть на «нашу сторону». Это территориальное разграничение «менших» и «вятших» еще откровеннее

⁵⁵ НПЛ. С. 80—81, 307—308; ПСРЛ. С. 4, 38; Т. 5. С. 188; Т. 7. С. 160.

⁵⁶ Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские восстания на Руси. С. 268.

будет изображено в рассказе о событиях 1259 г. Далее, возглавлявший «совет зол» «вятших людей» Михалко Степанович принадлежит к боярству Прусской улицы, которое в посадничестве представляли уже три поколения его предков. Если роль территорий в ходе столкновения 1255 г. несомненна, то у нас нет никаких оснований предполагать, что на Торговой стороне во время восстания сконцентрировался только черный люд, а на Софийской — все боярство. Напротив, на стороне восставших остаются посадник и, как можно догадываться, та часть боярства, которая выступала против Александра Невского. Летописец вовсе не отождествляет «менших» и «черных» людей. Активное вмешательство черных людей вызывает колебания посадника Онании, который преждедает Михалку и оказывается вынужденным защищать жизнь своего посла Якуна от черных людей. Все это заставляет давать иное истолкование социальной сущности «менших».

Прямое отношение к этой проблеме имеют некоторые статьи новгородских княжеских докончаний, в которых отражено аналогичное разделение новгородского общества на «старейших» и «менших». Это разделение отражено начальными формулами большинства докончаний второй половины XIII и XIV вв.: «Благословение от владыце, поклон от посадника, и от тысяцкого, и от всех старейших, и от всех менших, и от всего Новгорода господину князю...»⁵⁷ Поскольку в других случаях та же формула выражена в сокращенном варианте: «Благословение от владыки, поклон от посадника, и от тысяцкого и от всего Новгорода князю...»⁵⁸, можно с уверенностью говорить, что деление на «старейших» и «менших» отражает основное юридическое членение новгородского общества, которое состояло только из «старейших» и «менших». Иными словами, логически допустимы два возможных решения проблемы. Если «старейшие», или «вятшие», отождествляются с боярами, то понятие «меншие» должно охватывать все остальные категории населения Новгорода, включая не только черных, но также житых и купечество. Если же «меншие» является синонимом черных людей, то под «старейшими», или «вятшими», следует понимать не только бояр, но и житых. Правильность такого подхода подтверждается тем обстоятельством, что в начальных формулах позднейших договоров выражению «от всех старейших и от всех менших» соответствует более подробное перечисление: «от бояр, и от житых людей, и от купцов, и от черных людей»⁵⁹.

Указания для правильного решения поставленной проблемы содержатся в принципиальном тождестве ранних формул: «от всех старейших и всех менших

⁵⁷ ГВНП. С. 19, № 9; ср. № 2, 3, 6, 7, 10, 15.

⁵⁸ Там же. С. 18, № 8; ср. № 4, 5, 11—14, 16, 18.

⁵⁹ В самой ранней формуле такого типа (1372 г.) упоминание купцов отсутствует (Там же. № 17, 21).

и от всего Новгорода» и «от посадника и от тысяцкого и от всего Новгорода». В последнем случае упоминанием посадника и тысяцкого обозначено представительство от тех же «старейших» и «менших». Характер представительства этих двух должностных лиц для рассматриваемого времени достаточно ясен. Если посадник возглавлял боярское управление, то место тысяцкого четко обозначено в «Рукописании Всеволода»: тысяцкий был представителем житых и черных людей. Следовательно, связывая «старейших», или «вятших», с боярством, мы в «менших» должны видеть всю совокупность остальных слоев Новгорода, не располагавших правом участия в высшем государственном органе.

Следует обратить особое внимание на несомненное существование кастовости новгородского боярства в XIII в. Наблюдения над списками посадников и тысяцких этого времени показывают, что эти списки не пересекаются. Имена посадников постоянно соединяются между собой линиями генеалогических связей, но все имена тысяцких стоят вне системы этих связей. Кастовая изолированность боярства еще более углубляет рубеж, отделяющий его от «менших».

Принадлежность житых к «меншим» подтверждается также сравнением двух документов, которые относятся к более позднему времени, но, отражая динамику развития социальной терминологии в Новгороде, могут быть использованы и в данной связи. Имеются в виду «Устав Ярослава о судах святительских», сохранившийся в редакциях не ранее рубежа XIV—XV вв., и Новгородская судная грамота XV в.

В «Уставе Ярослава» проведено четкое деление между «великими боярами» и «меншими боярами». Ставки штрафов за оскорбление жен и дочерей «великих» бояр в пять раз превосходят ставки штрафов за аналогичные оскорбления жен и дочерей «менших» бояр⁶⁰. Ниже «менших» бояр в том же уставе стоят «нарочитые люди» и «простая чадь». Принято считать, что терминология документа целиком заимствована из болгарского права⁶¹. Однако даже при таком заимствовании терминология, чтобы не стать бессмысленной, должна соответствовать реальным социальным градациям русского общества. Это соответствие прослеживается и в Новгородской судной грамоте, где установлено следующее взыскание за наводку: «На виноватом на боярине 50 рублей, а на житем двадцать рублей, а на молодшем десять рублей»⁶². По смыслу законодательства цитированная статья не включает в перечисление категории социально зависимых людей. И здесь штрафы «молодших» в пять раз меньше штрафов бояр.

⁶⁰ НПЛ. С. 481, 483. «Аще кто умчит девку или понасилит, аще боярская дщи будеть, за сором ей 5 гривен золота, а митрополиту 5 гривен золота. Аще будеть менших бояр, ей гривна золота, а митрополиту гривна золота...» и другие аналогичные статьи.

⁶¹ Юшков С. В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. С. 214.

⁶² Памятники истории Великого Новгорода / Под ред. С. В. Бахрушина. М., 1909. С. 58.

Житьи в Судной грамоте занимают промежуточное положение между боярами и младшими («меншими»), однако соответствующая им градация в «Уставе Ярослава» отсутствует вообще. Принадлежность этой категории к социальным новообразованиям XIV в. уже отмечалась в литературе⁶³.

Сравнивая все эти показания, мы склоняемся к выводу о том, что под «меншими» XIII в. следует понимать ту часть новгородских землевладельцев-вечников, которые не обладали правом участия в высшем республиканском управлении и противопоставлялись «вятишим», или «великим», боярам, а в дальнейшем своем развитии выделили из себя категорию житых. По-видимому, «простая чадь», или «черный люд», уже в XIII в. отличался от «менших», занимая низшую сравнительно с ними ступень социальной лестницы.

Предложенная социальная характеристика «менших» и «вятиших» людей не противоречит и сведениям о территориальном делении «менших» и «вятиших» в ходе восстания 1255 г. Если обособление «вятиших» связано в первую очередь с их преимущественным участием в государственном управлении, особая связь «вятиших» с Софийской стороной в середине XIII в. закономерна, так как республиканское управление в первой половине XIII в. находилось главным образом в руках боярства Прусской улицы.

В связи с этим определенное значение имеет вопрос о сущности летописного термина «совет зол». Исследователи вкладывают в этот термин эмоциональную окраску, видя в нем выражение сочувствия летописца «меншим» людям. М. Н. Тихомиров переводил его как «враждебный заговор». В самом деле, в той части летописи, которая повествует об Онаньи, сочувствие летописца явно на стороне «менших» людей. Сам летописец связан с Торговой стороной, которую он называет «нашей стороной». Это сочувствие остается неизменным и в той части рассказа, которая излагает события 1256—1257 гг.

В 1256 г. новгородцы посылают за Александром Ярославичем, который во главе новгородского войска совершает поход на Емь, после чего оставляет на новгородском столе своим наместником Василия Александровича. В 1257 г. в Новгород приходит весть о намерении татар взять на новгородцах тамгу и десятину, «и смутишася людие чрес все лето». В начале сентября умер бывший посадник Онанья, а зимой был убит посадник Михалко Степанович, по поводу чего летописец замечает: «Аще бы кто добро другу чинил, то добро бы было; аще кто под другом яму копает, сам ся в ню впадет». По приходе татарских послов Василий Александрович бежал в Псков, а новгородцы отказались платить тамгу и десятину, вручив послам только подарки хану. Александр Невский выгоняет Василия из Пскова и отправляет его в Низовские земли, расправившись также с неким Александром и его дружиной, сопровождавшими татар-

⁶³ Бернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля в XV в. С. 166.

ских послов в Новгород и не добившимися там успеха. По этому поводу летописец снова замечает: «Всяк бо зло дея, зле да погибнеть». Посадничество получает Михаил Федорович, приведенный из Ладоги ⁶⁴.

Однако весь следующий кусок летописного текста принадлежит иному летописцу, который живет на Софийской стороне и сочувствует «вятшим» людям. Под 1259 г. рассказывается о том, что татарские баскаки вновь появляются в Новгороде, теперь уже в сопровождении самого Александра Невского. В Новгороде начинается «мятежь велик», «тогда издвоишася людие: кто добрых, ть по святой Софеи и по правои вере; и створиша супор, вятшим велят ся няти меньшим по числу». Снова выступает на сцену «совет зол»: «И умыслиша свет зол, како ударити на Новъгород на ону сторону, а друзии озером на сю страну», однако теперь «совет зол» оказывается на одной стороне с летописцем. Вооруженного столкновения не произошло: «И убоявьшися, почаша ся возити на одну страну к святей Софеи, ркуще: „положим главы своя у святей Софеи“». Князь и баскаки съезжают с Городища, угрожая Новгороду войной, и тогда новгородцы соглашаются на перепись «злых советом». Летописец находится здесь в трудном положении, он не может сочувственно относиться к татарам и поддерживавшему их князю Александру, он записывает речи «меньших»: «Творяху бо собе бояре легко, а меньшим зло». Однако он стремится выгородить и бояр: «И почаша ездити окааньнии по улицам, пишюще дома крестияньския: зане навел Бог за грехы наша ис пустыня звери дивия ясим силных плоти и пити кровь боярскую» ⁶⁵. Трудно представить себе, что, придерживаясь сочувственной боярам версии, летописец и здесь приравнивает «совет зол» — «совету злых».

Представляется, что термин «совет зол» не является способом выражения симпатий и антипатий летописца, И. И. Срезневский в своем «Словаре» для слова «зъло = зло» указывает несколько значений, в одном из которых это слово является лишь другим написанием слова «зѣло». Чрезвычайно близки по написанию и слова «зълыи» (злой) и «зѣлыи» (сильный, превосходящий) ⁶⁶. Последнее по существу является синонимом понятию «вятший». Применение термина «совет зол» в столь разнородных по своей эмоциональной окраске текстах позволяет думать, что в действительности речь в них идет о «совете зельных», т. е. тех же «вятших» бояр, что не было понято позднейшим редактором свода.

Политика «вятших» бояр в период великого княжения Александра Ярославича определяется достаточно четко. Боярская верхушка, сосредоточившая в своих руках высшую государственную власть, избирает путь поддержки вели-

⁶⁴ НПЛ. С. 82, 309; ПСРЛ. Т. 4. С. 38.

⁶⁵ НПЛ. С. 82—83, 310—311.

⁶⁶ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 1. СПб., 1893. С. 1000—1014.

кого князя и признания его суверенитета над Новгородом. Если в первые годы после занятия Александром великокняжеского стола внутри правящего боярства еще имеются колебания, которые приводят к конфликту между посадником Онаньей и советом «вятших» бояр, теперь идея суверенитета великого князя разделяется представителями разных групп боярства. «Вятшие» бояре безоговорочно поддерживают Александра Ярославича в 1259 г., хотя посадничество в это время принадлежит человеку, который пришел к власти в тот момент, когда Новгород вступил в конфликт с Александром и разделался с его ставленником Михалкой Степановичем.

Устремления этой политики могут быть оценены с разных точек зрения. Признание суверенитета великого князя над Новгородом вело к консолидации наиболее действенных сил, способных организовать оборону Северо-Западной Руси от иноземного вторжения, и таким образом выполняло одну из важнейших государственных задач. Оно практически ликвидировало отдельное новгородское княжение и укрепило позиции боярства во внутреннем управлении Новгорода. Учтем при этом, что признание суверенитета Александра над Новгородом явилось в то же время и союзом боярства с наиболее реальной военной силой вне Новгорода и что заключение этого союза совпало с усилением социального недовольства и политической борьбы в Новгороде, когда «вятшее» боярство столкнулось не только с «простой чадью», но и с «меншим» боярством.

Очевидно, что взаимоотношения республиканской и княжеской власти в этот период становятся весьма сложными и противоречивыми. Добившись практического ослабления княжеской власти в Новгороде, боярство в то же время вынуждено использовать помощь князя в своей внутренней политической и социальной борьбе и идти на уступки князю. Обратившись к некоторым позднейшим документам, мы обнаружим в них прямые указания на то, что такие неизбежные уступки были сделаны. Во всех договорах Новгорода с преемником Александра — Ярославом Ярославичем — имеется пункт о злоупотреблениях Александра: «А что был отъял брат твои Александр поже, а то ти, княже, не надобе. А что, княже, брат твои Александр деял насилие на Новегороде, а того ся, княже, отступити»⁶⁷.

ПОСАДНИКИ 1260—1280-х гг.

После завершения татарской переписи в 1259 г. Александр Ярославич уходит из Новгорода во Владимир и оставляет наместником на новгородском сто-

⁶⁷ ГВНП. С. 10—12, № 1—3.

ле своего сына Дмитрия. Дмитрий Александрович, подобно своему предшественнику Василию, не был самостоятельным князем и участником ряда с новгородцами. До смерти Александра 14 ноября 1263 г. он лишь представляет своего отца, на что, в частности, указывает начальная формула договора Новгорода с немцами, заключенного в самом начале 1260-х гг.: «Се аз князь Олександр и сын мой Дмитрий с посадником Михаилом, и с тысяцьким Жирославом, и с всеми новгородци и т. д.»⁶⁸. Имя Дмитрия Александровича отсутствует и в соответствующей части летописного списка новгородских князей.

Однако особый ряд Дмитрия с Новгородом не был заключен и после смерти Александра Невского. Новгородцы, по-видимому, выжидают, как будет решен в Орде вопрос о великом княжении. В начале 1264 г. этот вопрос решается в пользу Ярослава Ярославича. Новгородская реакция на это решение говорит о торжестве принципа великокняжеского суверенитета над Новгородом⁶⁹.

Начало новгородского княжения Ярослава Ярославича принято датировать 27 января 1265 г.⁷⁰. Однако правильность такой датировки сомнительна. В Новгородской Первой летописи сообщение о смерти Александра записано под 6771 г., что соответствует мартовскому счислению. Сообщение об изгнании Дмитрия помещено там под 6772 г., а о вручении Ярославу новгородского стола 27 января — под 6773 г. Рассказ 6776 г. придерживается ультрамартовского цикла, поскольку сообщение о Раковорской битве 18 февраля 1268 г. приходится здесь на конец 6776 г. В дальнейшем ультрамартовского счисления летописный рассказ придерживается вплоть до 6782 или 6783 г.⁷¹ Следовательно, стык мартовского и ультрамартовского кусков текста падает на одну из дат между 6771 и 6776 гг. А. А. Зимин, обратив внимание на то обстоятельство, что, в отличие от Новгородской летописи, Московский свод конца XV в. относит вокняжение Ярослава к 6772 г., полагал, что Московский свод употребляет мартовское, а Новгородский — ультрамартовское счисление, что соответствует 1265 г. Однако последовательное сравнение обоих сводов показывает, что в рассматриваемой части они придерживаются одного и того же счисления, только в Московском своде фраза о во-

⁶⁸ ГВНП. С. 56, № 29.

⁶⁹ НПЛ. С. 84, 313.

⁷⁰ Зимин А. А. О хронологии договорных грамот Великого Новгорода с князьями XIII—XV вв. // Проблемы источниковедения. V. М., 1956. С. 302.

⁷¹ Под 6779 г. говорится о солнечном затмении «в неделю 5 недели поста» (НПЛ. С. 89, 321), что соответствует 31 марта 1270 г. Под 6782 г. имеется сообщение о смерти архиепископа Далмата 21 октября в субботу (Там же. С. 322): суббота 21 октября была в 1273 г. Но уже в рассказе 6784 г. употреблен снова мартовский стиль, так как здесь говорится о приходе архиепископа Климента в Новгород с поставления 2 августа «в неделю», а воскресенье 2 августа соответствует 1276 г.

княжении Ярослава перенесена из начала 6773 г. в конец 6772 г. как анахронистическая, поскольку январское событие, описанное ранее всех остальных событий года, может относиться только к предшествующему году.

С другой стороны, псковские летописи, пользуясь мартовским счислением, относят начало княжения Довмонта в Пскове к 6773 г.⁷², тогда как в Новгородской Первой летописи и в Московском своде это событие датировано 6774 г.⁷³, что указывает на употребление в обоих сводах ультрамартовского счисления в 6774 г. Таким образом, получается, что 6774 г. в Новгородской Первой летописи соответствует 1265/1266 г., 6773 г. — 1264/1265 гг., начинаясь с изложения январского события 1264 г., а на долю 6772 г. остается промежуток от смерти Александра в ноябре 1263 г. до приглашения Ярослава в январе 1264 г., т. е. часть событий, относящихся к предшествующему 6771 мартовскому году. Такое наложение неизбежно при сведении разных летописных кусков, использующих отличные годовые циклы.

Предложенный расчет подтверждается и обращением к акту, содержание которого имеет прямое отношение к событиям первой половины 1260-х г. Имеется в виду договорная грамота Новгорода с Готским берегом, Любеком и немецкими городами о мире и торговле, которая была заключена после победоносного похода новгородцев на Юрьев осенью 1262 г. от имени Александра, Дмитрия, посадника Михаила и тысяцкого Жирослава⁷⁴. Эта грамота вопреки ее авторству скреплена печатями князя Ярослава Ярославича.

В литературе имелись попытки объяснить это несоответствие особой ролью Ярослава Ярославича в походе под Юрьев. Ярослав, будучи старейшим из участников похода, скрепил договор своими печатями, так как самого Александра, отправившегося в это время в Орду, не было налицо⁷⁵. Это объяснение до некоторой степени подкрепляется версией древнейшей редакции жития Александра Невского⁷⁶. Однако оно противоречит и показаниям Новгородской летописи, в которой предводителем новгородцев назван Дмитрий Александрович, а

⁷² Псковские летописи. Вып. 1. М.; Л., 1941. С. 123; Вып. 2. М., 1955. С. 16.

⁷³ НПЛ. С. 314; ПСРЛ. Т. 25. С. 146.

⁷⁴ ГВНП. С. 56, № 29.

⁷⁵ Лихачев Н. П. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. Вып. 1. С. 40; Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV вв. Ч. 1. С. 259.

⁷⁶ «Великий жь князь Александр Ярославичь поиде к цареви, дабы отмолил люди от беды, а брата своего меньша Ярослава и сына своего Дмитрея посла с Новгородцы на Западныя страны и вся полки своя с ними отпусти. Поиде жь Ярослав с сыновцем своим в силе велице и плениша град Юрьев Немецкий и возвратишася во свояси со многим полоном и с великою честию» (Бугославский С. К вопросу о первоначальном тексте жития великого князя Александра Невского // Известия Отделения русского языка и словесности. 1914. Т. 19. С. 288).

Ярослав выступает в роли военачальника «своих мужей», и самому существу взаимоотношений Новгорода и князя. Остается непонятным, почему вопреки существованию собственного новгородского княжеского управления акт утвержден лицом, юридически посторонним этому управлению.

Отмеченное противоречие объясняется проще. Ратификация акта могла быть отложена до возвращения из Орды Александра Невского, а затем до решения судьбы великокняжеского и новгородского столов. Грамота была утверждена в тот момент, когда все эти проблемы были решены, т. е. с вокняжением Ярослава в Новгороде. Вместе с тем нельзя не признать, что, допуская самую возможность длительного пребывания в Новгороде Дмитрия с ноября 1263 г. по конец 1264 г., мы остановимся перед недоуменным вопросом о статусе Дмитрия, который уже не мог представлять умершего новгородского князя и сам не стал таковым. Напротив, этот вопрос снимается признанием кратковременного промежутка между княжениями Александра и Ярослава (ноябрь 1263 — январь 1264 г.).

Такое понимание ситуации полностью совпадает с трактовкой всей цепочки событий в Никоновской летописи: «Сяде по брате своем великом князи Александре Ярославиче на великом княжении в Володимери брат его, князь велики Ярослав Ярославич Тферский, и бысть князь велики Володимерскийи и Новгородцкии. Того же лета выгнаша Новогородцы от себе из Новагорода князя Дмитрея Александровича. Того же лета иде князь велики Ярослав Ярославич в Новгород, и приаша его Новогородцы с радостию и с честию великою⁷⁷; он же тогда и женися в Новегороде, поя за себя Юрьеву дщерь Михайловичя». Этот рассказ помещен под 6772 г. сразу же за сообщением о смерти Александра Невского под 6771 г.

До прихода в Новгород Ярослава Ярославича новгородцы предпринимают некоторые шаги к отмене злоупотреблений Александра Ярославича (в частности, бежичане и обонежцы — субъекты Обонежского и Бежецкого рядов, по которым эти территории обеспечивали содержание князя, на три года освобождаются от суда), раздаются некоторые волости, однако на несамостоятельное положение Дмитрия в Новгороде указывает уже тот факт, что, отмечая указанные мероприятия, новгородцы не титулуют его⁷⁸.

Существует возможность предположительно определить территориальную принадлежность посадника Михаила Федоровича. Избранный во время конфликта новгородцев с Александром Невским после убийства прусского боярина Михалки Степановича и ставший затем инициатором приглашения Ярослава Ярославича и поддержания великокняжеского суверенитета над Новгородом после смерти Александра, он в своей политике близок посаднику Онанье, кото-

⁷⁷ ПСРЛ. Т. 10. С. 144.

⁷⁸ ГВНП. С. 9—13, № 1—3.

рый был связан с Торговой стороной. Разумеется, приведенная параллель вовсе не позволяет приходить к сколько-нибудь категорическим выводам. Однако имеется еще одно косвенное указание.

В исторической литературе хорошо известен так называемый «Устав Ярослава князя о мостех», который разными исследователями связывался буквально со всеми новгородскими князьями, носившими это имя. Из пяти претендентов на авторство: Ярослава Мудрого, Ярослава Мстиславича (1176—1177 гг.), Ярослава Владимировича (1182—1184, 1186—1196, 1197—1199 гг.), Ярослава Всеволодовича (1215—1216, 1222—1223, 1224—1229, 1230—1236 гг.) и Ярослава Ярославича (1264—1271 гг.), первые два безусловно отпадают, поскольку авторству Ярослава Мудрого противоречит упоминание церкви Бориса и Глеба, построенной в XII в., а авторству Ярослава Мстиславича — упоминание тысяцкого. Что касается трех остальных претендентов, то Б. А. Рыбаков склонялся к датировке «Устава» временем Ярослава Всеволодовича ⁷⁹, М. Н. Тихомиров относил к тому же времени интерполяцию с перечислением новгородских сотен, а самый «Устав» относил ко времени Ярослава Владимировича ⁸⁰, А. А. Зимин датировал ту же интерполяцию и вместе с ней существующую редакцию «Устава» временем не позднее 1268 г., т. е. княжением Ярослава Ярославича ⁸¹. Рассмотрим основания этих датировок, начав с интерполяции, датирующие возможности которой наиболее очевидны.

В ней перечисляются новгородские сотни, поименованные именами сотских: «1-я Давыжа ста, 2-я Слепчева ста, 3-я Бовыкова ста, 4-я Олексина ста, 5-я Ратиборова ста, 6-я Кондратова ста, 7-я Романова ста, 8-я Сидорова ста, 9-я Гаврилова ста, 10-я Княжа ста» ⁸².

Б. А. Рыбаков в своей датировке прибег к способу весьма спорному и методически неточному. Он попытался отождествить сотских с различными деятелями, упомянутыми в летописи по любым поводам, хотя большинство названных здесь имен принадлежит к числу самых распространенных в Новгороде. Давид сопоставлен исследователем со стольником новгородского владыки, упомянутым под 1228 г.; Олекса — с Олексой Путиловичем (1215 г.), Олексой Прокопиничем (1200 г.), Олексой Сбыславичем (1207 г.); Ратибор — с тысяцким Ратибором (1269—1270 гг.); Кондрат — с тысяцким Кондратом (1265—1268 гг.); Роман — с боярином Романом Михайловичем (1252 г.) и Романом Болдыхивичем (1270 г.); Сидор — с хутынским игуменом (1243 г.); Гавриил — с Гаврилой Олек-

⁷⁹ Рыбаков Б. А. Деление Новгородской земли на сотни в XIII в. // Исторические записки. № 2. С. 144 и далее.

⁸⁰ Тихомиров М. Н. Исследование о Русской Правде. М.; Л., 1941. С. 145 и сл.

⁸¹ Памятники русского права. Вып. 1. С. 213 и сл.

⁸² НПЛ. С. 507.

синичем (1240 г.), Гаврилой с Лубяницы (1228 г.), Гаврилой Игоревичем и Гаврилой Милятиничем (1216 г.). Имена Бовыка и Слепца в летописи не отыскиваются. Сопоставляя эти имена и принимая во внимание, что Кондрат и Ратибор при Ярославе Ярославиче были уже тысяцкими, Б. А. Рыбаков пришел к выводу, что связующим элементом для них является время князя Ярослава Всеволодовича.

Датировка документа, таким образом, поставлена в зависимость только от степени полноты летописного рассказа, а аргументация не дает никакой уверенности в действительном тождестве имен. Далее Б. А. Рыбаков предпринял попытку еще более уточнить дату документа и связать его возникновение с постройкой Великого моста около 1230 г., когда в короткое княжение Михаила Черниговского средства на постройку моста были отобраны у сторонников Ярослава, в силу чего перед сменившим Михаила Ярославом встала необходимость компенсировать потери своих сторонников и разверстать сбор средств по сотням. Между тем, связывая сотских с периодом княжения Ярослава Всеволодовича, сам исследователь показал, что те бояре, которых он отождествил с сотскими, как раз и были в своем большинстве сторонниками Ярослава или лицами, ему обязанными.

Подвергая сомнению общую методическую правильность сопоставления имен, следует заметить, что Б. А. Рыбаковым для сопоставления были привлечены не все имена. Назовем, в частности, Гаврилу Кыяниновича (1270 г.), Олексу Морткинича (1270 г.), деятельность которых относится ко времени Ярослава Ярославича. Вместе с Ратибором, Кондратом, Романом Болдыживичем они составляют группу, тяготеющую к более поздней дате.

Однако в основу датировки рассматриваемой интерполяции, по нашему мнению, должен лечь иной принцип. Наличие среди имен сотских двух, принадлежавших позднее тысяцким, указывает на весьма важное и логически закономерное обстоятельство. Кандидатами на должность тысяцкого в Новгороде были сотские. Обе должности принадлежат к одной и той же системе управления, являясь двумя ступенями административной иерархии. Поэтому наиболее поздней возможной датой интерполяции может быть только год избрания Кондрата или Ратибора на должность тысяцкого, иными словами, год, в который Кондрат или Ратибор перестали быть сотскими.

В летописном списке новгородских тысяцких интересующие нас имена изложены в таком порядке: «...Вячеслав, Борис Негочевич, Микита Петрилович, Клим, Жирохне, Кондрат, Ратибор Клуксович...»⁸³ Вячеслав был лишен должности тысяцкого в 1228 г., когда на его место избрали Бориса Негочевича⁸⁴. В 1230 г. тысяцкое во время переворота в пользу Ярослава перешло к Миките

⁸³ НПЛ. С. 472.

⁸⁴ Там же. С. 67, 273.

Петриловичу⁸⁵. Под 1234 г. упоминается о гибели тысяцкого Феда Якуновича⁸⁶, пропущенного в списке. Тысяцкий Клим фигурирует в рассказе 1255 г.⁸⁷ Жирохне, или Жирослав, был избран в 1257 г.⁸⁸, его тысяцкое продолжается и в 1262 г., поскольку Жирослав является одним из авторов договора, заключенного в этом или следующем году⁸⁹. О тысяцком Кондрате летопись сообщает только в связи с Раковорской битвой 18 февраля 1268 г., в которой он пропал без вести⁹⁰; от его имени заключены также два dokonчания Новгорода с Ярославом Ярославичем (после 27 января 1264 г.)⁹¹. Наконец, Ратибор Клукович избран в 1268 г. на место Кондрата⁹².

Прилагая эти сведения к рассматриваемой интерполяции и ее датировке, предложенной Б. А. Рыбаковым, мы должны удивляться не столько тому, что в числе сотских, относящихся, по мнению Б. А. Рыбакова, к началу 1230-х гг., оказываются лица, которые стали тысяцкими спустя 30—40 лет, сколько отсутствию в числе сотских таких лиц, которые стали тысяцким гораздо раньше и были сотскими в тот момент, к которому Б. А. Рыбаков относит составление «Устава». Имеются в виду Фед Якунович и Клим.

Следуя по указанному пути, мы придем к неизбежному выводу, что интерполяция с перечислением сотен была составлена в тот момент, когда тысяцким был Жирослав: его имени уже нет в наименованиях сотен, но его непосредственные преемники Кондрат и Ратибор еще были сотскими. Переход должности тысяцкого от Жирослава к Кондрату приходится на самое начало княжения Ярослава Ярославича, этим временем и датируется вставка в «Уставе о мостех». Однако у нас нет, по-видимому, особых оснований отрывать время составления собственно «Устава» от времени исчисления сотен. Это исчисление, имевшее практическое значение и отразившееся во всех 15 существующих списках «Устава о мостех», было, следовательно, сделано на полях оригинального документа. Коль скоро не существует ни одного списка без рассмотренной выше интерполяции, значит копирование оригинала началось вскоре после момента его составления.

Признавая «Устав о мостех» документом, составленным в середине 1260-х гг., мы тем самым должны отождествить упомянутого в нем, но не названного по

⁸⁵ НПЛ. С. 70, 278.

⁸⁶ Там же. С. 73, 284.

⁸⁷ Там же. С. 81, 308.

⁸⁸ Там же. С. 82, 309.

⁸⁹ ГВНП. С. 56, № 29.

⁹⁰ НПЛ. С. 87—87, 317—318.

⁹¹ ГВНП. С. 9—10, № 1—2.

⁹² НПЛ. С. 88, 319.

имени посадника с Михаилом Федоровичем, который посадничал с 1257 по 1268 г. «Устав» возлагает на этого посадника обязанность по мощению улиц между «вошниками», т. е. церковью Ивана на Опоках, и Великим рядом — местности, расположенной именно в Славенском конце Торговой стороны. В дальнейшем принадлежность Михаила Федоровича к этому концу будет подтверждена позднейшими материалами.

В посадничество Михаила Федоровича правящая боярская верхушка принимает меры к упрочению своего положения. В самом начале княжения Ярослава идет работа по составлению нового формуляра докончальной грамоты с князем, в котором предусмотрена не только новгородская «старина и пошлина», но и гарантия от повторений княжеского насилия. Степень участия князя в новгородском внутреннем управлении строго регламентируется.

Одним из важнейших направлений, по которому развивается в это время антикняжеская борьба боярства, является стремление к независимости от князя новгородского войска и военной политики. В 1265 г. новгородцы отказываются участвовать в походе Ярослава на Псков и заставляют его вернуть свои полки в Тверь. В 1266 г. новгородский поход на Литву возглавлен не князем Ярославом и не его наместником в Новгороде князем Юрием Андреевичем, а новгородским боярином Елферием Сбыславичем. В 1267 г. это стремление проявляется особенно наглядно, когда предположенный княжеским наместником поход на Литву заменяется по воле новгородцев походом на немцев, завершившимся известной Раковорской битвой. Новгородские полки в этой битве возглавляет не наместник Ярослава Юрий Андреевич и не специально присланный великим князем воевода князь Святослав Ярославич, а призванный новгородцами, «сдумавшими» вместе с посадником, князь Дмитрий Александрович. Во время этого похода новгородцы понесли большие потери. В числе убитых был и посадник Михаил Федорович, которого привезли в Новгород и с почетом погребли в Софийском соборе⁹³. На место Михаила посадником тогда же был избран Павша Онаньинович, который вопреки редкому отчеству не является сыном посадника Онаньи, что, по-видимому, было известно составителю Списка Б, не связавшему их родством.

В связи с результатами Раковорской битвы летопись излагает один сюжет, который позволяет сделать существенный вывод о новых формах организации посадничества в середине XIII в. В начале июня 1268 г.⁹⁴ в Новгород пришел великий князь Ярослав Ярославич, который предъявил новгородцам обвинение в необдуманных действиях, приведших к войне с немцами и потере множе-

⁹³ НПЛ. С. 86—87, 317—318.

⁹⁴ Ярослав появился в Новгороде вскоре после недели всех святых, которая в 1268 г. была 6 июня.

ства «мужей и братьи» Ярослава. Это обвинение уже не могло быть адресовано Михаилу Федоровичу, погибшему в битве, и Ярослав называет троих новгородских бояр, повинных, по его мнению, в государственной ошибке: Жирослава Давыдовича, Михаила Мишинича и Елферья Сбыславича, «хотя лишити их волости»⁹⁵. Вполне очевидно, что, если эти бояре делили «волость» с посадником и если они в какой-то мере ответственны за определение военной политики Новгорода, следует предполагать, что в своей совокупности они образуют какой-то совет при посаднике, заставляющий припомнить «совет зол», который сыграл значительную роль в ходе событий 1255—1259 гг.

В поддержку этого предположения может быть указано, что один из названных выше бояр — Михаил Мишинич — впоследствии стал посадником. Если участие в предполагаемом совете давало преимущественные права для избрания в посадники, то к числу бояр, державших «волость» над Новгородом перед Раковорской битвой, следует также отнести, кроме погибшего посадника Михаила Федоровича, также вновь избранного посадника Павшу Онаньинича. Выясняя принцип организации боярской «волости», мы можем говорить только о территориальном представительстве от разных боярских группировок. Действительно, о вероятной славенской принадлежности Михаила Федоровича выше уже говорилось. Павша Онаньинич был основателем весьма долговечной посадничьей династии, представители которой Михайло Павшинич, Захария Михайлович, Андреян и Есиф Захарьиничи постоянно связаны с Плотницким концом. Хорошо известна и территориальная принадлежность Михаила Мишинича, брат которого Юрий был основателем посадничьей династии, давшей Варфоломея Юрьевича, Онцифора Лукича и Юрия Онцифоровича, всецело связанных с Неревским концом. У нас нет данных о принадлежности Жирослава Давыдовича и Елферья Сбыславича, однако и установленных обстоятельств достаточно, чтобы говорить о наличии внутри правящей верхушки представителей разных территориальных групп боярства и предполагать принадлежность Елферья и Жирослава к Людину концу и Прусской улице⁹⁶.

⁹⁵ НПЛ. С. 88—89 (здесь Елферий Сбыславич ошибочно назван Юрием), 318—319.

⁹⁶ В связи с вопросом о территориальном представительстве новгородского боярства в правящем органе возникает одна частная проблема, касающаяся территориальной принадлежности основателя посадничьей династии Мишиничей-Онцифоровичей. А. В. Арциховский отождествлял предка Онцифоровичей, постоянно связанных с Неревским концом, с Мишей — героем Невской битвы (*Арциховский А. В.* К истории Новгорода // Исторические записки. 1938. № 2. С. 110). Однако, если признать правильность этого мнения, необходимо будет согласиться с принадлежностью Михаила Мишинича к боярству Прусской улицы, поскольку деятельность всех достоверных потомков Миши, героя Невской битвы, связана с этим районом Новгорода. На принадлежность Миши к боярству Прусской улицы прямо указывает позднейший родословец Морозовых XVI—XVII вв.: «Князь великий Александр Невский побил немцев, и на

Образование при посадничестве территориально-представительного органа кажется несомненным и закономерным следствием того сплочения «вятших» бояр, которое возникло в процессе борьбы против «менших» и черного люда и укрепления идеи великокняжеского суверенитета над Новгородом, поддержанной всем «вятшим» боярством.

Прямые летописные данные указывают, что посадничество Павши Онаньича, начавшись в феврале 1268 г., закончилось в 1272 г., когда его сменил уже известный нам Михаил Мишинич⁹⁷. Однако Список Б помещает между посадничествами Павши и Михаила посадничество вовсе не упомянутого в летописи Никиты Григорьевича. Поэтому следует особенно внимательно познакомиться с событиями 1268—1272 гг.

В 1269 г. Новгород переживает новую вспышку антикняжеской борьбы, вызванную целой серией «насилий» Ярослава Ярославича. Начинается «мятежь велик», в ходе которого были разграблены дворы сторонников Ярослава, а князю предъявлены многочисленные обвинения: «К князю послаша на Городище, исписавше на грамоту всю вину его: „Чему отъял еси Волхово гогольными ловци, и поле отъял еси заяцыми ловци; чему взял еси Олексин двор Мърткинич; чему поимал еси серебро на Микифоре Мануциници, и на Романе Болдыживици, и на Валфромси; а иное, чему выводишь от нас иноземца, которыи у нас живут“, а того много вины его; „а ныне, княже, не можемъ тръпети твоего наси-

том бою у него было 6 мужей храбрых, и ото всех техшти мужей храбрых один был именем Михайло, а прозвище Миша, из Прусския земли, а лежит в Новгороде у Михаила Святаго, на Прусской улице» (Сборник материалов по истории предков царя Михаила Федоровича Романова. Ч. 1. СПб., 1901. С. 121, 135, 343). Еще И. В. Аничков обратил внимание на то, что выезжее «прусское» происхождение многих позднейших дворянских фамилий оказывается вполне достоверным при условии, что «Прусская земля» лежит в пределах Прусской улицы Новгорода (*Аничков И. В. Историческое значение названия Прусской улицы для Великого Новгорода. Новгород, 1916*). Согласно версии родословца, Миша не только происходит из «Прусской земли», но и похоронен на Прусской улице в церкви, выстроенной Твердиславом. Потомство Миши — Терентий, Михайло, Семен, Иван Мороз — перечислено в родословце, а также в синодике церкви Вознесения на Прусской улице в числе строителей и вкладчиков этой церкви (*Макарий. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. Ч. 1. С. 187*). Синодик самое основание церкви Вознесения связывает с деятельностью Миши и относит к 1231 г. С Прусской улицей связан и потомок Миши Иван Мороз, который в 1413 г. поставил церковь Зачатия Иоанна Предтечи на Десятине, т. е. в непосредственной близости от Прусской улицы (НПЛ. С. 404). Разница в территориальной принадлежности потомков Миши 1240 г. и Мишиничей-Онцифоровичей позволяет утверждать, что обе группы принадлежали к разным боярским родам, и не связывать их родством.

⁹⁷ НПЛ. С. 322. 6781 ультрамартовский год; под следующим. 6782 г. сообщается о смерти архиепископа Далмата 21 октября в субботу, что соответствует 1273 г.

ля; поиди от нас, а мы себе князя промыслим“»⁹⁸. Ряд других обид перечислен в докончании 1269 г.: Ярослав «посудил» грамоты своего отца и брата, т. е. Ярослава Всеволодовича и Александра Невского, и «подаял» вместо них свои грамоты, отнял у Кирилла Хотуничи и передал их городищенским попам, хотя Хотуничи находились в «новгородском погосте», держал закладников в Торжке, вторгался в землевладение св. Софии и т. д.⁹⁹

Антикняжеская борьба в 1269 г., таким образом, с самого начала направлена к отрицанию идеи великокняжеского суверенитета над Новгородом, поскольку восстание начинается с изгнания князя, а не с попыток ограничить княжескую власть в рамках традиционных взаимоотношений. Возрождение и перевес сепаратистских сил, возглавивших это восстание, вполне очевидны. Ярослав сразу же по получении обвинительных пунктов присылает на вече своих послов с заявлением: «Того всего лишюся, а крест целую на всеи воли вашей». Однако новгородцы продолжают настаивать: «Княже, поеди прочь, не хотим тебе; или не идешь, сице идем весь Новгород прогнать тебе» — и посылают звать на свой стол переяславского князя Дмитрия Александровича, не захотевшего, однако, взять стол «перед стрьем своим». Выбор, который пал на князя, предводительствовавшего новгородскими полками в Раковорской битве, указывает на одну из важных причин конфликта с великокняжеской властью. На протяжении всего княжения Ярослава Ярославича новгородцы не только самостоятельно осуществляют свою военную политику, но и проводят ее вопреки князю. Военная основа союза с великим князем, послужившая в свое время одной из главных причин возникновения суверенитета великого князя над Новгородом, теперь теряет значение, и против Ярослава консолидируются не только сторонники независимого стола, но и многочисленные антинемецкие силы Новгорода.

В этой обстановке Ярослав обращается за помощью к татарам, клеветнически обвинив Новгород в отказе платить дань Золотой Орде. Только вмешательство костромского князя Василия Ярославича предотвратило поход на Новгород войск Менгу-Тимура. Ярослав Ярославич продолжает настаивать на своем полном согласии с требованиями новгородцев, которые в ответ формулируют главный принцип тех взаимоотношений с князем, к которому они стремятся: «Княже, сдумал еси на святую Софею; и ты поиди, дажь изомрем честно за святую Софею; у нас князя нету, нъ Бог и правда и святая Софея, а тебе не хошем»¹⁰⁰.

В поддержку новгородской «воли» в Новгороде собираются все силы Новгородской земли: псковичи, ладожане, карелы, ижора и вожане, пока поручитель-

⁹⁸ НПЛ. С. 88, 319. 6778 ультрамартовский год; под следующим, 6779 г. сообщается о солнечном затмении в неделю 5 недели поста, что соответствует 31 марта 1270 г.

⁹⁹ ГВНП. С. 12—13, № 3.

¹⁰⁰ НПЛ. С. 80, 320—321.

ство митрополита не возвращает новгородский стол Ярославу, который целует крест «на всей воли новгородстей».

Мы видим, что в тот момент, когда борьба с Ярославом достигла наибольшей остроты, новгородцы выражают намерение вообще ликвидировать у себя княжеский стол. Существуют основания полагать, что в развитие этой идеи были предприняты и практические шаги. Имеется в виду сообщение В. Н. Татищева о том, что по совету Василия Ярославича у Ярослава были отобраны суд, черная и печерская дани ¹⁰¹, т. е. он был лишен исполнительной власти и доходов с Новгорода. Поскольку эти меры никак не отражены в более поздних докончаниях, попытку ликвидировать княжескую власть следует относить к тому периоду, когда новгородцы отвергали многочисленные обещания Ярослава.

Таким образом, на протяжении 1269 г. отношения Новгорода с князем, прежде чем вернуться в исходное состояние, прошли такую фазу, на которой отрицался не только великокняжеский суверенитет над Новгородом, но и сама необходимость в Новгороде княжеской власти. Возможно ли с этой фазой связывать сомнительное посадничество Никиты Григорьевича, т. е. допустить, что в ходе борьбы Новгорода с Ярославом Павша был лишен посадничества, а затем снова получил его? На этот вопрос следует ответить отрицательно. Достаточно подробный летописный рассказ неоднократно подчеркивает полное единодушие новгородцев в их отношении к Ярославу на всех этапах борьбы с ним в 1269 г. Противопоставляя «умеренного» Павшу сомнительному Никите Григорьевичу, который в этих условиях должен представлять наиболее последовательные антикняжеские круги, мы вынуждены были бы допустить, что мимо внимания летописца прошло в этом случае сложное сочетание антикняжеской борьбы с ожесточенной внутренней борьбой, а это кажется маловероятным. Отметим, что, несмотря на умеренность докончания 1269 г., принцип «у нас князя нету» сохраняется и после возвращения на стол Ярослава в своеобразной, но значительной форме: возвращаясь во Владимир и отправляясь затем в Орду, Ярослав впервые оставляет в Новгороде своим наместником не лицо княжеского происхождения, а боярина Андрея Воротиславича ¹⁰².

Что касается Павши, то, избранный в феврале 1268 г., он затем принимает участие в заключении докончания с Ярославом, упоминается в летописном рассказе 1271 и 1272 гг. ¹⁰³ Существенно, что Никита Григорьевич не отмечен в Списке А, оригинал соответствующей части которого составлен около рубежа XIII—XIV вв., т. е. спустя каких-нибудь тридцать лет после описанных событий, а появляется лишь в Списке Б в начале XV в.

¹⁰¹ *Татищев В. Н.* История Российская с самых древнейших времен. Кн. 4. М., 1784. С. 45.

¹⁰² НПЛ. С. 89, 321.

¹⁰³ ГВНП. С. 12, № 3; НПЛ. С. 90, 321—322.

В 1271 г. Ярослав Ярославич умер в Орде ¹⁰⁴, и в Новгород пришли послы от двух князей — Дмитрия Александровича и Василия Ярославича. Новгородцы с посадником Павшей предпочли Дмитрия, который сел на столе 9 октября 1272 г. Василий в союзе с тверским князем Святославом Ярославичем начинает войну против Новгорода, сажает своих тиунов в Торжке. Во время похода новгородцев на Тверь в Торжке «взмятошася люди и восхотеша Василья», после чего «сѣступися Дмитрии стола волею и поиде прочь с любовью» ¹⁰⁵.

Внешний ход событий 1272 г. как будто возвращает нас в те времена, когда не существовало признания великокняжеского суверенитета, а приглашение князя осуществлялось по принципу «вольности в князьях». Однако в действительности борьба 1272 г. полностью основывается на приятии великокняжеского суверенитета как основы новгородского княжения. И Дмитрий, и Василий были законными наследниками власти умершего Ярослава. Еще в 1269—1270 гг. они оба совершают с Ярославом поездку в Орду, где вопрос о преемниках Ярослава был решен в духе старой политики Гююка: Василий Ярославич наследовал великое княжение, оставаясь только костромским князем; Дмитрий Александрович получал Владимир, но не великое княжение. Проблема княжеского суверенитета над Новгородом после смерти Ярослава Ярославича была осложнена, за Новгородом оставалось право выбора между суверенитетом Владимира, которым владели и Александр Невский, и Ярослав Ярославич, и суверенитетом номинальной великокняжеской власти. По существу выбор князя в данном случае зависел главным образом от исхода той усобицы, в которую вступили оба наследника Ярослава.

Победа Василия дает ему новгородский стол и приводит к перемене в посадничестве, которое было отнято у Павши Онаньинича и дано Михаилу Мишиничу. Павша бежал к Дмитрию, но затем отправился в Кострому на поклон к Василию Ярославичу. В этой смене посадников не было, по-видимому, особой политической остроты. Павша был сторонником приглашения Дмитрия, инициатива которого не оказалась достаточно решительной. Михаил — инициатор союза с Василием. Показательно, что по приглашении Василия Ярославича новгородцы целуют в Торжке «Образ Господень, яко всем одинаким быти с посадником Михаилом», вероятно опасавшимся противодействия сторонников Павши по возвращении в Новгород, но это не мешает им вернуть в том же году посадничество Павше, помирившемуся с князем Василием.

---

¹⁰⁴ НПЛ. С. 89, 321. 6780 ультрамартовский год; под предыдущим 6779 г. рассказывается о солнечном затмении в неделю 5-й недели поста, что соответствует 1270 г.; Ср. ПСРЛ. Т. 25. С. 150, где рассказ о солнечном затмении помещен в конце 6779 ультрамартовского года и где исчисляется, что великое княжение Ярослава продолжалось семь лет (т. е. с зимы 1263/1264 г. до зимы 1270/1271 г.).

¹⁰⁵ НПЛ. С. 89—90, 321—322.

В 1273 г., когда Павша Онаньинич умер, посадничество снова возвращается к Михаилу Мишиничу¹⁰⁶, остававшемуся на посадничестве на протяжении всего княжения Василия Ярославича. Последний умер в 1276 г., освободив великокняжеский стол для Дмитрия Александровича, которого тогда же признали своим князем и новгородцы.

В дальнейшем принцип великокняжеского суверенитета поддерживается вооруженной силой. В 1280 г. брат Дмитрия Андрей добивается ярлыка на великое княжение, и между обоими претендентами начинается борьба. Оставаясь на первых порах новгородским князем, Дмитрий принимает меры к тому, чтобы обеспечить поддержку Новгорода в начавшемся столкновении. В 1280 г. «отгяша посадничество князь Дмитрии с новгородци у Михаила у Мишинича и даша Смену Михайлову, вывед из Ладоги. И по трех месяцах преставися Михаил Мишиниць месяца ноября в 9, на память святого Павла Исповедника»¹⁰⁷. Памятуя, что Михаил Мишинич еще в 1272 г. был инициатором поддержания принципа безусловного великокняжеского суверенитета, мы поймем, почему его посадничество стало нежелательным для Дмитрия в тот момент, когда ярлык на великое княжение оказался в руках другого князя. Очевидно, однако, что отстранение посадника, проводившего политику основной части «вятшего» боярства, не так уж сильно укрепляло позиции князя. В следующем 1281 г. происходит разрыв Новгорода с Дмитрием, который уходит из Новгорода, чтобы затем вернуться с ратью и «сотворить много пакости» волости новгородской. После заключения перемирия на Шелони Дмитрий был разбит Андреем и бежал в только что выстроенный им городок Копорье на землях, испрошенных в 1279 г. у Новгорода. Однако новгородцы вынуждают его уйти из Копорья. Тогда же на новгородском столе утверждается новый великий князь Андрей Александрович. Посадник Семен Михайлович, избранный в свое время по воле Дмитрия, теперь сам организует в Торжке засаду против Дмитриевых наместников. В 1283 г. новгородцы участвуют в походе князей на Дмитрия Александровича и подтверждают свой разрыв с ним, взяв мир «на всеи воле новгородчкои».

В том же году политическая ситуация резко меняется, когда Дмитрий вновь получает у Ногай ярлык на великое княжение. Андрей Александрович спешит в Торжок, куда им вызван посадник Семен Михайлович «со всеми стареишими», и здесь заключается крестоцелование, «како Андрею не съступитися Новгорода, а новгородцом не искати иного князя; живот ли, смерть ли, новгород-

¹⁰⁶ НПЛ. С. 322. 6782 ультрамартовский год. И. И. Григорович (Опыт. С. 150) говорит о смерти в 1274 г. также посадника Павла Семеновича. Это недоразумение основано на ошибке Никоновской летописи, которая, сообщая о смерти Павши Онаньинича, называет его Семеновичем.

¹⁰⁷ НПЛ. С. 323—324; ПСРЛ. Т. 4. С. 43.

пом с Андреем». Однако сразу же после крестоцелования Андрей уступает Дмитрию великое княжение и даже оказывает ему вооруженную помощь при его водворении в Новгороде¹⁰⁸.

Посадник Семен Михайлович остается у власти до 1286 г. Он был избран по инициативе Дмитрия, выступал против Дмитрия, когда тот потерял великокняжеский стол, снова делил власть с Дмитрием, когда великое княжение вернулось к этому князю.

Политика посадничества в этот период руководствуется идеей поддержания великокняжеского суверенитета над Новгородом. Однако было бы неверно представлять новгородскую правящую верхушку той поры неким смотрителем за правильностью работы механизма, автоматически сменяющего новгородских князей по мере утраты ими великокняжеского ярлыка. Напротив, мы видели, что всякий раз возникает готовность боярства пойти на сделку с князем. В 1280—1281 гг. новгородцы некоторое время поддерживают Дмитрия, уже потерявшего великое княжение. В 1283 г. они даже целуют крест Андрею сохранить ему верность при любом повороте событий. Эта готовность идти на сделку с князем в тот момент, когда князь особенно нуждается в новгородской поддержке, весьма знаменательна и говорит о существовании у новгородского боярства особых целей, которые связываются с намерением иметь на столе князя, обзаванного своим положением Новгороду.

По-видимому, в связи с тем же намерением новгородская верхушка боярства предоставляет князьям Дмитрию и Андрею некоторые личные преимущества. Так, в 1279 г. Дмитрий спрашивает, а новгородцы жалуют ему город Копорье, который укрепляется князем в присутствии посадника и «болших мужей», а в дальнейшем рассматривается князем как личная собственность и во избежание возможных недоразумений срыт новгородцами¹⁰⁹. Дмитрий и Андрей получают в новгородских волостях в пожизненное кормление села, вопрос о которых в XIV в. постоянно поднимается в докончальных грамотах с князьями: «А что сел и свобод Дмитриевых, то дале есме быле Андрею до живота Андреева в хрьстьное целование, а потом Новугороду то все; а тебе, княже, в то не вступи-тися»¹¹⁰. Эта формула повторяется в докончаниях вплоть до 1371 г.¹¹¹

Результаты этой сложной политики будут рассмотрены в следующей главе. Здесь же отметим, что она привела к новому ограничению княжеской власти и упрочению республиканских органов. В княжение Андрея Александровича была создана новая схема взаимоотношений республики и князя, характерная для

¹⁰⁸ НПЛ. С. 325.

¹⁰⁹ Там же. С. 323—324.

¹¹⁰ ГВНП. С. 17, № 7.

¹¹¹ Там же. С. 19, № 9; С. 21, № 10; С. 29, № 15.

всей последующей истории независимого Новгорода. На возникновение новых отношений указывают, в частности, особенности формуляра докончаний позднейшего времени, возводящих «старину и пошлину» в отношения с князьями именно ко времени Андрея Александровича. Имеем в виду характерную для договоров с Василием Темным и Иваном III отсылку: «Как целовал князь великий Андрей, князь великий Иван, и дед твои князь великий Дмитрии, и отец твои князь великий Василей, целуй, господине князь великий по тому же крест к всему Великому Новугороду...»¹¹²

Хронологические итоги изложения и сравнение их с показаниями списков посадников видны в следующей таблице:

<i>Летопись</i>	<i>Список А</i>
1207—1211 Твердислав Михалкович	(33) Твердислав
1211 — —1215 Дмитр Якунович	(34) Дмитр
1215—1216 Твердислав Михалкович (2-й раз)	(35) Гюрги
1216—1219 Юрий Иванкович	(36) Семен
1219 Семен Борисович	(37) Иванко
1219—1220 Твердислав Михалкович (4-й раз)	(37a ¹¹³) Федор Михалкович
1220—1229 Иванко Дмитрович	(38) Внезд Водовик
1229—1230 Внезд Водовик	(39) Степан
1230—1243 Степан Твердиславич	(40) Сбыслав (Якунович)
1243 — —1255 Онанья	(41) Онанья (Феофилатович)
1255—1256 Михалко Степанович	(42) Михалко
1256—1268 Михаил Федорович	(43) Михаил
1268—1272 Павша Онаньинич	(44) Павша
	(44a ¹¹⁴) Никита Григорьевич
1272 Михаил Мишинич	(45) Михайло
1272—1273 Павша Онаньинич (2-й раз)	
1273—1280 Михаил Мишинич (2-й раз)	
1280—1286 Семен Михайлович	(46) Семен

Список А в своем изложении продолжает сохранять правильность хронологической очередности имен посадников. Что же касается его полноты, то в одном случае (40. Сбыслав) он дополняет летопись, сообщая не известное лето-

¹¹² Там же. С. 35, № 19; С. 40, № 22; С. 45, № 26.

¹¹³ Список Б, № 34.

¹¹⁴ Список Б, № 48.

писцу посадничье имя. В Списке Б имеются еще два избыточных имени (37а. Федор Михалкович; 44а. Никита Григорьевич), но правильность их включения источники не подтверждают.

ВОПРОС О РЕСПУБЛИКАНСКИХ ПЕЧАТЯХ XIII в.

В XIII в. создается новая схема суверенитета князя над Новгородом, основанная на признании новгородским князем очередного великого князя. Этот новый порядок практически ликвидирует необходимость и значение особого новгородского стола, сводя на нет принцип «вольности в князях». Однако содержание деятельности аппарата княжеской власти остается в общем таким, каким оно было в начале XIII в. Формуляр докончальной грамоты, определяющий взаимоотношения князя и города, восходит в этот период к докончаниям Ярослава Всеволодовича, но в своей принципиальной части базируется на порядках, сложившихся еще в XII в. Антикняжеская борьба при Александре и его ближайших преемниках направлена главным образом к поддержанию уровня тех ограничений княжеской власти, которые стали традиционными, и усиление этой борьбы всякий раз связано с теми или иными княжескими «насилиями», нарушениями ряда, злоупотреблениями властью и вторжениями князя в республиканское управление.

Князь продолжает владеть судопроизводством, еще в XII в. поставленным под контроль посадника. Докончальные грамоты постоянно отражают эту часть деятельности князя. «А бес посадника ти, княже, суда не судити, ни волостии раздавати, ни грамот ти даяти»; «А без вины ти, княже, мужа не лишати волости»; «А грамот ти не посужати»; «А на Низу, княже, новгородца не судити»; «А судьи ти слати на Петров день». Все эти традиционные формулы в равной степени говорят и о характере княжеской власти, и о характере ее ограничения.

В сфрагистике Новгорода XIII в. существует очевидная преемственность от сфрагистики второй половины и конца XII в. Если, как и в предшествующий период, исполнительная власть продолжала оставаться в руках княжеского управления, а республиканские органы в основном продолжали контролировать деятельность князя, то в сфрагистике это распределение государственной юрисдикции должно быть отмечено резкой диспропорцией количества княжеских и республиканских печатей. Прохождение громадного числа актов через аппарат княжеского управления должно оставить след в резком преобладании княжеских булл. С другой стороны, поскольку печать князя утратила значение регалии высшей государственной власти, а по существу сделалась неким индикатором контроля за деятельностью князя, печати республиканских институтов Новгорода, напротив, должны были обрести особое значение и употребляться при важнейших государственных документах.

Впрочем, приведенное рассуждение имеет чисто умозрительный характер, поскольку на протяжении всего XIII в. княжеская печать безраздельно господствует в сфрагистике Новгорода, которая вообще не знает булл других государственных институтов вплоть до начала 1260-х гг. Приведу некоторые цифры. К настоящему времени зарегистрированы 51 печать Ярослава Всеволодовича, 102 печати Александра Невского, 25 печатей Ярослава Ярославича, 55 печатей Дмитрия Александровича, 23 печати Андрея Ярославича¹¹⁵. Обратим особое внимание на отсутствие каких-либо булл, связанных с торговым судом, хотя его существование заподозрено нами уже в конце первой четверти XIII в., коль скоро его конституирование возводится ко времени княжения Всеволода Мстиславича (1219—1221 гг.). Вероятно, на первых порах акты торгового суда утверждались княжеской печатью, подобно прочим актам, которые исходили от сместного суда князя и посадника.

Между тем от более позднего периода сохранилось множество печатей «новгородских тиунов»; так иначе назывались должностные лица аппарата тысяцкого — сотские. Всего к настоящему времени зарегистрировано 218 таких булл, происходящих от 86 пар матриц и датируемых последней третью XIII — XV вв.¹¹⁶ Наиболее раннюю группу этой сфрагистической категории составляют 15 печатей, не включенных в только что приведенный подсчет. Ниже эта группа предлагается вниманию читателей (рис. 4).

1. Печати Степана

Л. с. Надпись в три строки:

О. с. Рука; по сторонам неразборчивая надписью.

3 экземпляра

¹¹⁵ Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси. Т. 2. С. 156—161, 240; Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Актовые печати Древней Руси. Т. 3. С. 160—165; Они же. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 1997 г. С. 349—350; Они же. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 1998—1999 гг. С. 301—302; Они же. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 2000 г. С. 190—191.

¹¹⁶ Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси. Т. 2. С. 205—213, 241; Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Актовые печати Древней Руси. Т. 3. С. 198—206; Они же. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 1997 г. С. 353, 355; Они же. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 1998—1999 гг. С. 305—307; Они же. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 2000 г. С. 193.

Рис. 4. Печати новгородских тиунов 1260-х гг.

1. Д. — 26 мм. М. н. — Новгород, до 1917 г. Хр. — Отдел нумизматики Эрмитажа, № 592. Изд. — АПДР. Т. 2. С. 214, № 670-1.

2. Д. — 29 мм. М. н. — Новгород, до 1941 г. Хр. — Новгородский музей, № 4010. Изд. — АПДР. Т. 2. С. 214, № 670-2.

3. Д. — 27—29 мм. М. н. — неизвестно. Хр. — не разыскана. Изд. — АПДР. Т. 2, № 670-3.

2. Печати с именем Кондрата

Л. с. Надпись в четыре строки:

КОН
РАТО
ВАП
НАТ

О. с. Рука; вокруг двойной точечный ободок.

2 экземпляра

1. Д. — 29—31 мм. М. н. — Новгород, 1955 г., найдена в слое 10—30-х гг. XIV в. на Неревском раскопе. Хр. — Отдел нумизматики ГИМ, № 179. Изд. — АПДР. Т. 2. С. 214, № 671-1.

2. Д. — 26—28 мм. М. н. — Новгород, Городище, 1957 г. Хр. — Новгородский музей, № 11126. Изд. — АПДР. Т. 2. С. 214, № 671-2.

Л. с. Надпись в четыре строки:

КОНА
РАТОВ
АТНОУ
Н

О. с. Рука; по краю:

ВАП
НАТ

2 экземпляра

1. Д. — 27 мм (обл.). М. н. — Новгород, Городище, 1978 г. Хр. — Новгородский музей, № 33657-41. Изд. — АПДР. Т. 3. С. 207, № 671а-1.

2. Д. — 23—26 мм. М. н. — Новгород, Городище, 1981 г. Хр. — Новгородский музей, № 55656-219. Изд. — АПДР. Т. 3. С. 207, № 671а-2.

Л. с. Надпись в четыре строки:

КОН
РАТО
ВАП
НАТ

О. с. Надпись в четыре строки:

СЕЛН
ВЕСТАО
ВАМЕ
АТИ

2 экземпляра

1. Д. — 27 мм. М. н. — Новгород, раскопки 1969 г. на Тихвинской ул. Хр. — Новгородский музей, № 33656-220. Изд. — АПДР. Т. 2. С. 242, № 675а.

2. Д. — 30 мм (обл.). М. н. — Новгород, Городище, 1953 г. Хр. — Новгородский музей, № 8420. Изд. — АПДР. Т. 2. С. 234, № 786.

3. Печать Захарии

Л. с. Надпись в пять строк:

ХЕАРЬ
ННАП
ЕУВ

О. с. Рука; вокруг двойной точечный ободок

Оттиснута той же матрицей, что и О. с. печати Кондрата (№ 671).

Д. — 27 мм. М. н. — Новгород, 1972 г., найдена при раскопках на ул. Кирова. Хр. — Новгородский музей, № 33656-218. Изд. — АПДР. Т. 3. С. 207, № 670а.

4. Печать Моисея

Л. с. Надпись в пять строк:

МОА
ЖКВА
ТНОНА
76УА

О. с. Рука; вокруг двойной точечный ободок.

Оттиснута той же матрицей, что и О. с. печатей Кондрата (№ 671) и Захарии (№ 670а).

Д. — 25—27 мм. М. н. — Новгород, 1982 г. Хр. — Новгородский музей, № 33657-42. Изд. — АПДР. Т. 3. С. 207, № 671б.

5. Печать Петра

Л. с. Надпись в три строки:

ПЕТУ
ОВАПЕ
УАТЬ

О. с. Рука; вокруг, за линейным ободком:

О.ТНО
УНАДНОВ

Д. — 25—28 мм. М. н. — Новгород, Городище, 1998 г. Хр. — Новгородский музей, № 40522. Изд. — ННЗ. Вып. 14. С. 307, № 668б.

6. Печати с неразборчивыми именами

Л. с. Надпись в три (?) строки:

лѣ
ва
рл

О. с. Рука; по краю, за ободком:

лѣ
ва
рл

Д. — 27 мм (обл.). М. н. — Новгород, Городище, 1964. Хр. — Отдел нумизматики ГИМ, № 177. Изд. — АПДР. Т. 2. С. 213, № 668.

Л. с. Неразборчивая надпись в три (?) строки.

О. с. Рука

Д. — 27 мм (обл.). М. н. — Новгород, 1981 г. Хр. — Новгородский музей, № 40529-105. Изд. — АПДР. Т. 3. С. 207, № 671в.

Л. с. Неразборчивая надпись в три (?) строки.

О. с. Рука; по краю, за ободком: ...ДЕСКОГО...

Д. — 25 мм (обл.). М. н. — Новгород, до 1906 г. Хр. — Отдел нумизматики Эрмитажа, № 635. Изд. — АПДР. Т. 2. С. 233, № 781.

Рассматриваемая группа отличается очевидной компактностью. Из девяти составляющих ее разновидностей восемь несут на оборотной стороне изображение руки (или перчатки?), отдаленно напоминающей держащую жезл руку на западноевропейских епископских буллах. Три разновидности перевязаны между собой тем, что для оттискивания оборотной стороны их владельцы воспользовались одной и той же матрицей. Одна из этих печатей принадлежит Кондрату (№ 671), другая — Захарию (№ 670а), третья — Моисею (№ 671б). Очевидно, что это цепочка имен, носители которых сменяли один другого, наследуя один и тот же пост. Коль скоро они были сотскими («новгородскими тиунами»), должность сотского они занимали в одном и том же «сте» (сотне).

Имя Кондрата, как это хорошо ощутимо, является в рассматриваемой группе ключевым. Оно имеется не только на буллах собственно Кондрата, но и на печати № 671а, на одной стороне которой помещена надпись «Кондратова тиуна», а на другой «Савина печать», а также на печати № 675а, с надписью на одной стороне «Кондратова печать», а на другой «Селивестрова печать». Единственное историческое лицо, которое может быть поставлено с ним в логическую связь, — сотский Кондрат, упоминаемый в «Уставе о мостех» и ставший

тысяцким уже в первые годы княжения Ярослава Ярославича. Если это так, то печати с одним именем Кондрата (№ 671) следует относить к тому времени, когда он был сотским, а печати с именами Кондрата в сочетании с именами Савы (№ 671a) и Сильвестра (№ 675a) трактовать как принадлежащие лицам, возглавлявшим соответствующие их именам сотни тогда, когда Кондрат был уже тысяцким.

Что касается Захарии (№ 670a) и Моисея (№ 671b), то эти сотские возглавляли ту же сотню, что и Кондрат, будучи или его непосредственными предшественниками или же его непосредственными преемниками. Наконец, Степан был главой своей сотни в близкое всем остальным перечисленным здесь лицам время. Это время соответствует периоду, наступившему после смерти Александра Невского в 1263 г., когда перемены на княжеском столе способствовали расширению республиканской юрисдикции. Ярким признаком этих перемен оказываются сохранившиеся при договорной грамоте Александра Невского и Дмитрия Александровича с немцами, ратифицированной уже при Ярославе Ярославиче привешиванием к ней печатей, буллы «Всего Новгорода» (рис. 5):

Л. с. Надпись в четыре строки:

+ П Е Ч
А Т Ъ Я С Е
ГО Н О В Я
О Р О Д А

О. с. Изображение Вседержителя на престоле; по сторонам:

ѿ   хъ

2 экземпляра — свинцовый и позолоченный серебряный при указанной грамоте. Д. — 33 и 31 мм. Хр. — Рижский городской архив. Изд. — АПДР. Т. 2. С. 220, № 705.

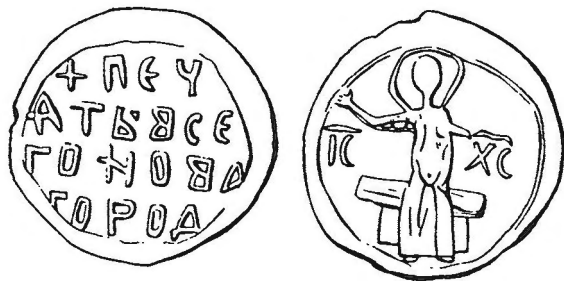

Рис. 5. «Печать Всего Новгорода»

Обратим внимание на то, что оборотная сторона этой буллы оформлена изображением Вседержителя, которое было обязательным компонентом княжеских печатей Ярослава Всеволодовича, Андрея Ярославича, а в дальнейшем — Дмитрия Александровича, Андрея Александровича и Михаила Ярославича, в то время как печати Ярослава Ярославича оформлены по древнему образцу изображением небесных патронов князя и его отца — святых Афанасия и Феодора. Печать «Всего Новгорода» как бы перенимает символ княжеской власти, который в дальнейшем княжеская власть возвращает себе.

Весьма немногочисленный материал республиканской сфрагистики XIII в. позволяет сделать следующие наблюдения. Во-первых, при несомненном и безраздельном преобладании княжеской буллы в начале 1260-х гг. в Новгороде предпринимаются попытки оформить тип печатей республиканских государственных институтов, ведающих сферой торгового суда. Во-вторых, создание главной представляющей Новгород печати порождает обобщенный тип, в котором выражена его принадлежность городу, а не какому-то конкретному лицу. Такое направление развития буллы соответствует постепенному созреванию новых форм республиканской государственности, среди которых, по-видимому, не последнее место занимает совет представителей территориальных группировок при посаднике.

Глава 5

КОРЕННЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКАНСКОГО УПРАВЛЕНИЯ В КОНЦЕ XIII в. И ВОЗНИКНОВЕНИЕ КОНЧАНСКОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В ПОСАДНИЧЕСТВЕ

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ГОДИЧНОГО СРОКА ПОСАДНИЧЕСТВА

Выше уже обращено внимание на важную особенность отсылок позднейших докончаний с князьями, возводящих «старину и пошлину» в отношениях между Новгородом и князем ко времени Андрея Александровича. Эти отсылки заставляют предполагать возникновение в конце XIII в. новой схемы отношений князя и города. Однако хронологические указания, содержащиеся в формулах позднейших докончаний, могут быть истолкованы разными способами. Поскольку речь в них идет о крестоцеловании великого князя при заключении докончаний на новых условиях, возможно допускать два варианта вероятной даты возникновения новых отношений.

Эта дата может находиться внутри хронологических рамок второго княжения Андрея Александровича (1294—1304 гг.), а само изменение схемы отношений князя и города окажется результатом борьбы Новгорода с Андреем. Эта дата, однако, может и предшествовать вторичному вокняжению Андрея, а новые отношения, таким образом, сложились еще при Дмитриии Александровиче. В первом случае мы должны предполагать существование двух докончаний Новгорода с Андреем: одного — составленного применительно к старой схеме в 1294 г., и другого — составленного по новой схеме в более поздние годы. Во втором случае речь пойдет только об одном докончании 1294 г., в котором уже отражена новая схема.

Принципиальный ответ на этот вопрос даст анализ летописного рассказа о событиях конца XIII в. Во время второго княжения Андрея Александровича летописец не отмечает ни одного городского движения в Новгороде. Пожалуй, это один из самых спокойных периодов городской жизни, которая кажется вовсе лишенной политической остроты. За все время своего второго княжения князь

Андрей был в Новгороде только два раза: в 1294 г. в связи с вокняжением и в 1301 г. в связи с походом новгородцев на только что построенный шведами Венец. Его приглашение в Новгород в 1294 г. произошло после получения ярлыка на великое княжение. В Новгороде от его имени правит его сын и наместник Борис Андреевич, упомянутый в летописи под 1299 г.

Напротив, весь конец княжения предшественника Андрея князя Дмитрия Александровича наполнен ожесточенной борьбой, которая прямо касается республиканской организации. В 1286 г. «на зиму отьяша посадничество у Смена и даша Андрею Климовичу, а тысячкое отьяша у Ивана и даша Андреяну Олферьевичу». На следующий год «бысть мятежь велик в Новгороде на Смена Михайловича: вьста на него весь Новьгород без исправы, поидоша на него из всех концов, яко сильная рать, всякыи в оружии, силою великою; жалостно видение. И тако поидоша на двор его, взяша весь дом его с шюмом. Симеон прибежа к владыце, и владыка провади его в святую Софею, и тако ублюде Бог, и заутра снидошася в любовь. Симеон же по мале дни разболеся болезнью; лежа неколко днии, преставися месяца июля в 16, на память святого Тихона в понедельник»¹.

О принадлежности Семена Михайловича к славенскому боярству выше уже говорилось. Что касается Андрея Климовича, то существуют основания связывать его с прусским боярством. Его брат Семен в 1305 г. поставил «церковь камену на градных воротех от Прусской улицы»². Внешне конфликт 1286 г. может рассматриваться как внутрибоярское столкновение, в ходе которого прусская группировка одержала победу над славенской. Однако события 1287 г. обнажают более серьезные основания конфликта. Против Семена Михайловича сплотились все концы Новгорода.

Новая вспышка борьбы отмечена в начале 1291 г. В конце февраля или начале марта³ «отьяша новгородци посадничество у Андрея Климовича и даша Юрию Мишиничу»⁴. 3 апреля⁵ на Владычном дворе был убит Самуил Ратшинич. «Новгородци же съзвониша вече у святей Софеи и у святого Николы, снидошася в доспесе, взяша улицу Прусскую и дома их разграбиша, пожгоша улицу всю; и церковь святых Богородица сгоре»⁶. Снова как будто всего лишь

---

¹ НПЛ. С. 326. В действительности Семен Михайлович умер 16 июня, которому соответствует день св. Тихона и понедельник в 1287 г.

² Там же. С. 92, 332.

³ «Великое говение, исходящу лету 8-му».

⁴ НПЛ. С. 326.

⁵ «Того же говения, на похвалной недели вторник». Пасха в 1291 г. была 22 апреля, а вторник похвальной недели приходился на 3 апреля.

⁶ НПЛ. С. 326.

внутрибоярское столкновение, на этот раз увенчавшееся победой неревского боярства над прусским. Однако знакомство с последующей сменой посадников позволяет увидеть в событиях княжения Дмитрия иной смысл и связывать их с созданием новых форм государственной организации, которые для времени Андрея Александровича стали вполне устойчивыми.

Прежде всего обращает на себя внимание точная дата перехода посадничества от Андрея Климовича к Юрию Мишиничу. Эта дата падает на самый конец мартовского 6798 г. Вече, давшее посадничество Юрию Мишиничу, отдает также ладожское посадничество сыну Семена Михайловича Матвею (Семен также был ладожским посадником, о чем сообщалось под 1280 г.). Деятельность вече направлена к организации власти.

Та же календарная дата вновь появляется спустя три года, в рассказе о событиях 1294 г., и снова она связана с изменениями в посадничестве. В начале 1294 г. во время конфликта Андрея Александровича, получившего ярлык на великое княжение, с Дмитрием Александровичем, не желавшим уступать ему великокняжеский стол, новгородцы «с Семеном Климовичем» посылают за князем Андреем, который сел на новгородском столе «в неделю сыропустную». Поскольку пасха в 1294 г. приходилась на 18 апреля, сыропустная неделя в этом году была 22—28 февраля. Следовательно, в конце мартовского 6801 г. посадником в Новгороде был Семен Климович. Однако далее летописец сообщает: «Того же говенья князь Андрей с посадником Андреем и с вятшими мужи иде в Торжок Дмитриа перемимать»⁷. Отсюда следует, что смена посадничества осуществилась или в самом конце мартовского 6801 г., или в самом начале мартовского 6802 г.

В данном случае не может быть и речи о смене посадников в результате борьбы, поскольку Семена Климовича заменил его родной брат Андрей. Это обновление должности, получившее регулярный характер, связанное с истечением срока посадничества и вечевым решением. Сделанное здесь наблюдение вступает в связь с сообщением на столетие более поздним, но вполне отвечающим порядку, проявившемуся в рассмотренных обстоятельствах. Имеется в виду сообщение Гильбера де Ланнуа о новгородской администрации начала XV в.: «И есть в городе два должностных лица — тысяцкий и посадник, которые являются правителями Новгорода. Эти правители обновляются из года в год. И эти правители действуют в пользу владыки и сеньоров города»⁸.

На регулярный переход должности посадника от одного боярина к другому в 90-х гг. XIII в. указывает и еще одно обстоятельство. Как мы уже видели, в 1291 г. посадничество получил Юрий Мишинич. Между тем в 1293—1294 гг. оно снова принадлежало представителю прусского боярства Семену Климови-

⁷ НПЛ. С. 328.

⁸ Государство все нам держати. М., 1985. С. 443.

чу. Более того, Семен стал посадником уже в 1292 г., как это следует из донесения ганзейских послов о результатах их посольства в Новгород 26 марта 1292 г.: переговоры, подробно описанные в донесении, ведутся между немцами и «Сименом, олдерменом новгородским»⁹. Можно было бы предполагать, что приход Семена к власти осуществился в результате борьбы и насильственного устранения Юрия, однако и во время посадничества Семена Климовича Юрий Мишинич принимает деятельное участие в государственных делах, возглавляя вместе с тысяцким Андреем Олферьевичем поход на шведов весной 1294 г.¹⁰ Продолжим, однако, рассмотрение данных о принадлежности посадничества в последующие годы. Избранный на посадничество в начале 1294 г. Андрей Климович остается посадником в течение всего 1294 г. После поездки в Торжок он возвращается в Новгород¹¹. Под тем же годом посадник Андрей Климович упомянут в надписи на известной Липинской иконе: «В лето 6802, при князи Андреи Александровиче и при архиепископе Клименте и при посаднице Андреи Климовичи написана бысть икона сия, повелением и стяжанием раба Божия Николы Васильевич...»¹² Еще раз этот посадник назван в летописи под 1299 г. в рассказе о погребении архиепископа Климента и избрании Феоктиста¹³. Судьба его в ближайшие последующие годы не освещена, однако под 1303 г. летописец сообщает: «Отъяша посадничество у Семена Климовича и даша брату его Андрею»¹⁴. Некоторую ясность в освещение этих фрагментарных сведений вносят акты рубежа XIII—XIV вв.

К 1301 г. относится договорная грамота Новгорода с Любеком, Готским берегом и Ригой¹⁵, одним из авторов которой является посадник Семен. В следующем по времени документе — грамоте Новгорода советникам датского короля, составленной в 1302 г.¹⁶, посадником назван снова Андрей. В 1304 г. «отъяша посадничество у Семена Климовича и даша брату его Андрею»¹⁷. В 1305 г. посадничество принадлежало Юрию Мишиничу¹⁸.

Изложенные материалы позволяют предположить существенную реорганизацию посадничества около рубежа XIII—XIV вв. Поначалу изменений как будто

⁹ LUB. I, № DXLVI. С. 682—685.

¹⁰ НПЛ. С. 328.

¹¹ Там же.

¹² Новгородский музей, инв. № 7578. *Смирнова Э. С.* Живопись Великого Новгорода. Середина XIII — начало XV в. М., 1976. С. 171, № 5.

¹³ НПЛ. С. 90, 330.

¹⁴ Там же. С. 91.

¹⁵ ГВНП. С. 63, № 34.

¹⁶ Там же. С. 64, № 35.

¹⁷ НПЛ. С. 91.

¹⁸ ГВНП. С. 15—16, № 6, 7.

не наблюдается, и судьбу переходов посадничества от одного лица к другому возможно изобразить так:

1286—1291 гг. Андрей Климович
 1291— Юрий Мишинич
 1292—1293 гг. Семен Климович
 (1294—1299 гг.) Андрей Климович

Однако далее начинается нечто необычное, а именно ежегодный переход посадничества от одного родного брата к другому. В 1301 г. посадничает Семен Климович, в 1302 г. — Андрей Климович, в 1303 г. — снова Семен, коль скоро в следующем, 1304 г. его снова сменяет Андрей, но уже в 1305 г. посадником становится Юрий Мишинич ¹⁹.

Соединение всех этих данных с высказанным выше предположением о регулярной смене посадников в конце февраля каждого года дает следующую таблицу:

— февраль 1291 г.	Андрей Климович
февраль 1291 — февраль 1292 г.	Юрий Мишинич
февраль 1292 — февраль 1293 г.	Семен Климович
февраль 1293 — февраль 1294 г.	Семен Климович
февраль 1294 — февраль 1295 г.	Андрей Климович
февраль 1295 — февраль 1296 г.	?
февраль 1296 — февраль 1297 г.	?
февраль 1297 — февраль 1298 г.	?
февраль 1298 — февраль 1299 г.	?
февраль 1299 — февраль 1300 г.	Андрей Климович ²⁰

¹⁹ Можно было бы усомниться в справедливости отнесения в Синодальном списке Новгородской Первой летописи фразы «Отъяша посадничство у Семена Климовича и даша брату его Андрею» к 6811 г., предполагая, что она относится к 6809 г., когда именно такая замена Семена Андреем фиксирована актами. Эта фраза, как и следующее за ней сообщение о сооружении церковей имеется только в Синодальном списке и отсутствует в рукописях Новгородской Первой летописи младшего извода. Однако Новгородская Четвертая летопись, полностью игнорируя годовой рассказ 6811 г. Синодального списка, сообщает об упомянутом сооружении церковей, демонстрируя тем самым наличие особого протографического источника сообщения 6811 г., который, не будучи привлечен сводчиком Новгородской Первой летописи младшего извода, отразился, однако, в Синодальном списке и в Новгородской Четвертой летописи.

²⁰ Андрей Климович упомянут в летописи как посадник под 1299 г. в связи со смертью Климента и избранием Феоктиста. Климент умер 22 мая 1299 г.; следовательно, посадничеству Андрея принадлежал именно тот срок, который начинается в феврале 1299 г., а не предыдущий срок, конец которого падает также на 1299 г.

февраль 1300 — февраль 1301 г.	Семен Климович
февраль 1301 — февраль 1302 г.	Андрей Климович
февраль 1302 — февраль 1303 г.	Семен Климович
февраль 1303 — февраль 1304 г.	Андрей Климович
февраль 1304 — февраль 1305 г.	Юрий Мишинич

Несмотря на фрагментарность, эта таблица подтверждает высказанное предположение о начавшемся около 1291 г. регулярном обновлении посадничества. В неслучайности такого обновления особенно убеждает переход посадничества в 1299—1304 гг. от Андрея Климовича к Семену Климовичу и обратно. Такая частая смена посадников, если бы она не была следствием определенно-го преобразования этого органа, должна была бы свидетельствовать о крайне ожесточенной борьбе претендентов, которые к тому же являются родными братьями. Между тем источники не содержат даже намека на подобную борьбу.

Таблица позволяет сделать еще один весьма важный вывод. Мы видим, что, несмотря на ежегодное обновление, посадничество в течение всего рассматриваемого периода вращается в тесном кругу нескольких лиц. Два брата Климовича и Юрий Мишинич составляют как бы некую группу бояр, владевших правом быть избранными в посадники. Процесс ежегодного обновления должности не подчинен какой-либо регулярной очередности; одни бояре избираются сравнительно редко, другие чаще, но всякий раз речь идет все о тех же лицах — двух братьях Климовичах и Юрии Мишиниче. Мы, к сожалению, не знаем, кому принадлежало посадничество в 1295—1298 гг., что в общей сложности составляет четыре годичных срока. Однако, обратившись к спискам посадников, мы в соответствующих местах текста прочтем имена только этих трех бояр. Цитируем по Списку А: «(47) Андреико, (48) Юрий, (49) Семен». Вслед за ними в Списке А назван посадником Варфоломей, становящийся известным другим источникам начиная лишь с 1323 г. Правда, ниже нам придется отметить некоторую неполноту Списка А в рассматриваемом месте; но и Список Б полнее лишь на одно имя, он называет еще Михаила Павшинича. Этот последний получил посадничество в начале 1310 г., а в начале 1312 г. его сменил Семен Климович²¹. Отметим, что и в том и в другом случае смена посадников происходит в традиционный срок, приходящийся на конец мартовского года. Содержащая сведения о начале и конце посадничества Михаила Павшинича Новгородская Первая летопись старшего извода, которая в соответствующем месте придерживается мартовского цикла, помещает оба сообщения среди событий, завершающих рассказы 6817 и 6819 гг. Точно так же и сообщение об избрании посадником Семена Климовича в 1316 г. помещено в конце рассказа о событиях мартовского 6823 г., после рассказа о битве 10 февраля 1316 г.²²

²¹ НПЛ. С. 92—93.

²² Там же. С. 95, 337.

На этой битве необходимо остановиться особо, поскольку в ней погибли трое из известных нам бояр, бывших посадниками на рубеже XIII—XIV вв.: Андрей Климович, Юрий Мишинич и Михаил Павшинич. Контекст рассказа 6823 г. заставляет предположить существование еще одного — пятого — боярина, входящего в группу лиц, имевших право быть избранными в посадники. Дело в том, что ни один из трех убитых под Торжком 10 февраля 1316 г. известных нам бояр в момент гибели не был посадником. Летопись пишет о них как о боярах, не облеченных высшей государственной должностью: «Избиша много добрых муж и бояр новгородских: ту убиша Андрея Климовича, Юрья Мишинича, Михаила Павшинича, Силвана, Тимофея Андреянова сына тысяцкого, Онанью Мелуева, Офонаса Романовича и купец добрых много, а иных новгородцев и новоторжцев Бог весть». Будь один из убитых посадником, вряд ли он потерялся бы в бессистемном перечислении прочих бояр и «добрых муж». С другой стороны, четвертый боярин, входивший в элиту, — Семен Климович получил посадничество только в конце февраля, уже после битвы под Торжком. Следовательно, и он не был посадником в 1315 — начале 1316 г. Отсюда вполне закономерное предположение о принадлежности посадничества в указанное время какому-то пятому боярину, не известному нам по имени.

Это предположение в известной степени подтвердится, если поставить вопрос о составе той боярской верхушки, из числа которой на рубеже XIII—XIV вв. избирались посадники. Юрий Мишинич хорошо известен нам как неревский боярин. Помимо прослеживаемой разными способами принадлежности к Неревскому концу его потомков, на тесную связь его с этим концом указывает и место погребения Юрия Мишинича, похороненного в церкви Сорока мучеников на Щеркове улице²³, которая известна, между прочим, как место вечевых собраний жителей Неревского конца.²⁴ Ясна принадлежность и братьев Климовичей, один из которых — Семен — построил в 1305 г. церковь на воротах Детинца, ведущих к Прусской улице. Прусскую улицу, таким образом, представляют два боярина, что кажется в достаточной степени закономерным, поскольку Прусская улица была стержнем, к которому примыкали два конца — древний Людин (он же Гончарский) и Загородский. Последний представляется в высшей степени искусственным новообразованием. В отношении территории и населения Загородский конец является по существу фикцией. В его границы входит обширное пустопорожнее место, занятое на планах XVIII в. огородами и оконтуренное с одной стороны Прусской, а с другой — Чудинцевой улицей, частично входившей в Неревский

²³ НПЛ. С. 355.

²⁴ Там же. С. 58, 259: «...и възвониша у святого Николы ониполовици церес ночь... а Неревский коньць у Святых 40...» (под 6726 г.).

конец ²⁵. Выделение Загородья в особый конец фактически тождественно выделению в особый конец Прусской улицы, а такое выделение могло понадобиться прусскому боярству не раньше, чем возник вопрос о представительстве в государственной элите. Существование двух братьев среди кандидатов на посадничество говорит о том, что прусское боярство действительно опиралось на два конца Софийской стороны. Что касается Михаила Павшинича, то деятельностью и принадлежностью его потомков, среди которых было несколько посадников, он прочно связывается с Плотницким концом. Предполагая существование еще одного — пятого — боярина, мы имеем возможность связывать его со Славенским концом, представитель которого в данной ситуации нам еще неизвестен.

В этой связи особенно важно то обстоятельство, что на протяжении деятельности Юрия Мишинича (1291—1316 гг.) не существует какого-либо другого посадника, который мог бы быть связан с Неревским концом; на протяжении деятельности братьев Климовичей (1286—1316 гг.) не существует какого-либо третьего посадника, которого можно было бы связать с представительством от Прусской улицы, т. е. от Людина и Загородского концов. Нам также неизвестен в рассматриваемое время какой-либо другой посадник, кроме Михаила Павшинича, которого можно было бы связать с представительством от Плотницкого конца. Это дает уверенность, что предположенная организация правящей элиты, связанная с представительством от концов, предусматривала создание для некоторых лиц пожизненных преимущественных прав быть избранными на должность посадника. Если ранее пожизненным было само посадничество, то теперь, когда посадничество стало срочным, пожизненным становится представительство от конца, утверждавшееся, по-видимому, решением кончанского веча.

Связывая этот вывод с изложенными выше наблюдениями о существовании уже в середине XIII в. особого государственного органа, состоящего из «державших волость» бояр, мы тем самым предполагаем существование в Новгороде конца XIII в. особого государственного совета пяти представителей городских концов, из числа которых — и только из их числа — ежегодно на общегородском вече избирался новый посадник. Отметим, что именно в это время западные источники начинают упоминать новгородский «Совет господ» (*den herren rad*), самое раннее свидетельство о котором относится к 1292 г. ²⁶. Обновление посадничества в этот период не было связано с регулярной очередностью, в

²⁵ Ранняя принадлежность Чудинцевой улицы к Неревскому концу ясна из описаний пожаров. В 1340 г. «погоре Неревский конец даже и до святого Якова, а семо и до Чюдинцеве улици» (НПЛ. С. 351). Мнение о позднем происхождении Загородского конца было еще в середине XIX в. высказано И. И. Красовым (*Красов И. О местоположении древнего Новгорода. Новгород, 1851. С. 22, 27—29*).

²⁶ LUB, I. С. 682.

силу которой высшая государственная должность переходила бы от представителя одного конца к представителю другого конца в определенном порядке. Что касается принципа пожизненного представительства, подтвердить его возможно наблюдениями над датами появления новых посадничьих имен. Если такой принцип действительно существовал, новые члены элиты могли появляться лишь после смерти своих предшественников, а их количество не могло превосходить обязательной нормы представительства.

Одновременное существование в таком представительстве двух братьев Климовичей, защищавших интересы Прусской улицы, является первым достоверным свидетельством организации Загородского конца как самостоятельной административной единицы, вызванной к жизни самим преобразованием правящего органа республики, которое существующими свидетельствами может быть датировано временем около 1291 г.

Если все эти наблюдения верны, то становится достаточно ясной причина тех политических столкновений, которыми наполнены 1280-е гг. Вступив в решительную фазу борьбы с князем за укрепление республиканских органов, боярство Новгорода приходит к серьезному сплочению и создает представительный государственный орган, в котором организованы условия защиты интересов разных боярских группировок. С другой стороны, сама форма этого органа могла быть выработана только в ходе внутрибоярской политической борьбы вокруг вопроса о характере и нормах представительства. Отсутствие обязательной очередности представителей концов в посадничестве само по себе чревато неизбежными столкновениями в будущем. Само посадничество всякий раз отражает общую расстановку сил во внутрибоярской борьбе. Поэтому схема организации посадничества в том виде, как она сложилась на рубеже XIII—XIV вв., на наш взгляд, не может отражать полной консолидации боярства. В частности, несомненные преимущества боярства Софийской стороны, представители которой на протяжении 1291—1305 гг. владели по крайней мере десятью годичными сроками из пятнадцати, по-видимому, являются результатом организованной Прусской улицей в 1286—1287 гг. решительной победы над славенским посадником Семеном Михайловичем и победы неревского боярства над прусским в 1291 г., которая, как это показывает дальнейшая судьба посадничества, завершилась компромиссом между двумя группировками Софийской стороны за счет Торговой стороны.

ОБЩИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В КОНЦЕ XIII в.

Проследив важные новшества в организации посадничества, мы, разумеется, не можем сводить к ним ту «старину и пошлину», которая докончаниями XV в. связывается с крестоцелованием Андрея Александровича. Организация предста-

вительного и срочного посадничества могла быть только частью коренных преобразований государственной власти, предпринятых в рассматриваемое время.

Существуют весьма серьезные основания ставить и решать вопрос о характере этих преобразований. Вполне несомненным должен быть вывод о том, что они касаются прежде всего отношений князя и республиканских органов, поскольку самое их существование зафиксировано dokonчальными грамотами. Между тем новая организация посадничества сама по себе не затрагивает существа этих отношений. К концу XIII в. посадничество как республиканский орган существует уже около двух столетий и его организация подлежит только республиканской юрисдикции.

Подходя к поставленной проблеме с точки зрения отношений князя и города, мы должны согласиться также и с выводом о том, что преобразования конца XIII в. не затронули общей схемы великокняжеского суверенитета над Новгородом. Эта схема, хорошо известная в XIV—XV вв., складывается еще в середине XIII в. Следовательно, преобразования отношений с князем могли касаться только объема княжеской власти внутри Новгорода, вопроса о размерах и характере княжеской юрисдикции и доходов.

Попытки решать поставленную проблему именно в такой плоскости тем более закономерны, что наши источники неизбежно заставляют противопоставлять объем княжеской власти эпоха расцвета в XIV—XV вв. объему княжеской власти во второй половине XII — XIII в. Действительно, для княжеской власти раннего времени характерно обладание органами исполнительной власти. Находясь под постоянным контролем посадника, князь, однако, остается главным лицом в суде. Безраздельное преобладание княжеских печатей в новгородском сфрагистическом материале второй половины XII и XIII в. представляет княжескую власть верховным исполнительным органом, в компетенцию которого входит утверждение всех актов, а к числу последних относятся не только судебные приговоры, но и имущественные и поземельные сделки, документы, регулирующие торговые конфликты и т. д. С другой стороны, источники XV в. иначе изображают объем княжеской исполнительной власти. Они фиксируют распределение юрисдикции между тремя судами, одним из которых был сместной суд посадника и князя (или княжеского наместника), другим — суд тысяцкого, третьим — суд владыки. Мы не называем здесь монастырских судов, которые, являясь элементом иммунитета монастырей, не принадлежали к верховным судебным органам государства. Распределение юрисдикции между тремя указанными судами наиболее четко отражено в договоре Новгорода с Казимиром IV (1471 г.): «А наместнику твоему судити с посадником во владычнем дворе, на пошлом месте, как боярина, так и житего, так и молодшего, так и селянина. А судити ему в правду, по крестному целованью, всех равно. А пересуд ему имати по новгородцкой грамоте по крестной, противу посадника; а оп-

ричь пересуда посула ему не взяти. А во владычень суд и в тысяцкого, а в то ся не вступати, ни в монастырские суды, по старине»²⁷.

В существовавшей литературе вопрос о времени возникновения этой схемы распределения юрисдикции, характерной для эпохи развитой боярской республики, не ставился, хотя его важность для общих выводов, касающихся периодизации новгородской истории, несомненна.

Принципы распределения юрисдикции между тремя государственными судами в XIV—XV вв. в общем ясны. Характер суда тысяцкого определяется целым рядом документов, важнейшим из которых является «Рукописание князя Всеволода», дошедшая до нас редакция которого выше отнесена именно к рубежу XIII—XIV вв. В ней характер юрисдикции тысяцкого определен следующим образом: «А яз князь великий Всеволод поставил есмь святому Ивану 3 старосты: от житых и от черных тысяцкого, а от купцев 2 старосты, управливати им всякаа дела торговаа Иваньскаа и гостинаа; а Мирославу посаднику в то не вступатися, ни иным посадником в Иваньское ни в чтоже, ни бояром новгородским»²⁸.

В предыдущей главе уже упоминались многочисленные печати «новгородских тиунов» — сотских Новгорода, участников суда тысяцкого. К настоящему времени известно 218 тиунских булл второй половины XIII — XV в. обычного типа (т. е. содержащих надпись «Печать *такого-то* тиуна новгородского»). Эти буллы оттиснуты 86-ю парами матриц. Кроме того известны 14 печатей от девяти пар матриц исходного типа середины 1260-х гг. (с изображением руки или совмещающих имя сотского и тысяцкого). Всего, таким образом, насчитывается 232 печати от 95 пар матриц. К этому следует добавить три печати старост «Плотницкого ста» (т. е. купеческих, «иваньских» старост)²⁹.

Печати тысяцких XIV—XV вв. сравнительно с буллами «новгородских тиунов» редки. Их известно только 39 от 30 пар матриц³⁰. Эта диспропорция представляется вполне закономерной: печать тысяцкого привешивалась к наиболее важным документам, тогда как рядовые акты скреплялись тиунскими буллами.

Сфрагистические материалы позволяют дать общую характеристику и владычного суда. Вне всякого сомнения, в его компетенцию входили все дела, касавшиеся церкви, религии и преступлений против морали, перечисленных в «Уставе Ярослава о судах святительских» и в «Митрополичьем правосудии».

²⁷ ГВНП. С. 130, № 77.

²⁸ НПЛ. С. 508.

²⁹ Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Актовые печати Древней Руси. Т. 3. С. 197, № 613в, 613г, 613д.

³⁰ Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси. Т. 1. С. 201—294, 241; Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Актовые печати Древней Руси. Т. 3. С. 195—197; Они же. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 2000 г. С. 192.

Однако наблюдения над буллами, сохранившимися при частных актах, включают в сферу деятельности владычного суда и все гражданское судопроизводство в той его части, которая касается имущественных отношений. Печатами владычных наместников скреплены все акты такого рода — двинские, важские и обонежские. Наличие владычной печати постоянно фиксируется и в списках с таких документов, где описание: «у грамоты печать свинчатая, а на ней воплощение Пречистые Богородицы, а назади крест» — обычно.

Печатей владык и владычных наместников XIV—XV вв. дошло до нашего времени громадное количество. Приведем цифры. Именных владычных печатей указанного времени известно 49, анонимных владычных печатей (с изображением Богородицы и креста) — 154, печатей новоторжских наместников архиепископа — 34, печатей ладожских наместников — 24; двинских наместников — 48³¹. Резкое преобладание наместничьих и анонимных владычных печатей над именными аналогично преобладанию «печатей новгородских тиунов» над буллами тысяцких.

Что касается посадничьих печатей, то в XIV—XV вв. они немногочисленны. В настоящее время известна лишь 41 именная посадничья печать этого времени. Оставляем пока в стороне многочисленные «печати Великого Новгорода», которые датируются временем не ранее 1410-х гг.

Вспомнив заметное обилие княжеских печатей XIII в., сравним эти цифры с позднейшими. Как уже отмечено, княжеские буллы XIII в. дошли до нас в следующем количестве:

Ярослав Всеволодович	(1215—1216, 1223—1224, 1226—1229, 1230—1236 гг.)	— 51 экз.
Александр Ярославич	(1236—1240, 1241—1263 гг.)	— 102 экз.
Ярослав Ярославич	(1264—1271 гг.)	— 25 экз.
Дмитрий Александрович	(1276—1281, 1283—1294 гг.)	— 55 экз.
Андрей Александрович	(1281—1283, 1294—1304 гг.)	— 23 экз.

Памятники княжеской сфрагистики XIV в., обнаруженные в основном в Новгороде, распределяются по княжениям следующим образом:

Михаил Ярославич	(1304—1318 гг.)	— 32 экз.
Юрий Данилович	(1318—1322 гг.)	— 17 экз.
Дмитрий Михайлович	(1322—1325 гг.)	— 4 экз.
Александр Михайлович	(1326—1327 гг.)	— 2 экз.
Иван Данилович	(1328—1341 гг.)	— 17 экз.

³¹ См. соответствующие разделы в своде «Актовые печати Древней Руси». Т. 2 и 3 и в дополнениях к нему «Древнерусские печати, зарегистрированные в 1997 г.» и в последующие годы.

Семен Иванович	(1341—1353 гг.)	— 19 экз.
Иван Иванович	(1353—1359 гг.)	— 23 экз.
Дмитрий Константинович	(1359—1362 гг.)	—
Дмитрий Иванович	(1362—1389 гг.)	— 26 экз.
Василий Дмитриевич	(1389—1425 гг.)	— 23 экз.

236 княжеским печатям XIII в. противостоит 163 княжеских печати XIV — первой четверти XV в. Падение количества булл не очень большое, однако, если учесть новые сфрагистические разряды печатей посадников, тысяцких, новгородских тиунов, владычных наместников, в целом противостоящих княжеской булле, то место княжеских печатей оказывается весьма скромным. Это соотношение соответствует характеру распределения юрисдикции между князем и республиканскими органами управления. Возникновение новых сфрагистических разрядов является важнейшим свидетельством этого перераспределения юрисдикции и нового, самого существенного за все время развития республиканских органов, ограничения княжеской власти. Из ведения княжеского аппарата изъяты в пользу республиканского судопроизводства важнейшие вопросы, связанные с земельной и другой собственностью новгородцев и с новгородской торговлей.

С момента такого ограничения княжеской власти Новгородское государство приобретает фактическое республиканское устройство на место той шаткой системы двоевластия, которая сложилась в нем в XII в. Вполне понятно, что создание республиканской государственности в том виде, который стал характерен для XIV в., сопровождается организацией новых форм государственной власти, образованием новых органов и целой разветвленной системы государственного аппарата, в которой нашли место и сотские, и купеческие старосты, и многочисленные наместники архиепископа и в которой князь, оставаясь носителем суверенитета над Новгородом, в делах внутреннего управления жестко ограничен.

Занимаясь сравнением общего количества печатей основных административных разрядов, мы пока не ставили вопрос о точной дате появления этих разрядов. Между тем очевидно, что путь сфрагистической хронологии является в то же время и путем открытия даты тех государственных преобразований, о которых здесь идет речь. Вполне понятно, что момент появления печатей «новгородских тиунов» является в то же время датой возникновения торгового суда тысяцкого, а момент появления печатей владычных наместников — датой возникновения владычного суда в его новом значении. Эти даты могут быть установлены, хотя подавляющее большинство известных нам печатей не сохранилось при грамотах, а найдено в земле при случайных обстоятельствах.

Большинство новгородских тиунских печатей датируется XIV веком, на который указывают технические особенности кружков, утративших характерный для

XIII в. острый гурт, а также присущее буллам XIV в. отсутствие изображений и палеографическое сходство надписей с надписями именных владычных и посадничьих печатей и т. д. Все тиунские печати происходят из находок в земле, однако для древнейших из них (с изображением руки) выше уже установлено время их бытования в середине 1260-х гг. Что касается основной массы булл этого разряда, для датировки самых ранних из них важны обстоятельства находки двух булл с именем новгородского тиуна Каллиста, обнаруженных при раскопках на Неревском конце. Одна из них найдена в слоях с дендрохронологической датой 1268—1281 гг.; другая — в слое с дендрохронологической датой — 1281—1299 гг.³², что свидетельствует об отсутствии разрыва между ранней группы с изображением руки и массой тиунских булл основного типа.

Материалов для датировки древнейших экземпляров печатей владычных наместников гораздо больше. Очень важны для этой цели печати ладожских и новоторжских наместников. Древнейшая новоторжская печать, стоящая в начале непрерывного хронологического ряда таких булл, датируется изображением на ней св. Давида, патрона архиепископа Давида (1308—1324 гг.); древнейшая ладожская печать датируется по изображению на ней св. Климента, патрона архиепископа Климента (1273—1299 гг.)³³. Самые архаичные из анонимных владычных печатей (булл новгородских наместников архиепископа) несут на себе изображения Богоматери, наиболее близкое изображениям на именных буллах Климента и Феоктиста (1300—1308 гг.).

Мы наблюдаем, таким образом, совпадение ряда дат, определяющих время возникновения явлений, родственных по своему характеру. Как уже отмечено, позднейшие акты ссылаются на dokonчание Андрея Александровича как на прецедентный документ, в котором закреплены новые формы отношений между князем и Новгородом. В начале 1290-х гг. посадничество преобразуется в обновляемый ежегодно представительный орган. Ко времени архиепископа Климента относятся первые свидетельства возникновения особой организации владычных наместников, которые, судя по более поздним материалам, связаны с гражданским судом владыки. Наконец, в тот же период в Новгороде проявляется особый интерес к конституированию торгового суда, который проявился в возникновении компиляции «Устав Всеволода» и фальсификата «Рукописание Всеволода», хотя признаки активного функционирования торгового суда проявляются уже в середине 1260-х гг.

Эти совпадения ведут к неизбежному выводу о коренном преобразовании республиканских органов управления и решительном ограничении княжеской власти в конце XIII в. 1290-е гг. оказываются важнейшим историческим рубе-

³² Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси. Т. 2. С. 208, № 632-2, 632-3.

³³ Там же. С. 185—186. № 521, 523—526.

жом, который отделяет развитую республиканскую организацию Новгорода от длительного предшествующего периода двоевластия республики и князя. По существу эти преобразования знаменуют окончательную победу новгородского боярства над княжеской властью. Самой существенной особенностью развития новгородской государственности в последующий период является безусловная номинальность княжеской власти, безраздельное господство боярства во внешней и внутренней политике.

Следует особо отметить, что преобразование республиканских органов в конце XIII в. произошло после того, как на протяжении всего XIII в. в Новгороде осуществлялась именно та тенденция, которая легла в основу этих преобразований. Оформлению представительного посадничества предшествовали менее определенные формы организации «вятишего» боярства, также основанные на кончанском представительстве. Какие-то формы независимости торгового суда от княжеского управления были декларированы еще в первой четверти XIII в. при князе Всеволоде Мстиславиче. Государственные реформы конца XIII в. являются поэтому результатом длительных процессов, наполнявших политическую жизнь Новгорода на протяжении многих десятилетий ³⁴.

---

³⁴ А. А. Горский неправомерно приписал мне стремление свести процесс возникновения новых форм республиканской организации Новгорода ко времени княжения Андрея Александровича (*Горский А. А. К вопросу об этапах складывания республиканского строя в Новгороде // Нормы у источника Судьбы. М., 2001. С. 70—78*). Как сегодня, так и сорок лет тому назад конец XIII в. представлялся мне лишь финальным этапом длительного процесса, активизировавшегося во времена княжения Ярослава Ярославича.

Глава 6

ПОСАДНИКИ XIV — НАЧАЛА XV в. И ОФОРМЛЕНИЕ КОЛЛЕКТИВНОГО ПОСАДНИЧЕСТВА

Сделанные выше наблюдения заставляют различать две стороны новгородского посадничества XIV в. Посадничество как таковое в этот период сохраняет древнюю форму единоправия. Его срок ограничен и регламентирован, однако организация республиканской власти еще не связана с существованием степенного посадника и старых посадников. С другой стороны, эта организация уже содержит в себе прообраз будущих классических республиканских порядков, поскольку посадник является представителем не только своей собственной боярской группы, но и общегородского боярского совета, образовавшегося из представителей всех концов Новгорода. Выборы посадника на определенный непродолжительный срок являются лишь дополнением к другим выборам, в ходе которых представители концов получали пожизненные полномочия и права преимущественного избрания в посадники. Посадничество вращается в замкнутом кругу кончанских представителей. И проникновение внутрь этого круга новых лиц обусловлено в каждом случае физической или политической смертью одного из членов правящей элиты.

По существу этот порядок уже содержит в себе противопоставление степенного посадника старым посадникам, но пока степенной посадник называется просто посадником, а старые посадники не носят никакого титула. Во всяком случае мы должны строго различать посадничество и кончанское представительство в посадничестве. Иной боярин, став членом элиты после смерти своего предшественника, мог сделаться посадником лишь спустя несколько лет после того, как он получал преимущественное право быть избранным на высшую должность, поскольку, как уже отмечено, регулярной очередности представителей концов в получении посадничества не существовало. Теоретически вполне возможен случай, когда какой-либо кончанский представитель так и не становится посадником. Вполне понятно, что при исключительной фрагментарности известий о посадниках XIV в. нам не удастся изобразить переход посадничества от одного деятеля к другому в виде обычной хронологической таблицы.

Следует воспользоваться синхронистическими таблицами, на которых найдут отражение и редкие сведения о посадниках, и хронологические рамки сосуществования кончанских представителей в посадничестве (см. табл. 2). Имена кончанских представителей мы показываем обычным шрифтом; те же имена показаны курсивом под датами, которые известны как годы посадничества их носителей; эти имена выделены полужирным шрифтом под датами смерти кончанских представителей. В таблице обобщены сведения по 1316 г.

Таблица 2

Посадничество 1300—1316 гг.

	<i>Людин и Загородский</i> концы	<i>Неревский</i> конец	<i>Плотницкий</i> конец	<i>Славенский</i> конец
1300	<i>Андрей Климович</i> Семен Климович	Юрий Мишинич	?	?
	Андрей Климович <i>Семен Климович</i>	Юрий Мишинич	?	?
1301	<i>Андрей Климович</i> Семен Климович	Юрий Мишинич	?	?
	<i>Андрей Климович</i> Семен Климович	Юрий Мишинич	?	?
1302	<i>Андрей Климович</i> Семен Климович	Юрий Мишинич	?	?
	Андрей Климович <i>Семен Климович</i>	Юрий Мишинич	?	?
1303	<i>Андрей Климович</i> Семен Климович	Юрий Мишинич	?	?
	<i>Андрей Климович</i> Семен Климович	Юрий Мишинич	?	?
1304	<i>Андрей Климович</i> Семен Климович	Юрий Мишинич	?	?
	Андрей Климович Семен Климович	<i>Юрий Мишинич</i>	?	?
1305	<i>Андрей Климович</i> Семен Климович	<i>Юрий Мишинич</i>	?	?
	Андрей Климович Семен Климович	Юрий Мишинич	?	?
1306	<i>Андрей Климович</i> Семен Климович	Юрий Мишинич	?	?
	Андрей Климович Семен Климович	Юрий Мишинич	?	?
1307	<i>Андрей Климович</i> Семен Климович	Юрий Мишинич	?	?
	Андрей Климович Семен Климович	Юрий Мишинич	?	?
1308	<i>Андрей Климович</i> Семен Климович	Юрий Мишинич	?	?
	Андрей Климович Семен Климович	Юрий Мишинич	?	?
1309	<i>Андрей Климович</i> Семен Климович	Юрий Мишинич	?	?
	Андрей Климович Семен Климович	Юрий Мишинич	?	?
1310	<i>Андрей Климович</i> Семен Климович	Юрий Мишинич	?	?
	Андрей Климович Семен Климович	Юрий Мишинич	<i>Михаил Павшинич</i>	?
1311	<i>Андрей Климович</i> Семен Климович	Юрий Мишинич	<i>Михаил Павшинич</i>	?
	Андрей Климович Семен Климович	Юрий Мишинич	<i>Михаил Павшинич</i>	?
1312	<i>Андрей Климович</i> Семен Климович	Юрий Мишинич	<i>Михаил Павшинич</i>	?
	Андрей Климович <i>Семен Климович</i>	Юрий Мишинич	Михаил Павшинич	?
1313	<i>Андрей Климович</i> Семен Климович	Юрий Мишинич	Михаил Павшинич	?
	Андрей Климович Семен Климович	Юрий Мишинич	Михаил Павшинич	?
1314	<i>Андрей Климович</i> Семен Климович	Юрий Мишинич	Михаил Павшинич	?
	Андрей Климович Семен Климович	Юрий Мишинич	Михаил Павшинич	?
1315	<i>Андрей Климович</i> Семен Климович	Юрий Мишинич	Михаил Павшинич	?

Андрей Климович	Семен Климович	Юрий Мишинич	Михаил Павшинич	?
1316 Андрей Климович	Семен Климович	Юрий Мишинич	Михаил Павшинич	?
	Семен Климович			?

ПОСАДНИКИ 1316—1346 гг.

Свидетельства документов, бывшие весьма отрывочными для начала XIV в., после 1316 г. становятся еще менее удовлетворительными. Новое посадничье имя сообщает впервые только договор Новгорода с Ливонским орденом, составленный в 1323 г.¹ В этом документе посадником назван Олфромей, т. е. Варфоломей.

Имя посадника Варфоломея названо также в известном Ореховецком договоре Новгорода со Швецией, датированном 12 августа 1323 г.², и в договоре Новгорода с Норвегией 3 июня 1326 г.³ Летописные данные дополняют сведения об этом посаднике. Он упомянут под 1331 г., когда летописец повествует о встрече в Новгороде архиепископа Василия в день св. Потопия (8 декабря) после его поставления: «И рада быша новгородци своему владыце, а при князе Иване, при посаднике Валфромей, при тысяцком Остафьи»⁴. Под той же датой о посадничестве Варфоломея, названного в немецком тексте Олферием, сообщается в донесении Немецкого двора Рижскому магистрату о ссоре новгородцев с немецкими гостями 10 ноября 1331 г.⁵ Скончался Варфоломей в 1342 г., и летописный рассказ о его смерти сообщает о происхождении этого посадника: «Месяца октября преставися раб Божии Валфромей, посадник новгородчкый, сын Юрия Мишинича, на память святых мученик Маркияна и Мантурия, в 25; и положиша тело его у Святых 40 в отне гробе владыка Василии с игумены и с попы»⁶. Отчество Варфоломея Юрьевича указано также в летописи под 1334 г.⁷ и в Списке Б.

Происхождение Варфоломея от Юрия Мишинича позволяет установить те хронологические рамки, в которых осуществлялась активная политическая деятельность Варфоломея. Юрий Мишинич был убит в 1316 г., когда в новгородской элите таким образом открылась вакансия на место представителя Неревского конца в посадничестве. Упоминание сына Юрия Мишинича как посадника уже через несколько лет после гибели Юрия, по-видимому, указывает, что

¹ ГВНП. С. 65, № 37.

² Там же. С. 67, № 38.

³ Там же. С. 69, № 39.

⁴ НПЛ. С. 344; ПСРЛ. Т. 4. С. 52; Т. 5. С. 219.

⁵ Чтения в Обществе истории и древностей Российских. 1893. Кн. 1. Отд. V. С. 1—8; Памятники истории Великого Новгорода / Под ред. С. В. Бахрушина. С. 8.

⁶ НПЛ. С. 355; ПСРЛ. Т. 4. С. 57.

Юрий в этом представительстве был сменен Варфоломеем. Рассказ о погребении Варфоломея приобретает в этом смысле символический характер: приемник Юрия похоронен в одном с ним гробу в церкви Сорока мучеников, бывшей местом вечевых собраний граждан Неревского конца. (В этом рассказе Варфоломей назван посадником, хотя, как увидим далее, он за несколько лет до смерти полностью отошел от политических дел.) В Списке А Варфоломей помещен непосредственно за посадником 1316 г. Семеном (Климовичем), однако это показание для нас, к сожалению, бесполезно, так как соответствующая часть списка реконструирована его составителем на основе летописного рассказа.

Материалы многолетних раскопок в Неревском конце установили принадлежность ряда исследованных там усадеб боярскому роду Мишиничей. В комплексе найденных при этих раскопках берестяных документов в слое, датированном 1300-ми — началом 1310 гг., была обнаружена грамота № 391, написанная Варфоломеем и содержащая его хозяйственные распоряжения ⁸.

Варфоломей Юрьевич представлял в посадничестве Неревский конец с 1316 г. Это, однако, вовсе не означает, что посадником он стал уже в 1316 г. Напротив, мы хорошо знаем посадника 1316 г., избранного сразу же после битвы при Торжке, — представителя Прусской улицы Семена Климовича. Умер Варфоломей в 1342 г. Это не означает, что до смерти он оставался посадником вопреки его титулованию при описании погребения. Владыка Василий хоронит его «с игумены и с попы»; участие игуменов указывает на то, что Варфоломей умер монахом. Существует интересное свидетельство, называющее его монашеское имя. В 1969 г. на Тихвинском раскопе, в котором продолжалось исследование комплекса усадеб Мишиничей, в слое первой трети XIV в. была обнаружена костяная иконка с изображением святых Георгия и Власия, заставившая вспомнить икону в собрании Русского музея, на которой изображен стоящий во весь рост св. Иоанн, а по сторонам его небольшие фигуры тех же, что и на костяной иконке, святых Георгия и Власия. Еще одна находка на Неревском раскопе — деревянная ложка с надписью «Еванова Варфоломеевича» познакомила исследователей с одним из сыновей Варфоломея Юрьевича и позволила цепочку имен «Иоанн — Власий — Георгий» сопоставить с цепочкой «Иван — Варфоломей — Юрий», полагая, что Власий стало монашеским именем Варфоломея ⁹.

⁷ НПЛ. С. 346.

⁸ Арциховский А. В. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1958—1961 гг.). М., 1963. С. 94—95.

⁹ Янин В. Л. Патрональные сюжеты и атрибуция древнерусских художественных произведений // Византия. Южные славяне и древняя Русь. Западная Европа. Искусство и культура. М., 1973. С. 267—271.

Весь этот пассаж был бы мало убедителен, если бы не существовало прямых свидетельств отхода Варфоломея от политической деятельности задолго до его кончины. Под 6840 г. Новгородская Первая летопись сообщает «В том же лете отъяша посадничество у Захарьи и даша Матфею Коске»¹⁰. Этой фразой завершён годовой рассказ, что свидетельствует о том, что изложенное событие относится к началу 1333 г. Матфей Варфоломеевич Коска был родным сыном Варфоломея Юрьевича и боярином Неревского конца. В первом издании настоящего исследования этот факт подвергался сомнению, однако исследование генеалогии Мишиничей подтвердило происхождение Матфея от Варфоломея Юрьевича¹¹. Летописное сообщение 6840 г. свидетельствует о том, что к началу 1333 г. представителем Неревского конца в посадничестве был уже не Варфоломей Юрьевич, а его сын Матфей Коска, хотя еще в 1334 г. Варфоломей участвует в дипломатическом посольстве (не титулуясь при этом посадником)¹².

В дальнейшем Матфей Варфоломеевич упоминается в летописи под 1340 г., когда новгородцы посылают его вместе с другими воеводами под Торжок против князя Семена Гордого¹³. В 1342 г., когда на Ваге был убит сын Варфоломея Юрьевича Лука, сын Луки «Онцифор с Матфеем созвони вече у святей Софеи», обвинив в гибели Луки посадника Федора Даниловича. Столкновение с посадником привело к тому, что Матфей с сыном Игнатом был схвачен, а Онцифор убежал, после чего, однако, «доконцаша мир межи ими»¹⁴. В 1345 г. «отъяша посадничество от Остафья Дворянина и даша посадничество Матфею Вальфомеевичю; Божиюю благодатью не бысть между ими лиха»¹⁵.

Других сообщений о Матфее Коске нет, но из изложенного очевидно, что по крайней мере с 1333 до 1345 г. он представлял в посадничестве Неревский конец.

В 1316 г. в правящей элите открылась вакансия не только для Варфоломея Юрьевича. Смерть Андрея Климовича и Михаила Павшинича, погибших 10 февраля вместе с Юрием Мишиничем, должна была повести к появлению новых представителей от Плотницкого конца и от Прусской улицы. По-видимому, около той же даты наметилась и вторая вакансия Прусской улицы, так как ее представитель Семен Климович, активная деятельность которого, начавшись в 1292 г., продолжалась уже четверть века, был далеко не молодым человеком. Во всяком случае в конце 1310-х и начале 1320-х гг. состав кончанских представителей, несом-

¹⁰ НПЛ. С. 345.

¹¹ Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина: Историко-генеалогическое исследование. М., 1981. С. 38—55.

¹² НПЛ. С. 346.

¹³ Там же. С. 352.

¹⁴ Там же. С. 355—356.

¹⁵ Там же. С. 358.

ненно, коренным образом обновляется. Список А после посадников, погибших в 1316 г., называет следующих лиц: «(50) Варфоломей, (51) Федор Ахмыл, (52) Захарья, (53) Матфей Коска, (54) Федор, (55) Остафья». Однако мы уже обнаружили зависимость этой части списка исключительно от летописного рассказа и не можем основывать на ней каких-либо независимых выводов. Поэтому нам следует обратиться к летописным и актовым свидетельствам, чтобы познакомиться с современниками Варфоломея и Матфея, чередовавшимися с ними на посадничестве.

Имя одного из них дают только акты; он не упоминается в летописи и потому не отражен в соответствующей части посадничьего списка. Это посадник Данила, от лица которого составлена договорная грамота Новгорода с великим князем Александром Михайловичем¹⁶. Датировка грамоты, предложенная ее последними издателями, основывается на датах великого княжения Александра (1326—1327 гг.) и на словах самого документа, из которых следует, что он был составлен около «Великого дня». Л. В. Черепнин и А. А. Зимин уточнили датировку dokonчания, признав его составленным между 12 апреля и 15 августа 1327 г.¹⁷ Надо полагать, что отмеченная в самом документе близость его составления к Великому дню (а пасха в 1327 г. была 12 апреля) указывает скорее на весенние месяцы 1327 г. Следовательно, посадник Данила сменил непосредственно Варфоломея, бывшего на посадничестве в июне 1326 г.; очевидно, что Даниле принадлежал следующий срок — с февраля 1327 по февраль 1328 г.

То же посадничье имя упоминается в грамоте на Двину, датируемой 1328—1341 гг., поскольку одним из названных в ней лиц является великий князь Иван¹⁸. Эта датировка может быть решительно уточнена. Документ составлен при посаднике Даниле и тысяцком Авраме. Именно такое сочетание высших должностных лиц фигурирует и в предшествующем документе 1327 г., а Аврам назван тысяцким в летописном рассказе также под 1328 г.¹⁹ Князь Иван Калита был в Новгороде дважды. В первый раз в 1329 г.: «Прииде в Новъгород на стол князь великий Иван Данилович, внук Александров, месяца марта в 26, на збор архангела Гаврила» и оставался там продолжительное время, готовя поход на Псков, а затем участвуя в нем²⁰. Еще раз великий князь Иван был в Новгороде в 1335 г., однако тогда посадником был Федор Данилович, а тысяцким Остафий Дворянинец²¹. Поэтому датой рассматриваемого документа может быть только 1329 г.

¹⁶ ГВНП. С. 27, № 14.

¹⁷ Черепнин Л. В. Указ. соч. Ч. 1. С. 301; Зимин А. А. О хронологии договорных грамот Великого Новгорода с князьями XIII—XV вв. С. 313.

¹⁸ ГВНП. С. 142, № 85.

¹⁹ НПЛ. С. 341.

²⁰ Там же. С. 342.

²¹ Там же. С. 346—347.

Между тем уже в 1329 г. в рассказе о новгородском посольстве в Псков к князю Александру новгородским посадником назван Федор²². Это значит, что до конца указанного года Данила, по-видимому, умер. Что касается Федора, то теперь уже с прозвищем он назван в рассказе новгородской летописи о событиях 1332 г.: «Восташа крамолнице в Новегороде, и отъяша посадничество у Федора у Ахмыла и даша Захарьи Михайловичю... В том же лете отъяша посадничество у Захарьи и даша Матфею Коске»²³. Смысл этих важных событий станет ясен после того, как мы разберемся в принадлежности упомянутых посадников к определенным концам.

Под 1335 г. в летописи упоминается посадник Федор Данилович, который вместе с владыкой Василием и тысяцким Евстафием заложил каменный острог на Торговой стороне, от св. Ильи к св. Павлу²⁴. По-видимому, тот же посадник, но не названный по имени, едет в 1335 г. с владыкой, тысяцким и «вятшими» боярами в Москву по приглашению великого князя²⁵. К тому же году относятся Васильевские врата, в надписи которых назван посадник Федор Данилович: «В лето 6844 индикт лет 4 исписаны двери сия повелением боголюбивого архиепископа новгородскаго Василья при князи благоверном Иване Даниловиче, при посадничестве Федорове Даниловича, при тысяцком Авраме»²⁶. Этот памятник привычно датируют 1336 годом, однако указание индикта, которое свидетельствует о применении сентябрьского цикла, заставляет помещать дату изготовления врат между сентябрем 1335 г. и августом 1336 г. Если при этом учесть, что достоверный срок посадничества Федора Даниловича в 1335—1336 гг. замыкается между февралем 1335 и февралем 1336 гг., дату врат можно еще более ограничить сентябрем 1335 — февралем 1336 гг. Посадником Федор назван также под 1338 г., когда он возглавлял поход новгородцев под Орехов²⁷, и в 1342 г. в рассказе о столкновении с Онцифором Лукичем и Матфеем Коской²⁸. В 1348 г. Федор Данилович, также будучи посадником, стал одним из инициаторов спора о вере со шведским королем Магнусом²⁹. Последний раз Федор

---

²² Псковские летописи. Вып. 1. С. 16; Вып. 2. С. 91. Рассказ записан под 1327 г., под которым освещены все события 1327—1329 гг. (с оговоркой «на третье лето»). Ср. с новгородскими летописями под 1329 г.

²³ НПЛ. С. 99, 344—345.

²⁴ Там же. С. 346.

²⁵ Там же. С. 347.

²⁶ Лазарев В. Н. Васильевские врата 1336 г. // Советская археология. 1953. Вып. 18. С. 396 и сл.

²⁷ НПЛ. С. 348; ПСРЛ. Т. 5. С. 21.

²⁸ НПЛ. С. 355—356; ПСРЛ. Т. 4. С. 55.

²⁹ НПЛ. С. 359—360.

Данилович как посадник упомянут под 1351 г.: в июне «в 16 день отъяша посадничество у Федора Даниловича и даша Онцифору Лукину»³⁰. Список А различает Федора Ахмыла и Федора Даниловича: (51) Федор Ахмыл, (54) Федор. Однако, имея в виду уже отмеченное его восхождение к летописному рассказу, мы вправе не доверять списку и отождествить их как одно лицо.

Еще один одновременный Варфоломею Юрьевичу и Матфею Коске посадник — Захария Михайлович — упомянут в цитированном рассказе о событиях 1332 г. Это сын Михаила Павшинича; прямое родство его с последним указано в Списке Б, показанию которого в данном случае вполне можно довериться, так как оно внесено вскоре после смерти внука Михаила Павшинича — Есифа Захарьинича, когда близкие родственные связи посадников еще были памятны. Как уже отмечено выше, Захария Михайлович, будучи избран в посадники в 1332 г., в том же году лишился посадничества в пользу Матфея Коски.

Наконец, косвенное указание на существование еще одного современника Матфея Коски в посадничестве может быть извлечено из сравнения летописных текстов 1331 и 1340 гг. Под 1331 г. среди бояр, сопровождавших владыку Василия на поставление в Волынскую землю, назван «Вальфромей Остафьев сын тысяцкого»³¹, т. е. сын Евстафия Дворянинца, который в 1331 г. действительно был тысяцким³². Однако под 1340 г. тот же Варфоломей называется уже «посадничим сыном Остафьевым»³³. Следовательно, когда-то между 1331 и 1340 гг. его отец Евстафий был избран в посадники и, в частности, в 1340 г. отправлял эту должность. Можно высказать также аргументированное предположение о точной дате получения Евстафием места в правящей элите. Еще в 1335 г. он был тысяцким и в этом звании участвовал в строительстве каменного острога на Торговой стороне. Однако в том же году или в начале 1336 г. тысяцким стал Аврам, имя которого помещено на Васильевских вратах. Отказ Евстафия от должности тысяцкого может быть объяснен появлением вакансии в правящей элите и замещением ее Евстафием. Последний раз он назван с посадничьим титулом под 1346 г., когда был убит³⁴. Таким образом, поставив перед собой задачу составить список новгородских деятелей, приходивших на посадничество между 1316 и 1346 гг., мы установили следующих лиц:

1. Варфоломей Юрьевич (Список А, № 50), был постоянным кандидатом на посадничество в 1316—1332 гг.;

³⁰ НПЛ. С. 362; ПСРЛ. Т. 4. С. 60.

³¹ НПЛ. С. 343; ПСРЛ. Т. 4. С. 52; Т. 5. С. 219; Т. 7. С. 202.

³² НПЛ. С. 344.

³³ НПЛ. С. 352; ПСРЛ. Т. 4. С. 54; Т. 5. С. 222; Т. 7. С. 206.

³⁴ НПЛ. С. 358—359; ПСРЛ. Т. 4. С. 58; Т. 5. С. 225; Т. 7. С. 10.

2. Федор Ахмыл = Федор Данилович (Список А, № 51 и 54), постоянный кандидат в посадники в 1329—1351 гг.;
3. Захария Михайлович (Список А, № 52), упомянут как посадник под 1332 г.
4. Матфей Варфоломеевич Коска (Список А, № 53), постоянный кандидат в посадники между 1333 и 1345 гг.;
5. Евстафий Дворянинец (Список А, № 55), постоянный кандидат в посадники между 1336 и 1346 гг.;
6. Данила (не отмечен в списках), посадник 1327—1328 гг.

Не все эти посадники синхронны друг с другом. Если, например, взять отрезок с 1335 по 1345 гг., то в этих хронологических рамках сосуществуют Матфей Варфоломеевич Коска, Федор Данилович и Евстафий Дворянинец, которые, следовательно, представляют три разные территориальные группы бояр. Принимая тезис о кончанском представительстве, мы должны допускать, что между некоторыми из перечисленных шести лиц имела место преемственность, а не сосуществование. В частности, очевидна преемственность в 1329 г. Федора Даниловича от Данилы, позволяющая говорить о них как о сыне и отце.

Нам уже известна территориальная принадлежность некоторых из них. Варфоломей Юрьевич и сменивший его сын Матфей Варфоломеевич Коска были представителями Неревского конца. Сын Михаила Павшинича Захария — представитель Плотницкого конца. Впрочем, плотницкая принадлежность этого боярского рода несколько двусмысленна. В рассказе 1388 г. место жительства сына Захарьи Михайловича — Есифа обозначено на Софийской стороне, хотя тут же продемонстрирована его теснейшая связь с Плотничьим концом: «вста-ша 3 конце Софеиской стороне на посадника Есифа Захарьиновича. И звонивше веце у святей Софеи, и поидоша на двор его, и хоромы розвезоша; а Есиф посадник бежа за реку в Плотничьский конецъ. И вста за него Торговая сторона вся...»³⁵. В дальнейшем еще не раз будет отмечено, что освоение значительных территорий Плотницкого конца осуществлялось боярством Прусской улицы. Принадлежность других посадников к определенным территориальным группировкам может быть в значительной степени выяснена наблюдениями над летописным рассказом 1342 г. и другими сообщениями о столкновениях бояр в борьбе за должность посадника.

Около того времени, когда умер Варфоломей Юрьевич, во всяком случае до зимы 1342/1343 г., на Двине был убит сын покойного посадника Лука Варфоломеевич. Эта смерть вызвала восстание новгородцев, которые обвинили посадника Федора Даниловича и какого-то Андрея. Дома Федора и Андрея были разграблены, а сами они бежали в Копорье, где просидели всю зиму до великого поста. В это время с Ваги вернулся сын убитого Луки Онцифор и бил челом

³⁵ НПЛ. С. 382.

Новгороду на Федора и Андрея. За ними в Копорье был отправлен архимандрит Есиф. По возвращении его с обвиненными было созвано два веча: одно — Онцифором и его дядей Матфеем Коской у Софийского собора, другое — Федором Даниловичем и Андреем на Ярославовом дворище. Произошло столкновение сторон, в результате которого Матфея с сыном заперли в церкви, а Онцифор вынужден был бежать. На другой день мир был восстановлен, и Федор Данилович остался посадником ³⁶.

Самый смысл этого летописного рассказа способен вызвать и уже вызвал неверное представление о территориальной принадлежности Федора Даниловича. Он как будто связан летописцем с Торговой стороной, тем более что в 1335 г. Федор Данилович вместе с тысяцким Евстафием Дворянником заложили каменную стену в Славенском конце между церквями Ильи и Павла. К Славенскому концу Федор Данилович и его отец Данила были отнесены в первом издании настоящего исследования. Между тем другой летописный рассказ вносит полную ясность в обсуждаемую проблему. Когда в 1351 г. посадничество было отобрано у Федора Даниловича, «того же лета выгониша новгородци из Новагорода Федора посадника и брата его Михаилу, и Юрья, и Ондreja, а домы их розграбиша, и Прускую улицу всю пограбиша, а Федор и Михаилу и Юрьи и Ондreja побегоша в Псков, мало побывши, поихаша в Копорью» ³⁷.

Наименее трудным представляется определение территориальной принадлежности Евстафия Дворянника. Вполне очевидно, что он не мог быть представителем Прусской улицы, от которой при нем посадничал Федор Данилович. Не мог он также представлять Неревский конец, где в его годы посадником был Матфей Варфоломеевич. В 1345 г. «отъяша посадничество от Остафья Дворянника и даша посадничество Матфею Вальфромеевичю; Божию благодатью не бысть между ими лиха» ³⁸. Он, следовательно, мог представлять или Людин, или Плотницкий конец. Более вероятно его представительство от Плотницкого конца. Плотницкий посадник Захария Михайлович не упоминается после 1332 г., а Евстафий представляет в посадничестве к 1336 г.

Эти наблюдения подытожены в предлагаемой таблице (табл. 3)

Таблица 3

Территориальное представительство в посадничестве 1316—1346 гг.

<i>Неревский конец</i>	<i>Прусская улица</i>	<i>Плотницкий конец</i>
1316 Варфоломей Юрьевич	Семен Климович	Захария Михайлович
1317 Варфоломей Юрьевич	?	Захария Михайлович
1318 Варфоломей Юрьевич	?	Захария Михайлович

³⁶ НПЛ. С. 355—356.

³⁷ Там же. С. 362.

³⁸ Там же. С. 358.

1319	Варфоломей Юрьевич	?	Захария Михайлович
1320	Варфоломей Юрьевич	?	Захария Михайлович
1321	Варфоломей Юрьевич	?	Захария Михайлович
1322	Варфоломей Юрьевич	?	Захария Михайлович
1323	Варфоломей Юрьевич	?	Захария Михайлович
1324	Варфоломей Юрьевич	?	Захария Михайлович
1325	Варфоломей Юрьевич	?	Захария Михайлович
1326	Варфоломей Юрьевич	?	Захария Михайлович
1327	Варфоломей Юрьевич	Данила	Захария Михайлович
1328	Варфоломей Юрьевич	Данила	Захария Михайлович
1329	Варфоломей Юрьевич	Федор Данилович	Захария Михайлович
1330	Варфоломей Юрьевич	Федор Данилович	Захария Михайлович
1331	Варфоломей Юрьевич	Федор Данилович	Захария Михайлович
1332	Варфоломей Юрьевич	Федор Данилович	Захария Михайлович
1333	Матфей Варфоломеевич	Федор Данилович	Захария Михайлович
1334	Матфей Варфоломеевич	Федор Данилович	Захария Михайлович
1335	Матфей Варфоломеевич	Федор Данилович	Захария Михайлович
1336	Матфей Варфоломеевич	Федор Данилович	Евстафий Дворянин
1337	Матфей Варфоломеевич	Федор Данилович	Евстафий Дворянин
1338	Матфей Варфоломеевич	Федор Данилович	Евстафий Дворянин
1339	Матфей Варфоломеевич	Федор Данилович	Евстафий Дворянин
1340	Матфей Варфоломеевич	Федор Данилович	Евстафий Дворянин
1341	Матфей Варфоломеевич	Федор Данилович	Евстафий Дворянин
1342	Матфей Варфоломеевич	Федор Данилович	Евстафий Дворянин
1343	Матфей Варфоломеевич	Федор Данилович	Евстафий Дворянин
1344	Матфей Варфоломеевич	Федор Данилович	Евстафий Дворянин
1345	Матфей Варфоломеевич	Федор Данилович	Евстафий Дворянин
1346	?	Федор Данилович	Евстафий Дворянин

Сравнение достоверных дат посадничества показывает, что к 1346 г. порядок регулярной очередности представителей концов в посадничестве отсутствовал. Если бы такой порядок существовал, то представитель каждой из трех территориальных групп должен был бы приходить на посадничество каждый третий срок. Между тем Федор Данилович был посадником в 1335—1336, 1338—1339, 1342—1343 гг. В первом случае между его достоверными посадничествами прошло два года, во втором — три. Варфоломей Юрьевич был посадником в 1323—1324, 1326—1327, 1331—1332 гг. В первом случае между его посадничествами прошло два года, во втором — четыре. Обратим также внимание на полное отсутствие на протяжении рассмотренных десятилетий XIV в. в составе правящей элиты представителей Славенского конца.

Как и раньше, вопрос о принадлежности высшей государственной власти решался каждый раз конкретным соотношением сил, успехами отдельных боярских групп в их борьбе между собой, политической ловкостью и хитросплетением

тением обстоятельств. Если на первых порах создание новой организации власти было отражением внутрибоярского сплочения в борьбе с князем, завершившейся решительной победой боярства, то в дальнейшем эта организация продолжает демонстрировать прежде всего внутрибоярские противоречия. Порядок ежегодного обновления посадничества, не дополненный регламентацией очередности в замещении посадничьей должности членами правящей элиты, по существу узаконивал состояние непрерывной политической лихорадки и подчинял развитие государственности превратностям внутрибоярской борьбы.

ОБОСТРЕНИЕ КРИЗИСА И РЕФОРМА ОНЦИФОРА ЛУКИЧА

В отличие от первой четверти XIV в. вся вторая четверть этого столетия наполнена в Новгороде острой политической борьбой, постоянно затрагивающей организацию власти.

В 1327 г. происходит восстание против Евстафия Дворянина, бывшего тогда тысяцким. Восставшие грабят и сжигают двор Евстафия³⁹. В 1332 г. «крамолнице» отнимают посадничество у прусского боярина Федора Ахмыла и передают власть плотницкому представителю Захарии Михайловичу. В том же году Захария теряет посадничество, которое переходит к неревлянину Матфею Коске⁴⁰. В 1342 г. происходят уже подробно описанные выше события, вызванные гибелью на Двине Луки Варфоломеевича. Восстание 1342 г. направлено против посадника. В 1345 г. посадничества лишен плотницкий боярин Евстафий Дворянинец в пользу неревского боярина Матфея. «Божиею благодатью не бысть междю ими лиха», — отмечает летописец⁴¹. «Лихо» случилось в следующем, 1346 г. К Шелони, на устье Пшаги, пришел Ольгерд «со всею Литовскою землею» и обратился к новгородцам: «Хочю с вами видеться; лаял ми посадник ваш Остафей Дворяниц, назвал ми псом». Ольгерд захватил Шелону и Лугу и взял окуп с Порхова и Опоки, что вызвало возмущение новгородцев против Евстафия, «и убиша Дворянина посадника на вече», говоря, что из-за него взяты новгородские волости⁴².

Отыскивая причины заметной активизации внутренней борьбы в Новгороде, можно отметить несколько обстоятельств. Несомненно общее обострение социальных противоречий в это время. Летописец несколько раз сообщает, что «простая чадь» особенно активна в городских движениях. Рассказывая о вос-

³⁹ НПЛ. С. 98, 341.

⁴⁰ Там же. С. 99, 344—345.

⁴¹ Там же. С. 358.

⁴² Там же. С. 358—359; ПСРЛ. Т. 4. С. 58; Т. 5. С. 225; Т. 7. С. 10.

стании 1327 г., он пишет: «Наважением диаволим стаща простая чадь на анхимандрита Есифа, и створиша вече, запроша Есифа в церкви святого Николы; и седоша около церкви ночь и день коромолници, стерегуще его»⁴³. Во время восстания 1342 г. еще до появления Онцифора в Новгороде инициативу захватывают в свои руки «чорные люди»⁴⁴. Под 1344 г. летописец отмечает сильнейший антибоярский мятеж у соседней чуди: «Бысть мятежь велик: избиша Чюдь своих бояр земьских, и в Колываньской земли, и в Ругодивьской волости, 300 их»⁴⁵.

Однако несомненно, что городские движения в Новгороде второй четверти XIV в. направлены в большинстве случаев к замене одного посадника другим и развиваются в духе традиционной внутрибоярской борьбы, в которой на стороне «своих» бояр принимает участие простой люд, произвольно разобщенный рубежами боярского территориального соперничества. Показательно, что борьба вокруг посадничества постоянно принимает форму борьбы Торговой и Софийской сторон. Противоположность сторон прослеживается в 1332 г., когда прусский посадник сначала уступает плотницкому, а затем плотницкий — неревскому. Она в живых подробностях встает со страниц рассказа 1342 г., когда в ходе борьбы созываются два веча — на Софийской и Торговой сторонах. Она снова делается очевидной в 1345 г., когда на место свергнутого плотницкого посадника избирается неревский боярин.

Эта одновременная и бросающаяся в глаза активизация социальной и внутрибоярской борьбы является, на наш взгляд, основной особенностью второй четверти XIV в. в Новгороде. Нельзя не отметить и еще одного обстоятельства, сыгравшего немаловажную роль в развитии внутрибоярской борьбы. Если к началу XIV в. боярство добилось победы над князем, то на всем протяжении первой четверти XIV в. победа не кажется завершенной. Новгород активно участвует в борьбе между Москвой и Тверью. Великие князья еще не свыклись с мыслью, что прежний Новгород потерян для них безвозвратно. Более того, они иногда добиваются, по-видимому, некоторого расширения великокняжеских прав в Новгороде. В частности, dokonчания Михаила Ярославича и Александра Михайловича возводят «старину и пошлину» ко времени Ярослава Ярославича, а не ко времени Андрея Александровича. Последним великим князем, активно подвизавшимся в Новгороде и водившим новгородские полки, был Юрий Данилович, убитый в Орде в 1325 г. С 1327 г., с появлением на великом княжении Ивана Калиты, отношения между князем и Новгородом складываются в окончательных формах автоматического признания суверенитета великого князя над Новгородом и практического невмешательства великого князя во внутрен-

⁴³ НПЛ. С. 347.

⁴⁴ Там же. С. 356.

⁴⁵ Там же. С. 357.

ние новгородские дела. Именно с началом второй четверти XIV в. антикняжеская борьба новгородского боярства утрачивает прежнюю остроту.

Отмеченную выше особенность новгородской политической жизни во второй четверти XIV в. можно формулировать следующим образом. Боярская государственность этой поры переживает серьезный кризис. Незавершенность организации государственной власти способствует постоянному возрождению внутрибоярской борьбы, способной в условиях несомненного роста социального антагонизма вести к еще большему обострению этого кризиса. Выходом из кризиса могла быть только реорганизация государственной власти, превращение посадничества в орган боярской консолидации. Боярство нуждалось в идеологе и талантливом организаторе.

40-е годы XIV в. не дают какой-либо развязки. Несмотря на исключительную фрагментарность сведений о посадниках этого времени, все же можно сделать некоторые наблюдения. Перечислим прежде всего все прямые свидетельства летописи. В 1345 г. посадничество принадлежало Евстафию Дворянинуцу, при котором было поновлено покрытие церкви св. Георгия в Юрьевом монастыре ⁴⁶. В том же году он был лишен посадничества в пользу Матфея Варфоломеевича, а в 1346 г. убит. В 1348 г. посадником был Федор Данилович, водивший в указанном году новгородцев в поход на шведов ⁴⁷.

Более важные, хотя и косвенные указания могут быть получены при анализе списков посадников. Однако этот анализ осложнен двумя обстоятельствами. Во-первых, в той части Списка А, которая перечисляет посадников первой половины XIV в., как уже отмечено, единственным источником были летописные показания. Во-вторых, как раз в интересующих нас местах списков начинаются весьма существенные разночтения между Списками А и Б. Поэтому, прежде чем пользоваться их показаниями, следует критически оценить эти разночтения, определить и отделить достоверный материал и установить, какой из двух списков отражает действительные факты.

Мы уже отмечали, что расхождения между Списками А и Б в определении очередности посадников незначительны, поскольку Список А является одним из главных источников Списка Б. Противоречивыми оказываются лишь части этих списков, содержащие имена посадников середины XIV в.; в остальных частях текста они практически идентичны. Рассмотрим эти расхождения, сопоставляя оба противоречивых текста.

Для удобства сопоставления Список Б разгужен от явно позднейших имен, внесенных в него составителем для указания родства. Мы изъяли из него имена сына Онцифора Лукича посадника начала XV в. Юрия Онцифоровича (№ 53),

⁴⁶ Там же. С. 100, 357.

⁴⁷ Там же. С. 360; ПСРЛ. Т. 5. С. 226; Т. 7. С. 211.

сына Матфея Коски посадника конца XIV в. Никиты Матфеевича (№ 60), сына Федора Юрьевича посадника конца XIV в. Василия Федоровича (№ 62), брата Федора Даниловича посадника последней четверти XIV в. Михаила Даниловича (№ 70), брата Юрия Ивановича посадника рубежа XIV—XV вв. Василия Ивановича (№ 72), брата Андреяна Захарьинича посадника рубежа XIV—XV вв. Есифа Захарьинича (№ 74). Оставшиеся имена по своему количеству и составу детальнейшим образом совпадают с именами соответствующей части Списка А, но в обоих списках они изложены с разной очередностью (см. табл. 4). В таблице соединительными линиями показано соответствие имен, демонстрирующее принципиальное совпадение обоих списков и отсутствие расхождений между ними в составе имен.

Таблица 4

<i>Список А</i>			<i>Список Б</i>		
Матфей Коска	53	57	Онцифор Лукич		
Федор	54	59	Матфей Варфоломеевич		
Остафья	55	61	Федор Юрьевич		
брат его Александр	56	63	Яков Хотов		
Онцифор	57	64	Евстафий Дворянинец		
Федор	58	65	брат его Александр		
Яков	59	66	Иван Семенович		
Иван Муторица	60	67	брат его Александр		
брат его Александр	61	68	Иван Федорович		
Сильвестр	62	69	Федор Данилович		
Иван Смятанка	63	71	Юрий Иванович		
Ондрейан	64	73	Андреян Захарьинич		
Юрий	65	75	Сильвестр Лентеев		

Уже изученные выше материалы о посадниках второй четверти XIV в. и о взаимоотношении списков с самого начала позволяют отдать предпочтение Списку А как более достоверному, нежели Список Б. В самом деле, нам известно о посадничестве Матфея Коски уже в 1333 г.; мы знаем также, что Федор Данилович стал посадником позднее Матфея, о его деятельности сообщается под 1335 г.; Евстафий Дворянинец вошел в правящую элиту почти в одно время с Федором Даниловичем и был посадником уже в 1340 г. В Списке А Матфей Коска, Федор и Остафья следуют один за другим и раньше, чем все остальные посадники рассматриваемого места списков, до сих пор не встречавшиеся нам в источниках, освещающих события второй четверти XIV в. и более раннего времени.

В то же время Список Б излагает безусловно извращенную картину очередности. Спорное место в нем открывается именем Онцифора Лукича, самое ран-

нее сведение о посадничестве которого, как увидим далее, относится лишь к 1351 г. Будучи неревским боярином (его усадьба вскрыта раскопками на Неревском конце), он даже теоретически не мог стать членом правящей элиты до 1345 г., когда был жив его дядя Матфей Варфоломеевич. Вслед за ним в Списке Б назван Матфей Варфоломеевич, бывший посадником уже в 1333 г. Имя Федора Даниловича, пришедшего на посадничество спустя три года после Матфея Коски, отделено от последнего семью другими именами, что теоретически невозможно, так как на протяжении трех лет не могло смениться девять посадников. Наконец, имя Евстафия помещено ранее имени Федора Даниловича и отделено от имени Матфея двумя хронологически инородными именами.

Этих наблюдений могло бы оказаться достаточно для того, чтобы попросту отвергнуть спорное место Списка Б как недостоверное и способное лишь вводить исследователя в заблуждение. Однако в данном случае этот простой и необременительный путь ведет мимо цели. Гораздо более важным оказывается разобратся в ошибках составителя Списка Б и попытаться установить их причины.

Одной из главных ошибок в Списке Б является смешение двух посадников Федоров. Вслед за Матфеем Варфоломеевичем здесь помещен Федор Юрьевич, хотя это место должно принадлежать Федору Даниловичу, — ошибка, объяснимая лишь в том случае, если в основе Списка Б лежал Список А, в котором отчества посадников не обозначены. Подстановка Федора Юрьевича на место Федора Даниловича повлекла за собой помещение на следующем месте Списка Б Якова Хотова, который в Списке А действительно следует за Федором (Юрьевичем). Эта цепь ошибок становится особенно очевидной, если учесть, что пара Федор — Яков в Списке А следует за именем Онцифора, которое только что было ошибочно использовано составителем Списка Б. Однако из этого следует, что в исходном варианте Списка Б имя Федора Даниловича следовало за именем Матфея Варфоломеевича, а имена Федора Юрьевича и Якова Хотова — за именем Онцифора Лукича. Если это так, то первые половины спорных мест в Списке А и в исходном варианте Списка Б совпадают полностью, подтверждая восхождение Списка Б к Списку А (см. табл. 5).

Таблица 5

<i>Список А</i>		<i>Первый вариант Списка Б</i>
Матфей Коска	53 ————— 59	Матфей
Федор	54 ————— 69	Федор
Остафья	55 ————— 64	Евстафий Дворянинец
брат его Александр	56 ————— 65	брат его Александр
Онцифор	57 ————— 57	Онцифор
Федор	58 ————— 61	Федор
Яков	59 ————— 63	Яков Хотов

Иван Муторица	60	—————	66	Иван
брат его Александр	61	—————	67	брат его Александр
Сильвестр	62	~~—————~~	68	Иван
Иван Смятанка	63	~~—————~~	71	Юрий
Ондрейн	64	~~—————~~	73	Андрейн
Юрий	65	~~—————~~	75	Сильвестр

Разночтения, характерные для заключительной части обеих колонок, мы пока оставляем в стороне и вернемся к ним позднее. Здесь же отметим, что истолкование ошибок в начальной части колонки Списка Б позволяет настаивать на достоверности перечисления имен в Списке А, который должен быть положен в основу наблюдений над посадниками соответствующего периода. Признав, что имена посадников второй четверти XIV в. заимствованы в Списке А из летописи, мы теперь должны продолжить его сопоставление с летописными показаниями, чтобы установить, соответствует ли дальнейшая очередность посадников в Списке А датам их первого упоминания в летописи.

Матфей Коска (53)	— Матфей Коска, 6840 г. НПЛ. С. 345
Федор (54)	— Федор Данилович ⁴⁸ , 6843 г. НПЛ. С. 346
Остафья (55)	— Остафья Дворянинец, 6853 г. НПЛ. С. 358
брат его Александр (56)	— Александр Дворянинцев, 6862 г. НПЛ. С. 364
Онцифор (57)	— Онцифор Лукич, 6858 г. НПЛ. С. 362
Федор (58)	— в летописи нет
Яков (59)	— Яков Хотов, уп. 6856 и 6858 гг., но не как посадник.
Иван Муторица (60)	— в летописи нет
брат его Александр (61)	— Александр, 6868 г. НПЛ. С. 366
Селивестр (62)	— Селивестр Лентеев, 6867 г. НПЛ. С. 366
Иван Смятанка (63)	— в летописи нет
Ондрейн (64)	— Андрейн Захарьинич, 6867 г. НПЛ. С. 366
Юрий (65)	— Юрий Иванович, 6879 г. НПЛ. С. 371

Мы видим, что зависимость Списка А от летописного рассказа прекращается на имени Евстафия Дворянина. В дальнейшем очередность посадников в списке не обнаруживает соответствия со случайными показаниями летописца. Здесь имеется свой, независимый от летописи порядок. Вполне независимое происхождение Списка А в рассматриваемой части подтверждается и наличием в ней имен, вовсе не отмеченных летописцем.

Подтвердив таким образом важность Списка А, мы должны теперь вернуться к нашей синхронистической таблице кончанских представителей в посадни-

⁴⁸ Напомним, что Список А различает Федора Даниловича (№ 54) и Федора Ахмыла (№ 51).

честве, которая в своей законченной части доведена до 1346 г. Между 1346 и 1351 гг. в новгородской правящей элите в разное время открываются три вакансии. В 1346 г. был убит представитель Плотницкого конца Евстафий Дворянинец; в том же году последний раз в летописи назван неревлянин Матфей Варфоломеевич, а в 1351 г. также в последний раз в ней фигурирует прусский посадник Федор Данилович.

В Списке А вслед за именем уже известного нам посадника Евстафия Дворянинца поставлены следующие три имени: (56) брат его (Евстафия) Александр, (57) Онцифор, (58) Федор. Сопоставление со Списком Б показывает, что в двух последних случаях речь идет об Онцифоре Лукиче и Федоре Юрьевиче. А это, в свою очередь, свидетельствует, что около 1347 г. состав правящей элиты увеличился. Приведем доказательства этого.

Принадлежность Онцифора Лукича более чем очевидна. Его дед Варфоломей Юрьевич, прадед Юрий Мишинич, дядя Матфей Варфоломеевич были в посадничестве представителями Неревского конца; его сын Юрий, также впоследствии ставший посадником, строил церкви в Неревском конце. Родовая усадьба самого Онцифора и его потомков была обнаружена раскопками у перекрестка Великой и Козмодемьянской улиц Неревского конца, где был также найден ряд берестяных грамот, адресованных Онцифору Лукичу (и написанных им), Юрию Онцифоровичу, сыну и внукам Юрия.

Принадлежность Александра Дворянинцева к Плотницкому концу может быть обоснована его преемственностью в посадничестве от брата Евстафия, который, согласно с изложенными выше наблюдениями был плотницким представителем.

Наконец, существуют материалы и для установления территориальной принадлежности посадника Федора Юрьевича, вовсе не знакомого летописцу. Составитель Списка Б называет сыном Федора Юрьевича — Василия Федоровича, также ставшего впоследствии посадником. Между тем известно, что Василий Федорович, принявший перед смертью в 1392 г. схиму, был погребен в монастыре св. Николая на Поле, т. е. в Загородском конце ⁴⁹.

Таким образом, новые три посадника представляют Плотницкий конец (Александр, № 56), Неревский конец (Онцифор, № 57) и Загородский конец, т. е. Прусскую улицу (Федор Юрьевич, № 58). Однако представитель Прусской улицы Федор Данилович действует еще в 1351 г., а это значит, что Прусская улица после 1346 г. восстанавливает двойное представительство, какое существовало до 1316 г., когда ее посадниками были братья Андрей и Семен Климовичи.

Мы убедились в том, что внелетописный источник, лежащий в основе той части Списка А, которая открывается именем Александра (Дворянинцева, перечисляет имена посадников в строгой хронологической последовательности в

⁴⁹ НПЛ. С. 385; ПСРЛ. Т. 4. С. 99, 140.

соответствии с очередностью их избрания на посадничество. Подтвердить существование такого принципа в построении этой части Списка А призваны все дальнейшие наблюдения над ней. Однако даже сейчас, впервые приступив к использованию ее данных, мы должны отметить несколько достойных внимания обстоятельств. Во-первых, во всей предшествующей части Списка А хронологический принцип последовательно выдержан. Во-вторых, заключительная часть Списка А (начиная с имени Александра) с этой точки зрения должна быть наиболее достоверной, поскольку она охватывает период, практически обозримый составителем списка, жившим во времена сыновей тех посадников, о которых сейчас идет речь. В-третьих, уже знакомство с первыми тремя именами рассматриваемой части показывает, что эти имена в Списке А находятся в безупречном хронологическом контексте — именно там, где они и должны стоять. Отметим, что и Список Б в той его части, которая охватывает имена посадников второй половины XIV — начала XV в., заслуживает максимального доверия, поскольку указания родства сделаны в нем современником значительной части этих посадников или — в других случаях — современником их сыновей.

С учетом этих соображений мы получаем возможность продолжить нашу таблицу следующим образом (см. табл. 6).

Таблица 6

<i>Неревский конец</i>	<i>Людин и Загородский концы</i>		<i>Плотницкий конец</i>
1346 ?	Федор Данилович	?	Евстафий Дворянинец
1347 Онцифор Лукич	Федор Данилович	Федор Юрьевич	Александр Дворянинцев
1348 Онцифор Лукич	Федор Данилович	?	?
1349 Онцифор Лукич	Федор Данилович	?	?
1350 Онцифор Лукич	Федор Данилович		

Начало существенных изменений в организации новгородского посадничества относится к 1350 г. и связано с именем крупнейшего, на наш взгляд, деятеля новгородской истории Онцифора Лукича. 16 июня 1350 г. в Новгороде происходит государственный переворот, организованный возвратившимися из-под Юрьева полками. Этим походом был завершен затянувшийся на несколько лет конфликт со шведами. Новгородцы разменяли взятых под Ореховым в плен шведов на членов своего посольства к Магнусу, задержанных шведским королем. «И приихаша в Новгород вси здрави, милостью Божию, силою Креста Честного, на нь же уповаша, — сообщает летописец, — а приихаша месяца июня в 9 день, на память святого мученика Александра. Сего же месяца в 16 день отьяша посадничество у Федора Даниловича и даша Онцифору Лукину»⁵⁰. В отличие от многочисленных более ранних переворотов восставшие в 1350 г. не ограничиваются передачей власти Онцифору, и их действия растягиваются на

⁵⁰ НПЛ. С. 362.

долгий срок. После сообщения об избрании Онцифора летописец переходит к обычному спокойному повествованию, рассказывая о построении каменной палаты в Детинце владыкой Василием и отрывая таким образом от рассказа о действиях 16 июня следующее сообщение: «Того же лета выгониша новгородци из Новагорода Федора посадника и брата его Михаилу и Юрья и Ондrejaна, а дома их разграбиша, и Прускую улицу всю пограбиша; а Федор и Михаилу и Юрьи и Ондrejaн побегоша в Псков, мало побывши, поихаша в Копорью»⁵¹.

Избранным на посадничество Онцифором Лукичом перемены в организации власти подготавливаются исподволь и при несомненной поддержке архиепископа Моисея. С этой точки зрения заслуживает особого внимания летописный рассказ 6861 (1353—1354) г.: «Преставися князь великий Семеон Иванович всея Руси, и два сына его. Того же лета послаша послы своя архиепископ новгородчкий Моиси в Цесарьгород к цесарю и к патриарху, прося от них благословения и исправления о неподобных вещех, приходящих с насилием от митрополита. Того же лета послаша новгородци свои посол Смена Судокова ко цесарю в Орду, прося великого княжения Костянтину князя Суздальскому; и не послуша их цесарь и дашетъ Ивану князю Ивановичю великое княжение. И пребыша без мира новгородци с великим князем полтора года, нь зла не бысть никакого же»⁵². Эти два посольства сами по себе являются знаменiem широко задуманных перемен, поскольку при любых переменах реформаторам бывает важно заручиться поддержкой и благословением сильных союзников. В 1353 г. новгородцы выступают против обоих лиц, которые были способны опротестовать задуманные изменения и вмешаться в их осуществление. Они хотят видеть на великокняжеском столе князя, который был бы обязан своим возвышением Новгороду, и противопоставляют возможному противодействию митрополита благословение главы православной церкви — константинопольского патриарха.

Самое осуществление реформы относится к 1354 г. Летописец сообщает об этом событии с предельной лаконичностью: «Отступися посадничества Онцифор Лукич по своей воли и даша посадничество Олександру, Дворянинцеву брату. Того же лета приидоша послове архиепископа новгородчкого Моисия из Цесаряграда, и привезоша ему ризы крестыцаты, и грамоте с великим пожалованием от цесаря и от патриарха, и златую печать. Бе же тогда цесарь гричкий Иван Кантакузин, а патриарх Филофеи прежде бывши ираклийским митрополитом»⁵³.

⁵¹ НПЛ. С. 362.

⁵² Там же. С. 363. Не может ли сообщение об «исправлении о неподобных вещех» быть сопоставлено с рассказом, сохранным В. Н. Татищевым, о приезде в 1346 г. в Новгород великого князя Семена Гордого, который «многу власть у посадника отъя; асмердь вся его любляше»? (*Татищев В. Н. История Российская с самых древнейших времен. Кн. 4. С. 159*).

⁵³ Там же. С. 363—364.

В этом чрезвычайно интересном рассказе одно место оказывается сомнительным, причем сомнения впервые появились уже у одного из владельцев Комиссионного списка Новгородской Первой летописи младшего извода. Владелец списка заподозрил невозможность перехода посадничества от Онцифора к Александру Дворянинцеву и исправил соответствующее место текста следующим образом: «Отступися посадничества Онцифор Лукин по своей воле и даша посадничество [Обакуну Твердиславичу, а тысячкое] Олександру, Дворянинцеву брату»⁵⁴. Вставка владельца Комиссионного списка неверна, так как никакого Обакуна Твердиславича источники не знают вовсе, нет такого имени и в списках новгородских посадников. Однако сами сомнения, вызвавшие эту вставку, как мы убедимся далее, не были беспочвенными.

Обратимся прежде всего к показаниям списков. Список А вслед за уже известным нам Федором (Юрьевичем) (№ 58) называет следующих посадников: Яков (Хотов) (№ 59), Иван (Семенович) Муторица (№ 60), брат его Александр (№ 61), Селивестр (Лентеев) (№ 62), Иван (Федорович) Смятанка (63), Андреев (Захарьинич) (64), Юрий (Иванович) (65). В Списке Б те же имена изложены иначе: Яков Хотов, Иван Семенович, брат его Александр, Иван Федорович, Андреев Захарьинич, Селивестр Лентеев.

Разночтения списков значительны и, по-видимому, не могут быть объяснены простой небрежностью переписчиков. Оба списка единодушны в одном весьма важном показании. В Списке Б спорное место замыкается именами Андреева и Селивестра. Между тем прямое свидетельство летописи датирует посадничество Андреева и Селивестра уже 1359 г.⁵⁵ Отсюда следует, что все посадники, занимающие в Списке Б промежуточное положение между Федором Юрьевичем и Андреевым, стали посадниками в 1350-х гг., до 1359 г., а таких посадников пять. С тем же показанием мы встретимся и в Списке А, где посаднику 1359 г. Андрееву также предшествует пять имен различных бояр, пришедших на посадничество после Федора Юрьевича, только имена этих бояр изложены в другом порядке. Не имея никакой возможности истолковать разночтения невнимательностью переписчиков, мы предлагаем объяснение, которое, на наш взгляд, представляется наиболее вероятным.

Коль скоро в какой-то пока не установленный момент в истории посаднической организации произошли важнейшие конструктивные изменения, следствием которых был переход от единоличного посадничества к коллективному, в списках посадников этот момент неизбежно должен отразиться появлением целой группы посадников, которые получили титул одновременно. В самом деле, первые свидетельства о существовании в Новгороде нескольких посадников в

⁵⁴ НПЛ. С. 363—364.

⁵⁵ Там же. С. 366; ПСРЛ. Т. 4. С. 63.

один и тот же момент содержатся в источниках второй половины XIV в. Значит, в своем последовательном хронологическом изложении мы уже максимально приблизились к возможной дате этого серьезного преобразования власти.

Однако, если какая-то группа бояр одновременно пришла на посадничество, порядок перечисления имен внутри этой группы безразличен. В различных вариантах списков они могут быть изложены в разной очередности, что не составит ошибки. Датируя, таким образом, возникновение коллективного посадничества 1354 годом, поскольку сумма других свидетельств характеризует эту дату как год существенных реформ государственного управления, мы, однако, не решаем вопрос о том, сколько именно бояр получило посадничество в один и тот же момент. В самом деле, разночтения списков в интересующем нас месте выглядят следующим образом (см. табл. 7)

Таблица 7

<i>Список А</i>		<i>Первый вариант Списка Б</i>
Яков	(59)	(63) Яков Хотов
Иван Муторица	(60)	(66) Иван (Семенович)
брат его Александр	(61)	(67) брат его Александр
Сильвестр	(62)	(68) Иван (Федорович)
Иван Смятанка	(63)	(71) Юрий (Иванкович)
Ондрейан	(64)	(73) Андрейан (Захарьинич)
Юрий	(65)	(75) Сильвестр (Лентеев)

Эти разночтения дают возможность утверждать, что одновременно стали посадниками Сильвестр Лентеев, Иван Федорович Смятанка, Андрейан Захарьинич и Юрий Иванович. Однако нам вовсе не известно, получили ли посадничество Яков Хотов, Иван Семенович Муторица и его брат Александр тогда же или в какое-то более раннее время. Следовательно, надлежит выяснить, каким было общее число посадников после реформы 1354 г., было ли это число ограничено, и если оно действительно было ограничено, то на основе каких принципов.

В поисках ответа на эти вопросы обратимся к документу сравнительно позднему, учитывая при этом два обстоятельства. Во-первых, привлекаемый к анализу документ относится еще к тому времени, когда были живы почти все интересующие нас посадники 1350-х гг. Во-вторых, традиции организации власти по самой своей природе подобны хорошо заведенному механизму. Раз сложившись, они долгое время существуют уже в силу известной инерции. Ход этого механизма может нарушаться в деталях, но изменение принципиальной схемы произойдет только в результате резкого вторжения и ломки. Поскольку на протяжении целого ряда десятилетий второй половины XIV в. в Новгороде проблема организации власти не возникает с такой остротой, как в середине этого столетия, для каких-нибудь принципиальных изменений сравнительно с реформой 1354 г. в это время нет места.

Документом, способствующим решению поставленной задачи, является известный Наказ послам Юрию и Якиму, отправленным к тверскому великому князю Михаилу Александровичу в 1372 г. для заключения мирного договора⁵⁶. Особую ценность этой грамоте придают сохранившиеся при ней вислые печати. Наказ исходит от посадника Михаила, которым может быть только брат Федора Даниловича. Имя Михаила Даниловича в Списке А помещено сразу же вслед за именем Юрия Ивановича. Посаднику Михаилу принадлежит первая из 11 печатей, сохранившихся при документе. Она содержит надпись: «Новгородская печать и посаднича». Вторая печать принадлежит тысяцкому Матфею, также поименованному в акте, и несет надпись: «Печать Матфея Фалеевича, тысяцкого новгородского». Третья — некоему Селивестру: на ней изображение святого и надпись: «Печать Селивестрова». Четвертая — тысяцкому Филиппу; она несет изображение св. Филиппа с соответствующей надписью и отдельную надпись: «Филипа тысяцкого печать». Пятая — посаднику Якову; на ней изображение святого всадника и надпись: «Яковля печать, посадника новгородского». Шестая — посаднику Андреяну; на ней изображение Вседержителя и надпись: «Печать Ондrejaнова, посадника новгородского». Седьмая — посаднику Юрию Ивановичу; на этой печати имеется только надпись: «Юрьева печать Ивановича, посадника новгородского». Восьмая — тысяцкому Олисею Ананьичу; она несет надпись: «Печать Олисиева, тысяцкого новгородского». Девятая — некоему Ивану Еремьичу; на ней изображение воина и надпись: «Печать Ивана Еремьича». Десятая — некоему Семену Андреевичу; на ней только надпись: «Семенова печать Ондреевича». Одиннадцатая — какому-то Степану; она несет изображение архангела и надпись: «Степанова печать». Наконец, была еще и двенадцатая печать, но она не сохранилась; о ее былом существовании можно судить лишь по разрезу пергамента — отверстию для утраченного шнура буллы⁵⁷.

Попробуем разобраться в этой редкостной пестроте печатей, сохранившихся при одном документе. Еще до такого анализа имеются основания уверенно говорить о действительно одновременном существовании целой группы посадников там, где раньше был только один посадник и совет нетитулованных представителей боярских группировок. Более того, заключительная формула Наказа прямо указывает, что ставшие теперь многочисленными посадники, подобно

⁵⁶ ГВНП. С. 32, № 17.

⁵⁷ Изображение этого комплекса печатей см. в следующих изданиях: Собрание государственных грамот и договоров. Т. 1. М., 1813, № 13; *Полянский М. И.* Новгородские вислые печати княжьи, владычные, посадничьи, наместничьи, воевод и тысяцких // Новгородская памятка для туристов. Новгород, 1908. С. 16—18 (графическое воспроизведение; *Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси. Т. 2, соответствующие разделы издания.

своим нетитулованным предшественникам, осуществляли в посадничестве кончанское представительство. В этой заключительной формуле документа говорится: «А повелеша печати приложити изю всех пяти концев к сей грамоте». В самом деле, если исключить первые две печати, принадлежащие представителям «Всего Новгорода» — посаднику Михаилу и тысяцкому Матфею, остается десять печатей, по две на каждый конец, для посадника и для тысяцкого. Противопоставление посадника Михаила, бывшего представителем всего Новгорода, всем остальным одновременным с ним посадникам вполне совпадает с позднейшим противопоставлением степенного посадника — старым посадникам.

Целый ряд указаний для принципиальной классификации печатей Наказа 1372 г. по должностной принадлежности содержится на самих буллах:

<i>Посадники</i>	<i>Тысяцкие</i>	<i>Без обозначения должности</i>
1. Михаил	2. Матфей Фалелеевич	3. Селивестр
5. Яков	4. Филипп	9. Иван Еремьинич
6. Андреян	8. Олисей	10. Семен Андреевич
7. Юрий Иванович		11. Степан
		12. ?

Если представительство от концов, как это показывают печати с обозначением должности, осуществлялось посадниками и тысяцкими, то нужно думать, что и печати, лишенные обозначения должности, также принадлежали посадникам и тысяцким. Само отсутствие обозначения должности вовсе не говорит об отсутствии высокого титула у владельца буллы. В качестве примера назовем печать посадника Семена Климовича при грамоте 1301 г. с лаконичной надписью: «Сменова печать Климовича»⁵⁸, печати посадника Ивана Александровича и тысяцкого Василия Есифовича с аналогичными надписями при грамоте 1411 г.⁵⁹ Имена трех владельцев печатей без обозначения должности при Наказе 1372 г. — Ивана Еремьинича, Семена Андреевича и Степана — отсутствуют в списках посадников. Поэтому нужно предположить принадлежность этих трех лиц к институту тысяцких. Их имена, правда, не включены и в список новгородских тысяцких, но это обстоятельство не является решающим. В отличие от посадничества тысяцкое в Новгороде в течение длительного периода не было ежегодно возобновляемым. Поэтому многие тысяцкие до конца жизни не становились степенными, а только последние включены в их упомянутый летописный список. О Семене Андреевиче можно заметить, что он был представителем Плотницкого конца, так как летопись сообщает о закладке им вместе с «боголюбивой матерью своею» в 1360 г. знаменитой церкви Федора Стратилата на Ручье⁶⁰.

⁵⁸ ГВНП. С. 63, № 34.

⁵⁹ Там же. С. 88, № 50.

⁶⁰ НПЛ. С. 367.

Если действительно три из пяти печатей, не несущих обозначения должности, принадлежат тысяцким, то вместе с достоверными буллами тысяцких Матфея Фалелеевича, Филиппа и Олисея они составляют как бы половину печатей Наказа. А это значит, что оставшиеся две печати теоретически могут принадлежать только посадникам. Из них одна сохранилась и несет на себе имя Селивестра, легко отождествляемого с посадником Селивестром Лентеевым, который был современником Михаила Даниловича, Якова Хотова, Андреяна Захарьинича и Юрия Ивановича. Что касается последней печати — несохранившейся, — то о ее принадлежности можно высказать вполне аргументированное предположение. Один из документов 1370-х гг. называет новгородским посадником Ивана, а печать при этом документе сообщает и его отчество: «Иванова печать Семеновича»⁶¹. Однако Иван Семенович Муторица входит как раз в ту группу посадников, которая возникла в 1350-х гг., и, вероятно, существовал в этой должности и в момент составления Наказа 1372 г. С ним, скорее всего, и может связываться утраченная печать.

Подводя некоторый итог изложенным наблюдениям, возможно констатировать, что документы начала 1370-х гг. и особенно Наказ 1372 г. засвидетельствовали одновременное существование шести посадников: Михаила, Якова, Андреяна, Юрия Ивановича, Селивестра, Ивана Семеновича. Сопоставление этих имен со Списком А дает следующие результаты:

Список А

- (59) Яков (Хотов)
- (60) Иван (Семенович) Муторица
- (61) брат его Александр
- (62) Селивестр (Лентеев)
- (63) Иван (Федорович) Смятанка
- (64) Ондrejaн (Захарьинич)
- (65) Юрий (Иванович)
- (66) Михаил (Данилович)

Наказ 1372 г.

- Яков
- (Иван Семенович)
- Селивестр
- Андрейан
- Юрий Иванович
- Михаил

Ответ на вопрос о принципах образования этой группы содержится в самом факте представительства посадников от концов Новгорода. Но концов в Новгороде было пять, а посадников — шесть. Чем объясняется эта несообразность? Рассмотрим материалы, касающиеся принадлежности шести посадников 1372 г. к городским концам.

Очень легко определяется территориальная принадлежность Юрия Ивановича. Летопись сообщает, что в 1375 г. Юрий ставит церкви святых Козмы и

⁶¹ ГВНП. С. 79, № 44. Грамота 1370—1371 гг.

⁶² ПСРЛ. Т. 3. С. 231.

Демьяна на Холопъей улице и Иоанна Златоуста в Околотке⁶². Холопья улица находится в Неревском конце. Что касается церкви св. Иоанна Златоуста, то этот храм расположен на воротах Околотка от Людогощей улицы, которая тогда входила в Неревский конец.

Не вызывает сомнений и территориальная принадлежность посадника Михаила Даниловича. Список Б называет его братом посадника Федора Даниловича. Такое же родство его с Федором Даниловичем отмечено и летописным текстом 1351 г., сообщающем об изгнании из Новгорода посадника Федора вместе с его братом Михаилом после того, как восставшими были разграблены их дома на Прусской улице.

Так же ясна и принадлежность Андреяна Захарьинича, отец которого Захария Михайлович и дед Михаил Павшинич представляли в посадничестве Плотницкий конец. Летописное свидетельство о строительстве Андреяном Захарьиничем в 1358 г. церкви Двенадцати апостолов на Софийской стороне в Загородском конце⁶³ в данном случае не порождает противоречий. Мы уже видели и увидим далее, что семья Захарьиничей владела усадьбами и в Плотницком конце, и на Прусской улице.

Относительно Селивестра Лентеева новгородские летописи под 1360 г. излагают следующий сюжет: «Тои же весны, Богу попустившю грех ради наших, а диаволу действующу, и по совету лихых людий и бысть мятежь силен в Новгороде, отъяша посадничество у Вондреяна Захарьинича не весь город, токмо Славеньскый конецъ, и даша посадничество Селивестру Лентиеву, и створися проторжь не мала на Ярославле дворе, и сеча бысть, занеже славяне в доспесе подселе бяху, и разгониша заричан, а они без доспеха были, и бояр многих побиле и полупили»⁶⁴. Вполне очевидно, что, если Славенский конец в ходе этих событий оказывается не только противником плотницкого посадника, но и всего софийского боярства, ставленник славян Селивестр Лентеев сам должен быть славенским боярином.

Зная из заключительной формулы Наказа 1372 г. об утверждении акта представителями концов, которых, по свидетельству того же Наказа, к 1372 г. было пять, мы сталкиваемся, казалось бы, с совершенно неожиданным результатом. Пятью перечисленными боярами в посадническом представительстве заняты вакансии всех пяти концов: 1) от Неревского — Юрий Иванович, 2) от Плотницкого — Андреян Захарьинич, 3) от Славенского — Селивестр Лентеев, 4—5) от Загородского и Людина (т. е. от Прусской улицы) — Михаил Данилович и Яков Хотов. Остающийся не локализованным Иван Семенович Муторица оказывается

⁶³ ПСРЛ. Т. 3. С. 228; Т. 4. С. 63. Впрочем, Новгородская Первая летопись не связывает постройку этой церкви с именем Андреяна Захарьинича.

⁶⁴ НПЛ. С. 365—366.

или третьим от Прусской улицы, или (если Яков Хотов представлял Плотницкий конец), от Плотницкого конца было два посадника. И то и другое на первый взгляд представляется нелогичным. Однако проблема решается очень просто. Если единовременных посадников было шесть, то пятеро из них осуществляли представительство от концов, а шестой представлял «Весь Новгород» и избирался на вече особым образом. В данном случае таким общегородским посадником был Михаил Данилович, что позволяет успешно разложить этот непростой «пасьянс»:

От Всего Новгорода	—	Михаил Данилович
От Неревского конца	—	Юрий Иванович
От Плотницкого конца	—	Андреян Захарьинич
От Славенского конца	—	Селивестр Лентеев
От Загородского и Людина концов	—	Яков Хотов и Иван Семенович Муторица

Но если во второй половине XIV в. существует шесть посадников, и это число ограничено принятыми нормами представительства от концов, то мы имеем основание связывать возникновение такого порядка с реформой 1354 г. и предполагать, что после сложения посадничьей должности Онцифором Лукичем посадничество приобрело тот вид, который оно имело в начале 1370-х гг. — с шестью посадниками, один из которых представлял «Весь Новгород», а остальные были представителями концов. Проверим это предположение.

Спорная часть Списков А и Б завершается одними и теми же шестью именами: Иван Семенович Муторица, брат его Александр, Селивестр Лентеев, Иван Федорович Смятанка, Андреян Захарьинич, Юрий Иванович. Соответствуют ли эти имена выясненным выше нормам представительства? Ведь именно эти шесть посадников, если наши предположения верны, пришли одновременно на смену Онцифору Лукичу в 1354 г. Четыре посадника из перечисленных здесь шести живы еще в 1372 г., и их принадлежность к концам уже выяснена. Селивестр Лентеев был славенским боярином, Иван Муторица принадлежал к боярству Прусской улицы, Юрий Иванович — неревский боярин, Андреян Захарьинич — представитель Плотницкого конца. Остающиеся еще не определенными Александр Муторицын и Иван Смятанка к 1372 г. умерли и были заменены прусскими боярами Яковом Хотовым и Михаилом Даниловичем. Следовательно, оба умерших боярина представляли Прусскую улицу и, коль скоро прусских представителей в 1354 г. насчитывается уже трое (Иван Семенович Муторица, его брат Александр Семенович и Иван Федорович Смятанка), надо полагать, что один из этих шести представлял «Весь Новгород».

Эти сопоставления, однако, позволяют установить и еще один немаловажный факт. Показаниями обоих посадничьих списков Яков Хотов, с которым мы познакомились только в 1372 г., охарактеризован как посадник, пришед-

ший к власти раньше шести остальных посадников, т. е. еще до 1354 г. Летописные показания подтверждают наличие активной государственной деятельности Якова в середине XIV в. В 1348 г. Яков Хотов руководил ратью, отбившей нападение на Ижору; тогда же, по взятии Орехова у шведов, он был посажен воеводой в этот город; в 1350 г. Яков Хотов возглавлял победоносный поход новгородцев под Выбор ⁶⁵. Отыскивая возможную дату первого посадничества Якова Хотова, мы должны остановиться на промежутке от февраля 1352 г. до февраля 1353 г. В самом деле, в 1351 г. оно с февраля по июнь принадлежало Федору Даниловичу, с июня 1351 г. по февраль 1352 г. — Онцифору Лукичу; наконец, в 1353—1354 гг. — снова Онцифору Лукичу, после ухода которого возникает коллективное посадничество шести бояр, среди которых уже нет Якова Хотова.

Если ход наших рассуждений правилен, то уход Онцифора Лукича с должности посадника в 1354 г. не был простым отказом одного боярина от политической деятельности. Одновременно с установлением новой формы посадничества и введением новых норм кончанского представительства полностью обновляется вся правящая верхушка Новгорода. Членами государственной элиты престают быть и Онцифор Лукич, и Яков Хотов. Отметим также, что этой реформой активизируется Славенский конец, который в посадническом представительстве впервые в XIV в. обрел свои права.

В свете этих наблюдений становятся понятными и сомнения владельца Комиссионного списка: по имевшемуся в его распоряжении показанию Онцифор Лукич передал посадничество Александру Дворянинцеву брату. Это безусловно противоречивое свидетельство, поскольку Александр Дворянинцев принадлежал к числу дореформенных посадников, отошедших от власти в 1354 г. Руководствуясь своими сомнениями, владелец Комиссионного списка превратил Александра Дворянинцева в тысяцкого, а в качестве посадника вписал небывалого боярина Обакуна Твердиславича. Можно предположить, что имя Александра Дворянцев брата в оригинале Новгородской Первой летописи было трансформировано из имени Александра Муторицына брата. В этом предположении нас особенно укрепляет то обстоятельство, что имя Ивана Муторицы вовсе не известно летописцу; оно встречается лишь в Списке А.

---

⁶⁵ Там же. С. 360—362; ПСРЛ. Т. 4. С. 58—59; Т. 5. С. 225—226; Т. 7. С. 211—212. Нельзя ли отождествить Якова Хотова с «Яковом Симоном», который упоминается в донесении Немецкого двора о событиях 10 ноября 1331 г. (Чтения в Обществе истории и древностей Российских. 1893. Кн. 1. Отд. V. С. 1—8)? Этот «Яков Симон», или Яков Семенович, назван в донесении сыном посадника и должен быть сыном Семена Климовича, поскольку других посадников Семенов в близкое время нет. Напомним, что Семен Климович был представителем Прусской улицы.

Полное обновление состава правящей группы, предпринятое Онцифором Лукичом, наглядно демонстрирует его государственный талант. Преобразованием посадничества как бы начинается новая эпоха в развитии боярской государственности. Новая форма государственной организации вводится на специально расчищенном для нее месте; ее корни, уходящие в тучную почву вековой борьбы боярских группировок за власть, обрублены. Заведен новый государственный механизм, собранный из еще не бывших в работе деталей. Только будущее выявит его достоинства и недостатки.

Реформа 1354 г. не устранила всех организационных противоречий боярской государственности. Само собой очевидно, что полный ее успех мог быть обеспечен только четкой организацией очередности в занятии степенного посадничества посадниками — представителями концов.

Между тем это условие оказалось невыполненным. Славенский конец, который так долго не участвовал в организации власти, теперь испытывает явную неудовлетворенность новой формой управления. Вернемся к летописному рассказу 1360 г., настолько значительному, что он заслуживает здесь полного воспроизведения: «Тои же весны, Богу попустившию грех ради наших, а диаволу действующу; и по совету лихых людий и бысть мятежь силен в Новгороде; отъяша посадничество у Вондреяна Захарыинца не весь город, токмо Славеньский конец, и даша посадничество Селивестру Лентиеву, и створися проторжь не мала на Ярославле дворе, и сеча бысть: занеже славяне в доспесе подселе бяху, и розгониша заричан, а они без доспеха были, и бояр многих побиле и полупили, а Ивана Борисова Лихинина до смерти убили. И доспеша тогда обе стороне противу себе: Софеиская сторона хоти мстити бещестие братьи своеи, а Славеньская от живота и от голов; и стояша три дни межю себе, уже бо славяне и мост переметаша. И съиха владыка Моисеи из монастыря и Олексеи, пойма с собою анхимандрита и игумены, благослови я, рек: „дети, не доспеите поганым похвалы, а святым церквам и месту сему пустоты; не съступитеся битса“. И прияша слово его, и разидошася; и взяша села Селивестровы на щит, а иных сел славеньских много взяша; много же и невиноватых людий погибло тогда; и даша посадничество Миките Матфеевичю, и тако смиришася: не попусти Бог до конца диаволу порадоватися, нъ възвеличано крестиянство в род и род»⁶⁶.

События 1360 г. свидетельствуют не о том, что существовала какая-то система очередности концов в замещении степени, а именно об отсутствии какой-либо системы. На протяжении короткого промежутка времени судьба степени дважды решается простым соотношением сил боярских группировок. На первом этапе посадничество отнято у плотницкого боярина в пользу Славна. Если бы речь шла о нарушении существующей схемы очередности, то развернувшаяся

⁶⁶ НПЛ. С. 365—366.

после избрания Селивестра Лентеева борьба должна была бы иметь своей целью возвращение посадничества Андреяну Захарьиничу. Между тем эта борьба переходит в столкновение Славна с Софийской стороной и завершается избранием на степень неревского боярина. О принадлежности Никиты Матфеевича к Неревскому концу свидетельствует Список Б, называющий Никиту сыном посадника Матфея Варфоломеевича Коски, который, как мы уже знаем, был членом боярского рода Мишиничей.

Незавершенность реформы, отказ от создания жесткой очередности посадников на степени, возведение тем самым внутрибоярской борьбы в одну из норм городской жизни вызваны, нужно думать, традиционной привычкой «вольности в посадниках».

Рассказ о бурных событиях 1360 г. продолжен фразой: «Поиха Олексеи на поставление владычества в Володимирь, позван послы от митрополита; а с ним бояре новгородчкьи: Олександр посадник, Юрьи Еванов»⁶⁷. На протяжении 1360-х гг. летописный рассказ не содержит больше никаких сведений о посадниках и посадничестве. Зато с начала 1370-х гг. число таких сведений возрастает, главным образом за счет актовых сообщений. Под 1371 г. новгородским посадником назван Юрий Иванович, возглавлявший новгородское посольство на съезде с немцами⁶⁸. Он же был степенным в 1376 г., когда 9 марта вместе с тысяцким Олисеем возвел на кафедру Алексея после его временного отречения⁶⁹.

К первой половине 1370-х гг. относятся также восемь актов⁷⁰, вопрос о хронологическом взаимоотношении которых не может быть решен без анализа упоминаемых в них имен посадников и тысяцких. Сама эта проблема нуждается в специальном обсуждении, так как фигурирующие в литературе даты большинства этих актов спорны.

К числу актов с безусловно достоверными датами относятся лишь два документа. Проект договора Новгорода с Любеком, Готским берегом и заморским купечеством, сохранившийся в списке в письме Дерпта Ревелю от 22 августа 1371 г. и датируемый временем несколько ранее этой даты, составлен от имени владыки Алексея, княжеского наместника Андрея, посадника Юрия, тысяцкого Матвея и купеческих старост Сидора и Еремея⁷¹. В договорной грамоте Нов-

⁶⁷ НПЛ. С. 366.

⁶⁸ Там же. С. 371.

⁶⁹ Там же. С. 373. 9 марта 6883 мартовского года. Рассказу предшествует сообщение о солнечном затмении в воскресенье 29 июля, что соответствует 1375 г.; ниже говорится о приезде владыки в пятницу 17 октября, что соответствует 1376 г.

⁷⁰ ГВНП. С. 28—34, № 15—18; С. 74—80, № 42—45.

⁷¹ Там же. С. 74—76, № 42.

города с немецким купечеством о перемирии на два года дата, соответствующая 20 июля 1372 г., указана в самом тексте («Дано и совершено в год Господень 1372, в третий день перед праздником Марии Магдалины»). Этот документ составлен от имени владыки Алексея, княжеского наместника Александра, посадника Михаила, тысяцкого Матвея, купеческих старост Яким и Федора⁷².

Сравнение этих двух документов между собой и с летописным показанием 1371 г. позволяет сделать вывод, что между февралем 1371 г. и февралем 1372 г. посадничьей степенью владел Юрий Иванович, а следующий годичный срок принадлежал Михаилу Даниловичу. Оба годичных срока степенным тысяцким оставался Матфей Фалеевич. Последнее обстоятельство следует отметить особо, так как в летописном рассказе 1371 г. среди членов новгородского посольства на съезде с немцами упомянут тысяцкий Олисей, что могло бы дать повод к неверному предположению о принадлежности ему степенного тысяцкого в это время.

Бесспорные даты этих двух документов, однако, вступают в противоречие с исследовательскими датировками некоторых других актов, в первую очередь с датировками договорной грамоты Новгорода с князем Дмитрием Ивановичем⁷³. Этот документ, составленный от имени владыки Алексея, посадника Юрия и тысяцкого Олисея, чаще всего относят к 1371—1372 гг.⁷⁴ Предложенная Л. В. Черепнинным датировка его 1375 годом была оспорена А. А. Зиминим, который заключил возможную дату составления акта между 12 июля 1372 г. и началом марта 1373 г., склоняясь к предпочтительной датировке началом марта 1373 г.⁷⁵ Не останавливаясь пока на других аргументах А. А. Зимина, отметим, что подтверждение своего вывода он видел в анализе состава посадников и тысяцких, участвовавших в составлении договора с князем Дмитрием (кроме степенного посадника Юрия там упоминается, но уже в качестве посла посадник Иван) и фигурирующих в других актах, «составленных в 1373 г.». К 1373 г. в издании «Грамоты Великого Новгорода и Пскова» отнесены два акта⁷⁶, в которых действительно упоминаются посадники Юрий и Иван и тысяцкий Олисей. Однако нам хорошо известно, что эти лица сосуществовали на протяжении достаточно продолжительного времени; поэтому аргументация А. А. Зимина в этой части представляется методически неточной. Посмотрим, к каким противоречиям

⁷² ГВНП. С. 76—79, № 43.

⁷³ Там же. С. 31, № 16.

⁷⁴ Соловьев С. Об отношениях Новгорода к великим князьям. М., 1846. С. 121; Пресняков А. Е. Образование Великорусского государства. М., 1918. С. 300; ГВНП. С. 31.

⁷⁵ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы. Ч. 1. С. 355; Зимин А. А. О хронологии договорных грамот Великого Новгорода с князьями. С. 317 и сл.

⁷⁶ ГВНП. С. 79—80, № 44, 45.

приводит столкновение этих трех документов при единой их датировке 1373 годом.

Вполне очевидно, что в пределах 1371—1373 гг. договор Новгорода с Дмитрием Ивановичем не может быть датирован временем ранее февраля-марта 1373 г., поскольку в 1372 г. посадничал не Юрий, а Михаил; в 1371 г., когда Юрий действительно занимал степень, тысяцким был не Олисей, а Матфей. Предположив, что при обновлении степени в начале 1373 г. степенное посадничество получил Юрий Иванович, а степенное тысяцкое — Олисей, мы вправе ожидать, что это распределение степеней должно быть присуще и другим актам 1373 г. Однако в договорной грамоте Новгорода с Любеком и Готским берегом, которую датируют временем около 29 сентября 1373 г., степенным посадником назван Юрий, но степенным тысяцким — Матфей⁷⁷. Что касается другого акта, датированного в том же своде новгородских грамот 1373 годом, не позднее сентября — грамоты Новгорода Любеку с требованием возврата пограбленного морскими разбойниками товаров, то в ней степенным посадником оказывается Иван, а степенным тысяцким — Олисей⁷⁸. Таким образом, привязывая все три документа к одной дате, мы наталкиваемся на невероятный вывод о том, что на протяжении одного года степень в Новгороде обновлялась трижды (Михаил и Матфей; Юрий и Олисей; Иван и Олисей; Юрий и Матфей). Очевидно, что в действительности все эти документы разновременные.

Обратимся теперь к другим основаниям датировок этих актов. Относя договорную грамоту Новгорода с Дмитрием Ивановичем к началу марта 1373 г., А. А. Зимин придавал решающее значение тем пунктам договора, из которых следует, что замещать великого князя в Новгороде будет Владимир Андреевич Серпуховской⁷⁹. Отмеченный летописцем приезд в Новгород князя Андрея в начале марта 1373 г.⁸⁰ А. А. Зимин признавал непосредственным результатом рассматриваемого договора. Однако вряд ли этому обстоятельству следует отдавать решающую роль в датировке документа. Порядок соправления в Новгороде князей Дмитрия и Владимира возникает еще до конфликта с Михаилом Александровичем, поскольку об одном из приездов в Новгород Владимира Андреевича летопись сообщает еще под 1368 г.⁸¹ Следовательно, в договорной грамоте речь идет о подтверждении раннего докончания Новгорода с Дмитрием, а такое подтверждение могло состояться и после 1373 г. в момент оконча-

⁷⁷ ГВНП. С. 80, № 45.

⁷⁸ Там же. С. 79, № 44.

⁷⁹ Там же. С. 31, № 16.

⁸⁰ НПЛ. С. 372. Владимир приехал в Новгород «по сборе за неделю» и оставался там до Петрова дня (29 июня); Соборное воскресенье в 1373 г. было 6 марта.

⁸¹ Там же. С. 370.

тельного урегулирования взаимоотношений с Москвой и Тверью. Напомним, что отказ Михаила Александровича от великокняжеского титула относится только к зиме с 1373 на 1374 г. и состоялся в результате соглашения между тверским и московским князьями ⁸².

Более обоснованна, на наш взгляд, датировка 1373 годом договора между Новгородом, Любеком и Готским берегом о пограбленном разбойниками товара ⁸³. Новгород в этом договоре представлен владыкой Алексеем, посадником Юрием и тысяцким Матфеем, Любек — послами Яковом и Иваном, Готланд — послами Григорием и Иваном. В нем ликвидируется тяжба, возникшая после того, как у новгородских купцов «перед Невою» были отняты разбойниками товары и спрятаны в Любеке, на Готланде и в Стокгольме. Грамота была датирована К. Э. Напьерским временем около 29 сентября 1373 г.

Его аргументация основана на сопоставлении рассматриваемой грамоты с документом Ревельского архива, повествующим о поездке в Новгород в 1373 г. около Михайлова дня любекских послов Якова Плескова (Jacob Pleskove) и Иоганна Люнеборга (Johann Luneborg) и готландских послов Герда Веддердена (Gerd von Wedderden) и Боды Волте (Bode Volte), которые были направлены туда по решению ганзейского съезда в Любеке, состоявшегося «в день св. Филиппа и св. Якова» и рассматривавшего жалобу Новгорода на Любек и Готланд. К. Э. Напьерский подчеркнул совпадение имен любекских послов в новгородской грамоте и ревельском документе, а также высказал предположение, что расхождения в именах готландских послов объясняются вероятным искажением и переосмыслением в новгородском акте; в именах Григорий и Герд он усматривал созвучие, а наименование Боды Волте Иваном объяснял отсутствием имени этого посла в православных святцах ⁸⁴. Такому построению нельзя отказать в логике, тем более что смысловое содержание новгородского и ревельского документов идентично.

Признавая принципиальную правильность сопоставлений К. Э. Напьерского, мы устанавливаем, что осенью 1373 г., в момент создания рассмотренного договора, степенным посадником в Новгороде был Юрий Иванович, а степенным тысяцким — Матфей Фалелеевич, которые таким образом оказываются непосредственными преемниками Михаила, занимавшего посадничью степень в 1372 — начале 1373 г. Распределение степеней в эти годы выглядит следующим образом:

	<i>Степенный посадник</i>	<i>Степенный тысяцкий</i>
П. 1371 — П. 1372	Юрий Иванович	Матфей Фалелеевич
П. 1371 — П. 1373	Михаил Данилович	Матфей Фалелеевич
П. 1373 — П. 1374	Юрий Иванович	Матфей Фалелеевич

⁸² ПСРЛ. Т. 15. Ч. 1. Пг., 1922. С. 105.

⁸³ ГВНП. С. 80, № 45.

⁸⁴ Русско-ливонские акты, собраны К. Э. Напьерским. СПб., 1868. С. 77 и сл., № XCVI.

В этих хронологических пределах нет возможностей для возникновения договорной грамоты с князем Дмитрием Ивановичем, составленной от имени посадника Юрия и тысяцкого Олисея. Нет таких возможностей и для датировки 1373 годом грамоты Новгорода Любеку с требованием возврата товаров, составленной от имени посадника Ивана и тысяцкого Олисея⁸⁵. В основу существующей датировки этого акта положено то несомненное обстоятельство, что он предшествует договорной грамоте 1373 г., представляя собой именно ту жалобу, которая обсуждалась на Любекском съезде. В ней сообщается о гибели от разбойников двенадцати новгородцев и сокрытии их товара в Любеке, на Готланде и в Стокгольме. Авторство Ивана и Олисея заставляет отодвигать дату этого документа ко времени до февраля 1371 г. В самом деле, существуют прямые указания на то, что убийство и ограбление новгородцев морскими разбойниками произошли не позднее 1371 г. О них упоминает проект договора 1371 г.: «А учинилось зло на Неве или в Стокгольме новгородскому гостю, на земле или на воде, где ни учинилось, немецкому купцу дела до того нет, где бы ни было»⁸⁶. О них как о причине затяжного международного конфликта говорится и в договоре 20 июля 1372 г.: «Так как немецкий купец долгое время не приезжал торговать в Новгород из-за того, что новгородского гостя убили на море и взяли товар у новгородцев, то Новгород продлил перемирие, после срока, о котором договорились Иоганн Нибур и Иоганн Сварте»⁸⁷. Можно предполагать, что, скорее всего, степень посадника и тысяцкого Иван и Олисей занимали с февраля 1370 по февраль 1371 г.

Существует указание и на то, что Олисей действительно занимал степень тысяцкого до 1374 г., хотя в списке тысяцких он и назван позднее Матфея: «Фалелеи Андреанович, сын его Матфеи, Елисеи Онаньинич...»⁸⁸. В этом тексте Матфей поставлен во взаимосвязь со своим отцом, и, следовательно, место его в списке определяется по генеалогическому, а не по хронологическому признаку. На печати при Наказе 1374 г. Олисей называется «новгородским тысяцким», подобно занимавшему степень в момент составления Наказа Матфею Фалелевичу и в отличие, например, от Филиппа, который на степени не был и титулуется просто «тысяцким». Вероятно, оформление булл с титулом «тысяцкого новгородского» сопряжено с получением их владельцами степени, поскольку этот титул связан с представительством от всего Новгорода.

Установив главным образом на основании международных актов Новгорода принадлежность степени в 1370—1373 гг., мы можем теперь перейти к вопросу

⁸⁵ ГВНП. С. 79, № 44.

⁸⁶ Там же. С. 75, № 42.

⁸⁷ Там же. С. 77, № 43.

⁸⁸ НПЛ. С. 472.

о датировке договорных грамот Новгорода с великими князьями 1370-х гг. До-кончание Новгорода с Михаилом Александровичем датируют обычно 1371—1372 гг.⁸⁹ Как уже указывал А. А. Зимин, возможности более точной датировки этого документа содержатся в его заключительной формуле, которая ставит вопрос об окончательном утверждении договора в связь с результатами ордынского решения о великокняжеском ярлыке. Из этого следует, что договор составлен летом 1371 г., когда князь Дмитрий Иванович ездил в Орду. Имена посадника и тысяцкого в грамоте не названы, однако при документе сохранились печати: «Новгородская печать и посадника», идентичная печати Наказа 1374 г., и печать тысяцкого Матфея Фалеевича. Присутствие печати Матфея не противоречит датировке акта 1371 годом, а отсутствие личной печати Юрия и отсутствие его имени в документе вполне подкрепляют предложенную А. А. Зиминим дату, если докончание составлено в тот момент, когда Юрия Ивановича, возглавлявшего посольство на съезде с немцами, в Новгороде не было.

Нет каких-либо трудностей с датировкой договорной грамоты Михаила Александровича и Новгорода о мире⁹⁰. Договор, в котором Михаил отказывается от всех претензий к Новгороду, составленный к тому же после «новоторжского взятия» 1372 г., о котором в нем упоминается, может относиться ко времени не ранее начала сентября 1375 г., когда Михаил потерпел окончательное поражение. Именно так он датирован в «Грамотах Великого Новгорода и Пскова» и А. А. Зиминим⁹¹. Имеется, однако, возможность несколько уточнить его дату. В договорной грамоте Дмитрия Ивановича и Новгорода с Михаилом Александровичем отражены календарные подробности регулирования отношений с Тверью после августовской войны 1375 г.: «А как есми стал под городом под Тферью до Семеня дни за месяц, что будешь у мене взял воиноу в тот месяц, тому всему межи нас погреб»⁹². Заключение мира в этом документе датировано днем Положения вериг св. Петра, т. е. 16 января: «А всему обидному делу межи нас суд вопчий от первого нашего целованья, от положения вериг святого апостола Петра». Оформление новых отношений происходит после 16 января 1376 г. Рассматриваемый мирный договор скреплен печатями посадника Юрия Ивановича и тысяцкого Матфея Фалеевича.

⁸⁹ ГВНП. С. 28—30, № 15; *Кочин Г. Е.* О договорах Новгорода с князьями // Учен. зап. ЛГПИ. 1939. Т. 19. С. 216; *Пресняков А. Е.* Указ. соч. С. 302—303; *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы. Ч. 1. С. 308—309; *Зимин А. А.* О хронологии договорных грамот Великого Новгорода с князьями. С. 315.

⁹⁰ ГВНП. С. 33—34, № 18.

⁹¹ *Зимин А. А.* О хронологии договорных грамот Новгорода с князьями. С. 316.

⁹² Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.; Л., 1950. № 9.

Для договора князя Дмитрия Ивановича с Новгородом о взаимопомощи, называющего посадником Юрия и тысяцким Олисея, от имени которого к великому князю приехал посадник Иван⁹³, исследователями предлагались разные даты. С. М. Соловьев, В. С. Борзаковский и А. Е. Пресняков относили это dokonчание к 1371—1372 гг.; Л. В. Черепнин полагал, что его содержание тяготеет к ситуации 1374—1375 гг.⁹⁴ А. А. Зимин предложил датировать документ временем около начала марта 1373 г.⁹⁵ Верным представляется датировать этот договор близко к наиболее поздней из указанных дат. Очевидно, что рассматриваемая грамота не может относиться ко времени ранее осени 1370 г., так как в ней говорится об уже существующем конфликте между Дмитрием Ивановичем и Михаилом Александровичем: «А доколе ся Новьгород с литовским князем и со тферьским князем Михаилом не умирит, или с Немци, мне князю великому и моему брату князю Володимеру Новагорода не метати; любо ми самому быти князю великому в Новеороде, или брата пошло, доколе Новьгород умирю». Казалось бы, приведенное условие заставляет склониться к датировке документа 1372 годом, когда уже состоялось «новоторжское взятие» и Новгород находился в состоянии войны с Тверью, коль скоро, как бы во исполнение этого условия, Владимир Андреевич Серпуховской находился в Новгороде с 6 марта по 29 июня 1373 г. Однако в оформлении рассматриваемого договора со стороны Новгорода принимают участие, как уже отмечено, степенные посадник Юрий и тысяцкий Олисей, которые в таком сочетании не могли владеть степенью ранее февраля 1376 г., коль скоро степень до этого времени занимали иные пары. О принадлежности степенным посаднику Юрию и тысяцкому Олисею именно срока с февраля 1376 г. свидетельствует летопись в рассказе об избрании владыки Алексея и возведении его на сени 9 марта 1376 г.: Алексея просят принять кафедру посадник Юрий и тысяцкий Олисей⁹⁶. Поэтому датировать комментируемый документ возможно только 1376 годом. В нем Новгород снова регулирует свои отношения с Москвой после исчерпания новгородско-тверского конфликта 1372—1375 гг.

Итоги наблюдений над переходом степени посадника и тысяцкого в 1370—1376 гг. могут быть изложены в следующей таблице:

<i>Степенный посадник</i>	<i>Степенный тысяцкий</i>
II.1370 — II.1371 Иван Семенович	Олисей Онаньинич ГВНП, № 44
II.1371 — II.1372 Юрий Иванович	Матфей Фалелеевич ГВНП, № 15, 42
II.1372 — II.1373 Михаил Данилович	Матфей Фалелеевич ГВНП, № 17, 43

⁹³ ГВНП. С. 31, № 16.

⁹⁴ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы. Ч. 1. С. 316—317.

⁹⁵ Зимин А. А. О хронологии договорных грамот Новгородa с князьями. С. 317—318.

⁹⁶ НПЛ. С. 373.

II.1373 — II.1374 Юрий Иванович	Матфей Фалелеевич ГВНП, № 45
...	
II.1375 — II.1376 Юрий Иванович	Матфей Фалелеевич ГВНП, № 18
II.1376 — II.1377 Юрий Иванович	Олисей Онаньинич ГВНП, № 16

Интересные материалы для подтверждения правильности предложенных датировок дает сравнение актовых булл. Печать посадника Юрия Ивановича известна в двух вариантах, различающимися между собой мелкими деталями матриц⁹⁷. Поскольку эти различия не принципиальны, они не могут свидетельствовать о функциональной разнице в применении булл. Между вариантами могут существовать только хронологические различия: возникновение более позднего варианта вызвано утратой или порчей матриц более раннего варианта. Первый вариант буллы Юрия Ивановича сохранился при Наказе 1372 г.⁹⁸, второй при грамотах ГВНП, № 45 и 18, отнесенных выше соответственно к 1373 и 1375 гг.⁹⁹ Также в двух вариантах с незначительными отличиями матриц известна печать тысяцкого Матфея Фалелеевича. Первый вариант этой буллы¹⁰⁰ сохранился при грамоте ГВНП, № 15, отнесенной к 1371 г., второй¹⁰¹ — при грамотах ГВНП, № 17 и 45, датированных соответственно 1372 и 1373 гг. В обоих случаях нет хронологического смешения взаимоисключающих вариантов.

Все эти наблюдения позволяют реконструировать схему сосуществования посадников третьей четверти XIV в. в виде следующей синхронистической таблицы (см. табл. 8).

ПОСАДНИКИ 1380-х гг.

Материалы, относящиеся к следующему периоду новгородской истории обильны и в своей совокупности позволяют сделать ряд решительных выводов, подтвердив и те предположения относительно новых форм организации посадничества, которые были высказаны ранее.

Рассмотрим этот период по десятилетним этапам. В 1380 г. последний раз в летописи упоминается Юрий Иванович¹⁰². Это не значит, что он умер в

⁹⁷ Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси. Т. 2. С. 198, № 585, 586.

⁹⁸ Там же. № 585-1.

⁹⁹ Этот факт не был учтен мной при передатировке Наказа 1372 г. (Янин В. Л. Новгородские акты XII—XV вв.: Хронологический комментарий. С. 168—170), что привело к неправильной хронологической оценке документа.

¹⁰⁰ Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси. Т. 2. С. 201, № 596.

¹⁰¹ Там же. С. 202, № 597.

¹⁰² НПЛ. С. 376; ПСРЛ. Т. 4. С. 75; Т. 5. С. 238.

Таблица 8

Посадничество 1351—1377 гг.

	<i>Неревский конец</i>	<i>Людин и Загородский концы</i>	<i>Плотницкий конец</i>	<i>Славенский конец</i>	<i>Весь Новгород</i>
51	Онцифор Лукинич	<i>Федор Данилович</i>	?	?	
52	Онцифор Лукинич	<i>Яков Хотов</i>	?	?	
53	<i>Онцифор Лукинич</i>	Яков Хотов	?	?	
54	<i>Онцифор Лукинич</i>	Яков Хотов	?	?	
	Юрий Иванович	Иван Семенович	Иван Федорович	Андреян Захарович	<i>Сильвестр Лентеев Александр Семенович</i>
55	Юрий Иванович	Иван Семенович	Иван Федорович	Андреян Захарьинич	<i>Сильвестр Лентеев Александр Семенович</i>
	Юрий Иванович	Иван Семенович	Иван Федорович	Андреян Захарьинич	<i>Сильвестр Лентеев ?</i>
56	Юрий Иванович	Иван Семенович	Иван Федорович	Андреян Захарьинич	<i>Сильвестр Лентеев ?</i>
57	Юрий Иванович	Иван Семенович	Иван Федорович	Андреян Захарьинич	<i>Сильвестр Лентеев ?</i>
58	Юрий Иванович	Иван Семенович	Иван Федорович	Андреян Захарьинич	<i>Сильвестр Лентеев ?</i>
59	Юрий Иванович	Иван Семенович	Иван Федорович	Андреян Захарьинич	<i>Сильвестр Лентеев ?</i>
60	Юрий Иванович	Иван Семенович	Иван Федорович	Сильвестр Лентеев	<i>Андреян Захарьинич</i>
	Юрий Иванович	Иван Семенович	Александр Семенович	Андреян Захарьинич	<i>Сильвестр Лентеев</i>
	Юрий Иванович	Иван Семенович	Александр Семенович	Андреян Захарьинич	<i>Сильвестр Лентеев Никита Матфеевич</i>
61	Юрий Иванович	Иван Семенович	?	Андреян Захарьинич	<i>Сильвестр Лентеев Никита Матфеевич</i>
62	Юрий Иванович	Иван Семенович	?	Андреян Захарьинич	<i>Сильвестр Лентеев ?</i>
63	Юрий Иванович	Иван Семенович	?	Андреян Захарьинич	<i>Сильвестр Лентеев ?</i>

Продолжение табл. 8

364	Юрий Иванович	Иван Семенович	?	Андреан Захарьинич	Сильвестр Лентеев	?
365	Юрий Иванович	Иван Семенович	?	Андреян Захарьинич	Сильвестр Лентеев	?
366	Юрий Иванович	Иван Семенович	?	Андреян Захарьинич	Сильвестр Лентеев	?
367	Юрий Иванович	Иван Семенович	?	Андреян Захарьинич	Сильвестр Лентеев	?
368	Юрий Иванович	Иван Семенович	?	Андреян Захарьинич	Сильвестр Лентеев	?
369	Юрий Иванович	Иван Семенович	?	Андреян Захарьинич	Сильвестр Лентеев	?
370	Юрий Иванович		?	Андреян Захарьинич	Сильвестр Лентеев	<i>Иван Семенович</i>
371	Юрий Иванович		?	Андреян Захарьинич	Сильвестр Лентеев	<i>Иван Семенович</i>
		Иван Семенович	?	Андреян Захарьинич	Сильвестр Лентеев	<i>Юрий Иванович</i>
372		Иван Семенович	?	Андреян Захарьинич	Сильвестр Лентеев	<i>Юрий Иванович</i>
	Юрий Иванович	Иван Семенович	?	Андреян Захарьинич	Сильвестр Лентеев	<i>Михаил Данилович</i>
373	Юрий Иванович	Иван Семенович	?	Андреян Захарьинич	Сильвестр Лентеев	<i>Михаил Данилович</i>
		Иван Семенович	?	Андреян Захарьинич	Сильвестр Лентеев	<i>Юрий Иванович</i>
374		Иван Семенович	?	Андреян Захарьинич	Сильвестр Лентеев	<i>Юрий Иванович</i>
	Юрий Иванович	Иван Семенович	Яков Хотов	Андреян Захарьинич	Сильвестр Лентеев	?
375		Иван Семенович	Яков Хотов	Андреян Захарьинич	Сильвестр Лентеев	?
		Иван Семенович	Яков Хотов	Андреян Захарьинич	Сильвестр Лентеев	<i>Юрий Иванович</i>
376		Иван Семенович	Яков Хотов	Андреян Захарьинич	Сильвестр Лентеев	<i>Юрий Иванович</i>
		Иван Семенович	Яков Хотов	Андреян Захарьинич	Сильвестр Лентеев	<i>Юрий Иванович</i>
377		Иван Семенович	Яков Хотов	Андреян Захарьинич	Сильвестр Лентеев	<i>Юрий Иванович</i>

указанном году, однако отсутствие каких-либо позднейших сведений позволяет предполагать, что конец его посадничества относится к 1380-м гг. Более определенна судьба одного из прусских посадников — Михаила Даниловича, умершего в 1392 г.¹⁰³ Бывший посадником еще в 1372 г., он, следовательно, продолжает свою деятельность на всем протяжении 70-х и 80-х гг. XIV в. Остальные посадники 1372 г. в летописи и актах больше не встречаются. Неизвестны годы смерти Якова Хотова, Ивана Семеновича, Селивестра Лентеева и Андрияна Захарьинича. На смену им в 1370-х и 1380-х гг. приходят новые посадники.

К 1385 г. относится сообщение летописи о том, что в посадничество Федора Тимофеевича новгородцы постановили отнять у митрополита суд в Новгороде¹⁰⁴. Под 1386 г. упоминается посадник Василий Федорович, которого новгородцы отправляют в Ямны для передачи Дмитрию Донскому выкупа за пограбленных на Волоке московских купцов. Вместе с ним везет выкуп новгородский посадник Григорий Якунович¹⁰⁵. Под тем же годом снова назван посадник Федор Тимофеевич в связи с его поездкой на Волок за данью¹⁰⁶.

Летописный рассказ 1388 г. сообщает еще два имени. В октябре этого года в Новгороде начинается восстание против посадника Есифа Захарьинича, на которого ополчилась вся Софийская сторона: «Всташа 3 конца Софеиское стороне». Восставшие взяли его дом и «хоромы разверзоша». Есиф бежал в Плотницкий конец, где за него встала вся Торговая сторона. Борьба продолжалась две недели, затем мир был восстановлен и посадничество получил Василий Иванович¹⁰⁷. В конце 1388 г. вместе с владыкой Иоанном, отправившимся на поставление в Москву, едет посадник Василий Федорович¹⁰⁸. В 1389 г. упоминается посадник Григорий Якунович, поставивший каменную церковь Покрова¹⁰⁹.

Единственный раз и только в Краткой редакции Новгородской Третьей летописи под 1383 г. назван посадник Филипп: он строит церковь на Нутной улице¹¹⁰. Однако существование такого посадника сомнительно, и это свидетельство следует отнести к числу недостоверных. В Краткой редакции Новгородской Третьей летописи, возникшей на рубеже XVII—XVIII вв., говорится о построении церкви св. Филиппа на Нутной улице «посадниками» Родославом, Устином и Филиппом в 1383 г. Но Родослав, который действительно был стро-

¹⁰³ НПЛ. С. 385; ПСРЛ. Т. 4. С. 99, 140.

¹⁰⁴ ПСРЛ. Т. 4. С. 91.

¹⁰⁵ ПСРЛ. Т. 5. С. 240.

¹⁰⁶ НПЛ. С. 380—381.

¹⁰⁷ Там же. С. 382.

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ Там же. С. 383.

¹¹⁰ Новгородские летописи. СПб., 1879. С. 244; ПСРЛ. Т. 3. С. 232.

ителем этой церкви, жил не в XIV в., а в конце XII в. В летописи рассказывается о построении той же самой церкви боярином Родославом Даниловичем еще в 1194 г.¹¹¹ Посадником Родослав не был. Списки не знают также посадников Устина и Филиппа. С. Н. Азбелев, специально исследовавший это спорное сообщение, убедительно доказывает, что основой спорного места послужило использование составителем Краткой редакции Новгородской Третьей летописи синодика церкви св. Филиппа времени Алексея Михайловича. В синодике содержится аналогичное известие о строительстве церкви «посадниками» Родославом, Устином и Филиппом под 1383 г., не подтвержденное другими текстами¹¹².

Таким образом, для 1380-х гг. мы располагаем следующими новыми посадничьими именами: Федор Тимофеевич, Василий Федорович, Григорий Якунович, Есиф Захарьинич, Василий Иванович. По своему составу эти имена совпадают с тем местом Списка А, которое следует за именем посадника Михаила Даниловича, в чем легко убедиться, сопоставляя список с изложенными летописными показаниями:

Список А

Летописи

Григорий (Якунович)	Григорий Якунович, 1386, 1389 гг.
Никита (Матфеевич)	(Никита Матфеевич, 1360 г.)
Василий Федорович	Василий Федорович, 1386, 1388 гг.
Василий (Иванович)	Василий Иванович, 1388 г.
Федор (Тимофеевич)	Федор Тимофеевич, 1385, 1386 гг.
Еска (Есиф Захарьинич)	Есиф Захарьинич, 1388 г.

Очередность посадников в Списке А независима от летописных сообщений. Нам уже неоднократно доводилось убеждаться, что в ее основе лежит хронологическая последовательность избрания бояр на посадничество. Поэтому, сопоставляя показания Списка А с летописными сообщениями, мы получаем возможность принять для начала посадничества некоторых из названных здесь бояр более ранние даты, нежели указанные летописью в случайных контекстах. В частности, посадничества Григория Якуновича, Василия Федоровича и Василия Ивановича начались ранее 1386 г., поскольку следующий в списке за ними Федор Тимофеевич был посадником уже в 1385 г. Что касается Никиты Матфеевича, ошибочность его места в Списке А уже разъяснена выше.

¹¹¹ НПЛ. С. 234.

¹¹² *Макарий*. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. Ч. 1. С. 377—381; *Азбелев С. Н.* Развитие летописного жанра в Новгороде в XVII в. // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1958. Т. 15. С. 129—262; *Он же*. Новгородские летописи XVII в. Новгород, 1960. С. 99—104.

Здесь же следует проследить и конечные даты посадничества перечисленных бояр. Общее укрепление республиканской организации в конце XIV и начале XV в. привлекает к посадникам особое внимание летописца, который в этот период пунктуально отмечает известия о кончинах посадников, что в значительной степени облегчает и нашу работу. Нам неизвестны только даты смерти Никиты Матфеевича и Григория Якуновича. Василий Федорович и Михаил Данилович скончались в 1392 г.¹¹³, Василий Иванович — в 1405 г.¹¹⁴, Есиф Захарьинич — в 1409 г.¹¹⁵ Наиболее долговечным оказался Федор Тимофеевич, умерший в 1421 г.¹¹⁶

Территориальная принадлежность новых посадников вполне поддается определению. Василий Иванович, согласно показаниям Списка Б, был братом Юрия Ивановича и, следовательно, в посадничестве представлял Неревский конец. Принадлежность Григория Якуновича четко определяется его строительной деятельностью. Построенная им церковь Покрова «на воротех» хорошо известна в Новгороде. Это поставленная впервые еще Семеном Климовичем в 1305 г. каменная церковь «на воротех от Прусской улицы», сохранившаяся до сих пор при Покровской башне Детинца. Следовательно, в посадничестве Григорий Якунович представлял прусское боярство. Ясна территориальная принадлежность и посадника Василия Федоровича. Как уже отмечалось, он был сыном посадника Федора Юрьевича и похоронен в монастыре св. Николая в Загородском конце; это также представитель Прусской улицы.

Летописец дает исключительно четкие материалы для определения территориальной принадлежности Есифа Захарьинича. Его опорой в восстании 1388 г. является Плотницкий конец. Более того, согласно Списку Б, он был братом Андреяна Захарьинича, долгие годы представлявшего Плотницкий конец. Однако в рассматриваемый период Захарьиничи демонстрируют и свои связи с Прусской улицей. Андреян Захарьинич еще в 1358 г. был строителем церкви Двенадцати апостолов в Загородском конце¹¹⁷, а хоромы Есифа Захарьинича в 1388 г. были разграблены восставшими жителями Софийской стороны еще до того, как он бежал в Плотницкий конец. Очевидно, что Захарьиничи, осуществляя в посадничестве представительство от Плотницкого конца, имели владения и на Софийской стороне. Мы увидим далее, что и их потомки прочно связаны с Софийской стороной. Отметим здесь еще одно существенное обстоятельство. Есиф Захарьинич в 1384 г. еще не был посадником, под указанной датой лето-

¹¹³ НПЛ. С. 385; ПСРЛ. Т. 4. С. 99, 140.

¹¹⁴ НПЛ. С. 398; ПСРЛ. Т. 4. С. 108, 145.

¹¹⁵ НПЛ. С. 401; ПСРЛ. Т. 4. С. 111.

¹¹⁶ НПЛ. С. 413; ПСРЛ. Т. 4. С. 120.

¹¹⁷ ПСРЛ. Т. 3. С. 228; Т. 4. С. 63.

писец знает его как тысяцкого¹¹⁸. Значит, в 1384 г. предшественник Есифа в представительстве от плотничан Андреян Захарынич был еще жив.

Что касается территориальной принадлежности Федора Тимофеевича, то она точно определена Подтвердительной грамотой Славенского конца Саввино-Вишерскому монастырю к прежнему земельному пожалованию: «Покончаша промежу себя посадники великого конца Славенского... Что дали посадники Федор Тимофеевич и Иван Александрович и старшие посадники и тысяцкии землю кончанскую Саве старцу...»¹¹⁹

Результаты этих наблюдений обобщены в таблице № 9 (см. табл. 9), которая нуждается в нескольких пояснениях. В ней посадничество Сильвестра Лентеева доведено до 1380 г., хотя последнее упоминание о нем в источниках относится к 1372 г. (печать при Наказе). Основанием при этом послужили следующие соображения. Преемник Сильвестра Лентеева Федор Тимофеевич был посадником уже в 1385 г. Однако показаниями Списка А начало его посадничества отнесено ко времени более позднему, нежели начало посадничества Василия Ивановича. Между тем Василий Иванович, бывший представителем Неревского конца, не мог стать посадником ранее 1380 г., так как в указанном году был еще жив его предшественник Юрий Иванович. Отсюда следует, что и Федор Тимофеевич не был еще посадником в 1380 г., а значит, что и его предшественник Сильвестр Лентеев тогда был еще жив.

Таблица отражает сосуществование шести посадников, что соответствует и ситуации предшествующего времени и засвидетельствовано печатями Наказа 1372 г.: пять посадников представляли концы, а одного новгородцы ежегодно избирали в качестве степенного — от «Всего Новгорода». Как и в 1370-х гг., когда два конца — Людин и Загородский — были представлены тремя посадниками (Михаил Данилович, Иван Семенович, Яков Хотов), так и теперь эти концы демонстрируют тройное представительство (Михаил Данилович, Григорий Якунович, Василий Федорович).

ПОСАДНИКИ 1390-х гг.

Даты кончин новгородских посадников, появляющиеся в летописях с 1390-х гг., на некоторый период становятся в круг постоянного внимания летописца и позволяют очень полно проследить переход посадничества от одних бояр к другим внутри определенных концов. Новая возможность подтвердить

¹¹⁸ ПСРЛ. Т. 23. С. 340.

¹¹⁹ ГВНП. С. 148, № 91. Грамота относится к 1460-м гг. (Янин В. Л. Новгородские акты XII—XV вв.: Хронологический комментарий. С. 221—222).

Таблица 9

Посадники 1370—1380-х гг.

Неревский конец		Людин и Загородский концы		Плотницкий конец	Славенский конец	
72	Юрий Иванович	Михаил Данилович	Иван Семенович	Яков Хотов	Андреян Захарьинич	Сильвестр Лентеев
73	Юрий Иванович	Михаил Данилович	Иван Семенович	Яков Хотов	Андреян Захарьинич	Сильвестр Лентеев
74	Юрий Иванович	Михаил Данилович	Иван Семенович	Яков Хотов	Андреян Захарьинич	Сильвестр Лентеев
75	Юрий Иванович	Михаил Данилович	Иван Семенович	Яков Хотов	Андреян Захарьинич	Сильвестр Лентеев
76	Юрий Иванович	Михаил Данилович	Иван Семенович	Яков Хотов	Андреян Захарьинич	Сильвестр Лентеев
77	Юрий Иванович	Михаил Данилович	Иван Семенович	Яков Хотов	Андреян Захарьинич	Сильвестр Лентеев
78	Юрий Иванович	Михаил Данилович			Андреян Захарьинич	Сильвестр Лентеев
79	Юрий Иванович	Михаил Данилович			Андреян Захарьинич	Сильвестр Лентеев
80	Юрий Иванович	Михаил Данилович			Андреян Захарьинич	Сильвестр Лентеев
81		Михаил Данилович			Андреян Захарьинич	
82		Михаил Данилович			Андреян Захарьинич	
83		Михаил Данилович	Григорий Якунович		Андреян Захарьинич	
84	Василий Иванович	Михаил Данилович	Григорий Якунович	Василий Федорович	Андреян Захарьинич	
85	Василий Иванович	Михаил Данилович	Григорий Якунович	Василий Федорович		Федор Тимофеевич
86	Василий Иванович	Михаил Данилович	Григорий Якунович	Василий Федорович		Федор Тимофеевич
87	Василий Иванович	Михаил Данилович	Григорий Якунович	Василий Федорович		Федор Тимофеевич
88	Василий Иванович	Михаил Данилович	Григорий Якунович	Василий Федорович	Есиф Захарьинич	Федор Тимофеевич
89	Василия Иванович	Михаил Данилович	Григорий Якунович	Василий Федорович	Есиф Захарьинич	Федор Тимофеевич
90	Василий Иванович	Михаил Данилович		Василий Федорович	Есиф Захарьинич	Федор Тимофеевич
91	Василий Иванович	Михаил Данилович		Василий Федорович	Есиф Захарьинич	Федор Тимофеевич
92	Василий Иванович	<u>Михаил Данилович</u>		<u>Василий Федорович</u>	Есиф Захарьинич	Федор Тимофеевич
до 1405 г.		+ 1392 г.		+ 1392 г.		до 1409 г.
						до 1421 г.

правильность вывода о кончанском представительстве в посадничестве появляется в связи с анализом летописных и актовых сообщений рубежа 1380-х и 1390-х гг.

В промежутке от 1389 до 1392 г. в источниках, согласно со всеми предшествующими наблюдениями, могло и должно было появиться только одно новое посадниче имя. В этот период теоретически возникает лишь одна вакансия в посадничестве, освобожденная Григорием Якуновичем, сведения о котором прекращаются на 1389 г. Остальные пять посадников в этот короткий период живы, и новые вакансии появятся лишь в 1392 г. со смертью Василия Федоровича и Михаила Даниловича.

Григорий Якунович был представителем Прусской улицы. Значит, и новый посадник, если он действительно появится в этот отрезок времени, должен принадлежать к боярству Людина или Загородского конца. Под 1391 г. в летописи записан следующий рассказ: «Послаша новгородци на съезд с Немци в Ызборьско посадника Василья Федоровича, посадник Богдан Обакунович, посадника Федора Тимофеевича, тысячкого Есифа Фалеевича, Василья Борисовича и купцев»¹²⁰. Василия Федоровича и Федора Тимофеевича мы знаем как посадников с середины 1380-х гг. Богдан Обакунович появляется впервые.

Принадлежность Богдана Обакуновича к кругам прусского боярства более чем очевидна, так как в следующем, 1392 г. он «со своей братью и уличаны» строит каменную церковь св. Симеона на Чудинцевой улице¹²¹, входившей в Загородский конец. Под 1394 г. летопись сообщает о предоставлении Богдану посадничества¹²². Разумеется, речь здесь идет о степенном посадничестве, поскольку посадничий титул он носил еще в 1391 г. Последние сведения о нем относятся к 1397 г., когда Богдан вместе с владыкой Иоанном едет посольством в Москву¹²³.

С другой стороны, само появление нового посадника в 1391 г. на единственно возможной вакансии Прусской улицы свидетельствует о том, что непосредственный предшественник Богдана — Григорий Якунович — к 1391 г. скончался или сложил с себя посадничество. Это наблюдение дает возможность значительно уточнить даты двух интересных новгородских документов, упоминающих посадника Григория. Имеются в виду данные спинских сябров, датированные в последнем их издании 1389—1415 гг.¹²⁴

В этих грамотах посадник Григорий с другими боярами передает Спасскому Верендовскому монастырю значительные земельные участки между реками Ве-

¹²⁰ НПЛ. С. 384; ПСРЛ. Т. 4. С. 98, 140.

¹²¹ НПЛ. С. 385; ПСРЛ. Т. 4. С. 99, 140.

¹²² НПЛ. С. 386; ПСРЛ. Т. 4. С. 140.

¹²³ НПЛ. С. 390; ПСРЛ. Т. 4. С. 102, 141; Т. 5. С. 250; Т. 8. С. 70.

¹²⁴ ГВНП. С. 164—166, № 107, 109.

ренкою и Видогощью. Среди этих бояр названы посадничий сын Кирилла Андреевич, Захарья Яковлевич с братьею, Юрий Дмитриевич и Кирилл Семенов. Кирилл Андреевич может быть сыном только Андреяна Захарьинича, так как никаких других посадников с именем Андрей или Андреян в близкое время до 1415 г. не было. Одна из грамот называет также известного нам боярина: «А что Есифа посадника земля, и лес, и пожни его, а в то ся чернцам не вступатца»¹²⁵.

Крайние даты документов, принятые при их издании, основаны на упоминании в них архиепископа Иоанна (1389—1415 гг.). Однако само присутствие в их текстах имени посадника Григория позволяет ограничить эти даты 1389—1391 гг. В эти годы, кроме того, не только был посадником упомянутый в одной из грамот Есиф, но и Кирилл Андреевич действительно был еще только посадничьим сыном, тогда как уже в начале XV в. он сам стал посадником. В близкое время, в 1410 г., существовал еще один посадник Григорий — Григорий Богданович, однако он, как увидим далее, сделался посадником уже после смерти Кириллы Андреевича. Поэтому данные спинских сябров возможно связывать лишь с Григорием Якуновичем и датировать их 1389—1391 гг.

В этих документах совместно названы прусский посадник Григорий и сын плотницкого посадника Кирилл. В них же упоминается плотницкий посадник Есиф. Боярское «товарищество» в данном случае оказывается товариществом территориальным или кончанским, поскольку Захарьиничи, к которым принадлежали Кирилл и Есиф, были связаны не только с плотницким концом, но и с Прусской улицей.

Отмечая появление единственного нового посадничьего имени между 1389 и 1392 гг. на единственной возможной посадничьей вакансии, мы совершенно игнорируем показания так называемой «Ободной грамоты 1391 г.», называющей посадников Юрия Онцифоровича и Мирона Ивановича¹²⁶. Подложность этой грамоты слишком очевидна, а ее фабрикация относится к XVI в.¹²⁷

После того как около 1391 г. состав посадников был пополнен Богданом Обакуновичем и вновь доведен до шести, в следующем, 1392 г. открылись две новые вакансии. Смерть Василия Федоровича и Михаила Даниловича освободила места представителей Прусской улицы. Эти места немедленно должны были заполниться. Еще одна очередная вакансия могла открыться только в 1397 г., когда прекращаются сведения о Богдане Обакуновиче, а остальные посадники еще живы. Таким образом, между 1392 и 1397 гг. следует ждать появления двух — и только двух — новых посадничьих имен.

¹²⁵ Там же. С. 164, № 107.

¹²⁶ Там же. С. 286, № 285.

¹²⁷ Там же.

И в самом деле, в указанный промежуток времени появляются только два новых посадничьих имени. В известном договоре с ганзейскими городами 1392 г., так называемом «Нибуровом мире», посадником, занимавшим степень в момент заключения этого мира, назван Тимофей Юрьевич, имя которого в более ранних текстах нам еще не встречалось: «Се приеха Иван Нибур из Люпка посольством... к посаднику Тимофею Юрьевичу и тысяцькому Миките Федоровицю, ко всему Великому Новугороду»¹²⁸. На протяжении 1390-х гг. Тимофей Юрьевич назван еще раз как степенный посадник под 1397 г.: «И посадник Тимофеи Юрьевич и тысячкый Микита Федорович и вси посадники и тысячкый и бояре и весь Великий Новъград благословение своего господина отца владыще Ивана приняле»¹²⁹. Умер посадник Тимофей Юрьевич в 1409 г.¹³⁰

Под 1397 г. в летописи сообщается о смерти посадника Есифа Фалелеевича¹³¹. Это второй новый посадник, пришедший на должность между 1392 и 1397 г. Напомним, что в 1391 г. он был еще тысяцким¹³².

Летопись сообщает, что в 1405 г. умер хорошо известный нам посадник Василий Иванович¹³³. Среди посадников, начавших свою деятельность между 1397 и 1405 г., существует двое — Юрий Дмитриевич, фигурирующий в летописном рассказе 1398 г.¹³⁴ и Александр Фоминич, впервые упомянутый под 1403 г.¹³⁵ Очевидно, что эти бояре занимают вакансии, освободившиеся в 1397 г. В 1397 г. умер прусский представитель в посадничестве Есиф Фалелеевич; в том же году в последний раз летопись упоминает прусского посадника Богдана Обакуновича. Заметим, что Список Б констатирует родство Александра Фоминича и прусского посадника Тимофея Юрьевича: «...Тимофеи Юрьевич, братан его Александр Фоминич»¹³⁶. А летописный рассказ 1407 г. сообщает, что «поставиша Юрьи посадник Дмитриевич, брат его Яков церковь камену Чюдо архистратига Михаила в Хонех в Аркажи монастыри»¹³⁷. Аркаж монастырь был духовным центром Загородского конца.

Таким образом, в 1398 г. посадничество включает в себя, как и ожидалось, шестерых бояр: неревского — Василия Ивановича, прусских — Тимофея Юрьевича,

¹²⁸ Там же. С. 81, № 46.

¹²⁹ НПЛ. С. 390; ПСРЛ. Т. 4. С. 102, 141, 195.

¹³⁰ НПЛ. С. 401; ПСРЛ. Т. 4. С. 111.

¹³¹ НПЛ. С. 389; ПСРЛ. Т. 4. С. 102, 141.

¹³² НПЛ. С. 384; ПСРЛ. Т. 4. С. 98, 140.

¹³³ НПЛ. С. 398.

¹³⁴ Там же. С. 391.

¹³⁵ ПСРЛ. Т. 4. С. 107, 145.

¹³⁶ НПЛ. С. 472.

¹³⁷ Там же. С. 400.

Юрия Дмитриевича, Александра Фоминича, плотницкого — Есифа Захарьинича, славенского — Федора Тимофеевича. Результат наблюдений над сосуществованием посадников 1390-х гг. изложен в синхронистической таблице (см. табл. 10).

При сопоставлении этой таблицы со Списком А, показаниями которого мы сознательно не пользовались, рассматривая вопрос о посадниках 1390-х гг., мы можем теперь проверить правильность очередности посадников в Списке А при помощи независимых от него данных:

Летописи

Список А

Богдан Обакунович, 1391 г.	(73) Богдан (Обакунович)
Тимофей Юрьевич, 1392 г.	(74) Тимофей (Юрьевич)
Есиф Фалелеевич, 1397 г.	(75) Есиф (Фалелеевич)
Юрий Дмитриевич, 1398 г.	(76) Юрий (Дмитриевич)

Как это видно из сопоставления, Список А продолжает оставаться исчерпывающим, а правильная очередность посадников в нем подтверждается совокупностью других источников.

ПОСАДНИКИ НАЧАЛА XV в.

Большинство посадников первого десятилетия XV в. нам уже хорошо известно. Неревский конец до 1405 г. представлял Василий Иванович, Плотницкий до 1409 г. — Есиф Захарьинич, Славенский до 1421 г. — Федор Тимофеевич, Людин и Загородский — Тимофей Юрьевич до 1409 г., Юрий Дмитриевич до 1410 г., Александр Фоминич до 1421 г. Если мы не будем выводить изложение за рубеж 1409 г., нам останется неизвестной лишь принадлежность представительства от Неревского конца после смерти в 1405 г. посадника Василия Ивановича. В 1409 г. открываются две вакансии в результате кончины прусского посадника Тимофея Юрьевича и плотницкого посадника Есифа Захарьинича, а в 1410 г. — одна вакансия со смертью прусского посадника Юрия Дмитриевича и другая со смертью Кирилла Андреяновича.

Последнее имя порождает серьезное недоумение. Посадник Кирилл Андреянович возникает на страницах летописи в 1402 г., когда поставил «посадник Кюрила Ондrejaнович 3 отрок придел у святого Михаила на Прусской улице»¹³⁸. С этим лицом мы уже знакомы по упоминанию в данных спинских сябров, где он называется «сыном посадничьим», что позволило установить его происхождение от плотницкого посадника Андреяна Захарьинича, род которого имел корни и усадьбы на Прусской улице. Однако к 1402 г. никакой вакансии, как мы

¹³⁸ Там же. С. 397.

Таблица 10

Посадники 1390-х гг.

<i>Неревский конец</i>	<i>Людин и Загородский концы</i>		<i>Плотницкий конец</i>		<i>Славенский конец</i>
89 Василий Иванович	Михаил Данилович	Григорий Якунович	Василий Федорович	Есиф Захарьинич	Федор Тимофеевич
90 Василий Иванович	Михаил Данилович	Богдан Обакунович	Василий Федорович	Есиф Захарьинич	Федор Тимофеевич
91 Василий Иванович	Михаил Данилович	Богдан Обакунович	Василий Федорович	Есиф Захарьинич	Федор Тимофеевич
92 Василий Иванович	<u>Михаил Данилович</u>	Богдан Обакунович	<u>Василий Федорович</u>	Есиф Захарьинич	Федор Тимофеевич
Василий Иванович	Тимофей Юрьевич	Богдан Обакунович	Есиф Фалелеевич	Есиф Захарьинич	Федор Тимофеевич
93 Василий Иванович	Тимофей Юрьевич	Богдан Обакунович	Есиф Фалелеевич	Есиф Захарьинич	Федор Тимофеевич
94 Василий Иванович	Тимофей Юрьевич	Богдан Обакунович	Есиф Фалелеевич	Есиф Захарьинич	Федор Тимофеевич
95 Василий Иванович	Тимофей Юрьевич	Богдан Обакунович	Есиф Фалелеевич	Есиф Захарьинич	Федор Тимофеевич
96 Василий Иванович	Тимофей Юрьевич	Богдан Обакунович	Есиф Фалелеевич	Есиф Захарьинич	Федор Тимофеевич
97 Василий Иванович	Тимофей Юрьевич	Богдан Обакунович	<u>Есиф Фалелеевич</u>	Есиф Захарьинич	Федор Тимофеевич
Василий Иванович	Тимофей Юрьевич	Юрий Дмитриевич	Александр Фоминич	Есиф Захарьинич	Федор Тимофеевич
98 Василий Иванович	Тимофей Юрьевич	Юрий Дмитриевич	Александр Фоминич	Есиф Захарьинич	Федор Тимофеевич
99 Василий Иванович	Тимофей Юрьевич	Юрий Дмитриевич	Александр Фоминич	Есиф Захарьинич	Федор Тимофеевич
00 Василий Иванович	Тимофей Юрьевич	Юрий Дмитриевич	Александр Фоминич	Есиф Захарьинич	Федор Тимофеевич
до 1405 г.	до 1409 г.	до 1410 г.	до 1421 г.	до 1409 г.	до 1421 г.

знаем, не существовало; все шесть посадников вплоть до 1405 г. были, если и не здоровы, то, во всяком случае, — живы. Исчерпать эту коллизию возможно только предположением, что кто-то из прусско-плотницкой боярской группы к 1402 г. сложил полномочия посадника. Скорее всего, это могло произойти с родным дядей Кирилла Андреяновича — Есифом Захарьиничем.

Летопись называет новые посадничьи имена только под 1410 г.: «начаша новгородци торговати промежи себе лопыци и гроши литовскими и артуги немечкыми, в куны отложиша, при посадничестве Григорья Богдановича и при тысячком Васильи Есифовиче», и далее: «той же зимы (т. е. в зиму с 1410 на 1411 г. — *В. Я.*) преставися посадник Кирил Ондrejaнович, приим мнишьский чин»¹³⁹. Поэтому следует обратиться к показаниям Списка А.

Список А в интересующей нас части вслед за Юрием (Дмитриевичем) (№ 76) и Александром (Фоминичем) (№ 77), пришедшими на посадничество в 1397 г., называет следующие имена: (78) Кирилл (Андреянович), (79) Иван (Александрович), (80) Фома (Иванович), (81) Юрий Онцифорович, (82) Фома Есифович, (83) Григорий Богданович, (84) Кирилл Дмитриевич, (85) Иван Данилович, (86) Андрей Иванович, (87) Иван Богданович, (88) Семеон Васильевич, (89) брат его Тимофей Васильевич. На этом Список А заканчивается. Существующие свидетельства деятельности Кирилла Андреяновича уже приведены. Рассмотрим свидетельства источников об остальных посадниках этого списка.

(79) *Иван Александрович*. От его и тысяцкого Василия Есифовича имени весной 1411 г. составлена грамота Колывани, скрепленная именными печатями посадника и тысяцкого. В 1413 или 1414 г. вместе с тысяцким Онаньей Костянтиновичем он отправляет еще одну грамоту Колывани, а в 1414 или 1415 г. вместе с тысяцким Александром Игнатьевичем отправляет грамоту магистру Ливонского ордена¹⁴⁰. Умер Иван Александрович в 1417 г. во время эпидемии¹⁴¹. В подтвердительной грамоте Славенского конца Саввино-Вишерскому монастырю на пожалование кончанской земли Иван Александрович вместе с Федором Тимофеевичем названы теми славенскими посадниками, при которых состоялось это пожалование¹⁴².

(80) *Фома Иванович*. Ни в летописном рассказе, ни в актах этот боярин не упоминается. Список Б называет его братаном Ивана Александровича.

(81) *Юрий Онцифорович*. Неревский боярин, сын Онцифора Лукича, внук Луки Варфоломеевича, правнук Варфоломея Юрьевича. Его активная деятель-

¹³⁹ Там же. С. 402.

¹⁴⁰ ГВНП. С. 88—89, № 50; С. 94—95, № 56; С. 91—92, № 53. Обоснование датировки этих актов см.: *Янин В. Л.* Новгородские акты XII—XV вв.: Хронологический комментарий. С. 98—99, 102—104.

¹⁴¹ НПЛ. С. 408.

¹⁴² ГВНП. С. 148, № 91.

ность привлекает внимание летописца начиная с 1376 г., но как посадник он фигурирует в летописи впервые под 1411 г.¹⁴³ С тем же титулом он упомянут под 1414 г., а весной 1417 г. умер, «бывши нем год и 3 месяца»¹⁴⁴.

(82) *Фома Есифович*. Как посадник фигурирует в летописном рассказе 1411 г.¹⁴⁵ К 1412 г. относится исходящая от посадника Фомы Есифовича и тысяцкого Кирилла Дмитриевича договорная грамота Новгорода с Ригой, Юрьевом и Колыванью¹⁴⁶.

(83) *Григорий Богданович*. Летописное упоминание о его посадничестве в 1410 г. уже приведено выше. В перечислении воевод под 1411 г. он назван без титула, после титулованных посадников, но раньше «сыновей посадничьих», что свидетельствует о принадлежности ему должности посадника. Список Б называет его сыном посадника Богдана Обакуновича, бывшего, как установлено выше, прусским боярином.

(84) *Кирилл Дмитриевич*. В 1412 г. он, как свидетельствует уже цитированная договорная грамота Новгорода с Ригой, Юрьевом и Колыванью, был тысяцким. Под 1414 г. летопись сообщает о кончине посадника Кирилла Дмитриевича¹⁴⁷.

(85) *Иван Данилович*. Назван под 1411 г. в числе новгородских воевод в такой же позиции, что и Григорий Богданович. С ним связаны два документа, касающиеся покупки им земельного участка, перепроданного затем некоему Василию Федоровичу¹⁴⁸. Датировка этих актов целиком зависима от выяснения времени принадлежности посадничества Ивану Даниловичу. Что касается его территориальной принадлежности, то в приписке 1400 г. к новгородскому Прологу из Синодального собрания он вместе с Юрием Онцифоровичем обозначен жителем Козмодемьянской улицы Неревского конца¹⁴⁹.

(86) *Андрей Иванович*. Как посадник упомянут в летописном рассказе 1415 г., когда 11 августа он вместе с тысяцким Александром Игнатьевичем возводил на сени владыку Самсона¹⁵⁰. Еще раз о нем идет речь под 1421 г., когда его двор был разграблен восставшими новгородцами из двух концов — Неревского и

¹⁴³ НПЛ. С. 402

¹⁴⁴ Там же. С. 404, 407. Юрий Онцифорович умер до 10 июня 1417 г.; следовательно, был разбит параличом не позднее марта 1416 г.

¹⁴⁵ Там же. С. 402.

¹⁴⁶ ГВНП. С. 86—88, № 49. Обоснование даты см.: Янин В. Л. Новгородские акты XII—XV вв.: Хронологический комментарий. С. 101—102.

¹⁴⁷ НПЛ. С. 405.

¹⁴⁸ ГВНП. С. 184—187, № 127, 130.

¹⁴⁹ *Макарий*. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. Ч. 1. С. 218; ГИМ, Син. № 240, приписка на последнем листе.

¹⁵⁰ НПЛ. С. 405.

Славенского — «за Климента Артемьинича про землю»¹⁵¹. Очевидно, что этот боярин принадлежал к прусско-плотницкой группировке.

(87) *Иван Богданович*. 16 апреля 1416 г. он, будучи посадником, вместе с тысяцким Борисом Васильевичем встречал хиротонисанного владыку Симеона (Самсона)¹⁵². В 1419 г. «преставися Иван посадник Богданович»¹⁵³.

(88) *Семен Васильевич*. От посадника Семена Васильевича и тысяцкого Кузьмы Терентьевича в конце августа или начале сентября 1417 г. была отправлена в Ригу, Юрьев и Колывань грамота с предложением прислать в Новгород послов¹⁵⁴.

(89) *Тимофей Васильевич*. 1 сентября 1421 г. посадник Тимофей Васильевич и тысяцкий Кузьма Терентьевич возводили на сени владыку Феодосия¹⁵⁵.

Принципиальная правильность датировок использованных здесь актов подтверждается отсутствием чересполосицы в извлекаемых из приведенных материалов:

Степенный посадник

1411 г. Иван Александрович
1412 г. Фома Есифович
1413 г. Иван Александрович
1414 г. Иван Александрович
1415 г. Андрей Иванович
1416 г. Иван Богданович
1417 г. Семен Васильевич

...

1421 г. Тимофей Васильевич

Степенный тысяцкий

Василий Есифович
Кирилл Дмитриевич
Онанья Костянтинович
Александр Игнатьевич
Александр Игнатьевич
Борис Васильевич
Кузьма Терентьевич

Вместе с тем приведенные свидетельства ставят перед исследователем неожиданную проблему. Если взять для наблюдений хронологический срез по 1411 году, число единовременно существующих посадников окажется равным не привычной норме — шести, а девяти. Вот их имена, расположенные в том порядке, который принят в Списке А и имеет, как мы неоднократно убеждались, строго хронологический порядок: (71) Федор Тимофеевич, (77) Александр Фоминич, (79) Иван Александрович, (80) Фома Иванович, (81) Юрий Онцифорович, (82) Фома Есифович, (83) Григорий Богданович, (84) Кирилл Дмитриевич, (85) Иван Данилович. Если изменилось общее число сосуществующих посадников, значит изменились и нормы их кончанского представительства. Действительно, до избрания Ивана Александровича Славенский конец был представлен од-

¹⁵¹ ПСРЛ. Т. 3. С. 140; Т. 4. С. 120.

¹⁵² НПЛ. С. 406

¹⁵³ Там же. С. 411.

¹⁵⁴ ГВНП. С. 93—94, № 55.

¹⁵⁵ НПЛ. С. 414.

ним посадником — Федором Тимофеевичем, активность которого несмотря на то, что он посадничал еще в 1385 г., зафиксирована летописью в 1418 г., когда он принимал действенное участие в умиротворении знаменитого восстания Степанки¹⁵⁶. Но в 1411 г. славенскими боярами были также Иван Александрович и его братан Фома Иванович. Иными словами, Славенский конец представляли три посадника. Паритетно Прусской улице? Ведь она на протяжении длительного времени была представлена тремя посадниками. Определенно к Прусской улице относились Александр Фоминич, Григорий Богданович и Кирилл Дмитриевич¹⁵⁷. Мы знаем также о принадлежности Юрия Онцифоровича и Ивана Даниловича к неревскому боярству. Следовательно, Плотницкий конец был представлен Фомой Есифовичем.

Таким образом, в 1411 г. представительство концов выглядело следующим образом: от Неревского конца — два посадника, от Людина и Загородского конца — три посадника, от Плотницкого конца — один посадник, от Славенского конца — три посадника. Наличие несомненного реформирования посадничества (и тысяцкого), по-видимому, подтверждается возникновением в середине 1410-х гг. нового сфрагистического разряда. Если на протяжении XIV и начала XV в. государственные акты Новгорода скреплялись именными буллами степенных посадника и тысяцкого, то затем на смену этой традиции приходит «Печать новгородская» или «Печать Всего Новгорода». Наглядно демонстрируют возникновение нового сфрагистического разряда акты, исходящие от посадника Ивана Александровича. При документе 1411 г. были привешены печати: 1) «Печать Ивана Александровича», 2) «Печать Василья Есифовича»¹⁵⁸. При грамоте 1413 г. — печать с изображением Вседержителя и надписью «Новгорочкая печать»¹⁵⁹. При грамоте 1414 г. — печати с изображением «Лютого зверя» и надписью «Печать Великого Новагорода» и с изображением «Лютого зверя», названного: «А се лют зверь»¹⁶⁰, и надписью: «Печать новгорочкая».

ПЕЧАТИ НОВГОРОДСКИХ ПОСАДНИКОВ XIV — НАЧАЛА XV в.

Сфрагистические материалы красноречиво отражают важнейшие этапы развития новгородского посадничества. Печати посадников появляются на рубеже XIII—XIV вв., но только с возникновения коллективного посадничества в сере-

¹⁵⁶ НПЛ. С. 410.

¹⁵⁷ О принадлежности Кирилла Дмитриевича к прусскому боярству можно судить по генеалогическим данным. См.: Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина: Историко-генеалогическое исследование. Схема 28 между с. 144 и 145.

¹⁵⁸ ГВНП. С. 88, № 50.

¹⁵⁹ Там же. С. 94, № 56.

¹⁶⁰ Там же. С. 91, № 53.

дине XIV в. посадничья булла обретает самостоятельный тип и начинает включать в свою легенду титул посадника.

От конца XIII — первой половины XIV в. дошло сравнительно немного посадничьих печатей (рис. 6). Это, прежде всего, сохранившиеся при утвержденных ими актах буллы Андрея и Семена Климовичей.

1. Печать Андрея Климовича (№ 47)

Л. с. Надпись в три строки:

НАР
СВАПЕ
ЧАТЬ

О. с. Изображение св. Андрея Стратилата в полный рост, с копьем в правой руке и со щитом в левой. По сторонам остатки колончатых надписей.

Д. — 27—29 мм. Сохранилась при грамоте Новгорода Риге 1299—1300 гг. ГВНП, № 36; Янин. Новгородские акты, № 7. Хр. — Рижский архив. Изд. — АПДР. Т. 2. С. 216, № 681.

2. Печати Семена Климовича (№ 49)

Л. с. Надпись в четыре строки:

(М)
ИОВА
ПЕЧА
ТЮ

О. с. Надпись в три строки:

КАН
ТЮВ
НВА

4 экземпляра

1. Д. — 29—30 мм. Сохранилась при договорной грамоте Новгорода с Любеком, Готским берегом и Ригой 1301—1302 гг. (Любекский экз.). ГВНП, № 34; Янин. Новгородские акты, № 9. Хр. — ЛБ, собр. Румянцева, № 43, 1. Изд. — АПДР. Т. 2. С. 214, № 672-1.

2. Д. — 29—30 мм. Сохранилась при Рижском экз. той же грамоты. Хр. — Рижский архив. Изд. — АПДР. Т. 2. С. 214, № 672-2.

3. Д. — 24 мм. М. н. — Новгород, Городище, 1980-е — нач. 1990-х гг. Хр. — Новгородский музей, № 38918-10. Изд. — АПДР. Т. 3. С. 207, № 672-3.

4. Д. — 25 мм (обл.). М. н. — Новгород, Городище, 1994 г. Хр. — Новгородский музей, № 38599. Изд. — АПДР. Т. 3. С. 207, № 672-4.

3. Печать Даниила (нет в Списке А)

Л. с. Надпись в три строки:

ДАНН
ЛОВАП
ЕЧАТЕ

Рис. 6. Печати посадников конца XIII — 1-й половины XIV в.

10a

11

12

13

14

15

17

18

18a

19

Рис. 6 (продолжение). Печати посадников конца XIII — 1-й половины XIV в.

19a

21

21a

22

22a

О. с. Изображение святого всадника, вправо, с копьём в руке.

Д. — 27—28 мм. М. н. — Новгород, 1929 г. Хр. — Отдел нумизматики Эрмитажа, № 598. Изд. — АПДР. Т. 2. С. 217, № 692.

К числу посадничьих печатей мы относим эту буллу условно на основании общего сходства ее типа с типом описанных ниже посадничьих печатей Якова и Никиты. Она может быть связана с посадником Данилой, известным в 1327—1328 гг.

4. Печать Александра Дворянинева (№ 56)

Л. с. Надпись в шесть строк:

ПОЛО
Д'Н'И
ПЕЧАТЬ
АЛЕКСАН
В ПО
Д

О. с. Поясное изображение Вседержителя.

Д. — 26—28 мм. М. н. — Новгород, 1964 г., найдена на берегу Волхова у лодочной станции. Хр. — Новгородский музей, № 15929. Изд. — АПДР. Т. 2. С. 197, № 580.

5. «Новгородская печать и посадника»

Л. с. Надпись в пять строк:

НО
ВЪГО
РОУКА
АПЕУА
ТЬ

О. с. Надпись в три строки:

НПО
САДНИ
УА

4 экземпляра

1. Д. — 25—29 мм. Сохранилась при проекте договора Новгорода с князем Михаилом Александровичем 1371 г. ГВНП, № 15. Хр. — РГАДА, Гос. древлехр. Отд. 1. Рубр. III, № 7. Изд. — АПДР. Т. 2. С. 220, № 706-2.

2. Д. — 28 мм. Сохранилась при новгородском наказе послам Юрию и Якиму 1372 г. Хр. — РГАДА, Гос. древлехр. Отд. 1. Рубр. III, № 11. Изд. — АПДР. Т. 2. С. 220, № 706-1.

3. Д. — 24—25 мм. М. н. — Псков, начало 1980-х гг. Хр. — Отдел истории русской культуры Эрмитажа. Изд. — АПДР. Т. 3. С. 212, № 706а.

4. Д. — 23—25 мм. М. н. — Новгород, начало 1990-х гг. Хр. — Новгородский музей, № 38763. Изд. — АПДР. Т. 3. С. 212, № 706б.

6. Печать Якова Хотова (№ 59)

Л. с. Надпись в шесть строк:

ЯКОВО
ЛАПЕ
УАТЬПО
САДНИКА
НОВГОРО
УКОГО

О. с. Изображение святого всадника с копьем, вправо.

Д. — 27 мм. Сохранилась при новгородском наказе послам Юрию и Якиму 1372 г. ГВНП, № 17. Хр. — РГАДА, Гос. древлехр. Отд. 1. Рубр. III, № 11. Изд. — АПДР. Т. 2. С. 197, № 582.

7. Печать Селивестра (№ 62)

Л. с. Надпись в четыре строки:

Заменить

СЕЛН
ВЕСТРА
ВАМЕ
АТИ

О. с. Поясное изображение святого.

Д. — 25—27 мм. Сохранилась при новгородском наказе послам Юрию и Якиму 1372 г. ГВНП, № 17. Хр. — РГАДА, Гос. древлехр., отд. 1, рубр. III, № 11. Изд. — АПДР. Т. 2. С. 216—217, № 685.

8. Печати Ивана Семеновича Муторицы (№ 60)

Л. с. Надпись в четыре строки:

ИВАН
ВАПЕУА
ТЬСЕМЕ
НОВНУА

О. с. Надпись в четыре строки:

ПОСА
ДНИКА
НОВГОРО

2 экземпляра

1. Д. — 29 мм. Сохранилась при грамоте Новгорода Любеку 1370—1371 гг. ГВНП, № 44. Хр. — Любекский архив. Изд. — АПДР. Т. 2. С. 198, № 584-1.

2. Д. — 28 мм. М. н. — Новгород, до 1908 г. Хр. — Новгородский музей, № 3989. Изд. — АПДР. Т. 2. С. 198, № 584-2.

9. Печати Андреяна Захарынича (№ 64)

Л. с. Надпись в шесть строк:

ПЕЧАТЬ
ОНАРЕВА
НОВАГО
РОДА
СКОГО

О. с. Изображение Вседержителя на престоле.

2 экземпляра

1. *Д.* — 27 мм. Сохранилась при новгородском наказе послам Юрию и Якиму 1372 г. *Хр.* — РГАДА. Гос. древлехр. Отд. 1. Рубр. III, № 11. *Изд.* — АПДР. Т. 2. С. 197, № 581-1.

2. *Д.* — 27 мм. *М. н.* — Новгород, до 1908 г. *Хр.* — Отдел нумизматики Эрмитажа, № 532. *Изд.* — АПДР. Т. 2. С. 197, № 581-2.

10. Печати Юрия Ивановича (№ 65)

Л. с. Надпись в четыре строки:

ЮРЬЕ
ВАПЕУА
ТЬНВА
ЧОВІУА

О. с. Надпись в четыре строки:

ПОСА
ДННКА
НОВГОРО
УКОГ

8 экземпляров

1. *Д.* — 26—28 мм. Сохранилась при новгородском наказе послам Юрию и Якиму 1372 г. ГВНП, № 17. *Хр.* — РГАДА, Гос. древлехр. Отд. 1. Рубр. III, № 11. *Изд.* — АПДР. Т. 2. С. 198, № 585-1.

2. Обломок. *М. н.* — Новгород, до 1908 г. *Хр.* — не разыскана. *Изд.* — АПДР. Т. 2. С. 198, № 585-2.

3. *Д.* — 23—24 мм. *М. н.* — Новгород, до 1912 г. *Хр.* — Отдел нумизматики Эрмитажа, № 534. *Изд.* — АПДР. Т. 2. С. 198, № 585-3.

4. *Д.* — 26 мм. *М. н.* — Новгород, до 1941 г. *Хр.* — Новгородский музей, № 3990. *Изд.* — АПДР. Т. 2. С. 198, № 585-4.

5. *Д.* — 24 мм. *М. н.* — Новгород, 1987, найдена на Троицком раскопе. *Хр.* — Новгородский музей, № 40529-80. *Изд.* — АПДР. Т. 3. С. 193, № 585-5.

6. Обломок. *М. н.* — Новгород. *Хр.* — частная коллекция (Новгород). *Изд.* — АПДР. Т. 3. С. 193, № 585-6.

7. *Д.* — 20 мм (обл.). *М. н.* — Новгород. *Хр.* — частная коллекция (Новгород). *Изд.* — АПДР. Т. 3. С. 193, № 585-7.

8. *Д.* — 28—31 мм. *М. н.* — Новгород, 1996 г., найдена на Троицком раскопе. *Хр.* — Новгородский музей, № 40529-81. *Изд.* — АПДР. Т. 3. С. 193, № 585-8.

Л. с. Надпись в четыре строки:

ЮРЬЕ
ВАПЕУА
ТЬІВАН
ЧНУ

О. с. Надпись в четыре строки:

ПОСА
ДННКА
НОВГОРО
УКОГО

3 экземпляра

1. Д. — 26—28 мм. Сохранилась при договорной грамоте Новгорода с князем Михаилом Александровичем начала 1376 г. ГВНП, № 18; Янин В. Л. Новгородские акты, № 18. Хр. — РГАДА, Гос. древлехр. Отд. 1. Рубр. III, № 15. Изд. — АПДР. Т. 2. С. 198, № 586-1.

2. Д. — 28 мм. Сохранилась при договорной грамоте Новгорода с Любеком и Готским берегом 1373 г. ГВНП, № 45. Хр. — ЛБ, собр. Румянцева, № LXIII, 2. Изд. — АПДР. Т. 2. С. 198, № 586-2.

3. Обломок. М. н. — Новгород, до 1917 г. Хр. — Отдел нумизматики Эрмитажа, № 535. Изд. — АПДР. Т. 2. С. 198, № 586-3.

11. Печать Якова Хотова (№ 59)

Л. с. Надпись в пять строк:

ЯКУ
НОВ,
ПОСАДНИК
НОВГОРОДА
ЯКУ

О. с. Изображение святого воина в полный рост, со щитом в левой руке.

Д. — 25—27 мм. М. н. — Новгород, 1978 г., найдена у Владимирской башни. Хр. — Новгородский музей, № 33657-35. Изд. — АПДР. Т. 3. С. 193, № 582а.

12. Печать Григория Якуновича (№ 67)

Л. с. Надпись в пять строк:

ГРИГ
ЯКУНОВИЧ
ПОСАДНИК

О. с. Изображение святого всадника, вправо.

Д. — 27—28 мм. М. н. — Новгород, 1990 г., найдена в Михайловском раскопе. Хр. — Новгородский музей, № 39208. Изд. — АПДР. Т. 3. С. 193, № 587а.

13. Печать Никиты Матфеевича (№ 68)

Л. с. Надпись в пять строк:

МИКИ
ТАФИ
ВЪ ПОСА
ДНИКАНО
ГОРОДУ

О. с. Изображение святого всадника с копьем, вправо.

Д. — 27 мм. М. н. — Новгород, до 1912 г. Хр. — Отдел нумизматики Эрмитажа, № 533. Изд. — АПДР. Т. 2. С. 197—198, № 583.

14. Печати Василия Федоровича (№ 69)

Л. с. Надпись в четыре строки:

ВАСИ
ЛЪ ФЕ
ДОРОВИЧ
ПОСАДНИК

О. с. Надпись в четыре строки:

ЛОС
ДИН
АНОВГ
РВЦИК

2 экземпляра

1. Д — 27 мм. М. н. — Новгород, 1952 г, найдена на Неревском раскопе в слое 1381—1396 гг. Хр. — Отдел нумизматики ГИМ, № 159. Изд. — АПДР. Т. 2. С. 198—199, № 587.

2. Д. — 29 мм (обл.). М. н. — неизвестно. Хр. — Отдел нумизматики Эрмитажа, № 5453. Изд. — АПДР. Т. 3. С. 193, № 587-2.

Ссылка на грамоту с печатью посадника Василия Федоровича имеется в Нибуровом мире 1392 г. ГВНП, № 46.

15. Печать Федора Тимофеевича (?) (№ 71)

Л. с. Процветший крест; вокруг точечный ободок.

По краю надпись.

ЛОС
ДИН
АНОВГ
РВЦИК

О. с. Надпись в пять строк.

ЛОС
АНН
НОВГ
РВЦИК
РВ

Д. — 26—29 мм. М. н. — Новгород, до 1917 г. Хр. — Отдел нумизматики Эрмитажа, № 531. Изд. — АПДР. Т. 2. С. 197, № 579.

«В личном нашем собрании есть свинцовый оттиск двусторонней вислой печати „Федора Тимофеевича Новгородского“ с изображением св. Феодора на коне на обратной и с приведенной надписью на правой стороне» (*Передольский В. С. Новгородские древности. Новгород, 1898. С. 251*).

16. Печать Василия Ивановича (№ 70)

Печати этого посадника в коллекциях неизвестны, но ссылка на грамоту «за посадничьей печатью Васиья Ивановича», т. е. на именную буллу, имеется в Нибуровом мире 1392 г. ГВНП, № 46.

17. Печать Есифа Захарьинича (№ 72)

Л. с. Надпись в пять строк.

ЛОС
ДИН
АНОВГ
РВЦИК
РВ

О. с. Изображение святого всадника, вправо.

Д. — 24 мм (обл.). М. н. — Новгород, начало 1990-х гг. Хр. — Новгородский музей, № 37787-5. Изд. — АПДР. Т. 3. С. 209, № 6846.

18. Печати Тимофея Юрьевича (№ 74)

Л. с. Надпись в четыре строки:

ТИМО
ФѢЕВА
ПЕУА
ТЬ

О. с. Надпись в четыре строки:

ПОСА
ДНИСА
НОВГОРО
УЮРО

Д. — 28—30 мм. М. н. — Новгород, 1995 г., найдена на Троицком раскопе. Хр. — Новгородский музей, № 39270. Изд. — АПДР. Т. 3. С. 194, № 5876.

Л. с. Надпись в четыре строки

ЕУА
МО
ЮР

О. с. Надпись в четыре строки

ПОС
ДНѢ
НО

Д. — 27 мм (обл.). М. н. — Новгород, до 1917 г. Хр. — Отдел нумизматики Эрмитажа, № 536. Изд. — АПДР. Т. 2. С. 199, № 588.

19. Печати Александра Фоминича (№ 77)

Л. с. Надпись в пять строк:

ПЕУА
ТЬОЛЕ
ССАНДА
ФОМИ
ЧА

Вокруг ободок.

О. с. Надпись в пять строк:

ПОС
ДАНСА
НОВГОР
ОЦЬКО

Воск. Д. — 33—34 мм. Сохранилась при грамоте Новгорода Риге 1413—1420 гг. Янин В. Л. Две грамоты. С. 337, 339, № 1. Хр. — Рижский архив. Изд. — АПДР. Т. 2. С. 199, № 589.

Л. с. Надпись в пять строк:

ЕУА
ОЛЕ
САНД
АФОМИ
ЧИУА

О. с. Надпись в пять строк:

**ПОСА
ДНИКА
НОВГОР.
УКОГ
О**

2 экземпляра

1. Д. — 27 мм. М. н. — Старая Ладога. Хр. — Новгородский музей, № 38762. Изд. — АПДР. Т. 3. С. 194, № 589а.

2. Д. — 28—29 мм. М. н. — Новгород, 2002 г., найдена в Паозерье, на берегу Ильменя между дд. Курицко и Еруново. Хр. — частная коллекция (Новгород). Не издана.

20. Печать Кирилла Андреяновича

Л. с. Надпись в пять строк: ПЕ
ЧАТЬНОВ
ГОРОД
ЧК
АА

О. с. Надпись в четыре строки: КИР
ИЛАОНД
РЕАНО
ВИЧА

Обломок. М. н. — Новгород. Хр. — По свидетельству М. Н. Полянского, хранился в Новгородском музее ¹⁶¹, однако в собраниях музея его уже не было в 1940 г. ¹⁶²

21. Печати Григория Богдановича (№ 83)

Л. с. Надпись в четыре строки: ПЕУАТ
ГРГГОРЬ
БГОДАН
ОВНУА

О. с. Надпись в четыре строки: ПОСА
ДНИКА
НОВГОР
УКОГО

¹⁶¹ Полянский М. Новгородские вислые печати княжие, владычные, посадничьи, наместничьи, воевод и тысяцких. С. 30, рис. 52.

¹⁶² Порфиридов Н. Г. Очерки памятников новгородской сфрагистики // Новгородский исторический сборник. Новгород, 1940. Вып. 8. С. 25.

2 экземпляра

1. Д. — 30 мм. М. н. — Новгород, 1982 г., найдена на ул. Чернышевского. Хр. — Новгородский музей, № 31379. Изд. — АПДР. Т. 3. С. 194, № 589в-1.

2. Д. — 21 мм (обл.). М. н. — Новгород. Хр. — частная коллекция (Новгород). Изд. — АПДР. Т. 3. С. 194, № 589-2.

Л. с. Надпись в четыре строки:

пѣѹа
г҃р҃н҃о
вог҃д
кѣѹ

О. с. Надпись в четыре строки:

а
ѣѹо
оѹѣ
го

Д. — 27 мм (обл.). М. н. — Новгород, Городище, 2001 г. Хр. — Новгородский музей, № 41993-1. Не издана.

22. Печати Кирилла Дмитриевича (№ 84)

Л. с. Надпись в три строки:

пѣѹа
тѣкѹ
нла

О. с. Надпись в четыре строки:

амн
т҃р҃н
ѣѹ

Д. — 27—29 мм. М. н. — Новгород, 1954 г., найдена на Неревском раскопе в слое 1396—1422 гг. Хр. — Отдел нумизматики ГИМ, № 181. Изд. — АПДР. Т. 2. С. 215, № 676.

Л. с. Надпись в пять строк:

кѹр҃н
лѣѹам
нтр҃нѣ
внѹап
ѣѹать

О. с. Надпись в пять строк:

посѣд
ѣѹа
нѣкан
ѣѹгор
ѹѣѹого

Д. — 28—34 мм. М. н. — Новгород, 1971 г., найдена около Владимирской башни. Хр. — Новгородский музей, № 33656-192. Изд. — АПДР. Т. 3. С. 194, № 589б.

В посадничьей сфрагистике XIV в. развиваются две линии. Первая продолжает тип печати Андрея Климовича. На буллах этого типа, помимо обязатель-

ной надписи, имеются также и изображения. Отметим, что почти во всех случаях изображения носят не лично-патрональный характер, а скорее всего служат отвлеченными эмблемами. На печатях Данилы, Якова, Никиты, Григория, Федора Тимофеевича изображен святой всадник-копьемосец, хотя небесными патронами почти всех этих лиц были не святые воины. На печатях Андреяна и Александра помещено изображение Вседержителя. Мы увидим далее, как эта линия сомкнется с типом «Печатей Великого Новгорода», несущих изображения эмблематического характера.

Вторая линия продолжает развитие типа печати Семена Климовича, лишенной изображений и несущей только надписи. Печати этого типа также переходят в XV в. Обе линии развиваются параллельно.

Наиболее существенным представляется появление обязательного титула начиная с середины XIV в., т. е. со времени посадничества Онцифора Лукича. Исключением здесь является лишь булла Сильвестра Лентеева, т.е. посадника, пришедшего к власти как раз в тот момент, когда новая сфрагистическая закономерность только возникала.

Следует отметить также, что возникшее впервые после реформы середины XIV в. противопоставление степенного посадника старым посадникам нашло отражение в появлении особой буллы степенного посадника — «Новгородской печати и посадничьей», — на которой выражена идея представительства от всего Новгорода. Однако в XIV в. такая печать не привилась, поскольку все акты последней четверти XIV и начала XV в. снабжены обычными именными посадничьими печатями, хотя и исходят от степенных посадников.

Глава 7

ПОСАДНИКИ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XV в. И РЕФОРМА 1410-х гг.

РЕФОРМА ПОСАДНИЧЕСТВА В 1410-х гг.

Прежде чем переходить к рассмотрению свидетельств о посадниках второй половины 1410-х гг., следует заняться изучением одного посадничьего имени, вовсе не отраженного в списках.

Под 1415 г. летопись сообщает о смерти между 7 июня и 11 августа посадника Феодосия Обакуновича¹. Это имя до сих пор нам не встречалось. Феодосий Обакунович появляется в летописи неожиданно. Мы узнаем о его смерти, но нам ничего не известно о его деятельности. Собственно, сама уникальность сообщения не несет в себе ничего необычного. Летопись, например, вовсе не знает посадника Фому Ивановича, хотя его имя имеется в обоих изводах посадничьего списка. Сообщения о некоторых посадниках сводятся, как и в случае с Феодосием Обакуновичем, к единичному случайному известию. Здесь же заставляет насторожиться другое обстоятельство. Имя Феодосия отсутствует в посадничьих списках, хотя дата его смерти такова, что он неизбежно должен был попасть по крайней мере в 1-е дополнение к Списку А, составленное около 1415 г. В момент составления дополнения он был жив, поскольку редактирование дополнения закончилось не позднее весны 1415 г.: имена Андрея Ивановича, посадничавшего в августе 1415 г.², и следующих за ним посадников фигурируют уже во 2-м дополнении к Списку А. С другой стороны, наблюдения над синхронистической таблицей показывают, что он мог стать посадником не ранее 1411 г., а это также теоретически обуславливает включение его имени в 1-е дополнение к Списку А. Мы неоднократно убеждались в пунктуальности исчисления посадничьих имен этим списком, и пропуск, если он действительно имел место, должен показаться особенно странным, так как речь идет о по-

---

¹ НПЛ. С. 405; ПСРЛ. Т. 4. С. 114.

² Там же; ПСРЛ. Т. 5. С. 259.

саднике — современнике составителя 1-го дополнения к Списку А. Мы могли бы заподозрить здесь пропуск, допущенный переписчиком, однако имя Феодосия отсутствует и в Списке Б, отредактированном в ближайшие после смерти Феодосия годы.

Думается, что объяснение странностей, связанных с посадничеством загадочного Феодосия Обакуновича, возможно. Это объяснение, даже будучи отвлеченным от конкретных имен, может дать представление о некоторых еще не учитывавшихся аспектах изучения хронологических проблем посадничества, о фактах, которые надо иметь в виду, рассуждая о порядке перехода должности посадника из одних рук в другие.

Среди литературных памятников средневекового Новгорода хорошо известна «Повесть о посаднике Щиле», сюжет которой здесь излагается по возможности кратко. В Новгороде жил посадник Щил, или Шил, деятельность которого автор повести относит ко времени архиепископа Иоанна. Этот Щил занимался ростовщичеством и, нажив крупное состояние, ушел в монастырь. Будучи монахом, он построил церковь и «согради» Покровский монастырь на Волхове. Испрашивая благословение на основание монастыря, Щил натолкнулся на колебания владыки, не знавшего, можно ли создавать церковь на деньги, нажитые мздоимством. Архиепископ повелевает Щилу лечь в гроб в построенной им церкви. После отпевания Щил умер, и гроб его тотчас провалился под землю, в ад. Лишь после того, как «единочадный» сын Щила троекратно отслужил сорокоусты в сорока новгородских церквях, Щил получил освобождение и был погребен по церковному закону³.

В основе повести лежит действительный факт основания Покровского монастыря монахом Олонием Щилом в 1310 г.⁴ Щилов монастырь в окрестностях Новгорода существовал вплоть до 1725 г., когда он был уничтожен⁵. Эта реальная основа повести соединена с фантастическим сюжетом и анахронизмами, из которых наиболее существенны наименование Щила посадником и перенесение действия из эпохи архиепископа Давида во времена святительства Иоанна.

Время составления повести И. П. Еремин относил к периоду, непосредственно предшествовавшему потере новгородской самостоятельности, и датировал ее 1450—1460-ми гг., допуская, что в форме устной легенды повесть сложилась еще в XIV в.⁶ С новым истолкованием даты и обстоятельств возникновения «Повести о Щиле» выступил Л. В. Черепнин, который связывал ее составление

³ Еремин И. П. Из истории старинной русской повести: Повесть о посаднике Щиле // Труды комиссии по древнерусской литературе. Т. 1. Л., 1932. С. 122—151 (тексты).

⁴ НПЛ. С. 93, 333; ПСРЛ. Т. 4. С. 47.

⁵ Подробную историческую справку см.: Еремин И. П. Указ. соч. С. 97.

⁶ Там же. С. 112, 122.

с событиями начала 1440-х гг.⁷ Я не могу согласиться с этой датировкой, так как имеющиеся в древнейшей редакции повести реалии противоречат такой ранней дате. Рассказывая о мздоимстве Щила, составитель повести сообщает, что тот отдавал в рост серебро «на 14 гривен и на 4 денги на год по денге». Речь, как это очевидно, идет о новгородских гривнах XV в., равнявшихся 14 денгам, однако совокупность 14 гривен и 4 денег ($14 \times 14 + 4 = 200$) оказывается равной двум московским рублям по 100 новгородских денег. Такое рациональное соотношение московской и новгородской денежных систем устанавливается только в самом конце княжения Василия Темного, что не позволяет датировать возникновение повести временем ранее 1450-х гг.

Касаясь вопроса о перенесении действия повести во времена владыки Иоанна, И. П. Еремин и вслед за ним Н. К. Гудзий приняли следующую версию. К моменту возникновения книжной повести имя Давида, при котором Олонием Щилом был основан Покровский монастырь, уже не было популярным. Автор повести заменил его эпическим именем архиепископа Иоанна-Илии (1165—1186 гг.), прославившимся после открытия мощей Иоанна-Илии в 1439 г. и отраженном в ряде новгородских повестей XV в. (повести о «Знаменнии», о путешествии св. Иоанна в Иерусалим)⁸. Отметим, что именно этого Иоанна подразумевал под архиепископом «Повести о Щиле» составитель одного из вариантов 2-й редакции, возникшей в конце XVII в., поскольку действие повести он относит к 6694 г., т. е. к 1186 г.⁹ Однако этот вопрос казался не таким ясным составителю Новгородской Третьей летописи, который, основываясь на рассматриваемой повести, перенес рассказ об основании монастыря Олонием Щилом в 1410 г.¹⁰, т. е. во времена святительства Иоанна II (1388—1415 гг., умер в 1417 г.). Следует особо отметить, что для перенесения действия легенды во времена Иоанна II существуют реальные исторические основания. В 1386 г. Щилов монастырь в числе 24 пригородных новгородских монастырей был разрушен новгородцами для удобства обороны города от Дмитрия Донского¹¹. Восстановление всех этих обителей идет интенсивными темпами как раз во времена Иоанна II и по его благословению

Предполагая, что одним из действующих лиц «Повести о Щиле» оказался Иоанн II, мы склонны иначе оценить и наименование Щила посадником. Леген-

⁷ Черепнин Л. В. Образование русского централизованного государства в XIV—XV вв. М., 1960. С. 448—451.

⁸ Еремин И. П. Указ. соч. С. 114—115; Гудзий Н. К. История древней русской литературы. М., 1949. С. 270—271.

⁹ Еремин И. П. Указ. соч. С. 135.

¹⁰ Новгородские летописи. СПб., 1879. С. 253.

¹¹ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. Л., 1925. С. 346; Т. 5. С. 241.

да о Шиле создавалась и превратилась в книжную повесть в тот период, когда время ее действия было отделено от времени составления всего лишь одним поколением. Ее оформление относится к тому моменту, когда были живы иные современники событий начала XV в. Надо полагать, что эти последние узнавали ее действующих лиц, скрытых под вымышленными именами. Иначе фантастичность сюжета послужила бы препятствием для популярности повести. Иными словами, «Повесть о Шиле» может иметь не только назидательный характер, но и содержать сатирический элемент, имея в виду каких-то конкретных лиц времени Иоанна II. Вполне вероятно, что фантастическая линия повести объединилась в ней с двумя реальными сюжетами: основанием монастыря монахом начала XIV в. Шилом и посадничеством какого-то деятеля начала XV в., занимавшегося ростовщичеством и ушедшего на долгий срок в монастырь, — возможно, в монастырь, основанный Шилом. Если это так, то нам следует поискать среди посадников времени Иоанна II возможных кандидатов в герои «Повести о Шиле», чья судьба может оказаться сходной с только что предположенной.

На протяжении святительства Иоанна II существовали лишь четыре посадника, предсмертная деятельность которых нам неизвестна. Мы не знаем дат смерти Григория Якуновича, в последний раз упомянутого в 1389 г., Богдана Обакуновича, который исчез со страниц летописи после 1397 г., Фомы Есифовича и Григория Богдановича; последние не упоминаются после 1411 г.

Если в умершем в 1415 г. загадочном Феодосии Обакуновиче предполагать посадника, последний период деятельности которого протекал в стенах монастыря¹², то он очень хорошо отождествляется с бесследно исчезнувшим со страниц летописи после 1397 г. Богданом Обакуновичем. У Феодосия и Богдана тождественны не только отчества, но и имена: имя Богдан является мирским вариантом или русским переводом греческого имени Феодосий. В данном случае сама логика изменения имени говорит в пользу нашего вывода. Если Богдан в миру носил языческое имя, отсутствовавшее в тогдашних православных святцах, то, уходя в монастырь он должен был изменить его на каноническое, православное. Этим объясняется отсутствие в Списке А имени посадника Феодосия, поскольку ранее он уже назван под именем Богдан.

Новгородцы, познакомившись в середине XV в. с «Повестью о Шиле», должны были узнать в образе посадника-монаха — Богдана-Феодосия Обакуновича. Но они были знакомы и с его сыном, заказчиком легендарных сорокоустов. С сыном Богдана Обакуновича знакомы и мы. Список Б называет таковым посадника Григория Богдановича. Более того, Григорий Богданович имел прямое отношение если не к ростовщичеству, то во всяком случае к организации новгородских финансов, будучи главным действующим лицом денежной реформы 1410 г.

¹² Летопись говорит о смерти Феодосия Обакуновича «в мнишьском чину».

Если легенда, имеющая дело с памятными реалиями, относит смерть Щила еще к тому времени, когда был жив его сын, то, отождествляя Щила и Богдана, мы получаем возможность утверждать, что Григорий Богданович еще посадничал в 1415 г., если только его не сменил к этому времени Иван Богданович, о посадничестве которого летописный рассказ упоминает под 1416 г.¹³, а о его смерти — под 1419 г.¹⁴ Список Б не фиксирует родства Ивана Богдановича с Богданом Обакуновичем и Григорием Богдановичем; на это родство указывает лишь редкое отчество Ивана и время его деятельности. Напомним, что «Повесть о Щиле» говорит о «единочадном» сыне Щила в момент смерти последнего.

Возвращаясь к рассмотрению сведений о посадниках 1410-х гг., вспомним, что именем Фомы (Ивановича) заканчивается основная часть Списка А, составленного около 1409 г. Посадники, впервые упоминаемые в 1410 и ближайших следующих годах, фигурируют в 1-м дополнении к Списку А, которое включает пять имен. Судьба посадников 1410—1411 гг. в большинстве случаев известна. Юрий Онцифорович был разбит параличом в 1415 г. и умер в 1416 г., Александр Фоминич умер в 1421 г., Кирилл Дмитриевич умер в 1414 г., Федор Тимофеевич умер в 1421 г., Иван Александрович умер в 1417 г., Фома Есифович единственный раз назван в летописи под 1412 г., Иван Данилович, Григорий Богданович и Фома Иванович больше не упоминаются. Поскольку Андрея Ивановича, названного первым во 2-м дополнении к Списку А, летописный рассказ титулует посадником в 1415 г., очевидно, что 1-е дополнение было составлено не позднее начала 1415 г. За время с 1412 по 1414 гг. освободилось не больше шести вакансий. Действительно, составленное не позднее 1416 г. 2-е дополнение¹⁵ включает только четыре имени: (86) Андрей Иванович (упомянут как посадник под 1415 г.)¹⁶, (87) Иван Богданович (упомянут как посадник под 1416 г.), (88) Семен Васильевич (как посадник фигурирует в акте 1417 г.), (89) Тимофей Васильевич (упомянут как посадник под 1421 г.).

Следует подробнее остановиться на свидетельствах о посадниках, имена которых в летописи и актах впервые появляются в середине 1410-х гг.

Под 1415 г. летопись в рассказе об избрании Самсона в новгородские владыки 11 августа сообщает о том, что на кафедру он был возведен посадником

¹³ НПЛ. С. 406.

¹⁴ Там же. С. 411; ПСРЛ. Т. 4. С. 118.

¹⁵ В нем еще нет Бориса Васильевича и Василия Есифовича. Первый в должности посадника умер в 1417 г., а в 1416 г. был еще только тысяцким (НПЛ. С. 406, 408); второй был степенным посадником в 1418 г. (Там же. С. 410).

¹⁶ Данная Толвуйской земли (ГВНП. С. 147, № 90), исходящая от посадника Андрея Ивановича, вопреки содержащейся при ее издании дате 1415—1421 гг., относится ко времени одноименного посадника 1440-х гг. (Янин В. Л. Новгородские акты XII—XV вв.: Хронологический комментарий. С. 244—245, № 157).

Андреем Ивановичем и тысяцким Александром Игнатьевичем¹⁷. 16 апреля 1416 г., когда Самсон-Симеон возвратился в Новгород после поставления в Москве, он был встречен новгородцами с посадником Иваном Богдановичем и тысяцким Борисом Васильевичем¹⁸. В конце августа или начале сентября 1417 г. в Новгороде засвидетельствовано посадничество Семена Васильевича, который вместе с тысяцким Кузьмой Терентьевичем является автором грамоты Новгорода Риге, Юрьеву и Колывани с предложением утвердить старый мир¹⁹. Осенью 1417 г. во время мора умирают посадник Борис Васильевич и другой посадник, уже хорошо нам известный, — Иван Александрович²⁰.

В рассказе о восстании 1418 г., происшедшем в апреле, степенным посадником назван Василий Есифович²¹. Весной 1419 г. умер посадник Иван Богданович²². Летом 1420 г. степенным посадником в Новгороде был Василий Никитич²³. В том же году новгородским послом на съезде с немцами был посадник Афанасий Есифович²⁴. В конце января 1421 г. Василий Никитич продолжал оставаться на степени: от его имени на съезд с немцами посланы бояре, в числе которых были посадники Василий Есифович и Афанасий Федорович²⁵. Весной 1421 г. степенным посадником был Михаил Иванович, от имени которого в Юрьев отправлена грамота Новгорода с отказом заключить мир до удовлетворения обид²⁶. В конце мая или в начале июня того же года скончались хорошо известные нам посадники Федор Тимофеевич, избранный впервые еще в 1380-х гг., и Александр Фоминич²⁷. В рассказе о возведении на кафедру владыки Феодосия 1 сентября 1421 г. фигурирует как степенный посадник Тимофей Васильевич²⁸. Под тем же 1421 г. в летописи рассказывается о том, что двор Андрея Ивановича разграблен восставшими новгородцами²⁹. В дальнейшем вплоть до 1434 г. в летописи вовсе не встречается посадничьих имен, а также каких-либо сведений о посадничестве. Что касается датированных актов близкого времени, то в них за-

¹⁷ НПЛ. С. 405; ПСРЛ. Т. 4. С. 114; Т. 5. С. 259.

¹⁸ НПЛ. С. 406; ПСРЛ. Т. 4. С. 114; Т. 5. С. 260.

¹⁹ ГВНП. С. 93, № 55.

²⁰ НПЛ. С. 408; ПСРЛ. Т. 4. С. 115.

²¹ НПЛ. С. 410; ПСРЛ. Т. 4. С. 117.

²² НПЛ. С. 411; ПСРЛ. Т. 4. С. 118.

²³ ГВНП. С. 97, № 59.

²⁴ ПСРЛ. Т. 4. С. 119.

²⁵ ГВНП. С. 9, № 60; НПЛ. С. 413.

²⁶ ГВНП. С. 100, № 61.

²⁷ НПЛ. С. 413; ПСРЛ. Т. 4. С. 120.

²⁸ НПЛ. С. 414.

²⁹ ПСРЛ. Т. 3. С. 140; Т. 4. С. 120.

фиксировано посадничество в начале февраля 1423 г. Василия Никитича³⁰. От периода с 1423 по 1435 г. датированных актов не сохранилось.

Перечисленными фактами исчерпываются все наши документальные сведения о посадниках второй половины 1410-х и начала 1420-х гг. Этих сведений немного, однако они создают основу для весьма интересных наблюдений и позволяют сделать важные выводы.

Мы уже отмечали, что в заключительной части Списка Б, которая излагает имена посадников, избранных после 1415 г., очередность имен уже не подчиняется генеалогическим интересам составителя списка. Эту особенность заключительной части Списка Б можно пояснить несколькими примерами. В рассказе о походе под Выбор в 1411 г. одним из воевод назван Иван Федорович «сын посаднич»³¹. Этот Иван Федорович мог быть сыном только Федора Тимофеевича, так как никакого другого Федора на протяжении предшествующего времени среди посадников нет. Сыном Федора Тимофеевича должен быть и «Офнонос Федорович, сын посаднич», отправленный с посольством в Литву в 1414 г.³² Оба брата впоследствии стали посадниками, и их имена включены в Список Б: «(96) Яков Федоров, (97) брат его Иван, (98) и Афанасий». Между тем, если бы генеалогические интересы составителя распространялись и на эту часть Списка Б, братья Федоровичи были бы названы сразу же вслед за Федором Тимофеевичем (77), т. е. ранее двадцати других посадников, стоящих в действительности перед ними.

Однако, если необходимость указания родства уже не учитывается составителем списка, значит очередность посадников в нем сохраняет чисто хронологический характер. Поэтому показания списка, как прежде показания Списка А, возможно использовать для установления относительной хронологии, которая может быть превращена в абсолютную сравнением списка с данными других источников. Сопоставление заключительной части Списка Б с показаниями летописей и актов дает следующие результаты:

Список Б

90. Андрей Иванович
91. Иван Богданович
92. Борис Васильевич
93. Семен Васильевич
94. Василий Есифович
95. Александр Игнатьевич
96. Яков Федоров

Летопись и акты

- Андрей Иванович, 1415, 1421 гг.
Иван Богданович, 1416, ум. 1419 г.
Борис Васильевич, ум. 1417 г.
Семен Васильевич, 1417 г.
Василий Есифович, 1418, 1421 гг.

³⁰ ГВНП. С. 103, № 62.

³¹ НПЛ. С. 402; ПСРЛ. Т. 4. С. 113; Т. 5. С. 258.

97. Иван Федоров	
98. Афанасий Федоров	Афанасий Федорович, 1421 г.
99. Михаил Мотуричин	Михаил Иванович, 1421 г.
100. Василий Микитин	Василий Никитич, 1420, 1421, 1423 гг.
101. Афанасий Есифов	Афанасий Есифович, 1420 г.
102. Тимофей Васильевич	Тимофей Васильевич, 1421 г.
103. брат его Василий	
104. Иван Иевлич	
105. Кузьма Терентьевич	
106. Федор Гаврилович	
107. Иван Данилович	
108. Семен Васильевич	
109. Иван Васильевич	
110. Иван Яковлевич	
111. Аврам Стефанович	
112. Михаил Ананьич	
113. Василий Фомин	
114. Григорий Данилович	
115. Филипп Фомин	
116. Артемий Петрович	
117. Захария Кирилович	

Важный материал для наблюдений дает также сравнение заключительной части Списка Б со 2-м дополнением к Списку А:

Список Б

2-е дополнение к Списку А

90. Андрей Иванович	86. Андрей Иванович
91. Иван Богданович	87. Иван Богданович
92. Борис Васильевич	
93. Семен Васильевич	88. Семен Васильевич
94. Василий Есифович	
95. Александр Игнатьевич	
96. Яков Федоров	
97. Иван Федоров	
98. Афанасий Федоров	
99. Михаил Мотуричин	
100. Василий Микитин	
101. Афанасий Есифов	
102. Тимофей Васильевич	89. Тимофей Васильевич
103. брат его Василий и т. д.	

Мы видим, что все три источника идентичны только в той части, которая касается первых двух имен. И заключительная часть Списка Б, и 2-е дополнение к Списку А открываются именами Андрея Ивановича и Ивана Богдановича, которые и по летописным данным пришли на посадничество ранее других перечисленных здесь посадников. Эти имена вполне укладываются в схему организации посадничества, образованного девятью посадниками. Об Андрее Ивановиче нам известно, что в 1421 г. его дом был разграблен восставшими жителями Славенского и Неревского концов. Следовательно, сам Андрей принадлежал к боярству одного из этих концов; он мог быть или неревским, или славенским представителем. Думается, что более возможна его неревская принадлежность, поскольку отчество его современника Ивана Богдановича, как уже отмечено, вероятно указывает на родство с прусскими посадниками Богданом Обакуновичем и Григорием Богдановичем. Перед 1416 г. существуют именно две очевидные вакансии, связанные как раз с представительством от Прусской улицы и от Неревского конца: в 1414 г. умер прусский представитель Кирилл Дмитриевич, а в самом начале 1416 г. был разбит параличом неревский представитель Юрий Онцифорович.

Видимые противоречия со схемой 1410—1411 гг. организации посадничества начинаются с появлением в Списке Б имени Бориса Васильевича. Об этом посаднике известны следующие факты. В апреле 1416 г. Борис Васильевич еще не был посадником. Он обладал должностью степенного тысяцкого и в этом звании 16 апреля 1416 г. встречал в Новгороде архиепископа Симеона. Осенью 1417 г. Борис умер уже в звании посадника. Можно установить более или менее точную дату его смерти. Борис Васильевич стал жертвой мора, рассказ о котором летописец начинает после сообщения о заключении мира с немцами (не ранее сентября 1417 г.) и заканчивает сообщением о постройке в Новгороде обетной церкви св. Анастасии и в Торжке такой же церкви св. Афанасия³³. Празднование св. Анастасии Римляныни приходится на 29 октября, а св. Афанасия Цареградского — на 24 октября. Следовательно, эпидемия разразилась в сентябре — октябре 1417 г. Этими месяцами и датируется смерть посадника Бориса Васильевича³⁴.

³² НПЛ. С. 404.

³³ НПЛ. С. 408. Ср. ГВНП. С. 93, № 55; эта грамота является не договором, а только предложением заключить договор.

³⁴ Издатели «Грамот Великого Новгорода и Пскова» (С. 91, № 53), ссылаясь на Новгородскую Первую летопись, датируют кончину умершего одновременно с Борисом Васильевичем посадника Ивана Александровича 10 июня 1417 г. Основания такой датировки неясны. Сообщение о смерти этих посадников находится в самом конце л. 248 Комиссионного списка, а дата 10 июня — в начале того же листа в контексте: «Месяца июня в 10 гром бысть в церкви святого Еупатия на Рогатице и иконы ополеша». Какую связь усмотрели издатели грамоты между громом в церкви и датой смерти посадников, непонятно.

Однако Список Б помещает Бориса Васильевича раньше Семена Васильевича, а этот последний был посадником уже в августе — сентябре 1417 г., до начала эпидемии, поскольку с его именем связана датируемая этим временем инициатива заключения договора с немцами: от него исходит приглашение немцам прислать послов для заключения мира.

Семен Васильевич и Борис Васильевич, следовательно, какое-то время были посадниками одновременно. Но кроме них в 1417 г. осуществляли свою деятельность следующие посадники: Федор Тимофеевич (пришел на посадничество в 1380-х гг., умер в 1421 г.), Александр Фоминич (пришел на посадничество на рубеже XIV—XV вв., умер в 1421 г.), Иван Александрович (пришел на посадничество в 1409 г., умер осенью 1417 г. одновременно с Борисом Васильевичем), Андрей Иванович (пришел на посадничество в 1415 г., упоминается в 1421 г.), Иван Богданович (пришел на посадничество в 1415 или 1416 г., умер в 1419 г.). Мы насчитали семь одновременно существующих посадников. Но нам неизвестна судьба неревского представителя Ивана Даниловича и славенского представителя Фомы Ивановича. Коль скоро никаких других имен кроме четырех перечисленных (№ 86—89) во 2-м дополнении Списка А нет, значит эти лица в начале 1417 г. были живы, и число одновременно действующих посадников в это время продолжало равняться девяти.

Новое увеличение числа посадников можно наблюдать, анализируя состав посадничьих имен 1420 г. К этому времени были еще живы по крайней мере трое из уже известных нам посадников 1417 г.: Федор Тимофеевич, Александр Фоминич и Андрей Иванович. Кроме того, в 1420 г. существовали посадники Василий Есифович (впервые упомянутый в 1418 г. и посадничавший еще в 1421 г.) и Василий Никитич, посадничество которого засвидетельствовано документами 1420, 1421 и 1423 гг. Однако в Списке Б посадник Василий Никитич помещен после Александра Игнатьевича, Якова Федоровича, Ивана Федоровича, Афанасия Федоровича и Михаила Мотуричина, названных в других документах только в 1421 г. Показания, которые можно извлечь из очередности имен Списка Б, позволяют утверждать, что все эти посадники были избраны до Василия Никитича или в одно время с ним. Для 1420 г. мы, таким образом, насчитываем по меньшей мере уже десять одновременно существовавших посадников.

Предположив новое расширение числа посадников в какой-то момент между 1417 и 1420 гг., мы получаем возможность объяснить разночтения между заключительной частью Списка Б и 2-м дополнением к Списку А. Из их сопоставления очевидно, что Список Б включил в свой состав всех посадников, одновременно избранных около 1416—1417 гг., тогда как во 2-м дополнении к Списку А их перечисление было только начато и не доведено до конца. Однако если какое-то количество новых посадников было избрано в одно и то же время, то порядок их перечисления в списках безразличен. Поскольку 2-е дополне-

ние к Списку А называет Семена Васильевича и Тимофея Васильевича, но не включает имени Бориса Васильевича, хотя последний стал посадником именно в 1416 или 1417 г., мы должны сделать вывод об одновременном избрании на посадничество и Бориса Васильевича, и Семена Васильевича, и Тимофея Васильевича. А это значит, что в число одновременно избранных около 1416—1417 гг. посадников включаются и все лица, имена которых в Списке Б помещены после Ивана Богдановича, но ранее Тимофея Васильевича. Всего таких посадников одиннадцать: Борис Васильевич, Семен Васильевич, Василий Есифович, Александр Игнатьевич, Яков Федорович, Иван Федорович, Афанасий Федорович, Михаил Мотуричин, Василий Никитич, Афанасий Есифович и Тимофей Васильевич. Этот список должен быть расширен именами тех посадников, которые были избраны ранее и были живы к моменту проведения реформы, т. е. во всяком случае в 1417 г. Мы знаем пятерых таких посадников — Федора Тимофеевича (умер в 1421 г.), Александра Фоминича (умер в 1421 г.), Ивана Александровича (умер в конце 1417 г.), Андрея Ивановича (упоминается еще в 1421 г.) и Ивана Богдановича (умер в 1419 г.). Всего получается шестнадцать посадников.

Доведя список одновременно избранных посадников до Тимофея Васильевича, мы основывались лишь на сопоставлении 2-го дополнения к Списку А с заключительной частью Списка Б и оказались в зависимости от того чисто случайного обстоятельства, что 2-е дополнение было оборвано именно на Тимофее Васильевиче. Между тем вовсе не исключено, что в числе посадников, следующих в Списке Б за Тимофеем Васильевичем, могут оказаться и какие-то еще лица, избранные на должность в одно время с ним. Попытаемся выяснить возможное число таких посадников.

Вслед за Тимофеем Васильевичем в Списке Б названы: Василий Васильевич (брат Тимофея), Иван Иевлич, Кузьма Терентьевич. Первых двух, коль скоро речь идет об их посадничестве, знает только список, и, следовательно, у нас нет противопоказаний для включения их в число лиц, избранных в одно время с Тимофеем Васильевичем. Напомним, что в точно таком же положении оказываются и некоторые посадники из названных ранее Тимофея Васильевича. Ни летописи, ни акты ничего не сообщают о посадничестве Якова Федоровича или Ивана Федоровича. Напротив, Кузьму Терентьевича мы уже не можем включить в число посадников 1416—1417 гг., так как после этой даты он в течение нескольких лет титулуется новгородским тысяцким — обстоятельство, противоречащее его возможному посадничеству в этот период. Степенным тысяцким Кузьма Терентьевич был летом 1417 г. во время подготовки и подписания договора с немцами ³⁵ и в 1418 г. во время восстания в апреле ³⁶. Летом 1420 г.

³⁵ ГВНП. С. 93, № 55; ПСРЛ. Т. 4. С. 115.

³⁶ НПЛ. С. 410; ПСРЛ. Т. 4. С. 117.

как степенный тысяцкий он принимает участие в подготовке мирного договора с немцами ³⁷, а в январе 1421 г. в том же звании — в подготовке этого договора ³⁸. Степенным тысяцким он был и весной 1421 г., когда его имя фигурирует в грамоте Новгорода Юрьеву с отказом заключить мир ³⁹, а также 1 сентября 1421 г., когда он принимал участие в возведении на кафедру архиепископа Феодосия ⁴⁰.

Существует еще один документ, который также указывает, что Кузьма Терентьевич был еще тысяцким в тот момент, когда один из посадников, отнесенных нами к числу одновременно избранных около 1416—1417 гг., — Александр Игнатьевич — уже занимал посадничью степень. Имеется в виду грамота Новгорода Риге с требованием суда над Иньцей Зашембакой, которая исходит от посадника Александра Игнатьевича и тысяцкого Кузьмы Терентьевича ⁴¹. Этот документ имеет лишь суммарную датировку 1418—1420 гг. ⁴²

Таким образом, список посадников, избранных одновременно около 1416—1417 гг., можно продлить только до имени Ивана Иевлича включительно. Доведя список до этого имени, мы насчитываем 18 посадников и получаем возможность утверждать, что реформой 1416—1417 гг. норма представительства была удвоена сравнительно с 1410—1411 гг. и утроена сравнительно с традицией второй половины XIV — первого десятилетия XV в.

Важно выяснить, изменились ли нормы кончанского представительства по сравнению с тем, какими они были в 1410—1411 гг. Напомним, что тогда Неревский конец был представлен двумя посадниками, Славенский — тремя, Плотницкий — одним, Прусская улица (Загородский и Людин концы) — тремя. Поскольку знакомство с событиями первой половины 1410-х гг. не обнаруживает в Новгороде какой-либо принципиально новой расстановки политических сил, мы вправе ожидать, что и пропорции увеличившегося вдвое кончанского представительства не претерпели изменений. Иными словами, можно предположить, что теперь от Неревского конца избиралось четверо посадников, от Славенского — шестеро, от Плотницкого — двое, от Прусской улицы — шестеро. Попытаемся по возможности установить кончанскую принадлежность посадников 1416—1417 гг.

Удастся выяснить принадлежность к Неревскому концу и к клану бояр Мишиничей троих посадников: Андрея Ивановича, Василия Никитича и Алек-

³⁷ ГВНП. С. 97, № 59.

³⁸ Там же. С. 99, № 60.

³⁹ Там же. С. 100, № 61.

⁴⁰ НПЛ. С. 414.

⁴¹ ГВНП. С. 96, № 58.

⁴² Янин В. Л. Новгородские акты XII—XV вв.: Хронологический комментарий. С. 105, № 35.

сандра Игнатьевича. Василий Никитич был внуком Матфея Варфоломеевича Коски. На одной из усадеб, исследованных на Неревском раскопе, в слое второй четверти XV в. была найдена костяная прикладная печать «Василия Микитинича», т. е. предмет, находившийся в его личном пользовании⁴³. Внуком Матфея Варфоломеевича был и Александр Игнатьевич. К потомству Игната Матфеевича принадлежал и Андрей Иванович — отец Исака Андреевича Борецкого⁴⁴.

Пятеро посадников принадлежали к боярству Славенского конца. Нам уже известна славенская принадлежность Федора Тимофеевича и Ивана Александровича. Но славянами были и дети Федора Тимофеевича Яков, Иван и Афанасий.

Несомненна принадлежность к Прусской улице четырех посадников. Мы уже знаем о принадлежности к ней Александра Фоминича и Ивана Богдановича. Кроме них к прусскому боярству следует отнести Михаила Мотуричина и Ивана Иевлича. Михаил Мотуричин легко отождествляется с посадником Михаилом Ивановичем грамоты 1421 г.⁴⁵ Никаких других Михайлов в близкое время среди посадников не было. Однако летопись называет Михаила Ивановича посадничьим сыном⁴⁶, а его прозвище прямо связывает Михаила с прусским посадником Иваном Семеновичем Муторицей, который в Академическом списке Новгородской Первой летописи назван, между прочим, Мотурицей⁴⁷. Что касается Ивана Иевлича, то летопись называет местонахождение его двора: в 1418 г. восставшими новгородцами был разграблен дом Ивана Иевлича на Чудинцевой улице⁴⁸, а эта улица находится в Загородском конце.

Можно назвать двух несомненных плотницких посадников. Один из них — Афанасий Есифович, которого летопись называет посадничьим сыном⁴⁹, связывая его, таким образом, с плотницким посадником Есифом Захарьиничем. Другой — Василий Есифович, названный в 3-м дополнении к Списку А братом Афанасия.

Нет материалов для территориальной привязки Бориса Васильевича, Семёна Васильевича, Тимофея Васильевича и Василия Васильевича. Однако в установленных случаях пропорции представительства концов нигде не нарушены, что говорит о поддержании той схемы, которая сложилась около 1410 г.

---

⁴³ Янин В. Л. Печати из новгородских раскопок 1955 г. // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1959. № 65. С. 304—305, рис. 9.

⁴⁴ Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина: Историко-генеалогическое исследование. С. 44—54, схема 4.

⁴⁵ ГВНП. С. 100, № 61.

⁴⁶ НПЛ. С. 402; ПСРЛ. Т. 4. С. 113; Т. 5. С. 258.

⁴⁷ НПЛ. С. 164.

⁴⁸ Там же. С. 409; ПСРЛ. Т. 4. С. 117.

⁴⁹ НПЛ. С. 402; ПСРЛ. Т. 4. С. 108, 113, 145; Т. 5. С. 254, 258.

До сих пор, называя дату реформы посадничества, мы говорили о 1416—1417 гг. Существуют некоторые данные для ограничения этой даты. Для ее приблизительного обозначения важны были показания о деятельности Бориса Васильевича, который 16 апреля 1416 г. был еще тысяцким, а осенью 1417 г. умер уже в звании посадника. Свидетельство о посадничестве Семена Васильевича в конце августа или начале сентября 1417 г. несколько сужает хронологические рамки реформы: ведь Семен Васильевич был одним из одновременно избранных в ходе реформы посадников. Таким образом, можно говорить о том, что реформа была проведена между апрелем 1416 г. и августом 1417 г.

Некоторые из избранных тогда посадников прежде были тысяцкими. Важно, что все упоминания их в этой должности относятся ко времени более раннему, чем эта реформа. Василий Есифович назван в летописи и актах тысяцким под 1405, 1410, 1411 гг. и в последний раз 23 февраля 1416 г.⁵⁰ Александр Игнатьевич назван тысяцким под 1415 г., 23 февраля 1416 г., в грамотах 1414—1416 гг.⁵¹

Реформа 1416—1417 гг. не сводилась к увеличению числа посадников вдвое. С еще одним ее результатом знакомит нас сопоставление некоторых актовых и летописных свидетельств. До сих пор мы неоднократно убеждались, что обновление степенного посадничества в Новгороде производилось один раз в год, а наблюдения над датами степенных посадничеств разных лиц позволяли приурочить это ежегодное обновление степени к концу мартовского года, т. е. к февралю. О таком ежегодном обновлении посадничества свидетельствует и сообщение Гильбера де Ланнуа, посетившего Новгород в 1413 г.: «Они имеют двух начальников, тысяцкого и посадника (*ung duc et ung burchgrave*), которые и управляют сказанным городом. Эти правители возобновляются из года в год (*d'an en an*)»⁵².

Теперь и в этом отношении предприняты существенные изменения. Проект договорной грамоты Новгорода с Ливонским орденом и епископом юрьевским о мире, полученный магистром Ливонского ордена 25 августа 1420 г., называет степенным посадником Василия Никитича⁵³. Как того и следовало ожидать, Василий Никитич остается на степени до февраля 1421 г. Действительно, договорная грамота с Ливонским орденом, составленная на съезде в конце января 1421 г., продолжает называть степенным посадником Василия Никитича⁵⁴. Так-

⁵⁰ ГВНП. С. 85, № 48; С. 88, № 50; НПЛ. С. 402, 406; ПСРЛ. Т. 4. С. 113—114.

⁵¹ НПЛ. С. 405—406; ПСРЛ, Т. 4. С. 114; Т. 5. С. 259; ГВНП. С. 187, № 130; С. 91, № 53; Янин В. Л. Новгородские акты XII—XV вв.: Хронологический комментарий. С. 103—104, № 53; С. 301—302, № 228.

⁵² Памятники истории Великого Новгорода и Пскова. Л., 1933. С. 69.

⁵³ ГВНП. С. 97, № 59.

⁵⁴ Там же. С. 99, № 60.

же, в полном соответствии с хорошо известным нам порядком ежегодного обновления степени, в феврале 1421 г. Василий Никитич должен был уступить место на степени другому посаднику. В самом деле, грамота Новгорода Юрьеву с отказом заключить мир, составленная вскоре после 24 марта 1421 г., называет степенным посадником уже не Василия Никитича, а Михаила Ивановича⁵⁵. Если бы прежний порядок ежегодного обновления степени оставался неизменным, следовало бы ожидать, что новый посадник Михаил Иванович останется на степени до февраля 1422 г. Между тем уже 1 сентября 1421 г., когда на владычную кафедру был возведен Феодосий, «весь Новгород» представлял посадник Тимофей Васильевич⁵⁶.

Следовательно, через несколько лет после посещения Новгорода Гильбером де Ланнуа там возникает новый порядок обновления степени, предусматривавший пере выборы степенного посадника не один, а два раза в год. Разумеется, вполне возможно предположение, что Михаил Иванович умер в 1421 г., будучи степенным посадником, и замена его Тимофеем Васильевичем была только результатом этой смерти. Однако такое предположение должно быть отвергнуто самым решительным образом, поскольку существует свидетельство того, что Михаил Иванович был жив и в последующие годы. От его имени исходит dokonчание Великого Новгорода с великим князем Василием Васильевичем⁵⁷. Поскольку Тимофей Васильевич был на степени уже 1 сентября, можно предполагать, что степенное посадничество, став теперь не годичным, а полугодовым, обновлялось в конце мартовского года (в феврале) и спустя шесть месяцев, в конце сентябрьского года (в августе).

Подведем итог сделанным в настоящем разделе наблюдениям. Между апрелем 1416 г. и августом 1417 г. в Новгороде была предпринята реформа посаднической организации. Результатом этой реформы было увеличение вдвое числа одновременно действующих посадников при сохранении прежних пропорций кончанского представительства. В силу этой реформы вместо прежних девяти были избраны восемнадцать посадников — по шести от Славенского конца и Прусской улицы (Загородского и Людина концов), четверо от Неревского конца и двое от Плотницкого конца. Одновременно были изменены сроки степенного посадничества. Обновление степени отныне производится два раза в год, тогда как до этого степенные посадники избирались на годичный срок.

Смысл этой реформы станет нам ясен после изучения тех тенденций, которые лежали в основе последующего развития посадничества. Поэтому в дальнейшем мы еще вернемся к этой проблеме.

⁵⁵ Там же. С. 100, № 61.

⁵⁶ НПЛ. С. 14.

⁵⁷ ГВНП. С. 34, № 19.

ВОССТАНИЕ СТЕПАНКИ В 1418 г.

Наблюдения над заключительной частью Списка Б знакомят исследователя с особенностями общей расстановки политических сил внутрибоярской борьбы после реформы 1416—1417 гг.

Мы установили, что список посадников, одновременно избранных в ходе этой реформы, заканчивается именем Ивана Иевлича. Следующий за ним Кузьма Терентьевич не мог быть избран в посадники в 1416—1417 гг., так как до 1421 г. он продолжает занимать должность тысяцкого. Эта дата — 1421 год — весьма интересна в одном отношении. Нам известно, что между 1416—1417 гг., с одной стороны, и 1421 г., с другой, из числа 18 посадников 1416—1417 гг. скончались несколько бояр. Осенью 1417 г. во время мора умерли посадники Иван Александрович и Борис Васильевич. В 1419 г. скончался посадник Иван Богданович. До сих пор, как мы много раз убеждались, открытие какой-либо посадничьей вакансии вызывало ее немедленное замещение новым боярином. На этот раз вакансии остаются открытыми. В самом деле, вслед за посадниками 1416—1417 гг. в заключительной части Списка Б назван Кузьма Терентьевич, а он не мог стать посадником ни в 1417 г., когда со смертью Ивана Александровича и Бориса Васильевича открылись первые две вакансии, ни в 1419 г., когда смерть Ивана Богдановича открыла третью вакансию. И в 1417 г., и в 1419 г. он еще был тысяцким, а не посадником. Это обстоятельство, на наш взгляд, проливает новый свет на некоторые причины и движущие силы одного из крупнейших социальных движений в средневековом Новгороде — восстания 1418 г.

Прежде чем устанавливать связь этого восстания с проблемой организации республиканской власти, следует познакомиться с летописным изложением восстания 1418 г. и обычной его трактовкой в научной литературе.

Рассказ о восстании летописец начинает с повествования о чуде богородичной иконы в церкви св. Анастасии 19 апреля. В том же месяце «человек некий» Степанко схватил боярина Данила Ивановича, Божи́на внука, и созвал на него вече как на «злодея своего». Боярин был избит («казни́ша его ранами близко смерти») и брошен в Волхов, но некий «людин» Личков сын взял его в челн, за что сам подвергся разграблению. После этого Степанко был схвачен Даниилом Ивановичем и подвергнут пыткам. Летописец, живший на Софийской стороне, выражает сочувствие боярину и пытается оправдать его: «И рекомыи боярин, хотя бещестие свое мьстити, всхитив супостата и нача мучити, хотя вред испелити, паче болши язву воздвиже». Узнав о случившемся, народ собрался на Ярославовом дворище, «вопиюще по многы дни: „пойдем на оного боярина и дом его расхытим“». Восставшие в доспехах и со стягом пришли на Кузьмодемьянскую улицу, разграбили дом Даниила Ивановича и «иных дворов много» и на Янцеве улице «берег пограби́ша». Перепуганные кузьмодемьянцы передали Степанка

архиепископу. Восставшие отвергли посредничество владыки и «паки възъярившеся, аки пиане, на иного боярина, на Ивана на Иевлича, на Чюденцеве улици и с ним много разграбиша домов боярьских; нь и монастырь святого Николы на Поле разграбиша, ркуще: „зде житнице боярьский“». Много дворов было разграблено и на Людогоще улице, причем восставшие говорили о людгощанах: «нам супостаты суть». Удар восставших был отбит лишь на Прусской улице.

После этого, как сообщает летописец, «нача злоба множитися». Восставшие вернулись на «свою Торговую сторону» и начали готовиться к отражению удара с Софийской стороны. «И начаша звонити по всему граду, и начаша людие сърыскивати с обою страну, акы на рать, в доспесех, на мост великий; быше и губление: овы от стрелы, овы же от оружия, беша же мертвии аки на рати; и от грозы тоя страшныя и от возмущения того великого вьстрясеся весь град и нападе страх на обе страны». Далее летописец подробно описывает вмешательство в столкновение архиепископа Симеона, который с причтом и «христоименитым людством», обливаясь слезами, вышел на Великий мост и начал благословлять обе стороны. «Услышав же она страна святителево пришествие, и прииде посадник Федор Тимофеевич с иными посадники и с тысячкими, покланишася владыце. Владыка послуша моления их, посла анхимандрита Варлама и отца своего духовного и протодиакона на Ярославль двор, да подадут благословение степенному посаднику Василию Есифовичю и тысячкому Кузме Терентеевичю, да идут в домы своя. И разидошася... и бысть тишина в граде»⁵⁸.

Восстанию Степанки посвящены специальные исследования А. А. Строкова, Л. В. Черепнина и В. Н. Бернадского⁵⁹, в которых основное внимание уделено классовой характеристике народного движения. Лишь В. Н. Бернадский пытался сомкнуть проблемы классовой борьбы с проблемами внутрибоярской борьбы. На этой стороне вопроса следует остановиться подробнее.

Концепция, лежащая в основе исследования А. А. Строкова, своим острием направлена против господствовавшей в старой литературе тенденции противопоставлять Торговую и Софийскую стороны Новгорода как некие оплоты демократической и боярской партий. А. А. Строков подробно разбирает построения В. В. Пассека, И. Д. Беляева, Н. И. Костомарова, В. О. Ключевского и Н. А. Рожкова, противопоставляя им известные выводы А. М. Гневушева и В. В. Майкова о равномерном заселении сторон представителями всех слоев новгородского общества.

⁵⁸ НПЛ. С. 408—410.

⁵⁹ *Строков А. А.* Восстание Степанки в 1418 году // Новгородский исторический сборник. Новгород, 1938. Вып. 3—4; *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы. Ч. 1. С. 390 и сл.; *Он же.* Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв. С. 737 и далее; *Бернадский В. Н.* Новгород и Новгородская земля в XV в. С. 178—199.

В своих построениях А. А. Строков исходит из недвусмысленной формулировки, содержащейся в Софийской Первой летописи: «Сташа чернь с одной стороны, а с другой бояре», совершенно справедливо понимая под «сторонами» в данном случае не административные членения Новгорода, а два социальных полюса борьбы 1418 г. В самом деле, антибоярская направленность восстания очевидна до такой степени, что его следует признать крупнейшим социальным столкновением за всю историю республиканского Новгорода. Эта направленность отразилась в рассказе много раз. О ней говорят и записанные летописцем речи восставших, направивших свой гнев против «супостатов-бояр», боярских житниц и боярских дворов.

Развивая эти наблюдения, А. А. Строков пришел, однако, к весьма спорному выводу о том, что восстание 1418 г. было проявлением классового антагонизма, так сказать, в чистом виде, когда на одном полюсе борьбы оказались все бояре, а на другом — весь черный люд Новгорода. Поскольку в летописном рассказе противопоставление классов дополнено противопоставлением Торговой и Софийской сторон Новгорода, А. А. Строков выставляет следующие положения.

«Во-первых, необходимо с самого начала отметить, что эти описания движений, говорящие о борьбе сторон Торговой и Софийской, сравнительно очень немногочисленны: большинство же летописных данных говорит о движениях, направленных против князя, против посадника и отдельных боярских фамилий, против архиепископа, без упоминания борьбы одной „стороны“ с другой и, наконец, имеется много мест, которые четко изображают эти движения как выступления „черных“ людей против бояр»⁶⁰.

«Во-вторых, на Торговой стороне была вечевая башня и площадь, где происходили собрания высшего законодательного органа — веча; на Софийской стороне — Кремль с домом св. Софии (Совет господ имел свою резиденцию также здесь).

В-третьих, как видно из описания восстания 1418 г., восставшие почти во всех случаях старались захватить вечевую площадь. Иногда в противовес вече на Торговой стороне в Кремле также сходились вече, собиравшееся по звону колокола у стен Софийского собора. Следовательно, в одно и то же время происходит иногда два вечевых собрания, одно — на Торговой, другое — на Софийской стороне; одно вече проводилось восставшими, другое — боярами и архиепископом (например, в 1342 и 1384 гг.).

И в-четвертых, Кремль являлся оплотом боярства в борьбе против восставших. Значительные работы по укреплению Кремля, проводившиеся на протяжении всех столетий, были вызваны не только соображениями обороны от внешних врагов. Кремль был нужен боярству и как защита во время захвата остального города восставшими. Так было в 1418 году. Кремль не был доступен для

⁶⁰ Строков А. А. Указ. соч. С. 104 и сл.

восставших. Восставшие... обходили Кремль. Боярство во главе с архиепископом сосредоточилось в Кремле, ожидая удобного момента для выступления»⁶¹.

Все эти соображения, небезынтересные сами по себе, имели бы и научную ценность, если бы основывались на анализе летописного рассказа 1418 г., а не подводили итог той произвольной трактовке этого рассказа, которая была предложена А. А. Строковым.

Посмотрим, как изображает он ход восстания. Изложив факты, связанные с начальным этапом борьбы до момента освобождения Степанки, А. А. Строков отмечает: «Сама процедура освобождения его из тюрьмы (?) заслуживает внимания: архиепископ направляет к „собранию людскому“ Степанко со своим попом и боярином. Почему в это дело вмешивается архиепископ Симеон? Вмешательство его было необходимо как председателя Совета господ, а последний состоял из знатнейших и влиятельнейших бояр и направлял деятельность веча. Но из этой процедуры также видно, что арест Степанки не мог быть единоличным актом со стороны одного боярина Божина: он был взят новгородскими властями с целью обезопасить себя и новгородскую знать»⁶². Я привел эту длинную цитату, чтобы продемонстрировать метод комментирования летописного текста А. А. Строковым. Летописец весьма определенно говорит о насилии над Степанкой как единоличном акте Данила Божина («всхитив супостата и нача мучити», «взбояшесе кузмодемианцы, да не горее будет на них, отдаша Степанка»), а посредничество владыки самим смыслом повествования изображается как посредничество лица, авторитет которого освящен высшим духовным саном. Таким образом, далеко идущий вывод А. А. Строкова идет дальше всего от анализируемого им текста.

Далее А. А. Строков рассуждает таким образом. После того как вмешательство Симеона не увенчалось успехом, а восставшие получили отпор на Прусской улице, чернь стала укрепляться на Торговой стороне, а боярство со всего Новгорода сбежалось в Кремль. Показательно, что, обосновывая этот вывод, А. А. Строков вынужден ссылаться не на летопись, а на сочинение протоиерея новгородского Знаменского собора П. И. Тихомирова: «Бояре и чиновники уже не ждали себе добра и перебрались в Детинец со своим имуществом»⁶³. Вслед за этим сообщением А. А. Строков излагает маршрут движения восставших, преследуя при этом только одну цель — показать, что восстание обтекало Кремль, который, следовательно, был заперт и представлял собой непреодолимую преграду. Наконец, следует красочное описание битвы на мосту: «Во вре-

⁶¹ *Строков А. А.* Указ. соч. С. 105.

⁶² Там же. С. 91 и сл.

⁶³ *Тихомиров П.* Кафедра новгородских святителей. Т. 1. Новгород, 1891. С. 234; *Строков А. А.* Указ. соч. С. 94.

мя происходившей битвы на мосту архиепископ, следя за ходом сражения с большим количеством своего штата и бояр, был в Кремле, тогда как посадник Федор Тимофеевич „с иными посадниками и тысяцкими“ руководил сражением против восставших»⁶⁴.

Построения А. А. Строкова могли бы быть подвергнуты серьезной критике одними только методами формальной логики. Однако нам важнее проследить противоречия нарисованной им картины с показаниями источников. Главное противоречие, которое в ней имеется, состоит в неаргументированном отрицании роли административных сторон Новгорода в развернувшихся событиях. В самом деле, если следовать построениям А. А. Строкова и признавать, что в ходе восстания все бояре Торговой стороны перебежали в Кремль, то действия восставших покажутся по меньшей мере странными. Вместо того чтобы подвергнуть разграблению и сожжению покинутые дома и усадьбы своих непосредственных супостатов — бояр Торговой стороны, восставшие со стягом идут на Софийскую сторону и наносят удар по боярам Неревского и Загородского концов. Их действия планомерны и последовательны, но они направлены не против всего боярства, а против той его части, которая связана с Софийской стороной и которая, таким образом, одна ответственна за насилие над Степанкой.

Следующий факт оказывается наиболее важным. Вопреки А. А. Строкову посадник Федор Тимофеевич вовсе не руководил действиями против восставших. Напротив, он был вместе с «другими посадниками и тысяцкими» на Торговой стороне. Летописец дает на этот счет весьма определенные указания: «И пришед святитель ста посреди мосту и, взем животворящий крест, нача благословляти обе страны... Услышавши она страна святителево пришествие, и прииде посадник Федор Тимофеевич с иными посадниками и с тысяцкими, поклонися владыце». Связь Федора Тимофеевича с Торговой стороной закономерна, ведь он был славенским посадником. А если это так, то в ходе восстания произошло не только столкновение плебса Торговой стороны с боярством Софийской стороны, но и столкновение боярства Торговой стороны с боярством Софийской стороны. Значит, во время восстания классовая борьба проявилась не в ее «чистом виде», а славенская чернь вместо со славенским боярством противостояла общему противнику. Мы видим в ходе восстания 1418 г. повторение обычной расстановки сил внутривластической борьбы Новгорода, когда социальная борьба причудливо переплетается с внутрибоярской борьбой. Существенной особенностью восстания 1418 г., создающей для него особое место в истории новгородских городских движений, является особая сила проявившегося в ходе борьбы социального антагонизма, одинаково напугавшая бояр обеих сторон Новгорода («нападе страх на обе страны») и заставившая их прийти к соглашению.

⁶⁴ Строков А. А. Указ. соч. С. 95.

Внутрибоярское столкновение 1418 г. было первым после длительного перерыва. В последний раз вооруженная борьба Софийской стороны со Славенским концом была отмечена под 1388 г., т. е. за 30 лет до восстания Степанки. Мы видим, что возобновление борьбы произошло сразу же после реформы посадничества, и должны поставить оба события в определенную связь. Во время восстания 1418 г. боярство Славенского конца оказывается носителем каких-то претензий к боярству Софийской стороны. О самих этих претензиях летопись сообщает в рассказе о конце восстания. Когда на мост к архиепископу пришел Федор Тимофеевич и «иные посадники и тысяцкие», то владыка «выслуша моления их». Связь этих претензий с посадничеством видна из того факта, что восставшие отказывались признать полномочия только что избранного степенного посадника Василия Есифовича (выборы на степень происходили в конце февраля, а восстание — в апреле); «владыка послуша моления их (Федора Тимофеевича и иных посадников и тысяцких. — *В. Я.*), посла анхимандрита Варлама и отца своего духовного и протодиакона на Ярославль двор, да подадут благословение степенному посаднику Василью Есифовичу и тысячкому Кузме Терентеевичу, да идут в дома своя». Получив благословение, степенные посадник и тысяцкий, по свидетельству летописей, выступили со следующей декларацией: «Да повелит святытель своєї стране в хоромы ити, а мы своєї братии, по твоему благословению, повестуем и повелеваем им отйти в жилища, и събравшимся по сем с нарочитыми мужи разсудити вещи сиа начало»⁶⁵. Наконец, на связь восстания с организацией посадничества указывает и разграбление восставшими дома прусского боярина Ивана Иевлича, входившего в число посадников 1416—1417 гг.

Восстанавливая связь восстания 1418 г. с реформой посадничества в 1416—1417 гг., мы можем сделать только один вывод, который исходит из следующих наблюдений. Как уже отмечено выше, после смерти посадников Ивана Александровича и Бориса Васильевича осенью 1417 г. освободившиеся посадничьи вакансии не были заполнены избранием их преемников. По крайней мере один из этих посадников — Иван Александрович — был представителем Славенского конца, и сохранение вакансии незаполненной уменьшало норму представительства Славна до пяти посадников вместо установленных реформой шести. Вполне понятно, что инициатива этого уменьшения не могла исходить от сла-

---

⁶⁵ Новгородские летописи. СПб., 1879. С. 45. В. Н. Бернадский справедливо критикует А. А. Строкова и Л. В. Черепнина, связывавших Федора Тимофеевича с силами Софийской стороны, которые действовали против восставших, однако, увлекшись своей весьма интересной теорией о связи восстаний с вечевой законностью, впадает сам в очевидную ошибку, предположив, что вече восставших находилось под руководством степенных посадника Василия Есифовича и тысяцкого Кузмы Терентьевича (*Бернадский В. Н.* Новгород и Новгородская земля в XV в. С. 194).

венского боярства. Она могла возникнуть только в результате противодействия враждебных Славну группировок. Поскольку не была замещена и вакансия, образовавшаяся после смерти Бориса Васильевича, можно предполагать, что и последний принадлежал к числу славенских посадников. Вряд ли возможно обосновать вывод об одновременном, так сказать — договорном, ослаблении главных соперничающих сторон.

Если это так, то существует одно летописное указание, которое как будто подтверждает наше предположение. Мы имеем в виду начальную фразу летописного рассказа 1418 г. о чуде в церкви св. Анастасии, смысл которого в летописном контексте сводится к предречению последовавшего за ним кровопролития. Рассказ о чуде является как бы мостиком к предшествующему рассказу 1417 г., так как церковь св. Анастасии — место чуда — была только что построенным в связи с мором обетным обыденным храмом. Именно в ней кажутся наиболее уместными чудеса, связанные с теми претензиями Славенского конца, которые возникли после смерти двух его посадников, умерших во время мора. Вполне понятно также, что в ходе борьбы должны были подвергнуться нападению те посадники Прусской улицы, которые своим существованием нарушали новую вынужденную пропорцию представительства. И действительно, одним из объектов нападения был Иван Иевлич.

Степень в момент восстания занята плотником посадником Василием Есифовичем, поэтому жители Торговой стороны оказываются для него «своей братией», в отличие от «страны святителя» — Софийской, хотя плотнические бояре находятся в родстве с прусскими. Думается, что, отказывая Василию Есифовичу первоначально в доверии, восставшие пытались вызвать общий кризис личной власти, чтобы сделать неизбежной вечевую дискуссию. Нам неизвестно, к каким результатам пришло совещание нарочитых мужей при архиепископе Симеоне, которое должно было рассудить «вещи сия начало», однако оно, по-видимому, сохранило сложившееся положение неизменным, настаивая на принципе равного представительства для всех концов, в том числе и для Славенского. Тем не менее в какой-то мере претензии Славна не остались без последствий, поскольку смерть в 1419 г. прусского посадника Ивана Богдановича также привела к сохранению этой вакансии открытой.

Ход событий 1418 г. демонстрирует еще одну важную закономерность, связанную с развитием в Новгороде социального напряжения. Мы видели, что действия восставшей черни даже в этот период подъема его недовольства не отделены от побочных задач, которые ставит перед городскими движениями внутрибоярская борьба. Сложное переплетение задач боярской и социальной борьбы разобщает черный люд уже самим противопоставлением соперничающих территорий, что и теперь позволило боярству, оставив на время собственные внутренние разногласия, обуздать чернь

Новгородский губернатор начала XIX в. П. И. Сумароков умилялся талантам архиепископа Симеона, в одно мгновение «утишившего своеволие» и превратившего «буйное скопище» в смиренный крестный ход. «Вот истинное доказательство, — писал он, — что один человек может развратить тысячи народа, и один также человек удержать их в состоянии»⁶⁶. Нет, не обильные слезы новгородского владыки, щедро оросившие рассказ 1418 г., остановили оружие восставших. Только сговор новгородского боярства, испугавшегося за свои «животы» и отложившего до лучших времен собственные «обиды», ослабил силы восставших и остановил опасное для всех бояр народное движение.

Под 1421 г. летописец отмечает новую вспышку борьбы в Новгороде: «И в Новгороде восташа бранью два конца, Неревский и Славенский за Климентия Ортемына про землю на посадника Ондreja Ивановича и пограбиша двор его в доспесех и иных бояр разграбиша дворы напрасно. И убиша Андреевых пособников 20 человек до смерти, а неревлян 2 человека и умиришася»⁶⁷. Временная консолидация новгородского боярства, возникшая в конце XIV в. в период усиления борьбы с Москвой, продолжала оставаться неустойчивой и после 1417 г. Между тем уже восстание 1418 г. толкало боярство к новой консолидации, которая теперь направляла свое острие внутрь Новгорода, против проявившейся в ходе восстания социальной активности черного люда. Думается, что новое столкновение в 1421 г. должно было еще раз продемонстрировать боярству жизненную важность этого пути, тем более что летописец, повествуя о столкновении 1421 г., пишет о «напрасности» разграбления боярских дворов.

У нас есть основания говорить о новом сплочении новгородского боярства около 1421 г. и ликвидации в это время взаимных обид, связанных с нарушением норм представительства в посадничестве.

Заключительная часть Списка Б после имени Ивана Иевлича содержит еще 13 посадничьих имен:

105. Кузьма Терентьевич	112. Михаил Ананьич
106. Федор Гаврилович	113. Василий Фомин
107. Иван Данилович	114. Григорий Данилович
108. Семен Васильевич	115. Филипп Фомин

⁶⁶ Сумароков П. И. Новгородская история. М., 1890. С. 245.

⁶⁷ В этой связи исключительный интерес представляет берестяная грамота № 310, найденная при раскопках на Неревском конце (Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956—1957 гг.). М., 1963. С. 142—144). Грамота написана крестьянами и адресована посаднику Андрею Ивановичу, бывшему их вотчинником. Документ дендрохронологически датируется 1410-ми — началом 1420-х гг. Это важно, так как одноименный посадник существовал еще в 1430-х гг.

109. Иван Васильевич

110. Иван Яковлевич

111. Аврам Стефанович

116. Артемий Петрович

117. Захария Кириллович

В первой главе настоящего исследования, касаясь вопроса о датировке Списка Б в целом, мы остановились как на наиболее приемлемой дате на 1423 г. Основанием для такой датировки послужила общая синхронность концовок всех статей, предшествующих Комиссионному списку Новгородской Первой летописи. Предельная дата — 1423 г. — принята нами главным образом на основании наблюдений над списком новгородских владык, в котором еще отсутствуют сведения об изгнании Феодосия, но уже есть сведения о погребении архиепископа Симеона. Феодосий был сведен с владычной кафедры в сентябре 1423 г.⁶⁸ Эта дата и является самым младшим из всех возможных сроков составления статей, предшествующих Комиссионному списку. Существует, однако, возможность еще более уточнить дату составления Списка Б. Один из посадников, названных в заключительной части Списка Б, — Аврам Стефанович — был тысяцким еще 8 февраля 1423 г., о чем свидетельствует договорная грамота Новгорода с ганзейскими городами о разрешении спорных дел, исходящая от имени нареченного владыки Феодосия, посадника Василия Никитича и тысяцкого Аврама Степановича⁶⁹. Следовательно, Список Б составлен не ранее февраля и не позднее сентября 1423 г.

Эта датировка приводит к следующему наблюдению. Если на протяжении 1417—1421 гг. новые посадники вовсе не избирались в Новгороде, несмотря на появление вакансий, то между 1421 и 1423 гг. было избрано 13 новых посадников. Вряд ли можно думать, что на новгородских посадников в это время напал какой-то профессиональный мор и на протяжении кратчайшего времени одна за другой освободились 13 вакансий. (Семь посадников должны были бы умереть только между февралем и сентябрем 1423 г., поскольку вслед за Аврамом Стефановичем, пришедшим на посадничество не ранее февраля 1423 г., в Списке Б названо еще шесть посадников!)

---

⁶⁸ НПЛ. С. 414; ПСРЛ. Т. 4. С. 120; Т. 8. С. 92. Феодосий был избран 1 сентября 1421 г. Его преемник Евфимий I, будучи избран в 1423 г., «был владыкою 5 лет и 5 недель, а чернцом был на сенех год и две недели» (НПЛ. С. 415) — всего 6 лет и 7 недель. Между тем Евфимий I умер 1 ноября 1429 г. Значит, он был избран на кафедру в сентябре 1423 г. С другой стороны, между сентябрем 1421 г. и сентябрем 1423 г. прошел как раз двухлетний срок, который назван в летописи как время святительства Феодосия (НПЛ. С. 414). Нам пришлось подробно остановиться на этих выкладках, так как 6932 г. в Новгородской Первой летописи объединяет в себе и сентябрьский, и мартовский 6932 г., и некоторые исследователи ошибочно относят свержение Феодосия к осени 1424 г.

⁶⁹ ГВНП. С. 103, № 62.

Разобраться в этих противоречиях можно лишь в том случае, если допустить, что конфликт, возникший в 1417 г. из-за норм представительства концов, был ликвидирован в начале 1420-х гг. Возможно, в связи с ликвидацией этого конфликта находится лаконичная запись летописца под 1423 г.: «А новгородци целоваша крест за один брат»⁷⁰.

К 1421 г. существовали три незаполненные вакансии, образовавшиеся после смерти Ивана Александровича и Бориса Васильевича в 1417 г. и смерти Ивана Богдановича в 1419 г. В 1421 г., когда в мае или июне скончались посадники Федор Тимофеевич и Александр Фоминич⁷¹, число вакансий увеличилось до пяти, причем две или три из этих вакансий принадлежали Славенскому концу (Иван Александрович, Федор Тимофеевич и, возможно, Борис Васильевич) и две — Прусской улице (Иван Богданович и Александр Фоминич). В этих условиях стремление восстановить порядок, введенный реформой 1416—1417 гг., должно было существовать в равной степени и у славенского, и у прусского боярства. Думается, что начало формирования рассматриваемой части Списка Б должно относиться именно к 1421 г., когда он мог пополниться именами Кузьмы Терентьевича, Федора Гавриловича, Ивана Даниловича⁷², Семена Васильевича и Ивана Васильевича. Возможно, что в это число входит и Иван Яковлевич, так как у нас нет уверенности в том, что летопись сохранила сведения обо всех посадничьих кончинах этих лет. В таком случае избрание еще семи посадников в 1423 г. может означать лишь новое увеличение общего числа одновременно посадничавших бояр. Наиболее вероятным представляется число 24, соответствующее логике последовательного увеличения корпуса посадников: от шести к девяти, затем к восемнадцати и к двадцати четырем.

Именем Захарии Кирилловича заканчивается Список Б. Дополнения к Списку Б, известные по Ермолинскому летописцу, открываются именем Григория Кирилловича. Поскольку посадник Григорий Кириллович становится известным другим источникам не ранее 1428 г., мы предположили в первой главе, что между Списком Б, отредактированным в 1423 г., и дополнениями к Списку Б, составленными в 1460-х гг., допустим хронологический разрыв, и имена посадников середины 1420-х гг. могли оказаться опущенными. Можно на нескольких примерах подтвердить правильность этого предположения.

В указанной связи важна, например, правая грамота о включении Власа Тупицына в волостной разруб княжеостровцев⁷³. Последними издателями грамо-

⁷⁰ ПСРЛ. Т. 3. С. 110, 140; Т. 4. С. 120; Т. 16. Стб. 177.

⁷¹ Сообщение о смерти посадников Федора Тимофеевича и Александра Фоминича помещено в летописи между сообщением о грозе и граде 19 мая и рассказом о смерти владыки Симеона 15 июня (НПЛ. С. 413)

⁷² Отметим, что это второй посадник с таким именем.

⁷³ ГВНП. С. 148, № 92.

та датирована первой четвертью XV в. Приемы датировки нельзя назвать достаточно точными, однако в общем она, как увидим далее, правильна, хотя и нуждается в некотором уточнении. Грамота исходит от посадников Якова Федоровича и Иева Тимофеевича. Еще одним автором документа является сотский Иван. Близка этому акту по времени и принадлежности рядная Леонтия Зацепина с княжеостровцами, также отнесенная последними издателями к первой четверти XV в.⁷⁴ Рядная исходит от посадников Василия Юрьевича и Аврама Степановича, Васильева наместника Мины Андреевича⁷⁵ и сотского Ивана.

Двух посадников из числа авторов этих актов мы хорошо знаем. Яков Федорович фигурирует в Списке Б, в той его части, которая перечисляет посадников 1416—1417 гг. Аврам Степанович также назван в Списке Б среди посадников, избранных около 1421 г. Кое-что можно сказать о Василии Юрьевиче. Он назван в летописи под 1417 г. как посадничий сын⁷⁶. В начале XV в. было только два посадника Юрия — прусский боярин Юрий Дмитриевич умерший в 1410 г. и представитель Неревского конца Юрий Онцифорович, умерший в 1417 г. С потомством Юрия Онцифоровича, особенно после обнаружения берестяных грамот, связанных с его семьей, мы хорошо знакомы, но у Юрия Онцифоровича не было сына Василия⁷⁷. Очевидно, что Василия Юрьевича следует связывать с Прусской улицей.

Обнаружив в этих актах имена посадников Иева Тимофеевича и Василия Юрьевича, мы не найдем их ни в Списке Б, ни в дополнениях к Списку Б по Ермолинскому летописцу. С другой стороны, эти посадники связываются с периодом 1420-х гг., поскольку они действуют в одно время с посадниками, избранными в конце 1410-х и начале 1420-х гг., и неизвестны в достаточно многочисленных документах 1430-х гг. Следовательно, по крайней мере посадники Иов Тимофеевич и Василий Юрьевич должны были появиться в то время, на которое уже не распространяются перечисления Списка Б и которое не охвачено дополнениями к Списку Б. Между Списком Б и дополнениями к нему действительно существует хронологический разрыв — пропущены имена посадников, появившихся между 1423 и 1428 гг.

⁷⁴ Там же. С. 188, № 132.

⁷⁵ Непонятно, почему издатели «Грамот Великого Новгорода и Пскова» называют Мину Андреевича наместником посадника Василия Юрьевича. Должность посадничьего наместника в источниках не зафиксирована. В данном случае имеется в виду, скорее всего, наместник великого князя.

⁷⁶ НПЛ. С. 407; ПСРЛ. Т. 4. С. 115.

⁷⁷ Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина: Историко-генеалогическое исследование. С. 7—57.

Разница в составе посадничьих имен 1420-х и 1430-х гг. весьма значительна. Если в начале и в середине 1420-х гг. действуют посадники, хорошо нам известные по Списку Б, и те в основном не известные нам посадники, которые приходили на должность между 1423 и 1428 гг., то 1430-е гг. — это время посадников, именами которых открывается дополнение к Списку Б по Ермолинскому летописцу:

118. Григорий Кириллович	122. Федор Данилович
119. Григорий Юрьевич	123. Борис Юрьевич
120. Самсон Иванович	124. Иван Васильевич
121. Андрей Иванович	

Григорий Кириллович как посадник известен в 1428, 1434, 1435, 1436 гг.⁷⁸ О Григории Юрьевиче никаких документальных сведений не сохранилось. Самсон Иванович был посадником в 1434 г.⁷⁹ Имя Андрея Ивановича имеется в грамоте 1440-х гг.⁸⁰ Федор Данилович назван однажды в новгородской грамоте, которая датируется 1436—1438 гг.⁸¹ Борис Юрьевич как посадник известен в 1435 и в 1436 гг.⁸² Наконец, Иван Васильевич посадничал уже в 1435 г.⁸³, что позволяет датировать начало посаднической деятельности лиц, помещенных в списке ранее Ивана Васильевича, временем до 1435 г.

Заметим, что нам абсолютно неясны основания предложенной в «Грамотах Великого Новгорода и Пскова» датировки грамоты № 75 временем «около 1452 г.». Датировка этой грамоты, содержащей приказ Великого Новгорода Никите Тинчову уплатить деньги, взятые им у колыванского посла, предпринята, как указано в комментарии, по упоминанию в ней посадника Михаила Ананьинича⁸⁴. Между тем этот посадник упоминается еще только в разобранном выше докончании, которое в цитированном издании датировано 1435 г., а нами — 1424 г. Добавим, что в приказе Никите Тинчову назван также тысяцкий Оникий Власевич, а этот последний упоминается еще в списке новгородских тысяцких⁸⁵ — документе, составленном в 1423 г. Грамоту № 75 следует относить не к середине XV в., а к 1420-м гг.

⁷⁸ ПСРЛ. Т. 18. СПб., 1913. С. 170; Т. 25. С. 248; НПЛ. С. 417—418.

⁷⁹ ГВНП. С. 107, № 64.

⁸⁰ Там же. С. 147, № 90; Янин В. Л. Новгородские акты XII—XV вв.: Хронологический комментарий. С. 244—245, № 157.

⁸¹ ГВНП. С. 114, № 69; Янин В. Л. Новгородские акты XII—XV вв.: Хронологический комментарий. С. 112, № 46.

⁸² Орлов А. С. Библиография русских надписей XI—XV вв. М.; Л., 1952. С. 131—132, № 216; ГВНП. С. 109—110, № 66, 67.

⁸³ НПЛ. С. 417.

⁸⁴ ГВНП. С. 126—127, № 75.

⁸⁵ НПЛ. С. 473.

Здесь же следует обсудить вопрос о датах некоторых других новгородских документов, время которых было определено суммарно.

Грамота Великого Новгорода магистру Ливонского ордена с требованием взыскать с наследников колыванского посадника Конрада 400 рублей датирована издателями «Грамот Великого Новгорода и Пскова» временем не позднее 10 июня 1417 г.⁸⁶ Основанием для датировки служит неверное указание даты смерти упомянутого в грамоте посадника Ивана Александровича, умершего якобы 10 июня 1417 г. В действительности Иван Александрович, как уже показано выше, умер в сентябре или октябре 1417 г. С другой стороны, в грамоте назван тысяцким Александр Игнатьевич, который стал посадником не позднее августа 1417 г. В предыдущей главе было выяснено, что совмещение на степени посадника Ивана Александровича и тысяцкого Александра Игнатьевича фиксировано в марте 1414 — феврале 1415 г. К этому времени и относится рассматриваемый документ.

К 1418—1421 гг. отнесли издатели «Грамот Великого Новгорода и Пскова» составление грамоты Новгорода Риге с требованием суда над Иньцей Зашембакой⁸⁷. Грамота исходит от посадника Александра Игнатьевича, тысяцкого Кузьмы Григорьевича и синхронна аналогичной грамоте, составленной от имени владыки Симеона⁸⁸. Во время архиепископства Симеона (1416—1421 гг.) фиксируются следующие переходы степени:

Степенный посадник

II.1416—II.1417	Иван Богданович
II.1417—II.1418	Семен Васильевич
IV.1418	Василий Есифович
VIII.1420—II.1421	Василий Никитич
II. — VIII.1421	Михаил Иванович

Степенный тысяцкий

Борис Васильевич ⁸⁹
Кузьма Терентьевич ⁹⁰
Кузьма Терентьевич ⁹¹
Кузьма Терентьевич ⁹²
Кузьма Терентьевич ⁹³

Следовательно, для занятия степени посадником Александром Игнатьевичем и тысяцким Кузьмой Терентьевичем остается лишь промежуток с февраля 1419 г. (если полугодовой срок занятия высших магистратских должностей не

⁸⁶ ГВНП. С. 91, № 53.

⁸⁷ Там же. С. 96, № 58.

⁸⁸ Там же. С. 95, № 57.

⁸⁹ НПЛ. С. 406.

⁹⁰ ГВНП, № 55; ПСРЛ. Т. 16. Стб. 164.

⁹¹ НПЛ. С. 410.

⁹² ГВНП, № 59; НПЛ. С. 413.

⁹³ ГВНП, № 61.

был введен в 1418 г.) или с августа 1418 г. (если это нововведение относится к 1418 г.) до августа 1420 г.

Грамота Великого Новгорода Риге о претензиях Данилы Андреевича⁹⁴ исходит от посадника Василия Никитича и тысяцкого Аврама Степановича. Василий Никитич стал посадником в 1416—1417 гг., Аврам Степанович оставался тысяцким до 1423 г. Грамота датирована в этих пределах. Однако эта датировка может быть и уточнена. Контекст грамоты позволяет говорить о том, что в момент ее составления Василий Никитич был на степени. Между тем его степенное посадничество известно под двумя датами. Он был степенным в августе 1420 г. — феврале 1421 г., но в этот период степенным тысяцким был не Аврам Степанович, а Кузьма Терентьевич. Он также был на степени в августе 1422 г. — феврале 1423 г., и именно в это время степень тысяцкого занимал Аврам Степанович⁹⁵. Грамоту следует относить к концу 1422 — началу 1423 г.

К тому же периоду относится известная жалованная грамота новгородского веча сиротам Терпилова погоста⁹⁶, которая содержит имена посадника Василия Никитича и тысяцкого Аврама Степановича. Издатели «Грамот Великого Новгорода и Пскова» отнесли грамоту ко времени около 1411 г. на том основании, что «Аврам Степанович упоминается в Новгородской Первой летописи под 6919 г. без обозначения должности». Аргумент, разумеется, никак не может быть признан точным; он был отвергнут И. М. Людиным в специальной статье об этой грамоте. И. М. Людин также называет возможной датой документа — время около 1423 г.⁹⁷

СФРАГИСТИЧЕСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА РЕФОРМ 1410-х гг.

Если вторая половина XIV в. была временем заметного расцвета личной посадничьей сфрагистики, то с начала XV в. сфрагистика именных посадничьих печатей приобретает новые черты, свидетельствующие об ее переходе в менее значительный разряд государственных булл. Именные посадничьи печати во многих случаях не несут больше титула посадника и в своем большинстве перестают быть свинцовыми. Их обычным материалом становится воск, что, по-видимому, и является главной причиной сравнительной малочисленности обнаруженных именных булл XV в.

⁹⁴ Обнорский С. П., Бархударов С. Г. Хрестоматия по истории русского языка. Ч. 1. М.; Л., 1952, № 39.

⁹⁵ ГВНП. С. 102—104, № 62.

⁹⁶ Там же. С. 146, № 89.

⁹⁷ Людин И. М. Грамота о сиротах Терпилова погоста как источник по истории московско-новгородских отношений XIV—XV вв. // Проблемы источниковедения. М., 1956. Вып. 5. С. 285 и сл.

Перечислим все именные посадничьи печати рассмотренного в настоящей главе времени (рис. 7).

1. Печать Ивана Александровича (№ 79)

Легенда черновосковой печати Ивана Александровича: ПЕЧА/ТЬ ИВАН/А ОЛЕКСА/НДРОВИ/Ц, сохранявшейся при грамоте Великого Новгорода Колывани 1411 г.⁹⁸, известна по ее описанию в списке с этой грамоты, который хранится в Отделе рукописей ЛБ.

2. Печать Василия Есифовича (№ 91 в Списке Б)

Л. с. Надпись в четыре строки:

В А
СІАБѢ
ВАНЕУА
ТЬ

О. с. Надпись в три строки:

ЕСІ
ФОВИ
УА

Д. — 28 мм. М. н. — Новгород, 1981 г., найдена на Троицком раскопе в слое второй четверти XV в. Хр. — Новгородский музей, № 33656-223. Изд. — АПДР. Т. 3. С. 208, № 6736.

Восковая печать Василия Есифовича исключительно плохой сохранности имеется при договорной грамоте Великого Новгорода с Ливонским орденом начала 1421 г.⁹⁹ Поскольку надпись на этой печати не читается, мы не имеем возможности ее воспроизвести. Однако аналогии с другими печатями этого времени позволяют предполагать, что она была такой же, как печать того же Василия Есифовича в бытность его тысяцким. Последняя, также восковая, несущая легенду: ПЕЧА(ТЬ)/ВАСИЛЬ/А ІЕСИФОВИЧ(А), известна по списку ЛБ с грамоты Новгорода Колывани 1411 г.¹⁰⁰

3. Печать Якова Федоровича (№ 96 в Списке Б)

Л. с. Надпись в три строки: ПЕЧА

ТЯКОВА

ФЕДОРОВ

О. с. Изображение барса.

⁹⁸ ГВНП. С. 88, № 50.

⁹⁹ Там же. С. 98, № 60.

¹⁰⁰ Там же. С. 88, № 50.

1

4

6

7

8

9

Рис. 7. Печати посадников начала XV в.

Д. — неизвестен. *Хр.* — утрачена; сохранялась при правой грамоте о включении Власа Тупицына в волостной разруб княжеостровцев первой четверти XV в., до 1418 г.¹⁰¹

4. Печать Ивана Федоровича (№ 97 в Списке Б)

Л. с. Надпись в четыре строки:

ЕВА
НОВА
ПЕУА
ТИ

О. с. Поясное изображение святого.

По краю, за линейным ободком:

СВЯТЫЙ
ИВАН

Д. — 25 мм. *М. н.* — Новгород. *Хр.* — Новгородский музей, № 33656-221. *Изд.* — АПДР. Т. 3. С. 209—210, № 684г.

5. Печать Афанасия Федоровича (№ 98 в Списке Б)

Восковая печать этого посадника с легендой: П(Е)Ч(А)ТЬ (О)ФОНОСА ФЕДОРОВИЧ(А) сохранилась при договорной грамоте Великого Новгорода с Ливонским орденом начала 1421 г.¹⁰²

6. Печати Василия Никитича (№ 100 в Списке Б)

Л. с. Надпись в четыре строки:

ПЕУАТЬ
ВАСИЛЬ
НИКИТИ
НИУА

О. с. Изображение воина, стоящего

в полный рост, с копьем и щитом. По краю:

ПОСАДНИК
ВАСИЛЬ

Воск. *Д.* — 28 мм. Сохранилась при грамоте Новгорода Риге о претензиях Данилы Андреевича 1422—1423 гг. *Хр.* — Рижский архив. *Изд.* — АПДР. Т. 2. С. 199, № 590.

Известна также матрица костяной прикладной печати этого посадника, найденная в Новгороде в 1955 г. на Неревском раскопе в слое, дендрохронологически датированном 1409—1422 гг. На матрице диаметром 11 мм помещено изображение птицы и круговая надпись: ВАСИЛЬА МИКИТИ/НИЧ. Это вообще единственная находка матрицы посадничьей печати.

¹⁰¹ ГВНП. С. 88, № 50.

¹⁰² Там же. С. 98, № 60.

7. Печать Тимофея Васильевича (№102 в Списке Б)

Л. с. Надпись в пять строк:

ПОСА
ДНИКНО
ВГОРОУКО
ГОТНМО
ФТИ

О. с. Надпись в четыре строки:

ВАСН
ЛЫЕВН
УАПЕУА
ТЬ

Д. — 28—32 мм. М. н. — Новгород, 2001 г., найдена на Троицком раскопе, кв. 1793, на глубине 28 см. Изд. — ННЗ. Вып. 16. С. 169, рис. 20.

8. Печать Михаила Ананьича (№ 112 в Списке Б)

Восковая перстневая печать этого посадника с изображением креста и без надписей сохранилась при грамоте Великого Новгорода Никите Тинчову 1424 г.¹⁰³

9. Печать Филиппа Фоминича (№ 115 в Списке Б)

Л. с. Надпись в четыре строки:

ЕУ
ЛЛН
ФОМ'
V

О. с. Надпись в четыре строки:

СА
КАИ
РО
8

Д. — 26 мм (обл.). М. н. — Новгород, 2002 г., найдена на Никитинском раскопе в слое первой половины XV в. Хр. — НЭ. Не издана.

10. Печать Иева Тимофеевича (в Списке Б отсутствует)

Л. с. Надпись в четыре строки:

ПЕ
УАТЬ
НЕВЪ
ЛА

О. с. Надпись в четыре строки:

ТН
МОФЪ
СВН
УА

¹⁰³ ГВНП. С. 126, № 75.

Д. — 28 мм. Сохранилась при правой грамоте о включении Власа Тупицына в волостной разруб княжеостровцев первой четверти XV в., до 1418 г. *Изд.* — АПДР. Т. 2. С. 216, № 679.

Очевидно, что эта булла употреблена ее владельцем еще до того, как он стал посадником.

Перечисленными буллами исчерпываются все именные посадничьи печати первой четверти XV в. Показательно, что только в редчайших случаях имя владельца печати сопровождается посадничьим титулом. Титул «русского посадника» на печати Василия Никитича еще больше подчеркивает общее правило. Не имея печати с титулом новгородского посадника, Василий Никитич пользуется своей буллой, употреблявшейся им в Русе, где он также посадничал ¹⁰⁴.

Эта эволюция посадничьей печати, которую невозможно признать случайной, может быть объяснена изменением роли посадника с начала XV в. Если во второй половине XIV в. степенный посадник был главным носителем и выразителем новгородского суверенитета, и его личный авторитет был достаточно значителен, то сама тенденция к расширению числа посадников сначала до 9, потом до 18, наконец, до еще большего числа, восторжествовавшая в первой четверти XV в., не могла не нести с собой идеи умаления личного авторитета посадника, девальвируя это прежде очень высокое звание.

В том же направлении действовало и сокращение степенного посадничества до полугодового срока. Власть над Новгородом, сосредоточенная первоначально в руках немногих избранных бояр, теперь дробилась. Тенденции реформ конца 1410-х гг. в целом понятны. Реформы подрывали автократическое начало республиканской боярской власти и выдвигали на первое место авторитет общебоярского органа — Совета господ. Это был заметный шаг в развитии боярской олигархии. Значительное расширение Совета господ, в котором сосредоточивалась вся государственная власть, по существу делало излишними традиционные вечевые порядки, при которых высшие государственные должности сохраняли видимость народно-представительных, а их авторитет был освящен в первую очередь вечевым решением.

Отметим, что резкое уменьшение личной посадничьей власти со второй половины 1410-х гг. имело закономерным следствием полное угасание интереса к посадникам со стороны летописцев. Если до той поры летопись тщательно фиксировала кончины посадников, если имена посадников упоминались постоянно в рассказах о важнейших событиях новгородской жизни, то теперь посадники вообще перестают упоминаться.

Говоря о переходе именных посадничьих булл в менее значительный сфрагистический разряд, о приобретении ими черт частных печатей, мы вправе пред-

¹⁰⁴ Ср. летописный рассказ 1442 г. о другом подобном посаднике: «В то же время был посадник новгородчкыи Иван Васильевич, держал руское посадничество» (НПЛ. С. 422).

полагать, что общие тенденции развития государственной власти должны были в это время привести к созданию такой государственной буллы, тип которой отразит окончательное создание общебоярского органа, стоявшего над посадничеством и над тысяцким. И в самом деле, такая булла появляется и становится главной государственной печатью Новгородской боярской республики вплоть до присоединения Новгорода к Москве.

Мы имеем в виду так называемую «Новгородскую печать» или «Печать Великого Новгорода», известную к настоящему времени в количестве 134 экземпляров. Поскольку большинство таких печатей относится ко второй и третьей четвертям XV в., а их хронология еще должна стать предметом исследования, их обзор будет дан в последней главе. В настоящем разделе мы ограничимся вопросами, касающимися времени возникновения этого сфрагистического типа и его принципиальной принадлежности.

Самые ранние экземпляры «Печати Великого Новгорода» и «Новгородской печати» известны при следующих документах.

Грамота Великого Новгорода Колывани о суде над колыванцкм Иваном Мясо¹⁰⁵, составленная от имени «посадника Ивана Олександровича, от тысяцкого Онаньи Костянтиновича и от всего Великого Новгорода», утверждена двумя печатями, но из них сохранилась только одна, на одной стороне которой — изображение Вседержителя, а на другой надпись: НО/ВГОРО/ЧКАА/ПЕЧА/ТЬ. Документ датируется 1413—1414 гг.

Грамота Великого Новгорода магистру Ливонского ордена с требованием взыскать с наследников колыванского посадника Конрада 400 рублей, составленная от имени «посадника новгородчкого Ивана Олександровича, от тысяцкого Олександра Игнатьевича и всего Великого Новгорода»¹⁰⁶, утверждена двумя свинцовыми печатями. Первая на одной стороне несет изображение барса с поднятым хвостом и на другой надпись: ПЕЧАТЬ ВЕЛИКОГО НОВАГОРОДА. Вторая печать несет на одной стороне изображение зверя с поднятым хвостом и надписью: А СЕ ЛЮТЬ ЗВЪРЬ, а на другой надпись: ПЕЧАТЬ НОВГОРОЧКАА. Документ датируется 1414—1415 гг.

Наконец, грамота Великого Новгорода Риге с требованием суда над Иньцей Зашембакой¹⁰⁷, датированная 1418—1420 гг., составлена от имени «посадника новгородчкого Олександра Игнатьевича и от тысяцкого Кузми Тереньтиевича и от всего Великого Новагорода» и утверждена двумя черновосковыми печатями, оттиснутыми при помощи обычных клещей для свинцовых булл. На первой печати на одной стороне изображен зверь с поднятым хвостом и надписью:

¹⁰⁵ ГВНП. С. 94, № 56.

¹⁰⁶ Там же. С. 91, № 53.

¹⁰⁷ Там же. С. 96, № 58.

А СЕ ЛЮТЬ ЗВѢРЬ, а на другой стороне — надпись: ПЕЧАТЬ НОВГОР/ОЧКАА. Вторая печать несет изображение воина с копьем и щитом, а на другой стороне надпись: ПЕЧА(ТЬ)/ НОВГОРО/ЧКАА.

Мы видим, что наиболее ранние печати нового типа сохранились при документах второй половины 1410-х гг., составленных в тот период, когда осуществлялись реформы посадничества. Вырождение личной, именной печати посадников происходит одновременно с возникновением и упрочением нового типа, на котором идея личной власти заменена идеей представительства от всего Новгорода. Это обстоятельство вполне совпадает с общими наблюдениями над направлением эволюции государственной власти в Новгороде в первой четверти XV в. Мы обращаем особое внимание на совпадение даты появления нового сфрагистического типа с датой серьезнейшего преобразования государственного аппарата в Новгороде.

Кому же принадлежали печати новых типов? Этот вопрос не так прост, как кажется на первый взгляд. Формально одна из двух обычных печатей при грамоте должна привешиваться степенным посадником, а другая — степенным тысяцким. Ведь само наличие двух печатей соответствует двойному авторству грамот, исходивших от посадника и тысяцкого. Логически рассуждая, мы первую печать должны признавать посадничьей, а вторую — печатью тысяцкого.

Однако с самого начала нам придется убедиться в том, что печати посадников и тысяцких утрачивают в своем оформлении признаки принадлежности к институту посадников или к институту тысяцких. В самом деле, вряд ли можно распределять печати между двумя этими институтами, основываясь, скажем, на символике изображений. При грамоте Великого Новгорода магистру Ливонского ордена имеются две печати, и обе они несут изображение зверя. В такой же малой степени возможно обосновывать ту или иную принадлежность булл формулой их легенды. Говорить о том, что печати с легендой «Печать Великого Новгорода» принадлежали посадникам, а с легендой «Печать новгородская» — тысяцким, разумеется, бессмысленно, тем более что оттиснутые одной и той же парой матриц печати с надписью А СЕ ЛЮТЬ ЗВѢРЬ и формулой ПЕЧАТЬ НОВГОРОЧКАА в одном случае привешены на втором месте, а в другом — на первом. Добавим также, что при некоторых грамотах XV в. имеются две печати с вполне идентичными формулами.

Таким образом, рассматриваемые печати, право привешивания которых принадлежит и посаднику, и тысяцкому, в действительности не принадлежат ни посаднику, ни тысяцкому. Они сосуществуют с выродившимися и получившими второстепенную роль личными буллами этих сановников. Возникновением печати «Великого Новгорода» утверждена идея государственной власти, стоящей над посадником и над тысяцким. Посадник и тысяцкий являлись только

представителями этой власти, символизированной утвердившимся в XV в. понятием «Господин Великий Новгород».

Можно ли, однако, предполагать, что в понятие «Великий Новгород» в данном случае вкладывалась абстрактная идея представительства от всех классов и сословий Новгорода, идея вечевого суверенитета и народовластия? Нам кажется несомненным, что демагогические возможности новой терминологии использовались боярством в его интересах. В действительности же носителем новгородского суверенитета и верховным распорядителем республиканских порядков с момента реформ 1410-х гг. окончательно становится совокупность боярских представителей новгородских концов, организованная в Совет господ. Оформление этого органа боярской олигархии находится в резком противоречии с самими принципами вечевого строя. По существу реформа 1410-х гг. ликвидирует неповторимое своеобразие новгородских республиканских порядков периода расцвета и воссоздает новую структуру государственного управления, сходную с республиканскими структурами Венеции и Флоренции, где также верховным органом власти был олигархический сенат.

Нужно сказать, что социальная сущность новых порядков не ускользнула от летописца, который в рассказе 1435 г. заменяет термин «Великий Новгород» термином «новгородские бояре»: «Человаша крест отступитися князю великому новгородчкои отцины Бежичкаго верха и на Ламьском волоке и на Вологде, а новгородчкым бояром отступитися князьщин, где ни есть»¹⁰⁸.

Общее сходство новых республиканских порядков Новгорода с венецианскими, по-видимому, прекрасно осознавалось и в самом Новгороде. Во всяком случае в этом убеждают наблюдения над символикой типа новгородских монет, чеканка которых началась в 1420 г. На новгородских деньгах периода самостоятельности постоянно изображается изображение двух человеческих фигур, одна из которых находится в «просительной» позе, а голова другой украшена зубчатой короной. Смысл этих изображений исследован в специальной литературе, породившей несколько разноречивых толкований. Наиболее аргументирована точка зрения, предложенная А. В. Арциховским, который убедительно доказал, что фигура в зубчатом венце является изображением патронессы Новгорода — св. Софии-Премудрости¹⁰⁹. Что касается второй фигуры, стоящей в «просительной» позе, то она не была истолкована с должной убедительностью. Эта фигура вручает св. Софии или принимает из ее рук так называемый дар, который изображен на различных вариантах монет по-разному и всегда условно. Обычно принято считать эту фигуру изображением денежника, который вручает св. Софии

¹⁰⁸ НПЛ. С. 418.

¹⁰⁹ Арциховский А. В. Изображение на новгородских монетах // Известия АН СССР: Серия истории и философии. 1948. Т. 5. № 1. С. 99—106.

монеты; основанием для такого объяснения послужило то обстоятельство, что на большинстве вариантов «дар» показан в виде точечной цепочки или миндалевидного предмета. Вполне очевидно, что это последнее предположение в значительной степени ослаблено отсутствием каких-либо, хотя бы отдаленных, аналогий, в нумизматике и сфрагистике.

Между тем сходная композиция, составленная из изображения святого патрона и человека, стоящего перед ним в «просительной» позе, в нумизматике и сфрагистике имеется. Она является традиционной на венецианских монетах и печатях XIII—XVIII вв., где изображен патрон Венеции св. Марк, вручающий коленопреклоненному дожу символы власти со словами: «*Sit tibi datus iste Ducatus*», т. е. «Да будет тебе дано это правление». Исключительное композиционное сходство изображения на венецианских и новгородских монетах заставляет нас заново подойти к проблематике изображения на новгородских деньгах. Если ранее исследователи видели в коленопреклоненной фигуре изображение человека, вручающего дар, то венецианские аналогии заставляют предположить, что он, наоборот, принимает дар. Что же это за дар? На подавляющем большинстве новгородских монет предмет, переходящий из рук св. Софии в руки «просителя», имеет, как уже говорилось, миндалевидную форму, а во многих случаях в центре его помещена еще выпуклая точка. Эти особенности предмета заставляют предполагать в нем схематическое изображение щита, показанного во многих случаях с умбоном. Св. София вручает стоящему перед ней человеку щит, т. е. символ защиты, символ оберегания, символ власти. Сходство композиции на новгородских и венецианских монетах оказывается не только внешним, но и смысловым. Такое сходство могло возникнуть только в результате осмысленного копирования венецианского типа и восприятия его символики. В условиях преобразования республиканской власти перед самым началом чеканки собственной монеты такой интерес к венецианской эмблеме не может быть случайным. Если ход наших рассуждений верен, то во второй фигуре следует усматривать изображение носителя новгородского суверенитета — скорее всего, посадника, принимающего из рук патронессы Новгорода символы власти.

Глава 8

СТЕПЕННЫЕ ПОСАДНИКИ ПОСЛЕДНЕГО ПЕРИОДА НОВГОРОДСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Отмеченное выше серьезное ослабление интереса летописцев к посадникам с той поры, как состав посадничества резко расширился, вызывает немало затруднений в исследовании фактов, относящихся ко второй и третьей четвертям XV в. Количество нужных нам сведений в этот период сокращается, и материал, который может быть извлечен из летописей и актов, предстает перед исследователем в крайне раздробленном и фрагментарном виде. Все же ряд наблюдений может быть сделан и здесь.

Особую ценность для рассматриваемого периода приобретают дополнения к Списку Б по Ермолинскому летописцу, очередность посадников в которых, как это было показано В. Н. Бернадским¹, сохраняет хронологический характер. Однако чрезвычайно сложной оказывается и та часть проблемы, которая касается характеристики состава имен в Ермолинском списке. Мы видели, что основная часть Списка Б, перечисляющая имена посадников, которые приходили на должность до 1423 г. включительно, содержит все без исключений имена, не делая разницы между степенными и нестепенными («старыми») посадниками. Хронология обновления степени никак не учитывалась составителем Списка Б. Для него хронологическим указанием, определяющим место посадника в списке, служит дата первичного избрания того или иного боярина в посадники. Между тем В. Н. Бернадский при анализе заключительной части Ермолинского списка исходил из мнения, что эта часть включает лишь имена степенных посадников в порядке их избрания на степень. Совершенно очевидно, что, если мысль В. Н. Бернадского верна, очередность посадников в Ермолинском летописце должна отличаться от той очередности, которая основана на датах первичного избрания в посадники. Некоторые бояре могли долгое время после избрания в посадники не становиться степенными. Слишком велико было их число. Даже когда их было 18 при полугодовом сроке занятия степени,

---

¹ Бернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля в XV в. С. 357—362.

каждый из них теоретически мог становиться степенным один раз в девять лет. А за девять лет иные посадники могли умереть, так и не увидев себя на степени.

В аргументации В. Н. Бернадского большую роль играют следующие наблюдения. Сопоставление Ермолинского списка с отрывочными показаниями других источников позволили исследователю принять за крайние даты списка начало 1430-х и середину 1460-х гг. Этот срок, равный примерно 33 годам, идеально соответствует общему количеству названных в заключительной части списка посадников, число которых равняется 33. Отсюда решительный вывод В. Н. Бернадского о том, что составитель списка ограничился перечислением имен степенных посадников. В. Н. Бернадский предпринял попытку наложить показания летописей и актов о датах степенного посадничества отдельных бояр на показания Ермолинского списка. Предложенная им таблица ² является, однако, наименее удачной частью его аргументации, хотя бы уже потому, что большинство летописных дат степенного посадничества ему пришлось признать датами повторных занятий степени одними и теми же боярами. Поскольку время этих повторных занятий степени выпадает из общей суммы 33 лет, предусмотренной его расчетами, исследователю пришлось под некоторыми годами предполагать существование двух степенных. Так, два имени указаны им под 1433, 1435, 1437, 1438, 1443, 1444, 1445, 1446, 1448 гг. С другой стороны, некоторые годы (1451, 1452, 1454, 1455, 1458, 1459) в таблице В. Н. Бернадского оказались «пустыми», им не соответствуют вообще какие-либо посадничьи имена. Эти противоречивые обстоятельства объяснены В. Н. Бернадским следующим образом: «таблица и комментарии к ней в целом убеждают в правильности предположений об ежегодной смене посадников в Новгороде в XV в. Наличие в источниках некоторых сообщений, по-видимому противоречащих этому, может быть сравнительно легко объяснено или расхождением сроков начала года или какими-либо особыми обстоятельствами чрезвычайного порядка, вызвавшими внеочередную смену посадников» ³.

Разумеется, ни то, ни другое объяснение не может быть признано удовлетворительным. Расхождение сроков начала года здесь ни при чем. Если 33 годам, по В. Н. Бернадскому, соответствует 41 посадник, то это расхождение вряд ли может иметь отношение к особенностям календаря. С другой стороны, мы насчитали 15 противоречий в таблице (9 «двойных» степенных посадничеств и 6 «пустых» лет). 15 «особых обстоятельств чрезвычайного порядка» на протяжении 33 лет — это, пожалуй, несколько многовато.

Между тем большинство отмеченных противоречий устранился, если исходить из предложенных выше наблюдений о том, что со времени реформы

² Бернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля в XV в. С. 360—361.

³ Там же. С. 361.

1410-х гг. степенное посадничество стало не годичным, а полугодичным. Однако очевидно, что, основываясь на признании такого срока степенного посадничества, мы должны снова поставить вопрос о крайних датах Ермолинского списка. В самом деле, если продолжительность каждого степенного посадничества была вдвое меньшей, чем считал В. Н. Бернадский, то и предполагаемые хронологические рамки, охватывающие период формирования списка, могут измениться.

Вопрос о характере списка неразрывно связан с вопросом о крайних датах этого списка. Поэтому проблема в целом оказывается значительно более сложной. Разобраться в действительном характере дополнений к Списку Б и в вопросе о его хронологии можно только путем его последовательного сопоставления с другими источниками. Эту работу удобнее проделать, группируя существующие сведения по десятилетиям.

ПОСАДНИКИ 1430-х гг.

После заметного перерыва летописец впервые упоминает о посадниках только под 1428 г. В рассказе об осаде Порхова Витовтом он сообщает о мирных переговорах между Витовтом и посадниками Исаком Андреевичем Борецким и Григорием Кирилловичем Посахно. В. Н. Бернадский высказал сомнение по поводу новгородской принадлежности этих посадников в 1428 г. Основания для таких сомнений действительно имеются. Летописный рассказ сообщает следующее: «Повеле же Витофт приступати к граду, посадници же вышедше из града, Григорей Куриловичь Посахно и Исакеи Борецкои, и иже с ними прочии начаша бити челом; а в то время из Новагорода приде архиепископ Емелиан, нареченный от Фотиа Евфимии, а с ним посадници и тысяцкие, и добиша челом Витофту»⁴. Допустимо думать, что во время осады Порхова Григорий и Исаак были не новгородскими, а порховскими посадниками.

Однако в дальнейшем их посадническая деятельность прочно связана с Новгородом. Григорий Кириллович, имя которого неизменно сопровождается титулом посадника, появляется на страницах летописи еще несколько раз. В 1434 г. он вместе с Есифом Андреяновичем «Горошкова внуком» строит каменную церковь св. Иоанна Златоуста «на старой основе». В 1435 г. он был одним из руководителей новгородского похода на Ржеву. В 1436 г. новгородцы посылают его на отвод земли на Бежецкий верх, а в зиму 1436/1437 г. — послом к литовскому князю Сигизмунду⁵. Археологам и историкам искусства хорошо изве-

⁴ ПСРЛ. Т. 8. С. 94; Т. 18. С. 170; Т. 35. С. 248.

⁵ НПЛ. С. 417—419.

стен ковш этого посадника, сохранявшийся в ризнице Троице-Сергиева монастыря, с надписью: «А се ковш посадника новгородского Григорья Кюриловича»⁶.

Целый ряд сведений сохранился и о посаднике Исаке Андреевиче Борецком. Его имя содержится в договорной грамоте Великого Новгорода с немецким купечеством в Новгороде, составленной в 1439 г., ранее 11 февраля⁷. По контексту грамоты Исаак Андреевич в момент ее составления был степенным. Степень он занимал также и в 1452 г., когда снова упоминается в летописи с этим титулом⁸. Умер Исаак Андреевич не позднее 1460-х гг., поскольку к 1471—1475 гг. относится данная его жены Марфы и сына Федора Соловецкому монастырю на два «лука» в реке Суме с условием «поминати им мужа моего Исака»⁹.

Под 1435 г. в числе воевод, ходивших к Ржеве, назван еще один посадник — Иван Васильевич¹⁰. Еще раз в близкое время летописец упоминает этого посадника в рассказе 1442 г.: «В то же время был посадник новгородчкыи Иван Васильевич, держал руское посадниство»¹¹.

Несколько посадников 1430-х гг. упоминается в актах того времени. Договорная грамота Великого Новгорода с ганзейскими городами о перемирии на два года, составленная в феврале-марте 1434 г., сообщает о приезде ганзейских послов к посаднику Самсону. 22 июля того же года посадник Самсон целовал крест за весь Новгород при заключении мира с Псковом. Еще раз посадник

⁶ Орлов А. С. Библиография русских надписей XI—XV вв.. С. 130, № 214.

⁷ ГВНП. С. 113, № 68.

⁸ ПСРЛ. Т. 23. С. 155.

⁹ ГВНП. С. 300, № 307; Янин В. Л. Новгородские акты XII—XV вв. Хронологический комментарий. С. 189—190, № 189. Воспользуемся случаем, чтобы отметить несомненную неподлинность еще одного акта, исходящего от Марфы и Федора (ГВНП. С. 242, № 219). Грамота сохранилась в двух списках XVII в., один из которых — из ризницы Соловецкого монастыря — был описан архимандритом Досифеем как подлинник (*Досифей*. Географическое и статистическое описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря. Ч. 1. М., 1836. С. 57), что время от времени вводило исследователей в заблуждение. Между тем в грамоте имеется целый ряд элементов, указывающих на ее подложность. Марфа в ней именуется «Великого Новгорода посадницей»; документ якобы был утвержден свинцовой печатью самой Марфы, имя которой помещено на печати; оформление грамоты вовсе необычно: она содержит на обороте рукоприкладство свидетелей — обычай неизвестный для новгородских документов времени самостоятельности; наконец, имя Зосимы упоминается в нем с такой назойливостью, что не остается сомнений в том, что подделка возникла под влиянием житейной легенды.

¹⁰ НПЛ. С. 417.

¹¹ Там же. С. 422.

Самсон, на этот раз названный с отчеством — Иванович, упоминается в тексте Наровского договора 25 июля 1448 г. в числе новгородских послов ¹².

Грамота Великого Новгорода Колывани от начала июля 1436 г. исходит от посадника Бориса Юрьевича. Тот же посадник был одним из авторов договорной грамоты Великого Новгорода с ганзейскими городами, составленной 16 июля 1436 г. Наконец, его имя содержится в надписи на знаменитом артосном панагиаре из Софийской ризницы: «В лето 6-(тысяч)ное 9-сотное 44-е индикта 14, месяца семтебря 14 день, на Вздвижение Честного Креста створена бысть понагия сия повелением пресвященного архиепископа Великого Новагорода владыци Еоуфимия при великом князе Василье Васильевиче всея Роуси, при князь Юрье Лоугвеньевиче, при посаднике Великого Новогорода Борисе Юрьевиче, при тысяцком Дмитрее Васильевиче, а мастер Иван. Арипъ (=Аминь)» ¹³. Основываясь на соответствии индиктного числа и даты — 6944 (остаток от деления 6944 на 15 равен 14), мы должны датировать панагиар сентябрем 1435 г. Однако эта дата внушает некоторые сомнения. Показаниями названных выше актов степенное посадничество Бориса Юрьевича датируется февралем — августом 1436 г., что позволило бы предполагать в надписи панагиара обычную для Новгорода путаницу мартовского и сентябрьского стилей и относить панагиар к сентябрю 1436 г. Вопреки тому, что посадничество Бориса Юрьевича должно было закончиться к 1 сентября 1436 г., такая дата могла бы быть оправдана. Панагиар был изготовлен, конечно, не в двухнедельный срок, и работа мастера Ивана относится в основном еще ко времени посадничества Бориса Юрьевича. Однако дата панагиара — 4 сентября 1435 г. — может оказаться и вполне правильной, на что как будто указывает имя тысяцкого Дмитрия Васильевича, названного в надписи. Акты июля 1436 г. называют степенным тысяцким не Дмитрия Васильевича, а Федора Яковлевича. Если дата, указанная в надписи панагиара верна, то следует признать, что Борис Юрьевич был на степени в августе 1435 г. — феврале 1436 гг. и затем повторно в феврале — августе 1436 г.

О Борисе Юрьевиче источники сообщают еще один важный факт: в январе 1431 г. он еще не был посадником, поскольку, будучи в это время послом к князю Свидригайлу, он не титулован вообще ¹⁴.

Ко времени не позднее 1439 г. отнесена издателями «Грамот Великого Новгорода и Пскова» грамота Великого Новгорода Колывани с требованием суда над Иваном Амбуром, исходящая от посадника Федора Даниловича и тысяцкого Ивана Лукиничя ¹⁵. Основанием такой датировки является «указание на эту

¹² ГВНП. С. 107, № 64; С. 120, № 73; Псковские летописи. Вып. 2. С. 130.

¹³ ГВНП. С. 109, № 66; С. 110, № 67; Орлов А. С. Указ. соч. С. 131 и сл., № 216.

¹⁴ ГВНП. С. 106, № 63.

¹⁵ Там же. С. 114, № 69.

грамоту в письме Ревеля Дерпту от 23 февраля 1439 г.»¹⁶ Ссылка на это письмо ошибочна — речь в нем идет не о рассматриваемой грамоте, а о договоре, заключенном Новгородом с немецким купечеством, начала 1439 г.¹⁷ Датировать грамоту помогает другой документ — письмо Немецкого двора в Новгороде Ревелю от 28 декабря 1439 г.¹⁸ Из этого донесения видно, что незадолго перед тем степенными в Новгороде были посадник Иван Лукинич и тысяцкий Анания Семенович; о последнем как о тысяцком говорится в прошедшем времени («он был в то время тысяцким»). Однако в том же донесении указывается, что «в прошлом году» степенным тысяцким был Иван Лукинич. Материалы этого донесения позволяют сделать вывод, что посадник Иван Лукинич занимал степень с февраля по август 1439 г., а степень тысяцкого Иван Лукинич получил годом раньше, но не в августе 1438 — феврале 1439 г., когда степенными в Новгороде были посадник Исак Андреевич и тысяцкий Анания Семенович¹⁹. Коль скоро в рассматриваемой грамоте степенным тысяцким назван Иван Лукинич, этот документ возможно датировать с оговорками 1438 годом, не позднее августа, хотя для него не исключена и несколько более ранняя дата, например — 1436 г., не ранее августа, или 1437 г., относительно которых сведений о высших магистратах Новгорода в наличных источниках не имеется.

Сопоставление приведенных сведений с показаниями Ермолинского списка дает следующие результаты (курсивом выделены даты степенных посадничеств):

Дополнение к Списку Б

118. Григорий Кириллович
119. Григорий Юрьевич
120. Самсон Иванович
121. Андрей Иванович
122. Федор Данилович
123. Борис Юрьевич
124. Иван Васильевич
125. Федор Олисиевич
126. Ананья Семенович
127. Дмитрий Васильевич
128. Иван Лукинич
129. Исак Андреевич

Другие источники

- Григорий Кириллович, 1434—1436 гг.
- Самсон Иванович, 1434, 1448 гг.
- Федор Данилович, до 1438 г.
- Борис Юрьевич, 1435—1436 гг.
- Иван Васильевич, 1435, 1442 гг.
- Иван Лукинич, до 1439 г.
- Исак Андреевич, 1439, 1453 гг.

¹⁶ LUB, IX, № 327.

¹⁷ ГВНП. С. 113, № 68.

¹⁸ Клейнбергер И. Э., Севастьянова А. А. Уличане на страже своей территории // Новгородский исторический сборник. Л., 1984. Вып. 2 (12). С. 160—162.

¹⁹ ГВНП. С. 113, № 68.

Это сопоставление в значительной степени вскрывает особенности нашего источника. Взяв для анализа сведения о посадниках 1430-х гг., мы все имена, встреченные в летописи и актах этого времени, находим только в начальной части списка. Следовательно, его составитель в самом деле придерживался хронологического принципа в определении очередности имен. Этот вывод подтверждается и наблюдениями над той частью списка, которая содержит имена следующих за Иваном Васильевичем (№ 124) посадников.

Федор Олисиевич не мог стать посадником ранее 1435 г. Его имя в сопровождении титула тысяцкого, а не посадника фигурирует в летописном рассказе 1434 г., согласно которому 22 июля этого года он, будучи степенным тысяцким, целовал за весь Новгород крест при заключении мира с Псковом²⁰. Под 1435 г. он снова назван с титулом тысяцкого в числе воевод, ходивших под Ржеву²¹. Очевидно, что именно он должен быть отождествлен с тысяцким Федором, который вместе с посадником Самсоном упомянут в договорной грамоте Новгорода с ганзейскими городами, составленной в самом начале 1434 г.²²

Ананья Семенович под 1435 г. назван в числе воевод ржевского похода, но его имени в этом рассказе не сопутствует какой-либо титул²³. Он не мог стать посадником до 1439 г., так как в начале указанного года был степенным тысяцким и в этой должности вместе со степенным посадником Исаком Андреевичем принял тогда участие в составлении договорной грамоты с немецким купечеством Новгорода²⁴. Ананья Семенович был степенным тысяцким и около 1438 г., так как он упомянут в уже названном немецком донесении 28 декабря 1439 г.

Дмитрий Васильевич упоминается с титулом тысяцкого в надписи панагияра 1435 г. и, кроме того, в двух суммарно датированных новгородских грамотах²⁵. Одна из грамот, называющих Дмитрия Васильевича тысяцким, может быть привлечена для подтверждения принадлежности ему этой должности в тот момент, когда один из его предшественников по Ермолинскому списку был уже посадником. Имеется в виду хорошо известная исследователям данная Толвуйской земли Палеостровскому монастырю на Палий остров с малыми островами²⁶. Обычно эту грамоту относят к 1415—1421 гг., как это сделали издатели «Грамот Великого Новгорода и Пскова», или к началу XV в., как это сделал

²⁰ Псковские летописи. Вып. 2. С. 130.

²¹ НПЛ. С. 417.

²² ГВНП. С. 107, № 64. Издатели «Грамот Великого Новгорода и Пскова» на непонятных основаниях отождествляют его с Федором Яковлевичем; см.: Там же. С. 372.

²³ НПЛ. С. 417.

²⁴ ГВНП. С. 113, № 68.

²⁵ Там же. С. 147, № 90; С. 290—291, № 290.

²⁶ Там же. С. 147, № 90.

И. Д. Беляев. Основанием для такой датировки является упоминание в грамоте посадника Андрея Ивановича, который в летописи действует между 1415 и 1421 гг. Между тем посадничьи списки для первой половины XV в. знают двух посадников с таким именем. Один из них, действительно посадничавший в 1415—1421 гг., фигурирует во 2-м дополнении к Списку А (№ 86) и в заключительной части Списка Б (№ 90). Имя другого помещено в дополнении к Списку Б (№ 121), где ему предшествует Самсон Иванович, а вслед за ним названы посадники Федор Данилович, Борис Юрьевич и Иван Васильевич, деятельность которых связана с 1430-ми гг.

С каким же из этих посадников следует связывать данную Палеостровскому монастырю? Ответ на этот вопрос дает анализ других имен, названных в документе. В нем упомянут тысяцкий Дмитрий Васильевич, имя которого отсутствует в списке тысяцких Комиссионной рукописи. Иными словами, в те годы, когда осуществлял свою деятельность первый Андрей Иванович, Дмитрий Васильевич тысяцким не был, поскольку Комиссионный обзор составлен в 1423 г. Однако деятельность тысяцкого Дмитрия Васильевича известна в 1435 г., т. е. в период, совпадающий со временем посадничества второго Андрея Ивановича. Также отсутствует в Комиссионном списке тысяцких Остафий, хотя в данной Палеостровскому монастырю назван Афанасий Остафьевич, сын тысяцкого. Это обстоятельство также противоречит датировке документа первой четвертью XV в. и заставляет искать его дату, как и дату синхронной ему рядной Микиты Ивановича с тысяцким Дмитрием Васильевичем²⁷, в 1430-х гг. Важнее всего для нас оказывается показание о предшествовании посадничества Андрея Ивановича посадничеству Дмитрия Васильевича, совпадающее со сведениями Ермолинского списка.

Иван Лукинич назван тысяцким в тот момент, когда Федор Данилович уже был посадником²⁸, что также подтверждает существование хронологической очередности в заключительной части Ермолинского списка.

Таким образом, в рассмотренном месте Ермолинского списка хорошо прослеживается наличие хронологической основы. Список открывается именами достоверных посадников первой половины и середины 1430-х гг. Затем следуют имена бояр, которые могли стать посадниками не ранее второй половины 1430-х гг. Эта стройная картина хронологических взаимоисключений в рассмотренной части списка нарушена только в одном случае. Ананья Семенович (№ 126), согласно показаниям Ермолинского списка, был посадником ранее Ивана Лукинича и Исака Андреевича (№ 128 и 129). Между тем, как мы уже видели, он еще был тысяцким, когда степень посадника около 1438 г. принад-

²⁷ Там же. С. 290—291, № 290.

²⁸ Там же. С. 114, № 69.

лежала Ивану Лукиничу. Тысяцким он был и в феврале 1439 г., когда степень посадника уже принадлежала Исаку Андреевичу. Это единственное противоречие является результатом ошибки, в чем убеждает дальнейший анализ рассматриваемой части списка.

Этот анализ позволяет присоединиться к мнению В. Н. Бернадского о том, что в состав дополнений по Ермолинскому летописцу включены только имена степенных посадников в очередности их избрания на степень. В самом деле, нам известно, что Самсону Ивановичу на степени принадлежал срок с февраля по август 1434 г., поскольку его фиксируют документы, составленные в июне — июле 1434 г.; что Борис Юрьевич оставался на степени два срока подряд с августа 1435 г. по август 1436 г.; что Исаак Андреевич был степенным с августа 1438 г. по февраль 1439 г., так как его степенное посадничество зафиксировано актом начала февраля 1439 г. Попытаемся совместить эти сведения с показаниями Ермолинского списка и наложить их на календарную канву обновления степени (курсивом выделены засвидетельствованные документально степенные посадничества):

февраль — август 1434 г.	— <i>Самсон Иванович</i> (№ 120)
август 1434 г. — февраль 1435 г.	— Андрей Иванович (№ 121)
февраль — август 1435 г.	— Федор Данилович (№ 122)
август 1435 г. — февраль 1436 г.	— <i>Борис Юрьевич</i> (№ 123)
февраль — август 1436 г.	— <i>Борис Юрьевич</i> (№ 123)
август 1436 г. — февраль 1437 г.	— Иван Васильевич (№ 124)
февраль — август 1437 г.	— Федор Олисиевич (№ 125)
	— Ананья Семенович (№ 126)
август 1437 г. — февраль 1438 г.	— Дмитрий Васильевич (№ 127)
февраль — август 1438 г.	— Иван Лукинич (№ 128)
август 1438 г. — февраль 1439 г.	— <i>Исаак Андреевич</i> (№ 129)

Мы видим, что все показания сходятся с исключительной точностью. Ошибка, допущенная составителем списка при определении места Ананьи Семеновича, обнаруживается при этом сопоставлении: имя Ананьи оказывается избыточным и не укладывается в жесткие хронологические рамки календарной схемы.

Основываясь на результатах приведенного сопоставления, мы можем уточнить некоторые актовые даты. Выше мы показали, что новгородская грамота с требованием суда над Иваном Амбуром, составленная от имени степенного посадника Федора Даниловича и степенного тысяцкого Ивана Лукиничя, неправомерно датирована издателями «Грамот Великого Новгорода и Пскова» временем около 1439 г., и назвали ее позднейшим возможным рубежом 1438 г. Теперь мы можем настаивать на том, что эта грамота была составлена между февралем и августом 1435 г., когда степень принадлежала Федору Даниловичу. Приведенная

табличка помогает ограничить и позднюю дату данной Палеостровскому монастырю, которая не могла быть составлена после августа 1437 г., когда названный в ней тысяцкий Дмитрий Васильевич стал уже степенным посадником.

ПОСАДНИКИ 1440-х гг.

К концу 1441 г. относится грамота Великого Новгорода Колывани по поводу разграбления ладьи новгородца Петра, составленная от имени посадника Федора Олисиевича и тысяцкого Семена Тимофеевича²⁹. Хронологически к этому документу примыкает договорная грамота литовского великого князя Казимира с Великим Новгородом о мире, в которой носителями новгородского суверенитета названы те же посадник Федор Олисиевич и тысяцкий Семен Тимофеевич³⁰. В издании этот договор суммарно датирован 1440—1447 гг. на том основании, что Казимир титулован в нем великим князем (вокняжил в 1440 г., а в 1447 г. стал королем). А. А. Зимин, анализируя новгородскую политическую обстановку того времени, уточнил дату договора, отнеся его к промежутку времени от 19 марта 1440 г. до 11 сентября 1443 г. По его мнению, в этих пределах предпочтительной датой является конец 1440 г., так как 30 декабря 1440 г. аналогичный договор был заключен между Казимиром и Псковом³¹, а в литовской метрике оба акта находятся рядом, причем первым помещен новгородский³². Нам кажется, однако, что в данном случае следует больше доверять тем показаниям, которые могут быть извлечены из сочетания имен степенных посадника и тысяцкого. Вряд ли Федор Олисиевич и Семен Тимофеевич были на степени и в конце 1440 г., и в конце 1441 г. Поскольку последняя дата в этом отношении не вызывает сомнений, с нею же нужно связывать и заключение договора между Литвой и Новгородом. Отметим, что в Ермолинском списке имя Федора Олисиевича названо сразу же вслед за именами Бориса Юрьевича и Ивана Васильевича, посадничавших в 1435—1437 гг., а сведения о деятельности Федора Олисиевича в качестве тысяцкого относятся ко времени не позднее 1435 г. Очевидно, что к концу 1441 г. относится уже повторное занятие степени Федором.

Под 1442 г., как уже отмечено в предыдущем разделе, в летописи назван посадник Иван Васильевич. В указанном году он не был степенным. Летописец упоминает его в связи с событиями в Русе и называет новгородским посадником, держащим «русское посадничество».

²⁹ ГВНП. С. 117, № 71.

³⁰ Там же. С. 115, № 70.

³¹ Там же. С. 321—322, № 335.

³² Зимин А. А. О хронологии договорных грамот Великого Новгорода с князьями XIII—XV вв. С. 320 и сл.

Следующая серия посадничьих имен содержится уже в источниках, повествующих о событиях второй половины 1440-х гг.

Под 1446 г. летописец рассказывает о новгородском посольстве в Москву к Дмитрию Шемяке; членами посольства в этом рассказе названы посадник Федор Яковлевич и Василий Степанович³³.

Федор Яковлевич в 1430-х гг. был еще только тысяцким. В этой должности он известен как один из авторов двух грамот Великого Новгорода ганзейским городам, составленных в июле 1436 г.³⁴ Более или менее известна и его посадническая деятельность после 1446 г. Он принимал участие в заключении Яжелбицкого мира в 1456 г.³⁵ Также будучи посадником, он в 1459 г. сопровождал в Москву на поставление владыку Иону³⁶. Под 1462 г. в летописи записан следующий небезынтересный рассказ: «Тое же зимы, месяца декабря в 7, на Волосове улици, возле церкви святого Василья загореся двор Васильев Козин от поварне, и иныя пожже, и двор посадничь Федора Яковлича, и двор сына его Лукин тысяцкого на Добрыни улици и иныя пожже...»³⁷. Под 1466 г. летописец сообщает о смерти посадника Федора Яковлевича 8 сентября»³⁸.

Что касается Василия Степановича, то он в дальнейшем также с титулом посадника был одним из участников заключения Яжелбицкого мира³⁹. Посадник Василий Степанович был вкладчиком Богословского Важского монастыря; эта его деятельность отражена в данной Богословскому монастырю на села по рекам Ваге, Большой и Малой Пинежкам и на остров Онтрофьев⁴⁰, датировка которой 1451—1452 гг., к сожалению, условна и основывается только на помете XVI в. В дальнейшем Василий Степанович принял пострижение в Важском монастыре под именем Варлаам. В 1467 г. он умер и был впоследствии канонизован под именем Варлаама Важского или Шенкурского. И. И. Григорович называет датой его смерти 1462 г., упоминая в связи с его кончиной новый вклад в Важский монастырь, сделанный сыном Василия-Варлаама Иваном⁴¹. Говорящая об этом грамота действительно целью вклада называет «по своих родите-

³³ ПСРЛ. Т. 4. С. 443; Т. 16. Стб. 189.

³⁴ ГВНП. С. 109—112, № 66, 67.

³⁵ Там же. С. 39—44, № 22—24.

³⁶ ПСРЛ. Т. 16. Стб. 198.

³⁷ Там же. Стб. 211.

³⁸ Там же. Стб. 219.

³⁹ ГВНП. С. 39—44, № 22—24.

⁴⁰ Там же. С. 281, № 280. Амвросий называет Василия Степановича основателем Богословского монастыря (*Амвросий. История российской иерархии*. Ч. 3. М., 1811. С. 393).

⁴¹ Опыт. С. 246.

лех в поминание за упокои»; она относится ко 2 февраля 1470 г. (дата содержится в самом ее тексте)⁴².

Под 1447 г. в летописи сообщается о волнениях в Новгороде в связи с открывшимися злоупотреблениями в денежном деле. В расследовании этих злоупотреблений принимает деятельное участие посадник Сокира, допрашивавший на вече «ливца и весца серебряного» Федора Жеребца. После расправы над Федором и его соучастниками «бысть во гради мятеж велик и оттоле сам Сокира разболеся и оумре»⁴³.

Несколько посадников названо в летописи и актах в связи с Наровским съездом 1448 г., на котором был заключен мирный договор между Новгородом и Псковом, с одной стороны, и Ливонским орденом, с другой. 27 февраля 1448 г. был составлен предварительный договор о пятилетнем перемирии и съезде на Нарове⁴⁴. Этот договор называет новгородским посадником, по контексту — степенным, Есифа Григорьевича. 25 июля того же года на съезде был заключен длительный мир, причем Новгород тогда представляли посадники Самсон Иванович, Дмитрий Васильевич, Иван Лукинич, Есиф Андреевич и Богдан Есифович, которые прибыли на Нарову «от посадника Великого Новгорода Афанасия Остафьевича»⁴⁵. Псковская летопись, рассказывая о Наровском съезде, называет те же имена, сопровождая это перечисление существенной деталью. Некоторые имена там названы с прозвищами: Дмитрий Васильевич Глухов, Иван Лукинич Щока, Есиф Андреевич Горошков⁴⁶. Рассмотрим все сведения об этих посадниках, содержащиеся в летописи и актах.

Есиф Григорьевич был в дальнейшем посадником еще в 1463 г. Под названной датой в летописи изложено следующее сообщение: «Того же лета месяца августа 28, на память святого Моисиа Мурина, сгореша двора два: Есифа Григорьева и Есифа Ондrejaнова, и вся Гребля двory хрестьянскыя и две церкви огореша: храм святого Иоанна Предтечи и храм святей Богородици Ведения»⁴⁷.

Самсон Иванович был посадником еще в 1434 г. После 1448 г. его имя в источниках не встречено.

Дмитрий Васильевич в 1435 г. был тысяцким, о чем сообщает надпись панагияра, уже рассмотренная выше. Тысяцким он назван в данной Палеостровскому монастырю, датированной выше 1430-ми гг., а также в рядной с Никитой Ивановичем того же времени. Первое его степенное посадничество мы отнесли к 1437—1438 гг.

⁴² ГВНП. С. 282, № 281.

⁴³ ПСРЛ. Т. 4. С. 126; Т. 16. Стб. 189—190.

⁴⁴ ГВНП. С. 118, № 72.

⁴⁵ Там же. С. 119—124, № 73.

⁴⁶ Псковские летописи. Вып. 2. С. 138.

⁴⁷ ПСРЛ. Т. 16. Стб. 214.

1 марта 1450 г., в момент составления договорной грамоты Великого Новгорода с ганзейскими городами о перемирии на семь лет ⁴⁸ он был также степенным посадником. Ко времени его степенного посадничества относится составление жалованной грамоты Троице-Сергиеву монастырю, датированной тем же 1450 годом ⁴⁹. Наконец, как посадник он является участником купчей у Ховры Васильевой дочери на участки в реках Выге, Шуге, Кеме и на Кильбоострове конца 40-х — начала 50-х гг. XV в. ⁵⁰ и послухом при заключении рядной инок Алексея с Вязищским монастырем ⁵¹. Последний документ датируется началом 1460-х гг. ⁵²

Первое степенное посадничество Ивана Лукиничя мы отнесли к 1438 г. В 1435 г. он был еще только тысяцким. Его посадническая деятельность продолжительна и засвидетельствована рядом документов. В 1456 г. он был степенным посадником и участником заключения Яжелбицкого мира. В 1458 г., будучи посадником, участвовал в новгородском посольстве к королю Казимиру. В 1463 г., также будучи посадником, принимал участие в мирном посольстве архиепископа Ионы к Ивану III. Он был также участником договора Новгорода с Иваном III в августе 1471 г. ⁵³ Умер Иван Лукинич в начале 1470-х гг., так как не упоминается в числе именитых бояр, встречавших Ивана III в 1475 г. Возможно, что к началу 1470-х гг. относится его не физическая, а политическая смерть, поскольку в последний период своей жизни Иван Лукинич принял пострижение, о чем можно судить из его духовной грамоты, где он называется «Иваном Лукиничем, а во иноцех Василием» ⁵⁴. С именем Ивана Лукиничя связаны еще два документа: суммарно датируемая 60—70-ми гг. XV в. купчая этого посадника у Константина Осиповича на землю по реке Вишере ⁵⁵ и относящаяся к 1468 г. грамота Новгорода Соловецкому монастырю, составленная в тот момент, когда Иван Лукинич был степенным посадником ⁵⁶.

⁴⁸ ГВНП. С. 124—126, № 74.

⁴⁹ Там же. С. 150—151, № 95; Янин В. Л. Новгородские акты XII—XV вв.: Хронологический комментарий. С. 323—324, № 286.

⁵⁰ ГВНП. С. 291—292, № 291.

⁵¹ Там же. С. 293, № 294.

⁵² Янин В. Л. Новгородские акты XII—XV вв.: Хронологический комментарий. С. 250—251, № 167.

⁵³ ГВНП. С. 39—44, № 22—24; С. 44—51, № 25—27; ПСРЛ. Т. 16. Стб. 198, 211.

⁵⁴ ГВНП. С. 177, № 120. Непонятно, почему в этом издании духовная датирована временем «не позднее 1471 г.». В 1471 г. Иван Лукинич был еще посадником и не принимал пострижения. Грамоту следует датировать началом 1470-х гг., но «не ранее 1471 г.».

⁵⁵ Там же. С. 172—173, № 113.

⁵⁶ Там же. С. 152, № 96; Янин В. Л. Новгородские акты XII—XV вв.: Хронологический комментарий. С. 252—253, № 175.

Есиф Андреевич, или Андреянович, Горошков уже известен нам как строитель церкви Иоанна Златоуста в Околотке в 1434 г., когда он еще не титуловался вообще. Он был жив в 1463 г., о чем можно судить по цитированному выше сообщению летописи о пожаре 1463 г., во время которого сгорел его двор.

Имя Богдана Есифовича в дальнейшем связано с событиями 1475—1476 гг. 16 ноября 1475 г. он принимал участие во встрече Ивана III новгородцами, а затем по жалобе Славковой и Микитиной улиц и бояр Полинарьиных был схвачен Иваном III и увезен в Москву. В 1476 г. за него безуспешно хлопотал архиепископ Феофил⁵⁷.

Что касается Афанасия Остафьевича, то этот посадник упомянут в источниках неоднократно. В данной Палеостровскому монастырю, суммарно датированной нами 1430-ми гг., он еще не носит посадничьего титула и называется сыном тысяцкого⁵⁸. Он был степенным посадником в момент составления грамоты Великого Новгорода Василию Темному на «черный бор», которую А. А. Зимин датировал 1456—1461 гг., отдавая предпочтение дате февраль-март 1461 г.⁵⁹ В 1463 г., будучи посадником, Афанасий Остафьевич принимал участие в посольстве Ионы к Ивану III⁶⁰. 18 марта 1466 г., когда был заключен договор между Новгородом и ганзейскими городами о перемирии на два года, он снова был степенным посадником⁶¹. В конце 1470 — первой половине 1471 г. Афанасий Остафьевич, будучи посадником, участвовал в заключении договора с королем Казимиром⁶². Наконец, 17 ноября 1475 г. он вместе с другими боярами встречал Ивана III во Влукоме, а 2 января 1476 г. давал пир в честь Ивана III. В обоих последних случаях летописец называет его с прозвищем Груз⁶³.

Приведенными фактами исчерпываются все летописные и актовые сведения о посадниках 1440-х гг. Перейдем теперь к сопоставлению этих свидетельств со списком Ермолинского летописца.

Дополнения к Списку Б

118. Григорий Кириллович
119. Григорий Юрьевич

Другие источники

- Григорий Кириллович, (до 1434 г.)⁶⁴, 1434—1436 гг.
(Григорий Юрьевич, до 1434 г.)

⁵⁷ ПСРЛ. Т. 4. С. 130; Т. 6. С. 200—205; Т. 8. С. 182.

⁵⁸ ГВНП. С. 147, № 90.

⁵⁹ Там же. С. 38, № 21; Зимин А. А. О хронологии договорных грамот Великого Новгорода с князьями XIII—XV вв. С. 323.

⁶⁰ ПСРЛ. Т. 16. Стб. 211.

⁶¹ ГВНП. С. 127—129, № 76.

⁶² Там же. С. 129—132, № 77.

⁶³ ПСРЛ. Т. 3. С. 142; Т. 6. С. 17, 200, 204.

⁶⁴ В скобках указаны сведения, которые выше реконструированы автором.

120. Самсон Иванович	Самсон Иванович, 1434, 1448 гг.
121. Андрей Иванович	(Андрей Иванович, 1434—1435 гг.)
122. Федор Данилович	Федор Данилович, 1435 г.
123. Борис Юрьевич	Борис Юрьевич, 1435—1436 гг.
124. Иван Васильевич	Иван Васильевич, 1435, (1436—1437), 1442 гг.
125. Федор Олисиевич	Федор Олисиевич, (1437), 1441 гг.
126. Ананья Семенович	Ананья Семенович (не ранее 1439 г.)
127. Дмитрий Васильевич	Дмитрий Васильевич (1437—1438), 1448, 1450 гг.
128. Иван Лукинич	Иван Лукинич (1438), 1448, 1456, 1458, 1463, 1471 гг.
129. Исак Андреевич	Исак Андреевич, 1438—1439, 1453 гг.
130. Федор Яковлевич	Федор Яковлевич, 1446, 1456, 1459, 1462, 1466 гг.
131. Богдан Микитинич	
132. Есиф Андреевич	Есиф Андреянович, 1448, 1463 гг.
133. Есиф Григорьевич	Есиф Григорьевич, 1448, 1463 гг.
134. Есиф Яковлевич	
135. Иван Максимович	
136. Иван Лаврентьевич	
137. Богдан Есифович	Богдан Есифович, 1448, 1475 гг.
138. Захария Григорьевич	
139. Василий Степанович	Василий Степанович, 1446, 1456 гг.
140. Михайло Иванович	
141. Афанас Остафьевич	Афанасий Остафьевич, 1448, 1461, 1463, 1466, 1471, 1475—1476 гг.
142. Александр Васильевич	
143. Василий Александрович	
144. брат его Яков Короб	
145. Иван Немир	
146. Василий Глазоемцев	
147. Кузьма Григорьевич	
148. Михайло Семенов	
149. Александр Самсонов	
150. Федор Самсонов	

Снова мы убеждаемся в наличии последовательной хронологической основы перечисления посадничьих имен в Ермолинском списке. Посадники, начало деятельности которых восходит к 1440-м гг., занимают в списке промежуточное место между посадниками, избранными в 1430-х гг., и теми, чьи имена в источниках 30-х и 40-х гг. нам еще не встречались. Мы вторично получаем возможность убедиться в том, что Ермолинский список действительно включает только имена степенных посадников, перечисленных в очередности их избрания на степень.

Проследив порядок перехода степени вплоть до февраля 1439 г., мы уже знаем, что Федор Яковлевич (№ 130) не мог быть избран на степень ранее февраля 1439 г. С другой стороны, Афанасий Остафьевич (№ 141) был на степени в феврале — августе 1448 г., когда от его имени был заключен Наровский договор. Период с февраля 1439 г. по февраль 1448 г. охватывает 18 полугодовых сроков степенного посадничества. Этим 18 срокам в Ермолинском списке соответствует 11 посадничьих имен (№ 130—140), к которым следует добавить еще несколько. Нам известно, что в списке не на месте оказался Ананья Семенович (№ 126), который не мог стать посадником ранее февраля 1439 г. Кроме того, к указанному промежутку времени относится второе степенное посадничество Федора Олисиевича (№ 125), бывшего на степени не только в 1437 г., но и в 1441 г. В тот же промежуток времени было не одно, а два степенных посадничества Есифа Григорьевича (№ 133). Актовые показания свидетельствуют о занятии им степени в августе 1447 — феврале 1448 г., но в Ермолинском списке его имя помещено ранее имени Афанасия Остафьевича, получившего степень в феврале 1448 г., будучи отделено от последнего семью другими именами. А это говорит о том, что впервые на степени Есиф Григорьевич был не позднее 1444 г. Существует еще одно степенное посадничество, которое следует добавить к уже подсчитанным. Мы имеем в виду посадничество Сокиры в 1447 г. Теоретически вполне возможно допустить, что посадник Сокира упомянут в списке. Ведь летописец не называет его имени, ограничившись только прозвищем, которое может принадлежать любому из названных в списке посадников.

Таким образом, к 11 посадничьим именам, соответствующим 18 полугодовым срокам с февраля 1439 г. по февраль 1448 г., мы должны добавить по крайней мере еще четыре имени, главным образом за счет повторных занятий степени. Остальные три срока могли принадлежать другим посадникам, также приходившим на степень вторично. Важно, что число имен не превосходит числа возможных полугодовых сроков.

Признав, что в Ермолинском списке содержатся только имена степенных посадников, перечисленные в соответствии с датами их первоначального избрания на степень, мы можем теперь предложить реконструкцию хронологической таблицы степенных посадников в 1440-х гг. Основой таблицы является порядок изложения имен в Ермолинском списке. Истинное место в списке Ананьи Семеновича мы определяем на том основании, что его имя помещено после Федора Олисиевича, который вторично занимал степень в 1441—1442 гг. Поскольку для указанных выше 18 полугодовых сроков мы располагаем сведениями лишь о посадниках, владевших в общей сложности 15 сроками, теоретически возможны несколько вариантов таблицы с точностью до полутора — двух с половиной лет. Мы показываем два крайних варианта, иными словами, опре-

деляем пределы возможного хронологического колебания в установлении дат занятия степени каждым посадником.

129. Исак Андреевич	VIII.1438—II.1439	129. Исак Андреевич
130. Федор Яковлевич	II.1439—VIII.1439	?
131. Богдан Микитинич	VIII.1439—II.1440	?
132. Есиф Андреевич	II.1440—VIII.1440	?
133. Есиф Григорьевич	VIII.1440—II.1441	130. Федор Яковлевич
134. Есиф Яковлевич	II.1441—VIII.1441	131. Богдан Микитинич
125. Федор Олисиевич	VIII.1441—II.1442	125. Федор Олисиевич
126. Ананья Семенович	II.1442—VIII.1442	126. Ананья Семенович
135. Иван Максимович	VIII.1442—II.1443	132. Есиф Андреевич
136. Иван Лаврентьевич	II.1443—VIII.1443	133. Есиф Григорьевич
137. Богдан Есифович	VIII.1443—II.1444	134. Есиф Яковлевич
138. Захарья Григорьевич	II.1444—VIII.1444	135. Иван Максимович
139. Василий Степанович	VIII.1444—II.1445	136. Иван Лаврентьевич
140. Михайло Иванович	II.1445—VIII.1445	137. Богдан Есифович
?	VIII.1445—II.1446	138. Захарья Григорьевич
?	II.1446—VIII.1446	139. Василий Степанович
?	VIII.1446—II.1447	140. Михайло Иванович
124. Сокира	II.1447—VIII.1447	124. Сокира
133. Есиф Григорьевич	VIII.1447—II.1448	133. Есиф Григорьевич
141. Афанасий Остафьевич	II.1448—VIII.1448	141. Афанасий Остафьевич

Приведем несколько примеров чтения таблицы. Федор Яковлевич (№ 130) впервые получил степень на полугодовой срок между февралем 1439 г. (левая колонка) и февралем 1441 г. (правая колонка). Есиф Андреевич (№ 132) полгода занимал степень между февралем 1440 г. и февралем 1443 г. (правая колонка) и т. д. Большая степень точности при анализе существующих источников, к сожалению, не может быть достигнута.

ПОСАДНИКИ 1450-х гг.

К первой половине 1450-х гг. относятся два упоминания посадничьих имен в источниках. 1 марта 1450 г. был заключен договор Великого Новгорода с ганзейскими городами о перемирии на семь лет. В грамоте, фиксирующей этот договор, степенным посадником назван Дмитрий Васильевич⁶⁵. Под 1453 г. в летописи упоминается степенный посадник Исак Андреевич⁶⁶. Оба посадника нам уже

⁶⁵ ГВНП. С. 124, № 74.

⁶⁶ ПСРЛ. Т. 13. С. 155.

хорошо известны. Дмитрий Васильевич (№ 127) был степенным еще в 1437—1438 гг. Исак Андреевич (№ 129) избирался на степень в 1438—1439 гг.

Ряд посадничьих имен назван также в летописном рассказе и документах, связанных с размирьем и заключением Яжелбицкого договора в 1456 г. Поход Василия Темного на Новгород в 1456 г. начался в первых числах февраля. Первый удар — по Русе — был нанесен 2 февраля («в понедельник на сырной недели»). В тот же день в Новгороде собирается рать на москвичей, возглавленная посадником Иваном Лукиничем Щокой и тысяцким Василием Пантелеевичем⁶⁷. Летописец не называет их степенными, но это подразумевается контекстом рассказа и подтверждается в дальнейшем прямыми показаниями Яжелбицкого договора. Во время решившего дело столкновения в Русе 3 февраля был убит Есиф Васильевич Носов, которого Псковская летопись называет посадником, и взят в плен посадник Михаил Туча, названный в Воскресенской летописи «посадником их болшим»⁶⁸. Мир в Яжелбицах был заключен до 24 февраля (архиепископ Евфимий после заключения мира вернулся в Новгород в среду третьей недели поста, т. е. 24 февраля)⁶⁹. Мирные грамоты составлены от имени посадника новгородского Ивана Лукинича и тысяцкого новгородского Василия Пантелеевича посадниками Григорием Даниловичем, Федором Яковлевичем, Василием Степановичем, тысяцкими Яковом Ивановичем и Василием Пантелеевичем, а от житых — Афанасием Микуличем, Иваном Юрьевичем, Яковом Ивановичем, Еремеем Кузьмичем и Василием Захарьиничем⁷⁰.

Мы обращаем внимание на точные даты, поскольку из них следует, что Иван Лукинич был степенным посадником в августе 1455 г. — феврале 1456 г. Так как он был на степени уже в первые дни февраля, его степенное посадничество в 1456 г. нельзя считать только что начавшимся. Однако Иван Лукинич остается степенным и на следующий полугодовой срок с февраля по август 1456 г. К такому выводу мы приходим на основании наблюдений над грамотой Великого Новгорода Василию Темному об окончательной расплате по Яжелбицкому миру⁷¹. Указанная грамота относится ко времени не ранее марта 1456 г., т. е. к тому периоду, когда обновление степени уже должно было совершиться. Между тем эта грамота утверждена «печатию посадничею степенного Ивана Лукинича и тысяцкого степенного печатию Михаиловою Андреевича». Во время

⁶⁷ ПСРЛ. Т. 16. Стб. 155.

⁶⁸ Там же. Т. 8. С. 146.; Т. 16. Стб. 195; Псковские летописи. Вып. 1. С 53; Вып. 2. С. 49, 141.

⁶⁹ ПСРЛ. Т. 16. Стб. 196.

⁷⁰ ГВНП. С. 39—43, № 22—23.

⁷¹ Там же. С. 43—44, № 24.

очередных выборов в конце февраля или в начале марта 1456 г. был заменен только степенный тысяцкий, а степенным посадником остался Иван Лукинич.

Остальные посадники, упомянутые в желбицких грамотах, нам хорошо известны. Григорий Данилович был одним из патриархов в посадничестве. Его имя упоминается в основной части Списка Б (№ 114), впервые он был избран на посадничество еще в 1423 г. Федор Яковлевич назван в Ермолинском списке (№ 130) и был на степени около 1439—1441 гг. Василий Степанович также назван в Ермолинском списке (№ 139) и был на степени около 1444—1446 гг.

Под 1458 г. в летописи снова упоминается посадник Иван Лукинич, посланный новгородцами к королю Казимиру в Литву «прошать князя на пригороде»⁷². Наконец, под 1459 г. летописец рассказывает о поездке владыки Ионы на поставление в Москву. Иона выехал из Новгорода 11 января в сопровождении посадников Федора Яковлевича и Ивана Афанасьевича, тысяцкого Василия Александровича Казимира и представителей от житейх — Афанасия Микулинича Кукаса, Киприяна Арзубьева⁷³.

Приведенными фактами исчерпываются все датирующие свидетельства о посадниках 1450-х гг. Существует, однако, еще один документ 1450-х гг., упоминающий посадничье имя, но датированный суммарно. Имеется в виду жалованная грамота Великого Новгорода Троице-Сергиеву монастырю на беспшлнный провоз товаров по Двине, составленная по благословению архиепископа Евфимия от имени посадника Великого Новгорода Дмитрия Васильевича и тысяцкого Великого Новгорода Михаила Андреевича⁷⁴. Издатели «Грамот Великого Новгорода и Пскова» датировали ее 1448—1454 гг., основываясь на датах святительства Евфимия (1434—1458 гг.), посадничества Дмитрия Васильевича (1448—1454 гг.) и игуменства в Троице упомянутого в акте Мартиниана (1447—1454 гг.). Мы уже видели, что начало посаднической деятельности Дмитрия Васильевича следует относить к более раннему времени; он был на степени уже в 1437—1438 гг. Поэтому рамки формальной датировки должны быть раздвинуты до 1447—1454 гг. (годы игуменства Мартиниана) и снова сужены до 1448—1454 гг., так как вторично Дмитрий Васильевич мог прийти на степень не ранее августа 1448 г. (см. таблицу в конце предыдущего раздела). Между тем в указанных пределах было не только достоверное степенное посадничество Дмитрия Васильевича в феврале — августе 1450 г., но в этот период он также сосуществовал со степенным тысяцким Михаилом Андреевичем, как это следует из показаний договорной грамоты Новгорода с ганзейскими городами

⁷² ПСРЛ. Т. 16. Стб. 198.

⁷³ Там же.

⁷⁴ ГВНП. С. 150, № 95.

1 марта 1450 г.⁷⁵ Это совпадение позволяет относить жалованную грамоту Троице-Сергиеву монастырю к февралю — августу 1450 г.

Сравнение приведенных здесь показаний летописи и актов с показаниями Ермолинского списка еще раз подтверждает правильность вывода об общем характере Ермолинского списка, включающего только имена степенных посадников и перечисляющего эти имена в соответствии с датами избрания посадников на степень.

В предыдущем разделе мы довели рассмотрение Ермолинского списка до имени Афанасия Остафьевича, избранного на степень в феврале 1448 г. Вся следующая за этим именем заключительная часть списка относится к более позднему времени. Как легко убедиться, в ней вовсе нет таких новых посадничьих имен, появление которых было бы связано с 1450-ми гг. В заключительной части списка названы такие имена:

142. Александр Васильевич	147. Кузьма Григорьевич
143. Василий Александрович	148. Михайло Семенов
144. брат его Яков Короб	149. Александр Самсонов
145. Иван Немир	150. Федор Самсонов
146. Василий Глазоемцев	

Если об Александре Васильевиче (№ 142) нет никаких других сведений, то некоторые материалы для датировки начала посаднической деятельности Василия Александровича (№ 143) имеются. Василий Александрович Казимир, или Казимер, впервые упоминается в летописи под 1456 г. как один из новгородцев, наиболее отличившихся в бою под Русой 3 февраля. В этом рассказе он назван без титула⁷⁶. Следующее упоминание о нем относится к 1459 г., когда 11 января он, будучи новгородским тысяцким, сопровождал в Москву владыку Иону⁷⁷. Это сообщение позволяет настаивать на том, что Василий Казимир не мог стать посадником до 1459 г. Прямые указания на его посадничество относятся к сравнительно позднему времени. С посадничьим титулом он упоминается в летописи под 1471, 1476 и 1478 гг.⁷⁸

Яков Александрович Короб (№ 144) впервые упоминается под 1471 г., когда его имени уже сопутствует посадничий титул. В дальнейшем его посадничество засвидетельствовано летописным рассказом 1475—1476 гг.⁷⁹ Иван (Васильевич) посадничал в 1470-х гг.

⁷⁵ Там же. С. 124, № 74.

⁷⁶ ПСРЛ. Т. 16. Стб. 195.

⁷⁷ Там же. Стб. 198.

⁷⁸ ПСРЛ. Т. 3. С. 192; Т. 4. С. 241, 251; Т. 5. С. 36; Т. 6. С. 15—16, 193, 200—204, 219; Т. 8. С. 165—166, 197—198.

⁷⁹ ГВНП. С. 44—51, № 25—27; ПСРЛ. Т. 3. С. 142; Т. 6. С. 16—17, 200—219; Т. 8. С. 182—198.

Василий Глазоемцев (№ 146) известен летописцу только под 1475 г.⁸⁰ Кузьма Григорьевич (№ 147) в летописи упоминается под 1471, 1475, 1476 и 1477 гг., всякий раз с титулом посадника; в 1477 г. он был убит на вече.⁸¹ Михаил Семенович (№ 148) был степенным посадником в 1470-х гг.⁸² Александр Самсонович (№ 149) с посадничьим титулом назван в 1472, 1475 и 1476 гг.⁸³ Наконец, Федор Самсонович (№ 150) в летописи и актах не упоминается, однако к 1475 г. его, видимо, уже не было в живых, так как в числе новгородских бояр, встречавших Ивана III, назван только его сын Семен.⁸⁴

Перечисляя все эти факты, связанные с деятельностью посадников заключительной части Ермолинского списка, мы видим, что они не противоречат общему выводу о том, что на протяжении 1450-х гг. список не пополнялся именами новых степенных посадников. Между именами Афанасия Остафьевича, ставшего степенным в 1448 г., и Василия Александровича, бывшего тысяцким еще в 1459 г., имеется лишь имя Александра Васильевича, о котором ничего не известно и который один только может быть в какой-то степени связан с посадничеством 1450-х гг.

Можно было бы предполагать, что эта особенность списка объясняется пробелом в изложении имен. Однако, чтобы подтвердить такое предположение, мы должны доказать, что на протяжении 1450-х гг. существовали степенные посадники, не включенные в список. Таких фактов, как мы уже видели, не существует. Гораздо реальнее предположить, что на протяжении 1450-х гг. на посадничьей степени не появлялись новые лица, что 1450-е гг. были временем многочисленных повторных посадничеств тех бояр, имена которых уже попали в список в связи с их предшествующими занятиями степени. В самом деле, все сведения о степенных посадниках 1450-х гг., которыми мы располагаем, являются сведениями о хорошо нам известных боярах, записанных в тех частях Ермолинского списка, которые сложились до 1450 г. В феврале — августе 1450 г. на степени был Дмитрий Васильевич (№ 127), в 1453 г. — Исак Андреевич (№ 129), в августе 1455 г. — феврале 1456 г. и затем в феврале — августе 1456 г. — Иван Лукинич (№ 128). Политическая жизнь Новгорода в 1450-х гг. тесно связана с именами посадников Григория Даниловича, Федора Яковлевича, Василия Степановича, уже приходивших к власти задолго до 1450 г.

Среди посадников, упомянутых в источниках 1450-х г., есть один не включенный в Ермолинский список, однако этот посадник не был степенным. Речь

⁸⁰ ПСРЛ. Т. 3. С. 142.

⁸¹ ПСРЛ. Т. 3. С. 142; Т. 6. С. 17, 200—206; Т. 8. С. 165—184.

⁸² ГВНП. С. 156, № 101.

⁸³ ПСРЛ. Т. 3. С. 142; Т. 6. С. 17, 201, 204; Т. 8. С. 169.

⁸⁴ ПСРЛ. Т. 6. С. 201.

идет о Есифе Носове. В уже цитированном сообщении о битве 3 февраля 1456 г. говорится, что москвичи «убиша посадника новгородского Есифа Носова и инех добрых людей побиша много, а Михаила Тучю посадника новгородского руками изымаша». Михаил Туча в Воскресенской летописи называется «посадником их болшим» и, по-видимому, может быть отождествлен с Михаилом Ивановичем (№ 140), бывшим на степени около 1445—1447 гг. Что касается Есифа Носова, то в списках для близкого времени названо несколько Есифов (Есиф Андреевич — № 132; Есиф Григорьевич — № 133; Есиф Яковлевич — № 134), однако ни один из них не может быть отождествлен с Есифом Носовым, так как летопись Авраамки называет его Есифом Васильевичем⁸⁵.

Боярин Есиф Васильевич без титула упомянут еще в летописном рассказе 1435 г.⁸⁶ С другой стороны, нам известно, что все три Есифа Ермолинского списка пережили 1456 год. Есиф Григорьевич и Есиф Андреянович были живы в 1463 г., когда горели их дворы⁸⁷. Есиф Яковлевич умер в 1466 г. во время мора⁸⁸. Есиф Носов действительно не включен в Ермолинский список, но он, по-видимому, никогда и не был степенным.

Выше мы неоднократно говорили о возможности хронологического разрыва между основной частью Списка Б, составленной в 1423 г., и дополнениями к нему по Ермолинскому летописцу, начало формирования которых относится к 1430-м гг. Допустимо предполагать, что степень в 1420-х и начале 1430-х гг. занималась поочередно теми посадниками, которые были избраны не позднее 1423 г. Поскольку их имена уже были в основной части Списка Б, составитель дополнений Ермолинского летописца начал свой список именем первого степенного посадника, избранного после 1423 г., и таким посадником оказался Григорий Кириллович.

ПОСАДНИКИ 1460-х И 1470-х гг.

Посадничество 1460-х гг. — наименее освещенный свидетельствами источников период. Для выводов, касающихся этого времени, наибольшее значение приобретают показания Ермолинского списка, которые могут быть сопоставлены со сведениями о степенных посадниках 1470-х гг. Такое сопоставление в конечном счете поможет определить поздний хронологический рубеж Ермолинского списка и дать хотя бы приблизительное определение дат избрания на степень посадников, перечисленных в его заключительной части.

⁸⁵ ПСРЛ. Т. 16. Стб. 194—195.

⁸⁶ НПЛ. С. 417; ПСРЛ. Т. 4. С. 121; Т. 16. С. 179.

⁸⁷ ПСРЛ. Т. 16. Стб. 214.

⁸⁸ Там же. Стб. 219.

Рассмотрим прежде всего летописные показания о посадниках 1460-х гг. В рассказе о событиях осени 1460 г. летопись сообщает о приезде в Псков новгородского посла посадника Карпа Савинича ⁸⁹. В начале 1461 г., между 6 января и 1 февраля, был заключен пятилетний мир Новгорода и Пскова с немцами, подкрепленный с новгородской стороны крестоцелованием степенного посадника Ивана Лаврентьевича ⁹⁰. К 1462 г. относится сообщение о пожаре 7 декабря на Волосове и Добрыне улицах, во время которого сгорели дворы посадника Федора Яковлевича и его сына тысяцкого Луки Федоровича ⁹¹. 22 декабря того же года в Москву к Ивану III отправилось мирное посольство владыки Ионы, в которое входили посадники Иван Лукинич, Захария Григорьевич и Афанасий Остафьевич ⁹². 28 августа 1463 г. сгорели дворы Есифа Григорьевича и Есифа Андреяновича ⁹³.

18 марта 1466 г. в Новгороде был подписан договор с ганзейскими городами о перемирии на два года, утвержденный степенным посадником Афанасием Остафьевичем ⁹⁴. В том же году 8 сентября во время мора умерли посадники Федор Яковлевич и его брат Есиф ⁹⁵. 7 октября 1467 г. в Новгороде умер Иван Григорьевич, смерть которого упомянута летописцем в связи с рассказом о постройке им обыденной церкви в Зверином монастыре ⁹⁶. Летописец в этом рассказе не называет Ивана Григорьевича посадником, однако под 1475 г. в числе бояр, встречавших Ивана III, упомянут посадничий сын «Юрьи Иванов сын Григорьева» ⁹⁷. Наконец, под 1469 г. в летописи сообщается о смерти Якова Игнатьевича «словутного Лозьева», названного посадником ⁹⁸. В 1463 г. Яков Лозьев был еще тысяцким ⁹⁹.

К рассматриваемому времени относятся два суммарно датированных документа. Жалованная грамота Великого Новгорода Соловецкому монастырю на Соловецкий и другие острова датирована 1459—1469 гг. по упоминанию в ней соловецкого игумена Ионы (1459—1469 гг.) и посадника Ивана Лукинич (1456—1471 гг.) ¹⁰⁰. Она составлена от имени степенного посадника Ивана Лу-

⁸⁹ Псковские летописи. Вып. 1. С. 56; Вып. 2. С. 50, 145.

⁹⁰ ПСРЛ. Т. 16. Стб. 204.

⁹¹ Там же. Стб. 211.

⁹² Там же.

⁹³ Там же. Стб. 214.

⁹⁴ ГВНП. С. 127—129, № 76.

⁹⁵ ПСРЛ. Т. 16. Стб. 219.

⁹⁶ Там же. Стб. 220—221.

⁹⁷ ПСРЛ. Т. 6. С. 201.

⁹⁸ ПСРЛ. Т. 16. Стб. 224.

⁹⁹ Там же. Стб. 212.

¹⁰⁰ ГВНП. С. 152—153, № 96.

кинича и степенного тысяцкого Труфана Юрьевича. Оба основания принятой в издании датировки неверны: посадник Иван Лукинич с тем же титулом фигурирует уже в 1448 г., а годы игуменства Ионы достоверно неизвестны. Между тем сосуществование на степени Ивана Лукинича и Трифона Юрьевича зафиксировано документом от 10 апреля 1468 г.¹⁰¹; 15 августа 1468 г. на степени были уже посадник Яков Федорович и тысяцкий Трифон Юрьевич¹⁰². Поэтому рассматриваемая грамота датируется мартом — началом августа 1468 г., соответствующим магистратским срокам выдавших ее новгородских должностных лиц.

Духовная Федора Остафьевича Своеземцева¹⁰³ должна быть датирована 1460-ми гг. по упоминанию в ней посадника Ивана Афанасьевича, о посадничестве которого известно начиная с 1459 г., и тысяцкого Якова Игнатьевича, который стал посадником в какое-то время между 1463 и 1469 гг. Впрочем, эта грамота может относиться и к концу 1450-х гг., так как дата избрания Ивана Афанасьевича в посадники точно неизвестна. Напомним, между прочим, что в духовной упомянут еще посадник Федор Алексеевич, неизвестный в других источниках. Этот Федор Алексеевич назван дядей завещателей и, следовательно, человеком более пожилым, нежели сам Федор Остафьевич. Нельзя ли его отождествить с посадником Федором Олисиевичем? Ведь духовная сохранилась только в копии XVII в., где отчество посадника могло быть искажено.

Обосновывая вывод о том, что заключительная часть Ермолинского списка включает имена только степенных посадников, мы должны одновременно показать, что и имена некоторых других посадников того же периода оказались вне списка, поскольку эти посадники на степени не были. Необходимые в этой связи наблюдения могут быть сделаны при изучении уже упоминавшейся доконечальной грамоты славенских посадников, датируемой 1460-ми гг.¹⁰⁴ В ней содержится целая серия посадничьих имен, которые отсутствуют в Ермолинском списке. Среди славенских посадников этого документа названы: Иван Максимович, Василий Степанович, Федор Остафьевич, Мина Власьевич, Иван Тимофеевич, Юрий Терентьевич, Василий Терентьевич, Василий Иванович. Только два первых имени — Ивана Максимовича и Василия Степановича, избранных еще в 1440-х гг., — имеются в Ермолинском списке, остальных шести в нем нет.

Мы видим, что в самом деле Ермолинский список называет не всех посадников, ограничиваясь лишь теми, которые избирались на степень. В этом отно-

¹⁰¹ Sverges traktater med frammande magter jemte andra dit horande handlingar, utgifne at O. S. Rydberg. Delen III. Stockholm, 1895. S. 292—293, № 542.

¹⁰² Ibid. S. 294—296, № 542.

¹⁰³ ГВНП. С. 171, № 111.

¹⁰⁴ Там же. С. 172, № 112; Янин В. Л. Новгородские акты XII—XV вв.: Хронологический комментарий. С. 221—222, № 138.

нении показательно, что список славенских посадников в докончании с Иваном Губаревым открывается именами как раз тех двух бояр, которые, в отличие от остальных, названы и в Ермолинском списке и, таким образом, принадлежали к числу побывавших на степени.

Попытаемся теперь выяснить дату составления заключительной части Ермолинского списка. Три степенных посадника, сведения о которых сохранились в источниках этого времени, в 1460-х гг. приходили на степень не впервые. Иван Лаврентьевич (№ 136) был на степени около 1443—1445 гг., Иван Лукинич (№ 128) — в 1438 и в 1455—1456 гг., Афанасий Остафьевич (№ 141) — в 1448 г. Однако выше приведено свидетельство степенного посадничества Якова Федоровича 15 августа 1468 г. Этого имени уже нет в Ермолинском списке, окончательное редактирование которого, следовательно, можно относить ко второй половине 1460-х гг.

В подтверждение такого вывода рассмотрим имена степенных посадников 1470-х гг.

В августе 1471 г. посадничью степень в Новгороде занимал Тимофей Остафьевич. От его имени и от имени степенного тысяцкого Василия Максимовича заключены договорные грамоты Новгорода с Иваном III 11 августа 1471 г.¹⁰⁵ Из двух возможных сроков степенного посадничества в августе 1471 г. ему принадлежал срок с февраля по август. В этом убеждает косвенное показание проекта договорной грамоты Новгорода с Казимиром IV. Издателями «Грамот Великого Новгорода и Пскова» этот проект датирован 1470—1471 гг., а А. А. Зиминим — более точно, промежутком времени от 15 ноября (декабря) 1470 г., когда был избран на кафедру упомянутый в грамоте Феофил, до 14 июля 1471 г., когда был взят в плен упомянутый в грамоте посадник Дмитрий Исакович Борецкий¹⁰⁶. Предпочтительной датой А. А. Зимин считает июнь 1471 г. Можно утверждать, что проект договора в самом деле был составлен между февралем и июлем 1471 г. В сохранившемся списке договора оказалось пропущенным имя степенного посадника, однако степенным тысяцким в нем назван Василий Максимович, который, как мы видели, оставался на степени и в начале августа 1471 г. Эти наблюдения позволяют уточнить дату новгородской грамоты Двинской земле о сложении крестоцелования на подданство Новгороду земель, относящихся во владение Ивана III¹⁰⁷. Издатели «Грамот Великого Новгорода и Пскова», вслед за Н. М. Карамзиным, датируют ее промежутком времени от августа 1471 г. до 15 декабря того же года. Однако авторами грамоты были степенный

¹⁰⁵ ГВНП. С. 45—51, № 26—27.

¹⁰⁶ Там же. С. 130—132, № 77; Зимин А. А. О хронологии договорных грамот Великого Новгорода с князьями XIII—XV вв. С. 324—326.

¹⁰⁷ ГВНП. С. 154, № 98.

посадник Тимофей Остафьевич и степенный тысяцкий Василий Максимович, полномочия которых оканчивались в августе 1471 г. По-видимому, грамота Двинской земле принадлежит к числу документов, выработанных в начале августа 1471 г. совместно с другими коростынскими актами ¹⁰⁸.

18 ноября 1475 г. в Рыдыне на реке Холове Ивана III встречал вместе с другими наиболее именитыми боярами степенный посадник Василий Ананьич ¹⁰⁹. 26 ноября он был арестован Иваном III по жалобе Славковой и Микитиной улиц и отправлен в Москву. Новгородская Четвертая летопись сообщает, что Василий Ананьич был на степени заменен Фомой Андреевичем Курятником ¹¹⁰. Действительно, летописец рассказывает о том, как 11 января 1476 г. «великому князю ударили челом Фома степенный посадник да тысяцкой Василий Есипов, от всего Великого Новагорода явили 1000 рублей» ¹¹¹. В промежутке от 26 ноября 1475 г. до 11 января 1476 г. в летописи содержится сообщение о пире Ивана III 19 декабря 1475 г. «у посадника у степенного у Василья Есипова» ¹¹². Последний известен нам как степенный тысяцкий 18 ноября 1475 г. (в этот день он встречал Ивана III вместе со степенным посадником Василием Ананьичем) и 11 января 1476 г. В. Н. Бернадский предполагал, что после ареста Василия Ананьича и до избрания на степень Фомы Курятника обязанности степенного посадника выполнял степенный тысяцкий, который поэтому и поименован посадником 19 декабря 1475 г. ¹¹³ Однако более вероятно, что в летописном рассказе Василий Есифович назван степенным посадником ошибочно; он должен быть признан тысяцким и между 26 ноября и 11 января.

В конце ноября 1477 г. и вплоть до официальной ликвидации новгородской независимости 15 января 1478 г. степенным посадником в Новгороде был Фома Андреевич Курятник ¹¹⁴, от имени которого ведутся последние в истории боярского Новгорода переговоры с великим князем.

Еще одно имя степенного посадника содержит жалованная грамота Новгорода Троице-Сергиеву монастырю на беспошлинный провоз товаров по Двине; эта грамота условно датирована 1476—1477 гг. ¹¹⁵ Дата содержится в самом тексте документа, однако в подлиннике цифра единиц в ней не сохранилась. В копии конца XVII в. дата обозначена как 6985. Жалованная грамота исходит от

¹⁰⁸ Отметим, что на грамоте имеется карандашная помета П. М. Строева: «1471. 11/VIII».

¹⁰⁹ ПСРЛ. Т. 6. С. 201.

¹¹⁰ Там же. Т. 4. С. 251; Т. 6. С. 202—204.

¹¹¹ Там же. Т. 3. С. 142; Т. 6. С. 17, 204.

¹¹² Там же. Т. 3. С. 142; Т. 6. С. 16, 204.

¹¹³ *Бернадский В. Н.* Новгород и Новгородская земля в XV в. С. 362.

¹¹⁴ ПСРЛ. Т. 6. С. 210; Т. 8. С. 188.

¹¹⁵ ГВНП. С. 156, № 101.

степенного посадника Михаила Семеновича и степенного тысяцкого Федора Лукинича, время пребывания которых на степени, основываясь на такой дате акта, приходится относить к какому-то периоду между 1 сентября 1476 г. (если дата обозначена по сентябрьскому циклу) и 1 марта 1478 г. (если употреблен мартовский цикл), точнее — между 1 сентября 1476 г. и августом 1477 г., поскольку после августа 1477 г. степень безусловно принадлежала Фоме Курятнику.

В том случае, если реконструкция даты в грамоте неверна, датировка этого документа несколько расширится. В ее основу может быть положено упоминание троицкого игумена Авраамия, которому адресована грамота. Его игуменство продолжалось с 1474 по 1478 г., причем оно началось не ранее осени 1474 г.¹¹⁶ Углубляя датировку до осени 1474 г., мы в промежутке от 1474 до 1478 г. можем отметить две возможные даты составления акта. Одна из них — август 1476 г. — август 1477 г. — уже названа выше. Другой датой может быть только срок между сентябрем 1474 г. и августом 1475 г., поскольку с августа 1475 г. по август 1476 г. степенными посадниками были Василий Ананьич, а потом Фома Курятник, но не Михаил Семенович. Вторая датировка (1474—1475 гг.) является предпочтительной, так как Михаил Семенович назван в заключительной части Ермолинского списка, т. е. он был посадником уже в 1460-х гг., но его имя отсутствует в летописном рассказе конца 1475 г. о встрече Ивана III новгородскими боярами. Этот рассказ называет десятки имен новгородских посадников, тысяцких и крупнейших бояр, бывших в живых к моменту приезда великого князя. Следует отметить, что В. Н. Бернадский, по-видимому, относил жалованную грамоту к 1475 г., так как степенное посадничество Михаила Семеновича он датирует именно 1475 годом¹¹⁷, однако аргументация этого исследователя нам, к сожалению, осталась неизвестной.

Таким образом, хронологическая таблица степенных посадников 1470-х гг., оставаясь весьма фрагментарной, реконструируется следующим образом:

II.1471 — VIII.1471 г.	—	Тимофей Остафьевич
VIII.1471 — VIII.1474 г.	—	(6 полугодových сроков) — ?
VIII.1474 — VIII.1475 г.	—	(2 срока), один из этих сроков, вероятно, принадлежал Михаилу Семеновичу
VIII.1475 — XI.1475 г.	—	Василий Ананьич
I(?).1476 — VIII.1476 г.	—	Фома Андреевич
VIII.1476 — VIII.1477 г.	—	(2 срока) — ?
VIII.1477 — I.1478 г.	—	Фома Андреевич

¹¹⁶ Последняя грамота, адресованная предшественнику Авраамия — Спиридонию, датирована 27 августа 1474 г. (Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. Т. I. М., 1952. С. 313, № 424). Первая датированная грамота с упоминанием Авраамия относится к 27 января 1475 г. (Там же. С. 338, № 451).

¹¹⁷ Бернадский В. Н. Указ. соч. С. 361.

В. Н. Бернадским был предложен другой вариант хронологической таблицы степенных посадников 1470-х гг., который отличается от нашего тем, что в нем названо еще одно степенное посадничество Фомы Андреевича в 1474 г. и степенное посадничество Захарии Овина в 1477 г.¹¹⁸ Оба этих посадничества не только недостоверны, но и невозможны вообще. Говоря о посадничестве Фомы Курятника в 1474 г., В. Н. Бернадский, по-видимому, опирался на показания договорной грамоты Новгорода и Пскова с епископом юрьевским о перемирии на 30 лет, утвержденной 13 января 1474 г.¹¹⁹ В этом документе, скрепленном от имени Новгорода посадником Фомой Андреевичем и послом Окинфом Васильевичем, имя посадника Фомы действительно выделено, однако он титулуется там не степенным, а «воеводой Великого Новагорода у Великом Пскове, посадником». Согласно сообщению псковских летописей, в 1474 г. «приехала ко Пскову сила новгородская в помочь на Немци, а воеводою в них был посадник новгородскеи Фома Андреевич»¹²⁰. Это воеводство, а не степенное посадничество послужило основанием для участия Фомы в подписании договора в роли главного новгородского представителя на переговорах.

Что касается степенного посадничества Захарии Григорьевича Овина в 1477 г., то оно также не подтверждается. Захария Овин в 1477 г. ездил в Москву на беспрецедентный суд Ивана III, нарушивший одно из главных условий dokonчания, а затем был убит на вече. Летописец достаточно подробно излагает историю его трагической смерти, но ни разу не называет его степенным посадником¹²¹.

В. Н. Бернадский, не сопровождая своего мнения какими-либо оговорками, писал о степенных посадниках второй половины 1460-х и начала 1470-х гг. (до 1471 г.) Дмитрии Исаковиче, Феофилате Захарьиниче, Луке Федоровиче, Иване Васильевиче и Василии Ананьиче¹²². Основанием ему послужило упоминание всех этих посадников в текстах коростыньских грамот 1471 г. Исследователь при этом исходил из общепринятого, но абсолютно неверного мнения, что «старым посадником» мог быть только посадник, уже побывавший на степени. Между тем мы уже видели достаточно большое число лиц, носивших в XV в. титул посадника, но так и не ставших степенными. Поэтому предложенный В. Н. Бернадским список степенных посадников конца 1460-х и начала 1470-х гг. не может быть признан достоверным.

¹¹⁸ Там же.

¹¹⁹ ГВНП. С. 133—136, № 78.

¹²⁰ Псковские летописи. Вып. 2. С. 197.

¹²¹ ПСРЛ. Т. 6. С. 18, 33, 205—206; Т. 7. С. 227; Т. 8. С. 183—184.

¹²² Бернадский В. Н. Указ. соч. С. 361.

Исчерпав все сведения о степенных посадниках 1460-х и 1470-х гг., рассмотрим теперь имена других посадников, существовавших в последние восемь лет новгородской самостоятельности.

Большую группу посадников называет летописец в рассказе о битве новгородцев с войсками Ивана III на Шелони 14 июня 1471 г. В числе двух тысяч новгородцев, взятых москвичами в плен в этой битве, были посадники Василий Казимир, Дмитрий Исакович Борецкий, Кузьма Григорьев, Яков Федоров, Матфей Селезнев, Василий Селезнев, два сестричича Казимира, Павел Телятев и Кузьма Грузов. 24 июля того же года из их числа Дмитрий Исакович Борецкий и Василий Губа Селезнев были казнены Иваном III, а остальные закованы и увезены в заточение в Коломну. Летописец снова перечисляет имена взятых в заточение бояр, среди которых нет почему-то Павла Телятева ¹²³.

Незадолго до Шелонской битвы один из казненных в Русе посадников — Дмитрий Исакович — вместе с хорошо нам известным посадником Афанасием Остафьевичем принимал участие в составлении проекта докончальной грамоты Новгорода с королем Казимиром IV ¹²⁴.

Что касается сосланных после Шелонской битвы посадников, то их коломенское заточение продолжалось недолго. Они были освобождены уже в августе, после заключения Коростынского мира ¹²⁵. Осенью 1475 г. все они участвуют во встрече Ивана III: Яков Федоров — 15 ноября, Василий Казимир и Матфей Селезнев — 16 ноября, Кузьма Грузов, Кузьма Григорьев и Павел Телятев — 17 ноября ¹²⁶.

Рассказ о встрече 1475 г. в сочетании с данными писцовых книг дает некоторые уточнения к сообщению 1471 г. Во-первых, он позволяет отнести слова «два сестричича Казимировы» не к Павлу Телятеву и Кузьме Грузову, названным вслед за этими словами, и не к Василию и Матфею Селезневым, названным перед этими словами, хотя Казимир и Селезнев оказываются в одной группе встречавших Ивана III бояр, тогда как Грузов и Телятев — в другой ¹²⁷. Во-вторых, он заставляет усомниться в правильности титулования Матфея Селезнева посадником в 1471 г. Он даже в 1475 г. носит титул тысяцкого и не мог поэтому называться посадником во время Шелонской битвы. Подобные же сомнения

¹²³ ПСРЛ. Т. 8. С. 165—166.

¹²⁴ ГВНП. С. 130—132, № 77. Список с этой грамоты был захвачен москвичами во время Шелонской битвы. ПСРЛ. Т. 4. С. 242; Т. 6. С. 11—12, 193; Т. 8. С. 165.

¹²⁵ ПСРЛ. Т. 6. С. 15; Т. 8. С. 167.

¹²⁶ ПСРЛ. Т. 6. С. 200—201.

¹²⁷ Летописи под 1475 г. и писцовые книги неоднократно называют «казимировыми сестричичами» Григория и Ивана Михайловых. Вероятно, в данном случае имеются в виду племянники Казимира от другой сестры.

вызывает и посадничество Павла Телятева в 1471 г. В рассказе о встрече 1475 г. имя Павла помещено после имени тысяцкого, хотя при описании церемониала встречи летописец точно следует старшинству иерархических разрядов. Рассказ о встрече дает также некоторые материалы, указывающие родство названных здесь посадников с другими новгородскими посадниками. Так, Кузьма Григорьевич оказывается братом известного нам Захарии Григорьевича Овина; Кузьма Грузов назван братом Афанасия Остафьевича Груза.

Что касается дальнейшей, после 1475 г., деятельности посадников, плененных во время Шелонской битвы, то Василия Казимира псковские летописи называют в числе бояр, арестованных Иваном III в ноябре 1475 г. и отправленных в Москву¹²⁸, однако это несомненная ошибка, поскольку в Софийской летописи, подробно описывающей процедуру конвоирования арестованных бояр, имя Казимира отсутствует¹²⁹. Более того, он в 1478 г. просится в службу великому князю¹³⁰ — значит, он оставался на свободе. Кузьма Григорьевич Овин был убит в 1477 г. на вече вместе со своим братом Захарией¹³¹. Яков Федоров как посадник принимал участие в торжественной встрече Ивана III в 1475 г. и в последних переговорах с Иваном III в конце 1477 — начале 1478 г.¹³² Кузьма Грузов, Матфей Селезнев, бывший тысяцким еще в конце 1475 г., и Павел Телятев, в посадничестве которого мы усомнились, после 1475 г. в источниках не упоминаются.

Ряд посадников, носивших этот титул в 1471 г., назван в документах, связанных с заключением Коростынского мира в августе 1471 г. Кроме степенного посадника Тимофея Остафьевича в заключении мира принимали участие посадники Иван Лукинич, Яков Александрович Короб, Феофилат Захарьинич, Лука Федорович и Иван Васильевич¹³³. Иван Лукинич и Яков Александрович нам хорошо известны как посадники, начавшие свою деятельность в сравнительно раннее время. В дальнейшем Иван Лукинич в источниках не упоминается, а Яков Александрович Короб действовал вплоть до 1478 г., когда принимал участие в переговорах Новгорода с Иваном III¹³⁴. Также до 1478 г. продолжается деятельность посадников Феофилата Захарьинича и Луки Федоровича¹³⁵. Феофилат Захарьинич был известен летописцу и в более

¹²⁸ Псковские летописи. Вып. 2. С. 200.

¹²⁹ ПСРЛ. Т. 6. С. 203.

¹³⁰ Там же. С. 197—198.

¹³¹ ПСРЛ. Т. 6. С. 18, 33, 206; Т. 8. С. 184.

¹³² ПСРЛ. Т. 6. С. 209—219; Т. 8. С. 187—198.

¹³³ ГВНП. С. 44—51, № 25—27; С. 154, № 98.

¹³⁴ ПСРЛ. Т. 6. С. 209—219; Т. 8. С. 187—198.

¹³⁵ Там же.

раннее время, когда он еще не был посадником. Это сообщение особенно важно потому, что в нем указан «адрес» Феофилата. Под 1462 г. в летописи рассказывается: «Того же лета месяца августа 26, нощи час 6, на Пруской улици възгорся огонь от Фефилатова двора и Захарьина, и погоре по обе стороне Пруской улици и за Михаил святыи, а храм святого архистратига Михаила огоре»¹³⁶.

Наиболее важным для наших целей является летописный рассказ о встрече Ивана III во время его «мирного похода» в Новгород в конце 1475 г.¹³⁷ Этот рассказ, отличающийся исключительной подробностью, важен для нас и своей формой, которая учитывает разрядные градации боярства. Рассмотрим этот рассказ подробно, тщательно взвешивая указания о принадлежности к посадничеству названных в нем бояр.

«В лето 6984, октября в 22, в неделю, пошел князь великий к Новугороду миром, а с людьми со многими; а на Москве оставил сына своего великого князя Ивана. А на Дмитреев день князь велики въехал на Волок, да ел и пил у брата у князя Бориса. А ноября в 1 въехал в Торжок, в среду. В 5 на Волочну: стретили великого князя Ноугородци, Кузма Яковль с товарищи, с жалобою на свою же братью на новугородцев; да туто же стретил его от владыки Феофила с поминки Василей Микифоров сын Пенкова. Ноября 7 стоял князь великий на Виру, ту срете его от Новагорода подвойской Назар с поминки, да туто же стретил его Лошинский с сестриичем с Федором с поминки. В 14, во вторник, в Женах на Хирове стретил великого князя наместник его Семен Борисов да дворецкой Роман Алексеев».

В этой части рассказа нет ни одного посадничьего имени. Наиболее значительные имена Василия Пенкова и Лошинского не связаны с посадничеством. Первый был владычным боярином, второй в летописи назван неоднократно, но ни разу с посадничьим титулом.

Главная серия официальных встреч начинается 15 ноября.

«В 15, в среду, на Волме стретили великого князя посадници новгородстии Фефилат Захарьин, Яков Федоров, Кузьма Фефилатов, а житьих Ульян Плюсин, Федор Иевль, Матфей Деревяшкин с поминки от Новагорода и от себе».

Из трех лиц, объединенных здесь в категорию посадников, двое — Феофилат Захарьин и Яков Федоров — нам уже известны; они посадничали еще в 1471 г. Кузьма Фефилатов — сын Феофилата Захарьина; родство указано в летописном рассказе о пирах Ивана III¹³⁸.

«Да туто же стретил его Федор Исаков с поминки».

¹³⁶ ПСРЛ. Т. 16. Стб. 210.

¹³⁷ ПСРЛ. Т. 6. С. 200—201; ср.: Насонов А. Н. Московский свод 1479 г. и его южно-русский источник // Проблемы источниковедения. М., 1961. Вып. 9. С. 383—385.

¹³⁸ ПСРЛ. Т. 6. С. 204.

Федор Исакович Борецкий, сын посадника Исака Андреевича и знаменитой Марфы, брат посадника Дмитрия Исаковича, носивший недвусмысленное прозвище Дурень ¹³⁹, по-видимому, сам не был посадником. Источники нигде не титулуют его посадником.

«В 16, в четверг, в Васильеве селе Волмановского стретили великого князя посадници новгородстии Василии Казимер, да брат его Яков, Лука Федоров, да сестричичи Казимеровы Григорей да Иван Михайловы, Григорей Тучин, Богдан Есипов, Олферей Офонасов, да тысяцкие старые Матфей Селезнев, Андрей Исаков, да бояре Иван Кузмин сын Савельева, Иван Секирин, а житьи люди Алексей Квашнин, Василей Болахша, да и жалобники многи, Олфер Гагин с товарищи».

В этой части рассказа нам уже знакомы имена посадников Василия Казимира, Якова Короба и Луки Федорова. Первые два начали свою посадническую деятельность в 1460-х гг. Лука был посадником в 1471 г. Григорий Тучин в другом месте летописного рассказа назван Михайловичем ¹⁴⁰. Поэтому он должен быть признан сыном посадника Михаила Тучи. Богдан Есифович был посадником еще в 1440-х гг.

«В 17, в пятък, на усть Волмы стоял князь велики во Влукоме: ту стретили его мнози посадници, Захарья Овин, брат его Кузма, зять его Иван Кузьмин, сын его Захарьин Иван, Василей Кузьмин, тысяцкой Михайло Берденев, да боярин Григорей Михайлов».

В этой части рассказа названо пять посадников.

«...А после тех на том же стану иные посадники: Офонас Груз, брат его Тимофей, Иван Шенкурской, Никита Офонасов, Кузма брат Грузов с сыном Тимофеем, Матфей, тысяцкой Павел да Федор Телятевы, да житьи Иван Костянтинов с товарищи».

Здесь перечислено еще шесть посадников.

«Да того же дни стретили великого князя Микита Есипов сын Григорьева, Семен Федоров сын Самсонова, тысяцкой Есип Максимов, Федор Семенов, житьи Окинф Васильев, Костянтин (Ко)лестницын, Федор Лотошков, Павел да Григорей Федоровы, то житьи, да Назар подвойской».

Несмотря на отсутствие посадничьих титулов в этой части рассказа, мы должны признать посадниками названных прежде тысяцкого — Микиту Есифовича и Семена Федоровича. Первый был сыном посадника Есифа Григорьевича, известного с 1440-х гг., но, несомненно, уже умершего к 1475 г. Второй — сын посадника Федора Самсоновича, занимавшего степень в 1460-х гг. и также умершего к 1475 г.

¹³⁹ Псковские летописи. Вып. 2. С. 200.

¹⁴⁰ ПСРЛ. Т. 6. С. 208.

«Того же дни стретили великого князя посадник Александр Самсонович, да дети посадничии Юрьи Иванов сын Григорьев, Иван Есипов сын Горшкова, Иван Дмитреев житьи, да Юрьи Маринин, Мартемьян Божин».

Здесь только один посадник — Александр Самсонович, бывший на степени еще в 1460-х гг. Что касается посадничьих детей, то Юрий был сыном умершего в 1467 г. посадника Ивана Григорьевича, а Иван — сыном Есифа Андреяновича Горошкова, упоминаемого вплоть до 1463 г.

«А изо Влукома стоял князь велики в Рыдыне на реце на Холове; ту его стретил Великого Новагорода архиепископ Феофил, от города за 90 верст, а с ним князь Василей Васильевич Шуйской, да посадник степенный Василей Онаньин, посадник Иван Офонасов, посадник Кирил Яковль, тысяцкой степенной Василей Есипов, Василей Микифоров, Исак Семенов сын Шенкурской, да архимандрит Юрьева монастыря Феодосей, игумен Хутынской Нафанаил, да Вяжицкой Варлам, да казначей Сергей, да духовник Еуфимей: от владыки две бочки вина, красного едина, а белого другая, а от тех ото всех по меху вина».

Здесь три посадника, которые все точно обозначены: Василий Ананьич (степенный), Иван Афанасьевич и Кирилл Яковлевич.

«По тех ударили челом великому князю Василей Глазоемцев, Родивон Норов, да бояре новгородские и житьи люди Кирилл да Михайло Ивановы дети Макарьева, Микифор Хмелев, Самойло Деревяшкин, Алексей Скокухин, Микифор Степанов, Алексей Клементьев, Иван Офремов, Михайло Богуславль, Никита Григорьев, Матфей Костянтинов сын Домажиров, Василей Филипов, по меху все».

В этой части рассказа посадничий титул не назван ни разу. Однако два боярина здесь выделены, причем об одном из них — Василии Глазоемцеве — мы из показаний Ермолинского списка знаем, что он был на степени еще в 1460-х гг. Вероятно, тысяцким следует признать Родиона Норова, имя которого вместе с именем Глазоемцева обособлено от имен всех остальных лиц, участвовавших в этой встрече.

«...Лука да Василей Полинарьины мех, Киприян Григорьев с двема сыны два меха, Иван Онаньин, Александр Лукин Сляковых мех, Василей Анфимов подвойской мех».

Здесь нет посадников. Правда, Лука Исакович Полинарьин в дальнейшем в звании посадника принимал участие в переговорах с Иваном III в конце 1477 — начале 1478 г., однако в рассказе 1475—1476 гг. Полинарьины названы еще несколько раз (они подавали жалобу Ивану III на некоторых новгородских бояр, у них пировал Иван III), но в этом рассказе они ни разу не носят посадничьего титула, хотя титулование, как правило, последовательно выдерживается.

«И того дни у великого князя архиепископ и князь Василей и вси прежеречении с ними на обеде его ели и пили; и отпусти их от себе. И по тех приидоша к нему два старосты улицы Славковы Иван Кузмин да Трофим Григорьев, а Ни-

китины улицы два же Григорей Киприянов сын Арзубьева да Василей Фомин, а явили обеих улиц бочка вина красного».

Здесь нет посадничьих имен, а сама встреча Ивана III старостами Славковой и Никитиной улиц не принадлежит к церемониалу торжественного приема великого князя, находясь в связи с поданной несколько позднее жалобой этих улиц на большую группу новгородских бояр.

«А из Рыдина стоял князь велики, ноября 19, в неделю, на Лытне, на реце Мсте, за 50 верст, и ту стретили его бояре и житьи люди Моисей Федоров, Лука Афонасов, Костянтин Богданов сын Бабкыны, Яким Онаньин, Дементей Андреев сын Емецкой по меху, мнози же от старост купецких и купци, мнози житьи люди стретоша его вси с вином».

Имена посадников в этой части рассказа также отсутствуют.

«В 20, в понедельник, стоял князь велики в Плашкине, за полтьретьяцать верст; и ту стретоша его посадници Фома Андреевич Курятник, Федор Окинфов сын Глазоемцев, Яков Слижень, Никита Федоров, тысяцкой Олферей Михайлов, Никита Кирилов посадничь сын, и бояре новугородстии Климентей Филипов сын, Савел Семенов, Лука Остафьев, Матфей Онаньин, Захарья Григорьев, а житьи Степан Железцов, Фалелей Остафьев, все по меху вина; да староста городищецкой Ивашко Обакумов со всеми Городищаны бочку вина белого, полтьретьста яблок, блюдо ягод винных».

В этой части рассказа названы четыре посадничьих имени, в том числе два имени уже нам известных. Фома Андреевич Курятник был посадником в 1474 г., Федор Глазоемец назван посадником в Ермолинском списке. Интересным для нас оказывается и упоминание посадничьего сына Никиты Кирилловича, который может быть только сыном встречавшего великого князя в Рыдине посадника Кирилла Яковлевича.

«Ноября 27, во вторник, из Плашкина поиде князь велики в свою отчину в Великий Новгород, и того дни на пути стретили его многие посадници и житьи люди и множество много народа; и в той же день князь велики приехал на Городище и обедню слушал у Благовещения и ел у себе».

Отсутствие посадничьих имен в этой части рассказа, упоминающей «много посадников», говорит о том, что при въезде Ивана III в Новгород все встречавшие его ранее и «отпущенные» из Рыдина посадники организовали ему заключительную встречу, но не о существовании каких-то еще не названных ранее посадников.

В рассказе 1475—1476 гг. целый ряд посадников из числа участников встреч назван в связи с перечислением пиров Ивана III у новгородских бояр. Этот рассказ не сообщает новых имен, но имеет важное значение для понимания организации посадничества. Поэтому мы подробно рассмотрим его несколько ниже.

Наконец, последняя серия посадничьих имен времени новгородской независимости названа в рассказе о переговорах Ивана III с Новгородом в конце 1477 —

начале 1478 г. От имени степенного посадника Фомы Андреевича в переговорах участвуют посадники Яков Александрович Короб, Феофилат Захарьинич, Лука Федоров, Яков Федоров и Лука Исакович Полинар¹⁴¹. Все они, кроме Луки Полинар¹⁴¹, были посадниками и в 1475 г.

По-видимому, к 1470-м гг. следует относить посадническую деятельность и тех бояр, имена которых оказываются избыточными сравнительно с Ермолинским списком в 3-м дополнении к Списку А:

104. Иван Иванович	124. Филат Скупой Порочка
105. брат его Яков Селезневич	125. Кузьма Семенович
106. Микифор Борисович	126. Федор Глазоемец
121. Кирилл Голый	

Из этих бояр Кирилл Голый может быть отождествлен с посадником Кириллой Яковлевичем рассказа 1475 г. Федор Глазоемец как посадник назван в том же рассказе. Филат Скупой Порочка, по-видимому, тождествен Феофилату Захарьиничу, поскольку тождественны сами имена Филат и Феофилакт (Феофилакт, Фефилакт). Яков Селезневич ни в коем случае не отождествляется с Яковом Слизнем рассказа 1475 г., которого писцовые книги называют Яковом Васильевичем, тогда как брат Ивана Ивановича Яков Селезневич должен быть Ивановичем.

Вероятно, бояре, упомянутые в 3-м дополнении к Списку А и не названные в Ермолинском списке, приходили на посадничество главным образом между 1475 и 1478 гг. Впрочем, 3-е дополнение может относиться и к несколько более раннему времени, например к 1460-м гг., если оно включает также и имена посадников, не бывших на степени.

¹⁴¹ ПСРЛ. Т. 6. С. 209—219; Т. 8. С. 187—198.

Глава 9

ОЛИГАРХИЧЕСКОЕ ПОСАДНИЧЕСТВО XV в. И ЕГО СТРУКТУРА

СТРУКТУРА ПОСАДНИЧЕСТВА В ПОСЛЕДНИЙ ПЕРИОД НЕЗАВИСИМОСТИ

При наблюдениях над источниками середины и третьей четверти XV в. первым и основным является вывод о безусловном сохранении кончанского представительства в организации посадничества и в этот период. Более того, рассматриваемое время можно назвать периодом торжества этого принципа, поскольку факты пятикончанского представительства в новгородском государственном управлении в середине XV в. становятся особенно многочисленными. Приведем наиболее значительные примеры

Наровский договор 1448 г. Этот договор заключен от имени степенного посадника Афанасия Остафьевича пятью посадниками: Самсоном Ивановичем, Дмитрием Васильевичем, Иваном Лукиничем, Есифом Андреевичем и Богданом Есифовичем ¹.

Яжелбицкий договор 1456 г. заключен от имени степенного посадника Ивана Лукинича тремя посадниками: Григорием Даниловичем, Федором Яковлевичем и Василием Степановичем; двумя тысяцкими: Яковом Ивановичем и Василием Пантелеевичем; пятью жителями: Офонасом Микуличем, Иваном Юрьевичем, Яковом Ивановичем, Еремеем Кузьмичем, Василием Захарьиничем ².

Здесь пять представителей от бояр и пять от жителей. Посадников только три, что вполне закономерно, так как за несколько дней до заключения Яжелбицкого мира был убит посадник Есиф Носов и взят в плен посадник Михаил Туча, которые, по-видимому, и осуществляли бы представительство вместе с остальными тремя посадниками, не случись с ними несчастья. Их заменяют тысяцкие.

---

¹ ГВНП. С. 119—124, № 73.

² Там же. С. 39—44, № 22—24.

Коростынский договор 1471 г. заключен от имени степенного посадника Тимофея Остафьевича пятью посадниками: Иваном Лукиничем, Яковом Александровичем, Феофилом Захарьиничем, Лукой Федоровичем, Иваном Васильевичем и пятью жителями: Лукой Остафьевичем, Александром Климентьевичем, Федором Иевlichem, Окином Васильевичем, Дмитрием Михайловичем ³.

Переговоры Новгорода с Иваном III в конце 1477 — начале 1478 г. велись от имени степенного посадника Фомы Андреевича Курятника пятью посадниками: Яковом Александровичем Коробом, Феофилом Захарьиничем, Лукой Федоровичем, Яковом Федоровичем, Лукой Исаковичем Полинарьиным и пятью жителями: Александром Клементьевым, Евфимием Медниковым, Григорием Киприяновичем Арзубьевым, Филиппом Килским и Яковом Царевичевым купцом. Позднее посольство было пополнено пятью представителями от черных, при перечислении которых летописец раскрывает значение цифры пять: «Декабря 7 прииде к великому князю владыка из Новагорода с теми же прежереченными посадники и с жителями, да с ними пять человек черных от пяти концев: от Неровскаго конца Аврам Ладоженин, а от Горньчарскаго Кривои, а от Словенскаго Захар Брех, а от Загородского Харитон, а от Плотничья Федор Лытка» ⁴.

Важное значение в этой связи имеют жалованные грамоты Соловецкому (1468 г.) и Троице-Сергиеву (1477 г.) монастырям ⁵, утвержденные печатями «изо всех пяти концов». Наконец, следует упомянуть о представительно-кончанской организации монетного чекана в Новгороде с 1447 г. («уставиша 5 денежников» ⁶).

Порядок организации высшей боярской власти и во второй половине XV в. остается внешне тождественным тому, который существовал во второй половине XIV в. Мы говорим о видимой тождественности потому, что практически в рассматриваемое время он был другим. Если в XIV в. существовало только шесть посадников, которые в своей совокупности осуществляли представительство от всего боярства, теперь, когда количество посадников значительно увеличилось, небольшая группа особо привилегированных посадников осуществляет представительство прежде всего от посадничества в целом, которое, выделив из себя правящий орган, превратилось из административной организации по существу в сословный разряд.

В связи с этими наблюдениями уместно поставить вопрос о сущности термина «старый посадник». Обычно принято считать, что этот термин прилагал-

³ Там же. С. 45—51, № 26—27.

⁴ ПСРЛ. Т. 6. С. 214.

⁵ ГВНП. С. 152—153, № 96; С. 156, № 101; Янин В.Л. Новгородские акты XII—XV вв.: Хронологический комментарий. С. 252—253, № 175; С. 344, № 345.

⁶ НПЛ. С. 426—427.

ся к тем посадникам, которые, отбыв срок степенного посадничества, в дальнейшем получали почетное звание, дававшее им право пожизненного преимущественного участия в государственных делах. Более того, термины «старый посадник» и «посадник» исследователями не различались вообще. Предполагалось, что существовал степенный посадник, а все остальные, сосуществовавшие с ним, были старыми посадниками, что приобретение посадничьего звания вообще было с самого начала сопряжено с пребыванием на степени. Мы уже видели, что далеко не все посадники на самом деле становились степенными. Термины «посадник» и «старый посадник» не идентичны уже на этом основании.

Однако можно ли полагать, что более определенный термин «старый посадник» является синонимом понятия «бывший степенный посадник»? Как это показывают наблюдения над формулами грамот и рассказами об официальных документах Новгорода, «старые посадники» составляли вполне определенный административный разряд, который называется вслед за именем степенного посадника. Иногда этот разряд обозначается другим термином: «От великого князя... от посадника новгородского... от тысяцкого новгородского... от всех болших в Новгороде»⁷. Напомним, что посадник Михаил Туча назван в летописи «посадником их болшим». Весьма интересной представляется терминология летописи в рассказе 1469 г.: «Тои же зимы путешествова господин наш архиепископ Великого Новагорода и Пскова владыка Иона в свой город Псков, к своим детям к меньшим, брату Великого Новагорода, на своя старины и пошлыны; а с ним от старейших посадник Лука Федоровичь, сын посадничь»⁸.

Вполне очевидно, что если термин «старый» сам по себе двусмыслен и может быть истолкован разными способами, то в редакции рассказа 1469 г. он этой двусмысленности лишен. И. И. Срезневский к слову «старый» дает следующие толкования: «достигший преклонного возраста», «старший по возрасту», «почтенный», «прежний», «старинный», «древний», «прежний (первый)», а к слову «старей(ший)» — «старший по возрасту», «исконный», «старший по значению, первенствующий», «главный, начальствующий», «владычественный», «знатный»⁹. Мы видим, что большинство толкований говорит в пользу административного значения термина, связанного с существованием особой группы «первенствующих», или «главных», или «больших» посадников, наличие которой прослеживается в документах¹⁰.

⁷ ГВНП. С. 97, № 59.

⁸ ПСРЛ. Т. 16. Стб. 223.

⁹ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 3. С. 498—502.

¹⁰ Допуская тождество понятий «старый посадник» и «главный кончанский представитель», мы обращаем внимание на то, что, несомненно, именно последний в источниках называется «кончанским старостой».

Если термин «старый посадник» выражает понятие «первенствующий» или «главный», то и возникнуть он должен был не только для противопоставления термину «степенный посадник», но и для противопоставления термину «посадник», лишенному каких-либо иерархических эпитетов. Иными словами, существование термина «старый посадник» в этом случае невозможно в период более ранний, нежели время реформ 1410-х гг., когда состав посадничества резко расширился. Только тогда стало возможным выделение привилегированной группы «старых посадников» из общей категории лиц, носящих посадничий титул. В самом деле, термин «старый посадник», постоянно встречающийся на страницах документов и летописных текстов XV в., впервые может быть отмечен только в договорной грамоте Новгорода с ганзейскими городами 1423 г.¹¹

В связи с существованием особой группы из шести главных посадников, представлявших концы Новгорода и одновременно весь Новгород значительный интерес приобретает широко известное место из жития Савватия и Зосимы, соловецких чудотворцев. Житие, принадлежащее к числу повестей о конце Новгорода, содержит типичный для этих сказаний мотив пророчествования о грядущей гибели Новгорода. В нем рассказывается, как Зосима на пиру у Марфы Посадницы трижды узрел страшное видение: перед ним сидели шестеро обезглавленных бояр. «С ними сбудется это в свое время», — предрек Зосима. Исследователи связывают эту легенду с именами новгородцев, казненных после Шелонской битвы¹². Однако легко установить, что к событиям 1471 г. она не имеет прямого отношения. После Шелонской битвы были обезглавлены не шесть, а четыре человека: два посадника — Дмитрий Исакович Борецкий и Василий Селезнев — и два житых — Киприан Арзубьев и Еремей Сухощок¹³. Если бы составитель легенды задался целью связать ее с результатами событий 1471 г., он ограничил бы число бояр, явившихся Зосиме обезглавленными. Не следует ли усматривать в этой легенде символ: шесть обезглавленных бояр — это шесть посадников, образующих главный представительный орган боярской власти и олицетворяющий Новгородское государство?

---

¹¹ ГВНП. С. 103, № 62. Отметим, что в псковских источниках «старые посадники» начинают упоминаться в близкое время («Послания митрополита Фотия в Псков 1422—1427 гг.» — Казакова Н. А., Лурье Я. С. Указ. соч. Приложения, № 4—6. С. 247—255). Мы не придаем значения посланию Фотия от 23 сентября 1416 г. (Там же. № 3. С. 243—247), в котором упоминаются «старые посадники», поскольку начальная формула этого послания, несомненно, редактировалась в позднейшее время (в ней, например, упоминаются тысяцкие, которых в Пскове никогда не было).

¹² Буслаев Ф. Новгород и Москва: Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т. 2. СПб., 1861. С. 270 и сл.

¹³ ПСРЛ. Т. 6. С. 12, 193; Т. 8. С. 166.

Мы видим, что сакраментальное число шесть продолжает оставаться неизменным вплоть до присоединения Новгорода к Москве. Вместе с тем, если во второй половине XIV — начале XV в. это число соответствовало равному представительству от пяти концов, к которому было добавлено представительство шестого — степенного — посадника от «всего Новгорода», то в 1410-х гг., когда число сосуществующих посадников было доведено до девяти, а затем до семнадцати, принцип равенства концов в представительстве был нарушен. Напомним, что в начале 1410-х гг. Славенский конец представляли три посадника, Плотницкий — один посадник, Неревский — два посадника, Людин и Загородский вместе — три посадника. В середине того же десятилетия, когда нормы представительства были удвоены, от Славенского конца избиралось шесть посадников, от Плотницкого — два посадника, от Неревского — четыре посадника, от Людина и Загородского — по три посадника.

Нормы представительства, введенные реформой конца 1410-х гг., установить пока не удалось. Однако некоторые документы позволяют утверждать, что в последующее время в распределении норм представительства произошли существенные изменения. В этой связи исключительно важным представляется нам сфрагистическое показание второй половины XV в., вытекающее из сравнения легенд кончанских печатей этого времени.

В настоящее время известны две полные и одна неполная серия таких печатей, сохранившиеся при подлинных грамотах ¹⁴, и несколько экземпляров, найденных в земле при случайных обстоятельствах. Ниже каждая серия описана отдельно, в хронологическом порядке, чтобы показать эволюцию в их оформлении (рис. 8).

1. Печати жалованной грамоты Великого Новгорода Троице-Сергиеву монастырю 1450 г.

1. Печать Людина конца

Л. с. Надпись в три строки:

**ПЕЧАТЬ
ЛЮДИНА
КОНЦА**

О. с. Изображение воина в полный рост, с копьем и щитом. Вокруг точечный ободок.

¹⁴ ГВНП. С. 150—152, № 95, 96; С. 155—156, № 101. Относительно последней грамоты в издании отмечено, что при ней вообще не сохранилось печатей, хотя имеются следы прикрепления восьми булл. Однако еще в 1910-х гг. при акте сохранялись три печати, изученные и сфотографированные Н. П. Лихачевым. Некоторое уточнение дат этих грамот см.: Янин В. Л. Новгородские акты XII—XV вв.: Хронологический комментарий. С. 252—253, № 175; С. 344, № 345.

Рис. 8. Печати новгородских концов

Д. — 29—35 мм. Изд. — АПДР. Т. 2. С. 229, № 758-2.

2. Печать Неревского конца

Л. с. Надпись в четыре строки:

ІЄ
СТГО
ННКОЛ
Ы:

О. с. Поясное изображение св. Николая; по сторонам: **НИ** **К**

Д. — 29—32 мм. Изд. — АПДР. Т. 2. С. 230—231, № 763.

3. Печать Загородского конца

Л. с. Надпись в четыре строки:

СТГОНН
КОЛЫВЗА
ГОРОДСКО
ЫКОИ ЧИ

О. с. Поясное изображение св. Николая; по сторонам: **ГО** **НИ**

НО
С

КО
Л

Д. — 29—31 мм. Изд. — АПДР. Т. 2. С. 230, № 762-2.

4. Печать Плотницкого конца

Л. с. Процветший шестиконечный крест;

по краю, между двумя точечными ободками, надпись:

ПЕЧАТЬ
ПЛОТНИЧЬЕ
КОНО

О. с. Изображение Богоматери «Деисусной», вправо; нимб украшен арабесками; по сторонам зеркально: МР ОУ. Вокруг точечный ободок.

Д. — 32 мм. Изд. — АПДР. Т. 2. С. 230, № 760-1.

5. Печать Славенского конца

Л. с. Восьмиконечный крест на подножии;

вокруг надпись:

СЛАВЕНСКО
ПЕЧАТЬ
КОНО

По краю точечный ободок.

О. с. Поясное изображение св. Павла Исповедника;

по сторонам:

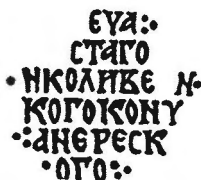
Вокруг точечный ободок.

Д. — 30—33 мм. Изд. — АПДР. Т. 2. С. 229, № 759-1.

II. Печати жалованной грамоты Великого Новгорода Соловецкому монастырю 1468 г.

1. Печать Неревского конца

Л. с. Надпись в шесть строк:

Вокруг точечный ободок.

О. с. Изображение св. Николая в полный рост; по сторонам кресты и орнаментальные точки; вокруг точечный ободок.

Д. — 32—34 мм. Изд. — АПДР. Т. 2. С. 231, № 764-2.

Следующие далее печати Славенского, Людина и Загородского концов оттиснуты теми же матрицами, что и аналогичные печати грамоты 1450 г. Печать Плотницкого конца — иного варианта.

Л. с. Восьмиконечный крест на подножии.

По сторонам вокруг:

О. с. Поясное изображение богоматери вправо.

Д. — 35 мм. Изд. — АПДР. Т. 2. С. 231, № 761.

III. Печати жалованной грамоты Великого Новгорода Троице-Сергиеву монастырю 1477 г.

При грамоте в 1910-х гг. сохранялись печати Неревского и Людина концов. Первая оттиснута теми же матрицами, что и аналогичная печать при грамоте 1468 г.¹⁵ Вторая — теми же матрицами, что и аналогичные печати при грамотах 1450 и 1468 гг.

¹⁵ Лишь «Онтоновская» (Плотницкая) печать здесь в другом варианте, но не имеющем принципиальных отличий.

Известны еще две кончанские печати из случайных находок в Новгороде — плотницкая и загородская¹⁶; обе они оттиснуты уже известными нам матрицами, аналогичными тем, которые были использованы для печатей 1450 и 1468 гг.

Мы видим, что кончанские печати Новгорода на протяжении второй половины XV в. вплоть до падения Новгорода сохраняют неизменными не только свой тип, но и матрицы. Единственное исключение составляет печать Неревского конца, которая в 50-х или 60-х гг. XV в., во всяком случае после 1450 г. и ранее 1468 г., сменяет свой тип для того, чтобы ввести в наименование конца эпитет «Великий», выделяющей ее из всего круга кончанских булл.

Возможно, это обстоятельство и не заслуживало бы серьезного внимания, если бы не существование еще одного ряда свидетельств о приобретении Неревским концом в XV в. особого положения. В 1898 г. А. И. Никольский опубликовал синодальную рукопись о распределении новгородских церквей по семи соборам, датированную рубежом XV—XVI вв. (формальные хронологические рамки документа 1463—1508 гг.)¹⁷. К этому времени в Новгороде существовало семь градных соборных церквей, к которым были приписаны все остальные храмы. В число соборов входили: Софийский в Околотке, церковь Михаила архангела на Прусской улице, церковь св. Власия на Власовской улице, церковь Сорока мучеников на Щерковой улице, церковь св. Иакова на Яковлевой улице, церковь Рождества св. Иоанна Предтечи на Опоках, церковь Успения Богородицы на Козьей Бородке. В более раннее время существование семисоборного деления прослеживается в 1485 г. в грамоте архиепископа Геннадия¹⁸, в 1477 г., когда семь соборов упоминаются архиепископом Феофилом во время переговоров с Иваном III в Сытине¹⁹. Первое упоминание семи соборов в летописном рассказе относится к 1417 г.: во время анастасьинского мора «владыка Семеон с всею седмию сборов и с крестианы, со кресты обходи около всего Великаго Новагорода, молися Богу и Пречистей его Матери о престатыи гнева Божия»²⁰.

¹⁶ Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси. Т. 2. С. 230, № 760-2, 762-1.

¹⁷ Никольский А. Описание семи новгородских соборов по списку XVI в. // Вестник археологии и истории. СПб., 1898. Вып. 10. С. 79—81; Янин В. Л. «Семисоборная роспись» Новгорода // Средневековая Русь. М., 1976. С. 108—117; Андреев В. Ф. Новый список «Семисоборной росписи» Новгорода // Новгородский исторический сборник. Л., 1989. Вып. 3 (13). С. 219—223.

¹⁸ Макарий. Указ. соч. Ч. 1. С. 34.

¹⁹ Там же.

²⁰ НПЛ. С. 408. В 1386 г. в составе новгородского посольства к Дмитрию Донскому был архиепископ Алексей, «а с ним два архимандрита, да 7 попов, да 5 человек житейских, с конца по человеку» (ПСРЛ. Т. 11. С. 89). Не исключено, что здесь имеется в виду также семисоборное представительство.

О соборном делении Новгорода писал еще Макарий, путая, правда, Михайловскую церковь на Прусской улице с одноименным храмом на Торговой стороне ²¹.

Сравнение показаний Синодальной рукописи с Нарядной росписью новгородских улиц 1623 г. ²² наглядно показывает, что организация распределения новгородских церквей по соборам была в своей основе кончанской. Произведем это сопоставление.

К собору Власия на Власовской улице приписаны церкви, стоящие на Власовской, Добрыне ²³, Ерышеве, Черницыной, Редятиной и Лукиной улицах. Все эти улицы, за исключением Ерышевой, в Описи 1623 г. показаны в Людином конце. Ерышева улица в Описи 1623 г. не обозначена.

К собору Михаила на Прусской улице приписаны церкви, стоящие на Прусской, Добрыне ²⁴, Роговке, Чудинцевой, Легощей ²⁵ улицах, а также церковь Собора архангела Гавриила на Фрековой улице. В Нарядной описи 1623 г. Чудинцева и Прусская улицы показаны в Загородском конце, Добрыня улица — в Людином конце, а Фрековский переулок — в Неревском конце. Расхождения между «Семисоборной росписью» и Описью 1623 г. касаются пограничных улиц Загородского конца. Мы уже видели, что если церковь св. Якова на Добрыне улице приписана к Михайловскому собору вместе с храмами Загородского конца, то церковь Образа, стоящая на той же улице, входит в подчинение собору св. Власия вместе с многочисленными храмами Людина конца. Что касается Легощей улицы и примыкающего к ней Фрековского переулка, церкви которых подчинены Михайловскому собору на Прусской улице, а сами эти улицы Описью 1623 г. показаны в Неревском конце, то летописные указания позволяют относить к Загородью ближайший к валу конец Легощей улицы. Так, под 1398 г. в летописи отмечена совместная постройка монастыря жителями Чудинцевой улицы и конца Легощей улицы ²⁶. В описании пожара 1407 г. Легоща улица выделена из Неревского конца: «Погоре Неревьскыи конець до города и святаа Софея огоре вся и двор владычень и Людгоща улица» ²⁷.

²¹ Макарий. Указ. соч. Ч. 1. С. 33—36.

²² Муравьев Н. Н. Описание древней новгородской серебряной гривны и ее рублей. М., 1826. План Новгорода.

²³ «А на Добрыне улице Спас святой Образ».

²⁴ «Да Яков святой брат Господень на Добрыне улице».

²⁵ «На Легощи улице Фрол святой, а на полатех Кир Иван».

²⁶ НПЛ. С. 383, 393, 460, 462. «И поставиша монастырь нов святого Николу конець Люгощи улице и Чудинцеве на скудельници», «Постави Михаил Крупа церковь камени святого Николы конець Лугощи и Чуденцеве улице». Эта церковь в «Соборной росписи» существует в виде придела на полатех церкви Гавриила на Фрековой улице.

²⁷ НПЛ. С. 399—400.

К собору Сорока мучеников на Щеркове улице приписаны церкви, стоящие на Щеркове, Разваже и Яневе улицах. Все эти улицы в Описи 1623 г. показаны в Неревском конце.

К собору Якова на Яковлевой улице приписаны церкви, стоящие на Яковлеве, Даньславле, Борковой и Холопьеи улицах. Все эти улицы в Описи 1623 г. показаны в Неревском конце.

К собору св. Иоанна на Опоках приписаны церкви, стоящие на Лубянице, Лубянке, Иворовой, Рогатице, Славковой, Федоровой, Никитиной, Молотковской, Михайлице, Щитной и Конюховой улицах. Все эти улицы, за исключением Лубянки, Лубяницы и Рогатицы, в Описи 1623 г. показаны в Плотницком конце. Лубянка, Лубяница и Рогатица в этой описи отнесены к Славенскому концу, но и в этом случае речь идет о пограничных улицах двух концов. Еще в начале XV в. положение именно этих улиц было несколько неопределенным, о чем можно судить по описанию пожара 1403 г.: «Погоре Плотничьский конец до Славкове улицы, а Рогатица до Еупатия святого, а Лубяница до святого Луки, а Славенский весь конец»²⁸. Отметим, что соборная церковь Плотницкого конца создается на самом пограничье со Славенским концом, на территории, которая могла быть спорной (церковь св. Иоанна на Опоках находится в районе Рогатицы).

К собору Успенья на Козьей Бородке приписаны церкви, стоящие на Ильинской улице, на Ярославовом дворище, у Немецкого двора, на Михайловой, Нутной, Варяжской улицах и просто «в Славенском конце». В Описи 1623 г. все эти улицы показаны в Славенском конце.

Наконец, в соборный участок св. Софии входят все храмы северной половины Детинца, в том числе и Владычного двора.

Отождествление соборных участков с концами позволяет обнаружить, что, в отличие от всех остальных концов, Неревский конец объединяет в себе два соборных участка; в нем не одна, а две соборные церкви, что само по себе выделяет его, объясняя казавшуюся странной надпись на неревской печати.

Приобретение Неревским концом привилегированного положения заставляет предполагать и перераспределение норм представительства, возникновение такого порядка, при котором повышенное представительство принадлежало Неревскому концу.

Поскольку кончанское представительство составляло основу структуры новгородского посадничества, нам в этой связи следует особенно внимательно приглядеться к тем летописным рассказам, которые излагают правительственные действия, связанные с боярским представительством в общегосударственных предприятиях. Одним из таких действий является встреча Ивана III в ноябре 1475 г., проведенная в соответствии со сложным церемониалом. В основу изла-

²⁸ НПЛ. С. 397.

гаемых ниже рассуждений положены наблюдения над общим количеством групп, встречавших Ивана III новгородцев. Таких групп мы насчитываем 10, причем одна из них является общеновгородской; в ней участвуют степенные посадник и тысяцкий, архиепископ, служилый новгородский князь Василий Шуйский, юрьевский архимандрит, игумены, казначей и духовник. Логично предположить, что эти 10 групп осуществляют пятикончанское представительство, по две группы от каждого конца.

Для того чтобы проверить это предположение, следует на предлагаемую ниже таблицу (см. табл. 11), в которой сгруппированы по разрядам участники встреч, наложить все доступные сведения о территориальной принадлежности названных в ней бояр и житых.

Первое, что обращает на себя внимание при рассмотрении таблицы, — заметно увеличившееся число посадников. Их количество в рассказе о встрече Ивана III достигает 34. Часть этих посадников уже титуловалась к началу 1460-х гг. и фигурирует в перечне посадников Уваровской летописи; другие избирались уже в 60-х и первой половине 70-х гг. Рассмотрим сведения об их территориальной принадлежности.

Не имея возможности локализовать по концам представителей внутренне монолитной прусско-плотницкой группировки бояр (Людин, Загородский и Плотницкий концы), мы все же можем предпринять их общую, принципиальную привязку к указанной группировке.

Существенной опорой при этом служат реликтовые указания прежних (времен новгородской независимости) владельцев некоторых садовых и огородных участков на Софийской стороне в Лавочной книге Новгорода 1583 г. В ней в Людином и Загородском концах обозначены бывшие владения Тучиных и Овиных²⁹. Известно также, что Федор Яковлевич был жителем Добрыни улицы³⁰, Есиф Григорьевич жил в Загородском конце³¹, а ближайший родственник Василия Глазоемцева Федор Окинфович Глазоемцев — на Рогатице в Плотницком конце³². Эти сведения позволяют отнести к прусско-плотницкой группировке Захарию Григорьевича Овина, его брата Кузьму Григорьевича, Богдана Есифовича Носова, Василия Глазоемцева. К ней же относятся и остальные Овины, избранные позднее: Василий Кузьминич, Захария и Иван Захарьиничи, а также сыновья посадника Федора Яковлевича — Яков и Лука Федоровичи, сын посадника Михаила Тучи — Григорий Михайлович Тучин, Федор Глазоемцев, сын Есифа Григорьевича — Микита Есифович. Лавочная книга 1583 г. называет былыми жителями Людина и Загородского

²⁹ Лавочные книги Новгорода Великого 1583 г. С. 170—171.

³⁰ ПСРЛ. Т. 16. Стб. 211.

³¹ Там же. Стб. 214.

³² ГВНП. С. 179—181, № 122.

концов Фефилатьевых, Норовых и Кузьминых, а также Фому³³; это значит, что к прусско-плотницкому боярству принадлежали также Феофиласт Захарыинич, его сын Кузьма, зять Захарии Овина — Иван Кузьминич и Фома Андреевич Курятник. Всего, таким образом, мы насчитываем 16 прусско-плотницких посадников.

К Славенскому концу из числа давно избранных посадников относились Иван Васильевич Немир-Шенкурский (сын Василия Степановича) и Афанасий Остафьевич Груз³⁴, а следовательно, к тому же концу надо отнести также всех Грузовых: братьев Афанасия Остафьевича — Тимофея и Кузьму Остафьевичей, сына Афанасия Груза — Микиту Афанасьевича, сына Кузьмы Остафьевича — Тимофея Кузьминича. К славенскому боярству принадлежали также известный на посадничестве с 1459 г. Иван Афанасьевич и его сын Олферий, территориальная принадлежность которых фиксирована духовной Федора Остафьевича, также бывшего славенским посадником, как это видно из dokonчания Славенского конца с Иваном Губаревым; упомянутая духовная³⁵ указывает место жительства Ивана Афанасьевича на Нутной улице Славенского конца. Всего, таким образом, здесь насчитывается восемь славенских посадников.

Та же Лавочная книга называет в Неревском конце владения Казимера и Самсоновых³⁶, что позволяет отнести к неревскому боярству Александра Самсоновича, Василия Александровича Казимира и его брата Якова Александровича Короба, но также Семена Федоровича — племянника Александра Самсоновича. Там же Лавочная книга называет Селезневых. В ту же группу входят Казимировы сестричичи Григорий и Иван Михайловичи. В отписных и отборочных книгах 1535—1540 гг. указано место жительства Василия Ананьевича и Кирилла Яковлевича на Яневе улице, т. е. в Неревском конце³⁷. Всего мы насчитываем девять неревских посадников.

Нелокализованным остался Микита Федорович. Предпринятые территориальные привязки устанавливают наличие в посадничестве 16 прусско-плотницких, восемь славенских и девять неревских бояр. Следует оговориться, что у нас нет уверенности в том, что во встречах Ивана III принимали участие все без исключения посадники 1475 г. Кто-то из них мог быть болен или находиться в отъезде. Относительно нелокализованных бояр попытаемся предпринять возможные уточнения.

³³ Лавочные книги Новгорода Великого 1583 г. С. 170—171.

³⁴ См. материалы по генеалогии Грузовых и Шенкурских: *Янин В. Л.* Новгородская феодальная вотчина: Историко-генеалогическое исследование. С. 58—117 («Шенкурские акты» и один из боярских кланов Славенского конца).

³⁵ ГВНП. С. 169—171, № 111.

³⁶ Лавочные книги Новгорода Великого 1583 г. С. 174.

³⁷ Писцовые книги Новгородской земли. Т. 1. М., 1999. С. 369.

Таблица 11

Участники встречи Ивана III в 1475 г.

	<i>Посадники</i>	<i>Тысяцкие</i>	<i>Дети посадничьи и бояре</i>	<i>Житьи</i>	<i>Прочие лица</i>
I 15.XI	Феофилат Захарьин Яков Федоров Козма Феофилатов			Ульян Плюснин Федор Иевль Матвей Деревяшкин	
II 16.XI	Василий Казимир Яков Короб Лука Федоров Григорий Михайлов Иван Михайлов Григорий Тучин Богдан Есифов Олферий Офонасов	Матфей Селезнев Андрей Исаков	Иван Кузьмин Савелков Иван Секирин	Алексей Квашнин Василий Болахша	
III 17.XI	Захар Овин Козма Овин Иван Кузьмин Захар Захарьин Иван Захарьин Василий Кузьмин	Михаил Берденев	Григорий Михайлов		
IV 17.XI	Офонас Груз Тимофей Грузов Иван Шенкурской Никита Офонасов Козма Грузов Тимофей Кузьмин	Павел Телятев Матфей	Федор Телятев	Иван Костянтинов	

V 17.XI	Никита Есифов Семен Федоров	Есиф Максимов	Федор Семенов	Окинф Васильевич Костянтин Колестнишын Федор Лотошков Павел Федоров Григорий Федоров	Назар, подвойский
VI 17.XI	Александр Самсонов		Юрий Иванов Иван Есифов	Иван Дмитриев Юрий Маринин Мартемьян Божин	
VII 18.XI	Василий Ананьин Иван Офонасов Кирилл Яковлев	Василий Есифов	Василий Никифоров Исак Семенов		Феофил, архиепископ В. В. Шуйский, князь Феодосий, архимандрит Нафанаил, игумен Варлам, игумен Сергей, казначей Евфимий, духовник
VIII 18.XI	Василий Глазоемцев	Родион Норов	Кирилл Иванович Макарьев Михаил Иванович Макарьев Микифор Хмелев Самойло Деревяшкин Алексей Скокухин Микифор Степанов Александр Клементьев Иван Офремов Михайло Богуславль Никита Григорьев		Василий Онфимов, Подвойский

			Матфей Костянтинов Домажиров Василий Филиппов Лука Полинарьин Василий Полинарьин Киприян Григорьев Иван Ананьин Александр Лукин Сляковых		
IX 19.XI			Моисей Федоров Лука Офонасов Костянтин Богданович Бабкин Яким Онаньин Дементий Андреев Емецкий		
X 20.XI	Фома Андреевич Федор Глазоемцев Яков Слижень Никита Федоров	Олферий Михайлов	Никита Кириллов Климентий Филиппов Савел Семенов Лука Остафьев Матфей Онаньин Захарья Григорьев	Степан Железцов Фалелей Остафьев	Ивашко Обакумов, староста Городищенский

После великокняжеских расправ конца ноября 1475 г. новгородские бояре дают в честь Ивана III двенадцать пиров, которые, очевидно, были паритетно-представительными. В числе хозяев этих пиров нет степенного посадника Василия Ананьича, который в ноябре был арестован великим князем и увезен в Москву. Пир даны следующими лицами:

1. 15 декабря	—	Василием Александровичем Казимиром
2. 16 декабря	—	Захарией Григорьевичем Овиным
3. 19 декабря	—	тысяцким Василием Есифовичем
4. 21 декабря	—	Яковом Александровичем Коробом
5. 23 декабря	—	Лукой Федоровичем
6. 30 декабря	—	Феофилом Захарьиничем
7. 1 января	—	Яковом Федоровичем
8. 2 января	—	Афанасием Остафьевичем Грузом
9. 3 января	—	Лукой и Василием Исаковичами Полинарьиничами
10. 4 января	—	Александром Самсоновичем
11. 6 января	—	Фомой Андреевичем Курятником
12. 14 января	—	Кузьмой Григорьевичем.

Из этих двенадцати пиров на долю прусско-плотницкой группировки приходится шесть (2, 5, 6, 7, 11, 12), на долю неревского боярства — три (1, 4, 10). Что касается славенского боярства, то к нему, как показано выше, принадлежал Афанасий Остафьевич Груз (8-й пир). Исходя из паритетно-представительного принципа, логично думать, что и хозяева 3-го и 9-го пиров были боярами Славенского конца, но коль скоро Лука и Василий Исаковичи Полинарьины посадниками тогда не были, им выпало заменить изъятых из представительских акций степенного посадника Василия Ананьича, также, следовательно, славенского боярина. Такое предположение подтверждается.

Дело в том, что при формировании делегации Новгорода на последние переговоры с Иваном III в декабре 1477 — январе 1478 г. был соблюден принцип пятикончанского представительства. Как уже отмечено, в делегацию входили пять посадников, пять житых и пять черных «от пяти концов». В посаднической части делегации участвовали Яков Короб, Феофиласт Захарьинич, Лука и Яков Федоровичи, Лука Исакович Полинарьин. Как мы уже знаем, Яков Короб представлял Неревский конец, Феофиласт Захарьинич, Лука и Яков Федоровичи принадлежали к прусско-плотницкой группировке (Людин, Загородский и Плотницкий концы); на долю Полинарьина, который к тому времени стал посадником, остается Славенский конец.

Почти достоверно можно говорить о неревской принадлежности Кирилла Яковлевича. В Лавочной книге 1583 г. при описании былой принадлежности садов Яневского заполья Неревского конца называется «огород с садом Кири-

ловской Иовлева посаднич»³⁸. Нет ли в обозначении этого небывалого посадника, дожившего до боярского вывода, но никак не отразившегося в писцовых книгах, элементарной описки — «Иовлева» вместо «И(ак)овлева»?

Для решения вопроса о территориальной принадлежности посадника Микиты Федоровича у нас нет необходимых материалов. Однако, подытоживая результаты уже сделанных привязок, можно говорить о единовременном существовании 16 посадников прусско-плотницкой группы, девяти славенских, девяти неревских посадников и одного, чья принадлежность не установлена. Идеальной пропорцией при наличии такого расклада будет наличие 36 единовременных посадников при следующих нормах кончанского представительства: 18 прусско-плотницких бояр (по шесть от Людина, Загородского и Плотницкого концов), девять славенских и девять неревских посадников, что уравнивало бы прусско-плотницкую группировку с противостоящими ей Славенским и Неревским концами.

Обратим внимание на одно немаловажное обстоятельство, свидетельствующее о том, что прусско-плотницкая боярская группировка к концу новгородской независимости не только утратила свою монолитность, но и продемонстрировала существенное противостояние Плотницкого конца и Прусской улицы. Это наблюдение основывается на летописном рассказе о жалобах, поданных Ивану III:

«Ноября 25, в субботу, били челом великому князю, пришед на Городище, мнози новгородци, две улицы Славкова да Микитина, на бояр на новгородских, на посадника степенного Василья Онаньи́на, на Богдана Есипова, на Федора Исакова, на Матфея Селезнева, на Якова Селезнева, на Ондreja Телятева Исакова, на Луку Офонасова, на Костянтина на Бабкина, на Олексея Квашнина, на Василья Тютрюма, на Василья на Бахшу, на Ефима на Ревшина, на Григорья на Кошюркина, и на Офимьины люди Горошкова, и на сына ее Ивана, на Ивановы люди Савелкова, что наехав те со многими людьми на те две улицы, людей переграбили и перебили, животов людских на тысячу рублей взяли, а людей многих до смерти перебили. И того же дни били челом великому князю бояре Лука да Василей Исаковы дети Полинарьи́ны на Богдана на Есипова, на Василья на Микифорова, на Панфила на старосту Федоровские улицы, что наехав на их двор людей у них перебили, а животы разграбили, а взяли на 500 рублей»³⁹.

Обе жалобы касаются одного и того же дела, на что указывают совпадения в именах обвиненных новгородских бояр. Разграбление Славковой и Никитиной улиц Плотницкого конца и славенских бояр Полинарьи́ных организовано большой группой бояр и житых, которым как-то помог староста Федоровской ули-

³⁸ Лавочные книги Новгорода Великого 1583 г. С. 173.

³⁹ ПСРЛ. Т. 6. С. 202—203.

цы, находящейся между Никитиной и Славковой улицами. Мы обращаем внимание на положение Федоровской улицы потому, что, являясь базой для нападавших, она показывает, откуда было совершено нападение на эти улицы Плотницкого конца, а заодно и на славенских бояр. В устье Федоровского ручья, по берегу которого проходила одноименная улица, удобно было высадиться с ладей находящегося напротив него Неревского конца.

И действительно, в числе нападавших легко опознаются живший в Неревском конце Федор Исакович Борецкий по прозвищу Дурень и живший в Загородском конце Богдан Есифович Носов. Включение в число обвиненных славенского боярина Василия Ананьича не содержит указания на его территориальную принадлежность: он, надо думать, оказался в числе ответчиков как степенный посадник, не обеспечивший должного порядка.

Заметим также два многозначительных обстоятельства. В четвертой встрече участвуют только славенские посадники. А в третьей встрече — только «пруско-плотницкие» бояре, причем среди последних нет ни одного участника нападения на Никитину и Славкову улицу. Действующие лица этого нападения концентрируются в основном среди участников второй встречи (Богдан Есифов, Матфей Селезнев, Иван Савелков, Алексей Квашнин, Василий Б(ол)ахша). Из этого обстоятельства возможен следующий вывод. Участниками третьей встречи (Захарья Овин, Козма Овин, Иван Кузьмин, Захарья и Иван Захарьиничи, Василий Кузьмин) были бояре Людина конца, тогда как нападение было организовано боярством Загородского и Неревского концов.

Коль скоро участников третьей встречи, перевязанных к тому же тесными родственными отношениями, было шестеро, тем самым подтверждается изложенный выше вывод о сущности кончанско-представительной структуры новгородского посадничества в последний период независимости. Если Славенский и Неревский концы были представлены каждый девятью посадниками, то Людин, Загородский и Плотницкий конец обладали каждый представительством из шести посадников, чем достигнут баланс противостояния традиционной прусско-плотницкой группировки (18 посадников), с одной стороны, группировкам Неревского и Славенского концов ($9 + 9 = 18$ посадников).

Выше уже обращено внимание на наименование Неревского конца в третьей четверти XV в. «Великим» на его кончанских буллах. Такой же титул усвоен Славенским концом в грамоте Саввино-Вишерскому монастырю: «Покончаша промежу себя посадники Великого конца Славенского, и бояре, и житьи люди, и весь Великий конец Славенский...»⁴⁰. Мы видим, что особое положение этих двух новгородских концов соответствует повышенному представительству их боярства в главном правящем органе.

⁴⁰ ГВНП. С. 148, № 91.

К какому времени возможно отнести возникновение той схемы организации посадничества, которая оказалась последней в истории независимого Новгорода? Ответ на этот вопрос возможно получить, анализируя состав и количество посадников Славенского конца в момент заключения им докончания с Иваном Васильевичем Губиным-Сокириным 1460-х гг.⁴¹ Эта грамота называет восемь славенских посадников: Ивана Максимовича, Василия Степановича, Федора Остафьевича, Мину Власьевича, Ивана Тимофеевича, Юрия Терентьевича, Василия Терентьевича, Василия Ивановича. Из них только два первых имеются в перечне посадников Уваровской летописи, будучи избранными еще в 1440-х гг. Кое-что известно об Иване Тимофеевиче. Он был братом Александра Тимофеевича⁴², а последний был внуком Дмитрия Васильевича Глухова: в Толвуге зафиксирована «волостка Федоровская Остафьева сына Глухова, вопчая с Олександром была с Тимофеевым по половинам»⁴³. Можно с уверенностью утверждать, что в момент составления этой грамоты существовало еще двое славенских посадников — Афанасий Остафьевич Груз, который был степенным в 1448 г. и дожил по крайней мере до 1476 г., и Иван Офанасьевич.

Таким образом, фиксируется существование десяти славенских посадников тогда, когда составлялось докончание с Иваном Губаревым. Поэтому следует внимательно рассмотреть вопрос о его дате и о дате тесно связанной с ним подтвердительной грамоты Славенского конца Саввино-Вишерскому монастырю⁴⁴.

Принятая в «Грамотах Великого Новгорода и Пскова» для Подтвердительной грамоты дата — «не позднее 1417 г.» — основана на том, что упомянутый в ней посадник Иван Александрович умер в указанном году. Эта датировка абсолютно неприемлема. Грамота в действительности является подтвердительной относительно прежнего дарения, которое было некогда сделано посадниками Федором Тимофеевичем, умершим в 1421 г., и Иваном Александровичем, умершим в 1417 г., а также «старшими посадниками и тысяцкими» старцу Саве при основании им Саввино-Вишерского монастыря. Очевидно, что речь идет не о личном вкладе двух посадников, а о корпоративном, кончанском, соответственно чему эта земля обозначена как «кончанская».

Согласно его Житию, Сава основал пустынь на реке Вишере в 10 км от Новгорода в 1417 г., по благословению архиепископа Симеона (1415—1421 гг.).

⁴¹ Там же. С. 172, № 112. О датировке документа см. ниже.

⁴² Там же. С. 292—293, № 293.

⁴³ Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. Л., 1930. С. 138. Заметим также, что в одной из грамот XV в. фигурирует посадник Терентий (ГВНП. С. 264, № 253), отсутствующий в Ермолинском списке. Надо полагать, что он был отцом славенских посадников Юрия и Василия Терентьевичей.

⁴⁴ ГВНП. С. 148, № 91.

Упомянутая в грамоте церковь Вознесения была построена им в 1418 г.⁴⁵ После этого Сава прожил еще несколько десятилетий и умер в октябре 1461 г., поручив после себя игуменство Андрею. Поскольку Житие Савы, откуда заимствованы приведенные даты, и служба ему были составлены Пахомием Логофетом по поручению архиепископа Ионы, т. е. не позднее 1470 г.⁴⁶, их достоверность не вызывает сомнений.

Между тем Подтвердительная грамота адресована не Саве и даже не Андрею, а игумену Алексею, т. е. не непосредственному преемнику Савы на настоятельстве. Поэтому в любом случае документ датируется временем после 1461 г. Упоминание среди гарантов пожалования не только «св. Вознесения», но и «св. Павла» связано с тем, что монастырь св. Павла Исповедника в Славенском конце был кончанским центром, что засвидетельствовано изображением св. Павла Исповедника на приведенных выше славенских кончанских печатях при грамотах времени архиепископов Евфимия II и Ионы.

Докончальная грамота Славенского конца с Иваном Губаревым выдана одновременно с Подтвердительной грамотой, раскрывая причины породившего ее конфликта, а также необходимость выдачи Подтвердительной грамоты. Иван Губарев возбудил тяжбу о размежевании своей земли с землями, некогда отданными Саввино-Вишерскому монастырю. Особо отметим, что деревня Губарево, существующая и сейчас, находится в ближайшем соседстве с этим монастырем. Поскольку в момент дарения вотчинки Саве не было выдано ободной грамоты на монастырскую землю, славенские посадники задним числом утверждают «концальную грамоту даную», по которой и следовало произвести размежевание с владениями Ивана Губарева.

Имена славенских посадников докончальной грамоты, как уже отмечено, в других источниках не встречены за редкими исключениями, но и эти исключения фигурируют в документах с широкими датами. Однако о посаднике Василии Степановиче (Варлааме Важском) известно, что он умер в 1467 г.⁴⁷ Эта дата важна для определения времени обеих комментируемых грамот, которые не могли быть выданы ранее 1461 г. и позднее 1467 г.

Мы уже видели, что реформы, направленные к дальнейшей консолидации новгородского боярства (но развивающие эту консолидацию в олигархическую форму властвования), совершались в трудные годы испытаний прочности бо-

⁴⁵ Новгородские летописи. СПб., 1879. С. 257—258.

⁴⁶ *Ключевский В. О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 123, 156—158.

⁴⁷ *Тихомиров М. Н.* Забытые и неизвестные произведения русской письменности // Археографический ежегодник за 1960 г. М., 1961. С. 241—243; Житие преподобного Варлаама Важского. М., 1887.

ярской власти. В указанный промежуток времени (между 1461 и 1467 гг.) подобную сложную ситуацию Новгород пережил в 1463 г.: «Того же лета послаша Новгородци посол свой Олуферья Васильевича Слизина к королю в Литву о княжи возмущении еже на Великий Новьгород Ивана Васильевича, такоже и Микиту Левонтеева ко князю Ивану Ондреевичю Можайску и к князю Ивану Дмитриевичю побороть по Великом Новегороде от князя великого, а имашася побороть, како Бог изволи. И тое зимы умири Бог молитвами святыя Богородица и преподобнаго Варьлама молением за град нашъ, а бламый Бог съхраняя нас, яко зиницю ока, вели нам разумети»⁴⁸. Этим актом декларирован демонстративный разрыв с Москвой, откровенно нарушено жесткое требование Яжелбицкого договора 1456 г.: «А Великому Новугороду князя Ивана Андреевича Можанского и его детей, и князя Ивана Дмитриевича Шемякина и его детей, и его матери княгини Софьи и ее детей и зятъи Новугороду не приимати»⁴⁹. Столь решительный политический шаг не мог быть осуществлен без демонстрации нового единения боярских группировок. Именно с этой ситуацией связывается расширение посаднического корпуса, отразившееся в единовременном существовании 11 славенских посадников.

Заметим, что с очередными реформами посадничества связаны даты редактирования летописных перечней посадников. Перед реформой 1410 г., увеличившей число посадников до девяти, завершена основная часть Списка А. Перечень Списка Б завершен в 1423 г., отразив имена посадников, призванных к деятельности реформой этого года, которая увеличила число посадников до двадцати четырех. Ермолинский список доведен до конца 1450-х гг., будучи составлен перед реформой 1463 г., когда число посадников снова было расширено.

Однако это была не последняя реформа посадничества. Как мы уже видели, материалы 1475 г. отражают существование еще одного его структурного преобразования. К сожалению, наличные источники не дают возможности установить дату этого преобразования. Впрочем, не исключено, что именно с ним связано сообщение Летописи Авраамки под 1469 г.: «Возмутившимся хрестьяном о неправды в Великом Новегороде написаша грамоту и крест на ней человаша, и в ту ж неправду внидоша»⁵⁰.

ПОСАДНИЧЕСТВО XV в. КАК ОРГАН БОЯРСКОЙ ОЛИГАРХИИ

В предыдущем разделе мы старались фиксировать внимание только на тех вопросах, которые связаны с внутренней организацией посадничества, его структурой. Теперь нам надлежит перейти к характеристике посадничества как орга-

⁴⁸ ПСРЛ. Т. 16. Стб. 214.

⁴⁹ ГВНП. С. 43, № 23.

⁵⁰ ПСРЛ. Т. 16. Стб. 222—223.

на боярской власти, призванного обеспечивать интересы богатейшей части новгородского общества, органа, проводящего в жизнь политику крупнейших землевладельцев Новгорода.

Расширение числа посадников в результате реформ 1410-х и 1420-х гг. было крупным шагом в развитии боярской олигархии. Одним из наиболее существенных признаков олигархической власти является ее кастовость, другим — приобщение к государственной власти касты в целом. Наличие этих двух признаков в организации управления Новгородским государством в XV в. нам и следует установить в первую очередь.

В. Н. Бернадскому принадлежит весьма ценное исследование социальной структуры новгородского общества в XV в.⁵¹ Разделяя основные выводы этого исследования, мы можем теперь рассмотреть их с точки зрения собственных наблюдений над организацией посадничества.

Устанавливая отличия между тремя привилегированными группами новгородского общества — боярами, жителями и купцами, В. Н. Бернадский наглядно показал связь всех трех групп с землевладением, эпизодическим для купечества, которое в своей значительной части могло быть и не связано с землей, и обязательным для бояр и жителей. Наиболее трудно уловима социальная грань между боярами и жителями. Если в общей иерархии новгородских феодалов жители безусловно занимают второе место, то в размерах землевладения некоторые из них успешно соперничали с боярами. По подсчетам С. А. Таракановой, житий Василий Пантелеймонович Деревяшкин владел 88 деревнями со 154 дворами, 170 людьми и 150 обжами пахотной земли. Житий Дмитрий Матфеевич Деревяшкин владел 55 деревнями со 106 дворами, 117 людьми и 115 обжами пахотной земли. Житиему Матфею Костянтиновичу Домажирову принадлежало 65 деревень со 111 дворами, 118 людьми и 116,5 обож пахотной земли. Житиему Алексею Квашнину принадлежали 72 деревни со 128 дворами, 129 людьми и 128 обжами пахотной земли. В. Н. Бернадский, отмечая неполную сохранность писцовых книг и неполноту использования существующих данных С. А. Таракановой, указывал, что эти цифры безусловно преуменьшены. Так, кроме владений, подсчитанных С. А. Таракановой, у Матфея Домажирова была большая волостка из нескольких деревень в Бежецкой пятине⁵².

С другой стороны, во владении боярина тысяцкого Михаила Берденева, по данным сохранившихся писцовых книг, было 87 деревень со 141 двором,

---

⁵¹ *Бернадский В. Н.* Новгород и Новгородская земля, раздел «Бояре, жители люди и купцы». С. 148—177.

⁵² *Тараканова-Белкина С. А.* Боярское и монастырское землевладение в новгородских пятинах в домосковское время. М., 1939. С. 92—94; *Бернадский В. Н.* Указ. соч. С. 170.

197 людьми и 153,5 обож земли; у четырех бояр Пантелеевых — 30 деревень со 163 дворами, 212 людьми и 177 обжами земли и т. д.⁵³ Памятуя о неполноте данных и несомненном преуменьшении цифр, мы все же имеем основания говорить, что разница между боярином и житым состояла вовсе не в размерах земельных владений. В. Н. Бернадский цитирует одно из описаний писцовой книги Деревской пятины: «Селцо Честово на реце Мсте... старого дохода не было; жили в нем сами бояришки» и отождествляет этот пренебрежительный термин с понятием «житий»⁵⁴. Однако в данном случае нет какой-либо подмены терминов. В терминологии писцовой книги отразилось лишь пренебрежение писца к малому владению, не дававшему дохода. Напротив, как показывает сам В. Н. Бернадский, в глазах москвичей и в терминологии писцовых книг новгородские бояре и житы не различались вообще, будучи представителями одной и той же социальной категории.

Мы не будем подробно останавливаться на других подтверждениях экономического тождества бояр и житых. Они изложены в цитированной работе В. Н. Бернадского. Для нас более существенно выяснить различия между боярами и жителями, которые, несомненно, были строго регламентированы в новгородской практике, поскольку сами термины «боярин» и «житий» противопоставляются в источниках постоянно.

В этой связи наиболее важны показания Новгородской судной грамоты, в которой установлено взыскание за наводку «на виноватом на боярине 50 рублей, а на житем двадцать рублей, а на младшем десять рублей»⁵⁵. Этот пункт грамоты резко выделяет боярство, сближая в правовом отношении житых и младших, и позволяет сделать вывод о том, что расширение земельного владения вовсе не было основой изменения юридического положения житего. В экономической сфере последний мог максимально сближаться с боярином и даже превзойти его, однако на правовом положении житего это обстоятельство вовсе не отражалось.

Для того чтобы уточнить правовые градации новгородского общества, нам следует остановиться на одном, на наш взгляд, неверном положении, выдвинутом В. Н. Бернадским. Этот исследователь, придерживаясь мнения о том, что различия между боярами и жителями лежали в сфере юридической, несколько усложнял социальную терминологию, давая повод предполагать, что в отдельных случаях владение крупнейшими латифундиями могло вести и к изменению правового положения феодала. Мы имеем в виду замечания В. Н. Бернад-

⁵³ Тараканова-Белкина С. А. Указ. соч. С. 91—100.

⁵⁴ Бернадский В. Н. Указ. соч. С. 170; Новгородские писцовые книги. Т. 2. СПб., 1862. Стб.150.

⁵⁵ Памятники истории Великого Новгорода / Под ред. С. В. Бахрушина. С. 58.

ского о так называемых «великих» боярах и «просто» боярах. «Великими» В. Н. Бернадский считал те два десятка боярских фамилий, которые владели в общей сложности 12 508,5 обжами из общего количества 36 658 обож пахотной земли, находившейся в частном владении 1632 новгородцев. Разделяя боярство на две экономические категории, В. Н. Бернадский не оговорил того обстоятельства, что сама терминология — «великие бояре», «меньшие бояре» — заимствована им из «Устава Ярослава о судах святительских»⁵⁶, а в этом документе «великие» и «меньшие» бояре являются представителями различных в юридическом отношении групп.

Юридические градации «Устава Ярослава» очевидны и постоянны. Они предполагают существование «великих бояр», «меньших бояр», «нарочитых», или «добрых», людей и «простой чади», причем оскорбление жен великих бояр карается штрафом в 5 гривен золота, «меньших» бояр — в 1 гривну золота, нарочитых людей — в 2 гривны серебра или в 2 рубля, что практически одно и то же, простой чади — в 1 гривну серебра или в 1 рубль. Мы видим, что при некоторой разнице в пропорции штрафов между «Уставом Ярослава» и Судной грамотой главные юридические градации в этих памятниках совпадают, причем «молодшие» Судной грамоты оказываются идентичными «меньшим боярам» «Устава Ярослава», а житьи — новообразованным термином, который применяется к социальной категории, стоявшей между «меньшим» и «великим» боярством, но ближе к «меньшим». Более того, отождествляя «меньших» бояр и «молодших», мы тем самым признаем их менее привилегированным сословием, нежели житьи. Эти наблюдения показывают, что в XV в. никакого деления на правовые категории внутри собственно боярства не было. Существовала категория бояр, единая в юридическом отношении, хотя и включавшая в свой состав лиц разного экономического положения.

Резкая обособленность боярства от житьих людей, а в более раннее время — великих бояр от меньших бояр хорошо видна из сопоставления штрафов. Уже эта правовая разница определяет кастовый характер боярства, подчеркивая его привилегированное положение. Однако эта обособленность боярства станет особенно наглядной, когда мы перейдем к вопросу о степени участия бояр и житьих в государственном управлении.

Наблюдения над достаточно многочисленными именами житьих XV в. показывают, что их политическая карьера никогда не увенчивалась избранием на высшие государственные должности посадника и тысяцкого. В. Н. Бернадский называет два исключения из общего правила, признавая их имеющими небольшую ценность для решения рассматриваемого вопроса⁵⁷. Во-первых, в писцо-

⁵⁶ НПЛ. С. 481—483.

⁵⁷ Бернадский В. Н. Указ. соч. С. 175.

вой книге Обонежской пятины 1563 г. в описании владений Палеостровского монастыря в Шальском погосте имеется указание: «А дал те деревни в дом Спасу Палеостровскому монастырю посадник старой Панфил Селифонтов»⁵⁸. Между тем Панфил Селифонтов, несомненно, был житым: в 1471 г. он входил в число пятикончанских представителей от житых при составлении докончания с Казимиром⁵⁹. «Убедительность свидетельств, — писал В. Н. Бернадский, — снижается, однако, тем обстоятельством, что речь идет о весьма отдаленных от Новгорода местах и термин „посадник“ мог быть употреблен и по отношению к местному носителю власти, а не к новгородскому посаднику»⁶⁰. Такое объяснение принять трудно, поскольку нет никаких оснований предполагать существование в Шальском погосте такой же организации местной власти, как и в Новгороде, на что должен был бы указывать термин «старый посадник». Скорее всего, дело здесь сводится к простому недоразумению, вполне понятному в писцовой книге, составленной спустя почти столетие после потери Новгородом независимости. Имена новгородских посадников 1470-х гг. известны нам неплохо, но среди них нет имени Панфила Селифонтова.

Другим исключением В. Н. Бернадский считает посадничество в 1477—1478 гг. Луки Исаковича Полиарыина, которого он почему-то отнес к числу житых. В данном случае речь должна идти об ошибке самого исследователя. Лука Полиарыин под 1475 г. назван не в числе житых, а в составе смешанной группы бояр и житых; кроме того, Софийская летопись прямо называет его боярином⁶¹.

Несостоятельность этих исключений подчеркивает вывод о резкой обособленности боярства. Только боярам в XV в. принадлежали высшие государственные должности, и состав боярства не пополнялся за счет других новгородских сословий. Эти факты достаточно определенно характеризуют боярство как касту, отграниченную от близких ему по своему экономическому положению категорий общества и распоряжавшуюся верховной властью в государстве.

Другой важной проблемой, стоящей перед нами, является вопрос о причастности к государственному управлению боярства в целом. Мы видели, что на протяжении XII—XIV и начала XV в. этот вопрос был одним из коренных, определяя постоянные внутрибоярские конфликты. Нормы представительства в посадничестве, принадлежность степени — это частные проблемы, которые исходят из стремления всех боярских групп к власти. Постоянное соперниче-

⁵⁸ Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. С. 178.

⁵⁹ ГВНП. С. 130, № 77; ПСРЛ. Т. 6. С. 12; Т. 7. С. 160.

⁶⁰ Бернадский В. Н. Указ. соч. С. 175.

⁶¹ ПСРЛ. Т. 6. С. 203: «...били челом великому князю бояре Лука да Василей Исаковы дети Полиарыины...».

ство группировок и их борьба между собой за власть на протяжении XII—XIV вв. определялись существованием сильного автократического начала в организации республиканских органов. Поэтому консолидация боярства в сильнейшей степени зависела от организации государственной власти. Лишь ликвидация автократии и замена ее олигархией, приобщая к государственной деятельности значительно больший круг бояр, должна была вести к ослаблению соперничества боярских группировок.

С другой стороны, целям боярской консолидации могло отвечать только максимальное расширение числа лиц, участвовавших в управлении государством. При юридическом равенстве всех новгородских бояр идеальной формой организации боярской власти, отвечающей тенденциям реформ 1410-х гг., было бы приобщение к государственному управлению всех бояр, имевших на то право в силу своей сословной принадлежности, возраста, способностей и желания. В этой связи возникает вопрос о том, сколько в Новгороде XV в. было боярских фамилий и насколько общее число бояр превосходит число посадников и тысяцких.

Некоторую возможность для подсчетов дает летописный рассказ о боярском выводе из Новгорода после присоединения к Москве. Ликвидация новгородского боярства Иваном III началась в 1475 г., когда в результате разбора жалоб в Новгороде были арестованы и отправлены в Москву Иван Афанасьевич с сыном Олферием, Василий Ананьич, Богдан Есифов, Иван Лошинский и Федор Исаков ⁶². В 1478 г. сразу же после присоединения Новгорода в Москву были отправлены Марфа Исакова с внуком Василием Федоровичем, Иван Кузьмин Савелков, Окинф Толстой с сыном Романом, Юрий Репехов, Григорий Арзубьев и Марка Панфилев ⁶³. Из этого числа некоторые лица были житейными, что вполне определенно можно утверждать относительно Григория Арзубьева. Панфилев был купеческим старостой. В 1481 г. в Москву были увезены бояре Василий Казимир, Яков Короб, Михаил Берденев и Лука Федоров ⁶⁴. Главный удар по новгородским боярам и их землевладению был нанесен Иваном III в 1484 г., когда «прииде великому князю обговор на новгородци от самих же новгородцев, яко посылалися братья их новугородци в Литву к королю. Князь велики посла и поима их всех болших и житейх людей, человек с тридцать, и дома их повеле разграбити и повеле их мучити на Иванове дворе...» ⁶⁵ В приведенном контексте 30 человек больших и житейх отождествляются с московскими изменниками, сносившимися с Казимиром IV. Однако, в отличие от Софийской

⁶² ПСРЛ. Т. 4. С. 130, 251; Т. 6. С. 18, 33, 203; Т. 8. С. 182.

⁶³ ПСРЛ. Т. 4. С. 259, 261; Т. 5. С. 38; Т. 6. С. 19, 33, 220; Т. 8. С. 198—199.

⁶⁴ *Беляев И.* История Новгорода Великого. М., 1866. С. 573; *Бернадский В. Н.* Указ. соч. С. 320.

⁶⁵ ПСРЛ. Т. 6. С. 235—236.

Второй летописи, откуда заимствована эта цитата, все остальные летописи излагают этот рассказ несколько иначе: «Тое же зимы посла князь велики болших бояр новгородцких и боярынь, а казны их и села все велел отписати на себя, а им подавал поместиа на Москве под городом; а иных бояр, которые коромолу дръжали от него, тех велел заточити в тюрьмы по городом»⁶⁶.

В 1488 г. на втором этапе новгородского вывода, имевшем наиболее массовый характер, речь идет только о житых: «Тое же зимы посла князь велики и привели из Новагорода боле семи тысячь житиих людий на Москву, занеже хотели убить Якова Захарьича наместника новгородскаго; и иных думцев много Яков пересек и перевешал»⁶⁷. Наконец, бояре упомянуты еще раз на третьем этапе вывода, в 1489 г.: «Тоя же зимы князь велики Иван Васильевич приведе из Новагорода из Великого многих бояр и житиих людей и гостей, всех голов болши тысячи, и жаловал их на Москве давал поместиа, и в Володимери, и в Муроме, и в Новегороде Нижнем, и в Переяславле, и в Юрьеве, и в Ростове, и на Костроме и по иным городом; а в Новгород Велики на их поместиа послал московских много лучших людей...»⁶⁸. Упоминание бояр в этом рассказе, по-видимому, является следствием все той же московской путаницы в новгородской терминологии, о которой писал В. Н. Бернадский. В других летописях в рассказе 1489 г. упоминаются только житьи: «Тое же зимы новгородцев князь велики повеле вывести из Новагорода житых людей, а вести в Новгород Нижний обговору деля, что наместники и волостели их продавали, и кои на них продажи взыщут, и они боронятся тем, что их, рекши, думали убить; и князь велики москвичь и иных городов людей посла в Новгород на житье, а их вывел, а многих иссечи велел на Москве, что, рекши, думали Якова Захарьича убити»⁶⁹.

Есть основания думать, что второй и третий этапы вывода новгородцев в действительности были одним этапом⁷⁰, начало которого относится к 1488 г., а конец — к 1489 г. Трудно поверить, что такое решительное предприятие, затронувшее всех землевладельцев Новгорода и круто изменившее их судьбу, осуществлялось выборочным порядком, что сначала была выведена одна часть житых, а затем другая спустя год. Еще труднее поверить в то, что вывод такого громадного числа людей с их семьями и скарбом был осуществлен в какие-то короткие отрезки времени. По-видимому, в рассказе 1488 г. и в рассказе 1489 г. речь идет об одних и тех же лицах, но в первом случае сосчитаны все житьи, включая женщин и детей, а во втором только главы семей, владельцы земель-

⁶⁶ ПСРЛ. Т. 6. С. 36; Т. 8. С. 215.

⁶⁷ ПСРЛ. Т. 6. С. 238; Т. 8. С. 218.

⁶⁸ ПСРЛ. Т. 8. С. 218.

⁶⁹ ПСРЛ. Т. 6. С. 238—239.

⁷⁰ Бернадский В. Н. Указ. соч. С. 322.

ных участков. В этом предположении нас подкрепляет общая цифра землевладельцев Новгорода, сведенных в 1480-х гг., которая была подсчитана А. М. Гневушевым на основании писцовых книг и равна 1632 ⁷¹.

Представлению о том, что все бояре, в отличие от житых, были выведены в 1484 г., как будто противоречит участие новгородских бояр Григория Михайловича и Кузьмы Остахеновича (в котором опознается Кузьма Остафьевич) в заключении договора с немецкими городами 1487 г. ⁷², а также Григория Михайловича и Максима Олферьевича в заключении договора с Ливонским орденом 1493 г. ⁷³ Известно, что Григорий Михайлович Тучин, бывший новгородским посадником, попросился в службу к Ивану III много раньше других бояр, еще до падения независимости Новгорода, в октябре 1477 г. ⁷⁴ Возможно, такой же была судьба Кузьмы Остафьевича. Что касается Максима Олферьевича, то в писцовых книгах такого боярина нет, но в них известен своеземец с таким именем: «а в книгах та пол-обжи написана за Татьянкиным дедом еи отца за Спировым отцом за Максимкой за Олферьевым» ⁷⁵.

Если все изложенные наблюдения правильны, то общее число бояр в Новгороде следует признавать исключительно небольшим. Учитывая сумму показаний летописного рассказа 1484 г. и рассказов летописи об арестах бояр в 1475, 1478 и 1481 гг., можно утверждать, что оно равнялось двум-трем десяткам семей. Эта цифра не расходится с результатами подсчета крупнейших землевладельцев Новгорода, предложенными С. А. Таракановой. Она насчитывает 55 таких землевладельцев ⁷⁶, однако в их числе было какое-то количество житых; кроме того, некоторые бояре из числа названных С. А. Таракановой принадлежали к одним и тем же семьям. Подтверждается эта цифра и наблюдениями над рассказом о встрече Ивана III в 1475 г.

⁷¹ Гневушев А. М. Сельское население Новгородской области по писцовым книгам 1495—1505 гг. Ч. 1. Киев, 1915. С. 311—312.

⁷² Die Recesse und andere Akten der Hansetage. Abt. 3. Bd. 2. Leipzig, 1883. № 136.

⁷³ Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. 1. СПб., 1846, № 112.

⁷⁴ ПСРЛ. Т. 6. С. 208; Т. 8. С. 186. Григорий Михайлович был сведен со своих владений, но, будучи на службе у великого князя, затем получил какие-то земли в поместье. В писцовой книге Шелонской пятины 1501 г. при описании Голинского погоста имеется такая запись: «Да к тому ж погосту приписаны великого князя деревни Кузьминские Фефилатова да Ивановские Кузьмина, что были за Григорьем за Тучиным» (Новгородские писцовые книги. Т. 5. СПб., 1905. Стб. 301). Таким же, по всей вероятности, было социальное положение сына Григория Тучина — Михаила: «Да за Федором же да за Юрьем деревня Михайловская Григорьева сына Тучина, а бывала оброчная» (Там же. Т. 6. СПб., 1910; Стб. 306; См. также стб. 357, 364, 368).

⁷⁵ Новгородские писцовые книги. Т. 5. Стб. 547.

⁷⁶ Тараканова-Белкина С. А. Указ. соч. С. 91—100.

В числе встречавших названы 60 достоверных бояр; кроме того, отдельные бояре (не больше десятка) перечислены вместе с жителями. Между тем если подсчитать боярские семьи, к которым принадлежат бояре, перечисленные в этом рассказе, то количество их не превысит четырех десятков.

Если мы сравним эту цифру с общим числом новгородских посадников и тысяцких XV в., результаты сравнения окажутся весьма красноречивыми. После реформ 1410-х и начала 1420-х гг. в Новгороде одновременно существовали 24 посадника. После реформы 1460-х гг. количество одновременных посадников достигло 36 человек. Из 50—60 достоверных бояр рассказа 1475 г. 43 были посадниками или тысяцкими. Иными словами, большинство взрослых бояр принимало участие в руководстве государством на правах членов «новгородского сената» — Совета господ. Представители всех боярских семейств не только располагали возможностью быть избранными на должность посадника или тысяцкого, но практически владели этими должностями. Показательно, что летописец, касаясь событий третьей четверти XV в., в ряде случаев не титулет бесспорных посадников. В результате реформ XV в., расширивших число посадников практически до числа боярских семей, титул посадника был девальвирован, а звание боярина приобрело дополнительную ценность. По-видимому, в этот период вообще намечается бытовое сближение терминов «боярин» и «посадник».

Имеет смысл рассмотреть здесь вопрос о числе новгородских тысяцких в XIV—XV вв.

Схема формирования института тысяцких та же, что и в посадничестве, хотя расширение числа тысяцких на протяжении XV в. не столь значительно, что хорошо ощущается уже потому, что, в отличие от посадников, активно меняющихся на степени, степенные тысяцкие, как правило, возобновляли свои полномочия на протяжении нескольких магистратских сроков.

В 1372 г., как это видно по печатям Наказа новгородским послам к тверскому князю Михаилу Александровичу, сосуществовало, подобно шести посадникам, — шесть тысяцких. Летописный рассказ о боярских встречах Ивана III в 1475 г. называет восемь одновременно существующих тысяцких: Матфея Селезнева, Андрея Исаковича, Михаила Берденева, Павла Телятева, Есифа Максимовича, Василия Есифовича (степенного), Родиона Норова и Олферия Михайловича.

Установив, что в 60-х и 70-х гг. XV в. в Новгороде сосуществовали 36 посадников и восемь тысяцких, мы можем реконструировать численный состав олигархического органа в конце существования новгородской независимости. В него входили 36 посадников, восемь тысяцких, два купеческих старосты⁷⁷, архиепископ, архимандрит, пять кончанских игуменов — всего 53 человека.

⁷⁷ В общеновгородом представительстве участвуют двое купеческих старост. См.: ГВНП, № 67 (1436 г.), 68 (1439 г.), 72 (1448 г.), 73 (1448 г.), 74 (1450 г.), 76 (1466 г.).

Такой расчет убедительно подтверждается летописным свидетельством о так называемой Утвержденной грамоте новгородцев 1477 г.

Этот важный не дошедший до нас документ следующим образом описан в Описи архива Посольского приказа 1614 г.: «Грамота утверженная новгородских посадников, и тысячников, и всех новгородских посадских людей меж себя, что им к московским и великим князем ни о чем бити челом не посылати, а писана грамота в 6986-м году, а у грамоты 46 печатей свинцовые»⁷⁸. Однако в 1626 г. при грамоте числилось 47 булл: «Грамота утвержелная новгородцкого владыки Феофана (так!), и посадников, и тысячцких, и бояр, и купецких, и всяких жилецких людей Великого Новгорода, что они приговорили все, что им великих князей московских не слушати и под суд к ним и к их бояром не ездити, а судити им себя самим, а иново писма в той грамоте не знать, потому что середка выгорела и изотлела, а достоль воском залило от иных грамот, писана на хоратье в 6986-м году, а у ней привешено владыки Феофана и посадных и властелинских 47-м печатей свинцовых»⁷⁹. Вероятно, в 1614 г. печати были подсчитаны небрежно. К сожалению, неизвестно, какое количество печатей сохранялось при этой грамоте в 70-х гг. XVI в., когда составлялась опись Царского архива, так как в ней она описана очень кратко: «грамота Великого Новгорода посадников новгородских и купцов, докончальная, с печатьми»⁸⁰, но зато имеются сведения о ее первоначальном состоянии. 15 января 1478 г. по приказу Ивана II «что была у Новгородцев грамота укреплена меж себя за пятьдесят и осмью печатей, и ту грамоту у них взяли бояря великого князя у целования на владычнем дворе»⁸¹. Разницу цифр (58 и 53) составляют, несомненно, пять кончанских печатей.

Динамику движения новгородского боярства к олигархии хорошо отражает состав Совета господ начала XV в., как он описан в немецком документе 1401 г.: «gink in to dem bishope und borgreven hertegem und to vif ordernden von vif enden», т. е. «архиепископ, посадник, тысяцкий и 5 старост от 5 концов» — иными словами: архиепископ, шесть посадников и тысяцкий, поскольку кончанский староста и кончанский посадник — понятия тождественные.

Итак, организация государственной власти в Новгороде XV в. действительно основана на началах олигархии. Власть принадлежит крайне небольшой и замкнутой боярской касте, которая целиком приобщена к управлению республикой. Экономической основой этой власти является крупное и крупнейшее землевладение, средоточие в руках нескольких десятков боярских семей трети

⁷⁸ Описи Царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. М., 1960. С. 51.

⁷⁹ Опись архива Посольского приказа 1626 г. Ч. 1. М., 1977. С. 47.

⁸⁰ Описи Царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. С. 25.

⁸¹ ПСРЛ. Т. 12. С. 187; Т. 25. С. 321.

частновладельческих земель. К сожалению, невозможно произвести общий подсчет всех боярских земель, но, по-видимому, они охватывали не менее половины пахотных площадей.

Однако кастовость новгородского боярства основывалась не на размерах землевладения. Обладая особыми юридическими правами сравнительно с жителями, в числе которых встречались и равновеликие боярам землевладельцы, возвышаясь над ними, бояре, вне всякого сомнения, основывали свои права и привилегии, свою особую роль в управлении на принадлежности к исконной новгородской аристократии, состав которой был фиксирован задолго до того времени, когда началось формирование крупной земельной собственности «меньших бояр» — житых. По существу стремление летописца возвести корень новгородского боярства к Рюрику («и суть новгородстии людие до днешняго дня от рода варяжска»⁸²), а Гостомысла — к роду римских кесарей отражает составные части политической легенды, освящающей права этой аристократии на власть в Новгороде. Одним из основных признаков принадлежности бояр к древней новгородской аристократии, ведущей происхождение от племенной знати, является наследственность посадничества, которая определилась еще в XII в. и была провозглашена в начале XIII в., задолго до активного выхода на политическую арену «меньших бояр». Даже при относительной скудости генеалогических сведений большинство посадничьих генеалогий может быть прослежено на протяжении не менее двухсот лет, т. е. четырех-пяти поколений.

До сих пор мы касались только одной части проблемы организации Новгородского государства — вопроса о принадлежности высших органов власти, находящихся всецело в руках боярства. Однако в развитии новгородской государственности тенденция боярства сосредоточить в своих руках все виды государственного представительства наталкивалась на встречную тенденцию житых, купцов и черных людей иметь собственных представителей при совершении важнейших политических актов. Бояре стремились представлять «весь Новгород», все его сословия, подменяя их интересы задачами собственной политики. Между тем ни житые, ни купцы, ни черные люди не могли поддерживать этой тенденции, стремясь к созданию собственного представительства. Вопрос о формах власти, стремление к созданию сословно-представительного органа не могли не стать одним из главных элементов политической и социальной антибоярской борьбы. Рубежи социального противостояния в этой обстановке не совпадали с рубежами антибоярской борьбы в целом, и это обстоятельство вело к исключительной сложности взаимоотношений внутри Новгорода. Если житые в стремлении к власти были политическими противниками бояр, то, занимая вместе с ними верхние ступени феодальной лестницы,

⁸² НПЛ. С. 106.

они решительно противостояли черному люду. Если купечество не могло не стремиться к приобщению к власти и в этом стремлении противостояло боярам, то в своей экономической деятельности оно было связано с боярством теснейшими узами, участвуя в реализации доходов с боярских земель и от продукции вотчинных ремесленников.

Отождествляя житых с «меншими боярами», мы можем говорить, что они сравнительно рано смогли добиться признания их вторым привилегированным сословием Новгорода. Актовая формула «и от всех старейших, и от всех менших» засвидетельствована еще в 1260-х гг.⁸³, а в дальнейшем становится постоянной для государственных актов Новгорода вплоть до 1370-х гг.⁸⁴ Поскольку в полном виде эта формула звучит: «от всех старейших, и от всех менших, и от всего Новгорода», в ней следует видеть указание на «менших бояр», а не на «весь Новгород», исключая «старейших». Однако, несмотря на постоянство этого достаточно важного обозначения «менших» в актовых формулах, мы должны признать, что действительного представительства от «менших», по крайней мере в конце указанного периода — в середине и второй половине XIV в., — не существовало.

В самом деле, во всех документах этого времени, называющих рядом со «старейшими» «менших», представительство от старейших, меньших и всего Новгорода осуществляется посадником и тысяцким. Социальная природа первого хорошо известна: посадник был боярином и сам принадлежал к числу «старейших». Что касается тысяцкого, то для середины XIV в. и всего последующего периода новгородской независимости фигура тысяцкого неотделима от среды все тех же «старейших» — бояр, к которым принадлежали и посадники. Хорошо известно и уже много раз отмечено выше, что в позднейший период истории Новгородского государства должность тысяцкого была одной из промежуточных ступеней тех политических карьер, которые увенчивались избранием в посадники, что многие посадники, прежде чем приобрести свой высокий титул, бывали тысяцкими, что, наконец, обе эти должности были принадлежностью одной касты — новгородского боярства. Практически представительство от всего Новгорода — старейших, меньших, купцов и черных людей — осуществлялось двумя боярами и было действительным представительством от боярства и фиктивным от всех остальных сословий.

Известно, что тысяцкий первоначально признавался представителем от житых и черных людей. Напомним показания «Рукописания князя Всеволода», документа, отредактированного на рубеже XIII—XIV вв.: «А яз князь великий Всеволод поставил есмь святому Ивану 3 старосты: от житых людей и от чер-

⁸³ ГВНП. С. 10, № 2.

⁸⁴ Там же. С. 29, № 15.

ных тысяцкого, а от купцов 2 старосте, управливати им всякаа дела торговаа и гостинаа; а Мирославу посаднику в то не вступатися, ни иным посадникам в Иваньское ни во что же, ни бояром новгородским»⁸⁵.

В этой связи небезынтересно проследить, с какой поры тысяцкое стало безусловной и неотъемлемой принадлежностью боярства, выяснить, вращалась ли эта должность всегда в кругу «старейших», или она перешла к ним на одном из этапов развития этого института.

Оказывается, что с момента возникновения должности тысяцкого в конце XII в. и до середины XIV в. списки тысяцких вовсе не перекрещиваются с посадничьими списками. Для всех деятелей XIII в. и первой четверти XIV в., побывавших на должности тысяцкого, обладание этой должностью было вершиной их карьеры. Более того, ни один из тысяцких этого времени не оказывается в близком родстве с посадниками того же времени; во всяком случае в источниках нет ни одного такого показания, которое могло бы быть использовано для установления родственных связей между посадниками и тысяцкими. Выборы посадников и тысяцких производились из разных групп новгородских феодалов.

Только во второй четверти XIV в. этот порядок был изменен. Первым новгородским деятелем, побывавшим на должности тысяцкого до того как стать посадником, был Евстафий Дворянинец. После него количество подобных случаев умножается. К рубежу XIV—XV вв. схема административной карьеры — через должность тысяцкого к должности посадника — становится обычной. С того же времени летописец постоянно называет тысяцких боярами.

Из этих наблюдений мы делаем вывод, что со второй четверти XIV в. должность тысяцкого, бывшая до того принадлежностью меньших бояр, становится предметом устремлений и со стороны великих, или старейших, бояр, которые на протяжении XIV в. узурпируют ее. Одна из берестяных грамот, найденных при раскопках в Новгороде, позволяет установить важную цель этих устремлений. Мы уже отмечали, что тысяцкое по своей сущности было не только представительством от житых и черных людей, но и обобщением той административной системы, которая существовала рядом с кончанским и уличным делением и, будучи введена еще в княжеский период новгородской истории, имела, по всей видимости, главным образом фискальный характер. Имеется в виду система деления Новгорода на сотни, которой принадлежала немало важная роль в организации купечества («кто купец, тот в сто, а кто смерд, а тот потягнет в свой погост»). Вполне очевидно, что если боярство в его стремлении захватить в свои руки должность тысяцкого руководствовалось желанием поставить под безраздельный контроль эту административную систему, важность которой видна хотя бы из того, что она неизменно культивиро-

⁸⁵ НПЛ. С. 508.

валась вплоть до падения Новгорода, хотя рядом с ней существовала более органичная кончанская система, то его внимание должна была привлечь не только высокая должность тысяцкого, но и не такая высокая должность сотского. В числе берестяных грамот, обнаруженных на усадьбах Онцифоровичей, найдено несколько писем, адресованных брату Юрия Онцифоровича — Максиму. Принадлежность Максима Онцифоровича к великому боярству не нуждается в детальных доказательствах. Между тем в грамоте № 279 он титулуется сотским ⁸⁶.

Таким образом, на протяжении XIV в. совершается весьма важный процесс преобразования природы тысяцкого. Эта должность переходит в руки боярства и теряет свое прежнее содержание. Очевидно, что с утратой представительства в лице тысяцкого житьи и черные должны были искать новые пути для восстановления своего представительства. В этой связи нам кажется вполне закономерным особый интерес к старым документам новгородского законодательства, в которых устанавливались какие-либо ограничения боярского произвола. То обстоятельство, что «Рукописание Всеволода» приобретает широкое распространение в XIV в. и еще раз редактируется не позднее первой четверти XV в., представляется фактом весьма значительным. Ведь именно этот документ при его антибоярской направленности содержит древние установления некоторых привилегий для других новгородских сословий. В частности, «Рукописание» отдает торговый суд в руки житых, черных и купцов и провозглашает его независимость от боярства.

Существенные успехи житых в их борьбе за представительство следует отметить в связи с событиями 1385 г., вызванными отказом новгородцев от митрополичьего суда: «Тои же зимы, при посаднике Федоре Тимофеевиче, при тысяцком Богдане Обакуновиче, человаша новгородци крест на том, не зватися к митрополиту на Москву на суд, но судити владыке Алексею по Манакануну; а посаднику и тысяцкому судити свои суды по челованию; а на суд поимати двема истьям по два боярина и по два житья с стороне» ⁸⁷. Около того же времени отмечается образование особых представительств от житых при совершении государственных актов. По-видимому, первый случай формирования особого представительства от разных сословий наблюдается в 1370-х гг., во время заключения договора с Дмитрием Ивановичем о взаимной помощи: «Се приехали ко мне к великому князю Дмитрею Ивановичю всеа Руси, от отца моего владыки Олексея, и от посадника Юрья, от тысяцково Олисея, и от всего Новгорода Иван посадник, Василей Федоров, Иван Борисов, а от черных людей

⁸⁶ Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956—1957 гг.). М., 1963. С. 105—107, № 279.

⁸⁷ ПСРЛ. Т. 4. С. 91—92; Т. 12. С. 85—86.

Воислав Поповичъ, Василеи Огафонов»⁸⁸. Житьи здесь не названы, однако с почти полной несомненностью мы можем отнести к числу их представителей Василия Федорова и Ивана Борисова. Иначе состав посольства к великому князю Дмитрию станет совершенно непонятным.

В 1386 г. во время похода Дмитрия Донского на Новгород житьи снова включены в состав новгородского посольства, по одному от каждого конца⁸⁹. Они участвуют в посольстве Новгорода к великому князю Василию Дмитриевичу в 1398 г. и в посольстве к литовскому великому князю в 1434 г.⁹⁰, принимают участие в заключении Демонского соглашения в 1441 г.⁹¹ Пять представителей от житьих (Афанас Микулич, Иван Юрьевич, Яков Иванович, Еремей Кузьмич, Василий Захарынич) участвуют в заключении Яжелбицкого мира⁹². Пять их представителей (Панфил Селифонтович, Кирило Иванович, Яким Яковлевич, Яков Зиновьевич, Степан Григорьевич) названы как представители Новгорода в проекте договора с Казимиром IV в 1471 г.⁹³ и пять (Лука Остафьевич, Александр Клементьевич, Федор Иевлич, Окинф Васильевич, Дмитрий Михайлович) — в тексте документов, связанных с заключением Коростынского мира⁹⁴. Наконец, пять житьих (Александр Клементьевич, Евфимий Медников, Григорий Киприянович Арзубьев, Филипп Килской и Яков Царевищев) осуществляли кончанское представительство во время последних переговоров с Иваном III в конце 1477 — начале 1478 г.⁹⁵

Государственное представительство от житьих в XV в. возобновлялось всякий раз, когда отношения Новгорода с великим князем вступали в критическую фазу. Это обстоятельство свидетельствует, по-видимому, о том, что в отношении к Москве житьи выражали взгляды, практически совпадавшие со взглядами бояр. Однако наблюдения над составом представительств от житьих показывают также, что каждый раз их посольства формировались лишь по мере возникновения потребности. В отличие от бояр житьи в XV в. не располагали постоянно действующим представительным органом, который мог бы выражать и защищать их интересы внутри Новгорода. В этом отношении наиболее показательно сравнение двух посольств 1471 г. Оба посольства — к Казимиру IV и к Ивану III — действуют не одновременно, но с небольшим

⁸⁸ ГВНП. С. 31, № 16.

⁸⁹ ПСРЛ. Т. 4. С. 346; Т. 25. С. 213.

⁹⁰ НПЛ. С. 393; ГВНП. С. 106, № 63.

⁹¹ Там же. С. 421.

⁹² Там же. С. 39—44, № 22, 23.

⁹³ Там же. С. 130—132, № 77.

⁹⁴ Там же. С. 44—51, № 25—27.

⁹⁵ ПСРЛ. Т. 6. С. 209—213; Т. 8. С. 187—192.

интервалом, приходящимся на промежуток времени между двумя обновлениями государственных органов Новгорода. Если бы представительство от житых было постоянным, состав посольств должен был бы совпадать. Однако в том и другом случаях названы разные лица, что говорит об эпизодическом характере представительства, о формировании посольств от случая к случаю.

Таким образом, государственное представительство от житых в XV в. оставалось фикцией, но в наиболее острых ситуациях бояре пользовались их поддержкой и допускали создание особых представительств эпизодического характера. Очевиден успех житых в суде, определившийся еще в конце XIV в., но этот успех вряд ли следует переоценивать, так как суд оставался прерогативой боярства, а житым в нем отводилась роль наблюдателей. Оценивая результаты длительного процесса борьбы бояр и житых, можно говорить, что итоги борьбы складывались в пользу боярства, поскольку еще в начале XIV в. житьи располагали деятельным участием в государственном управлении, избирая из своей среды тысяцкого, а уже в первой половине XIV в. должность тысяцкого была захвачена боярами, что превратило постоянное представительство от житых в фикцию.

Иначе складывались отношения боярства и купечества. На протяжении всей истории независимого Новгорода купечество ни разу не получило права выступать от лица Новгорода рядом с боярами и житыми людьми. При совершении актов, касавшихся отношений Новгорода с великим князем, т. е. документов, наиболее четко выражавших принципы республиканского суверенитета, представители купечества не участвуют в посольствах. Однако самостоятельность купеческих интересов была признана в Новгороде официально еще во второй половине XIII в. установлением независимого торгового суда. Участие купеческих старост и сотских («новгородских тиунов») в суде и обсуждении дел, связанных с новгородской торговлей, — вот решительно ограниченная сфера их деятельности. Можно полагать, что именно эта второстепенность купеческого представительства и была причиной более полного сохранения той системы участия купечества в государственных органах, которая сложилась во второй половине XIII в.

Мы уже отмечали, что отредактированное в конце XIII в. «Рукописание Всеволода» фиксирует существование в Новгороде торгового суда, находившегося в ведении трех старост, одним из которых был представитель житых и черных — тысяцкий, а двое других представляли интересы купцов. Наблюдения над многочисленными сфрагистическими свидетельствами древнего аппарата Новгородской республики показали, что организация такого суда относится к 60-м гг. XIII в., когда впервые становятся известными ставшие затем многочисленными печати «новгородских тиунов», отождествляемых с сот-

скими ⁹⁶, а также редкие буллы купеческих старост. Всего к настоящему времени известно 233 печати «новгородских тиунов», представленных 92 разновидностями ⁹⁷. Сравнение этой категории печатей с количеством известных сегодня печатей тысяцких XIV в. (39 экземпляров, представленных 30 разновидностями) позволяет утверждать, что на протяжении второй половины XIII — XIV в. торговый суд практически находился в руках сотских, которым принадлежало и высшее право утверждения, по крайней мере, рядовых актов, связанных с торговыми делами.

Печатей купеческих старост известно лишь три экземпляра ⁹⁸. Однако сами старосты достаточно часто упоминаются в неотделимых от истории торговли международных актах Новгорода второй половины XIII — XV в. Их называют документы 1269, 1301, 1342, 1371, 1372, 1412, 1434, 1436, 1439, 1448, 1450, 1466 гг. ⁹⁹ В большинстве этих документов старосты названы по имени. Лишь в акте 1342 г. упомянут один купеческий староста; во всех остальных случаях их — два, что соответствует показаниям «Рукописания Всеволода».

Помимо участия в международной политике, которое было весьма важной функцией купеческого представительства, купеческие старосты располагали еще одной, не менее существенной формой участия в государственных делах, имея несомненное отношение к государственным финансам Новгорода. Разумеется, основой образования и пополнения республиканской казны были всевозможные виды обложения, от бора и тамги до доходов, связанных с эксплуатацией монетной регалии. Однако значительная доля доходов государства складывалась также и путем государственной эксплуатации торговли. Система торговых, весовых и проездных пошлин постоянно находилась в центре внимания государства, о чем можно судить хотя бы при рассмотрении докончаний Новгорода с великими князьями, строго различающих республиканскую и княжескую доли в доходах от взимания пошлин. Докончания связывают деятельность по контролю над таможенными сборами с тиунами — княжескими и новгородскими. Условие «а что вам пошлина в Торжку и на Волоце: тиун свои держати на своей части, а новгородцам на своей части» является традиционным для договоров Новгорода с великими князьями. Собственно, с этой же деятельностью связана и организация привилегий Иваньского товарищества, являвшегося собственником всех пошлин с торговли воском. Трудно представить себе существование особого аппарата, связанного только с контролем над торговыми операциями вошников, если весь

⁹⁶ Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Актовые печати Древней Руси. Т. 3. С. 94—100.

⁹⁷ См. раздел «Вопрос о республиканских печатях XIII века» в главе 4 настоящего исследования.

⁹⁸ Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Указ. соч. С. 197, № 613в, 613г, 613д.

⁹⁹ ГВНП, № 31, 33, 41—43, 49, 64, 67, 68, 73, 74, 76.

аппарат таможенного контроля не находился в руках купечества, заинтересованного в извлечении доходов для своей корпорации.

Таким образом, в XIII—XIV вв. известная автономия купеческого представительства опиралась на существенную материальную базу. Говоря об известной автономии органов купеческого представительства, мы прежде всего имеем в виду показания «Рукописания Всеволода», в котором провозглашен принцип независимости торгового суда от боярства.

Мог ли, однако, такой важный орган сохранить свою независимость в эпоху, когда боярство, добившись внутреннего сплочения, создало монолитные формы олигархического правления? Ответ на этот вопрос дает Новгородская Судная грамота. В этом важнейшем юридическом памятнике XV в. засвидетельствовано существование в Новгороде трех судов — посадника (судившего вместе с великокняжеским наместником), тысяцкого и владычного наместника. Если в руках посадника и великокняжеского наместника находился «сместной», верховный суд, ведавший областью уголовного права, а владычному наместнику были подсудны имущественные отношения (о чем свидетельствуют печати многочисленных поземельных документов) и та часть судопроизводства, которая подробно описана в «Митрополичьем правосудии», то все дела, связанные с торговым судом, могли входить лишь в юрисдикцию тысяцкого, имевшего прямое отношение к торговому суду еще в конце XIII в., как об этом сообщает «Рукописание Всеволода».

Однако само участие тысяцкого в торговом суде в XV в. по смыслу оказывается диаметрально противоположным его участию в этом суде в XIII — начале XIV в. Если в раннее время тысяцкий осуществлял не фиктивное, а фактическое представительство от житых и черных, то уже к середине XIV в. эта должность была захвачена боярством. Более того, наблюдения над сфрагистическими материалами показывают, что к началу XV в. резко меняется степень участия купечества в торговом суде. В материалах XV в. нет больше ни одной тиунской печати. Напротив, в XV в. резко увеличивается количество именных печатей тысяцких, а затем «Печатей Великого Новгорода». Поскольку все тиунские печати происходят из случайных находок и могут быть датированы лишь путем привлечения технических, стилистических и эпиграфических аналогий, точную дату ликвидации тиунской печати назвать затруднительно, хотя эти аналогии говорят о том, что она находится в пределах второй половины XIV в. Предположения об этом хронологическом рубеже возможно высказать, отталкиваясь от приблизительной даты увеличения числа печатей тысяцких, коль скоро эти два явления оказываются результатом одного и того же процесса. Печати тысяцких перестают быть исключительной редкостью с началом последней четверти XIV в. Из 39 экземпляров печатей тысяцких, известных сегодня, только восемь относятся к более раннему времени. Впрочем, вопрос об искомой дате может и должен стать предметом специального исследования.

Во всяком случае изложенные наблюдения позволяют говорить о том, что к началу XV в. структура торгового суда, внешне оставаясь неизменной, пережила глубокое качественное преобразование. Торговый суд, бывший некогда органом защиты интересов купечества, неподконтрольным боярству органом, декларировавшим свою независимость от боярства, теперь превращается в орган боярского управления, в котором первое место занимает боярин-тысяцкий, а купеческим старостам отводятся второстепенные роли. В этой связи можно было бы привести длинный список международных актов Новгорода, обсуждающих и решающих торговые дела, в которых купеческие старосты даже не упомянуты, а представительство от купцов осуществляется владыкой, посадником и тысяцким.

Весьма интересно, что имена купеческих старост отсутствуют, как правило, в документах последней четверти XIV и первой четверти XV в., тогда как в последующий период они называются в актах неизменно. Они исчезают тогда, когда в торговом представительстве выходит на первое место боярин-тысяцкий, и вновь появляются, когда боярское управление приобретает в своем развитии законченные формы. После реформы 1423 г., окончательно укрепившей всю систему боярской власти, вопрос о взаимоотношениях с купечеством не мог иметь прежней остроты, и участие купеческих представителей в осуществлении боярской политики могло быть только желательным для бояр, коль скоро деятельность купеческих старост находилась под контролем боярина-тысяцкого.

Здесь нет смысла подробно анализировать взаимоотношения боярства и церкви, хотя вопрос о роли архиепископа в общей системе организации республиканской власти принадлежит к числу кардинальнейших проблем истории новгородской государственности. Любая попытка подойти к этой теме в конечном счете приведет к исследованию, имеющему специальный характер и затрагивающему иной круг вопросов, нежели поставленные в настоящей работе. Однако не подлежит какому-либо сомнению экономическое и политическое родство владычного управления с органами боярской олигархии. Боярство и церковь, представляя крупнейшее землевладение Новгорода, занимали место на самом верху феодальной иерархической лестницы. Принципиальная схема размежевания сфер государственного управления между боярством и церковью сложилась уже к XIII в. Подбор кандидатов на новгородскую кафедру осуществлялся стоявшим у власти боярством. На протяжении всей истории независимого Новгорода ни разу не отмечены какие-либо расхождения между политикой архиепископа и стоящего у власти боярства.

В исторической литературе некоторую популярность приобрела концепция Б. А. Рыбакова, согласно которой один из новгородских архиепископов XIV в. — Василий Калика (1331—1353 гг.) — был ставленником ремесленной части населения Новгорода и проводил политику, отличную от бояр-

ской¹⁰⁰. Однако выводы исследователя не аргументированы с должной тщательностью и нуждаются в пересмотре. Аргументация Б. А. Рыбакова основывается на следующих положениях. 1. Василий Калика до избрания на владычную кафедру был священником в церкви св. св. Козмы и Демьяна на Холопьем улице. Между тем Козмодемьянские церкви обычно связаны с патронатом ремесленной корпорации кузнецов. Известная хутынская икона «Видение пономаря Тарасия» позволяет локализовать изображенную на ней кузницу как раз в районе Козмодемьянской церкви на Холопьем улице. 2. В 1342 г. во время столкновения Онцифора Лукича с посадником Федором Даниловичем архиепископ встал на сторону Онцифора, но этот последний был также поддержан и чернью. 3. В своей внешней политике Василий выступал против союза с Литвой и придерживался московской ориентации, между тем «именно в это время оформилось тяготение черных людей Новгорода, Торжка, Брянска, Костромы, Нижнего Новгорода к сильной власти московского князя, в котором они хотели видеть защитника от боярского насилия». 4. Литературное наследие Василия рисует его «как человека, не считавшегося с официальной церковностью и открыто заявлявшего о своих полуеретических взглядах, близких к народной идеологии». Рассмотрим эти аргументы.

Называя церковь св. св. Козмы и Демьяна на Холопьем улице центром ремесленной корпорации кузнецов, Б. А. Рыбаков основывался на сопоставлении хутынской иконы с планом Новгорода, «составленном на основании писцовых книг»¹⁰¹. Не совсем ясно, какой план имеется в виду, поскольку ссылка дается на план в книге И. И. Красова, а на этом плане воспроизведена новейшая топография Новгорода 1850 г. Попытаемся, однако, произвести это сопоставление заново. Для предложенной Б. А. Рыбаковым локализации кузницы хутынской иконы «ориентирующими топографическими признаками являются Волхов, башни городского вала, церкви апостола Иакова, Флора и Лавра и Сорока мучеников... Изображение кузницы локализуется в конце Кузьмодемьянской улицы близ того места, где в нее входит Холопья улица»¹⁰². Последнее указание позволяет утверждать, что при сопоставлении данных Б. А. Рыбаков пользовался планом П. Л. Гусева, приложенным к его статье о хутынской иконе¹⁰³, поскольку лишь на этом плане Холопья улица соприкасается с Козмодемьянской. Безотнositельно к каким-либо графическим планам место обеих Козмодемьянских церквей — на Холопьем и на Козмодемьянской улицах — находится внутри треу-

¹⁰⁰ Рыбаков Б. А. Ремесло древней Руси. М., 1948. С. 767 и далее.

¹⁰¹ Там же. С. 752.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ Гусев П. Л. Новгород XVI в. по изображению на хутынской иконе «Видение пономаря Тарасия» // Вестник археологии и истории. СПб, 1900. Вып. 13. Вклейка между с. 20 и 21.

гольника, образованного местоположением церквей Якова, Флора и Лавра и Сорока мучеников, и находится у восточной грани этого треугольника, обращенной к Волхову. Однако на хутынской иконе кузница изображена не только вне указанного треугольника, но и далеко за его пределами, к северу от него, почти у самого вала Окольного города. Это место П. Л. Гусев вполне убедительно сопоставил с местом кузниц, показанных у вала, между Петербургской и Лучинской улицами на плане 1778 г., и связывал с местоположением церкви св. св. Козмы и Демьяна в Кузнецах на Гзени¹⁰⁴. Отметим, что раскопки значительной территории на древних Козмодемьянской и Холопьев уличах в 1951—1962 гг. не обнаружили никакого присутствия здесь кузнецов. Напротив, на этом участке вскрыты аристократические усадьбы посадничьей династии Мишиничей-Онцифоровичей.

Последнее обстоятельство проливает свет и на отношение Василия Калики к Онцифору Лукичу. Церковь св. св. Козмы и Демьяна на Холопьев улице находилась в непосредственной близости от усадьбы Онцифора. Поэтому основой близости владыки Василия и посадника Онцифора могла быть эта старая территориальная, соседская связь, а не принадлежность к какому-то искусственному демократическому сообществу, опиравшемуся на черный люд и проводившему антибоярскую политику. Мы уже видели, что Онцифор Лукич был одним из наиболее дальновидных идеологов боярства, направившим свою деятельность к сплочению бояр. Мы с большим трудом смогли бы вообразить длительное, 23-летнее сосуществование у власти боярского правительства и архиепископа, проводившего антибоярскую политику. Что касается антилитовских настроений Василия Калики, то в обстановке XIV в. они не могут быть привлечены для его социальной характеристики. Признание московского великокняжеского суверенитета над Новгородом вплоть до 1470-х гг. оставалось основой политики значительной части боярства, не склонного доводить дело до решительного конфликта с Москвой. Всецело прав Л. В. Черепнин, писавший, что «следует признать неубедительным распространенное в нашей литературе представление о непосредственной связи между демократическими настроениями тех или иных представителей русского общества XIV—XV вв. и их политической ориентацией на московскую великокняжескую власть»¹⁰⁵.

Вряд ли возможно привлекать для характеристики социальной политики Василия и его взгляды, в которых отражалась народная идеология. Исследователь литературного творчества Василия Калики А. И. Клибанов склонен признавать его «православным ортодоксом»¹⁰⁶, а Л. В. Черепнин отмечает проник-

¹⁰⁴ Гусев П. Л. Новгород XVI в. по изображению на хутынской иконе «Видение пономаря Тарасия» // Вестник археологии и истории. СПб, 1900. Вып. 13. С. 32.

¹⁰⁵ Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв. С. 527.

новение народной идеологии не только в мировоззрение Василия, но и в мировоззрение его идейного противника тверского епископа Федора¹⁰⁷.

С другой стороны, двойственность политики Василия и популярность его личности в Новгороде нельзя отрицать. Нам кажется, что появление этой фигуры вполне закономерно в период, завершившийся реформой Онцифора Лукича, когда боярство в поисках новых форм государственной организации особенно нуждалось в гибкой политике¹⁰⁸.

Определенность взаимоотношений боярской республики и церкви, выдающаяся роль архиепископа в системе государственного управления и суда говорят о том, что союз боярства и церкви был одной из основ упрочения боярской республики. Если бояре были главными строителями и вкладчиками церкви, то церковь своим авторитетом освящала боярскую власть. Показательно, что роль церкви в системе новгородской государственности особенно возрастает в последний период новгородской независимости — к середине XV в., о чем, в частности, говорят материалы сфрагистики. Мы имеем в виду возникновение так называемых кончанских печатей, уже описанных выше. В их числе лишь печати Людина и Славенского концов по своему оформлению являются собственно кончанскими буллами. Что касается печатей остальных концов, то там во всех случаях функции кончанских печатей принимают на себя монастырские печати: Антонова монастыря для Плотницкого конца; Никольского монастыря (Николы Белого) для Неревского конца; Никольского монастыря (Николы на Поле) для Загородского конца. По своему оформлению все эти буллы не отличаются от обычных монастырских печатей Новгорода XV в., таких, как Благовещенская, печати Кириллова, Варваринского, Юрьева монастырей и т. д.¹⁰⁹ Несомненно, что и внутренние акты этих монастырей скреплялись теми же самыми буллами, которые в известных нам случаях употреблялись как кончанские. Дело здесь не сводится к патрональному значению Антониева и Никольских монастырей. Употребление монастырских печатей в качестве кончанских могло быть следствием откровенного совмещения кончанской администрации, боярской по своей природе, с администрацией кончанских монастырей. Подобно тому как Совет господ, высший орган боярской республики, проводил свои заседания на Владычном дворе, боярская администрация концов перебралась в новую «кон-

---

¹⁰⁶ *Клибанов А. И.* К истории русской реформационной мысли (Тверская «распря о рае» в середине XIV в.) // Вопросы истории религии и атеизма. М., 1958. Т. 5. С. 233—263.

¹⁰⁷ *Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв. С. 528.

¹⁰⁸ Подробный анализ политики Василия Калики см.: *Черепнин Л. В.* Образование русского централизованного государства в XIV—XV вв. С. 501 и далее.

¹⁰⁹ *Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси. Т. 2. С. 231—232, № 765—771.

чанскую избу», стенами которой были стены кончанских монастырей, а крышей — купол, увенчанный крестом, этим символом божественного происхождения и неприкосновенности государственной власти.

Особенности оформления кончанских печатей вызывают к жизни весьма интересную проблему, освещенную в специальном исследовании¹¹⁰. Мы видели, что оплотом кончанской администрации становятся в XV в. не кончанские соборные церкви, а монастыри. Собором Славенского конца была церковь Успения на Козьей Бородке, но кончанские посадники употребляют печать с эмблемой Павлова монастыря. Соборная церковь Плотницкого конца — храм Ивана на Опоках, но кончанской печатью оказывается булла Антониева монастыря. В Загородском конце соборная церковь — храм архангела Михаила на Прусской улице, но его кончанская печать — булла Никольского монастыря. В Неревском конце было две соборные церкви — храмы Сорока мучеников и св. Якова, но неревские посадники пользуются монастырской буллой св. Николая. Это сращение кончанской администрации с черным, а не с белым духовенством подчеркивает особое значение и влияние монастырей в XV в., заметные и в актах. Отмеченное обстоятельство свидетельствует об определенной роли в новгородском республиканском управлении «новгородского архимандрита». Список таких архимандритов имеется среди прочих списков высших новгородских должностных лиц¹¹¹. «Новгородских архимандритов» в указателях и справочниках постоянно отождествляют с юрьевскими настоятелями, что не вполне правомерно. Должность «новгородского архимандрита» была выборной на вече и, следовательно, подконтрольной боярству. Резиденцией архимандрита, возглавлявшего черное духовенство Новгорода и, в частности, систему кончанских монастырей, в течение срока его избрания становился Юрьев монастырь. Основой возникновения такого устройства была развернувшаяся с XIII в. активная ктиторская деятельность боярства, в результате которой возникло значительное монастырское землевладение, сохранявшее деятельную связь с ктиторами-боярами.

Беглый обзор взаимоотношений боярства с жителями, купцами и церковью показывает, что развитие органов боярской государственности в XIV—XV вв. пережило два существенных этапа. На первом этапе, продолжавшемся до реформ первой четверти XV в., рост боярской власти осуществлялся не только путем внутрибоярского сплочения, но и за счет перехода в руки бояр той части власти, которая до того принадлежала представителям житейх и купцов. На

¹¹⁰ Янин В. Л. Из истории высших государственных должностей в Новгороде // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963. С. 118—127; *Он же*. Монастыри средневекового Новгорода в структуре государственных институтов // ПОЛУТРОПОН: К 70-летию В. Н. Топорова. М., 1998. С. 911—922.

¹¹¹ НПЛ. С. 475.

втором этапе, когда были созданы новые формы боярского олигархического правления и максимально ослаблены причины боярского соперничества в борьбе за власть, дальнейшее укрепление этой власти пошло по пути создания видимых форм союзнических отношений боярства и других привилегированных сословий Новгорода. Представители житых и купцов допускаются к участию в государственном управлении, поскольку общий контроль над их деятельностью полностью сосредоточивается в руках боярства.

С упрочением боярской власти в XV в. создается новая расстановка политических сил внутри Новгорода. Сплочение боярства превратило кончанскую систему, бывшую прежде системой размежевания боярских группировок, в аппарат осуществления общепоярской политики. Создание удобных для боярства форм приобщения к государственной власти житых и купцов также вело к образованию политической общности всех привилегированных сословий. Новая расстановка политических сил противопоставляла развитую государственную машину стихийному движению плебса, разобщенного на протяжении столетий, потому что его социальные задачи постоянно подменялись задачами внутрибоярской борьбы.

Именно во второй четверти XV в., как никогда раньше, в Новгороде обостряются социальные противоречия, о которых ярко рассказывает летописец под 1446 г.: «...не бе в Новегороде правде и правого суда, и возташа ябедници, изнарядиша чety и обеты и целованья на неправду, и начаша грабити по селом, и по волостем, и по городу, и беяхом на поругание суседом нашим, сущим окрест нас, и бе по волости изьежа велика и боры частыя, кричь и рыдание и вопль и клятвы всими людьми на стареишины наша, и на град наш, зане не бе в нас милости и суда права»¹¹². Частный случай такого самоуправства описан в берестяной грамоте № 307, адресованной крестьянами волости Избоище внукам Юрия Онцифоровича Ондреяну и Миките Михайловичам¹¹³. «Бесправдивые бояре» вновь упоминаются под 1447 г. в связи с денежными злоупотреблениями. Говоря о реакции населения на действия бояр, летописец отмечает: «...бысть межи ими голка и мятежь и нелюбовь»¹¹⁴. Любопытно, что именно в середине XV в. в Новгороде создаются такие антибоярские и антипосаднические произведения, как «Повесть о посаднике Добрыне» и «Повесть о посаднике Щиле», которые обличают мздоимство посадников и предупреждают им возмездие.

В отличие от житых и купцов черный люд Новгорода не располагал никакими формами участия в выборных органах. Исключением является лишь представительство от черных во время заключения договора с великим князем Дмит-

¹¹² ПСРЛ. Т. 4. С. 124.

¹¹³ Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956—1957 гг.). С. 137—140, № 307.

¹¹⁴ ПСРЛ. Т. 4. С. 125—126.

рием Ивановичем, договора с Василием Васильевичем в 1435 г.¹¹⁵ и посольство от черных во время переговоров с Иваном III в 1477—1478 гг., но последнее было сформировано в экстраординарных обстоятельствах.

Полагают, что единственной формой участия простого населения в новгородской политике было вечевое собрание, которое, однако, после реформ 1410-х гг. не могло не приобрести фиктивный характер. В самом деле, в XIII и XIV вв., когда боярская борьба за власть постоянно наполняла политическую жизнь Новгорода, соперничавшие между собой землевладельцы находились в зависимости от веча. Боярские группировки в борьбе между собой и с жителями то и дело вынуждены были обращаться за народной поддержкой, используя в своих целях социальный антагонизм черного люда, его недовольство политической наличных властей. Тогда кончанские и уличанские веча могли служить чрезвычайно удобной формой организации всех сил, выступавших против наличного посадника или тысяцкого, — от оппозиционного боярства, стремившегося к поражению враждебной группировки, до черного люда, боровшегося за улучшение условий существования. При такой системе общегородское вече должно было становиться механическим соединением кончанских вечевых собраний. Концы приходили на общегородское вече как организованные отряды политической борьбы. Впрочем, общегородское вече, именуемое в немецком источнике 1331 г. «триста золотых поясов»¹¹⁶, несомненно, было узкословным органом, включавшим лишь крупных дворовладельцев Новгорода — бояр и житех, — группировки которых опирались на кончанские веча.

Эта система могла быть удобной боярству до тех пор, пока боярство пользовалось ею не опасаясь, что социальная задача плебса возобладает над задачами внутрибоярского соперничества. Б. Д. Греков писал: «Вечевые собрания живут долго на северо-западе (Новгород, Псков, Полоцк) как результат определенного соотношения классовых сил, при котором феодальная знать, захватившая в свои руки власть и ограничившая в своих интересах власть князей, не была в силах уничтожить народное собрание, но была достаточно сильна, чтобы превратить его в орудие своих интересов»¹¹⁷.

Наблюдения В. Н. Бернадского над связью новгородских восстаний с вечевой законностью позволяют говорить о том, что во многих случаях непосредственным толчком для активизации народных движений бывали коллизии, возникавшие в ходе борьбы феодалов за власть. Социальный антагонизм ширился и воплощался в формы решительных столкновений, развязанных подчас тем или иным поворотом борьбы между группировками бояр. Ценность вечевых

¹¹⁵ ГВНП. С. 31, № 16; С. 35, № 19.

¹¹⁶ Русско-ливонские акты, собраны К. Э. Напьерским, № 61.

¹¹⁷ Греков Б. Д. Киевская Русь. С. 364.

собраний с точки зрения истории социальной борьбы заключается в том, что они не только облегчали, но и узаконивали участие народных масс в городских движениях. Эта их особенность и составляла главную опасность народных собраний для бояр и житых. Всякий раз восставший народ оказывался грозной силой, способной в ходе восстания осознать преобладающую важность своих собственных социальных интересов и сломать узкие рамки тех задач, которые ставила перед ними территориальная борьба бояр. Так случилось в 1418 г. Так, несомненно, случалось и раньше, поскольку периоды укрепления боярской государственности всякий раз закономерно следуют за периодами особого усиления городских движений.

Заинтересованность стоявших у власти землевладельцев в поддержании вечевого собрания могла существовать только до тех пор, пока само боярство оставалось раздробленным на соперничавшие между собой группировки. Создание олигархического посадничества, приобщение к власти боярства в целом, возникновение Совета господ — все эти явления, свидетельствующие о серьезной консолидации боярства, меняют существо вечевых собраний. Теперь основой государственного решения становится обсуждение проблемы не на вече, а в Совете господ, вечевому решению предшествует сговор «державших власть» бояр, кончанское вече становится орудием подготовки народа к восприятию государственной воли, отделенной от народного собрания, а за общегородским вечем остается роль машины для голосования, результат которого заранее predetermined.

Очевидно, что главной опорой боярства во внутренней политике теперь должны были стать те сословия новгородцев, которые были связаны с боярством общностью социальных интересов, — житьи и купечество. Нельзя забывать, что землевладельцы составляли значительный процент вечников. Летопись говорит о более чем 7000 житых, сведенных Иваном III из Новгорода. Писцовые книги называют свыше 1600 землевладельцев в последний период новгородской независимости. Если первая летописная цифра может быть преувеличенной, то ко второй, более достоверной, следует присовокупить тех новгородцев, которые, не принадлежа к привилегированным сословиям, находились под сильнейшим влиянием «своих» феодалов. Только тогда мы сможем оценить степень непосредственного воздействия феодалов на деятельность вечевых собраний всех уровней.

Действительно, после завершения реформ 1410-х гг. вопрос о союзе с житыми становится одним из главных в боярской политике. В этом убеждает не только возобновление государственного представительства житых и укрепление их позиции в суде, но и общая характеристика Новгородской Судной грамоты, которую исследователи, специально ею занимавшиеся, склонны рассматривать как порождение политического и социального союза бояр и житых. «Это

была грамота бояр и житых людей, возведенная в закон воля высших классов новгородского общества»; «Консолидируя боярский и житий суд, утверждая его права и независимость, концентрируя его деятельность на важных для бояр и житых людей делах, Новгородская Судная грамота предоставляла людям молодшим и черным лишь право быть судимыми и лишало их всех путей воздействия на этот суд»¹¹⁸.

Таким образом, после реформ 1410-х гг. в политической структуре Новгородского государства наблюдается принципиальное изменение, сущность которого сводится к практической ликвидации вечевого строя. Народное собрание продолжает существовать, но роль его сведена на нет. Если в предшествующий период, когда боярская государственная организация сохраняла значительные элементы автократии, боярство было заинтересовано в сохранении вечевого собрания, используя народное недовольство в собственных целях, то теперь после боярской консолидации деятельность боярства не могла не приобрести откровенно антивечевого характера. Рубежи социальной борьбы должны были приобрести теперь особую четкость. По одну сторону их оставался черный люд, по другую — все привилегированные сословия Новгорода, владеющие окончательно отделенной от народного собрания государственной машиной.

Изменение системы государственной власти должно было повлечь за собой и изменение форм социальной борьбы. Если ранее объектом выступлений новгородского плебса были отдельные бояре или отдельные группы бояр, если еще в XIV в. черный люд не осознавал с должной четкостью своего единства так же, как не осознавал с должной четкостью единства всего боярства и общности социальных интересов всех феодалов, к каким бы сословиям он ни относился, то теперь социальные отношения начинают обретать достаточную ясность. Летописные тексты о событиях 1418, 1421 и 1446—1447 гг. не оставляют в этом сомнений.

С другой стороны, не оставляет сомнений и то, что восстания 1418 и 1421 гг. были последними в истории Новгорода организованными движениями черни. Сложная политическая обстановка, в которой на протяжении XII—XIV вв. развивалась борьба новгородского плебса, исторически объединяла силу стихийного недовольства черного люда с боярской организацией борьбы за власть. В этом, на наш взгляд, заключается одна из главных причин очевидной нерешительности городских движений в Новгороде, приносящих успех отдельным группам оппозиционного боярства, боярству в целом, союзу бояр с другими сословиями феодалов, но не черному люду. Вывод Б. Д. Грекова о превращении вече-

¹¹⁸ Кочаков Б. М. Новгородская Судная грамота // Учен. зап. Ленинградского педагогического института. 1940. Т. 5. Вып. 1. С. 10, 17; ср.: Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV вв. Ч. 1. С. 392 и др.

вого собрания в орудие интересов феодальной знати по существу заключает в себе и вывод об организованном использовании социальной борьбы феодальной знатю в своих интересах, поскольку городские движения в Новгороде были связаны с вечевой законностью и начинались на вече.

В этих условиях преимущественной формой социальной борьбы плебса в Новгороде становится пассивное отношение черного люда к боярскому государству, переживавшему последний в истории республиканского Новгорода внешнеполитический кризис. Еще в XIV в. было что защищать в новгородских республиканских порядках. Вечевой строй в условиях внутрифеодальной борьбы сохранял условия приобщения плебса к политической жизни государства, создавая видимость его воздействия на боярскую политику. Зависимость бояр от народной поддержки, нужно полагать, вела по крайней мере к поддержанию постоянного уровня налогового гнета, не позволяя ему резко повышаться. Уже это обстоятельство могло собирать под знамена республики широкие слои новгородского населения. В XV в. боярское государство практически ликвидирует вечевой строй и фиксирует свою обособленность от веча в Судной грамоте. Новая ситуация вела к тому, что на новом этапе борьбы Новгорода с Москвой черный люд отказывает боярству в своей поддержке.

Отказ широких слоев новгородского населения поддержать бояр в их борьбе с Москвой обстоятельно описан летописцем при изложении событий 1471 г.: «Новгородские посадники и тысяцкие, купци и житии люди, и мастера всякие, спроста рещи плотники и горнчары, и прочии, которы родився на лошади не бывал, и на мысли которым того не бывало, что руки поднати противу великого князя, всех тех изменници они силою выгнаша; а которым бы не хотети поити к бою тому, и они сами тех разграбляху и избиваху, а иных в реку Влхов вметаху; сами бо глаголаху яко было их сорок тысяч на бою том»¹¹⁹. Нежелание новгородцев воевать с Москвой было настолько очевидным, что заставило удивиться даже московских воевод: «Что ради вы с толиким множеством вои своих нимало постоасте, видяще малое наше воинство».

Равнодушие черного люда Новгорода к жизненно важной для бояр и жить их проблеме взаимоотношений с Москвой определено социальными причинами и равнозначно осознанию противоположности черного люда и боярского государства.

В этой связи особый интерес приобретает вопрос о различиях в политических точках зрения внутри новгородского правящего класса. Мы имеем в виду привычные рассуждения исследователей о существовании внутри новгородского общества последнего периода независимости так называемых сторонников «литовской» и «московской» ориентаций. Эти слишком прямолинейные термины

¹¹⁹ ПСРЛ. Т. 8. С. 164—165.

способны ввести в заблуждение, заставляя предполагать наличие внутри боярства и прочих крупных землевладельцев Новгорода каких-то групп, которые поддерживали общерусскую объединительную политику Василия Темного и Ивана III.

Вне всякого сомнения, проблема взаимоотношений с Москвой не могла не порождать внутрибоярской политической борьбы, поскольку эта проблема касалась самых основ боярского существования. Та часть программы московских князей, которая имела отношение к землевладению бояр и житых, была известна в Новгороде еще до падения республики. Вывод землевладельцев из Новгорода был осуществлен Иваном III в 1488—1489 гг., однако уже 7 декабря 1477 г. во время последних переговоров Новгорода с Иваном III новгородские послы бьют челом великому князю, «чтобы пожаловал князь велики вывода не учинил из Новгородские земли, да о вотчинах боярских и землях, чтобы государь не вступался»¹²⁰. Вопрос о земле гораздо важнее вопроса о власти. 14 декабря 1477 г. это обстоятельство сформулировано боярами со всей четкостью: «А вече и колокол отложили и посадника отложили, чтобы государь с сердца сложил и не любия отдал, и вывода бы не учинил, и во отчины бы их в земли и в воды не вступался и в животы их»¹²¹. Необходимость защищать земельную собственность от ее захвата московским князем стояла перед всем боярством и житыми, и трудно предполагать, что среди землевладельцев Новгорода находились сторонники Москвы.

Между тем 1470-е гг. наполнены борьбой боярских группировок, стержнем которой является отношение к Москве. Около 1475 г. происходит столкновение Неревского и Плотницкого концов, причем плотничане ищут защиты у Ивана III, который охотно расправляется с группой неревских бояр, включив в нее и тех, которые «думали на короля». В 1477 г. происходит кровавое столкновение, в ходе которого был убит обвиненный прусским боярином Захарией Овиным в союзе с Иваном III славенский (?) боярин Василий Никифоров, а затем такой же расправе подверглись Захария Овин, его брат Кузьма и сын Кузьмы Овина. Ожесточенность столкновения была страшной: «А Василья Онаньина (ошибочно вместо Никифорова. — В. Я.) тоу поймав, а на вече исышекли топори в часть, а иных заповедали, тако же хотяче смертию казнить»¹²². Поводом для столкновения были московские дела. В начале года Овины и Василий Никифорович ездили в Москву к Ивану III на беспрецедентный суд и поименовали его там не «господином», а «государем», чем Иван III и воспользовался для того, чтобы прислать своего посла в Новгород с требованием фактического его при-

¹²⁰ ПСРЛ. С. 192 и сл.

¹²¹ Там же. Т. 6. С. 215; Т. 8. С. 193; Т. 12. С. 181—182; Т. 18. С. 261; Т. 25. С. 318.

¹²² Псковские летописи. Вып. 2. С. 209.

знания государем: «А что его есте государем собе назвали и за него есте задале, соуду его в вас в Великом Новгороде быти, и по всем оулицам седити князя великого тиоуном, и Ярославля вам дворище великим князем очистити, и в великих князей соуд не оуступати»¹²³. Интересен ответ Василия Никифорова на обвинение его в измене: «Целовал есми крест к великому князю в том, что ми служити ему правдою и добра ми хотети ему, а не на государя своего Великого Новгорода, ни на вас, свою господию и братию»¹²⁴. Именно в рассказе об этих событиях летописец четко противопоставляет «литовскую» и «московскую» группы: «И от того часу възбеснеша яко пианы, ин инаа глаголаше, и к королю паки възхотеша; князь же велики услышав от своих послов, да и от тамошних посадник, котории приятны ему, а разбегошася вси... сжалился зело о них и прослезися». К «московской» группе в первую очередь направлено и известное послание митрополита Филиппа 22 марта 1471 г.: «...а ныне слышю в детех ваших, в ноугородцех, да и в многих у вас в молодых людех, которые еще не навыкли доброй старине... да и нынеча деи те несмысленные, копячася в сонмы, да поостряются на многая стремления и на великое земное неустроение, нетишину, хотячи ввести мятежь велик и расколу в святей Божьей церкви, да оставя православие и великую старину да приступити к латыном... А вы, сынове, православные старые посадници ноугородстии и тысяцкие, и бояре, и купцы, и весь Великий Новьгород, живучи в православьи, сами того побережете, да старии младых понакажите, да лихих высчюните от злаго начинания»¹²⁵.

Несмотря на принципиальную общность боярской политики в отношении к Москве, внутри новгородского боярства в последний период самостоятельности существовали заметные градации. Если одна часть боярства придерживалась крайней политики решительного разрыва с Москвой, ликвидации московского великокняжеского суверенитета над Новгородом, то другая часть боярства признавала наилучшим способом самозащиты политику мелких уступок великому князю, поддержание возможного компромисса. Вполне очевидно, что такая политика могла исходить из реалистического анализа сложившейся обстановки, которая определилась внутри Новгорода к началу 1470-х гг. Решительный разрыв с Москвой должен был вести к полной изоляции новгородской правящей верхушки, уже не имевшей возможности опереться на широкие слои новгородского общества в случае военного столкновения с Москвой. Иными словами, так называемая «московская» ориентация части новгородского боярства имела тактический характер и была порождена спецификой политической обстановки. Устремления этой части боярства отчетливо выражены Василием

¹²³ Псковские летописи. Вып. 2. С. 209.

¹²⁴ ПСРЛ. Т. 8. С. 184.

¹²⁵ РИБ. Вып. 6. С. 726 и сл.

Никифоровичем, который, по его словам, хотел ладить и с Иваном III, и с Новгородом, «своей господией и братией». Так называемая «московская» ориентация — это синоним традиционной боярской политики в отношении к Москве, политики, которая всегда была антикняжеской и антимосковской во всем, что касалось внутреннего управления Новгородом, но которая в решении наиболее сложных внешних задач исходила из союзнических отношений с Москвой.

Внешняя политика новгородского боярства и в XIV, и в XV в. была достаточно противоречивой. С одной стороны, для нее характерно стремление к независимости от московского великого князя. С другой стороны, союз с Москвой не мог не признаваться наиболее существенной гарантией от постоянной угрозы западным рубежам новгородских земель. Отсюда — та сложная позиция, которую занимал Новгород в системе русско-литовских отношений.

Стремление к независимости новгородской внешней политики от вторжений со стороны московских князей уже в первой половине XV в. привело к практическому восстановлению самостоятельного новгородского княжения на основе союза с Литвой. Мы имеем в виду преобразование института служилых князей, утвердившегося в Новгороде рядом с суверенитетом великого князя. Корни этого института уходят в новгородско-литовские отношения XIV в. или, точнее, в новгородско-московские отношения XIV в., поскольку развитие союзнических отношений с Литвой происходит под знаком осложнений отношений с Москвой.

Первоначальная роль литовских князей в Новгороде сводится лишь к олицетворению новых принципов новгородской внешней политики, заинтересованной в союзе с Литвой на случай разрыва с Москвой. Наримант Гедеминович, пришедший в Новгород в 1333 г., его сын Патракий, появившийся там в 1383 г., Семен-Лугвень Ольгердович, принятый в Новгороде в 1389 г., — не называются новгородскими князьями. Они получают от Новгорода в кормление пригороды и обязаны службой. Политический смысл кормления очевиден. В Новгороде в 1384 г. происходит серьезное столкновение между сторонниками и противниками Патракия. В момент размирья Новгорода с Москвой в 1398 г. форма новгородско-литовского союза меняется. Новгород принимает решение порвать с Москвой и заключить докончание с Витовтом. Однако в 1399 г. происходит разрыв этих отношений и восстанавливается суверенитет московского князя. В 1403 г. новгородцы приглашают к себе на службу смоленского князя Юрия Святославича, лишённого отчины Витовтом и находившегося в союзе с Москвой. Юрий получает от Новгорода в кормление 13 городов. В 1407 г. новгородским служилым князем «на пригородах, которые были прежде сего за ним», снова становится Семен Ольгердович. И снова колебания новгородского боярства приводят к разрыву с Литвой в 1413 г. В числе литовских обвинительных пунктов был, между прочим, и следующий: «А над то над все нашего воро-

га Юрьева Святославлича сына Федорова приняле есте»¹²⁶. Институт служилых князей, который иногда оказывался выражением новгородско-московского союза, по своей сущности был порождением антимосковской политики. Показательно, что и Федор Юрьевич не пожелал княжить на новгородских пригородах, боясь осложнений не только с Витовтом, но и с Москвой.

Мы должны особенно подчеркнуть то обстоятельство, что сложная борьба вокруг института служилых князей ведется в период, когда внутрибоярские отношения еще не прошли исторический рубеж реформ 1410-х гг. В этот период, пока еще не была достигнута консолидация новгородского боярства, та или иная внешнеполитическая ориентация могла быть средством во внутренней политической борьбе. Лишь с образованием новых форм государственной власти в 1410-х гг. можно говорить с уверенностью об общебоярской политике. Оказывается, что именно с этого момента начинается новый этап в развитии института служилых князей. В 1420 г. новгородцы принимают на пригороды, «кои быле за Лугвенем», и дают коробейщину и бор по всей волости новгородской князю Константину Дмитриевичу, появившемуся в Новгороде после разрыва со своим братом московским князем Василием¹²⁷.

Антимосковская направленность этого акта носит не только откровенный, но и демонстративный характер. Однако гораздо важнее то, что с принятием в Новгороде Константина Дмитриевича существенно изменяется статус служилых князей. Князь Константин признается не просто принятым на кормление, а новгородским князем, сидящим на новгородском столе. Об этом можно судить на основании документов 1420—1421 гг. Его имя с титулом великого князя названо первым в числе имен тех лиц, от которых исходит проект договорной грамоты Новгорода с Ливонским орденом и Юрьевом 1420 г.: «От великого князя Константина Дмитриевича, от посадника новгородского Василия Никитича, от тысяцкого новгородского Кузьмы Терентьевича, от всех больших в Новгороде. Я, князь Константин Дмитриевич, посылая моих послов и т. д.»¹²⁸ К нему же как к главному лицу в Новгороде приезжают ливонские послы в начале февраля 1421 г.¹²⁹ Вопреки титулованию Константина великим князем в документе 1420 г. его новгородское княжение осуществляется в системе московского суверенитета над Новгородом: «И князе великий Васелии Дметриевич и князе Костянтин Дмитриевич и архиепископ новгородчкый владыка Семеон, посадник новгородчкый Васелии Микитинечь, и тысячкый новгородчкый Кузма Терентиевичь, и весь господин Великий Новъгород послаша на

¹²⁶ НПЛ. С. 404.

¹²⁷ Там же. С. 412.

¹²⁸ ГВНП. С. 97, № 59.

¹²⁹ Там же. С. 99, № 60.

съезд с местерем князя великого наместнека князя Федора Патракеевича, посадника новгородского Василея Есефовича и т. д.»¹³⁰

После примирения Константина с Василием Дмитриевичем и непродолжительного периода, когда в Новгороде не было служилого князя¹³¹, туда приглашается сын Семена-Лугвения литовский князь Юрий Семенович, подвизавшийся в Новгороде с перерывами, связанными с его разъездами из Новгорода в Литву и обратно, с 1432 по 1440 г., а затем в 1446 г. Юрий, подобно Константину Дмитриевичу, признается особым новгородским князем, как это следует из надписи панагиара 6944 г.: «створена бысть понагия сия повелением преосвященного архиепископа Великого Новагорода владыци Еоуфимия при великом князе Василье Васильевиче всея Роуси, при князе Юрье Лоугвеньевиче, при посаднике Великого Новагорода Борисе Юрьевиче, при тысяцком Дмитрее Васильевиче»¹³².

В 1444—1446 гг. служилым новгородским князем был литовский князь Иван Владимирович. С 1447 г. эту должность занимает князь Александр Владимирович Черторыйский, который титулуется новгородским князем или князем Великого Новгорода в летописи¹³³ и документах, относящихся к Наровскому съезду 1448 г.¹³⁴ В 1455 г. Александр Васильевич возвращается на псковское княжение. Характер его взаимоотношений с великим князем Василием Васильевичем достаточно ясен, он проявляется в событиях 1460 г., когда Александр отказался целовать крест Василию и его детям и предпочел бежать в Литву. В 1455 г. служилым новгородским князем становится также решительный противник Москвы Василий Васильевич Шуйский-Гребенка (Горбатый-Суздальский), который, впрочем, был новгородским князем, по-видимому, и около 1447 г., поскольку он возглавлял тогда новгородскую рать. Василий Шуйский княжит до 1478 г., неоднократно возглавляя новгородское войско против Москвы. Лишь около 1471 г., в момент упрочения новгородского союза с Литвой, он был временно заменен литовским киевским князем Михаилом Олельковичем, чем была нанесена «особая грубость» московскому великому князю¹³⁵.

¹³⁰ ГВНП. С. 99, № 60.

¹³¹ Возможно, что именно к этому периоду относится несохранившаяся грамота Новгорода к Витовту с просьбой отпустить на новгородское княжение Семена-Лугвения. О существовании такой грамоты известно из описей Посольского приказа 1614 и 1626 гг. В описи 1614 г. говорится о приглашении Семена «в Новгород на государство», а в описи 1626 г. сообщается, что ответ Витовта был датирован 2 июня, «а в котором году, того не писано, грамота ветха и продралася» (Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М., 1950. С. 457, 478).

¹³² Орлов А. С. Указ. соч. С. 131, № 216.

¹³³ Псковские летописи. Вып. 2. С. 138.

¹³⁴ ГВНП. С. 118—123, № 72, 73.

¹³⁵ ПСРЛ. Т. 6. С. 5.

Существование в Новгороде института служилых князей как нельзя лучше отражает двойственный характер боярской внешней политики. Одним из ее принципов было поддержание московского суверенитета над Новгородом, боязнь губительного разрыва с Москвой. Другим принципом — изыскание средств ослабить влияние великого князя, противопоставляя ему систему союзов с его главными противниками. Антимосковская по своему духу боярская политика располагала лишь шаткими средствами дипломатии и социальной демагогии. Лишенная поддержки со стороны широких масс новгородского общества, она балансировала на туго натянутом канате дипломатических комбинаций, не будучи в состоянии отыскать более надежную опору. Эта позиция ставила перед боярством неизбежную тактическую проблему. Можно было стремиться к сохранению неизменными сложившихся отношений, т. е. продолжать дипломатическую борьбу. Но можно было также совершить попытку добиться военной победы в союзе с Литвой. Обе возможности не могли не вербовать сторонников, активность которых зависела прежде всего от общеполитической конъюнктуры. В определенные моменты, когда обстановка складывалась таким образом, что решительный успех боярства в борьбе с Москвой казался возможным, как это было, например, перед Яжелбицким и Коростынским поражениями, военные лозунги становились выражением общебоярской политики и собирали под военные стяги представителей обоих политических направлений, тогда как в обстановке разочарования после сокрушительных ударов со стороны Москвы внешнеполитическая проблема вновь приобретала дискуссионный характер.

Мы далеки от мысли, что крайности антимосковской политики или тяготение к проведению этой политики более умеренными средствами могут служить признаком принадлежности сторонников «литовской» и «московской» ориентаций к тем или иным территориальным группировкам бояр. Вопрос об отношении к Москве был настолько важным для всего новгородского боярства и всех житейх, что методы его решения должны были обсуждаться в каждом конце, на каждой улице, они могли восстанавливать сына против отца и брата против брата. Однако кончанское соперничество своими корнями так глубоко уходит в почву внутрибоярских отношений, что попытка поставить вопрос о существовании каких-то определенных центров политических споров по крайней мере оправдана. Орудием распространения политических лозунгов и во второй половине XV в. оставалось кончанское вече, а от характера активности его руководителей во многом зависела политическая характеристика того или иного конца в целом.

Способом проверить это предположение является анализ территориальной принадлежности тех достаточно многочисленных новгородских бояр, которые, по свидетельству источников, «думали на короля» и на которых в разное время обрушивались репрессии Ивана III.

Первые репрессии Ивана III против сторонников «литовской» ориентации относятся к 1471 г. когда на Шелони москвичами была взята в плен большая группа новгородских бояр и житых. В ее составе оказались: Василий Казимир, Дмитрий Исакович Борецкий, Кузьма Григорьев, Яков Федоров, Матфей Селезнев, Василий Селезнев, Павел Телятев, Кузьма Грузов, Киприян Арзубьев и Еремей Сухощек.

Нам известна территориальная принадлежность Василия Казимира (Неревский конец), Кузьмы Григорьева (Прусская улица), Якова Федорова (Прусская улица), Матфея и Василия Селезневых (Неревский конец). К боярству Неревского конца принадлежал и Дмитрий Исакович Борецкий. Павел Телятев и Кузьма Грузов связываются со Славенским концом. Что касается житего Киприяна Арзубьева, то его сын Григорий Киприянович Арзубьев в 1475 г. был старостой Никитиной улицы в Плотницком конце. Территориальная принадлежность житего Еремея Сухощека нам неизвестна.

Мы видим, что состав схваченной Иваном III группы новгородцев весьма разнообразен. В нее входят бояре и житых из всех концов Новгорода, хотя среди них преобладают жители Неревского конца и Прусской улицы. Более умеренна позиция славенского боярства. Однако, по-видимому, следует говорить также о некоторых различиях в подходе к проблеме взаимоотношений с Москвой и внутри группы очевидной «литовской» ориентации. Во всяком случае эти различия были ясны Ивану III, который при заключении Коростынского мира отпустил большую часть плененных бояр и житых, но приказал казнить четырех человек из их числа: Дмитрия Борецкого, Василия Селезнева, Киприяна Арзубьева и Еремея Сухощека. Оба казненных боярина принадлежат к числу неревских посадников; плотницкого и прусского боярства крайние репрессии не коснулись. Из плотничан был обезглавлен житий Киприян Арзубьев. Принадлежность Еремея Сухощека неизвестна, но он также был не боярином, а житым.

Видным деятелем «литовской» ориентации был славенский посадник Василий Онаньин, который в 1471 г. во время поездки в Москву спровоцировал открытый разрыв между Новгородом и Москвой. В 1475 г. он был схвачен Иваном III и отправлен в заточение.

Одновременно с Василием Онаньиным в Новгороде были арестованы и отправлены в Москву Богдан Есифов (Прусская улица), Федор Исаков и Иван Лошинский. Последние два боярина во время официальной встречи Ивана III не входили в группы кончанских представителей, но они значатся в числе нападавших на Славкову и Никитину улицы и должны быть отнесены к неревскому и прусскому боярству. Для Федора Исаковича Борецкого эта связь тем более очевидна, что в Неревском конце жили его мать, брат и племянник, а также его сын Василий, арестованный впоследствии вместе с Марфой. Можно было бы думать, что арест всех этих лиц объясняется лишь тем, что на них Ивану III были поданы

жалобы самими новгородцами, однако политическая характеристика Борецких и Василия Онаньина, существующая вне зависимости от показательного суда Ивана III, не оставляет места для сомнений в действительных причинах репрессий.

Тогда же были схвачены и отправлены в Москву посадник Иван Афанасьевич и его сын Олферий, которым в вину прямо вменено, что они «думали на короля». Это еще один случай ареста Иваном III славенских бояр.

И все же большинство репрессированных сторонников «литовской» ориентации относится к Неревскому концу и Прусской улице. В 1478 г. в Москву были отправлены Марфа Исакова с внуком Василием Федоровичем (Неревский конец), Иван Кузьмин Савелков (Прусская улица), Окинф Толстой с сыном Романом, Юрий Репехов, Григорий Арзубьев и Макарка (или Марк) Панфилев. Тем самым была завершена расправа с Борецкими. Принадлежность Толстых и Репехова неизвестна. Григорий Арзубьев был плотницким житым. К Плотницкому концу, вероятно, относился и Панфилев, бывший купеческим старостой, т. е. лицом, связанным с церковью Ивана на Опоках — соборным храмом Плотницкого конца. В 1481 г. в Москву были увезены бояре Василий Казимир и его брат Яков Короб (Неревский конец), Михаил Берденев и Лука Федоров (оба — жители Прусской улицы).

Наконец в 1484 г., когда «прииде великому князю обговор на новгородци от самих же новгородцев, яко посылалися братья их новугородци в Литву к королю», в Новгороде по приказу Ивана III было схвачено около 30 человек бояр и житых, из числа которых поименно названы лишь «славная и богатая Настасья», вдова посадника Ивана Григорьевича, умершего в 1467 г. и связанного с Прусской улицей¹³⁶, и Иван Кузьмин, «что был у короля в Литве, а сбежал, когда князь великий Новгород взял, с тридцатью слуг своих, и король его не пожаловал, и люди отстали от него, и он сам третей прибежал на свою отчину в Новгород, и князь велики велел поимати и дом его пограбити»¹³⁷. Ивана Кузьмина 1484 г. иногда отождествляют с Иваном Кузьмичем Савелковым, как это сделано, например, в Указателе к первым восьми томам ПСРЛ. Однако карьера Савелкова закончилась еще в 1478 г., когда он по взятии Новгорода был отправлен в Москву, а все его имущество конфисковано. В данном случае речь, несомненно, идет об Иване Кузьмиче, зяте Захарии Овина, прусском посаднике.

Мы видим, что многочисленные аресты, произведенные Иваном III в разных концах Новгорода, больше всего касаются представителей Неревского конца, а также Прусской улицы. На Славенском конце расправе подверглись лишь три боярина. Это дает основание утверждать, что в отношении к Москве нерев-

¹³⁶ Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина: Историко-генеалогическое исследование. С. 127—131 и вкл.

¹³⁷ ПСРЛ. Т. 6. С. 236.

ское боярство, к которому принадлежало и семейство Борецких, действительно занимало наиболее крайнюю позицию, являясь главным выразителем пролитовской политики, тогда как боярство Славенского конца в целом выражало наиболее умеренные взгляды. Остальные территориальные группировки колебались между этими политическими полюсами, поддерживая главным образом неревлян. Если около 1471 г. «литовская» группировка добилась наиболее существенного успеха, сплотив вокруг своих лозунгов основную часть новгородского боярства, то после Шелонского поражения она теряет силы. Столкновение в 1475 г. Плотницкого конца с неревлянами и прущанами говорит об изменении политической линии основной части бояр и житых Плотницкого конца.

Последняя попытка объединения всех боярских группировок вокруг знамени активной антимосковской борьбы относится к 1477 г., когда была принята «Утвержденная грамота». Это объединение, оказавшееся недолговечным, возникает в чрезвычайно сложной обстановке. Та часть боярства, которая испытывает колебания, терроризирована кровавой расправой с Василием Никифоровичем и Овиными; некоторые посадники бежали из Новгорода. Архангелогородская летопись сообщает о мерах, которые были приняты «литовской» группировкой против колебавшихся прусских посадников: «А Луку Федорова да Фефилата Захарьина изымавшие, посадили за сторожи, а потом приведше их на вече и пожаловаша их и целовали крест, что им хотети добра Новугороду»¹³⁸.

Колебания бояр создавали условия, при которых черный люд снова мог проявить свою активность: «И въсколебашася аки пьяни, и бяше в них непословица и многие брани, мнози бо велможи бояре перевет имеаху князю великому и того ради не изволиша в единомыслии быти, и всташа чернь на бояр, а бояри на чернь»¹³⁹. Сплочение бояр после событий 1477 г., таким образом, имело и социальный характер. Но оно было также антимосковским. Поэтому мы не можем согласиться с выводами, предложенными И. В. Лепко, согласно которым Иван III в Новгороде опирался на «приятных» ему бояр, а чернь стала главным хранителем республиканских порядков¹⁴⁰.

«ПЕЧАТИ ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА»

После реформ 1410-х гг. характер государственной печати Новгорода существенно изменяется. Если в предшествующее время посадничьи буллы содержали элементы, подчеркивающие их личную принадлежность, и несли на себе

¹³⁸ Архангелогородская летопись. М., 1819. С. 183.

¹³⁹ ПСРЛ. Т. 5. С. 37.

¹⁴⁰ Лепко И. В. Социально-политическая борьба в Великом Новгороде в 1477—1478 гг. // Учен. зап. Вологодского педагогического института. 1951. Т. 9.

имя посадника, то теперь они становятся несомненной принадлежностью боярской олигархии в целом. Их надписи, как правило, не содержат больше имен; они свидетельствуют о принадлежности печатей «Великому Новгороду». Практическое объединение посадничества и тысяцкого в руках боярского сената уничтожает внешние различия печатей посадников и тысяцких. Если раньше посадничество и тысяцкое были особыми организмами в системе республиканского управления, теперь они превращаются в его органы, что находит выражение и в сфрагистике.

К настоящему времени известны 135 экземпляров печатей Великого Новгорода, происходящих от 76 пар матриц. Эти печати по своим типовым особенностям подразделяются на несколько групп, значение которых нуждается в осмыслении. В основу классификации мы положили два главных элемента этих печатей: форму их надписи («Новгородская печать» или «Печать Великого Новгорода») и изображение.

1. «НОВГОРОДСКИЕ ПЕЧАТИ» (рис. 9)

а. Печати с изображением Вседержителя

1. Л. с. Надпись в пять строк:

НО
ВГОРО
УСАГЯ
ПЕЧА
ТЬ

О. с. Поясное изображение Вседержителя. По сторонам: IC XC

Д. — 28—30 мм. Сохранялась при грамоте Новгорода Колывани 1413—1414 г., ГВНП, № 56. Хр. — утрачена. Изд. — АПДР. Т. 2. С. 221, № 707.

2. Л. с. Надпись в четыре строки:

ВР
ОДЬСК
ПАПЕУ
ТЬ

О. с. Изображение Вседержителя на престоле.

Д. — 23—24 мм. М. н. — Новгород, Городище, 1982 г., раскопки Е. Н. Носова. Хр. — Новгородский музей, № 33181. Изд. — АПДР. Т. 3. С. 212, № 707а.

3. Л. с. Надпись в пять строк:

ГОРО
АДСКА
ПАПЕУ
АТЬ

О. с. Изображение Вседержителя на престоле.

По сторонам (зеркально): IC XC

Рис. 9. «Новгородские печати» XV в.

Рис. 9 (продолжение). «Новгородские печати» XV в.

2 экземпляра

1. Д. — 26—27 мм. М. н. — Новгород, ок. 1994 г. Хр. — Новгородский музей, № 38610-10. Изд. — АПДР. Т. 3. С. 212, № 7076-1.

2. Д. — 29—30 мм. М. н. — Новгород, 1995 г., найдена на Троицком раскопе в слое первой половины XV в. Хр. — Новгородский музей, № 40529-109. Изд. — АПДР. Т. 3. С. 212, № 7076-2.

4. Л. с. Надпись в три строки:

ПЕУАТЬ
ОВГОРОУ
УКАА

О. с. Поясное изображение Вседержителя.

Д. — 28—30 мм. М. н. — Новгород, 1951 г. Хр. — Новгородский музей, № 3981. Изд. — АПДР. Т. 2. С. 221, № 708.

б. Печати с изображением воина

5. Л. с. Надпись в три строки:

ПЕУА
НОВГОРО
УКАА

О. с. Изображение воина в зубчатой короне, с копьем и щитом, в полный рост.

2 экземпляра

1. Воск. Д. — 30—31 мм. Сохранилась при грамоте Новгорода Риге 1418—1420 гг., ГВНП, № 58. Хр. — Рижский архив. Изд. — АПДР. Т. 2. С. 221, № 709-1.

2. Д. — 31 мм. М. н. — Новгород, 1918 г. Хр. — Одел истории первобытной культуры Эрмитажа, № 1957/5. Изд. — АПДР. Т. 2. С. 221, № 709-2.

6. Л. с. Надпись в четыре строки:

ПЕУА
НОВГ
РОУКА
УКАА

О. с. Изображение воина в зубчатой короне, с копьем и щитом, в полный рост.

3 экземпляра

1. Д. — 29—31 мм. М. н. — Новгород, до 1914 г. Хр. — Отдел нумизматики Эрмитажа, № 603. Изд. — АПДР. Т. 2. С. 221, № 710-1.

2. Д. — 28—31 мм. М. н. — Новгород, 1952 г., найдена в Неревском раскопе. В слое 1410-х — начала 1420-х гг. Хр. — Отдел нумизматики ГИМ, № 188. Изд. — АПДР. Т. 2. С. 221, № 710-2

3. Д. — 28—32 мм. М. н. — Новгород, 1963 г. Хр. — Новгородский музей, № 15283. Изд. — АПДР. Т. 2. С. 221, № 710-3.

7. Л. с. Надпись в четыре строки:

пѣѹа
НОВГО
РОДЬУК
х 4 А х

О. с. Изображение воина в зубчатой короне, с мечом и щитом, в полный рост.

4 экземпляра

1. Д. — 31 мм. М. н. — Новгород, до 1906 г. Хр. — Отдел нумизматики Эрмитажа, № 604. Изд. — АПДР. Т. 2. С. 221, № 711-1.

2. Д. — 27—29 мм. М. н. — Новгород, до 1908 г. Хр. — Новгородский музей, № 3982. Изд. — АПДР. Т. 2. С. 221, № 711-2.

3. Д. — 27—29 мм. М. н. — Новгород, 1964 г., найдена около церкви Спас-Нередицы. Хр. — Новгородский музей. Изд. — АПДР. Т. 2. С. 221, № 711-3.

4. Д. — 28 мм (обл.). М. н. — Новгород, Городище, 1986 г. Хр. — Новгородский музей, № 40529-110. Изд. — АПДР. Т. 3. С. 212, № 711-4.

8. Л. с. Надпись в четыре строки:

пѣѹа
НОВГО
РОДЬУК
А

О. с. Изображение воина в зубчатой короне, с копьем и щитом, в полный рост.

Д. — 26—30 мм. М. н. — Новгород, 1962 г., найдена на Ильинском раскопе в верхнем перекопанном слое. Хр. — Отдел нумизматики ГИМ, № 189. Изд. — АПДР. Т. 2. С. 221—222, № 712.

9. Л. с. Надпись в четыре строки:

пѣѹа
НОВГО
РОДЬУК
А

О. с. Изображение воина в зубчатой короне, с копьем и щитом, в полный рост.

Д. — 26—32 мм. М. н. — Новгород, 1988 г., найдена на Троицком раскопе, в кв. 1121 на глубине 164 см. Хр. — Новгородский музей, № 40077. Изд. — АПДР. Т. 3. С. 212—213, № 712а.

10. Л. с. Надпись в три строки: **лѣуа
тл новѣ
роукаѣ**

О. с. Изображение воина с копьем и щитом, в полный рост

Д. — 27—29 мм. М. н. — Новгород, до 1917 г. Хр. — Отдел нумизматики Эрмитажа, № 606. Изд. — АПДР. Т. 2. С. 222, № 713.

11. Л. с. Надпись в три строки: **уаѣ
новѣроу
укаѣ**

О. с. Изображение воина в шлеме, с копьем и щитом, в полный рост.

Д. — 28—30 мм. М. н. — Новгород, 1962 г., найдена на Ильинском раскопе в слое первой половины XV в. Хр. — Отдел нумизматики ГИМ, № 190. Изд. — АПДР. Т. 2. С. 222, № 714.

в. Печать с изображением всадника

12. Л. с. Надпись в четыре строки: **лѣуа
ьнов
ороу
каѣ**

О. с. Изображение всадника, влево.

Д. — 28—32 мм. М. н. — Новгород, 1954 г., найдена на Неревском раскопе в слое 1410—1420-х гг. Хр. — Отдел нумизматики ГИМ, № 191 Изд. — АПДР. Т. 2. С. 222, № 715.

г. Печати с изображением зверя

13. Л. с. Надпись в три строки: **лѣуаѣ
ьновѣгор
оукаѣ**

Вокруг линейный ободок.

О. с. Изображение зверя, влево.

Вокруг надпись:

**ѣсе
ѣтѣ
ѣѣѣ**

По краю двойной линейный ободок.

3 экземпляра

1. Д. — 31 мм. Сохранялась при грамоте Новгорода магистру Ливонского ордена 1414—1415 гг., ГВНП, № 53. Хр. — утрачена. Изд. — АПДР. Т. 2. С. 222, № 716-1.

2. Воск. Д. — 32—34 мм. Сохранилась при грамоте Новгорода Риге 1418—1420 гг. ГВНП, № 58. *Хр.* — Рижский архив. *Изд.* — АПДР. Т. 2. С. 222, № 716-2.

3. Д. — 25—27 мм. *М. н.* — Новгород, 1962 г. Найдена на Ильинском раскопе в слое XV в. *Хр.* — Отдел нумизматики ГИМ, № 192. *Изд.* — АПДР. Т. 2. С. 222, № 716-3.

14. Л. с. Надпись в четыре строки:

· ·
· ·
· ·
· ·

О. с. Изображение зверя, вправо.

Д. — 27—30 мм. *М. н.* — Старая Ладога, 1911 г. *Хр.* — Отдел нумизматики Эрмитажа, № 606. *Изд.* — АПДР. Т. 2. С. 222, № 717.

15. Л. с. Надпись в пять строк:

· ·
· ·
· ·
· ·
· ·

О. с. Изображение зверя, вправо.

2 экземпляра

1. Д. — 29—30 мм. *М. н.* — Новгород, до 1906 г. *Хр.* — Отдел нумизматики Эрмитажа, № 607. *Изд.* — АПДР. Т. 2. С. 222, № 718-1.

2. Д. — 28 мм. *М. н.* — неизвестно. *Хр.* — Отдел нумизматики ГИМ, получена из ЛБ. *Изд.* — АПДР. Т. 2. С. 222, № 718-2.

16. Л. с. Остатки пятистрочной (?) надписи:

· ·
· ·
· ·
· ·
· ·

О. с. Изображение зверя, вправо.

Обломок. *М. н.* — Новгород, Городище, 1977 г. *Хр.* — Новгородский музей, № 40529-111. *Изд.* — АПДР. Т. 3. С. 213, № 718а.

17. Л. с. Надпись в четыре строки:

· ·
· ·
· ·
· ·

Вокруг точечный ободок.

О. с. Изображение зверя, вправо. Вокруг точечный ободок.

5 экземпляров

1. Д. — 30 мм. Сохранилась при грамоте Новгорода тверскому князю Борису Александровичу 1446 г., ГВНП, № 20. *Хр.* — РГАДА, Гос. древлехр, отд. 1, рубр. III, № 16. *Изд.* — АПДР. Т. 2. С. 223, № 719-1.

2. Д. — 27—30 мм. *М. н.* — Новгород, до 1912 г. *Хр.* — Отдел нумизматики Эрмитажа, № 608. *Изд.* — АПДР. Т. 2. С. 223, № 719-2.

3. Д. — 31 мм (обл.). *М. н.* — неизвестно, до 1906 г. *Хр.* — Отдел нумизматики Эрмитажа, № 609. *Изд.* — АПДР. Т. 2. С. 223, № 719-3.

4. Д. — 28—29 мм. М. н. — неизвестно. Хр. — находилась в коллекции Гаршина. Изд. — АПДР. Т. 2. С. 223, № 719-4.

5. Д. — 26—27 мм. М. н. — Новгород, 1971 г., найдена на Торговом раскопе, в кв. 40, на глубине 360—380 см. Хр. — Новгородский музей, № 33656-226. Изд. — АПДР. Т. 3. С. 213, № 719-5.

18. Л. с. Надпись в четыре (?) строки:

пѣ
ѸѸІ
ѸІ

О. с. Изображение зверя, вправо

Д. — 29 мм (обл.). М. н. — Старая Ладога, ок. 1994 г. Хр. — Новгородский музей, № 38724. Изд. — АПДР. Т. 3. С. 213, № 719а.

19. Л. с. Надпись в четыре строки:

пѣѸА
НОВГО
РОУКА
ѸХ

О. с. Изображение зверя, вправо.

Д. — 27—30 мм. М. н. — д. Быльчино Волховского р-на Ленинградской обл. Хр. — Староладожский музей, № 95.181/А-18.237. Изд. — АПДР. Т. 3. С. 213, № 719б.

2. «ПЕЧАТИ ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА» (рис. 10)

а. Печати, не несущие изображения

20. Л. с. Надпись в четыре строки:

пѣѸА
ТЬВѸСЛ
ННКО
ѸГОХ

О. с. Надпись в три строки:

Вокруг линейный ободок.

3 экземпляра

НО
ВѸГО
РОДА
Ѹ.Ѹ.

1. Д. — 29 мм. М. н. — Новгород. Хр. — не разыскана. Изд. — АПДР. Т. 2. С. 223, № 720-1.

2. Д. — 29—32 мм. М. н. — Новгород, 1918 г. Хр. — Отдел нумизматики Эрмитажа, № 610. Изд. — АПДР. Т. 2. С. 223, № 720-2.

3. Д. — 27—28 мм. М. н. — Новгород, 2002 г., найдена на Никитинском раскопе в слое XV в. (кв. 94, глубина 382—387 см). Хр. — НЭ. Не издана.

б. Печати с изображением воина

21. Л. с. Надпись в пять строк:

ПУА.
 ТЪВЕЛН
 СОГОНОЕ
 ВАГО РО
 А.А

Вокруг точечный ободок.

О. с. Изображение воина в полный рост, с копьем и щитом. По сторонам кресты из точечных линий. Вокруг точечный ободок.

2 экземпляра

1. Д. — 30 мм. М. н. — Новгород, 1954 г., найдена на Ленинградской ул. (Софийская сторона). Хр. — Новгородский музей, № 9964. Изд. — АПДР. Т. 2. С. 223, № 721.

2. Д. — 24 мм (обл.). М. н. — Новгород, 2002 г., найдена на Троицком раскопе в слое XV в. Хр. — НЭ. Не издана.

22. Л. с. Надпись в пять строк:

ПУА
 ТЪВЕЛН
 СОГОНО
 ВАГО РО
 А.А.

О. с. Изображение воина со щитом, в полный рост.

Д. — 26—27 мм. М. н. — Новгород, 1979 г., найдена на Нутном раскопе в слое конца первой четверти XV в. Хр. — Новгородский музей, № 33656-227. Изд. — АПДР. Т. 3. С. 213, № 721а.

23. Л. с. Надпись в пять строк:

УА
 ЕЛН
 НО
 РО
 *

О. с. Изображение воина с копьем, стоящего в полный рост внутри шатра.

Д. — 31 мм (обл.). М. н. — Новгород, ок. 1985 г. Хр. — Новгородский музей, № 33657-59. Изд. — АПДР. Т. 3. С. 213, № 721б.

в. Печати с изображением всадника

24. Л. с. Надпись в четыре строки:

ПУАТ
 ВЕЛН
 ОГОНО
 ГОРОА

О. с. Изображение всадника, влево.

2 экземпляра

1. Д. — 27—30 мм. М. н. — Новгород, 1962 г., найдена неподалеку от Знаменского собора (Торговая сторона). Хр. — Новгородский музей, № 18005. Изд. — АПДР. Т. 2. С. 223, № 722.

2. Д. — 25—27 мм. М. н. — Новгород, Городище, 1973 г. Хр. — Новгородский музей, № 33656-228. Изд. — АПДР. Т. 3. С. 213, № 722-2.

25. Л. с. Надпись в четыре строки:

БЕЛИ
ГОИ
БОГ
ТЕУ

О. с. Изображение всадника, влево

Д. — 28—29 мм. М. н. — Новгород, 1990 г., найдена на Михайловском раскопе в кв. 79 на глубине 160 см. Хр. — Новгородский музей, № 39209. Изд. — АПДР. Т. 3. С. 213, № 721в.

26. Л. с. Надпись в пять строк:

УАТЬ
НИКО
НОВА
РОДА

О. с. Изображение всадника, влево.

Д. — 29—30 мм. М. н. — Новгород, 1991 г., найдена у вала на северной стороне пр. Гагарина. Хр. — Новгородский музей, № 33656-229. Изд. — АПДР. Т. 3. С. 213, № 722а.

27. Л. с. Надпись в четыре строки:

УАТЬ
НИКО
НОВА
РОДА

О. с. Изображение всадника, вправо

Д. — 26 мм (обл.). М. н. — Новгород, 1980 г. Хр. — Новгородский музей, № 33657-57. Изд. — АПДР. Т. 3. С. 213—214, № 722б.

г. Печати с изображением птицы

28. Л. с. Надпись в четыре строки:

УАТЬ
НИКО
НОВА
РОДА

Вокруг точечный ободок.

О. с. Изображение птицы, вправо; над ней звездочка и сегментовидная фигура, по сторонам вертикальные линии, разделенные черточками.

Д. — 31—32 мм. М. н. — Новгород, 1924 г. Хр. — Новгородский музей, № 3985. Изд. — АПДР. Т. 2. С. 224, № 723.

29. *Л. с.* Надпись в четыре строки:

пѣуа
тъвѣлк
о гонова
города

Вокруг линейный ободок.

О. с. Изображение птицы, влево

2 экземпляра

1. *Д.* — 27—29 мм. *М. н.* — Новгород, 1962 г., найдена в Воскресенской слободе на берегу Мячина. *Хр.* — Новгородский музей, № 14587. *Изд.* — АПДР. Т. 2. С. 224, № 724-1.

2. *Д.* — 30 мм (обл.). *М. н.* — неизвестно. *Хр.* — Отдел нумизматики Эрмитажа, № 611. *Изд.* — АПДР. Т. 2. С. 224, № 724-2.

30. *Л. с.* Оттиснута той же матрицей, что и *Л. с.* печати № 29.

О. с. Оттиснута той же матрицей, что и *О. с.* печати № 29, но с добавлением надписи над птицей: ОРЕЛЪ

2 экземпляра

1. *Д.* — 28—30 мм (средняя часть буллы вырезана). *М. н.* — Новгород, 1951 г., найдена в Неревском раскопе в слое 1420-х гг. *Хр.* — Отдел нумизматики ГИМ, № 194. *Изд.* — АПДР. Т. 2. С. 224, № 725.

2. *Д.* — 28—31 мм. *М. н.* — Новгород, 2002 г., найдена на Троицком раскопе в слое XV в. *Хр.* — НЭ. Не издана.

31. *Л. с.* Надпись в четыре строки:

пѣуа
тъвѣлк
о гонова
города

Вокруг линейный ободок.

О. с. Изображение птицы с распушенными крыльями, влево. Над птицей надпись: ОРЕЛЪ. Вокруг линейный ободок.

2 экземпляра

1. *Д.* — 25—32 мм. *М. н.* — Новгород, до 1917 г. *Хр.* — Отдел нумизматики Эрмитажа, № 612. *Изд.* — АПДР. Т. 2. С. 224, № 726-1.

2. *Д.* — 30—31 мм. *М. н.* — Новгород, 1981, найдена на Троицком раскопе в слое второй четверти XV в. *Хр.* — Новгородский музей, № 33656-230. *Изд.* — АПДР. Т. 3. С. 214, № 725а-2.

32. *Л. с.* Надпись в четыре строки:

пѣуа
тъвѣлк
о гонова
города

О. с. Изображение сидящей птицы с распушенными крыльями, влево.

Перед ней ветка. Наверху надпись: ОРЕЛЪ. Вокруг линейный ободок.

Д. — 30—33 мм. М. н. — Новгород, 1928 г., найдена под аркой, ведущей из кремля к станции Освода. Хр. — Новгородский музей, № 3984. Изд. — АПДР. Т. 2. С. 224, № 726-2.

33. Л. с. Надпись в четыре строки:

ПЕЧА.
ТЬ ВЕЛ
КОГОНО.
ЗАГОРО.

Вокруг точечный ободок.

О. с. Изображение птицы с распушенными крыльями, влево.

Вокруг точечный ободок.

Д. — 28—30 мм. М. н. — Новгород, Городище, до 1940 г. Хр. — Новгородский музей, № 3986. Изд. — АПДР. Т. 2. С. 224, № 727.

34. Л. с. Надпись в пять строк:

ПЕЧА.
ТЬ ВЕЛ.
КОГОНО.
ЗАГОРО.
СА.

Вокруг точечный ободок.

О. с. Изображение птицы, влево. Вокруг точечный ободок.

Д. — 27 мм. М. н. — Новгород, 1973 г., найдена в раскопе на ул. Кирова.

Хр. — Новгородский музей, № 33656-231. Изд. — АПДР. Т. 3. С. 214, № 728а.

35. Л. с. Надпись в четыре строки:

ПЕЧА
ТЬ ВЕЛ
КОГОНО
ЗАГОРО

О. с. Изображение птицы с распушенными крыльями, влево.

Вокруг точечный ободок.

Д. — 27 мм. М. н. — Новгород, до 1912 г. Хр. — Отдел нумизматики Эрмитажа, № 613. Изд. — АПДР. Т. 2. С. 224, № 728.

36. Л. с. Оттиснута той же матрицей, что и Л. с. печати № 35.

О. с. Изображение сидящей птицы, вправо.

2 экземпляра

1. Д. — 27—30 мм. М. н. — неизвестно. Хр. — была в коллекции Гаршина. Изд. — АПДР. Т. 2. С. 224, № 729-1.

2. Д. — 27—30 мм. М. н. — Новгород, 1963 г., найдена на Торговой стороне. Хр. — Отдел нумизматики ГИМ, № 195. Изд. — АПДР. Т. 2. С. 224, № 729-2.

37. Л. с. Надпись в пять строк:

· П Б У :
А Т І В Е
Л І К І Г О Н
І В С О Р

О. с. Изображение птицы, влево.

3 экземпляра

1. Д. — 27 мм (обл.). М. н. — Новгород, до 1906 г. Хр. — Отдел нумизматики Эрмитажа, № 614. Изд. — АПДР. Т. 2. С. 224, № 730.

2. Д. — 25 мм (обл.). М. н. — Новгород, Городище, 1971 г. Хр. — Новгородский музей, № 33656-232. Изд. — АПДР. Т. 3. С. 214, № 730-2.

3. Д. — 28—29 мм. М. н. — Новгород, 2002 г., найдена в Кремлевском парке. Хр. — неизвестно. Не издана.

38. Л. с. Надпись в четыре строки:

Т А
І О Г
Г О Р О
А

О. с. Изображение птицы, влево.

Д. — 23 мм (обл.). М. н. — Новгород, 1966 г., найдена на берегу Волхова около пристани на Торговой стороне. Хр. — Новгородский музей, № 18816. Изд. — АПДР. Т. 2. С. 225, № 731.

д. Печати с изображением зверя

39. Л. с. Надпись в четыре строки:

П Е У А Т
В Е Л І К
О Н О В А Г
Р О А А

Вокруг точечный ободок.

О. с. Изображение зверя, вправо. Вокруг точечный ободок.

6 экземпляров

1. Д. — 25—28 мм. М. н. — Новгород, до 1917 г. Хр. — Отдел нумизматики Эрмитажа, № 615. Изд. — АПДР. Т. 2. С. 225, № 732-1.

2. Д. — 27—29 мм. М. н. — Новгород, 1918 г. Хр. — Археологический отдел Эрмитажа. Изд. — АПДР. Т. 2. С. 225, № 732-2.

3. Д. — 29 мм. М. н. — Новгород, 1955 г., найдена на огородах по Псковскому шоссе. Хр. — Новгородский музей, № 10359. Изд. — АПДР. Т. 2. С. 225, № 732-3.

4. Д. — 24 мм. М. н. — Старая Ладога, ок. 1994 г. Хр. — Новгородский музей, № 38832-14. Изд. — АПДР. Т. 3. С. 214, № 732-4.

5. Д. — 24—26 мм (обл.). М. н. — Старая Ладога. Хр. — неизвестно. Изд. — АПДР. Т. 3. С. 214, № 732-5.

6. Д. — 26—27 мм. М. н. — Новгород. Хр. — частная коллекция (Новгород). Изд. — АПДР. Т. 3. С. 214, № 732-6.

40. Л. с. Надпись в четыре строки:

πε
ΒΕΛ
ΟΝΙ

О. с. Изображение зверя, вправо.

ΡΟ

Д. — 24 мм (обл.). М. н. — Новгород. Хр. — частная коллекция (Новгород).
Изд. — АПДР. Т. 3. С. 214, № 732а.

41. Л. с. Надпись в четыре строки:

ΠΕΥΔ
ΖΕΛΗΚ
ΟΒΔ
Α

О. с. Изображение зверя, вправо.

3 экземпляра

1. Д. — 25 мм (обл.). М. н. — Новгород, до 1908 г. Хр. — Отдел нумизматики Эрмитажа, № 196. Изд. — АПДР. Т. 2. С. 225, № 733.

2. Д. — 23—25 мм. М. н. — Старая Ладога. Хр. — частная коллекция (СПб.).
Изд. — АПДР. Т. 3. С. 214, № 733-2.

3. Д. — 27—28 мм. М. н. — Новгород. Хр. — частная коллекция (Новгород).
Изд. — АПДР. Т. 3. С. 214, № 733-3.

42. Л. с. Надпись в четыре строки:

ΤΕΥΔ
ΕΛΙΚΟ
ΟΒΔ
ΓΟΡΟΔ

Над надписью и под ней арабески.

О. с. Изображение зверя, вправо.

Д. — 25—27 мм. М. н. — Новгород, до 1917 г. Хр. — Отдел нумизматики Эрмитажа, № 616. Изд. — АПДР. Т. 2. С. 225, № 734.

43. Л. с. Надпись в пять строк:

ΠΕΥΔ
ΔΒΕΛΗΚ
ΟΒΔ
ΓΟΡΟΔ
Α

Вокруг точечный ободок. (4-я строка была сначала пропущена резчиком матрицы и вставлена потом).

О. с. Изображение зверя, вправо. Вокруг точечный ободок.

4 экземпляра

1. Д. — 25 мм. М. н. — Новгород, 1951 г., найдена на берегу Волхова около часовни Чудного креста. Хр. — Отдел нумизматики ГИМ, № 197. Изд. — АПДР. Т. 2. С. 225, № 735-1.

2. Д. — 25—28 мм. М. н. — Новгород, 1953 г., найдена на Неревском раскопе в выбросе. Хр. — Отдел нумизматики ГИМ, № 198. Изд. — АПДР. Т. 2. С. 225, № 735-2.

3. Д. — 26—27 мм. М. н. — Новгород, 1957 г., найдена на Неревском раскопе в слое второй четверти XV в. Хр. — Отдел нумизматики ГИМ, № 199. Изд. — АПДР. Т. 2. С. 225, № 735-3.

4. Д. — 20 мм (обл.). М. н. — Новгород. Хр. — частная коллекция (Новгород). Изд. — АПДР. Т. 3. С. 214, № 735-4.

44. Л. с. Надпись в четыре строки:

ПЕУ
ТЬВЕЛ
КОГОНОВ
ГОРОДА

Вокруг точечный ободок.

О. с. Изображение зверя, вправо. Вокруг точечный ободок.

4 экземпляра

1. Д. — 27 мм. М. н. — неизвестно. Хр. — Отдел нумизматики ГИМ, № 200; поступила из ЛБ. Изд. — АПДР. Т. 2. С. 225, № 736-1.

2. Д. — 27—29 мм. М. н. — Новгород, 1952 г., найдена на Неревском раскопе в слое первой четверти XV в. Хр. — Отдел нумизматики ГИМ, № 201. Изд. — АПДР. Т. 2. С. 225, № 736-2.

3. Д. — 27 мм. М. н. — Новгород, 1940 г., найдена при раскопках церкви Бориса и Глеба в Детинце. Хр. — Новгородский музей, № 3983. Изд. — АПДР. Т. 2. С. 225, № 736-3.

4. Д. — 24 мм (обл.). М. н. — Новгород, Городище, 1970 г. Хр. — Новгородский музей, № 33656-233. Изд. — АПДР. Т. 3. С. 214—215, № 736-4.

45. Л. с. Надпись в пять строк:

ПЕУ
ТЬВЕЛН
КОГОВА
ГОРОДА
А

Вокруг точечный ободок.

О. с. Изображение зверя, влево. Вокруг точечный ободок.

8 экземпляров

1. Д. — 29 мм (обл.). М. н. — Новгород, до 1908 г. Хр. — не разыскана. Изд. — АПДР. Т. 2. С. 225—226, № 737-1.

2. Д. — 29 мм (обл.). М. н. — Новгород, до 1917 г. Хр. — Отдел нумизматики Эрмитажа, № 617. Изд. — АПДР. Т. 2. С. 225—226, № 737-2.

3. Д. — 27—29 мм. М. н. — Новгород, 1939 г., найдена при раскопках в Кремле в слое XVII в. Хр. — не разыскана. Изд. — АПДР. Т. 2. С. 225—226, № 737-3.

4. Д. — 26—30 мм. М. н. — г. Порхов Псковской обл., до 1963 г. Хр. — Отдел истории первобытной культуры Эрмитажа. Изд. — АПДР. Т. 2. С. 225—226, № 737-4.

5. Д. — 27—30 мм. М. н. — Новгород, 1980 г. Хр. — Новгородский музей, № 33657-5. Изд. — АПДР. Т. 3. С. 215, № 737-5.

6. Д. — 25 мм (обл.). М. н. — Новгород, 1991 г., найдена на берегу Волхова у гребной базы «Спартак». Хр. — Новгородский музей, № 39217-5. Изд. — АПДР. Т. 3. С. 215, № 737-6.

7. Д. — 35—39 мм. М. н. — Новгород, 2002 г., найдена на Никитинском раскопе в слое XV в. Хр. — НЭ. Не издана.

8. Д. — 28 мм. М. н. — Новгород, 2002 г., найдена на Никитинском раскопе в слое XV в. Хр. — НЭ. Не издана.

46. Л. с. Надпись в четыре строки:

ЛЕУАТЬ
КЕЛНКОГО
НОУАГ
РОДА

Вокруг точечный ободок.

О. с. Изображение зверя, влево, на фоне стилизованного дерева.

Вокруг точечный ободок.

4 экземпляра

1. Д. — 26—27 мм. М. н. — неизвестно. Хр. — Отдел нумизматики ГИМ, № 202. Изд. — АПДР. Т. 2. С. 226, № 738-1.

2. Д. — 27—28 мм. М. н. — Новгород, до 1903 г. Хр. — не разыскана. Изд. — АПДР. Т. 2. С. 226, № 738-2.

3. Обломок. М. н. — Новгород, Городище, 1971 г. Хр. — Новгородский музей, № 33656-234. Изд. — АПДР. Т. 3. С. 215, № 738-3

4. Обломок. М. н. — Новгород. Хр. — частная коллекция (Новгород). Изд. — АПДР. Т. 3. С. 215, № 738-4.

47. Л. с. Надпись в четыре строки:

ЛЕУАТЬ
КЕЛНКО
ОУОВА
ГОРОДА

О. с. Изображение зверя, влево.

3 экземпляра

1. Д. — 28—30 мм. М. н. — Новгород, 1944 г., найдена около Петропавловского кладбища. Хр. — Новгородский музей, № 18006. Изд. — АПДР. Т. 2. С. 226, № 739.

2. Д. — 27—31 мм. М. н. — Новгород, 1982 г., найдена на берегу Волхова за Колмовским мостом. Хр. — Новгородский музей, № 33657-46. Изд. — АПДР. Т. 3. С. 215, № 739-2.

3. Д. — 27—28 мм. М. н. — Новгород, 1985 г., найдена на Троицком раскопе в выбросе. Хр. — Новгородский музей, № 40529-112. Изд. — АПДР. Т. 3. С. 215, № 739-3.

48. Л. с. Надпись в пять строк:

ЛЕУА
ТЬКЕЛ
НКОГО
УОВАГ
РОДА

Вокруг точечный ободок.

О. с. Изображение зверя, влево.

2 экземпляра

1. Д. — 25—26 мм. М. н. — Новгород, ок. 1985 г. Хр. — Новгородский музей, № 33657-61. Изд. — АПДР. Т. 3. С. 215, № 739а.

2. Д. — 28 мм (обл.). М. н. — Новгород, Городище, 1998 г. Хр. — частная коллекция (Новгород). Изд. — ННЗ. 2000. Вып. 14. С. 308, № 739а-2.

49. Л. с. Надпись в пять строк:

• ПЕУА.
УХВЕЛ.
К ЧОНА.
ОА АГОР.
САДА.

Вокруг точечный ободок.

О. с. Изображение зверя, влево. Вокруг точечный ободок.

Д. — 25—27 мм. М. н. — Новгород, 1980-е гг. Хр. — Новгородский музей, № 38842. Изд. — АПДР. Т. 3. С. 215, № 739б.

50. Л. с. Надпись в четыре строки:

ПЕУА
ВЕАН' СОГ
ОНОВ АГО
РОУА А

Вокруг точечный ободок.

О. с. Изображение зверя, влево. Вокруг точечный ободок.

Д. — 27—31 мм. М. н. — Новгород, ок. 1994 г. Хр. — Новгородский музей, № 38775. Изд. — АПДР. Т. 3. С. 215, № 739в.

51. Л. с. Надпись в четыре строки:

ПЕУАТА
ВЕАН' КОГО
НОВАГО
РОА

Вокруг точечный ободок.

О. с. Изображение зверя, влево.

Д. — 25—27 мм. М. н. — неизвестно. Хр. — частная коллекция (Тирасполь). Изд. — ННЗ. 1998. Вып. 12. С. 357, № 739г.

52. Л. с. Следы неразборчивой надписи.

О. с. Изображение зверя, влево.

Д. — 28 мм (обл.). М. н. — Новгород, Городище, 2000 г. Хр. — Новгородский музей, № 41228. Изд. — ННЗ. 2001. Вып. 15. С. 193, № 739д.

53. Л. с. Надпись в четыре строки:

• ПЕУА.
ВЕАН' КОГ
НОВАГО
РОДА

О. с. Изображение зверя, вправо. Вокруг линейный ободок.

2 экземпляра

1. Д. — 28 мм. М. н. — не известно. Хр. — не разыскана. Изд. — АПДР. Т. 2. С. 226, № 740

2. Обломок. М. н. — Новгород, 1982 г, найдена близ Юрьева монастыря. Хр. — Новгородский музей, № 33657-47. Изд. — АПДР. Т. 3. С. 215, № 740-2.

54. Л. с. Надпись в четыре строки:

ПЕВА
ВЕЛНКО
НОВАГО
РОДА

Вокруг точечный ободок.

О. с. Изображение зверя, вправо. Вокруг точечный ободок.

Д. — 27—29 мм. М. н. — Новгород, до 1912 г. Хр. — Отдел нумизматики Эрмитажа, № 618. Изд. — АПДР. Т. 2. С. 226, № 741.

55. Л. с. Надпись в четыре строки:

ПЕВА
ВЕЛНКО
НОВАГО
РОДА

Вокруг линейный ободок.

О. с. Изображение зверя, вправо.

Д. — 26—31 мм. М. н. — Новгород, первая половина 1990-х гг. Хр. — Новгородский музей, № 39117. Изд. — АПДР. Т. 3. С. 215, № 741а.

56. Л. с. Надпись в четыре строки:

ПЕУ
ЛНН
ОВА
РОДА

О. с. Изображение зверя, вправо, с головой, повернутой к хвосту.

Д. — 35 мм. М. н. — Новгород, Городище, 1958 г. Хр. — Новгородский музей, № 12683. Изд. — АПДР. Т. 2. С. 226, № 742.

57. Л. с. Надпись в четыре строки:

ПЕВА
ТВЕЛНКО
ГОНОВАГО
РОДА

О. с. Изображение зверя, вправо, с головой, повернутой к хвосту.

2 экземпляра

1. Д. — 29 мм. Сохранялась при грамоте Новгорода магистру Ливонского ордена 1414—1415 гг., ГВНП, № 53. Хр. — не разыскана. Изд. — АПДР. Т. 2. С. 226—227, № 743.

2. Д. — 27—29 мм. М. н. — Новгород, 1995 г, найдена в земле, привезенной с Торговой стороны. Хр. — Новгородский музей, № 39308. Изд. — АПДР. Т. 3. С. 215—216, № 743-2.

58. Л. с. Надпись в четыре строки:

печѣ.
въ великѣ
огонѣ
городѣ

Вокруг точечный ободок.

О. с. Изображение зверя, вправо. Вокруг точечный ободок, широкое поле за которым украшено точками.

2 экземпляра

1. Д. — 32—34 мм. Сохранилась при грамоте Новгорода тверскому князю Борису Александровичу 1446 г., ГВНП, № 20. Хр. — РГАДА, Гос. древлехр. Отд. 1. Рубр. III, № 16. Изд. — АПДР. Т. 2. С. 227, № 744.

2. Д. — 29—32 мм. М. н. — Новгород, первая половина 1980-х гг. Хр. — Новгородский музей, № 33657-58. Изд. — АПДР. Т. 3. С. 216, № 744-2.

59. Л. с. Надпись в четыре строки:

печѣт
въ великѣ
огонѣ
градѣ

Вокруг точечный ободок.

О. с. Изображение зверя, вправо. Вокруг точечный ободок.

Д. — 28—31 мм. М. н. — Новгород. Хр. — не разыскана. Изд. — АПДР. Т. 2. С. 227, № 745.

60. Л. с. Надпись в четыре строки:

печѣт
въ великѣ
огонѣ
градѣ

Над верхней и под нижней строками точечные строчки.

Вокруг линейный ободок.

О. с. Изображение зверя, вправо. Вокруг линейный ободок.

2 экземпляра

1. Д. — 38 мм. М. н. — Псков, до 1912 г. Хр. — Отдел нумизматики Эрмитажа, № 619 Изд. — АПДР. Т. 2. С. 227, № 746.

2. Д. — 27 мм. М. н. — Новгород, Городище, ок. 1982 г. Хр. — Новгородский музей, № 33656-235. Изд. — АПДР. Т. 3. С. 216, № 746-2.

61. Л. с. Надпись в четыре строки:

печѣт.
въ великѣ
огонѣ
градѣ

Вокруг линейный ободок.

О. с. Изображение зверя, вправо. Вокруг линейный ободок

Д. — 28 мм. М. н. — Новгород, 1984 или 1985 г., найдена на берегу Волхова против гребной базы «Спартак». Хр. — Новгородский музей, № 37938. Изд. — АПДР. Т. 3. С. 216, № 746а.

62. Л. с. Надпись в четыре строки:

ПЕУА
ТЪВЕЛ
КОГОНОВ
ГОРОДА

О. с. Изображение зверя, влево

Д. — 26—28 мм. М. н. — Новгород, Городище, 1964 г. Хр. — Отдел нумизматики ГИМ. № 203. Изд. — АПДР. Т. 2. С. 227, № 747.

63. Л. с. Надпись в четыре строки:

ПЕУАТ.
ЗЕЛНКОР
РОГОРО
Д

Вокруг точечный ободок.

О. с. Изображение зверя, влево. Вокруг точечный ободок.

Д. — 28—33 мм. М. н. — неизвестно. Хр. — Отдел нумизматики ГИМ, № 204. Изд. — АПДР. Т. 2. С. 227, № 748.

64. Л. с. Надпись в четыре строки:

ПЕУА
ТЪВЕЛ
КОГОНОВ
ГОРОДА

Вокруг точечный ободок.

О. с. Изображение грифона, вправо; перед ним вертикальная линия, над крылом звездочка. Вокруг точечный ободок.

3 экземпляра

1. Д. — 30—33 мм. М. н. — Новгород, 1952 г., найдена на Прусской ул. Хр. — Новгородский музей, № 5839. Изд. — АПДР. Т. 2. С. 227, № 749.

2. Д. — 28 мм (обл.). М. н. — Новгород, 1983 г., найдена в южной части Кремля. Хр. — Новгородский музей, № 40529-113. Изд. — АПДР. Т. 3. С. 216, № 749-2.

3. Д. — 24 мм (обл.). М. н. — Новгород. Хр. — частная коллекция (Новгород). Изд. — АПДР. Т. 3. С. 216, № 749-3.

65. Л. с. Надпись в четыре строки:

ПЕУАТ.
ВЕЛНК
КОГОНОВ
ГОРОДА

Вокруг точечный ободок.

О. с. Изображение зверя, вправо, с головой, повернутой к хвосту. Вокруг точечный ободок.

Д. — 30 мм. М. н. — Новгород, 1976 г., найдена на Дмитриевском раскопе в кв. 19 на глубине 320—340 см. Хр. — Новгородский музей, № 33656-236. Изд. — АПДР. Т. 3. С. 216, № 749а.

66. Л. с. Надпись в пять строк:

П УА
ТЪ ЕЛН
К ОНО
ВАГОР
ДА

20

21

22

23

24

25

26

27

28

29

Рис. 10. «Печати Великого Новгорода» XV в.

30

31

32

33

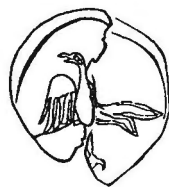
34

35

36

37

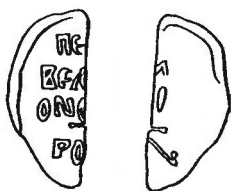

38

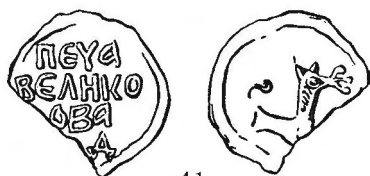

39

Рис. 10 (продолжение). «Печати Великого Новгорода» XV в.

40

41

42

43

44

45

46

47

48

49

Рис. 10 (продолжение). «Печати Великого Новгорода» XV в.

Рис. 10 (продолжение). «Печати Великого Новгорода» XV в.

60

61

62

63

64

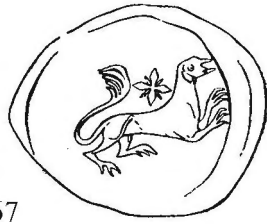
65

66

67

68

69

Рис. 10 (продолжение). «Печати Великого Новгорода» XV в.

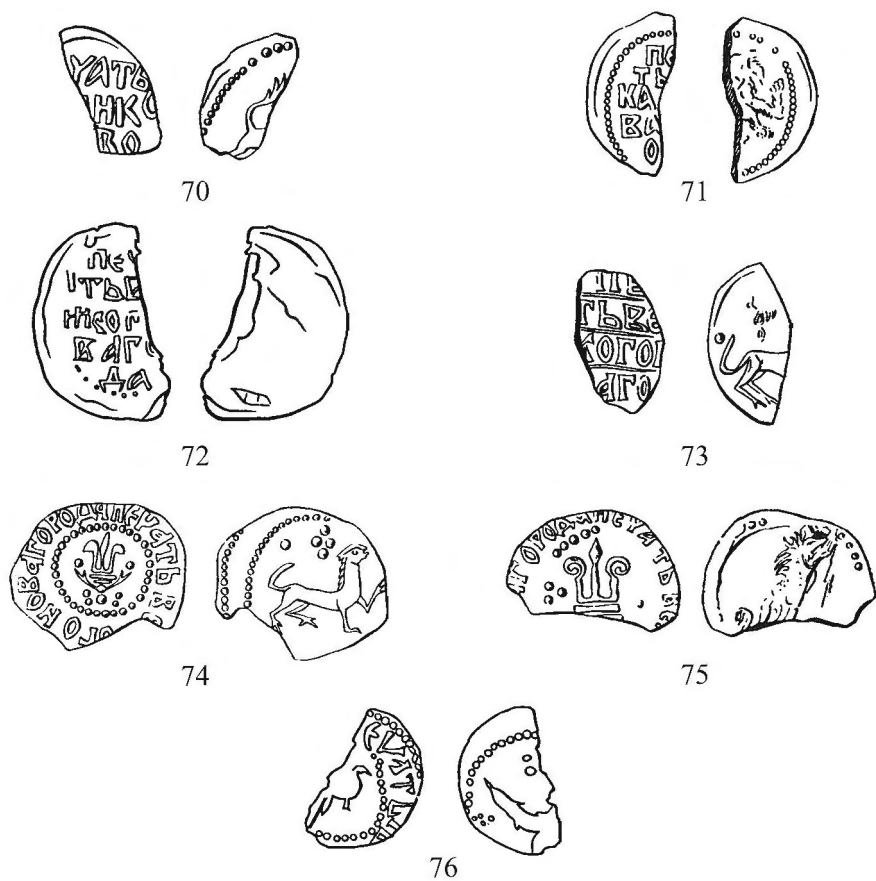

Рис. 10 (продолжение). «Печати Великого Новгорода» XV в.

О. с. Изображение зверя, вправо; над зверем и под ним, а также по сторонам его орнаментальные трехточечные фигуры.

Д. — 30—32 мм. *М. н.* — Новгород, 1939 г., найдена при раскопках в Кремле в слое XVII в. *Хр.* — не разыскана. *Изд.* — АПДР. Т. 2. С. 227, № 750.

67. *Л. с.* Надпись в четыре строки:

печать
елико
новгород
ради

Все строки подчеркнуты линиями.

О. с. Изображение зверя, вправо; над его спиной звездочка.

Д. — 34—40 мм. Сохранялась при грамоте Новгорода Троице-Сергиеву монастырю 1477 г., ГВНП, № 101. *Хр.* — утрачена. *Изд.* — АПДР. Т. 2. С. 227, № 751.

68. *Л. с.* Надпись в пять строк:

печать
ты
гос
ва
а

Строки подчеркнуты линиями.

О. с. Изображение зверя, вправо.

Д. — 27 мм (обл.). *М. н.* — Новгород, 1977 г., найдена около Владимирской башни Кремля. *Хр.* — Новгородский музей, № 33657-48. *Изд.* — АПДР. Т. 3. С. 216, № 751a.

69. *Л. с.* Надпись в четыре (?) строки:

печать
ва
а

Строки подчеркнуты линиями.

О. с. Изображение зверя, вправо; над его спиной звездочка.

Обломок. М. н. — Новгород 1978 г., найдена на левом берегу Волхова против гребной базы «Спартак». *Хр.* — Новгородский музей, № 33657-71. *Изд.* — АПДР. Т. 3. С. 216, № 751b.

70. *Л. с.* Надпись в несколько строк:

печать
ник
а

О. с. Изображение зверя, влево.

Обломок. М. н. — Новгород, до 1941 г. *Хр.* — Новгородский музей, № 4037. *Изд.* — АПДР. Т. 2. С. 228, № 752.

71. *Л. с.* Надпись в пять строк:

печать
ва
а

О. с. Изображение зверя, вправо

Д. — 26 мм (обл.). *М. н.* — Новгород, до 1906 г. *Хр.* — Отдел нумизматики Эрмитажа, № 620 *Изд.* — АПДР. Т. 2. С. 228, № 753.

72. Л. с. Надпись в пять строк:

лѣ
итѣ
нѣ
вѣ
аѣ

Вокруг точечный ободок.

О. с. Изображение зверя, вправо.

Д. — 32 мм (обл.). М. н. — Старая Ладога, 1983 г. Хр. — неизвестно. Изд. — АПДР. Т. 3. С. 216, № 753а.

73. Л. с. Надпись в несколько строк:

лѣ
бѣ
сог
аѣ

Строки подчеркнуты линиями.

О. с. Изображение зверя, вправо

2 экземпляра

1. Обломок. М. н. — Новгород, до 1906 г. Хр. — Отдел нумизматики Эрмитажа, № 621. Изд. — АПДР. Т. 2. С. 228, № 754-1.

2. Обломок. М. н. — Новгород, Городище, 1966 г. Хр. — Новгородский музей, № 17732-2. Изд. — АПДР. Т. 2. С. 228, № 754-2.

74. Л. с. Стилизованный цветок, напоминающий геральдическую лилию. Вокруг точечный ободок. По краю:

вѣ
ро
дѣ
нѣ

О. с. Изображение зверя, вправо; над ним четыре точки. Вокруг точечный ободок.

3 экземпляра

1. Д. — 25—28 мм. М. н. — Новгород, до 1917 г. Хр. — Отдел нумизматики Эрмитажа, № 622. Изд. — АПДР. Т. 2. С. 228, № 755.

2. Д. — 30 мм (обл.). М. н. — Новгород, ок. 1985 г. Хр. — Новгородский музей, № 33657-67. Изд. — АПДР. Т. 3. С. 216—217, № 755-2.

3. Обломок. М. н. — Новгород, ок. 1993 г. Хр. — Новгородский музей, № 38036-12. Изд. — АПДР. Т. 3. С. 216—217, № 755-3.

75. Печать того же типа, что и предыдущая, но других матриц и очень плохой сохранности. Надпись:

го
ро
дѣ
нѣ

Д. — 28 мм (обл.). М. н. — Новгород, до 1941 г. Хр. — Новгородский музей, № 4040. Изд. — АПДР. Т. 2. С. 228, № 756.

76. Л. с. Неразборчивое изображение.

По краю, между точечными ободками:

О. с. Неразборчивое изображение.

Д. — 24 мм (обл.). М. н. — Новгород, начало 1990-х гг. Хр. — Новгородский музей, № 37787-3. Изд. — АПДР. Т. 3. С. 217, № 756а.

Еще четыре печати того же типа сохранялись при грамотах Таллинского городского архива и в изданиях были только описаны, причем таким образом, что судить об их тождестве с известными и описанными выше вариантами не представляется возможным.

Две свинцовые печати, сохранявшиеся при договорной грамоте Великого Новгорода Колывани с требованием суда над Иваном Амбуром, составленной в 1436—1438 гг. от имени посадника Федора Даниловича и тысяцкого Ивана Лукинина, описаны вместе следующим образом: Л. с.: Надпись в четыре строки: ПЕЧАТЬ / ВЕЛИКОГО / НОВАГОРОДА; О. с.: Изображение барса с поднятым хвостом¹⁴¹. Печати имеют сходство с описанным выше экземпляром № 63.

Две свинцовые печати, сохранявшиеся при договорной грамоте Великого Новгорода с Ливонским орденом о съезде на реке Нарове, составленной 27 февраля 1448 г., описаны следующим образом: 1. Л. с.: Надпись в четыре строки: ПЕЧА(ТЬ) / ВЕЛИК(ОГО) / НОВАГО/РОДА; О. с.: Изображение грифа с поднятым хвостом. 2. Л. с.: Надпись в четыре строки: (ПЕ)ЧАТ(Ь) / (ВЕ)ЛИКО(ГО) / НОВАГО/РОДА; О. с.: Изображение грифа с поднятым хвостом¹⁴². По описанию печати имеют сходство с описанными выше под № 46 и 63.

Наблюдения над совокупностью описанного разряда печатей вызывают к жизни целый комплекс вопросов, главными из которых являются проблема общей и внутренней хронологии материала и проблема истолкования изображений.

В числе вопросов хронологического порядка одним из наиболее существенных оказывается вопрос о начальной дате бытования этой сфрагистической категории. Н. П. Лихачев, а вслед за ним Н. Г. Порфиридов допускали возможность непрерывного бытования анонимных государственных печатей на протяжении XIII—XV вв. Вехами этого бытования они считали известную печать «Всего Новгорода» при договорной грамоте Новгорода с Готским берегом, Любеком и немецкими городами 1263 г. и «Новгородскую печать и посадничу»

¹⁴¹ Чумиков А. Неизданные русские акты XV—XVI вв. Ревельского городского архива. Кн. 2. Смесь, № 4; Чтения в Обществе истории и древностей Российских. 1897; ГВНП. С. 114, № 69.

¹⁴² Nachricht von Quellen zur Geschichte Russlands vornehmlich aus schwedischen Archiven und Bibliotheken von C. Schirren. St.-Pb., 1860. S. 48—51; ГВНП. С. 118, № 72.

Наказа 1372 г. и договора с Михаилом Тверским 1371 г. Последние две печати Н. Г. Порфиридов относил, исходя из устаревших датировок, к началу XIV в.¹⁴³ Отсюда время бытования описанной выше группы «Новгородских печатей» и «Печатей Великого Новгорода» Н. П. Лихачев и Н. Г. Порфиридов определяли суммарно как XIV—XV вв.

Между тем, как показано выше, эти буллы являются хронологически определенной формой печатей посадников и тысяцких, возникающей в тот момент, когда практически прекращается бытование именных печатей этих высших магистратов. Исторические основы этого явления уже освещены подробно и нет смысла еще раз на них останавливаться. Его датой являются 1410-е гг., т. е. время реформ новгородского государственного управления. Все данные о датированных печатях этой группы подтверждают правильность такого хронологического определения. Наиболее ранними документами, скрепленными анонимными государственными печатями Новгорода, являются: грамота Новгорода Колывани 1413/1414 г.¹⁴⁴, грамота Новгорода Риге 1418—1420 гг.¹⁴⁵, грамота Новгорода магистру Ливонского ордена 1414/1415 г.¹⁴⁶ Переход от именных посадничьих печатей к анонимным государственным хорошо прослеживается как раз в эти годы. Еще в 1411 г. посадник Иван Александрович пользуется своей именной буллой¹⁴⁷, тогда как к документу середины 1410-х гг. от его имени привешена «Печать Великого Новгорода»¹⁴⁸. Эта дата подтверждается и стратиграфическими данными находок, обнаруженных при раскопках в четко датированных слоях. При раскопках на Неревском конце обнаружено пять печатей рассматриваемой группы, датированных с помощью дендрохронологии; из них три в слое 1409—1422 гг., одна в слое 1422—1429 гг., одна в слое 1429—1436 гг. С другой стороны, еще в начале 1420-х гг. анонимная государственная печать не привилась окончательно и при документах аналогичного характера время от времени употребляются печати именные. Соответствующие материалы приведены выше, в главе 7.

Другим важным вопросом того же порядка является проблема хронологической классификации различных типов анонимных печатей Новгорода XV в. В 1956 г. мною была предложена общая схема такой классификации¹⁴⁹, которая

¹⁴³ Порфиридов Н. Г. Очерки памятников новгородской сфрагистики // Новгородский исторический сборник. 1940. Вып. 8.

¹⁴⁴ ГВНП. С. 94, № 56.

¹⁴⁵ Там же. С. 96, № 58.

¹⁴⁶ Там же. С. 91, № 53.

¹⁴⁷ Там же. С. 88, № 50.

¹⁴⁸ Там же. С. 91, № 53.

¹⁴⁹ Янин В. Л. Вислые печати из новгородских раскопок 1951—1954 гг. // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1956. № 55. С. 142.

оказалась неверной. Высказывая тогда предположения о том порядке, в котором сменялись различные типы этих печатей, я исходил из ошибочного представления, что, во-первых, типы с изображением всадника, воина, лютого зверя, птицы не сосуществовали, а сменяли друг друга; во-вторых, что форма надписи на печатях — «Новгородская печать» и «Печать Великого Новгорода» — также является отражением разных этапов хронологического развития, причем первая должна быть более ранней, а вторая позднейшей уже в силу самой законченности ее терминологии. Некоторые основания для таких представлений содержатся в хронологии грамот, сохранивших печати. Так, при грамотах 1410-х гг. несколько раз встречены печати с надписью «Новгородская печать», не характерной для позднего времени и повторяющей надпись на печатях 1371—1372 гг., тогда как акты 1440—1470-х гг. снабжены буллами с надписью «Печать Великого Новгорода». Однако эти наблюдения разбиваются существованием грамоты середины 1410-х гг., при которой рядом с «Новгородской печатью» висит «Печать Великого Новгорода»¹⁵⁰, и договорной грамоты Новгорода с тверским князем Борисом Александровичем 1446 г., при которой рядом с «Печатью Великого Новгорода» висит «Новгородская печать»¹⁵¹.

Тем не менее, хотя основания признавать всю группу «Печатей Великого Новгорода» более поздней, нежели группа «Новгородских печатей», отпадают, можно с уверенностью говорить, что термин «Новгородская печать» был в XV в. пережиточным и в этом смысле должен указывать на принадлежность «Новгородских печатей» к начальному периоду бытования анонимных государственных булл Новгорода XV в. Если «Печати Великого Новгорода» существовали с середины 1410-х гг. вплоть до падения Новгорода, то «Новгородские печати», появившись тогда же, т. е. в середине 1410-х гг., перестали употребляться в гораздо более раннее время.

Говоря о пережиточности термина «Новгородская печать», мы имеем в виду те изменения актовой терминологии, которые наблюдаются еще в последней четверти XIV в. Новгород начинает называться Великим лишь в конце XIV в. Первым документом, исходящим от «Великого Новгорода», является Нибуров мир 1392 г. Во всех более ранних документах называется «Весь Новгород» или просто «Новгород». Точную дату возникновения новой терминологии установить нельзя, поскольку от периода с середины 1370-х гг. до 1391 г. вообще не сохранилось ни одного акта, однако еще в документах первой половины 1370-х гг. Новгород не называется «Великим». Не исключено, что термин «Великий Новгород» возникает в период столкновения с Москвой из-за отказа Новгорода в митрополичьем суде, а затем в ходе двинского конфликта как паритет-

¹⁵⁰ ГВНП. С. 91, № 53.

¹⁵¹ Там же. С. 36, № 20.

ный противовес термину «великий князь». После 1392 г. новый термин в актах используется постоянно, тогда как в сфрагистике, как мы уже видели, смена терминов осуществляется постепенно, что определяет сосуществование старой и новой терминологии в легендах печатей на протяжении какого-то пока неопределенного периода — во всяком случае до середины XV в.

Интересно отметить, что и стратиграфические данные печатей, обнаруженных при раскопках, подтверждают оба отмеченных обстоятельства. Буллы с обеими легендами зафиксированы уже в слоях 1409—1422 гг., однако печати с надписью «Новгородская печать» найдены пока только в слоях первой половины XV в.

Еще одним важным хронологическим вопросом является проблема конечной даты существования анонимных государственных печатей Новгорода. В литературе упорно бытовало представление о том, что государственная печать Новгорода прекратила свое существование уже в середине XV в. в соответствии с требованием Яжелбицкого договора 1456 г. («А печати быти князеи великих»). Это представление укрепились настолько, что оно даже было распространено на хронологическую классификацию новгородского денежного чекана времени самостоятельности, существование которого А. В. Орешниковым было ограничено 1456 годом на том основании, что монетный штемпель, составляя регалию независимости, также практически был государственной печатью и подлежал замене великокняжеским штемпелем по духу Яжелбицких установлений¹⁵². Между тем существуют прямые документальные свидетельства существования «Печатей Великого Новгорода» даже после Коростынского договора 1471 г., в котором было подтверждено условие Яжелбицкого мира: «А печати быти князеи великих». «Печатью Великого Новгорода» скреплена жалованная грамота Великого Новгорода Троице-Сергиеву монастырю 1477 г.¹⁵³ Такая печать была привешена и к совместному договору Новгорода и Пскова с юрьевским епископом, составленному 13 января 1474 г. Эта грамота сохранилась в списке XVI в., но ее текст не оставляет места для сомнений: «А воевода Великого Новагорода посадник Фома Аньдреевич, а посол Великого Новагорода Онъкипа Васильевич крест поцеловали за Великий Новгород и за всю Новгородскую державу и печать Великого Новагорода прыложить»¹⁵⁴.

Несомненно, что постановления Яжелбицкого и Коростынского договоров вовсе не ликвидировали государственную печать Новгорода. Они и не преследовали этой цели. Речь в них шла об обязательном употреблении великокняжеской

¹⁵² Орешников А. В. Русские монеты до 1547 г. М., 1896. С. 7; Янин В. Л. Вислые печати из новгородских раскопок 1951—1954 гг. С. 141 и сл.

¹⁵³ ГВНП. С. 155 и сл., № 101.

¹⁵⁴ ГВНП. С. 135, № 78.

печати, а также печати великокняжеских наместников и тиунов — такие буллы в заметном количестве появляются в Новгороде именно в XV в.¹⁵⁵ — в какой-то специфической сфере делопроизводства, где до того роль представителя великого князя игнорировалась республиканскими органами. Можно высказать весьма вероятное предположение, что в Яжелбицком и Коростынском договорах имелся в виду порядок оформления договоров сместного суда посадника и великокняжеского наместника. Обратим внимание на многозначительную смену принципов распределения ролей в сместном суде. Если, согласно традиционной формуле dokonчаний XIII—XIV вв. князь не имел права «кончать суд» без посадника, Новгородская Судная грамота XV в. декларирует противоположный порядок: «а без наместников великого князя посаднику суда не кончати»¹⁵⁶.

Вопросы, связанные с хронологической классификацией анонимных государственных булл Новгорода еще не раз будут вставать перед исследователями. Для их решения требуется новое накопление материала.

Сегодня же прояснена лишь общая ситуация их применения. Во-первых, очевидно, что не существует типовой разницы между анонимными печатями посадников и тысяцких. Наиболее значителен факт использования одного и того же буллотипа Александром Игнатьевичем: его печати при грамоте 1414/1415 г. и при грамоте 1418—1420 гг.¹⁵⁷ абсолютно идентичны (см. выше печати № 13-1 и 13-2). Анонимные «Печати новгородские» и «Печати Великого Новгорода» соседствуют при пяти сохранившихся их документах, представляя во всех случаях посадника и тысяцкого, от имени которых утверждены эти акты¹⁵⁸.

Во-вторых, так же очевидно, что матрицы этих анонимных государственных печатей посадников и тысяцких не могли быть предметом наследования. Само обилие их вариантов говорит о том, что матрицы всякий раз вырезывались для вновь избранного посадника или тысяцкого. При исключительном обилии вариантов каждый вариант представлен незначительным числом экземпляров. В самом деле, невозможно указать ни одного случая, когда тождественные экземпляры прикладывались к документам разными лицами. Напротив, случаи, когда одно и то же лицо, сначала в ранге тысяцкого, а затем, спустя несколько лет, — в ранге посадника пользуется одной и той же буллой, указан в предыдущем абзаце.

В-третьих, так же очевидно, что само возникновение сфрагистических рядов «Новгородской печати» и «Печати Великого Новгорода» прямо связано с

¹⁵⁵ Янин В. Л. Актовые печати древней Руси; Т. 2. С. 171—173; Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Актовые печати древней Руси. Т. 3. С. 174—177.

¹⁵⁶ Российское законодательство X—XX вв. Т. 1: Законодательство Древней Руси. М., 1984. С. 304.

¹⁵⁷ ГВНП. С. 91, № 53; С. 96, № 58.

¹⁵⁸ Там же. С. 36, № 20; С. 91, № 53; С. 94, № 56; С. 96, № 58; С. 114, № 69; С. 118, № 72.

несомненной девальвацией титулов посадника и тысяцкого в результате реформ, последовательно увеличивавших число сосуществующих магистратов одного и того же ранга до нескольких десятков.

В середине и третьей четверти XV в. время от времени употребляются именные буллы посадников и тысяцких (рис. 11). Однако мизерность их реликтового бытования хорошо видна из сравнения приводимых ниже материалов с числом синхронных им анонимных государственных печатей.

ПЕЧАТИ ПОСАДНИКОВ

1. Федор Олисиевич (1437—1440-е гг.) (№ 125 в Списке Б)

Л. с. Изображение сидящей птицы с распушенными крыльями, влево; Перед птицей и под ней орнаментальные розетки из точек. Вокруг:

По краю точечный ободок.

О. с. Изображение зверя, вправо. Вокруг:

По краю точечный ободок.

Д. — 30—32 мм. Сохранилась при договорной грамоте Новгорода с Казимиром 1441/1442 г., ГВНП, № 70. *Хр.* — РГАДА, Гос. арх., разр. XXVII, № 3. *Изд.* — АПДР. Т. 2. С. 199, № 591.

2. Дмитрий Васильевич (1437—1456 гг.) (№ 127 в Списке Б)

Л. с. Изображение птицы с распушенными крыльями, вправо. Вокруг, между двумя точечными ободками: В поле, под птицей: ВИЧА

О. с. Изображение воина с мечем и щитом.

По краю, между двумя точечными ободками:

Д. — 33 мм. Сохранилась при грамоте Великого Новгорода Троице-Сергиеву монастырю 1450 г., ГВНП, № 95. Хр. — РГАДА, Гос. древлехр. Отд. 1. Рубр. IV, № 6. Изд. — АПДР. Т. 2. С. 199—200, № 592.

3. Иван Лукинич (1438—1471 гг.) (№ 128 в Списке Б)

Л. с. Надпись в четыре строки:

ПЕЧАТ
ИВАН
ЛУКИ
НИЧ

Вокруг венка и точечный ободок.

О. с. Изображение сидящей птицы, вправо.

Вокруг, между двумя линейными ободками:

Орда Писанная
Крестом

Д. — 29 мм. Сохранилась при грамоте Великого Новгорода Соловецкому монастырю 1468 г., ГВНП, № 96. Хр. — ЛОИИ, собр. актов до 1613 г., № 8. Изд. — АПДР. Т. 2. С. 200, № 593.

4. Олферий Иванович (первая половина 1470-х гг.)

Л. с. Надпись в шесть строк:

П
ИОСА
О ИОС
К ПЛОХ
ИВ
ИВЕР

Все строки подчеркнуты линиями.

О. с. Неразборчива.

Д. — 32 мм (обл.). М. н. — Новгород, 1979 г. Хр. — Новгородский музей, № 33657-36. Изд. — АПДР. Т. 3. С. 194, № 593а.

ПЕЧАТИ ТЫСЯЦКИХ

5. Иван Александрович (1400-е гг., до 1409 г.)

Л. с. Изображение птицы, влево, с рыбой в когтях.

Вокруг, между двумя точечными ободками, надпись в две строки:

Иван Александрович
Печат

О. с. Изображение зверя, влево. Вокруг точечный ободок.

Д. — 25—28 мм. М. н. — Новгород, 1967 г. Хр. — Отдел нумизматики ГИМ, № 163. Изд. — АПДР. Т. 2. С. 204, № 612.

6. Оникий Власьевич (около 1424 г.)

Л. с. Надписи в центре и круговая:

О. с. Надписи в центре и круговая:

Д. — 29 мм (обл.). М. н. — Новгород, 1996 г., найдена на Троицком раскопе в кв. 1492 на глубине 20—40 см. Хр. — Новгородский музей, № 40529-83. Изд. — АПДР. Т. 3. С. 196, № 607а.

7. Федор Олисиевич (1430-е гг., до 1437 г.)

Л. с. Изображение всадника с копьем, влево: под конем змий.

По краю, между линейным и точечным ободками:

О. с. Изображение воина в полный рост, с мечом у правого плеча и со щитом в левой руке; внизу справа звездочка.

По краю, между линейным и точечным ободками:

Д. — 31 мм. М. н. — Новгород, 1964, найдена около Владимирской башни Детинца на берегу Волхова. Хр. — частная коллекция (Новгород). Изд. — АПДР. Т. 2. С. 204, № 608.

8. Иван Лукинич (1430-е гг., до 1438 г.)

Л. с. Оттиснута той же матрицей, что и Л. с. печати Ивана Лукинича (см. выше).

О. с. В центре неразборчивое изображение.

Вокруг, между двумя линейными ободками:

Д. — 29 мм (обл.). *М. н.* — Новгород, до 1917 г. *Хр.* — Отдел нумизматики Эрмитажа, № 539. *Изд.* — АПДР. Т. 2. С. 204, № 609.

Л. с. Надпись в четыре строки:

ПЕУА
НВАН
ЛУК
ННУА

Вокруг венков и точечный ободок.

О. с. Изображение сидящей птицы, вправо.

Вокруг, между линейным и точечным ободками:

Д. — 23—25 мм. *М. н.* — Новгород, 1992 г., найдена на Троицком раскопе в кв. 983 на глубине 140—160 см. *Хр.* — Новгородский музей, № 40529-84. *Изд.* — АПДР. Т. 3. С. 196, № 609а.

9. Анания Семенович (около 1439 г.)

Л. с. Изображение зверя, влево.

По краю, между двумя точечными ободками:

О. с. Неразборчивое изображение.

По краю, между двумя точечными ободками:

Д. — 35 мм. *М. н.* — Новгород, 1966 г., найдена на берегу Волхова около пристани на Торговой стороне. *Хр.* — Отдел нумизматики ГИМ, № 162а. *Изд.* — АПДР. Т. 2. С. 204, № 611.

10. Михаил Андреевич (около 1450 г.)

Л. с. Поясное изображение архангела Михаила.

Вокруг точечный ободок. По краю:

Рис. 11. Печати посадников и тысяцких середины — 3-й четверти XV в.

10

11

12

13

13a

Рис. 11 (продолжение). Печати посадников и тысяцких
середины — 3-й четверти XV в.

О. с. Изображение сидящей птицы, вправо, с головой, повернутой влево. Вокруг точечный ободок. По краю:

УКЛОГО + ТЫ

Л. с. 33—39 мм. Сохранилась при жалованной грамоте Новгорода Троице-Сергиеву монастырю 1450 г., ГВНП, № 95. Хр. — РГАДА, Гос. древлехр. Отд. 1. Рубр. IV, № 6. Изд. — АПДР. Т. 2. С. 204, № 610.

11. Трифон Юрьевич (около 1468 г.)

Л. с. Надпись в четыре строки:

ПЕУЧП
ДВЕЛНН
ОГО НОВ
ГОР О А

О. с. Надпись в четыре строки:

ПЕУЧЕ
'Р'УФ'А:
ГОР ДИЕ
Н'У'І

Д. — 26—29 мм. Сохранилась при жалованной грамоте Новгорода Соловецкому монастырю 1468 г., ГВНП, № 96. Хр. — ЛОИИ, собр. актов до 1613 г., № 8. Изд. — АПДР. Т. 2. С. 228, № 757.

12. Василий Максимович (около 1470—1471 гг.)

Л. с. Надпись в шесть строк:

ЛЕ У
АТАТАС
УКТОМКОГ
ОУКТОМКОГ
АБАНАКС
ІМКУА

Все строки подчеркнуты линиями. Вокруг точечный ободок.

О. с. Изображение зверя, влево. Вокруг точечный ободок.

Д. — 31—32 мм. М. н. — Новгород, 1982 г., найдена на берегу Волхова около Владимирской башни. Хр. — Новгородский музей, № 33657-37. Изд. — АПДР. Т. 3. С. 196—197, № 612а.

13. Анонимные печати

Л. с. Надпись в четыре строки:

Г'ВСКУ
'ГОВЕЛН
-СОГОМОВ
'ПРОАА

О. с. Изображение сидящей птицы, влево; свободные участки поля заполнены точками. Вокруг точечный ободок.

Д. — 28 мм. М. н. — Новгород, 1952 г., найдена на Неревском раскопе в слое 1410-х — начала 1420-х гг. Хр. — Отдел нумизматики ГИМ, № 164. Изд. — АПДР. Т. 2. С. 204, № 613.

Л. с. Восьмилучевая звезда. По краю, между двумя линейными ободками:

О. с. Изображение двух птиц. По краю, между двумя линейными ободками:

Д. — 29—31 мм. М. н. — Новгород, 1979 г. Хр. — Новгородский музей, № 29229. Изд. — АПДР. Т. 3. С. 197, № 6136.

Подводя итог рассмотрению этого материала, я должен внести ясность в предложенную некогда мной красивую, но, как теперь очевидно, несостоятельную концепцию. Рассматривая эмблемы на «Новгородских печатях», «Печатях Великого Новгорода» и именных буллах посадников и тысяцких XV в., — а таких эмблем всего пять: Вседержитель, птица, воин, всадник и зверь, — я обратил внимание, что это число соответствует количеству новгородских концов, и предположил, что сами эти изображения являются геральдическими символами концов¹⁵⁹. Уже тогда эта идея наталкивалась на существенные противоречия, преодолеть которые я пытался рассуждениями о тенденции эмблем наиболее значительных концов перерасти в общегородской символ.

Накопление материала за прошедшие сорок лет увеличило число противоречий и обесценило попытки их преодоления. Обратим внимание на очевидную хаотичность употребления таких изображений на печатях XV в.

Наиболее разителен пример печатей Федора Олисиевича. В бытность тысяцким он поместил на своей булле изображения воина и всадника, а став посадником, сменил их на изображения птицы и зверя. На печати посадника Дмитрия Васильевича изображены воин и птица, а на печати тысяцкого Ивана Александровича — птица и зверь. На именных печатях Ивана Лукиничя и в период его тысяцкого, и во время посадничества изображена птица, но на привешен-

¹⁵⁹ Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962. С. 364—366.

ной им в ранге тысяцкого «Печати Великого Новгорода» при грамоте Новгорода Колывани 1436—1438 гг. мы видим изображение зверя.

Такие же противоречия обнаруживаются и при сравнении печатей лиц, представлявших один и тот же конец. На «Новгородских печатях», привешенных к документам неревским боярином Александром Игнатьевичем и в бытность его тысяцким, и в бытность посадником, изображен «лют зверь»¹⁶⁰, но на костяной матрице печати его двоюродного брата неревского посадника Василия Никитича помещено изображение птицы¹⁶¹.

---

¹⁶⁰ ГВНП. С. 91, № 53; С. 96, № 58.

¹⁶¹ Янин В. Л. Печати из новгородских раскопок 1955 г. // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1959. № 65. С. 304.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Новгородское боярское государство в своем развитии прошло несколько этапов, смена которых определялась сочетанием ряда факторов.

Его республиканские органы возникли в ходе борьбы с авторитарной княжеской властью, и на протяжении всего периода новгородской самостоятельности меняющееся соотношение республиканского и княжеского управления в балансе государственных институтов оставалось обязательным условием характеристики каждого этапа государственного развития.

Вторым важнейшим фактором было неизменное соперничество боярских территориальных (кончанских) группировок, каждая из которых, стремясь к господству, оказывалась оппозиционной к наличной власти, если власть не принадлежала ей самой.

Третьим фактором следует назвать сложность взаимоотношений боярства с другими сословиями — от экономически близких им житых и крупнейшего купечества до «черного люда», — постоянно вовлекаемыми в борьбу бояр, но имеющими в ней собственные цели.

Существовал еще четвертый постоянный фактор — задачи обороны Новгородской земли на ее западных рубежах, откуда исходила постоянная угроза нападения со стороны немецкой Прибалтики. Эти задачи также в значительной степени определяли развитие боярской государственности, озабоченной поисками союзников среди наиболее сильных русских княжеств, а также в Литве, однако и они приводили лишь к временной консолидации боярства.

Одновременное действие всех этих разнородных факторов создавало чрезвычайно запутанную картину новгородской политической жизни. Примером ее неустойчивого равновесия может служить история антикняжеской борьбы боярства. Если княжеская власть на протяжении нескольких столетий постепенно утрачивала свои позиции в Новгороде, то окончательно ликвидировать участие княжеских представителей во внутренних делах Новгорода боярство так и не смогло. Такое же неустойчивое равновесие характерно и для внешней политики Новгорода. Если новгородские полки с успехом отражали нападения на Новгородскую землю немецких рыцарей, то решительно ликвидировать военную угрозу с запада Новгородское государство было не в состоянии.

Исходные формы новгородской республиканской государственности образуются еще в недрах периода княжеской автократии. Я отнес первые успехи антикняжеских движений к концу XI в., когда рядом с княжеским столом возникает орган боярской власти — посадничество. Обретение новгородским боярством силы к указанному времени нуждается в специальном анализе и объяснении. Такому анализу посвящены мои специальные исследования, к которым и отсылаю читателя ¹. Здесь же излагаю относящиеся к делу выводы в самой сжатой форме.

Значительный комплекс материалов, открытых в процессе многолетних раскопок Новгорода, обнаруживает, что фиксированное dokonчаниями второй половины XIII — XV в. важнейшее ограничение княжеской власти — запрещение князю собирать государственные доходы на территории Новгородской земли руками его дружинников и декларирование принадлежности этого права самим новгородцам — активно проявляется на протяжении всего XI в. Остается не до конца выясненным, восходит ли это ограничение к пожалованиям Ярослава Мудрого или, что представляется более вероятным, — к исходному договору «словен, кривичей и чуди» с приглашенным в начале второй половины IX в. варяжским князем. Во всяком случае, к концу XI в. новгородское боярство обладало длительным опытом контроля за сбором государственных доходов и организацией государственного бюджета, передавая князю лишь так называемый «дар» в оплату его услуг. Находящийся в руках местной аристократии сбор даней активно использовался ею в обогащении способом ростовщической эксплуатации, о чем наглядно свидетельствуют многие берестяные тексты.

К концу XI в. относится начало активного формирования вотчинной системы новгородского боярства. Очевидно, что именно тогда (по-видимому, в малолетство князя Мстислава Владимировича) боярство добилося запрещения князю участвовать в этом процессе. Во всяком случае Мстислав Владимирович, уйдя из Новгорода, вынужден обеспечить материальную независимость своего сына Всеволода передачей ему домениальных земель из состава своего Смоленского княжества на условиях принадлежности домениальных доходов только своим потомкам, если они окажутся новгородскими князьями ². Вряд ли такая передача стала бы необходимой, если бы запрещения князю владеть вотчинами из состава Новгородских земель еще не существовало.

На первых порах, в княжение Мстислава Владимировича, посадничество имеет, по-видимому, главным образом символический характер, а сам посад-

---

¹ Янин В. Л. У истоков новгородской государственности. Великий Новгород, 2001. С. 30—65; *Он же*. Новгородская феодальная вотчина: Историко-генеалогическое исследование. М., 1981.

² Янин В. Л. Новгород и Литва: Пограничные ситуации XIII—XV веков. М., 1998.

ник признается советником, помощником князя. Однако уже в 1117 г. посадничество конституируется в орган, решительно противостоящий княжеской власти и занимающий видное место в государственных порядках. Во времена Всеволода Мстиславича формируется сместной суд князя и посадника³, в котором, судя по материалам сфрагистики, князь и посадник занимают равное положение, но после восстания 1136 г. устанавливается безусловное право князя скреплять своей печатью любые решения сместного суда одновременно с запрещением «кончать суд без посадника».

После 1136 г. вплоть до первой половины XIII в. княжеская власть в Новгороде также была ограничена торжеством принципа «вольности в князьях», однако князь располагал, несмотря на ограничения, многими формами участия в управлении. Завоевания боярской власти на протяжении всего этого периода не только находятся в шатком положении, им угрожает предательская политика боярских группировок, которые вступают в ожесточенную борьбу друг с другом, отыскивая опору в русских княжеских группировках и поступаясь в пользу князя частью собственной власти. Это период политических переворотов, расшатывавших самую основу только что образовавшейся боярской республики.

В конце XII в. Мирошка Несдинич предпринимает шаги по укреплению республиканской власти. Он стремится к консолидации всех антикняжеских сил Новгорода. При нем укрепляется посадничество и основывается республиканское тысяцкое; иными словами, из-под прямой юрисдикции князя изымается контингент населения новгородских сотен. Однако уже при сыне Мирошки — Дмитре успехи боярского государства используются для попытки превращения посадничества в орган личной, семейной власти Мирошкиничей. Это время резкого углубления и социальных, и политических противоречий в новгородском обществе, приведшего к восстанию 1207 г. Поиски новых путей укрепления государства предпринимаются при Твердиславе, попытавшемся упорядочить схему замещения посадничества на основе боярской консолидации.

Эти идеи господствуют на протяжении всего XIII в., в эпоху, когда дальнейшего укрепления государства требует грозная опасность военного нападения на Новгород с запада и востока. Уже к середине XIII в. отношения с князем начинают складываться по новой схеме. Новгород признает суверенитет великого князя, являвшийся выражением политического и военного союза с остальными русскими землями. По существу это отказ от принципа «вольности в князьях», но вместе с тем это и ликвидация личного авторитета новгородского князя, самостоятельное значение которого практически сводится на нет. В этой обстановке боярское государство значительно укрепляется. Организация власти уже в середине XIII в. учитывает принцип кончанского представительства,

³ Янин В. Л. У истоков новгородской государственности. С. 6—30.

иными словами, представительства от соперничающих боярских группировок. Общая схема посадничества впервые включает представительный совет, исходное ядро будущего Совета господ.

Общие успехи боярского государства в конце XIII в. вызвали серьезное преобразование новгородской государственности. С этого времени личное участие князя в управлении практически заменяется действиями от его имени княжеских наместников. В конце XIII в. фактически возникает все то разнообразие государственных институтов Новгорода, которое в дальнейшем характерно для периода развитой республики. Преобразуется суд, возникает многообразный бюрократический аппарат. Вводится годичный срок посадничества и устанавливается принцип избрания посадника лишь из числа пяти пожизненных представителей концов.

На протяжении XIV в., в пору расцвета Новгородской боярской республики, две главные задачи стоят перед правящим сословием. Первая задача — внутренняя — направлена к укреплению боярства, противостоящего другим слоям общества. Другая задача — внешняя — направлена к дальнейшей борьбе с остатками княжеской власти и провозглашению полной независимости новгородской боярской политики. Обе эти задачи требуют дальнейшего концентрирования власти в руках аристократии. В XIV в. боярство постепенно узурпирует те республиканские органы, которые возникли в результате союза с другими слоями новгородского общества и которые по своей принадлежности первоначально не были боярскими. Так, в руки бояр переходит тысяцкое и вместе с ним суд тысяцкого. Вместе с тем с начала XIV в. усиливается внутрибоярская борьба, неуклонно ведущая к кризису государственной власти. В 1354 г. по инициативе Онцифора Лукича была предпринята реформа обновления государственных органов, которая подтвердила принцип равенства концов в обладании посадничеством, на место одного посадника ввела шесть посадников, правивших пожизненно, но ежегодно выделявших из своего числа нового степенного посадника.

Новая организация государственной власти не ликвидировала внутрибоярских противоречий. Борьба группировок продолжается и в последующий период. Она, как и раньше, причудливо переплетается с борьбой новгородского плебса и других сословий Новгорода. Участие в городских движениях народных масс придает особую силу территориальным столкновениям. Резкое усложнение внешней и особенно внутренней обстановки в Новгороде имеет следствием дальнейшее преобразование боярского государства по пути консолидации бояр. В 1410-х и начале 1420-х гг. в Новгороде проводятся одна за другой реформы государственного управления, резко увеличившие число посадников; тогда же был введен полугодовой срок степенного посадничества. Эти реформы создали в Новгороде законченные формы олигархического правления. Во главе государственной жизни стал сенат — Совет господ, боярство в целом было

приобщено к государственному управлению, впервые получив возможность называть государством все свое сословие. Консолидация боярства по существу ликвидировала вечевые порядки, отделив государство от вечевого собрания. Реформы, начавшиеся в 1410 г., были завершены к 1423 г., причем непосредственным поводом укрепления боярской консолидации стали сильнейшие народные движения 1418 и 1421 гг., носившие ярко выраженный антибоярский характер.

В 1460-х гг. предпринято еще одно изменение и расширение государственных органов в целях дальнейшего укрепления боярской олигархии.

Вместе с тем создание олигархических форм правления окончательно лишило боярское государство поддержки со стороны «черного люда». Самоуправство бояр в судах, насильственные мобилизации населения для участия в антимосковских войнах, произвол в отношении к населению вотчин, политика, удовлетворяющая лишь правящее сословие привели к закономерному падению боярской республики, не имевшей уже ничего общего ни с вечевым строем, ни с «новгородскими вольностями», а бывшей уделом замкнутой касты земельной аристократии. «Вольность!.. но вы тоже рабствуете. Народ! Я говорю с тобою. Бояре честолобивые, уничтожив власть государей, сами овладели ею». Эти слова принадлежат Н. М. Карамзину, но эта мысль в XV в. получила немало воплощений, главным результатом которых стало падение боярского государства в 1478 г.

* * *

Излагая наблюдения над развитием новгородского посадничества, я постоянно испытывал значительные трудности, недооценка которых читателем может повлечь и неправильное восприятие общих выводов, предложенных в этой работе. Моей целью не могло быть создание общей концепции политической истории Новгорода и его государственности. Никакая общая концепция не может возникнуть на частичном материале темы, а сами рамки исследования таковы, что постоянно заставляли ограничиваться наблюдениями над материалами, имеющими непосредственное отношение к посадникам. Основная трудность разработки темы заключается в том, что проблематика посадничества, бывшего главным органом боярской власти, практически связана со всей совокупностью материалов новгородской истории. Поэтому, пойдя по пути ограничения проблемы за счет отказа от такого же внимательного рассмотрения некоторых важнейших сторон истории Новгородского государства, я уделял главное внимание вопросу о связи развития посадничества с историей внутрибоярской борьбы. Предложенные выводы в силу этого не могут подменить общей концепции. При создании общей концепции истории Новгородского государства они должны быть подвергнуты перекрестной проверке исследованием других институтов боярской власти. Следует пристально заняться историей тысяцких, купеческих старост и, что наиболее важно, историей владычного управления в общей системе государственности.

Смысл выводов, предложенных в настоящем исследовании, сводится к установлению конкретных следствий внутрибоярской борьбы, сказавшихся на истории республиканской организации. Мне неоднократно приходилось отмечать, что эта борьба является составной частью более сложных движений, что на развитие государства влиял обширный комплекс разнородных причин. Однако несомненно, что создание и применение принципа кончанского представительства, который лег в основу устройства республиканских органов, было прямым следствием кончанского соперничества боярских группировок.

Мне хотелось бы теперь остановиться на вопросе о характере внутрибоярской борьбы, на проблеме устойчивости концов как целостных организмов не только в административном, но и в политическом отношении. Разумеется, было бы по меньшей мере наивным полагать, что в основе межкончанской борьбы лежала традиция кулачных боев, и уподоблять это соперничество дракам орловских мещан с семинаристами, описанным Н. С. Лесковым. Противоположность кончанских интересов была достаточно глубокой, если она могла сохраниться на протяжении многих веков, и не только сохраниться, но и определять общее направление исторической схемы формирования республиканских органов. Мы не располагаем сколько-нибудь яркими материалами для подробного исследования основ кончанского соперничества, однако некоторые наблюдения могут быть сделаны. Возможны также и определенные предположения, которые в дальнейшем могут быть проверены археологическим путем.

Исключительно большое значение имеют грамоты Славенского конца Саввино-Вишерскому монастырю и Ивану Губареву, в которых говорится о «кончанской земле», пожертвованной Саввино-Вишерскому монастырю. Не пытаясь сейчас сколько-нибудь подробно исследовать экономическую сторону проблемы, можно, однако, отметить два важных обстоятельства. Во-первых, городской конец был не только административной и политической единицей, он был также и коллективным землевладельцем, т. е. единицей экономической. Рядом с частным землевладением бояр, житых и своеземцев, рядом с церковным и монастырским землевладением в Новгороде существовало также и землевладение кончанское. Во-вторых, эти кончанские земли находились внутри будущих пятинных территории, или собственно Новгородской земли, поскольку Саввино-Вишерский монастырь расположен всего в десяти верстах от Новгорода. Напротив, обращает на себя внимание, что жалованные грамоты «Всего Новгорода» жертвуют земли за пределами пятин, т. е. не на исконных, а на завоеванных территориях. По-видимому, кончанское землевладение может быть связано с древнейшими новгородскими порядками. Предположительно его можно отождествлять с общинным землевладением, юридически подчиненным только кончанскому управлению. Если это так, то несомненная экономическая основа межкончанской борьбы облекается в весьма конкретные формы. Концы

боролись между собой не только как политические, но и как экономические организмы.

Уместно в этой связи упомянуть о возникшей в XIII в. системе новгородской архимандритии, организации черного духовенства Новгорода. Эта система, возглавляемая избираемым на вече архимандритом, уже в силу самой вечевой природы такого избрания находилась под контролем не архиепископа, а боярства. Активно развивающееся ктиторство позволяло боярам, жертвующим земли основанным ими монастырям сохранять живую связь с такими обителями, как бы депонируя в них жертвуемые средства, в том числе и земельные пожалования. Архимандриту были подчинены пять кончанских игуменов, контролирующих деятельность черного духовенства в пределах своих концов, т. е. монахов в тех монастырях, ктиторами которых были бояре их концов. Напомним, что печати кончанских монастырей и их городских подворий в XV в. привешивались к актам в качестве кончанских ⁴.

Как предположено выше, вопрос о связи концов с земледельческой округой возвращается в круг проблем, связанных с древнейшей историей Новгорода. Он неотделим от сложного вопроса о происхождении Новгорода. Я неоднократно, но вскользь касался разных сторон этого вопроса. Здесь же, в заключение исследования, представляется необходимым изложить ту гипотезу происхождения Новгорода, которая вытекает из изложенных наблюдений.

Четыре десятка лет тому назад в первом издании настоящего исследования было изложено представление о том, что первоначальный Новгород представлял собой совокупность нескольких поселков, изолированных один от другого пустопорожними пространствами или территориями с редкой застройкой. Эти поселки дают основу позднейшей кончанской системе, однако в древности их было не пять, а меньше.

Известное подтверждение такому представлению довелось наблюдать воочию при раскопках в Людином конце Новгорода на Троицком раскопе. Выяснилось, что система преобразования рыхлой догородской структуры в город с рядовой усадебной застройкой, мощением и благоустройством улиц возникает в Новгороде только в середине X в., после того как походами княгини Ольги на Лугу и Мсту в 947 г. податная территория Новгорода значительно увеличилась, дав необходимые для такого преобразования средства ⁵. В первой половине X в.

---

⁴ Янин В. Л. Из истории высших государственных должностей в Новгороде // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963. С. 118—127; *Он же*. Монастыри средневекового Новгорода в структуре государственных институтов // ПОЛУТРОПОН: к 70-летию В. Н. Топорова. М., 1998. С. 911—922.

⁵ Янин В. Л. Княгиня Ольга и проблема становления Новгорода // Древности Пскова: История. Археология: К юбилею И. К. Лабутиной. Псков, 1999. С. 22—25.

на Троицком раскопе был выявлен край одного из древнейших поселков, за пределами которого на месте будущей городской застройки располагались пахотные участки, огороды и проселочные дороги ⁶.

Указания на относительную древность одних концов и сравнительную молодость других могут быть извлечены из самих наименований концов. Несомненными древними топонимами являются наименования Славенского, Неревского и Людина концов, тогда как наименование Загородского конца указывает на его позднейшее образование. Что касается Плотницкого конца, то время его возникновения должно стать предметом особого рассмотрения.

Несомненная древность Славенского конца особо подчеркивается его топографической спецификой. Славно — часть Новгорода, образованная по обычному типу древних городищ. Она расположена на возвышенности, называемой Славенским холмом, или просто Холмом, ограничена с одной стороны Волховом, с другой — речкой Тарасовцем, а с третьей стороны — Кончанским ручьем. Отметим, что если привычное наименование «Новгород» содержит в себе указание на сравнительно позднее происхождение термина (Новый город), то более ранние показания арабских источников называют Новгород «Славией», а в скандинавских источниках он известен под именем «Холмгарда» (Холм-города). Наименование Новгорода Славией связывается и с самим летописным именем новгородских словен. Раскопки, правда, не обнаружили на Славенском конце слоев ранее XI в., но они до сих пор не затронули участков, располагающих наиболее мощными культурными напластованиями.

Широко распространено неверное мнение, что Федоровский ручей (упоминается с 1134 г.) в системе новгородских укреплений был рубежом Славенского и Плотницкого концов. В действительности Славенский конец внутри треугольника, образованного Волховом, Тарасовцем, Копанью и Федоровским ручьем, занимал более ограниченное пространство, а его северная граница проходила по Кончанскому ручью, протекавшему вдоль южного фасада церкви Иоанна на Опоках ⁷. В него не входила часть упомянутого треугольника с улицами Лубяницей, Рогатицей, Лубянской, Славковой и Иворовой, которые в позднейшее время входили в членения Плотницкого конца ⁸, а также территории Торга и Ярославова дворища. С другой стороны, основной массив Плотницко-

---

⁶ Янин В. Л., Рыбина Е. А., Хорошев А. С., Гайдуков П. Г., Дубровин Г. Е., Сорокин А. Н. Работы Новгородской археологической экспедиции на Троицком раскопе в 1998 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 1999. Вып. 13. С. 6.

⁷ Янин В. Л. Боевище «Петрятитно дворище» в Новгороде // Археографический ежегодник за 1980 г. М., 1981. С. 80—91.

⁸ Янин В. Л. «Семисоборная роспись» Новгорода // Средневековая Русь. М., 1976. С. 113—114.

го конца в позднейшее время находился к северу от Федоровского ручья. Эти особенности расположения могут говорить только о том, что первоначально искусственно прорытый Федоровский ручей был не кончанским, а городским оборонительным рубежом, и указывать на более позднее сравнительно со Славенским концом время образования Плотницкого конца. Весьма показательно, что из 11 плотницких приходских церквей, показанных в «Семисоборной росписи», шесть древнейших расположены к югу от Федоровского ручья, т. е. в районе Лубяницы, Лубянки, Рогатицы, Славковой и Иворовой улиц, а пять церквей, расположенных на основной части Плотницкого конца, к северу от Федоровского ручья, упоминаются в источниках не ранее XIV в. Неоднократно отмеченная выше тесная политическая связь Плотницкого конца с Прусской улицей может указывать на то, что он заселялся и выходцами с Софийской стороны.

На Софийской стороне к древнейшим поселкам не может относиться Загородье, само наименование которого указывает на позднейшее включение этой территории в состав городского административного деления. К древнейшим принадлежат два поселка. Один из них — Неревский, — как это показали раскопки, существовал уже в первой половине X в. и обрел городской облик в середине того же столетия. П. И. Засурцев, много занимавшийся проблемами древней застройки на материалах раскопок в Неревском конце ⁹, обратил внимание на следующее важное обстоятельство. Внутри Неревского конца прослеживается древний рубеж, который проходил по линии Козмодемьянской улицы. Часть кончанской территории, расположенная между Детинцем и этим рубежом, возникла как цельный поселок с устойчивой планировкой усадеб единовременно в тот период, когда другая часть Неревского конца, расположенная к северу от Козмодемьянской улицы, знала лишь неустойчивую и нерегулярную застройку. Холопья улица возникает в этой части города позднее Козмодемьянской. Часть Великой улицы, примыкающая к Холопье, возникает позднее части той же улицы, расположенной между Козмодемьянской улицей и Детинцем. Здесь мы видим как бы ядро древнего поселка и первоначально примыкающее к нему свободное от застройки пространство. Отметим, что эта древняя граница совпадает с границей позднейших соборных участков Неревского конца

Что касается второго древнейшего конца Софийской стороны — Людина, выше неоднократно была прослежена его органическая связь с Прусской улицей, которая в XIII в. стала основой искусственно созданного Загородского конца. Раскопками Людина конца (Троицкий раскоп) была выявлена аналогичная ситуации на Неревском конце структура. Как уже отмечено, до середины X в.

⁹ Засурцев П. И. Усадьбы и постройки древнего Новгорода // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1963. № 123; *Он же*. Новгород, открытый археологами. М., 1967.

здесь выявлена граница между древнейшим поселком и примыкающим к нему пространством сельскохозяйственных угодий и проселочных дорог.

Существенное подтверждение правильности вывода о том, что в древнейший период на Софийской стороне существовали только два поселка, было достигнуто анализом материалов, касающихся оборонительных сооружений этой части Новгорода. До сооружения вала и рва Окольного города в последней четверти XIII в. здесь существовали два укрепленных валами городка, соответствующих Людину и Неревскому концу. Неукрепленное пространство между ними логично называлось Загородьем¹⁰.

Эти наблюдения позволяют говорить о том, что в древнейшее время на территории Новгорода действительно существовали три поселка — Славенский, Неревский и Людин. Если Славно по своим топографическим признакам кажется поселком, естественно выросшим в условиях, присущих любому древнему городу, то оба поселка Софийской стороны, расположенные в низменной местности и лишенные естественных укреплений, производят впечатление перенесенных на новое место.

Если эти наблюдения верны, то возникновение Новгорода может быть объяснено как результат союза поселка на Славенском холме с поселками, водворившимися на Софийской стороне. Эти три древнейших поселка создают единую систему укреплений и устанавливают единое управление из представителей родоплеменной знати, назвав новое образование Новым городом.

Топонимы древнейших поселков указывают на этнически разнородный характер возникшего союза. Славно связывается с именем новгородских словен, с древней Славией арабских писателей. Неревский конец своим наименованием может быть связан с чудской основой; его именуют иногда Наровским концом. Что касается Людина конца и примыкающей к нему Прусской улицы, то для определения его этнической основы важны наблюдения А. И. Соболевского, археологически подкрепленные В. В. Седовым. Названные исследователи отмечают, что кривичи псковской группы, освоившие значительные территории юго-запада Новгородской земли, являются для этой области пришлым элементом, соседствовавшим в древности с балтийскими племенами на территории Пруссии¹¹.

Такие наблюдения подтверждаются терминологией одного из вариантов легенды о призвании варягов, или руси, содержащегося в Лаврентьевской летописи. Послы, отправленные за море, обращаются к руси со следующими слова-

---

¹⁰ *Хорошев А. С.* Новые материалы по археологии Неревского конца // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982. С. 250—260.

¹¹ *Соболевский А. И.* Важная особенность старого псковского говора // Русский филологический вестник. Варшава, 1913. Т. 69; *Седов В. В.* Кривичи // Советская археология. 1960. № 1; *Он же.* Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982. С. 158—196.

ми: «Русь! Чудь и Словени и Кривичи, вся земля наша велика и обильна, а наряда в ней нет» и т. д.¹² В дальнейшем летописец, опираясь на провозглашенный этим рассказом союз словен, чуди и кривичей, изобретает Синеуса и Трувора, чтобы посадить их в Изборске и на Белоозере. Однако смысл этой федерации раскрыт тем же летописным рассказом: «новгородстии людие, рекомии Словене и Кривици и Меря: Словене свою волость имели, а Кривици свою, а Мере свою; кождо своим родом владыше; а Чюдь своим родом; и дань даяху Варягом от мужа по белеи веверици; а иже бяху у них, то ти насилье даяху Словеном, Кривичем и Мерям и Чюди. И всташа Словене и Кривици и Меря и Чюдь на Варягы, и изгнаша я за море; и начаша владети сами собе и города ставити. И всташа сами на ся воеват, и бысть межи ими рать велика и усобица, и всташа град на град, и не беше в них правды. И реша к собе: „князя поищем, иже бы владел нами и рядил ны по праву“. Идоша за море к Варягом...»¹³.

Эти описанные под 862 годом события происходят тогда, когда Новгорода еще не было, когда на его будущей территории еще не отложилось ни одного квадратного метра культурного слоя, а составившие антиваряжскую федерацию словене, кривичи и чудские племена жили дисперсно, «каждо своим родом владыше». Сселение племенной знати, родовой аристократии в местность, ставшую впоследствии Новгородом, как это показывают археологические данные, происходит около рубежа IX—X вв. И этот момент совпадает с уходом из Городищенской резиденции Олега и Игоря, нарушивших изначально договор призвания, в силу чего возникший политический вакуум потребовал более компактной организации федерации северо-западных племен.

Предполагая такой путь возникновения Новгорода, мы получаем ответ на несколько существенных вопросов новгородской истории. Получает объяснение не только устойчивость кончанской системы, которая основана на триединстве экономической, политической и этнической общности, но и характер взаимоотношений Новгорода с Новгородской землей. Характерной особенностью новгородских порядков было противопоставление громадного по своим масштабам города и земли, практически лишенной сколько-нибудь заметных признаков городской жизни: на всем ее пространстве существовали только два древних города Руса и Ладога. Возникновение Новгорода было связано с концентрацией племенной знати значительных территорий в одном центре, ставшем впоследствии средоточием боярской верхушки, которая распространяла свою власть на обширные территории. Эта концентрация боярства стала главной гарантией его успехов в борьбе с князем и в создании специфического по своим формам средневекового государства.

¹² ПСРЛ. Т. 1. С. 19—20.

¹³ НПЛ. С. 106.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПОСАДНИКОВ

Сокращения: А — Список А

Б — Список Б

Нер. — Неревский конец

Пл. — Плотницкий конец

Пр. — Прусская улица (Людин или Загородский конец)

Сл. — Славенский конец

Аввакум — см. Обакун

Аврам Стефанович — Б-111, Сл.; посадник с 1423 г. до 1423 г. тысяцкий — 33, 46, 50, 324, 340, 342, 345

Азария Феофилатович — Б-25; не существовавший посадник, упоминается ошибочно вместо посадника XII в. Захарии — 32, 42, 47, 61

Александр Васильевич Кавский — А-112, Б-142, посадник 1450-х или 1460-х гг. — 29, 34, 51, 369, 374, 375

Александр Игнатьевич — А-91, Б-95, Нер.; посадник с 1416 г. до 1416 г. тысяцкий — 29, 30, 33, 45, 50, 322—324, 326—329, 330, 344, 351, 480, 489

Александр Самсонович — Б-149, Нер.; упоминается как посадник в 1472—1476 гг., избран не позднее первой половины 1460-х гг.; сын посадника Самсона Ивановича — 34, 51, 369, 374, 375, 387, 402, 404, 406

Александр Семенович А-61, Б-67, Пр.; посадник 1360-х гг. возможный младший рубеж посадничества — 1371 г.; брат посадника Ивана Семеновича Муторицы — 25, 26, 33, 44, 265, 267, 271, 272, 275, 277, 280, 288

Александр Фоминич Царько — А-77, Б-81, Пр.; посадник 1403—1421 гг., возможный старший рубеж посадничества — 1398 г., умер в 1421 г. — 26, 27, 33, 45, 297, 298, 299, 300, 302, 303, 306, 307, 313, 316, 321, 322, 326, 327, 329, 341

Александр, брат Остафы Дворянина — А-56, Б-65, Пл.; постоянный представитель в посадничестве с 1346 до 1354 г. — 25, 33, 43, 265—271, 271, 278, 305, 308

Ананья Семенович А-90, Б-126; степенный посадник 1442 г., в 1439 г. степенный тысяцкий — 29, 34, 51, 360, 361—363, 369—371, 484, 485

Ананья Феофилатович — А-41, Б-44; избран между 1243 и 1255 гг., лишен посадничества в 1255 г., умер в 1256 г. — 25, 33, 43, 48, 59, 207, 210, 212, 215, 219, 227

Андрей Иванович — А-86, Б-90, Нер.; упоминается как посадник в 1415—1421 гг., избран не ранее 1415 г. — 26, 28, 33, 45, 50, 300—302, 317, 321—329, 339, 362

Андрей Иванович — Б-121; степенный посадник в 1434—1435 гг. — 34, 51, 343, 360, 362, 363, 369

Андрей (Андрейко) Климович — А-47, Б-51, Пр.; постоянный представитель в посадничестве в 1286—1316 гг.; погиб в 1316 г., брат посадника Семена Климовича — 25, 33, 43, 237—243, 252, 253, 255, 268, 304, 305

Андреян Захарынич — А-64, Б-73, Пл.; посадник 1354—1384 гг., возможный позднейший рубеж посадничества — 1387 г.; сын посадника Захарии Михайловича — 26, 33, 44, 220, 265, 267, 270—277, 279, 280, 288—290, 292, 293, 294, 296, 298, 305, 309, 316

Артемий Петрович — Б-116; посадник с 1423 г. — 33, 46, 50, 324, 340

Афанасий (Офонас) Есифович Свекла — А-119, Б-101, Пл.; посадник с 1418 г., сын

- посадника Есифа Захарьинича — 29, 30, 33, 46, 50, 322, 324, 327, 329
- Афанасий (Офонас) Остафьевич Груз** — А-116, Б-141, Сл. — посадник 1448—1478 гг., сын тысяцкого — 29, 31, 34, 51, 53, 362, 366, 368—371, 374, 375, 377, 379, 383, 384, 386, 390, 402, 403, 406, 409
- Афанасий Федорович** — Б-98, Сл.; посадник с 1416 г., сын посадника Федора Тимофеевича — 33, 46, 50, 322—324, 326, 327, 329, 348
- Ахмыл Федор** — см. Федор Ахмыл
- Богдан Есифович** — Б-137, Пр.-Пл.; избран на посадничество до 1445 г., был посадником в 1476 г., схвачен и увезен в Москву в 1476 г. — 34, 51, 53, 366, 368, 369, 371, 386, 390, 401, 403, 407, 408, 416, 445
- Богдан Микитинич** — А-128, Б-131; степенный посадник около 1439—1441 гг. — 30, 34, 51, 369, 371
- Богдан-Феодосий Обакунович** — А-73, Б-78, Пр.; посадник 1391—1397 гг., возможные хронологические рамки посадничества — 1390—1402 гг., умер в 1415 г. — 26, 33, 34, 44, 295—298, 299, 301, 317—320, 321, 325, 424
- Борецкий Дмитрий Исакович** — см. Дмитрий Исакович Борецкий
- Борецкий Исаак Андреевич** — см. Исаак Андреевич Борецкий
- Борис** — А-15, Б-18; прислан на посадничество из Киева, посадничал, по-видимому, до 1125 г. — 25, 32, 41, 47, 48, 90, 92—94, 99, 101, 112, 113, 117, 119
- Борис Васильевич** — Б-92; посадник 1416—1417 гг., до 1416 г. тысяцкий; умер в 1417 г. — 33, 50, 321—327, 329, 330, 332, 337, 338, 341, 344
- Борис Юрьевич** — А-92, Б-123; степенный посадник в 1435—1436 гг. — 29, 30, 34, 45, 51, 343, 359, 360, 362—364, 369, 443
- Варфоломей (Вальфромей) Юрьевич** — А-50, Б-53, Нер.; постоянный представитель в посадничестве с 1316 до 1342 г.; умер в 1342 г., сын посадника Юрия Мишинича — 25, 33, 39, 43, 48, 60, 220, 241, 253—256, 258—261, 268, 300
- Василий Александрович Казимир** — А-120, Б-143, Нер.; избран на посадничество не ранее 1459 г., был посадником до 1478 г., в 1459 г. тысяцкий; брат посадника Якова Александровича Короба — 29, 31, 32, 34, 35, 51, 369, 373, 374, 375, 383, 384, 386, 402, 403, 406, 416, 445, 446
- Василий Ананьич** — Сл.; избран на посадничество не позднее 1470 г.; степенный посадник в 1475 г.; схвачен и увезен в Москву в 1476 г. — 380—382, 387, 402, 404, 406—408, 416, 439, 445, 446
- Василий Васильевич** — Б-103; избран на посадничество в 1416 г.; брат посадников Тимофея и Семена Васильевичей — 33, 36, 37, 46, 50, 324, 327, 329
- Василий Глазоемцев** — Б-146, Пр.-Пл.; избран в первой половине 1460-х гг.; был посадником в 1475 г. — 34, 51, 369, 374, 375, 387, 401, 404
- Василий Есифович** — А-118, Б-94, Пл.; посадник с 1416 г., брат посадника Афанасия Есифовича, сын посадника Есифа Захарьинича — 28—30, 33, 45, 50, 300, 303, 321—324, 326, 327, 329, 330, 333, 337, 338, 344, 346, 347
- Василий Есифович** — степенный тысяцкий 1475—1476 гг., ошибочно назван посадником — 380, табл. 11, 404, 406, 419
- Василий Иванович** — А-70, Б-72, Нер.; посадник 1384—1405 гг., возможные хронологические рамки посадничества — 1381—1405 гг., умер в 1405 г., брат посадника Юрия Ивановича — 26, 33, 44, 265, 290—293, 294, 297, 298, 299, 312
- Василий Иванович** — Сл.; посадник 1450-х гг. — 378, 409
- Василий Кузьмич** — Пр.-Пл.; посадник 1470-х гг., упоминается под 1475 г. — 386, 401, 403, 408

- Василий Никитич** — Б-100, Нер.; посадник с 1416 г. — 28, 33, 46, 50, 322—324, 326—331, 340, 344, 345, 347, 348, 350, 442, 489
- Василий Селезнев Губа** — Нер.; посадник 1470-х гг.; казнен Иваном III в 1471 г. — 383, 393, 445
- Василий Степанович** — А-113, Б-139, Сл.; избран на посадничество до 1446 г.; умер в конце 1460-х гг. после пострижения под именем Варлаам — 29, 30, 34, 51, 53, 365, 369, 371—373, 375, 378, 390, 402, 409, 410
- Василий Терентьевич** — Сл.; посадник 1450-х гг., сын посадника Терентия — 378, 409
- Василий Федорович** — А-69, Б-62, Пр.; посадник 1384—1392 гг.; умер в 1392 г.; сын посадника Федора Юрьевича — 26, 27, 33, 44, 265, 268, 290—293, 294—296, 299, 306, 311, 312
- Василий Фоминич** — Б-113; избран на посадничество в 1423 г. — 33, 46, 50, 324, 339
- Василий Юрьевич** — Сл.; посадник 1420-х — 1430-х гг., сын посадника Юрия Дмитриевича — 342
- Внезд Водовик** А-38, Б-40; посадник 1229—1230 гг., умер в 1231 г. — 25, 33, 42, 47, 48, 198—200, 227
- Глухов Дмитрий Васильевич** — см. Дмитрий Васильевич Глухов
- Голый Кирилл** — см. Кирилл Голый
- Голый Туча Михаил** — см. Михаил Иванович Туча Голый
- Горошков Есиф Андреянович** — см. Есиф Андреянович Горошков
- Гостомысл** — А-1, Б-1 — 25, 32, 41, 65—68, 421
- Григорий Богданович** — А-83, Б-79, Пр.; посадник 1409—1415 гг., возможный позднейший рубеж посадничества неизвестен; сын посадника Богдана Обакуновича — 26, 27, 33, 45, 296, 300—303, 307, 314, 316, 320, 321, 325
- Григорий Данилович** — А-95, Б-114, Пр.-Пл.; избран на посадничество в 1423 г., был посадником в 1456 г. — 29, 31, 33, 46, 50, 53, 324, 339, 372, 373, 375, 390
- Григорий Кириллович Посахно** — А-94, Б-118; избран на посадничество до 1428 г., был посадником в 1437 г. — 29, 30, 34, 35, 51, 341, 343, 357, 358, 360, 368, 376
- Григорий Михайлович** — Нер.; посадник 1475 г.; сестричич посадника Василия Александровича Казимира — 383, 386, 402, 403
- Григорий Михайлович Тучин** — Пр.-Пл.; посадник 1475 г.; сын посадника Михаила Ивановича Тучи — 386, 401, 403, 418
- Григорий Юрьевич** — А-93, Б-119; избран на посадничество до 1434 г. — 29, 34, 51, 343, 360, 368
- Григорий Якунович** — А-67, Б-76, Пр.; посадник 1383—1389 гг.; возможные хронологические рамки посадничества 1373—1390 гг. — 26, 33, 40, 44, 90—93, 290—296, 299, 306, 311, 320
- Груз Афанасий Остафьевич** — см. Афанасий Остафьевич Груз
- Грузов Кузьма Остафьевич** — см. Кузьма Остафьевич Грузов
- Губа Василий Селезнев** — см. Василий Селезнев Губа
- Гюрята** — А-10, Б-11; седьмой из девяти посадников времени Мстислава Владимировича (1088—1117 гг.) — 25, 32, 40, 41, 59, 78, 86, 88, 99, 107
- Данила** — Пр.; посадник 1327—1328 гг. — 60, 261, 304, 305, 308, 316
- Данила из Киева** — А-17, Б-20; прислан посадничать из Киева в 1129 г., лишен посадничества в 1130 г. — 25, 32, 41, 47, 48, 90, 92—94, 99, 101, 112, 114, 117
- Дворянинец Остафья** — см. Остафья Дворянинец
- Дворянинцев Александр** — см. Александр, брат Остафьи Дворянинца
- Дмитрий Васильевич Глухов** — А-110, Б-127, Сл.; избран на посадничество до 1437 г.,

был посадником около 1456 г., в 1436 г. тысяцкий — 29—31, 34, 51, 53, 359—364, 366, 369, 371—373, 375, 390, 409, 481, 485, 488

Дмитрий (Дмитр) Завидич — А-13, Б-5; посадник 1117—1118 гг., умер в 1118 г.; возможный сын посадника Завида — 25, 32, 41, 59, 90—94, 99, 101, 111—113, 117, 120

Дмитрий Исакович Борецкий — Нер.; посадник 1471 г.; сын посадника Исака Андреевича Борецкого — 31, 379, 382, 383, 386, 393, 445

Дмитрий (Дмитр) Мирошкинич — А-32, Б-36, посадник 1205—1207 гг.; убит в 1207 г.; сын посадника Мирошки Несдинича — 25, 32, 42, 162—166, 492

Дмитрий (Дмитр) Якунович — А-34, Б-29; получил посадничество в 1211 г.; умер до 1215 г.; сын посадника Якуна — 25, 32, 42, 168, 183, 187, 227

Добрыня — А-12, Б-16; последний из девяти посадников времени Мстислава Владимировича (1088—1117 гг.); умер в 1117 г. — 25, 32, 34, 41, 77—80, 90—94, 101, 117, 118

Евстафий — см. Остафья

Елевферий — см. Олферий

Есиф Андреянович (Андреевич) Горошков — А-99, Б-132, Пр.; избран до 1443 г., был посадником в 1463 г. — 29, 30, 34, 51, 53, 357, 366, 368, 369, 371, 376, 377, 387, 390

Есиф Васильевич Носов — Пр.-Пл.; убит в 1456 г. — 372, 376, 390

Есиф Григорьевич — А-98, Б-133, Пр.-Пл.; избран до 1443 г., был посадником в 1463 г. — 29, 30, 34, 51, 366, 369—371, 376, 377, 386, 401

Есиф (Еска) Захарьинич — А-72, Б-74, Пл.; посадник 1388-1409 гг.; возможный ранний рубеж посадничества 1385 г.; умер в 1409 г.; сын посадника Захарии Михайловича — 14, 26, 33, 44, 220, 258, 259, 265, 290—293, 294, 296, 298, 299, 300, 306, 312, 329

Есиф Фалеевич — А-75, Б-82, Пр.; посадник 1392—1397 гг.; умер в 1397 г. — 26, 33, 44, 295, 297—299

Есиф Яковлевич — А-102, Б-134, Пр.-Пл.; избран до 1442 г., умер в 1466 г.; брат посадника Федора Яковлевича — 29, 34, 51, 369, 371, 376, 377

Жирослав — А-27, Б-30; первое посадничество около 1169—1171 гг., второе — в 1171—1172 гг., третье — в 1175 г. — 25, 32, 42, 47, 48, 147—151, 165, 166, 170

Завид-(Евстафий) — А-4, Б-4; первый из девяти посадников времени Мстислава Владимировича (1088—1117 гг.) — 25, 32, 40, 41, 59, 78—80, 84—86, 87, 107, 108, 118, 119

Завид-(Феодор) Дмитриевич — А-16, Б-19; получил посадничество в 1128 г.; умер в 1128 г. — 25, 32, 41, 92—94, 101, 112, 114, 117, 118

Завид Неревинич (Неверонич) — А-29, Б-31; первое посадничество в 1175—1176 гг.; второе — в 1177—1180 гг.; третье — в 1184—1186 гг. — 25, 32, 42, 151—154, 165, 166, 167, 170, 174

Захария — А-25, Б-26; посадник 1161—1167 гг.; убит в 1167 г. — 25, 32, 42, 47, 48, 145—147, 149—151, 154, 166—168, 188

Захария Григорьевич Овин (Отвин) — А-123, Б-138, Пр.-Пл.; избран на посадничество до 1445 г.; был посадником в 1476 г., убит в 1477 г.; брат посадника Кузьмы Григорьевича — 29, 31, 34, 51, 53, 369, 371, 377, 382, 384, 386, 401, 402, 403, 406, 408, 439, 446

Захария Захарьинич — Пр.-Пл.; посадник 1470-х гг., сын посадника Захарии Григорьевича Овина — 401, 403, 408

Захария Кириллович — Б-117; избран на посадничество в 1423 г. — 32—35, 38, 46,

50, 324, 340, 341

Захария Михайлович — А-52, Б-56, Пл.; постоянный представитель в посадничестве в 1316—1335 г.; умер, по-видимому, в 1335 г.; сын посадника Михаила Павшинича — 25, 33, 43, 47, 60, 220, 255—262, 276

Иван Александрович — А-79, Б-84, Сл.; посадник 1409—1417 гг.; умер в 1417 г.; братан посадника Фомы Ивановича — 26—28, 33, 40, 45, 274, 293, 300, 302, 303, 321, 322, 325—327, 329, 332, 337, 341, 344, 346, 351, 409, 477, 482, 488

Иван Афанасьевич — А-115, Б-145, Сл.; избран на посадничество до 1459 г.; схвачен и увезен в Москву в 1476 г. — 29, 31, 34, 51, 369, 373, 374, 378, 387, 402, 404, 409, 416, 446

Иван Богданович — А-87, Б-91, Пр.; избран в 1415—1416 гг., умер в 1419 г. — 26, 28, 33, 45, 50, 300, 302, 321—327, 329, 332, 338, 341, 344

Иван Васильевич — Б-109; избран на посадничество около 1421—1423 гг. — 33, 34, 46, 50, 324, 340, 341

Иван Васильевич Сокира — А-103, Б-124; избран на посадничество до 1436 г., был посадником в 1442 г.; вероятный сын посадника Василия Никитича — 29, 30, 34, 51, 53, 343, 350, 358, 360—364, 366, 369—371, 409

Иван Васильевич Немир Шенкурский — Сл.; избран на посадничество до 1471 г.; умер до 1475 г. — 369, 374, 382, 384, 386, 391, 402, 403

Иван Григорьевич — Пр.-Пл.; умер в 1467 г. — 377, 387, 446

Иван Данилович — А-85, Б-89, Пл.; посадник 1414—1415 гг.; возможный младший рубеж посадничества неизвестен — 26, 28, 33, 45, 300—303, 321, 326

Иван Данилович — Б-107; избран на посадничество около 1421—1423 гг. — 33, 46, 50, 324, 339, 341

Иван (Иванко) Дмитрович — А-37, Б-39; посадник 1220—1229 гг.; убит в 1238 г. — 25, 33, 42, 47, 187, 193—195, 198, 201, 204, 227

Иван (Иванко) Захарьинич — А-28, Б-27; первое посадничество в 1171 г.; второе — в 1172—1175 гг.; умер в 1175 г. — 25, 32, 42, 147—151, 154, 166, 167, 183

Иван Захарьинич — Пр.-Пл.; посадник 1475 г.; сын посадника Захарии Григорьевича Овина — 386, 401, 403, 408

Иван Иванович — А-104, Нер.; посадник 1470-х гг.; брат посадника Якова Селезневича — 29, 51, 389

Иван Иевлич — Б-104, Пр.; избран на посадничество в 1416 г. — 33, 46, 50, 51, 324, 327—329, 332, 333, 337, 339

Иван Кузьмич — Пр.-Пл.; посадник 1475 г.; схвачен Иваном III в 1484 г.; зять посадника Захарии Григорьевича Овина — 386, 402, 403, 408, 446

Иван Лаврентьевич — А-108, Б-136; избран на посадничество до 1445 г., был посадником в 1461 г. — 29, 31, 34, 51, 369, 371, 377, 379

Иван Лукинич Щока — А-117, Б-128, Пл.; избран до 1438 г., был посадником в 1471 г.; в 1435 г. тысяцкий; умер до 1475 г. — 29, 31, 34, 51, 53, 359, 360, 362, 363, 366, 367, 369, 372, 373, 375, 377—379, 384, 390, 391, 476, 482—485, 488

Иван Максимович — А-107, Б-135, Сл.; избран до 1444 г., был посадником до 1450-х — 1460-х гг. — 29, 34, 51, 369, 371, 378, 409

Иван Михайлович — Нер.; сестричич посадника Василия Александровича Казимира; посадник 1475 г. — 383, 386, 402, 403

Иван (Иванко) Павлович — А-19, Б-21; получил посадничество в 1134 г., убит в 1135 г. — 25, 32, 42, 59, 92—94, 101, 102, 104, 112, 115, 117, 169

Иван Семенович Муторица (Мотурица) — А-60, Б-66, Пр.; посадник 1354—

1372 гг.; возможный позднейший рубеж посадничества — 1382 г.; брат посадника Александра Семеновича — 25, 26, 33, 40, 44, 265, 267, 271, 272, 275—278, 281, 282, 284, 286, 288—290, 293, 294, 305, 309, 329

Иван Тимофеевич — Сл.; посадник 1450-х гг. — 378, 409

Иван Федорович Смятанка — А-63, Б-68, Пр.; посадник 1354—1360 гг.; — 25, 26, 40, 44, 265, 267, 271, 272, 275, 277, 288

Иван Федорович — Б-97, Сл.; избран на посадничество в 1416 г.; сын посадника Федора Тимофеевича — 25, 33, 45, 50, 323, 324, 326, 327, 329, 347, 348

Иван Яковлевич — Б-110; избран на посадничество около 1421—1423 гг. — 33, 46, 50, 324, 340, 341

Иов Тимофеевич — Сл.; посадник 1420—1430-х гг.; избран не позднее 1423 г. — 342, 347, 349

Исак Андреевич Борецкий — А-109, Б-129, Нер.; избран до 1428 г.; умер в 1460-х гг. — 29, 30, 34, 51, 329, 357, 358, 360—363, 369, 371, 372, 375, 386

Кавский Александр Васильевич — см. Александр Васильевич Кавский

Казимир (Казимер) Василий Александрович — см. Василий Александрович Казимир

Карп Савинич — посадник 1460 г. — 377

Кирилл Андреянович — А-78, Б-86, Пл.; посадник 1403—1409 гг.; умер в 1410 г.; сын посадника Андреяна Захарьинича — 26, 27, 33, 40, 45, 296, 298, 300, 314

Кирилл Голый — см. Кирилл Яковлевич

Кирилл Дмитриевич — А-84, Б-88, Пр.; посадник 1414 г.; возможный старший рубеж посадничества — 1412 г.; умер в 1414 г. — 26, 28, 33, 45, 300—303, 307, 315, 321, 325

Кирилл Яковлевич — Нер.; посадник 1470-х гг.; возможно, отождествляется с Кириллом Голым — А-121 — 29, 52, 387—389, 402, 404, 406

Константин (Коснятин) — А-6, Б-7; третий из девяти посадников времени Мстислава Владимировича (1088—1117 гг.) — 25, 32, 40, 41, 59, 77—80, 86, 87

Константин (Коснятин) Добрынич — А-2, Б-2; посадник 1016—1030 гг.; сын Добрыни, уя Владимира Святославича — 25, 32, 41, 68—70, 73, 112, 113

Константин Микульчич — А-21, Б-15; первое посадничество в 1136—1137 гг.; второе — в 1146—1147 гг.; умер в 1147 г. — 25, 32, 34, 42, 59, 92, 93, 101, 102, 105, 117, 136, 138, 140—142, 145—150, 167, 169

Константин Моисеевич — А-14, Б-17; посадник 1118—1119 гг.; умер в 1119 г. — 25, 32, 41, 59, 92—94, 101, 117

Короб Яков Александрович — см. Яков Александрович Короб

Коска Матфей Варфоломеевич — см. Матфей Варфоломеевич Коска

Кузьма Григорьевич — Б-147, Пр.-Пл.; избран на посадничество в 1460-х гг.; убит в 1477 г.; брат посадника Захарии Григорьевича Овина — 34, 51, 369, 374, 375, 383, 384, 386, 401, 403, 406, 408, 439, 445

Кузьма Остафьевич Грузов — Сл.; посадник 1470-х гг.; брат посадника Афанасия Остафьевича Груза — 383, 384, 386, 402, 403, 418, 445

Кузьма Семенович — А-125; посадник 1470-х гг. — 29, 30, 52, 389

Кузьма Терентьевич — Б-105; избран на посадничество около 1421—1423 гг., в 1421 г. — степенный тысяцкий — 33, 46, 50, 324, 327, 328, 332, 333, 337, 339, 341, 344, 345, 351

Кузьма Феофиластович — Пр.-Пл.; посадник 1470-х гг.; сын посадника Феофилата Захарьинича — 385, 386, 402, 403, 418

Курытник Фома Андреевич — см. Фома Андреевич Курытник

Лозьев Яков Игнатьевич — см. Яков Игнатьевич Лозьев

- Лука Исакович Полинарыйн** — Сл.; избран на посадничество после 1475 г.; был посадником в 1478 г. — 387, 389, 391, 405, 406, 415
- Лука Федорович** — Пр.-Пл.; избран на посадничество не позднее 1471 г., был посадником в 1478 г.; сын посадника Федора Яковлевича — 31, 377, 382, 384, 386, 389, 391, 392, 401, 403, 406, 416, 446
- Матфей Варфоломеевич Коска (Кошья)** — А-53, Б-59, Нер.; постоянный представитель в посадничестве около 1332—1345 гг. — 25, 33, 40, 43, 60, 255—260, 262, 264—268, 280, 329
- Микула** — А-11, Б-13; восьмой из девяти посадников времени Мстислава, Владимировича (1088—1117 гг.) — 25, 32, 40, 41, 59, 78, 86, 102, 107, 167
- Мина Власевич** — Сл.; посадник 1450-х гг. — 378, 409
- Мирон Иванович** — не существовавший посадник; ошибочно назван в подложном документе, несущем дату 1391 г. — 296
- Миронег (Нинониг)** — А-7, Б-8; четвертый из девяти посадников времени Мстислава Владимировича (1088—1117 гг.) — 25, 32, 40, 41, 59, 78, 86
- Мирослав-(Яков) Гюрятинич** — А-20, Б-12; первое посадничество — сомнительное — около 1126—1128 гг.; второе — в 1135—1136 гг.; умер в 1136 г. — 25, 32, 42, 59, 92—94, 99, 101, 103—105, 112, 116, 117, 118, 129, 148, 169
- Мирошка (Мирослав) Несдинич (Незнанич)** — А-31, Б-35; посадник 1189—1204 гг.; с 1195 по начало 1197 г. был задержан Всеволодом III в Суздале; умер в 1204 г. — 21, 25, 32, 42, 91, 138, 154, 155, 159—163, 165, 166, 170—173, 178, 182, 193, 201, 492
- Михаил Ананьинич** — А-111, Б-112; избран в 1423 г., был посадником в 1424 г. — 29, 33, 46, 50, 324, 339, 343, 349
- Михаил Данилович** — А-66, Б-70, Пр.; посадник 1372—1392 гг., возможный ранний рубеж посадничества — 1355 г.; умер в 1392 г.; брат посадника Федора Даниловича, сын посадника Данилы — 26, 33, 44, 260, 265, 270, 273—277, 281—283, 286, 289, 290—293, 294—296, 299
- Михаил Иванович Мотуричин** — Б-99, Пр.; избран в 1416 г., был посадником в 1424 г.; сын посадника Ивана Семеновича Мотурицы (Муторицы) — 28, 33, 46, 50, 322, 324, 326, 327, 329, 331, 344
- Михаил Иванович Туча Голый** — А-114, Б-140, Пр.-Пл.; избран не позднее 1446 г.; в 1456 г. взят в плен Василием Темным — 29, 31, 34, 51, 369, 371, 372, 376, 386, 390, 392, 401
- Михаил Мишинич** — А-45, Б-49; первое посадничество в 1272 г.; второе — в 1273—1280 гг.; умер в 1280 г.; брат посадника Юрия Мишинича — 25, 33, 39, 43, 220, 221, 224, 225, 227
- Михаил Павшинич** — Б-55, Пл.; постоянный представитель в посадничестве с конца XIII в. до гибели в 1316 г. — 33, 43, 47, 60, 220, 241—243, 252, 253, 255, 258, 259, 276
- Михаил Семенович (Чапиного?)** — Б-148; посадник 1460-х гг.; умер до 1475 г. — 30, 34, 51, 369, 374, 375, 381
- Михаил (Михалко) Степанович** — А-30, Б-32.; первое посадничество в 1176—1177 гг.; второе — в 1180—1184 гг.; третье — в 1186—1189 гг., четвертое — в 1204—1205 гг.; умер в 1205 г. — 25, 32, 38, 42, 152—154, 159—162, 164—166, 168, 188
- Михаил (Михалко) Степанович** — А-42, Б-42; посадник 1255—1256 гг.; убит в 1256 г.; сын посадника Степана Твердиславича — 25, 33, 38, 43, 207, 208, 210, 212, 215, 227
- Михаил Федорович** — А-43, Б-45; посадник 1256—1268 гг.; погиб в 1268 г. — 25, 33, 43, 211, 213—215, 219, 220, 227

- Михаил Чапинога** — А-127 — 30; см. также Михаил Семенович
- Мотурица (Муторица) Иван Семенович** — см. Иван Семенович Муторица
- Мотуричин Михаил Иванович** — см. Михаил Иванович Мотуричин
- Нежата Твердыгич** — А-24, Б-24; первое посадничество в 1144—1146 гг.; второе — в 1160—1161 гг. — 25, 32, 42, 47, 59, 140—142, 144—147, 149, 150, 166, 169, 170
- Немир Иван** — см. Иван Васильевич Немир Шенкурский
- Никита Афанасьевич** — Сл.; посадник 1475 г.; сын посадника Афанасия Остафьевича Груза — 386, 402, 403
- Никита Григорьевич** — Б-48; недостоверный посадник 1269 г. — 33, 43, 47, 48, 221, 223, 227, 228
- Никита Есифович** — Пр.-Пл.; посадник 1475 г.; сын посадника Есифа Григорьевича — 386, 401, 404
- Никита Матфеевич** — А-68, Б-60, Пр.; посадник 1370-х гг.; летописное упоминание его посадничества под 1359 г., по-видимому, ошибочно; сын посадника Матфея Варфоломеевича Коски — 26, 33, 44, 279, 280, 288, 291, 292, 306, 311, 316
- Никита Федорович** — Сл.; посадник 1475 г. — 388, 402, 405, 407
- Никифор Борисович** — А-106; посадник 1470-х гг. — 29, 52, 389
- Нинониг** — см. Миронег
- Норов Родион** — см. Родион Норов
- Носов Есиф Васильевич** — см. Есиф Васильевич Носов
- Обакун Твердиславич** — несуществовавший посадник, летопись ошибочно называет его под 1354 г. — 271, 278
- Овин Захария Григорьевич** — см. Захария Григорьевич Овин
- Овин Кузьма Григорьевич** — см. Кузьма Григорьевич Овин
- Олферий Афанасьевич** — Сл.; посадник 1475 г. — 386, 403, 416
- Олферий Иванович** — Сл.; посадник 1470-х гг., схвачен в 1475 г. Иваном III и увезен в Москву; сын посадника Ивана Афанасьевича — 402, 416, 446, 482, 485
- Онцифор Лукич** — А-57, Б-57, Нер.; постоянный представитель в посадничестве в 1343—1354 гг.; внук посадника Варфоломея Юрьевича — 21, 25, 33, 39, 43, 220, 255, 257—271, 277—279, 288, 300, 316, 430—432, 493
- Остафья Дворянинец** — А-55, Б-64, Пл.; постоянный представитель в посадничестве в 1335—1346 г., до 1335 г. тысяцкий; убит в 1346 г.; брат посадника Александра Дворянинцева — 25, 33, 43, 47, 48, 60, 255, 256, 258—269, 423
- Остромир-Иосиф** — А-3, Б-3; посадник 1054—1057(?) гг.; погиб в 1057(?) г. (по летописи — в 1054 г.) — 25, 32, 41, 70, 71, 73, 76—80, 100
- Павша Ананьиич** — А-44, Б-47; первое посадничество в 1268—1272 гг.; второе — в 1272—1273 гг.; умер в 1273 г. — 25, 33, 43, 219, 220, 221, 223—225, 227
- Панфил Селифонт** — житий 1470-х гг.; ошибочно назван посадником в документе XVI в. — 415
- Пездья Семен** — см. Семен Пездья
- Петр (Петрята)** — А-5, Б-6; второй из девяти посадников времени Мстислава Владимировича (1088—1117 гг.) — 25, 32, 40, 41, 59, 78, 86, 87, 112, 115
- Петр (Петрята, Петрило) Микульчич** — А-18, Б-14; посадник 1130—1134 гг.; погиб в 1134 г. — 25, 32, 41, 59, 92—94, 99, 101—104, 117, 167, 180, 182
- Полинарьин Лука Исакович** — см. Лука Исакович Полинарьин
- Порочка Филат Скупой** — см. Филат Скупой Порочка
- Посахно Григорий Кириллович** — см. Григорий Кириллович Посахно
- Родион Норов** — Пр.-Пл.; посадник 1470-х гг. — 387, табл. 11, 404

- Родослав Данилович** — боярин конца XII в.; ошибочно назван как посадник под 1383 г. — 250, 291
- Савва (Сава)** — А-8, Б-9; пятый из девяти посадников времени Мстислава Владимировича (1088—1117 гг.) — 25, 32, 40, 41, 59, 78, 86, 107
- Самсон Иванович** — А-96, Б-120, Нер.; избран на посадничество до 1434 г.; был посадником в 1448 г. — 29, 30, 34, 51, 53, 343, 358—363, 366, 369, 390
- Сбыслав Якунович** — А-40, Б-43; получил посадничество в 1243 г.; умер между 1243 и 1255 гг. — 25, 33, 40, 43, 59, 204, 227
- Свекла Афанасий Есифович** — см. Афанасий Есифович Свекла
- Селезнев Губа Василий** — см. Василий Губа Селезнев
- Селезнев (Селезневич) Яков Иванович** — см. Яков Иванович Селезнев
- Селивестр Леонтьевич (Лентеев)** — А-62, Б-75, Сл.; посадник 1354—1380 гг.; возможный позднейший рубеж посадничества — 1384 г. — 25, 33, 44, 265, 267, 271, 272, 274—277, 279, 280, 288—290, 293, 294, 305, 309, 316
- Селифонтов Панфил** — см. Панфил Селифонтов
- Семен Борисович** — А-36, Б-38; посадник 1219 г.; убит в 1230 г. — 25, 32, 33, 42, 47, 184, 187, 188, 199, 200, 227
- Семен Васильевич** — А-88, Б-93; избран на посадничество в 1416 г. — 26, 28, 33, 45, 50, 300, 302, 321—324, 326, 327, 329, 330, 344
- Семен Васильевич** — Б-108; избран на посадничество около 1421—1423 гг. — 33, 46, 50, 324, 339, 341; см. также Семен Пездья
- Семен Климович** — А-49, Б-52, Пр.; постоянный представитель в посадничестве в 1292—1316 гг.; умер после 1316 г.; брат посадника Андрея Климовича — 25, 33, 43, 59, 237—243, 252—255, 260, 268, 274, 278, 292, 304, 305, 316
- Семен Михайлович** — А-46, Б-46; посадник 1280—1286 гг.; умер в 1287 г. — 25, 33, 43, 225—227, 237, 238, 244
- Семен Пездья** — А-100; — 29; см. также Семен Васильевич
- Семен Федорович** — Нер.; посадник 1475 г.; сын посадника Федора Самсоновича — 386, 402, 404
- Скупой Филат Порочка** — см. Филат Скупой Порочка
- Слизень Яков Васильевич** — см. Яков Васильевич Слизень
- Смятанка Иван Федорович** — см. Иван Федорович Смятанка
- Сокира** — см. Иван Васильевич Сокира
- Степан Твердиславич** — А-39, Б-41; посадник 1230—1243 гг.; умер в 1243 г.; сын посадника Твердислава Михалковича — 25, 33, 38, 39, 42, 59, 184, 190, 199—201, 203, 204, 227
- Судило Иванкович** — А-23, Б-22; первое посадничество в 1141—1144 гг.; второе — в 1147—1156 гг.; умер в 1156 г.; сын посадника Иванки Павловича — 25, 32, 42, 140—145, 147, 149, 150, 169
- Твердислав Михалкович** — А-33, Б-33, Пр.; первое посадничество в 1207—1211 гг.; второе — около 1214—1215 гг.; третье — в 1216—1219 гг.; четвертое — в 1219—1220 гг.; принял схиму в 1220 г.; сын посадника Михалки Степановича — 25, 32, 38, 39, 42, 47, 164, 165, 168, 183—191, 193, 194, 199, 207, 221, 227, 492
- Терентий** — Сл.; посадник 1430-х—1440-х гг. — 409
- Тимофей Васильевич** — А-89, Б-102; избран на посадничество в 1416 г.; брат посадников Семена и Василия Васильевичей — 26, 28, 29, 33, 46, 50, 300, 302, 321, 322, 324, 326, 327, 329, 331, 347, 349
- Тимофей Кузьмич** — Сл.; посадник 1475 г.; сын посадника Кузьмы Остафьевича Гру-

зова — 386, 402, 403

Тимофей Остафьевич — Сл.; избран на посадничество до 1471 г.; был посадником в 1475 г.; брат посадников Афанасия и Кузьмы Остафьевичей — 31, 379, 380, 381, 384, 386, 391, 402

Тимофей Юрьевич — А-74, Б-80, Пр.; посадник 1392—1409 гг.; умер в 1409 г.; братан посадника Александра Фоминича — 26, 33, 44, 297, 298, 299, 306, 313

Туча Голый Михаил Иванович — см. Михаил Иванович Туча Голый

Тучин Григорий Михайлович — см. Григорий Михайлович Тучин

Улеб — А-9, Б-10; шестой из девяти посадников времени Мстислава Владимировича (1088—1117 гг.) — 25, 32, 40, 41, 59, 78, 86

Устин — несуществовавший посадник, ошибочно упомянутый в летописи под 1383 г. — 290, 291

Федор Акинфьевич Глазоемец — А-126, Пр.-Пл.; посадник 1470-х гг. — 30, 31, 52, 388, 389, 401, 405

Федор Алексеевич — Сл.; посадник 1450-х — 1460-х гг. — 378; предположительно отождествляется с Федором Олисиевичем

Федор Ахмыл — А-51, Б-54, Пр.; постоянный представитель в посадничестве в 1329—1332 гг. — 25, 33, 43, 47, 48, 60, 256—259, 262

Федор Гаврилович — Б-106; избран на посадничество около 1421—1423 гг. — 33, 46, 50, 324, 339, 341

Федор Данилович — А-54, Б-69, Пр.; постоянный представитель в посадничестве с середины 1330-х гг. до 1350 г.; сын посадника Данилы, брат посадника Михаила Даниловича — 25, 33, 43, 255, 256, 257—261, 264—270, 273, 276, 278, 288, 430

Федор Данилович — А-97, Б-122; избран на посадничество до 1435 г. — 29, 30, 34, 51, 60, 343, 359, 360, 362, 363, 369, 476

Федор Олисиевич — Б-125; избран на посадничество до 1437 г., был посадником в 1441 г. — 34, 51, 52, 360, 361, 363, 364, 369—371, 378, 481, 483, 485, 488

Федор Остафьевич Своеземцев — Сл.; посадник 1440-х — 1460-х гг. — 378, 402, 409

Федор Михалкович — Б-34; ошибочно назван посадником в Списке Б; сын посадника Михалки Степановича — 32, 42, 47, 168, 188, 194, 227, 228

Федор Самсонович — Б-150, Нер.; посадник 1460-х гг.; умер до 1475 г.; сын посадника Самсона Ивановича — 34, 51, 54, 369, 374, 375, 386

Федор Тимофеевич — А-71, Б-77, Сл.; посадник 1385—1421 гг.; возможный ранний рубеж посадничества — 1381 г.; умер в 1421 г. — 26, 28, 33, 34, 44, 290—293, 294, 295, 298, 299, 300, 302, 303, 306, 312, 316, 321—323, 326, 327, 329, 333, 336, 337, 341, 409, 424

Федор Юрьевич — А-58, Б-61, Пр.; постоянный представитель в посадничестве около 1346—1350 гг. — 25, 33, 44, 265—269, 271, 292

Федор Яковлевич — А-101, Б-130, Пр.-Пл.; избран на посадничество до 1440 г.; умер в 1466 г. — 29, 30, 34, 51, 53, 359, 361, 365, 369—373, 375, 377, 390, 401

Феодосий Обакунович — см. Богдан-Феодосий Обакунович

Феофилат Захарьинич — Пр.-Пл.; избран на посадничество до 1471 г.; был посадником в 1478 г. — 31, 382, 384, 385, 389, 391, 402, 403, 406, 446

Филат Скупой Порочка — А-124 — 29, 31, 52, 389; см. также Феофилат Захарьинич

Филипп — не существовавший посадник; ошибочно упомянут летописью под 1383 г. — 290, 291

Филипп Фоминич — Б-115; избран на посадничество в 1423 г. — 33, 46, 50, 324, 339, 347, 349

- Фома Андреевич Курятник** — Пр.-Пл.; посадник 1470-х гг.; избран до 1474 г.; был посадником в 1478 г. — 380—382, 388, 389, 391, 402, 405, 406, 479
- Фома Есифович** — А-82, Б-87, Пл.; посадник 1409—1411 гг.; возможный младший рубеж посадничества — 1413 г. — 26, 27, 33, 45, 300—303, 320, 321
- Фома Иванович** — А-80, Б-85, Сл.; посадник 1409 г.; братан посадника Ивана Александровича — 26, 27, 33, 40, 45, 300, 302, 303, 317, 321, 326
- Царько Александр Фоминич** — см. Александр Фоминич Царько
- Чапиного Михаил** — см. Михаил Семенович Чапиного (?)
- Шенкурский Иван** — см. Иван Васильевич Немир Шенкурский
- Щил** — см. Богдан-Феодосий Обакунович
- Щока Иван Лукинич** — см. Иван Лукинич Щока
- Юрий Дмитриевич** — А-76, Б-83, Пр.; посадник 1397—1409 г.; умер в 1409 г. — 26, 33, 44, 296—300, 342
- Юрий (Гюрги) Иванкович** — А-35, Б-37; посадник 1215—1216 гг.; вероятный сын посадника Иванки Захарьинича — 25, 32, 42, 166, 183—185, 227
- Юрий Иванович** — А-65, Б-71, Нер.; посадник 1354—1380 гг.; возможный позднейший рубеж посадничества — 1382 г.; брат посадника Василия Ивановича — 26, 33, 44, 265, 267, 271—277, 280—287, 288, 289, 292, 293, 294, 305, 306, 310, 424
- Юрий (Георгий) Мишинич** — А-48, Б-50, Нер.; постоянный представитель в посадничестве в 1291—1316 гг.; погиб в 1316 г.; брат посадника Михаила Мишинича — 25, 33, 39, 43, 220, 237—243, 252—254, 255, 268
- Юрий Онцифорович** — А-81, Б-58, Нер.; посадник 1409—1416 гг.; умер в 1417 г.; сын посадника Онцифора Лукича — 26, 27, 33, 39, 45, 220, 264, 268, 296, 300—303, 321, 325, 342, 424, 434
- Юрий Терентьевич** — Сл.; посадник 1450-х гг. — 378, 409
- Яков Александрович Короб** — А-122, Б-144, Нер.; избран на посадничество до 1471 г.; был посадником в 1478 г.; брат посадника Василия Александровича Казимира — 29, 34, 51, 53, 369, 374, 384, 386, 389, 391, 402, 403, 406, 416, 446
- Яков Васильевич Слизень** — Сл.; посадник 1475 г. — 382, 388, 405
- Яков Иванович Селезнев** — А-105, Нер.; посадник 1460-х — 1470-х гг. — 29, 31, 51, 389, 390, 407
- Яков Игнатьевич Лозьев** — посадник 1460-х гг.; в 1463 г. тысяцкий; умер в 1469 г. — 377, 378
- Яков (Семенович?) Хотов** — А-59, Б-63, Пр.; постоянный представитель в посадничестве в 1352—1354 гг.; посадник в 1372 г.; возможные рамки посадничества после реформы 1354 г.: 1360—1382 гг.; вероятный сын посадника Семена Климовича — 25, 33, 44, 265, 266, 267, 271, 272—278, 288—290, 293, 294, 305, 309, 311, 316, 324
- Яков Федорович** — Б-96, Сл.; избран на посадничество в 1416 г.; сын посадника Федора Тимофеевича — 33, 45, 50, 323, 324, 326, 327, 329, 342, 346
- Яков Федорович** — Пр.-Пл.; посадник 1460-х — 1470-х гг.; избран до 1468 г.; был посадником в 1478 г.; сын посадника Федора Яковлевича — 378, 379, 383—385, 389, 391, 401, 403, 406, 445
- Якун** — А-26, Б-28; посадник 1167 — около 1170 гг.; умер около 1170 г. — 25, 32, 42, 47, 48, 147—150, 166, 168, 188
- Якун Мирославич** — А-22, Б-23; первое посадничество в 1137—1141 гг.; второе — в 1156—1160 гг. — 25, 32, 42, 105, 136, 138—147, 149—151, 166—169, 176—178, 182

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АПДР — *Янин В. Л.* Актовые печати древней Руси. Т. 1. М., 1970; Т. 2. М., 1970; *Янин В. Л., Гайдуков П. Г.* Актовые печати древней Руси. Т. 3. М., 1998.
- ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949.
- ГИМ — Государственный исторический музей (Москва).
- Д. — Диаметр.
- Изд. — Место издания.
- Л. с. — Лицевая сторона.
- М. н. — Место находки.
- НПЛ — Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.
- Опыт — (*Григорович И. И.*) Исторический и хронологический опыт о посадниках новгородских: Из древних русских летописей. М., 1821.
- О. с. — Обратная сторона.
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
- РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук.
- РБС — Русский биографический словарь.
- РГАДА — Российский Государственный архив древних актов (Москва).
- РИБ — Русская историческая библиотека.
- LUB — Liv-, Est- und Curländisches Urkundenbuch nebst Regesten.